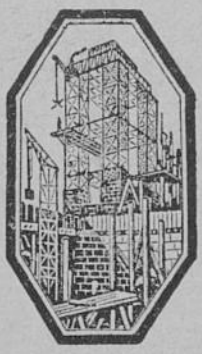
ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный Журнал
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Л. Б. Каменева и Г. М. Кржижановского



1925. НОЯБРЬ 11

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Б. КАМЕНЕВА, Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО,
И. Т. СМИЛГИ, С. Г. СТРУМИЛИНА,
Н. А. КОВАЛЕВСКОГО и А. С. МЕНДЕЛЬСОНА

№ 11

НОЯБРЬ

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ принимают участие следующие товарищи:

Ай-Квак (Япония), Баженов, Базаров В. Г., Бер (Англия), Бессонов С. А., Богданов П. А., Боголепов Д., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И., Брон, Буланже П. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс Р., Виноградский Н. Н., Вишеров Л. А., Владимирский, Гавен Ю. П., Гинсбург М. С., Голендо М. Б., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р., Горев А. А., Гольцман А. З., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дзержинский Ф. Э., Дмитров (Болгария), Долгов А. М., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Каменев Л. Б., Кактынь А., Кафенгауз Л. Б., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Красин Л. Б., Кравец, Крицман Л. Н., Кржижановский Г. М., Круг К. А., Кукель С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лауэстон (Америка), Лебедев А. А., Лежава А. М., Лосицкий А. А., Людвиг (Германия), Мак-Манус (Англия), Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Мотылев В. Е., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осинский Н., Первушин С. А., Поливанов М. К., Преображенский Е., Прянишников Д. Н., Пятаков Г. Л., Раевский Я. Г., Радек К., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рольф (Германия), Рой (Индия), Рудзутак Я. Е., Рыков А. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев, Спектатор (Нахимсон), Струмилин С. Г., Тальгеймер (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Туманов Н. Г., Фалькнер С. А., Фрумкин М., Хренников С. А., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Чиликин М. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шателен М. А., Шейн С. Д., Штейн Б., Штерн А. Б., Янушевский П. С., Ярилов, Юр и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

А. Кактынь. Развитие внутреннего и внешнего товарооборота СССР 7

С. М. Киселев. Задачи кредитного регулирования денежного рынка 22

Ф. Р. Дунаевский. О своевременности индустриальной поправки к нашей сельско-хозяйственной политике 33

С. Шаров. О реформе сельско-хозяйственного обложения 51

П. Я. Гуров. Опыт исследования с.-х. политики в засушливых районах Северного Кавказа 64

И. И. Федорович. Новое строительство в Донбассе 88

В. Золотарев. К итогам дискуссии о движении грузов по ж. д. 94

В. Г. Громан. Годовой обзор народного хозяйства за 1924/25 г. 105

А. А. Никитский. Трехлетний финансовый план 128

ОТДЕЛ II

Экономика и техника

Л. Н. Бернацкий. „Тише едешь—дальше будешь“. (По поводу статьи Н. К. Мекка: „Надо или не надо увеличивать скорость движения грузов по ж. д.“) . . . 157

С. А. Кукель. Использование водных сил Испании 165

А. Сегаль. К методике расчета программного бурения у Азнефти 170

ОТДЕЛ III

За Советским рубежом

С. А. Фалькнер. О теоретической беспомощности и полемической развязности . 177

Е. Варга. Динамические процессы в современном мировом хозяйстве 191

П. Д. Лежнин. Современное положение Японии 199

ОТДЕЛ IV

По районам

стр.

П. Степанов. К вопросу о пересмотре плана электрификации Уральской области. 215

С. К. Кондрашев. Об ускорении хозяйственного строительства в Средней Азии. 246

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Р. Вайсберг. Буржуазная идеология в экономической литературе 261

Г. Шуб. Промышленность на переломе. Сборник статей под ред. Каплинского, Краваля и Сабсовича 275

И. Чернышев. Проф. П. И. Фомин. Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна в ее современном состоянии 277

М. Красильников. По поводу библиографической заметки т. Громана: „Статистический справочник или источник заблуждений“ 278

В. Г. Громан. Ответ редактору „Справочника“ ЦСУ 281

Н. Мамченко. Внутренние рынки Украины в 1924/25 году и их регулирование. Сборник I 288

Г. Бамдас. Проф. О. А. Ерманский. Организация торгового предприятия . . . 290

Д. Бухарцев. П. Попов. Мировое хозяйство и экономическое положение СССР. . 291

Я. А. Экономический вестник Азербайджана 295

Я. Абрамович. „Экономическая жизнь“. Ежемесячный экономический журнал Смоленского Губисполкома 296

И. Г. Александров. Письмо в редакцию 297

Ответ редакции 301

Новые книги 302

ОТДЕЛ VI

Статистика

Н. Аделунг. Довоенная сельско-хозяйственная продукция 309

Динамика народного хозяйства СССР. Бюллет. № 9—10. Эконом.-Стат. Секция Госплана. Под ред. С. Г. Струмилина 341

Динамика мирового хозяйства. № 9. Сектора Мирового Хозяйства при Конъюнктурном Совете Госплана. Под ред. проф. **С. А. Фалькнера** . . . 363

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Арт. Кактынь

Развитие внутреннего и внешнего товарооборота СССР и элементов их организации и координации

Происшедшее недавно слияние Народного Комиссариата Внутренней Торговли с Народным Комиссариатом Внешней Торговли не может не быть отмеченным с точки зрения общего развития всего народного хозяйства страны и его реконструкции в переходный к социализму период. Слияние обоих Наркоматов нужно рассматривать в этой плоскости, как крупнейший факт, как завершение целого этапа в развитии внутреннего и внешнего рынков страны, как одну из ступеней в росте единства, плановости и организованности в нашем народном хозяйстве.

Конечно, как и всякий диалектический процесс, вырастание этого единства, этой плановости и организованности в сфере обращения в нашей советской социалистической стране, шло постепенно: соответствующие элементы из года в год накапливались, наслаивались, частичные изменения в структуре руководящих и направляющих органов происходили и раньше—достаточно отметить хотя бы декрет Совнаркома, изданный в конце 1922 года, или вспомнить весну 1924 года, когда небольшая комиссия при СТО, Комвнуторг, призванная учитывать и кое-как направлять процессы, происходившие на внутреннем рынке, превращается в целый Наркомат по Внутренней Торговле, с разветвленным местным аппаратом, и т. д.

Тем не менее, происходящее сейчас слияние есть известный переломный этап в развитии всего нашего товарооборота. Это один из тех моментов, когда накопление количества дает резкие изменения в качестве, когда внутреннее содержание настолько начинает выпирать из старых форм, что, в конце-концов, эти формы вынуждены отпасть и дать место другим. Такой переломный момент мы, несомненно, имеем сейчас во внешней и внутренней нашей торговле. Момент этот совпадает с достижением определенной ступени в развитии элементов социалистической плановости и организованности, выявляющихся все отчетливей даже в самой стихийной из областей народного хозяйства, если не считать сельского хозяйства, в области рынка.

Для того, чтобы более ясно представить себе пройденный этап и в полной мере оценить и взвесить факт объединения двух наркоматов, следует в основных чертах ознакомиться с тенденциями развития внутреннего и внешнего товарооборота за последние годы.

Начнем с внутреннего рынка. Внутренний рынок в 1921-1923 г. выходит из той стадии распыленности, распада торговых связей и нелегальности, в которой он находился во время гражданской войны при системе „военного коммунизма“. С этого времени начинается новый процесс собирания и восстановления торговых связей, вырастание внутреннего рынка по частям, из отдельных мелких местных рынков, сохранившихся во время „военного коммунизма“; начинается процесс постепенного складывания этих элементов вместе в одно целое. Собирание это идет вначале в самых примитивных формах. От мелкой кустарной промышленности и на половину натурализованного сельского хозяйства товары вступают в обмен через местные базары, существовавшие еще при „военном коммунизме“, но с крайне ограниченным ассортиментом товаров, через местные и областные ярмарки, вплоть до Нижегородской, через разные местные кооперативы и „торги“, с которыми долгое время не могли увязаться, вырастающие сверху оптово-торговые отделы трестов и синдикаты,—органы по сбыту промышленной продукции. Между быстро развивающимся государственным и отчасти кооперативным оптом и мелкой городской и сельской розницей долгое время не могли установиться промежуточные звенья. Мы имели вплоть до 1923 года всякого рода государственное и частное посредничество, всякого рода организационные попытки создать эту связь. Без этих промежуточных звеньев рынка промышленность не может правильно развиваться, не находит себе широкой сферы сбыта и в то же время развитие сельского хозяйства задерживается невозможностью правильного сбыта своих продуктов. Кровообращение страны функционирует еще слабо.

Процесс восстановления торговли задерживается до поры до времени стихийным неурожаем 1921 года. Это на время отдаляет от нас неизбежный кризис роста торговой сети и всего товарооборота. В течение 1922 и начала 1923 г. медленно возрастающей промышленной продукции еле хватает для снабжения городов. Деревня остается в стороне. Но 1922 год—это уже год урожайный. Деревня имеет уже и сырье, и главное—кое-какие хлебные излишки, которые ищут выхода. Как раз этот 1922/23 год является годом весьма интенсивнего роста товарооборота, развития внутренних рынков и рыночных связей между крупной государственной промышленностью и мелким распыленным низовым потребителем.

Под влиянием благоприятного урожая 1923 года, несоответствие между промышленностью и сельским хозяйством, унаследованное нами еще от старого строя и крайне обостренное за время войны, благодаря особенно сильному разрушению промышленности, достигает небывалого обострения, усиливаемого еще и тем обстоятельством, что нет развитого внутреннего рынка, что нет каналов, по которым товар мог бы проходить в деревню, нет достаточной связи между городом и деревней. Деревня вынуждена довольствоваться своей собственной кустарной промышленностью, не получая почти ничего от города. Это

означает, что она точно также почти ничего не может продать городу, ибо не получается соответствующего между ними баланса. Между тем, благодаря росту урожая, накоплению товаров и усилению вообще товарности сельского хозяйства, получается невероятное снижение сельско-хозяйственных цен, при относительном росте промышленных, вызванном несколько преувеличенными стремлениями наших промышленников к использованию своего „первичного“ накопления. Мы имеем катастрофическое наростание „ножниц“ вплоть до октября 1923 года, приводящее нас в итоге к жестокому кризису сбыта для выростающей за пределы городского потребления промышленной продукции, кризис этот сильно ударяет по слабой, медленно развивающейся и не вышедшей еще из главкистских своих форм кооперации. Но кризис этот в то же время дает оздоровляющие толчки к дальнейшему развитию внутреннего товарооборота и взаимоотношений между городом и деревней. Ближайшим выходом из кризиса для сельского хозяйства оказывается вывоз хлеба в 1923/24 году, что дает на ближайшее время рост сельско-хозяйственных цен, хотя и вызывает одновременно урезку внутренних потребностей, сокращение внутреннего материального фонда, вследствие чего нам пришлось год спустя ввозить по дорогим ценам хлеб из-за границы.

Но зато с этого времени начинается интенсивнейший рост внутреннего оборота. Промышленность, отрезвленная кризисом, ищет и находит пути для удешевления своей продукции и сбыта ее в деревню по более приемлемой цене. Восстанавливается и укрепляется смычка. Кризис сбыта вскоре переходит в постепенно наростающий товарный голод, который особенно сильно ощущается в деревне, что имело место уже в начале 1925 года и, особенно, остро чувствуется теперь, в конце 1925 года, в связи с нынешним исключительно высоким урожаем.

Рынок, за последние два года после „ножниц“, дает исключительно энергичный рост, временами настолько быстрый, что остро выявляется нехватка торговых капиталов, несмотря на растущую быстроту оборотов и сокращение самого числа оборотов и ступеней между промышленностью и потребителем. Правда, товарный голод последнего времени, благодаря вызванной им исключительной быстроте оборотов, смягчает нехватку торговых капиталов, но перед нашей внутренней торговлей проблема эта все еще стоит. Нам еще неоднократно придется с ней сталкиваться.

Внутри общего процесса роста и развития внутреннего рынка, не отстающего в общем и целом от развития промышленности и сельского хозяйства, мы наблюдаем еще и значительные качественные изменения, постепенно приближающие нас к той высокой ступени, о которой мы только что говорили. Это станет ясно, если мы обратим внимание на состав нашего оборота по субъектам продажи, подразделив весь оборот на четыре основные группы продавцов: госу-

дарственных, кооперативных, частно-посреднических (оптовых и розничных) и крестьян, продающих свои товары на базарах. Мы получим следующую разбивку оборотов.

Обороты по продаже (в черв. рублях)

Г О Д Ы	Государственные	Кооперативные	Частные	Крестьянские	Общий оборот
1922/23 г.	3.203,5	1.123,3	3.392,2	1.450,0	9.169
В %%	34,9	12,3	37,0	15,8	100,0
1923/24 г.	6 500,0	2.845,5	5.090,1	3.642,0	18.077,6
В %%	36,0	15,7	28,2	20,1	100,0
1924/25 г.	10.780,0	5.270,1	5.314.4	4.837,0	26.201,9
В %%	41,1	20,1	20,3	18,5	100,9

Если взять более точную характеристику только после посреднического товарооборота, исключив из этих данных крестьянскую торговлю, то мы получим следующие соотношения в $^0/_0{}^0/_0$ для основных трех групп:

Г О Д Ы	Государств.	Кооперативн.	Частные
1922/23 г.	41,5	14,5	44,0
1923/24 г.	45,0	19,7	35,3
1924/25 г.	50,4	24,7	24,9

Таблицы эти говорят достаточно ясно о том, что внутри товарооборота совершенно явно возрастает элемент государственный и кооперативный за счет частного. Если в 1922/23 г. частный оборот являлся наивысшим, почти в три раза превышая кооперативный, то в 1924/25 г. он уже составляет только $^1/_4$ часть всего оборота, будучи в два раза ниже государственного, и сравнявшись с кооперативным.

Еще яснее вырисовывается эта картина, если проследить ее по двум основным разделам товарооборота—по опту и рознице. Не приводя отдельных таблиц, укажем лишь, что в опте роль частного торговца сведена за последние годы к минимуму, хотя и в первые годы нэпа роль его здесь была не особенно крупной и, во всяком случае, не подавляющей; в рознице же он от полного преобладания, выражавшегося в 1922/23 г. примерно в 80-90%, спустился до 45-50% в 1924/25 г., судя по неточным еще предварительным данным. Это значит, что в розничном обороте мы имеем сейчас две почти равные силы — частного торговца и кооперацию, конкуренция между которыми определяет уровень розничных цен.

Данные о росте кооперативного оборота вполне соответствуют отдельным данным наших кооперативных центров о росте кооперативной сети. Не задерживаясь также и на этих цифрах, отметим лишь главные итоги восстановления и развития этой сети. Потребкооперация возросла с 1-го октября 1923 года по 1-е июля 1925 года с 18 тысяч до 24.000 обществ, с 25.000 до 46.000 лавок и с 4,9 милл. до 8,2 милл. пайщиков (по более поздним данным почти до 9 милл.), причем рост этот особенно интенсивно шел за счет деревенской сети, где число пайщиков в течение этих неполных двух лет удвоилось (2,3 и 4,6 милл.), тогда как в городской сети мы имеем рост лишь с 2,6 до 3,6 милл. Если к данным о сети потребкооперации присоединить данные о сети сельско-хозяйственной кредитной и кустарно-промысловой кооперации, то мы получим общее число членов по всей кооперации, примерно, около 14 миллионов, что с учетом семейств составляет около 30% всего населения. Вот этот то процент кооперированного населения, вместе с суммированным процентом участия государственно-кооперативного капитала в товарообороте, и являются основными показателями тех крупнейших изменений в структуре и в составе нашего товарооборота, какие произошли за последние два года после кризиса осени 1923 г. 61% в обороте 1925/26 года кооперации вместе с государственной торговлей, при 30% кооперированного населения — это вернейшие показатели нашего движения к социализму.

Говоря об этих достижениях в нашем внутреннем товарообороте, мы не можем пройти мимо того обстоятельства, что при всей своей интенсивности рост товарооборота все же недостаточно интенсивен по сравнению с исключительно-бурным и интенсивным ростом производительных сил страны, как в сельском хозяйстве, так и вслед за ним в промышленности. Правда, промышленность до последнего времени несколько отстает от роста сельского хозяйства, чем и вызываются новые затруднения и осложнения в области смычки города с деревней, что вновь и вновь отражается на „ножницах“, но все же в целом мы имеем и в промышленности рост, исключительный по своим размерам.

Сельское хозяйство, при относительно слабом росте валовой продукции, дает исключительный рыночный эффект. Товарность его с каждым годом интенсивнейшим образом вырастает. Мы имеем на протяжении всей нашей страны необъятный процесс втягивания в товарооборот сельского хозяйства, перед которым открываются грандиозные перспективы дальнейшего развития. Каждый почти пуд прироста урожая из года в год есть одновременно и прирост товар-

ных излишков сельского хозяйства. Товарные излишки растут уже во много раз энергичнее, чем растет потребление самой деревни в отношении собственной продукции.

Процесс этот задерживается все еще недостатком средств производства для сельского хозяйства и неразвитой нашей дорожной сетью, особенно, подъездных путей. Но, несмотря на все препятствия, сельское хозяйство развивается и будет развиваться дальше.

Мы в этом году достигли уже довоенных размеров товарности для сельско-хозяйственной продукции, а в дальнейшем процент товарности несомненно будет расти. Вот тут-то и выделяется перед нашим внутренним рынком исключительной сложности и трудности задача. Она требует чрезвычайного усиления капиталов внутренней торговли и громадных организационных усилий для создания такой заготовительной и сбытовой сети, которая оказалась бы достаточно емкой для всей той массы товаров, которая через нее будет проходить. Задача эта чрезвычайно ответственна и сложна, ибо наша советская торговая система должна в полной мере соответствовать росту производительных сил страны и не должна ни в какой мере тормозить этот рост, а, наоборот, в полнейшей мере ему содействовать. То же относится и к развитию транспортных средств и путей сообщения. Эти важнейшие проблемы приобретают для нас исключительное значение. Ясно, что с такими грандиозными задачами не справиться иным путем, как через кооперацию. Она является здесь наилучшим каналом для товарного потока между городом и деревней, ибо она представляет собою, с одной стороны, кратчайший путь от производителя к потребителю, с другой стороны, она объединяет потребителя, как на основе его чисто потребительских, так и производственных его интересов. Сбыт продукции крестьянина через сельско-хозяйственную, кредитную и промысловую кооперацию—вот та задача, к разрешению которой только еще подходит наша кооперация и которая в перспективе дальнейшего развития народного хозяйства приобретает исключительное значение.

В организационном отношении мы имеем определенно выявившиеся тенденции дальнейшей концентрации и усиления плановости в области внутреннего товарооборота. Это, во-первых, укрепление и усиление роли синдикатов в товарообороте, как органов, концентрирующих в себе весь промышленный сбыт соответствующей отрасли, превращающихся в руках государства в удобный и в то же время мощный регулятор рынка, дающий возможность всю товарную массу направлять планомерно в те или иные районы, по тем или иным каналам. Наряду с этим надо отметить, во-вторых, укрепление кооперативной системы, как системы, и усиление ее центров, которые начинают объединять свою периферию не только в организационном, но, в известной мере, и в оперативном отношении. Усиление это дает возможность организовать потребителя и сельского производителя, в противовес организованной в лице синдикатов промышленности, и

тем дает им возможность на более равных началах договариваться между собой об условиях взаимных расчетов, о размере проводимой по кооперативной системе товарной массы, о сроках ее подготовки, о качестве, ассортименте и т. д. и т. п. Отсюда получается, с одной стороны, возможность планирования товарооборота в отношении контингентов товаров, с другой стороны—возможность соответствующего планирования производства на основе вперед учитываемой перспективы сбыта.

Выростание этих торговых центров, как промышленных, так и кооперативных, отнюдь не означает создания лишних двух ступеней на пути продвижения товара; напротив, товар должен двигаться наиболее кратким путем, по возможности непосредственно с завода и фабрики к тому или иному потребительскому обществу. Значение этих концентров заключается в том, что в их лице государство получает возможность дать всему товарному потоку организованное, плановое направление и тем самым заранее предупреждать перебои и заминки в товарообороте, затруднение в снабжении деревни и городов, особенно рабочих центров и районов, и т. д.

Ясно, что правильное функционирование всей этой системы будет достигнуто лишь при условии создания необходимых маневровых запасов в руках государства и кооперации. До сих пор этих запасов нет и отсюда те острые перебои, какие получаются в товарообороте, в связи с тем или иным сезонным явлением, в связи с тем или иным воздействием на рынок крестьянской стихии. По мере образования запасов, получится возможность избегать таких потрясений, заранее их предупреждать, накапливать промышленные товары к тому сроку, когда выходят на рынок главные массы сельско-хозяйственной продукции, когда появляется максимальный спрос на промышленные товары со стороны крестьянства.

Создающаяся концентрированная система организации торговли дает возможность в моменты товарного голода, неизбежные и впредь, поскольку наша промышленность все еще отстает и будет отставать от развития сельского хозяйства, смягчать этот голод соответствующим распределением товаров, направлением их в те районы, где наиболее в них нуждаются, и т. д. Подобное планирование практикуется Наркомвнуторгом уже сейчас, в виде так называемых планов завоза и генеральных соглашений между кооперацией и государственной промышленностью о направлении по кооперативным каналам определенных масс товара; они будут, чем дальше, тем больше и гибче заменять собой анархию и стихию рынка, существовавшие до недавних пор.

Но отсюда, конечно, не следует ни в какой мере, что это планирование должно нарушать собой основные коммерческие начала, что оно должно непременно кромсать и путать тонкую ткань рыночных отношений. Подобное грубое воздействие будет иметь и имеет место лишь в моменты товарного голода, когда это есть следствие не самой системы, как таковой, а вследствие именно товарного голода. В мо-

менты же относительного достатка товаров эта опасность устраняется, но момент планирования продвижения товарных масс в те или иные районы или по тем или иным каналам, к тем или иным потребителям, должен оставаться в силе и впредь, по мере усиления концентрации товара в проводящей его сети, ибо государство ни в какой мере не может быть безразлично, как используются товарные массы в стране.

Создание концентрированной товаропроводящей системы вместе с тем означает также и создание условий и материальной возможности регулирования цен. В первые годы НЭП'а, особенно после „ножниц" 1923 года, величайшим затруднением являлось для нас регулирование даже одних отпускных цен, с которого мы начали в свое время эту работу. Сейчас, по мере роста системы товарооборота и всего внутреннего рынка, мы далеко уже не можем ограничиваться только регулированием отпускных цен. Мы постепенно переходим также к регулированию оптовых и розничных цен, к регулированию накидок на различных ступенях товарной лестницы и т. д. Но не может не быть ясно для всякого, что регулирование цен теснейшим образом связано с регулированием контингентов товаров, как в смысле их распределения по районам, так и направления их по тем или иным торговым каналам. Оба эти момента—цена и контингент—теснейшим образом между собой связаны и лишь в совокупности дают возможность планирования всего товарооборота. В отношении промышленных товаров мы до сих пор добились лишь регулирования цен, не касаясь почти контингента и лишь за последнее время мы начинаем подходить к контингентированию. В отношении же сельско-хозяйственных товаров имеется обратная картина: мы планировали в течение последних лет лишь контингенты заготовок, очень слабо касаясь регулирования цен. В отношении промтоваров мы должны бы все в большей степени и все гибче подходить к планированию контингента вместе с ценой. По отношению к сельско-хозяйственным товарам перед нами стоит величайшая и сложнейшая задача регулирования наравне с контингентами и цен, путем гибкого маневрирования на рынке кредитными средствами, путем сознательного расширения или съужения спроса и предложения, путем соответствующей выброски промтоваров, путем действия железно-дорожного тарифного регулятора, и т. д. и т. п. Лишь по мере того, как мы будем тесно увязывать в одно эти моменты планирования и овладевать теми или иными рычагами, мы будем подходить к настоящему планированию товарооборота, а через планирование товарооборота к социализму, ибо социализм в сфере обращения есть не что иное, как приведенный к полной плановости товарооборот, который на этой высокой ступени уже перестает быть товарооборотом и превращается в организованное социалистическое распределение продуктов.

Говоря о всех этих тенденциях и перспективах развития внутреннего рынка и внутреннего товарооборота, мы не должны ни в какой мере забывать о чрезвычайно существенной роли частного капитала, который, несмотря на относительное сжатие его роли, все же имеет до 50% всей розницы в своих руках и владеет также известной частью опта. Он имеет исключительную, несравнимую с государственно-кооперативной торговлей, гибкость и маневроспособность: он чрезвычайно быстро и легко перебрасывается из одной отрасли торговли в другую, переходит от промтоваров к хлебу, и т. д. и т. п. Ясно, что частным торговым капиталом, особенно при недостатке государственно-кооперативных торговых капиталов, мы не должны ни в какой мере пренебрегать. Мы должны дать возможность частному капиталу участвовать в товарообороте. Но мы при этом будем добиваться, и,—чем дальше, тем более успешно,—чтобы частный капитал направлялся именно в те отрасли торговли, в которых он нам наиболее необходим, чтобы он действовал, главным образом, в тех районах, где неразвиты другие виды торговой сети и торгового капитала, где его участие особенно необходимо. По мере того, как выростает значение и роль государственно-кооперативного капитала, это планирование и регулирование в отношении частного капитала становятся все более и более возможными. Частный капитал должен с этим примириться, — также, как и с известным нормированием его прибыли путем обязательных накидок. Это совершенно неизбежный и естественный путь развития нашего товарооборота и при условии признания этой истины, при добром его желании работать на этих условиях, перед частным капиталом открываются, в связи с общей перспективой роста всего народного хозяйства и внутреннего рынка, также достаточно широкие перспективы для его деятельности.

* * *

В области внешнего товарооборота мы имеем за эти годы, правда, относительно меньший рост, но все же, в общем и целом, и тут мы подходим в новом хозяйственном году к размерам, соответствующим общему уровню восстановления и развития хозяйства. Отставание роста внешней торговли от внутренней и от темпа развития сельского хозяйства и промышленности, объясняется совершенно естественно тем, что, при нашем выдержанном стремлении к активному балансу и при отсутствии значительных иностранных кредитов, внешний товарооборот может развиваться лишь за счет вывоза, а этот последний стоит в зависимости не только от образования излишков в промышленности и сельском хозяйстве, но и от образования излишков после удовлетворения основных потребностей внутреннего рынка. Так как в первые годы восстановления промышленности и сельского хозяйства истощенная до-нельзя страна требовала усиленного удовлетворения внутренних потребностей, то естественно, что экспорт не мог в достаточной мере развиваться, так как не было тех излишков, за счет которых он мог производиться; они стали появляться лишь в последние годы по мере того, как внутренние потребности оказались более или менее удовлетворенными.

Приведем краткую табличку, рисующую развитие внешнего товарооборота по годам, начиная с 1922/23 г., с того времени, когда экспорт стал сколько-нибудь нормально развиваться. Мы имеем следующую картину (в милл. рублей по довоенным ценам и только по европейской границе): [1]

Годы	Импорт	Экспорт	Общий оборот	Баланс
1922/23 г.	148	133	381	— 15
1923/24 „	200	340	548	+ 139
1924/25 „	356	320	676	— 36

По отношению к довоенному обороту это составляет в процентном отношении соответственно для импорта 12, 16 и 29 %%, для экспорта—9%, 24% и 23%; для всего оборота—11%, 20% и 26%.

Цифры эти говорят об интенсивном относительном росте также и внешнего товарооборота, особенно по части экспорта. Лишь в последний год мы имеем замедление в росте экспорта, что объясняется почти полностью выпадением из него хлеба, благодаря недороду 1923 года. В 1923/24 г. хлеб входил в состав оборота значительной цифрой в 192 милл. руб. по современным ценам или 145 милл. руб. по ценам довоенным. Тем не менее недостаток его в обороте 1924/25 г. покрывается экспортом других товаров, частично промышленных: нефти, леса и др. В результате мы имеем незначительный рост внешнего товарооборота при несколько снижающемся экспорте и пассивном балансе. Перспектива дальнейшего развития товарооборота в 1925/26 г. сводится к дальнейшему его росту примерно до 1400-1500 милл. руб. по современным ценам или до 800-900 милл. руб. по довоенным ценам, что составит приблизительно до 35% довоенного внешнего торгового оборота.

Что касается товарооборота с восточными странами, то и он понемногу восстанавливается, главным образом, по отношению к Персии, где он уже в нынешнем году подошел, примерно, к 50-60% от довоенного и имеет дальнейшую тенденцию роста в новом хозяйственном году, несмотря на напряженную конкуренцию на всех восточных рынках с империалистическими странами и на мешающую этой конкуренции дороговизну наших товаров.

Если рассматривать наш вывоз по группам товаров, входящих в него, то мы имеем в этом отношении некоторую неравномерность по годам, зависящую от колебания контингентов вывозного хлеба. Жизненные припасы составляют в нашем экспорте в 1922/23 г. всего 0,9 милл. тонн; в 1923/24 г. они выростают до 3,0 милл. тонн, но в 1924/25 г. вновь спускаются до 1,0 милл. тонн, понижаясь значительно и по стоимости от 195 милл. руб. по довоенным ценам 1923/24 г. до 10 милл. руб. в 1924/25 г. Более устойчивый рост дает группа сырья и полуобработанных материалов, куда входят, кроме сельскохозяйственных товаров, лесные материалы, кожа, пушнина, лен, щетина, пенька, шерсть, руда железная и марганцевая, а также и нефтепродукты и масло. Тут мы имеем рост с 1,2 милл. тонн в 1922/23 г. до 3,1 милл. тонн в 1923/24 г. и дальнейший рост до 4,4 милл. тонн в 1924/25 г., причем имеем также и значительный рост в ценностных выражениях до 213 милл. в посл. году. При совершенно незначительном вывозе по группе животных мы имеем рост вывоза по группе готовых изделий, притом весьма интенсивный, при весьма значительном росте в ценностном отношении, особенно за последний год, но в общем в незначительных пределах до 3 милл. руб. Главные статьи нашего промышленного вывоза—это ткани, спички и металлоизделия.

[1] Оборот по Азиатской границе составлял и в довоенное время не более 10% от всего внешнеторгового оборота; теперь доля эта не больше.

Что касается импорта, то в нем все еще большое значение имеет группа готовых изделий, но главный рост вновь дает группа сырья и полуобработанных товаров, как средств производства для нашей промышленности; импорт по этой группе в 1923/24 г. составляет 60% от всего импорта, а в 1924/25—44,1%; доминирующее положение в этой группе занимает хлопок.

Если рассматривать далее внешний товарооборот по участникам, то главную роль в нем играют госучреждения, дающие в 1922/23 г. 64% от всего оборота, в 1924/25 г. по вывозу 79%, по ввозу—93%, далее идет кооперация, соответственно 12,8 и 12,5 и 3,8%, отдельной группой стоят смешанные общества, хотя и в них явно преобладает государственный капитал, на них падает соответственно 20,1, а в 1924/25 г. на одни смешанные общества с иностранным капиталом по вывозу 5,5, по ввозу—1,3% и, наконец, на долю иностранных фирм и частных предприятий и лиц падает 3,0 и 1,8 и 1,6%.

Таким образом, на первом месте стоят госучреждения, на втором—кооперация, относительно весьма слабое участие принимает во внешнем обороте частный капитал. В отношении его уже полностью сказывается регулирующее воздействие на товарооборот со стороны государства.

Все эти данные говорят о том, что внешний товарооборот из года в год растет и концентрируется в руках государства. Конечно, того уровня, которого он достиг, еще недостаточно для полного обслуживания нужд страны как по части экспорта, так и по части импорта, при том интенсивном росте в сельском хозяйстве товарности и товарных излишков, о чем мы говорили выше. Ясно, что внешней торговле с каждым годом будут предъявляться все большие требования в смысле вывоза этих излишков заграницу. Правда, одновременно растет и внутреннее потребление, особенно потребление городов в последние годы даже настолько, что экспортные рессурсы приходится собирать с некоторыми затруднениями. Нельзя отрицать, что страна наша кое в чем перепотребляет против своих возможностей и что как в лице кооперации, так и вообще крестьян и рабочих мы имеем

после тяжких лет нужды и лишения некоторый уклон к усиленному потреблению. Тут сказывается и то обстоятельство, что после войны крестьянство начинает выявлять все новые и новые потребности, каких раньше оно совсем и не знало. Культурный уровень деревни несомненно растет и вместе с тем растут потребности. Все же, при соответствующем содействии сельскому хозяйству, дальнейший рост его излишков должен неизбежно обгонять рост внутреннего потребления, тем более, если мы соответственным образом будем ограничивать потребление и в тех частях, в которых оно экономически для страны мало выгодно. Что же касается импорта, то в этой части еще сильнее вырастают потребности страны, так как продукции внутренней промышленности явно недостаточно для удовлетворения растущих потребностей деревни и страны в целом, как в средствах потребления, так и в средствах производства: в машинах, двигателях, станках и т. д., а также и в некоторых видах сырья. Дальнейшая реконструкция промышленности и развитие производительных сил страны в целом потребуют значительного ввоза в страну средств производства в тех или иных видах для того, чтобы поставить и развить соответствующие производства внутри страны. Повышение импорта возможно в ближайшие годы лишь в меру роста экспорта, так как для расчетов с иностранными государствами у нас нет необходимых валютных запасов и других источников доходов, кроме экспорта.

Отсюда и задача ближайшего времени — всячески форсировать экспорт сельско-хозяйственных продуктов, а также и экспорт излишних промышленных изделий; с другой стороны, строгое планирование импорта с тем, чтобы, при ограниченных его размерах, каждый рубль был использован наиболее целесообразно и в полном соответствии с интересами развивающегося народного хозяйства страны.

В организационном отношении система внутренней торговли по мере ее роста претерпевает некоторые изменения, сами по себе совершенно неизбежные, вытекающие отчасти из самой техники экспорта и импорта. Совершенно различные формы организации требуются для вывоза и ввоза в пределах каких нибудь 200-300 милл. рубл. и для внешнего оборота в пределах до $1^1/_2$ миллиардов. Мы от первоначального Внешторга, ввиде какого то универмага по продаже и покупке через торгпредства и соответствующие отделения Наркомвнешторга внутри страны, в конце 1922-го года перешли к комбинированной системе Госторгов, как оперативных органов Наркомвнешторга, с представительствами заграницей отдельных промышленных и кооперативных организаций и смешанными обществами, с участием иностранного капитала, занимающимися, как экспортом, так и импортом. Эта система координировалась в полной мере торгпредствами, поскольку ни одна сделка не получала санкции или соответствующей лицензии без ведома торгпредства. Этим фактическим контролем торгпредства объединяли те 30-40 организаций, считая в том числе и Госторги, которые представляли нас на внешнем рынке. Реорганизация Внешторга, намеченная резолюцией последнего октябрского Пленума ЦКРКП, довершает, с одной стороны, как в области импорта, так и в области экспорта, старую схему более точной разбивкой комбинированного аппарата по отдельным отраслям экспорта и импорта, приводя ее в больший порядок, чем она имела раньше, при не совсем упорядоченном выпуске заграницу отдельных организаций. Но главное, это то, что она вносит в структуру внешней торговли значительные элементы концентрации и объединения по отраслям отдельных хозяйственных органов, работающих заграницей. К этому, в сущности, приводит нас намечаемая схема смешанных обществ или так называемых экспортно-импортных синдикатов. Некоторые из них фактически уже существуют, в лице Нефтесиндиката, Экспортхлеба, Текстильимпорта и некоторых других, имея почти монопольные права по соответствующей отрасли экспорта или импорта. В то же время контроль над их работой и увязка ее по отдельным странам в лице торгпредства остается в силе.

Все эти изменения структуры и системы внешней торговли, происходящие в порядке естественной эволюции, ни в какой мере не колеблют основного, вложенного в систему нашей торговли, принципа — государственной монополии внешней торговли. Напротив, каждая дальнейшая эволюция организационных форм лишь укрепляет и усиливает этот принцип в его практическом осуществлении, применяя его со все большей гибкостью к сложным условиям заграничной торговли. Принцип этот, выражающийся, с одной стороны, в национализации внешней торговли и с другой — в концентрации капиталов, в нее вложенных, создавая единство субъекта внешней торговли в лице государства и вытекающее отсюда единство воли, единство плана, единство распоряжения, в смысле маневрирования на внешних рынках, в смысле выхода на тот или иной рынок, в смысле регулирования спроса и предложения на этих рынках, и т. д. и т. п., создавая фактическую возможность выбора своих контрагентов, имеет для нас существеннейшее значение, притом значение, с каждым годом все увеличивающееся, по мере того, как мы связываемся с внешним рынком.

Чем больше вырастает влияние внешнего рынка на внутренний, чем больше цены на внутренних рынках попадают в зависимость от внешних, чем больше нам наши заготовительные цены приходятся по ним ориентировать, тем большее экономическое и коммерческое значение приобретает для нас принцип монополии внешней торговли. В то же время рост и концентрация внутреннего товарооборота и усиливающееся преобладание в нем государственного и кооперативного капитала, дает полную возможность усилить на деле также и проведение внешней торговой монополии. Торговые субъекты, владеющие товарными массами на внутреннем рынке, попросту распространяют свою сферу деятельности за пределы наших границ, увязывая ее, конечно, в строго согласованном плане. Таким образом, развитие внутреннего и внешнего товарооборота не только требует усиления

принципа монополии, но и создает реальные возможности для такого усиления. Система нашей внешней торговли вместе с тем завоевывает все большее и большее признание заграницей, хотя и признание вынужденное (впрочем, отдельные восточные страны пытаются в организации своей внешней торговли кое в чем нам подражать, хотя возможности их в этом отношении сильно ограничены, благодаря той исключительной экономической и политической зависимости, в какой они находятся от империалистических держав). Совершенно ясно, что не может быть и речи ни о каком пересмотре этого принципа в сторону его смягчения, а, наоборот, может быть речь лишь о дальнейшем его укреплении, путем видоизменения форм и методов его проведения применительно к растущему товарообороту и усложняющейся его технике, к увеличивающемуся ассортименту товаров и т. д.

* * *

Все изложенное выше подтверждает высказанную в начале мысль, что, по мере роста и развития внешнего и внутреннего товарооборота, усиливаются все более тенденции к сближению между ними и к объединению их в один руководящий субъект. Мы уже указывали на те взаимозависимости, какие существуют между внешним и внутренним товарооборотом, как по линии экспорта и внутренних заготовок, так и по линии импорта и роста промышленной продукции, необходимой для удовлетворения внутренних потребностей страны. Самое развитие внутреннего товарооборота, отражающего собой лишь рост и развитие промышленности и сельского хозяйства, настоятельно требует соответствующего развития экспортно-импортных операций.

Отсюда теснейшая экономическая связь между внутренней и внешней торговлей, приводящая, в конечном счете, к установлению единого руководства в отношении той и другой. Но если бы дело сводилось только к экономическому руководству, то его можно было бы сосредоточить в Госплане и СТО и для этого не потребовалось бы объединения двух Наркоматов. На деле же, кроме экономической связи, в неменьшей степени растет также и коммерческая и техническая связь между внешними и внутренними торговыми операциями. Внешне-торговые операции являются по линии экспорта прямым продолжением внутренних заготовительных операций. Для техники торговли государственные границы не представляют настолько существенного передела, в зависимости от которого и форма и метод и сам подход к работе существенно бы менялись. То же самое можно сказать и об импортных операциях, естественным продолжением которых является сбытовая работа государственных и кооперативных органов на внутреннем рынке. Импортные товары приходится размещать частично в виде средств производства в промышленности и сельском хозяйстве, притом с таким расчетом, чтобы получать наибольший эффект в смысле роста товарности сельского хозяйства, в смысле расширения производства средств потребления для страны и т. д.;

частично, в виде средств потребления, которые должны в объединенном ассортименте с продукцией внутренней промышленности итти на удовлетворение потребностей города и деревни. Экспортные товары в своем ассортименте и стандарте должны уже в процессе заготовок приспосабливаться к требованиям внешнего рынка, в процессе же использования этих товаров приходится экспортную работу тесно увязывать со снабжением внутренних рынков, дабы не вызвать нежелательных влияний на уровень цен, дабы не расстроить внутренних заготовительных рынков и т. д. Все это требует постоянного оперативного руководства, постоянной текущей увязки в практической работе, а не только в планировании и общем регулировании Отсюда совершенная неизбежность слияния уже самого аппарата двух Наркоматов, ибо только при этом условии, при объединении заготовителя с экспортером и импортером, возможно достижение такой четкости и ясности во всей структуре внутренней и внешней торговли, при которой оборот товаров, как в смысле прохождения им различных ступеней, так и в смысле быстроты, пойдет с максимальным положительным эффектом.

Таковы те основные причины, которые в своем развитии, в своей диалектике с неизбежностью привели к слиянию Наркомвнуторга с Наркомвнешторгом. Само это слияние показывает, что известный этап нашего движения к социализму пройден и что мы отныне выходим на широкий путь дальнейшего усиления элементов организованности и плановости в сфере обращения, в той сфере, где внедрение этих элементов представляет наибольшую трудность. С этой стороны, факт слияния обоих Наркоматов приходится приветствовать, как крупнейшее достижение на пути нашего экономического и политического развития.

С. М. Киселев

Задачи кредитного регулирования денежного рынка

Если мы возьмем структуру операций Государственного Банка напр. в 1910 году, то мы обнаружим следующие циклы их колебаний:

	Обращение кредит. бил.	Коммерч. текущие счета	Вексельный учет	Все учетно-ссудные операции
Минимум	16 июля	1 октября	16 мая	23 июля
Максимум	23 октября	8 июля	23 декабря	23 декабря

Такая же примерно картина годовых колебаний операций Государственного Банка характерна была вообще для его деятельности в ближайший к нам довоенный период и объяснялась особыми условиями построения товарооборота и кредита этой эпохи. Банковский краткосрочный кредит обслуживал преимущественно нужды крупного торгово-промышленного оборота, который в связи с реализацией сельско-хозяйственного урожая расширялся ежегодно в осенние месяцы, предъявляя повышенные требования к банковской эмиссии и кредиту, а затем к началу нового года входил в обычное свое русло, возвращая освобождающиеся к тому времени из сезонных операций денежные средства обратно в кассы кредитных учреждений. Ближайшим образом, для Государственного Банка обстановка денежного рынка и организации кредитной системы обуславливали следующий ход его операций: с половины июля начинался обычно в кредитных учреждениях отлив вкладов для подготовки к реализации урожая; так как на коммерческих текущих счетах Государственного Банка около половины общего их остатка составляли к этому времени свободные кассовые рессурсы частных коммерческих банков, то для возврата последним их резервных сумм Государственный Банк обычно и начинал с июля выпуск в обращение добавочных денежных знаков; в сентябре, по исчерпании акционерными банками их свободной наличности, они переходили обычно к усилению переучета в Государственном Банке их

векселного портфеля и других ценностей; в связи с этим учетно-ссудные операции Государственного Банка с сентября обнаруживают особенно резкую тенденцию к росту. Так, если в 1910 году с мая по 23 августа вексельный учет поднимается всего со 185 до 208 милл. рубл., то на 1 сентября он сразу увеличивается до 239 милл. рубл. и к 1 октября доходит до 276 милл. рубл. Только в конце декабря, когда в частных банках начиналась ликвидация сезонных операций по кредитованию расширенного осеннего товарооборота, обычно наступал момент соответствующего сжатия активных операций и для Государственного Банка. Это сжатие задолженности и рост вкладной операции позволяли Государственному Банку постепенно проводить изъятие из обращения освобождающихся денежных знаков в течение всей первой половины календарного года.

Посмотрим теперь, чем же достигалась возможность такой гибкости операций Государственного Банка в довоенное время и как обеспечивалась эта свобода его регулятивного влияния на денежный рынок страны. Основные пассивы его состояли из 55 милл. руб. основного капитала (на 1 января 1911 года), 1.234 милл. рубл. выпущенных в обращение кредитных билетов и 936 милл. рубл. вкладов и текущих счетов. В этот последний итог входили 376 милл. руб. свободной наличности государственного казначейства, 275 милл. руб. всякого рода специальных средств и депозитов, 50 милл. рубл. срочных вкладов и 176 милл. рубл. текущих счетов разных лиц и учреждений (коммерческие пассивы). Таким образом, наиболее ликвидные пассивы, т. е. текущие счета разных лиц и учреждений, составляли менее 8% общей суммы главнейших пассивных статей Государственного Банка и то или иное изменение их, очевидно, не могло оказать существенного влияния на общий ход его деятельности. Если принять во внимание, что на 1 января 1911 года вклады и текущие счета разных лиц и учреждений в частных акционерных банках достигали 1.675 милл. рубл, т. е. почти в 10 раз превышали остатки по коммерческим текущим счетам в Государственном Банке, то эта ничтожная роль привлеченных из оборота частных средств в балансе последнего не может не обратить на себя внимания; между тем, Государственный Банк, уплачивая пониженный процент по вкладам, по сравнению с акционерными банками, и не оплачивая %% по текущим счетам, отнюдь не был склонен к тому, чтобы стимулировать рост на его текущих счетах свободных коммерческих капиталов и предпочитал базироваться на более прочных и устойчивых пассивах, какими являлись его собственная эмиссия, капитал и средства казны и разного рода учреждений.

Соответственно природе своих пассивов Государственный Банк строил и активные операции: и здесь он не стремился к усилению своих непосредственных учетно-ссудных операций и к развертыванию в этом направлении своей деятельности до максимума; наоборот, учетная политика Государственного Банка была наиболее жесткой и требо-

вательной; общий остаток задолженности по его учетно-ссудным операциям достигал только 667 милл. руб., причем 196 милл. рубл. из этой суммы приходилось на долю кредитования Госбанком частных акционерных банков и других кредитных учреждений; общая же сумма открытого им акционерным банкам кредита выражалась на 1 января 1911 года в 357 милл. рубл. Вполне правильно будет упрекнуть Государственный Банк довоенной эпохи в неполном использовании эмиссионных возможностей для развития производительных сил страны, для организации кредита крестьянскому хозяйству, обездоленному и обойденному в структуре буржуазного довоенного банковского кредита, но зато с точки зрения эластичности и подготовленности его операций для регулирования денежного рынка страны мы находим здесь строгую и вполне законченную систему. Влияя сам на рынок и держа в руках все нити для его регулирования, Государственный Банк вследствие незначительности его мобильных коммерческих пассивов был в то же время вне непосредственной зависимости от частного денежного рынка. Опираясь на сдержанную эмиссию, он всегда сохранял за собой достаточно широкие эмиссионные возможности для своевременного пополнения оборота денежными средствами с одной стороны, а с другой—путем сжатия кредитов частным банкам и опираясь на собственный, если и не столь обширный, как у акционерных банков,[1] но исключительно первоклассный вексельный материал, всегда мог достаточно свободно регулировать денежное обращение путем своевременного изъятия из оборота свободных денежных средств.

Если мы перейдем теперь к нынешней структуре операций Государственного Банка, то мы увидим несколько иную картину. На 1 октября 1925/26 года из общего остатка вкладов и текущих счетов по 5 главнейшим советским банкам в сумме 1078 милл. руб. на долю Госбанка приходилось 683 милл. руб., в том числе на 321 милл. руб. средств НКФ и на 362 милл. рубл. вкладов, принадлежащих разного рода учреждениям и предприятиям. Сумма привлеченных средств по балансу Госбанка почти равнялась остатку вкладов и текущих счетов 4-х главнейших акционерных банков, составлявших на тот же срок 395 милл. руб.

Роль Государственного Банка в непосредственном кредитовании оборота теперь также более значительна. Так, на 1 октября 1925/26 года общая задолженность по учетно-ссудным операциям Госбанка составляла 1.213 милл. рубл., а задолженность 4-х акционерных банков только 642 милл. рубл. Таким образом, если в довоенное время Государственный Банк стремился обеспечить себе прежде всего свободу регулирования денежного рынка и соответственно этому основному заданию строил свои коммерческие операции, то в настоящее

[1] Задолженность по учетно-ссудным операциям акционерных банков на 1 января 1911 г. составляла 2.076 милл. рубл., т. е. превышала соответствующие операции Государственного Банка в 3 раза.

время мы видим, наоборот, что Госбанк является сам по себе крупнейшим банком коммерческого кредита. Спрашивается, насколько в этих условиях сохранилась и обеспечена его маневренная способность на денежном рынке, как регулятора последнего.

Осенью 1923 года, когда в борьбе за снижение цен на промышленную продукцию проводилось известное зажатие банковских кредитов, и осенью и зимой 1924 года, когда Госбанк делал попытки провести сезонное сокращение своих активов и уменьшение денежной массы, мы имеем, собственно говоря, два пробных опыта эластичности действующей системы операций Госбанка в их новой структуре. В 1923/24 году, несмотря на зажатие кредитов, учетно-ссудные операции Госбанка продолжали развиваться, хотя и более замедленным темпом; в 1924/25 году мы также видим лишь

1923/24 год (в миллионах рублей).	1 окт.	1 нояб.	1 дек.	1 янв.	1 фев.	1 марта
Задолженность по учетно-ссудным операциям .	286	311	313	325	347	377
%% к предыдущему месяцу	—	109	101	104	107	109
1924/25 год						
Задолженность по учетно-ссудным операциям .	532	563	609	640	658	729
%% к предыдущему месяцу	108	106	108	105	103	111

замедление темпа их роста, особенно сильное в декабре-январе, после чего с февраля-марта происходит новое расширение кредитования. Одновременно с этим наблюдается, что вклады и текущие счета Госбанка по мере нажима на активы приостанавливаются в развитии, а иногда даже дают уменьшение абсолютной суммы остатка; так, в октябре 1923 года вкладная операция дает прирост всего лишь с 85 до 87 милл. руб. (2% роста), а в 1924/25 году мы имеем на первые числа месяцев такое движение остатков текущих счетов и вкладов (без средств НКФ): октябрь 203 милл. руб., ноябрь—205 милл. руб., декабрь—190 милл. руб., январь—211 милл. руб. и февраль—251 милл. руб., т. е., другими словами, первый квартал дает в общем или стационарность или снижение вкладной операции. Следовательно, обе попытки Госбанка к сокращению задолженности по его учетно-ссудным операциям в лучшем случае приводили лишь к замедлению темпа их роста, приостанавливая одновременно развитие его пассивных операций и даже создавая угрозу их снижения. При этом, интересно отметить, что в 1924/25 году все сжатие кредита проходит почти целиком за счет сезонного сокращения подтоварного кредита; в 1923/24 г. также уменьшились в первую очередь подтоварные ссуды (в декабре также и целевые кредиты).

Эта относительно слабая эластичность активных операций Госбанка, в новой их структуре, не представляет впрочем ничего неожиданного и является следствием некоторой утрировки коммерческих тенденций нашего нынешнего центрального эмиссионного

банка. В самом деле, будучи коммерчески связан и заинтересован в клиентуре и, в частности, в удержании ее пассивов, Госбанк естественно более ограничен теперь и в своей маневренной способности, как регулятора денежного рынка. Нажим на клиентуру по активным операциям чреват для него, помимо угрозы потери этой клиентуры, также сокращением пассивов и может свести, таким образом, на нет задачу снятия той или иной доли денежных средств с рынка и даже привести, наоборот, к совершенно противоположным результатам, т. е. увеличению в обороте денег вследствие отлива их из Госбанка по вкладной операции. [1]

Кроме того, интенсивное развертывание Госбанком его активных операций отражается, вероятно, также и на качестве учетного материала, быть может вполне применимого для простого коммерческого банка, но недостаточно мобильного для центрального эмиссионного банка. Правда, до второй половины 1924/25 года, при вообще недостаточной насыщенности оборота денежными средствами, регулирующие способности эмиссионного банка и не играли для нас особой роли, так как хозяйственная жизнь шла в условиях непрерывного роста денежной массы и кредита (вследствие чего даже снижение темпа роста денежно-кредитной системы имело характер кредитной репрессии). Однако, к концу 1924/25 года наблюдаются уже признаки некоторого перенасыщения денежными средствами рынка и на очередь в любую минуту может встать вопрос о способах изъятия в порядке регулирования части их из оборота. Следовательно, уже сейчас гибкость и отчетливость работы нашей кредитно-денежной системы становятся необходимыми условиями дальнейшего нормального развития нашего товарооборота.

К сожалению, надо сознаться, что для этого мы еще пока недостаточно подготовлены. Мы только что высказали свои соображения о тех трудностях, которые могут встретиться на этом пути у самого Госбанка, в силу нынешней структуры его активных и пассивных операций, но помимо этого тормозом для достижения должного эффекта могут явиться и условия работы прочих наших специальных банков.

Прежде всего, необходимо отметить, что на местах большинство филиалов наших спецбанков и в значительной мере местные кредитные учреждения утратили фактически свой специальный характер, превратившись в общекоммерческие кредитные учреждения. Поэтому, между деятельностью отделений Госбанка, Промбанка, Внешторгбанка, городских коммунальных банков и т. д. очень часто нет разницы по существу, а имеются лишь известные оттенки, не меняющие все же общей картины. В качестве примера такого ярко выраженного параллелизма работы кредитного аппарата на местах можно привести следующий образец кредитного плана по Одесскому округу УССР:

[1] Октябрь и ноябрь 1925 года и дают, повидимому, доказательства таких последствий: вместо того значительного сокращения эмиссии Госбанк вынужден был использовать денежную эмиссию с большим превышением против его первоначальных предположений.

Сводный кредитный план на IV-й квартал по Одесскому округу
(по главным клиентам) (в тысячах рублях)

	Госбанк	Промбанк	Горбанк	Роскомбанк	Укрбанк
Нефтесиндикат	100	60	—	—	—
Металлотрест	150	220	150	—	15
Укрсельмаш	30	50	—	—	—
Авторемонтные мастерские	—	5	5	—	—
Ремонтн. мастер. Допре	—	—	15	—	—
Госпромцветмет	—	20	—	—	—
Солесиндикат	40	20	—	—	15
Гостехконтора	30	20	30	—	—
Одескимсоль	300	150	75	—	10
Химпром	15	—	—	—	—
Резинотрест	—	20	—	—	—
Химуголь	30	—	—	—	—
Крахмалпатока	—	—	3	—	—
Продасиликат	30	20	10	20	—
Одесдрев	20	25	25	—	—
Гублес	—	25	—	—	—
Центробумтрест	—	50	20	—	—
Укртекстиль	30	200	—	—	—
Губшвейпром	30	50	30	—	10
Моссукно	—	—	—	—	20
В. Т. С.	500	200	—	—	—
Камвольный трест	50	30	25	50	15
1-е Льноправление	80	25	—	—	—
Укркожтрест	500	140	50	150	—
Пищетрест	650	330	200	150	—
Мелкая пищев промышл	15	130	—	—	—
Укрмаслотрест	20	30	40	30	—
Управиндел	50	—	20	—	—
Укрмут	250	—	—	—	—
Укрмясохладобойня	80	40	75	25	—
Укртабактрест	50	75	—	50	—
Сахаротрест	400	140	—	150	50
Госрыбсиндикат	—	10	—	50	—
Госскотобойни	—	—	100	—	—
Одескомпрод	180	90	50	—	—
Одесск. известь	—	10	—	—	—
Пайстрой	80	27	150	—	—
Одкурупр	10	—	—	—	—
Госиздат	30	—	—	—	—
Цувоенпромхоз	10	20	20	15	—
Укрогострой	50	—	25	—	—
Укрмедторг	—	—	—	50	—
Госмедторгпром	—	20	—	—	—
Украинтрест	—	—	8	5	—
Транспорт	15	—	—	—	—
Автотранспорт	—	—	5	—	—
Доброфлот	—	—	—	—	10
Совторгфлот	40	—	—	30	—
Одессторг	350	120	125	—	17
Полесторг	60	—	—	—	—
Вакот	55	10	—	—	17
Укргосторг	—	—	—	400	—
Хлебопродукт	75	40	—	—	—
Частн. промышлен.	310	49	250	—	—
Частн. торг.	90	16	—	50	—
Церабкооп	600	—	100	—	300
ВУКС	250	—	25	25	20

	Госбанк	Промбанк	Горбанк	Роскомбанк	Укрбанк
Од. Райсоюз	90	20	20	25	50
Промсоюз	50	—	—	—	30
Куст.-Пром. кооп.	196	98,5	—	—	—
Украинбанк	158	—	—	—	—
Горбанк	400	—	—	—	—
Роскомбанк	150	—	—	—	—
Губсельбанк	100	—	—	—	—
О-во Взаимн. Кредита	435	—	—	—	—
Промбанк	70	—	—	—	—

Таким образом, ряд всеукраинских предприятий, как Укрмаслотрест, Укртабактрест, Укркожтрест, Сахаротрест, Укрмясохладобойня, и т. д., а также центральных (Нефтесиндикат, ВТС, Чаеуправление) и местных (Пищетрест, Металлотрест, Одесхимсоль) являются в сущности клиентами большинства банков и по активным и по пассивным операциям. [1] В этих условиях каждый банк естественно заинтересован в том, чтобы по возможности перетянуть к себе наиболее интересную для него крупную клиентуру, сосредоточив у себя как кредитование, так и вклады соответствующих предприятий. Отсюда крайне развитая конкуренция банков в местном обороте и проистекающие из него последствия, [2] ставящие деятельность кредитного аппарата в крайне ненормальные условия. Действительно, поскольку специальным банкам приходится иметь на рынке дело с конкурентом в лице Госбанка, опирающегося в значительной доле на собственную эмиссию, т. е., другими словами, оперирующего с более дешевыми пассивами, они вынуждены держать свои ставки по учетно-ссудным операциям близко к уровню ставок Госбанка—от 10 до 12% годовых. В целях же конкуренции с Госбанком и друг с другом, они оплачивают %% по вкладам своим клиентам в пределах от 7-8% до 10% (сам Госбанк платит от 6 до 9%). Таким образом, в конечном счете, спецбанк фактически должен работать, т. е. покрывать организационные расходы, убытки и пр. на 2-3% с оборота; до войны учетные ставки акционерных банков колебались в среднем от 7 до 8% при 3% стоимости среднего текущего счета, т. е., иначе говоря, акционерные банки имели с оборота от 4 до 5%, т. е. почти вдвое больше, чем в настоящее время. При меньшем объеме операций (учетно-ссудные операции наших 4-х главнейших акционерных банков составляли на 1 октября 1925/26 года только около 30% задолженности по учетно-ссудным операциям акционерных банков на 1 января 1911 года) хозяйственный расчет обязывает кредитные учреждения в условиях существующей системы процентных ставок работать с максимальным использованием своих пассивов, при минимальном резервном фонде, увеличение которого грозило бы убытками банкам, тем более, что Госбанк не оплачивает их текущих счетов у него. [1] В результате этого структура операций кредитного аппарата спецбанков построена таким образом, что содействует максимальному использованию наличных денежных рессурсов в обороте, автоматически выталкивая в каналы обращения деньги, поступающие из оборота в кассы банков. Пока мы жили в 1923/24 году и в течение первых двух кварталов 1924/25 года при ненасыщенном денежном рынке, в условиях общего недостатка оборотных средств, такая организация кредита вполне отвечала конкретной обстановке банковской работы и приводила к наиболее полному обслуживанию кредитным аппаратом потребностей товарооборота. Однако, поскольку изменившаяся конъюнктура денежного рынка потребовала бы дать операциям банков обратное направление, т. е. из нагнетательного насоса обратить кредит во всасывающий насос, мы, очевидно, столкнулись бы со стороны системы специальных кредитных учреждений с рядом существенных затруднений.

Последний квартал 1924/25 года дает в этом отношении вполне реальные указания на наличие означенных дефектов в нашей организации кредита. В самом деле, денежная масса, после 4% прироста в июне, увеличивается в июле на 8%, в августе—на 10% и в сентябре на 12%, а всего за IV квартал возрастает на 23% при росте промышленной продукции за то же время только на 5%; в III-м квартале 1924/25 года, несмотря на почти стабильное промышленное производство и сокращение на рынке оборотов с сельскохозяйственными товарами, денежная масса также продолжала возрастать. Хотя избыточные денежные средства в течение всего второго полугодия усиленно притекали обратно в кассы кредитных учрежде-

[1] В Киевском округе главнейшими клиентами являются: Укркожтрест, Махортрест, Укртабактрест, Сахаротрест, Фарфоротрест, Укрмут и т. д., вокруг которых велась такая же борьба между отдельными банками. Чисто пассивными клиентами повсеместно являются: НКФ СССР, местные финорганы, Гострах и Соцстрах, Транспорт, Профсоюзы и т. д. Борьба за их пассивы ведется не только между отдельными банками; стремления мест направлены вообще к тому, чтобы закрепить за собой наличный объем оборотных банковских рессурсов и допускать его изменение лишь в сторону роста за счет центра, а отнюдь не в сторону какого бы то ни было снижения.

[2] Как на одно из таких последствий, надо также указать на известное развращение банковской клиентуры: имея вклады и кредиты во всех или у большинства банков, клиент, перенося или перегруппировывая денежные средства на своих текущих счетах, стремится очень часто к максимальному использованию столь благоприятной для него банковской конъюнктуры, получая поочередно во всех банках этим путем новые кредиты (весьма часто внепланового характера). В этой игре одни партнеры—банки играют в темную, так как они старательно скрывают друг от друга состав своих пассивов, а другие, наоборот,—ведут игру с полным знанием своих козырей. Невольно напрашивается вопрос, действительно ли нужно и целесообразно в советских условиях, чтобы одно государственное (кредитное) учреждение скрывало от другого государственного же учреждения сумму находящихся у него средств третьего государственного (промышленного или торгового) учреждения. Между тем, это порождает совершенно нездоровую атмосферу в банковском деле и при наличии государственного планирования кредита могло бы быть, конечно, так или иначе устранено.

[1] За исключением текущих счетов Центр. Сел.-Хоз. Банка, Центр. Коммунального Банка и обществ взаимного кредита, по которым он платит 6%.

ний и вкладная операция последних интенсивно возростала, тем не менее самосанирования денежного рынка не происходило, так как деньги вновь выталкивались банками в оборот, порождая все те нездоровые явления торговой конъюнктуры (ажиотаж, рост цен и т. д.), которые мы наблюдали в течение последних месяцев. Со 100 милл. руб. в августе денежная эмиссия доходит в сентябре до 127 милл. руб., за то же время приток денег из оборота на вклады и текущие счета в банках поднимается с 74 милл. руб. до 113 милл. руб.; однако, одновременный рост задолженности по учетно-ссудным операциям со 113 милл. руб. до 182 милл. руб. парализует действие кредита, как всасывающего насоса, и приводит лишь к дальнейшему усилению степени денежного насыщения рынка. В сентябрьском конъюнктурном обзоре Северного Кавказа мы встречаем такую характеристику: „Приток средств из оборота в банки определенно свидетельствует о некотором излишке средств в товарообороте. Весьма характерно, что он шел по линии коммерческих банков и при этом по основным группам специфически коммерческой клиентуры. На текущих счетах накапливались не только свободные средства хлебозаготовителей, как это было в июле и в августе, но и организаций, ведущих оптовый сбыт промтоваров (обще-государственных и местных, а также кооперации); все это свидетельствует о возникновении некоторой перенасыщенности оборота деньгами, как орудиями обращения". Эта частная характеристика имеет и всесоюзное значение, подтверждаемое изучением динамики банковских операций по сводному их балансу.

Несмотря на эти факты, октябрь месяц за первые двадцать дней дает новое повышение денежной массы с 1.142 милл. руб. на 1 октября до 1.244 милл. руб. на 21 октября, т. е. прирост денежного обращения на 102 милл. руб. за 2 декады.

Сопоставляя эти данные, нельзя не притти к заключению, что такое положение, т. е. необходимость эмиссии при наличии свободных средств в обороте, вытекает из основного момента—отсутствия должной гибкости нашей кредитной системы; при иной организации банковского кредита и при определенном наличии показателей избытка средств в обороте, кредитные учреждения могли бы свободно мобилизовать необходимые рессурсы и перестроить свои активы, без надобности дальнейшего увеличения денежной массы.

Между тем, в Уральском обзоре кредитной конъюнктуры за сентябрь читаем: „рост текущих счетов идет, главным образом, за счет текущих счетов госторговли и кооперации при сокращении текущих счетов промышленности и т. д."; в то же время „кредит госторговли возрастает в сентябре на 32% против 11% в августе, кредит кооперации на 15% против 9,6%, кредит госпромышленности на 9,3% против 26,2% в августе". Центрально-промышленная область, отмечая подъем учетно-ссудных операций в сентябре на 14,4%, указывает также на продолжающийся уклон кредитования в сторону хлебозаготовок и торговли, при недостаточном кредитовании промышленности.

Недостаточное кредитование промышленности отмечает также и Северо-западный район. Следовательно, помимо отсутствия у нас эластичности кредита, как регулятора денежного рынка вообще, он не обладает также и достаточной внутренней гибкостью, иначе говоря маневренные способности действующей кредитной организации ограничены.

Причина последнего явления заключается также и в недостаточной плановой увязке деятельности наших кредитных учреждений, функции которых стали за последнее время все более и более переплетаться, в результате чего конкурирующее начало в ней значительно усиливалось, разбивая нашу кредитную систему на ряд отдельных учреждений, слабо спаянных между собой общностью интересов. Госбанк же при превалировании в его деятельности коммерческого уклона сделался фактически одним из этих конкурентов и не мог, конечно, объединять и руководить работой прочих банков.

Можно было бы и дальше провести перечень противоречий в действующей системе банковского кредита и иллюстрировать их конкретными примерами, но и сказанного, по нашему мнению, достаточно, чтобы поставить вопрос о желательности ряда улучшений в нашей кредитной организации. Мы должны при этом констатировать прежде всего отсутствие эластичности самого Госбанка, как следствие несоответствующего развития его чисто коммерческих операций; в результате этого, регулирующая деятельность его ограничена весьма скромными маневренными возможностями; организация деятельности спецбанков построена на усилении односторонней функции максимального насыщения оборота денежными средствами и не приспособлена для развития их деятельности в обратном направлении; смешение функций и параллелизм работы кредитных учреждений, особенно на местах, способствует развитию центробежных сил в кредитной системе и лишает ее внутренней гибкости по распределению денежных рессурсов между отдельными отраслями народного хозяйства. По мере развития и укрепления народно-хозяйственной деятельности, обязанности кредитного аппарата, как активного регулятора денежного рынка (а не только аппарата его одностороннего насыщения), приобретают сугубо важное значение; отсутствие необходимой эластичности банковского кредита дало себя почувствовать уже во второй половине 1924/25 года.

Из изложенных соображений вытекают и те мероприятия, которые необходимо было бы провести в целях упорядочения нашей кредитной системы и большего приспособления ее к нуждам хозяйственной жизни страны. Во-первых, за счет сокращения объема чисто коммерческой деятельности Госбанка пассивы его должны получить большую устойчивость и независимость от рынка, активы же надлежит перестроить так, чтобы получить большую их компактность и мобильность. Во-вторых, этим же путем необходимо должно быть уничтожено то положение, что Госбанк является главным конкури-

рующим кредитным учреждением по отношению к остальным банкам; наоборот, связь Госбанка с последними должна быть значительно усилена по организационной линии и в частности посредством более развитого кредитования Госбанком спецбанков. В-третьих, система специальных кредитных учреждений должна получить в действительной жизни больше выдержанности и законченности и развиваться дальше в более тесной связи с регулирующей деятельностью Госбанка и наших плановых органов; существующие явления конкуренции и параллелизма в банковском деле должны быть изжиты.

Наконец, система процентных ставок требует пересмотра и большего согласования с текущими задачами кредитного аппарата, не только как аккумулятора и распределителя оборотных капиталов, но и как активного регулятора денежного рынка.

О своевременности индустриальной поправки к нашей сельско-хозяйственной политике [1]

Три обстоятельства побуждают сейчас подвергнуть перспективы нашей с.-х. эволюции самому тщательному и радикальному пересмотру.

1. Предстоящий переход от периода восстановления к периоду реконструкции всего хозяйства Союза.

2. Обнаружившиеся этой осенью затруднения при осуществлении хлебозаготовок, показавшие, что даже хороший урожай не так легко планомерно реализовать при хаотичности и технической отсталости крестьянского хозяйства.

3. Несомненно обнаружившийся рост кулачества, который по всем основаниям будет неизбежно увеличиваться по мере подъема крестьянского хозяйства.

Силы, враждебные социализму, наростают в деревне. Возможность планового маневрирования продукцией крестьянского хозяйства не возрастает. Экономические же и технические возможности для начала коренной реорганизации с.-х. уже имеются. Надо дать себе отчет, в каком направлении эту реорганизацию конкретно повести и с чего именно ее конкретно начать.

Прежде всего надо конкретизировать самые задачи социалистического преобразования по отношению к сельскому хозяйству.

Каким бы путем реорганизация с.-х. не шла, она будет приближать к социализму только в том случае, если он будет:

1. Повышать производительность сельского хозяйства до крайних пределов, какие позволяет современная мировая техника и те формы, организационные и экономические, которые этой технике соответствуют.

2. Обеспечить беспрепятственное влияние планового государственного руководства, как на направления развития с.-х., так и на реализацию его продукции в общественных целях.

Коренное преобразование сельского хозяйства должно вестись, конечно, с полным соблюдением (и не только внешним, разумеется, но по самому существу) основ политики партии в крестьянском вопросе, именно, политики союза пролетариата и крестьянства под гегемонией пролетариата. Эта политика ставит общие условия для всех без

[1] Дискуссионная. В порядке постановки вопроса. *Ред.*

исключения мероприятий в с. х., но она не дает еще сама по себе конкретного содержания социалистического строительства в с. х. Это содержание должно быть конкретизировано в свете основных социалистических перспектив и основных технических возможностей нашего времени.

Так же точно обстоит дело по отношению к кооперации. Лозунг кооперации, бесспорный сам по себе, может быть реализован в различном конкретном содержании, и речь идет о том, какое именно конкретное содержание ему обеспечить.

Фундаментальными фактами для намеченного преобразования являются следующие:

1. В настоящее время не только теоретически, но и практически доказана возможность полной механизации всего цикла полевых работ от вспашки до уборки урожая и его обмолота. Механическое земледелие:

A) Экономически выгоднее, так как обходится примерно вдвое дешевле крестьянского.

B) Может повышать площадь обработки на 1 человека, примерно, до 75 десятин.

C) Обеспечивает своевременность всех операций и однокачественной обработки, что позволяет полностью использовать выработанные опытными станциями агрикультурные приемы повышения урожая (лущение, вспашка на зябь, ранние пары и т. д.), которые крестьянству выполнить трудно, следовательно повышает урожайность (на 30-40%).

D) Требует оборудования в расчете на 1 десятину, повидимому, более дешевого, во всяком случае, не более дорогого, чем хозяйство лошадиное.

Вследствие этих причин, механическое полеводственное хозяйство при среднем урожае должно давать до 100% прибыли в год, при капитализации же прибыли—должно давать возростание основного капитала на 50% в год, что означает динамический коэффициент саморасширения от 30 до 40 крат в десятилетие (и это при том, вряд ли необходимом предположении, что текущие годовые расходы будут погашаться не из урожая, а из основного капитала. В противном случае, темп возрастания был бы еще более скорым).

Таким представляется сейчас положение вещей, поскольку о нем можно судить по отдельным имеющимся данным до постановки соответственных широких опытов, которые проверили бы расчеты не в их элементах, а в их конструктивном целом.

Подробное обоснование этих выводов было сделано мною в ряде докладов, подвергшихся обсуждению со всевозможных точек зрения в многочисленных учреждениях Украины.[1] На основе этих соображений

[1] Статья принадлежит перу работника Украинского Госплана.

был предложен проект опытного полеводственно-промышленного хозяйства, который, по одобрению Ц.К.Р.К.П. (б) У., был принят Наркомземом УССР и одобрен Украинским правительством. (См. мою брошюру „Полеводственная промышленность“).

Суть дела заключается здесь, однако, не в простом применении тракторов, но в такой организации хозяйства, которая соответствует этой новой технической базе, в частности же, в размере механического хозяйства. Механическое хозяйство не выгодно на мелких участках и чрезвычайно выгодно на крупных, которые обеспечивают машинам и труду их полное использование.

В настоящее время имеются материалы относительно аналогичного опыта, поставленного на средства Моргана в Америке Т. Кембелом на ферме в 200.000 акров. Эти опыты подтвердили, что механизированное хозяйство понижает стоимость обработки земли вдвое, несмотря на весьма высокую заработную плату для квалифицированных трактористов (до 7 долларов в день).

Рентабельность и высокий темп самовозростания капитала могут еще значительно повыситься при дальнейшем усложнении механического полеводства: a) системой более рациональных плодосменов, b) щедрым применением удобрений, c) тщательным подбором посевного материала.

Поднятие среднего уровня при таких условиях до 150 пудов с десятины, повидимому, не является невозможным.

Остается пока не вполне выясненным, в какой мере оказались бы быстро окупающими себя радикальные ирригационные сооружения, которые явились бы дальнейшим шагом на пути к повышению урожайности, главное же—на пути к стабилизации урожайности.

Вторым фундаментальным фактом является то обстоятельство, что, так называемое, интенсивное хозяйство, животноводство и специальные культуры, отнюдь не является независимым от полеводственной базы.

На животноводство и интенсивные культуры ставится сейчас главная ставка всей агрономической и экономической мыслью страны.

В животноводстве видят спасение от всех сельско-хозяйственных бед. В этом выдвигании на первый план животноводства есть бесспорная историческая правота. Животноводство, вместе с связанными с ним кормовыми культурами, есть рычаг для интенсификации сельского хозяйства, для перехода к более культурным плодосменам, для повышения урожайности почвы, для увеличения трудоемкости сельского хозяйства.

Эта совершенно бесспорная историческая роль животноводства ведет, однако, часто к умалению и затушевыванию роли полеводства. Это умаление роли полеводства доходит иногда до комизма, до таких, например, высказываний, что нам не нужны элеваторы, так как будущее Союза не в зерне, а в мясе и масле, до утверждения, что тракторная проблема второстепенная, так как главное—в животноводстве и т. д.

Опасность такого увеличения заключается в том, что, во-первых самое животноводство, как бы мы не относились к нему, имеет своей базой наличность кормов и, следовательно, в судьбе своей непосредственно зависит от судьбы полеводства и от его техники, от его производительности. Ибо в продукции кормовых растений, как например, картофель, свекла, кукуруза, повидимому, уже нет операций, которые, не могли бы быть механизированы, причем механизация окажется здесь еще более рентабельной, чем в производстве зерна, именно в силу большой трудоемкости этих культур.

Во-вторых, самый принцип трудоемкости нельзя рассматривать, как абсолютный. Загружение крестьянина большим количеством труда, вне зависимости от того, насколько этот труд будет производителен, никогда не приведет нас само по себе к социализму. Идеал трудоемкого хозяйства, логически продолженный до конца,—это идеал китайского микроскопического хозяйства, технически отсталого и ведущего не к подъему, а к усиливающейся деградации трудящегося.

Повышение трудоемкости ни в коем случае не должно рассматриваться, как самоцель. Это—лишь один из переходных путей в эволюции сельского хозяйства, паллиатив для временного ослабления перенаселения в деревне, но не для искоренения его. Этот путь необходим, пока мы бедны, но плохо, если он заслоняет пути основные.

Основные же пути лежат, наоборот, в уменьшении количества труда на единицу продукции, в поднятии производительности, а не трудоемкости только.

Поднятие полеводственной техники отнюдь не безразлично для судеб животноводства, ибо, удешевляя себестоимость кормов, оно тем самым удешевляет себестоимость животноводственной продукции, увеличивает доходность животноводственного труда и облегчает его продукции конкуренцию на мировом рынке.

С другой стороны, отвлекая внимание и интересы крестьянина к животноводству, мы рискуем ослабить хлебную продукцию страны. Такое ослабление вряд ли может быть выгодно нам. Размеры потребности Европы в мясе и земле и пределы емкости возможного рынка на них еще не ясны, между тем потребность Европы в зерне определилась — она более или менее постоянная, колеблясь около миллиарда пудов в год. Если бы мы имели обеспеченный излишек дешевого и высококачественного хлеба, мы могли бы, вероятно, еще увеличить эту потребность, толкая Европу дальше в направлении перехода от хлебных культур к нехлебным. О том значении, как экономическом, так и политическом, какое имела бы наша хлебная гегемония в Европе, распространяться нет нужды.

Таким образом, животноводственный уклон в эволюции нашего сельского хозяйства не отодвигает, но, наоборот, делает особо актуальной проблему технического подъема нашего полеводства.

Третьим фундаментальным фактом является наш переход от периода восстановления хозяйства к периоду реконструкции и появившаяся возможность выделения больших капиталов для больших хозяйственных начинаний.

Масштаб средств, которые могут быть вложены в реконструкцию народного хозяйства Украины, уже в текущем году определяется, судя по масштабу займа восстановления, сотнями миллионов рублей.

Простой расчет показывает, что сотня миллионов рублей, будучи вложены,—и не за один год, а за несколько лет,—были бы достаточны, чтобы перевести на новые рельсы все полеводство Республики за какой-нибудь десяток лет.

Именно, сто миллионов рублей означает полнейшее, сплошь механизированное оборудование, плюс операционные расходы на первый год плюс даже стоимость искусственного удобрения для свыше миллиона десятин жатвенной площади.

Выше было указано, что темп самовозрастания полеводственной промышленности превышает 30 крат в десятилетие, — даже если не считать эффект удобрений и если не учитывать возможности погашения эксплотационных расходов из урожая.

Итак, затратив только часть тех средств, которые выделяются ныне на реконструкцию, — в полеводственную промышленность, мы могли бы произвести меньше, чем в десять лет, полную революцию в технике полеводства всей Республики, что означало бы:

1) удешевление (в два и более раз) себестоимости основного экспортного продукта;

2) повышение средней урожайности от одной только агрикультурной своевременности операций по крайней мере на 30%, т. е. добавочные 400 миллионов пудов в год—и повышение урожайности, при систематическом использовании удобрений и селекции зерна, возможно до 100%;

3) удешевление себестоимости животноводственных продуктов через удешевление кормов;

4) расширение возможного развития животноводства за те пределы, которые ставятся ему сейчас ограниченностью крестьянских наделов;

5) соответственное расширение в несколько раз емкости нашего внутреннего рынка для продуктов промышленности городской;

6) замену стихийного, косного, весьма слабо планируемого крестьянского полеводства стройной системой легко планируемой полеводственной индустрии;

7) насаждение на месте растущего ныне кулачества новой группы индустриального пролетариата в самой гуще крестьянства.

Вряд ли любая другая отрасль промышленности способна дать в такой короткий срок более крупный и важный экономический и социальный эффект.

Из изложенного видно, что для глубокой, действительно социалистической реконструкции нашего сельского хозяйства препятствием являются отнюдь не технические причины и не финансовые.

Главным препятствием является то, что у нас есть богатый опыт агрономический, но полеводственно-промышленного опыта нет. Для организации на месте нашего косного лошадиного землеробства рациональных современных хозяйств крупного масштаба нужны не только отличные механики, но и специалисты-инженеры, главное же — организаторы, совмещающие с познаниями агрикультурными познания инженерные и организационные. Нужна новая профессия, новая специальность.

Количество необходимых организаторов такого нового типа не мало. Рациональный масштаб механического полеводственного хозяйства, исчисленный в упомянутой брошюре „Полеводственная промышленность“ применительно к Фордзону — 8.000 десятин жатвенной площади. Кембел в Америке на более мощных Кэйсах уже засевал 50.000 акров (17 тыс. десятин). Если бы будущие хозяйства могли иметь рациональную площадь, т. е. по 8.000 десятин,—и в этом случае понадобилось бы для Украины $2^1/_3$-3 тысячи специалистов этого нового типа. На самом же деле надо предвидеть, что реальные масштабы хозяйств явятся компромиссом между требованиями науки и исторически сложившимися масштабами хозяйств, и тогда организаторов понадобится еще больше.

Чтобы подготовить эти несколько тысяч будущих организаторов новой промышленности, нужны годы и нужны особые орудия подготовки. Нынешние сельско-хозяйственные институты и техникумы этой подготовки дать не могут. Подготовка должна итти на базе реальной работы на живом опыте, в совершенно новых условиях, в опытных хозяйствах, зараженных совершенно новым духом, духом воодушевленного пионерства, конструктивной смелости и четкого режима.

Представленный и, в конце-концов, одобренный Наркомземом проект полеводственного хозяйства как раз предусматривает использование этого хозяйства одновременно и для накопления опыта и для подготовки организаторов дальнейших хозяйств.

Но если даже этот опыт будет поставлен в 1927 году в полном масштабе, и если даже удастся укомплектовать персонал хозяйства, согласно требованиям современной науки, путем конкурсных испытаний, особо способными лицами с сельско-хозяйственным или техническим образованием, — мы получим к осени 1927 года в лучших условиях человек 20 хороших организаторов.

Если считать, что каждый организатор сможет уже в следующем году стать во главе нового такого рассадника, то и тогда только к 1929 году мы будем обладать кадром организаторов, способных осилить для индустриализации полеводства те сто миллионов рублей, которые мы могли бы, строго говоря, в это дело вложить уже в этом или следующем году.

Таким образом, главная обстановка — в организаторах, а не в технике и не в финансах.

Наши организационно-рационализаторские рессурсы уже отстают от финансовых и будут отставать еще больше. И потому наша главная задача сейчас—обращать центральное внимание и оказывать самую щедрую поддержку рассадникам организаторских сил,—и это еще важнее с плановой точки зрения, чем ближайшая рентабельность предприятия.

Возражений, конечно, будет много. Надо дать себе отчет в том, какие силы косности будут затронуты и взбудоражены развиваемой здесь постановкой вопроса. Здесь сталкиваются вокруг этого вопроса два полярных уклада мировоззрения, две несовместимые культуры. Среди возражений будет много мелочных и вздорных, но будут и по внешности весьма импонирующие.

Насколько можно судить по тому, что приходилось слышать в течение полутора лет вентелирования проблемы, наиболее импонирующие возражения сводятся к трем группам:

1) возражения от избытка рабочей силы,

2) возражения от „неувязанности“ с крестьянской формой нынешнего хозяйства, и

3) возражения от „теории“ сельско-хозяйственной эволюции.

Наиболее часто приходится слышать в виде основного возражения такой вопрос: а куда же денется освобождаемая рабочая сила, если вам хватит одного человека вместо двадцати.

Это возражение—классическое для всех тех случаев в истории, когда машина вторгалась в новую для нее область. Это—основной довод машиноборцев, столько раз уже битый историей, что, казалось бы, не стоило бы даже останавливаться на нем. Известно, что царский совет министров,—когда обсуждался проект Николаевской железной дороги, выставлял в качестве „экономического“ возражения указание на бедственную участь, которую должны принести железные дороги ямщикам.

С точки зрения народно-хозяйственной останавливать технический прогресс из опасения роста безработицы,—значит не понимать сути технического прогресса. Если индустриализация полеводства повысит сумму народного дохода, то если бы даже при этом не произошло никакого сопутствующего роста промышленности, если бы государство оказалось совершенно неспособным занять освободившиеся руки (это нелепо),—то и в этом мыслимо худшем случае было бы выгоднее посадить эти избытки населения на социальное обеспечение (в форме, например, земельной ренты, которую будут получать члены земельного кооператива от обрабатываемой земли), — чем останавливать рост народного богатства в его сумме.

Ведь вовсе не обязательно должно происходить вытеснение крестьян с земельной площади. Поскольку

линия социализации сельского хозяйства идет через кооперацию, нет ничего невозможного в том, чтобы кооперация принимала на себя обработку полей при помощи единого механического рационального комплекта, так же точно, как могут быть кооперативные маслобойные, беконные и прочие заводы.

Мы, конечно, не можем сейчас вычислить точно, что даст реконструкция сельского хозяйства.

Но мы можем примерно наметить вероятные масштабы: индустриализованные поля, с обеспеченной своевременностью операций, с оптимальным удобрением, рациональным плодосменом и правильно подобранным посевным материалом должны повысить средний урожай до лучших европейских размеров, которые совпадают также с размером получаемым на наших украинских опытных станциях.

Если даже считать из осторожности, что это повышение не выйдет за пределы 100 пуд. с десятины среднего урожая (что явно преуменьшено),—это будет означать примерный масштаб для Украины 2-х миллиардов годового урожая (в переводе на зерно).

Доход от животноводства, при условии организации сбыта, полной сети переработочной индустрии, полной сети дорог, повышения племенного состава скота, улучшения методов его содержания и кормления, вообще, при осуществлении до конца намеченной ныне Наркомземом системы мероприятий,—может подняться до суммы рублей в 400 с десятины. Опять таки из осторожности возьмем ту сумму, которую исчисляют обычно для каждого крестьянского хозяйства и которая получается при сквозном преуменьшении всех величин—200 р. с десятины. Это составляет на 20 миллионов украинских полей 4 миллиарда (что отнюдь не поглотит всего урожая).

Здесь трудоспособность будет в том, чтобы обеспечить рынкам сбыта эту гигантскую продукцию.

Совокупная продукция сельского хозяйства составит, таким образом, величину масштаба 6 миллиардов.

Какова при таких условиях будет совокупная продукция промышленности? Коэффициент индустриальности страны по ее продукции нельзя считать постоянным. В 1913 г. он составлял примерно процентов 60 (т. е. на 1 р. с.-х. продукции приходилось 60 коп. промышленной, на 11,7 мрд.—7 мрд.). В 1925/26 году он должен составить по контрольным цифрам Госплана 65%. Нет сомнения, что в наступающий период реконструкции этот процент будет возрастать, в связи с ростом товарности с.-х. и с возможным ростом экспорта. Для некоторой перспективы этого роста показательны величины этого коэффициента к С.-А. С. Ш., которые составляли уже в 1900 г. свыше 24%, а к 1920 г. приблизились к 30%. Если мы примем, опять из осторожности, для 1925 г. этот коэффициент в его нынешнем размере, то и тогда вероятная промышленная продукция для Республики, имеющей 6 мрд. продукции сельско-хозяйственной, составит величину масштаба около 4 мрд.

Сколько рабочих может занять такая промышленность? Если допустить, что производительность нашего рабочего возрастет почти вдвое за это время и составит 2000 р., то и в этом случае мы не должны ожидать увеличения городского пролетариата до количества 2 милл. человек. Само индустриальное полеводство, эта новая отрасль промышленности, потребует по крайней мере 350 - 400 тысяч для одной только непосредственной работы на полях, т. е. больше, чем мы имеем рабочих по всей украинской промышленности в данный момент.

Теперь можно было бы подсчитать, что означал бы освобождаемый индустриализацией „избыток рабочей силы“,—если бы мы заинтересовались его судьбой, независимо от того, что полеводственные доходы крестьянства остаются незатронутыми и независимо от того, что увеличиваются доходы животноводственные.

Среднее количество времени, затрачиваемого украинским крестьянином на зерновые культуры, колеблется, по данным проф. Челинцева, от 6 - 10 дней в степи, до 15—25—в лесостепи на одну десятину в год. Принимая за среднюю 15 дней или $^1/_{20}$ года, имеем освобождение труда в размере около миллиона рабочих лет - людей в год. Между тем, мы видели, что весьма скромно исчисленная дополнительная потребность промышленности выразится в 2 милл. лет-рабочих.

Иначе говоря, скромнейшее исчисление вероятных масштабов промышленности уже сулит поглощение труда вдвое больше, чем его освободится при индустриализации полеводства, и, притом, поглощение труда, которое сулит гораздо более высокую оплату, чем крестьянское полеводство.

Таким образом, и конкретные подсчеты,—в той мере, в какой их можно сделать,—обнаруживают, что возражения относительно избытков рабочей силы совсем не так бесспорны, как они кажутся при торопливом отмахивании от вопроса.

Надо подчеркнуть, однако, что в этом вопросе есть и другие стороны. Наличность обеспеченного питания для всего населения и общий подъем народной продукции делают возможным обращение все большей доли народного труда на сооружение капитального социалистического строительства, на проложение дорог, электрификацию, перестройку городов, наконец, на действительно культурную, оборудованную и обеспеченную колонизацию пустующих областей Сибири и Средней Азии.

Наконец, если бы при высоком народном доходе действительно оказалось бы некуда прилагать труд, это только означало бы своевременность дальнейших шагов по сокращению рабочего времени—рабочего дня, рабочего года, рабочего века.

Боязнь „избытка рабочей силы“ есть прогрессивная боязнь, когда она направлена к подъему техники и народного дохода, но реакционная—когда направлена против них.

Это не значит, конечно, что социальные формы существования, конкретные формы взаимоотношений с крестьянами будут установлены просто и легко. Здесь встретится множество неожиданных препятствий и сопротивлений. Здесь потребуется длительное нащупывание и проверка форм. Но при наличности технической и экономической убедительности существа преобразования, формы взаимоотношений в конце-концов будут подсказаны жизнью.

Вторым пунктом недоумения является обычно вопрос, как связать крупные индустриальные хозяйства с нынешним укладом мелкого крестьянского хозяйства?

Конечно, самым простым выходом из положения обычно представляется людям грубый процесс вытеснения крестьян с земли и замена крестьянских хозяйств социалистическими тракторными латифундиями. Такой выход, разумеется, был бы социально нелепым выходом. Нелепость его настолько очевидна, что вряд ли нуждается в пояснении.

Разумеется, вполне возможно, что государство будет устраивать на свободных территориях свои механические хлебные фабрики, которые составят некоторый источник для хлебных резервов. Но основной массив хлебной продукции должен оставаться связанным с крестьянством и должен служить источником крестьянского дохода, обеспечивающим емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности.

Как можно совместить крестьянское землепользование с рационализированным механическим полеводством? Как можно совместить мелкое крестьянство с крупно-индустриальным масштабом новых организационных форм?

Несомненно, что индустрия полеводства должна вырасти из крестьянского хозяйства, но трудность в том, чтобы учесть существенные различия между предпосылками индустриальной концентрации в городе и индустриальной концентрации в деревне.

Теоретический спор между народниками и марксистами, повидимому, никогда не будет решен в плоскости замкнутой внутренней эволюции крестьянского хозяйства.

Противоречие заключается в том, что несмотря на доказанную большую рентабельность механического крупного хозяйства по сравнению с мелким, последнее никогда не сможет само органически вырасти в крупное, как бы оно жадно ни хваталось за новую технику.

Затруднение заключается здесь не только в стоимости оборудования (которая, судя по расчетам, не выше, а ниже на пуд продукции и на десятину, чем оборудование мелкого хозяйства и которая окупается в первый же год полностью). Затруднение здесь в том, что предпосылками полеводственной индустрии являются совершенно новые организационные принципы, новые методы расчета, совершенно чуждые лошадино-крестьянскому и лошадино-фермерскому производственному укладу. Крестьянин, хозяйственно вырастая, объективно превращается в кулака, ибо его исторически сложившемуся кругозору недоступны никакие другие реальные пути для выявления своей хозяйствующей энергии, кроме эксплоатации, производимой на прежней технической базе.

Объединить тысячи крестьян в единый коллектив, на полях которого работа будет производиться по единому строгому плану подобранными работниками,—такая идея не может вырасти из глубоко-собственнической и мелко-расчетливой ограниченной психологии крестьянина или фермера.

С другой стороны, не может крестьянское хозяйство подняться до индустриального полеводства и обычным путем капиталистической концентрации, ибо здесь эта концентрация, в отличие от промышленности, чрезвычайно тормозится туго раздвигаемыми пределами земельной собственности.

Организационные принципы и методы, необходимые для полеводственной промышленности, происходят от вершинных достижений металлической индустрии.

Разрешение коренной антитезы сельского хозяйства,—противоречия между растущими требованиями техники с одной стороны и организационной косностью—с другой,—не может вырасти само собою, путем естественной эволюции.

Точно также было бы нелепо ждать, пока ямщики вырастут и объединятся, чтобы построить железную дорогу, или извозчики съорганизуются, чтобы построить трамвай, также нелепо ждать, пока крестьянство само вырастет и организуется, чтобы создать полеводственную индустрию.

Индустриализация полеводства не осуществится вовсе или осуществится путем воздействия со стороны. В Америке это воздействие мыслимо в форме капиталистического выживания фермера с земли,—наподобие тому, что английские лойд-лорды выживали крестьян с полей для развития овцеводства и путем организации хлебно-индустриальных трестов. Счастливой возможностью для пролетариата в стране советской является другой путь—насаждение полеводственной индустрии не против крестьян, а для них.

Пролетариату выгодно совершить это преобразование для крестьянства совершенно бесплатно.

Представим себе, что сельско-хозяйственный банк открывает кредит некоторому кооперативу на индустриализацию производства. В чем заинтересованы крестьяне? В том, чтобы увеличить урожай и сохранить право распределения землей и инвентарем. В чем заинтересован банк? В том, чтобы возможно быстрее расширить свою кредитную деятельность до полного насыщения страны индустриализацией,—так как для единовременного осуществления ее нет достаточных средств.

Какие возможности в этом смысле представляет полеводственная промышленность? Эти возможности вытекают из двух особенностей ее: из размера капитальных затрат и из размера добавочного дохода.

Размер капитальных затрат—на основе Фордзона,—составляет примерно 40 р. на десятну при нынешних (несуразно высоких) ценах. Эти цены возможно будет заметно понизить, если мы отбросим совершенно нецелесообразное удвоение и утроение цены Фордзона в угоду нашему доморощенному строению негодных тракторов, если мы стандартизуем сельско-хозяйственные машины и организуем их рациональное массовое производство. Но будем исходить из цифры 40 р. Кроме того, потребуется на десятину керосина максимум 3 пуда—3 рубля, смазочных веществ — 1 р., ремонтных принадлежностей, запасных частей и т. д., общей суммой,—если считать щедро,—рублей 10. Удобрения, считая 20 пуд. по 50 коп.—еще 10 р. Итого 60 р. Шестьдесят рублей надо вложить в десятину, чтобы влить ее в индустриальный массив. Работников-трактористов, механиков, заведующих крестьяне оплатят из урожая сами.

Что дадут крестьянину эти шестьдесят рублей? Данные сельскохозяйственных опытных станций показывают, что своевременность агрикультурных операций вместе с удобрением может повышать урожай на 100 процентов. Комбинированное применение удобрения, своевременность операций и отборного посевного материала, надо думать, обеспечат удвоение урожая во всяком случае. Считая средний урожай крестьянской земли в 60 пудов с десятины,—мы имеем добавочных 60 пудов, т. е. по средней цене в 80 коп., 48 рублей.

Если из этих 48 рублей крестьянин будет выплачивать половину, т. е. на 24 р. в течение трех лет, в качестве погашения и процентов за кредит, он все же имеет добавочные 24 р. с десятины в год, и по истечении 3 лет — полный удвоенный доход, из которого может продолжать платить по 24 руб. уже в качестве вкладов в банк. Банк же получит таким образом возможность ежегодно увеличивать еще на 35% в год индустриализованную территорию.

В чем отличие этой системы от нынешней. В том, что кредит предоставляется не хаотически, не по отдельным элементам хозяйства, не по стихийному давлению хаотического спроса, а планомерно, рационально-комплектно. В том, что кредит открывается не под покупку отдельных машин, инструментов и т. д., распыляемых среди неумелой косной стихии, а под устройство фабрики в целом, рационально и умело организуемой. В том, что кредит является не просто орудием подъема хозяйства,—причем фактически подымается в первую очередь кулак,—но является орудием действительно социалистической рационализации.

В том, что кредит из капиталистически-кооперативного превращается в социализирующе-кооперативный.

Конечно, осуществить это не так просто, и сразу, простой агитацией тут не сделаешь ничего. Другое дело, если крестьяне будут иметь перед собой готовый опыт, осуществленный образец, с которым каждый сможет познакомиться, увидеть глазами, ощупать руками, привесить, промерить. Если банк сможет не только поставить условия рациональной организации, но обеспечить их осуществление, дав своего советника или даже организатора, который сумеет обучить, объяснить, поставить работу и вести ее.

Лозунг кооперации сам по себе еще не значит ровно ничего. Он получает смысл в зависимости от того, каким содержанием наполняется деятельность кооперации. Чем выше кооперация, тем больше вносит она в свою деятельность от высших достижений мировой культуры. То, что предлагается здесь, есть не уничтожение кооперации, но придание ей действительно социалистического содержания.

Иногда в качестве возражения выдвигаются соображения об отсутствии у нас финансовых возможностей для такой реорганизации. Если первые возражения можно объяснить недостаточной осведомленностью и продуманностью в вопросе, то возражение относительно недостатка средств есть нечто гораздо худшее.

Денег у нас больше, чем нужно, не в деньгах препятствие.

В этом году по плану Наркомзема УССР намечается на машиноснабжение села сорок пять миллионов рублей. Посмотрим, что можно было бы сделать на 45 миллионов рублей, если бы эти средства были не распылены по стихии крестьянского спроса, а употреблены на закладку планомерного строительства полеводственной индустрии.

Мы видели выше, что для индустриализации одной десятины крестьянской земли требуется примерно 60 руб. Следовательно, уже в первый год можно было бы индустриализировать полностью

$$45.000.000 : 60 = 750.000 \text{ десятин.}$$

Если допустить, что кроме этих сорока пяти миллионов государство никогда более не сможет вложить ни копейки в индустриализацию,—что вряд ли основательно,—то и в этом случае, возрастая исключительно за счет 35% погашений и 35% годичных вкладов от добавочного урожая, площадь индустриализации будет расти на $^1/_3$ в год, т. е. полная индустриализация Украины будет осуществлена меньше, чем в 14 лет.

Достаточно было бы, если бы 45 миллионов вкладывались каждый год,—что будет не труднее, а легче с ростом народного богатства,—и тогда этот процесс окончится гораздо скорее, чем в 14 лет.

Во всяком случае, такое использование 45 милл. было бы не только продуктивнее для народного хозяйства, но и более соответствовало бы задачам социалистическим.

Затруднение не в средствах, а в том, что мы не в состоянии организационно осилить даже имеющиеся средства. Выше было уже указано, что не только в 1926, но даже в 1928 г. мы не будем иметь еще достаточного числа опытных организаторов, чтобы наши миллионы рационально использовать.

И потому возражение относительно финансовых трудностей есть простая маскировка субъективной оценки индустриализации.

Часто приходится слышать также суждение такого порядка, что коренная индустриализация сельского хозяйства противоречит „законам сельско-хозяйственной эволюции“ и „живому знанию сельско-хозяйственной реальности“. Эти возражения наиболее вредны, ибо они базируются не на расчетах и доказательствах, а на стихийном „чутье“, на неразложимом подсознательном осадке, который остается у деятелей сельского хозяйства от всей совокупности их жизненного опыта.

Идеология, вырастающая из повседневного опыта крестьянского строительства, из созерцания беспомощной нищеты, невежества и косности рыхлой крестьянской стихии, — не может быть иной. Не случайно лозунг „трудоемкости“ заслоняет собою в сельско-хозяйственный лозунг „производительности“ настолько, что деятели Наркомзема совершенно искренно возражают против мероприятий, повышающих производительность из боязни „перенаселения“.

Не случайно мысль многих наших теоретиков сельского хозяйства, несмотря на бесспорное стремление к действительно социалистическому творчеству, не может освободиться полностью от влияния идеологических тенденций противоположного порядка.

И не случайно поэтому лозунг политической тактики, лозунг союза с крестьянством под гегемонией пролетариата грозит на деле выродиться в лозунг фактической гегемонии крестьянства над пролетариатом. Часто не пролетарская мысль, не социалистическая конструктивная идея воодушевляет нашу деятельность в сельском хозяйстве, а невольное, частью сознательное, частью бессознательное подчинение засасывающей крестьянской стихии.

Было бы недопустимо поставить это обстоятельство в упрек или в вину кому-либо. Речь идет об объективной ограниченности конструктивно-хозяйственного кругозора, в котором повинна эпоха, а не отдельные люди.

Но если так будет продолжаться, подъем кулачества, уже происходящий сейчас, станет неизбежным уделом республики, и тогда нам не справиться с кулацкой стихией никогда.

Между тем, мы видим на примере Америки, что даже в условиях сравнительного многоземелья, даже в условиях огромной индустриальности страны, мелкое землевладение не обнаруживает концентрации, которая создавала бы предпосылки для индустриализации внутри сельского хозяйства. Мы видим, что даже в Америке тракторизация ферм не вносит существенных изменений в их экономику, не приносит особенно заметных выгод хозяйству и что очаги индустриализации создаются Морганов ским и Фордовским капиталом вне фермерского хозяйства.

Пока мы останемся под обаянием господствующей ныне фактической идеологии, которая реально вырастает из господства в стране крестьянской стихии,—выход к индустриализации невозможен. Последовательное продолжение этой идеологии, доведенное до конца, означает в масштабе веков бунаковщину, апологетику карликового землекопательства, т. е. крайнюю форму порабощения человека землей.

Освобождение человека от земли, завоевание последнего участка на фронте механизации труда возможно только в том случае, если мы решительно и до корней разорвем эту господствующую идеологию.

В ограниченность земельного опыта крестьянской стихии надо приливать свежей крови от индустриально-конструктивного размаха действительно социалистической мысли.

Тогда будущее сельского хозяйства будет представляться не как будущее кулацки-бедняцкого мелкого хозяйства, до известного предела ищущего отсрочки от Дамоклова меча перенаселения в трудоемком животноводстве,—оно будет представляться совершенно иначе.

Кооперация, вырастая, питаясь широким индустриальным опытом ведет крестьянское полеводство к организованной крупной индустрии. Эта индустрия, создавая новый класс сельско-хозяйственного индустриального пролетариата, составляет металлический каркас сельского хозяйства, основную базу для экспорта и для животноводства. На этой базе под давлением той же кооперации с другой стороны, под давлением организуемого сбыта, под давлением переработочной, элеваторной, холодильной и, что особенно важно, — транспортной сетей, — вырастает крестьянское животноводство. Коммерчески крестьянин получает доход больший, чем теперь, в несколько раз. Производственно он теряет свою самостоятельность совершенно. Производственно он попадет в полнейшую зависимость от двойной системы кооперации, с двух сторон охватывающей его — со стороны необходимого ему животноводственного сырья (корма) и со стороны реализации его продукции. В таких условиях влияние государства как на качество (породы скота, состав кормов), так и на количество его продукции становится абсолютным. Песок крестьянского хаоса агломерируется в гигантский, сцементованный кооперацией государственный монолит. Стихия индивидуального хозяйства охватывается гигантскими планирующими клещами, одним рычагом которых является полеводственная индустрия и другим — обработочно-траспортно-сбытовая система. Возможность действительного планирования получается без нарушения экономических интересов крестьянина, к прямой его выгоде, через форму кооперации,—но через наполнение этой формы действительно социалистическим, индустриальным содержанием.

Крестьянин будет получать механическим путем хлеб и корма прямо в его хранилища и амбары, откуда так же механически будут увозиться продукты животноводства и навоз для удобрения. Чувствуя

себя попрежнему самостоятельным хозяином, он будет фактически рабочим государственной сельско-хозяйственной промышленности, выполняющим рабочие ордера, только написанные не языком приказа, а языком экономического оборота, и будет получать заработную плату не по платежному списку, а в виде „цены“ за продукты.

Происходящее в связи с этим облегчение и упрощение труда должно усилить процесс выделения из крестьянской массы все большего числа людей, интеллектуальная мощность и действенность которых не найдет себе применения в этой упрощающейся работе. Задача аппарата кооперации вместе с аппаратом просвещения будет заключаться в том, чтобы своевременно отсасывать этот высоко-качественный избыток для различной деятельности технического, хозяйственного, организационного порядка возрастающего масштаба. Живая жажда деятельности найдет себе законное приложение. Жажда же накопления и эксплоататорского господства будет ограничиваться теми пределами, какие ей сочтет целесообразным оставить государство, пока в определении этих пределов вообще будет оставаться какая-нибудь нужда.

Главнейшие возражения—от перенаселения, от увязки с крестьянским хозяйством, от финансов, от идеологии,—рассмотрены. Мыслимы еще тысячи других возражений и соображений против. Но есть только одно еще соображение за, однако такое, которое обессиливает заранее все возможные возражения: в пользу индустриализации говорят основные законы технической и хозяйственной эволюции человечества.

То, что утверждается здесь, есть, не что иное, как попытка практически-конструктивного применения основного принципа марксизма, попытка конструировать ту экономику, ту организационно-хозяйственную форму, которая соответствовала бы созревающей базе технической.

Но конструкция теоретическая ничего не стоит, если она не показывает путей реального осуществления.

Трудностей будет безконечное количество. Надо не пугаться их и не отступать, но конструктивно преодолевать.

Главная трудность,—как уже было указано,—в людях.

Многие нынешние агрономы, насквозь пропитанные духом прошлого, полные самоуверенности „люди жизни“, т. е. люди того, что было, будут беспомощны в организации полеводственной индустрии: здесь нужны люди того, что будет.

Здесь нужны люди, не только хорошо образованные агрономически и технически, не только находчивые, настойчивые, выдержанные, но и реально пропитанные духом и темпом нового производства. Эти люди должны обладать большим зарядом веры в осуществимость своего дела и в его великое значение для страны, чтобы они могли преодолеть гигантское сопротивление косности, как глупой, так и „умной“, с которым им придется встретиться.

К счастью или к несчастью, эти люди уже не будут пионерами в мировом масштабе. Пока обсуждался настоящий проект, пришли известия из Америки о ферме Кембеля. Теперь уже есть, на чем поучиться, на чем образоваться организационной закваске.

Надо использовать эту возможность как можно скорее и развернуть у нас в степной полосе опытное хозяйство. Эти опытные хозяйства должны явиться одновременно:

1) живой лабораторией для выработки и стандартизации наилучших приемов, методов и норм работы, применительно к русским условиям;

2) опытно-агрономической станцией нового индустриального масштаба;

3) передовым отрядом для нащупывания и выработки наиболее жизненных форм дальнейшего внедрения нового хозяйства в крестьянский быт;

4) рассадником тренированных и закаленных организаторов для новых хозяйств.

Надо думать, что некоторое время, б. м. несколько лет, рост индустриального хозяйства будет происходить не сразу в виде крестьянских объединений, а в виде хозяйств государственных. Это могло бы быть использовано для создания производственных родников для государственного хлебного резервуара, который служил бы хлебным конденсатором для регулирования хлебных цен и для выравнивания хлебо-экспортного потока при всяких колебаниях метеорологической и крестьяско-рыночной стихии. Это было бы первой командной высотой в полеводстве.

Обеспечение экономических рычагов для планирования нашего хлебного рынка и условий его реализации имеет значение первостепенное для всего нашего промышленного развития. Наша промышленность стоит на вечно колеблющемся фундаменте наших урожаев. Еще хуже то, что мы не властны хозяйственно реализовать урожай даже когда он хорош,—вследствие бессилия перед стихией цен. Создание рычага для планирования хлебного рынка есть основная экономическая предпосылка для обеспечения действительной, властной, а не гадающей плановой линии во всем нашем хозяйстве.

Наконец, не меньшее значение имеет создание такого хлебного конденсатора и для обеспечения наших интересов международных. Наш хлебный экспорт является более обеспеченным, чем экспорт любого другого товара со стороны более или менее устойчивой емкости европейского рынка, которая определяется в среднем в миллиард пудов в год. Вряд ли в какой нибудь другой сфере промышленности мы сумеем скоро конкурировать с фабрикатами Запада на европейском рынке. С другой стороны, наши шансы на завоевание европейского рынка больше, чем шансы Америки, ибо в Америке долго будет мешать ее фермерский строй, препятствующий индустриализации, и у нас стоимость рабочей силы долго будет ниже американской. Воз-

можность же свободно маневрировать большими запасами дешевого хлеба является в возможных перипетиях мировой классовой борьбы фактором, значение которого трудно преувеличить.

Трудности будут гигантские, но есть ради чего преодолевать их.

В силу всех изложенных соображений, надо полагать, что подготовительные меры к обеспечению технической и организационной возможности индустриализации имеют большее значение, чем им придается ныне. В соответствии с этим практические предложения должны быть таковы:

Учитывая, что наступление периода реконструкции выдвигает по отношению к сельскому хозяйству совершенно новые требования и что эти требования застают нас организационно неподготовленными, необходимо обратить особое и главнейшее внимание на скорейшую разработку и подготовку мероприятий, относящихся к коренной реорганизации сельского хозяйства на основах современной мировой техники.

В частности подлежит:

1) Разработать проекты широкой сети опытных рациональных хозяйств, полностью оборудованных во всех отношениях и могущих стать лабораториями технического и хозяйственного опыта и рассадниками организаторов нового сельского хозяйства.

2) Разработать вопрос о создании государственного зернового конденсатора, не коллективного, а промышленного типа, который явился бы рычагом государственного регулирования, хлебных цен и обеспечения для своевременного исполнения экспортных договоров.

Базисным материалом для проектирования такого конденсатора могли бы служить:

1) Намеченный Наркоземом У.С.С.Р. опыт полеводственной промышленности, который в соответствии с этим должен быть расширен.

2) Опыт Америки, который немедленно должен быть изучен, как технически и агрономически, так и со стороны рационализаторских приемов.

3) Попытка организации (на подобие автомобильных пробегов), состязания мировых фирм на работу механических полеводственных комплектов на украинских полях.

О реформе сельско-хозяйственного обложения [1]

I. К постановке вопроса о реформе

XIV партконференция, признав достаточными для сельско-хозяйственного обложения на 1925/26 год те изменения, которые приняты были Тифлисской сессией ЦИКС, с некоторыми их дополнениями, не фиксировала этих изменений, легших потом в основу декрета о сельхозналоге на 1925/26 год, как окончательных и на дальнейшие годы, а, напротив, признала необходимым полный пересмотр основ сельско-хозяйственного обложения и поставила этот вопрос во всей широте: „стремясь обеспечить“,—говорит резолюция конференции—„соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощность и платежеспособность хозяйства, желая достичь справедливого распределения тягот налога между различными слоями крестьянства, сообразно степени их благосостояния и особенностей крестьянского хозяйства по районам, стремясь поощрить и обеспечить процесс здорового накопления в недрах крестьянского хозяйства, в целях расширения и усовершенствования сельско-хозяйственного промысла, партия должна поставить перед собой задачу коренного улучшения системы прямого обложения в деревне. Конференция обращает внимание ЦК партии на необходимость разработки основных положений нового закона о сельско-хозяйственном налоге, который на основе опыта учитывал бы многосложность крестьянского хозяйства и его многообразие на территории Союза, обеспечивал бы беспрепятственное развитие сельско-хозяйственного промысла и давал бы возможность защиты интересов тех слоев деревни, кои являются опорой Советской власти“.

III Союзный Съезд Советов постановил—„осуществить общий пересмотр действующей системы единого сельско-хозяйственного налога в направлении указанном постановлениями II Съезда Советов, с тем, чтобы устранить в налоге элементы, задерживающие рост производительных сил, обеспечить наибольшую возможность подъема маломощных и средняцких крестьянских хозяйств и чтобы с наибольшей тщательностью привести налоговые ставки, падающие на плательщиков, в соответствие с действительной платежеспособностью каждого крестьянского двора“. II же Съезд Советов указывал, что налог должен быть прогрессивным с максимальным приближением его к подоходному“. По вопросу об обложении накопился колоссальный материал

[1] В порядке обсуждения.

и в виде оффициальных документов и в виде частных статистических и публицистических работ. Последними из оффициальных работ являются тезисы доклада Госналога о реформе с.-хоз. налога на 1926/27 г. на расширенном заседании коллегии НКФ СССР.

Но несмотря на обширность всего этого материала, в нем не уделено внимания некоторым существенным моментам, на которых необходимо остановиться и в особенности теперь, при приступе к радикальному пересмотру вопроса. И последние тезисы Госналога страдают недоучетом некоторых факторов. С другой стороны, самая громоздкость материала требует фиксации основных вех в ходе развития законодательства об с.-х. обложении и основных направлений в искании правильного решения. Искать этого решеняя нужно не на 1926/27 год, о котором говорят тезисы Госплана, а сразу на ряд лет.

II. Два главных варианта реформы

В докладе тов. Цюрупы на XIV партконференции выдвинуты два главных варианта реформы. Первый вариант имеет в виду введение действительно подоходного налога, т. е. налога, взимающегося с чистого дохода; однако, в виду технических и иных трудностей на первое время избирается переходная к подоходному налогу форма. Согласно этого предложения (в переходное время) исчисляется доход с хозяйства не только от главных источников, но также доход и от второстепенных источников—от промыслов, от овцеводства, свиноводства, огородничества, садоводства и т. п. Эти доходы определяются в порядке нормальном, исчисляются в центре, нормы определяются по губерниям; с общей суммы дохода делается скидка, и лишь остаток после скидки подвергается обложению, устанавливается необлагаемый минимум; сумма всех доходов определяется в деньгах (изгоняются коэффициенты, пересчеты скота в пашню и т. д.).

Второй вариант, который выдвинут, говорит об обложении земельной ренты. Этот вариант имеет в виду обложение того дохода, который не зависит от труда хозяина и который определяется разницей в плодородии, близостью рынка сбыта.

К изложению этих двух вариантов тов. Цюрупа добавил, что рентный налог с его точки зрения „является очень соблазнительным". Идея рентного налога, идея чистого поземельного обложения выдвинута была давно. Вопрос о нем поднят был непосредственно в крестьянских кругах, конечно, без достаточной научности в редакции, еще до введения продналога, и в первое время после декретирования последнего оживленно обсуждался крестьянами и на страницах печати, в особенности в „Бедноте". Но тогда голоса в пользу рентного обложения не возымели влияния на практику налогового законодательства, в котором возобладали другие тенденции. Эти голоса затихли и идея рентного обложения вновь выступила на сцену только изредка в дискуссионных выступлениях против тенденций работников

Наркомфина. И вот, наконец, идея рентного обложения выдвинута не в порядке публицистической вылазки, а в ответственнейшем докладе ответственнейшего продналогового работника на ответственнейшем собрании выдвинута на ряду с налоговыми предположениями НКФ, как равноправный с ними вариант. И Госналог в своих последних тезисах, несомненно, делает известную уступку этой идее, хотя комбинирует ее с другими традициями.

III. Последствия сельско-хозяйственного обложения в его разных видах

Как отразились различные формы обложения на сельском хозяйстве?

Вот первый вопрос, который приходится поставить, в связи с директивами III Съезда и партконференции о том, что обложение „не должно задерживать развития производительных сил" и должно „поощрить расширение и усовершенствование сельско-хозяйственного промысла". Натурпродналог 1921 года, покончив с нормировкой собственного потребления земледельца и с вопросом об „излишках", покончив с постоянной угрозой реквизиции, висевшей над крестьянством при разверстке, покончив с круговой порукой, покончив в тоже время и с хлебной монополией, развязал хозяйственную инициативу и оказал громадное влияние на рост посевных площадей и разведение крупного скота. Но как и разверстка, он требовал крайне сложных учетных работ, стремясь выяснить мощность каждого отдельного хозяйства и его доходность по всем видам продукции. При попытках же точно учесть количество мелкого скота и молодняка крупного скота и в особенности при попытках точно учесть посевные площади и сбор хлебов—имели место огромные погрешности, как в силу утаек со стороны налогоплательщиков, так и в силу невольных ошибок производивших учет. Облагая же мелкий скот и молодняк крупного, натурналог не устранил среди крестьянства некоторой опасливости относительно выгодности значительного расширения животноводства.

Сельхозналог 1922 года был некоторым упрощением системы 1921 г., но сохранил и даже усилил его давление на инициативу, в отношении животноводства, так как переход в высшие категории по обеспеченности скотом сильно увеличивал налоговое бремя. За то облагая не посевные площади, а пахотные площади, он стимулировал увеличение посевов и сделал бесполезной утайку посевных площадей. Единый сельхозналог 1923 года, несмотря на то, что он не оказался „единым", был дальнейшим огромным шагом вперед, освободив от обложения мелкий скот и молодняк крупного скота. Лишняя овца, лишний поросенок, лишний теленок перестали грозить хозяйству переводом его в высший разряд по обложению. Деревня ответила на реформу налога огромным увеличением численности скота и более точным, чем прежде, показанием о его количестве.

Таким образом, система обложения за четырехлетие 1920-1923 г. последовательно развивалась в интересах подъема сельского хозяйства.

Но были и некоторые больные места. Во-первых, разряд урожайности, к которому бывало относимо отдельное хозяйство, всегда был применим к нему лишь с очень большой натяжкой. Попытки подойти индивидуально к каждому хозяйству с определением его сбора хлебов были скоро признаны безнадежными, и урожайность стала определяться по районам. Но при определении средней урожайности по району, цифра этой урожайности получалась тоже только приблизительная и, благодаря пестроте урожая, никогда не находила мало-мальски точного соответствия в отдельных хозяйствах. Если в 1924 году при поездке по неурожайным местностям тов. Рыкову пришлось отмечать в соседних хозяйствах пяти-шестикратную разницу в урожае, то и в засушливом 1921 г. такая разница встречалась сплошь да рядом исключительно в зависимости от времени и количества пахоты и сева. Но и в нормальные годы троекратная разница на соседних полях и на смежных полосах не является редкостью. Если жалобы на неучет налогом пестроты урожая и на несоответствие налога урожаю были сравнительно редки, то только потому, что крестьянское правосознание кладет в основу обложения по общему правилу, за исключением случаев стихийных бедствий, оправдывающих хозяина в его неудаче,—не фактический урожай данного года, а землю,—по принципу: „равная земля—равный налог".

Вторым больным местом обложения было позднее объявление ставок налога и ежегодное резкое их колебание, застигавшее плательщиков врасплох.

Третьим слабым местом было то обстоятельство, что общая сумма налога по губернии определялась в виде не только контрольной цифры, а в виде обязательного контингента; если установленный в Центре для губернии разряд обложения оказывался для некоторых мест слишком тяжелым, то губернской власти предоставлялось облегчить налоговое бремя для этих мест лишь при условии увеличения его для других мест. Таким образом получалось, что два совершенно одинаковые как по составу семьи, так и по составу инвентаря хозяйства, имевшие одинаковую землю и в одинаковом количестве и имевшие даже фактически одинаковый урожай, облагались различно, если они находились в районах, подпавших под разный разряд обложения, что особенно резало глаза, когда эти районы были соседними. Тут отчетливо выступал разверсточный принцип обложения.

Четвертым слабым местом была сложность расчетов, особенно в „едином" последних лет. Не только налогоплательщикам было трудно проверить оклад, но и финансовый аппарат должен был нести чрезмерный труд. К сложности исчисления оклада присоединялась сложность установления льгот. Вместе с тем, непонятным по существу многим крестьянам оказался принцип пересчета скота в пашню. „Единство" в смысле суммы было, конечно, понятно налогоплательщикам, „единство" в смысле расчета осталось непонятным и оказалось более затруднительным, чем отдельные подсчеты по хозяйственным отраслям.

Больным местом уже собственно не для налогоплательщиков, а для руководств народным хозяйством вообще, — было то обстоятельство, что налоговое дело обратило статистику в орудие фиска. У крестьянства создалось в высшей степени подозрительное отношение ко всяким статистическим опросам; оно стало смотреть на эти опросы, как на разведку, предшествующую нажиму налогового пресса, от которой надо увернуться.

И не только у налогоплательщиков, но и у местных советских работников, из боязни переобложения их районов, создалась тенденция преуменьшения местных достатков и местной продукции. А высшие статистические инстанции ответили на этот уклон тенденцией преувеличения местных средств „на глазок". В области учета скота неточности были, конечно, только „вольные": налогоплательщики скрывали действительное его количество, причем показания относительно крупного скота, конечно, страдали в смысле правдивости немного, показания же о мелком скоте, овцах, свиньях и о молодняке крупного скота преуменьшали его часто в несколько раз. Что касается посевных и пахотных площадей, то здесь имели место и вольные и невольные ошибки.

Как бы то ни было, в общем результате, статистика, в особенности в отношении урожайности, стала страдать крайней неточностью, которая, если сказать по совести, совершенно исключает возможность строить на ней народно-и государственно-хозяйственные расчеты.

С такими достижениями и дефектами обложение вступило в пору перехода к чисто денежному. Первым опытом такого обложения явилась система 1924/25 года. На ней необходимо остановиться особо. И прежде всего нужно устранить одно основное недоразумение: на эту систему некоторые налоговые работники смотрят, как на переходную к прогрессивно-подоходному обложению. Этот взгляд совершенно ошибочен. Это доказано было проводившимися в печати сопоставлениями данных о мощности хозяйств с данными о падающих на них фактически суммах налога. Неосновательность этого взгляда ясна и из анализа самой системы, в которой разверсточный принцип еще яснее, чем в обложении предшествовавших лет. Вспомним эту систему. Центром, на основании исчисленной особым методом суммы условно чистого дохода всего крестьянства губернии, определяется сумма налога, подлежащего получению со всего этого крестьянства. Эту сумму губернская власть должна распределить между уездами или иными районами губернии. А уездные или районные контингенты обложения должны быть распределены между отдельными плательщиками уже по определенным признакам, или объектам обложения. Определенная для губернии сумма налога—это именно фиксированный контингент, а не приблизительная контрольная цифра. Подход к делу здесь не такой, чтобы выяснить категории возможных плательщиков и определить нормальную для плательщика сумму, а такой, чтобы установить сумму, посильную для всех плательщиков в их совокупности и затем указать моменты, по соображению с которыми эта сумма должна быть распределена между

отдельными плательщиками. Путь здесь не от индивидуального оклада отдельного плательщика к общей цифре взимания со всех плательщиков, а, наоборот, от общего контингента к индивидуальному окладу. И вот при продвижении налоговых требований этим путем имеет огромное значение то обстоятельство, что для установления контингента учитываются все доходы губернии от сельского хозяйства и подсобных при нем промыслов, а когда дело доходит до исчисления налога по отдельным хозяйствам и до составления списков налогоплательщиков и отдельных окладных листов, то учитывается лишь часть этих доходных статей. Нельзя не отметить, что исчисляемые по губерниям цифры условно-чистой доходности очень далеки от действительности; в условиях натурального, чисто потребительского хозяйства, стоимость потребляемых в хозяйстве собственных продуктов, исчисленная по рыночным ценам, далеко не может служить показателем определенной платежеспособности. Но главное дело все-таки в том, что средние разряды обложения определяются по одним моментам, а индивидуальные оклады—по другим. В условно чистом доходе губернии показаны доходы и от полеводства, и от лошадей, и от коров, от овцеводства и свиноводства, и от местных промыслов, и от заработков на стороне, а при подходе к отдельному хозяйству налогом настигаются только земля и крупный скот. Разряд по губернии повышается учетом доходов от мелкого животноводства и подсобных промыслов и это повышение отражается одинаково на всех плательщиках, независимо от того—есть ли в их хозяйствах мелкий скот и подсобные промыслы. Если в губернии зажиточные крестьяне развели много овец и свиней и статистика подсчитала от них значительное увеличение дохода, то за это увеличение должны заплатить и те, кто не имеет ни овец, ни свиней. Если к этому прибавить, что пестрота урожая складывается обыкновенно в пользу зажиточных и не в пользу бедноты, что качество скота у зажиточных и, следовательно, доходность их животноводства выше, то ясно станет, что момент доходности улавливается налогом очень слабо и ясно станет, почему обложение сложилось в значительной степени в пользу зажиточного крестьянства.

На 1925/26 год, на основе заключения членов ЦИК'а—крестьян, в систему 1924/25 г. внесено было радикальное изменение в виде отказа от ежегодного учета урожайности и в виде требования заблаговременного установления ставок налога. На этот отказ от ежегодного учета урожайности с переходом к обоснованию обложения средней урожайностью за ряд лет высказывается иногда взгляд, как на частичную поправку в системе. На самом деле, это изменение является вовсе не частичной поправкой, а перестройкой фундамента обложения предуказывающей пути к дальнейшей реформе. Крестьянское хозяйство приобретает возможность расчитывать свои операции надолго вперед, государственный бюджет—тоже, ежегодные ухищрения при учете урожайности начинают терять стимул, и для статистики открывается путь к правильной работе. Обложение же переходит от неосуществимых попыток настигнуть доход миллионов крестьянских хозяйств в его размерах каждого данного года к попытке опереться на среднюю продуктивность земли.

IV. Тезисы Госналога об обложении на 1926/27 год

Предуказанный пересмотр системы сельско-хозяйственного обложения начался. 1 ноября 1925 года опубликованы тезисы Госналога НКФ об обложении на 1926/27 г. Проектируя внесение в систему исчисления налога таких изменений, которые безусловно облегчают ее понимание, тезисы в то же время заключают в себе такие соображения и такие предположения, с которыми нельзя согласиться.

Госналог объясняет неравномерное распределение тяжести налога при системе последних лет тем, что из обложения исключаются второстепенные отрасли сельского хозяйства и неземледельческие заработки (тезис 3). Это объяснение неполно и односторонне:—неравномерность в еще большей степени объясняется, как указано выше, во-первых, пестротой урожая в отдельных хозяйствах одного и того же района и различною производительностью крупного скота и, во-вторых, порайонным назначением разрядов обложения.

Тезисы предполагают (тезис 6) устранить неравномерность обложения „переходом к обложению крестьянского дохода в рублях, с привлечением к обложению большого числа источников крестьянских доходов“, но „сознавая трудность“,—а правильнее сказать—невозможность „индивидуального учета дохода каждого крестьянского двора“, тезисы остаются при „нормах дохода по губерниям“, т. е. при порядке установления районных контингентов, являющихся явной причиной явной неравномерности в обложении одинаковых хозяйств.

Вместе с тем, тезисы (т. 9 и 12) предполагают обложение „дохода, учитываемого по внешним признакам“, земли и крупного рабочего и рогатого скота, обосновать не фактическим размером дохода данного налогового года, а доходом за последнее четырехлетие, и при том доходом, исчисленным условно и в средних нормах.

Таким образом, сохраняется и другая причина неравномерности,—недоучет конкретных данных данного года. При таких условиях говорить о принципе подоходности в обложении можно лишь очень условно: налог фактически является в части обложения крупных источников дохода—обложением не дохода, а самых этих источников, т. е. он является не подоходным, а поимущественным, а средне- и условно-исчисленный доход от этих источников является лишь методом подхода к этому поимущественному обложению. Но в поимущественное обложение вносится при этом, или остается, та несправедливость, что одинаковые имущества будут облагаться различно, в зависимости не от действительного их экономического положения, в смысле возможности правильной эксплоатации, а в зависимости от отнесения их к тем или иным статистическим районам: два хозяйства, имеющие

одинаковое количество одинаковой земли и одинакового скота и находящиеся в одинаковом расстоянии от одного и того же рынка, будут обложены различно, если они будут находиться в соседних районах, но районах, подпавших в общем под нормы доходов или,—что в данных условиях то же самое,—под разные контингенты обложения.

В отношении земли тезисы намечают некоторое приближение к подоходности, предполагая отступление от системы последних лет в том смысле, чтобы облагать не всю пахотную землю в каждом хозяйстве, а лишь площадь фактического посева. Но опять-таки в силу пестроты урожая и сбора хлебов, этим способом действительной подоходности обложения установить нельзя, а между тем он заключает в себе резко отрицательные стороны: он требует ежегодных сложных и неизбежно ошибочных обмеров и учетов, он заставит утаивать пашню и заставит взвешивать сравнительные выгоды засева и недосева, он будет аргументом против перехода к многополью и сокращению паровых площадей и против возделывания худших земель,—это при условии, что учет посевных площадей будет действительно проводиться и не будет заменен простым предъявлением к обложению двух третей пахотной земли, на основе родимого трехполья. Но этот последний исход, извращая действительное положение земледелия, и опять-таки запутывая сельско-хозяйственную статистику, сведет „подоходность“ опять к поимущественности.

Предполагая обложение „крупных источников дохода“ по „объективным данным“ и предполагая ясно и просто, хотя и несправедливо и хозяйственно нецелесообразно, тезисы наряду с этим намечают „обложение дохода от второстепенных отраслей сельского хозяйства и неземледельческих заработков, устанавливаемых волостными налоговыми комиссиями для каждого отдельного хозяйства“ (п. 9 и 12).

Здесь Госналог безусловно преувеличивает силы волостных налоговых комиссий: не то что точно установить фактический доход от второстепенных отраслей и от неземледельческих заработков по 3-5-10 тысячам хозяйств, но даже собрать по ним какие-либо данные, конечно, волостная комиссия не сможет; она вынуждена будет обратиться к сельсоветам с запросом о количестве мелкого скота, птицы в отдельных хозяйствах; о членах отдельных семей, имеющих основные занятия на стороне или подсобные занятия; далее, те сельсоветы, которые являются сельсоветами нескольких селений сразу, т. е. районные сельсоветы, вынуждены будут обратиться к уполномоченным по этим селениям; получатся данные такого рода, пользование которыми поведет к величайшим недоразумениям,—сведения о количестве овец, свиней, птицы будут страдать огромной неточностью и иногда неточностью не одинаковой для всех хозяйств, а неточностью, определенно пристрастной; не меньшей неточностью будут страдать и сведения о неземледельческих занятиях и доходах. И если учет дохода от этих второстепенных отраслей сельского хозяйства и неземледельческих заработков поведет к мало-мальски значительному увеличению налогового

бремени,—а налогоплательщики, конечно, расчленят налог на три его составные части,—то неизбежны будут массовые и вполне справедливые нарекания на неточность волостных налоговых комиссий. Неясно при этом, какую роль будут играть предполагаемые тезисами (п. 13) ориентировочные „погубернские суммы дохода от источников, устанавливаемых этими комиссиями“. Практика, повидимому, сложится так, что эти ориентировочные губернские суммы будут приниматься к разверстке по уездам, затем уездные суммы будут разверстываться по волостям, и волостные комиссии будут разверстывать их по отдельным дворам, кладя в основу разверстки те неточные данные, которые будут получены из селений. Надо, конечно, иметь в виду, что и погубернские, и поуездные, и поволостные ориентировочные суммы будут очень далеки от действительных сумм дохода земледельческого населения.

По существу же обложения этих второстепенных отраслей и неземледельческих заработков надо иметь в виду следующие соображения. Если налог с мелкого скота и птиц будет настолько высок, чтобы покрыть издержки сравнительно точного учета, он скажется фактическим сокращением количества этого скота или задержки роста этого количества. Если налог будет так низок, чтобы не оказывать этого отрицательного влияния, он не будет стоить хлопот. Расширение мелкого животноводства является часто той формой обрастания маломощного хозяйства, при посредстве которой оно идет к обзаведению крупным скотом или доброкачественным мировым инвентарем. Наконец, относительно подсобных заработков приходится помнить, что часть из них не идет в общий доход двора, а является личным доходом отдельных членов крестьянской семьи, доходом, часто имеющим специальное и очень важное для данного лица назначение,—таков, например, личный заработок девушек на поденщине, достигающий в отдельных районах значительных размеров и обращаемый на подготовку „приданного“.

И еще общее соображение о неземледельческих заработках: не пора ли перестать причислять их к сельско-хозяйственным доходам?.. Тезисы Госналога указывают на их огромное значение в бюджете крестьянства отдельных районов и особенно в отдельных семьях (п. 3). И, действительно, во многих отдельных семьях, имеющих земельные наделы, основной статьей дохода являются не земледельческие заработки, а доходы от сельского хозяйства являются подсобными. Статистическое и налоговое объединение, под общим названием сельского хозяйства, как действительного сельского хозяйства, так и занятий, ничего общего не имеющие с сельским хозяйством, только затрудняет правильный подход и к народно-хозяйственным и к чисто налоговым проблемам. Изложенных замечаний достаточно, чтобы считать необходимым полный пересмотр выдвигаемых Госналогом основ обложения. Некоторые сомнительные места чувствуются и самим Госналогом: он говорит, как уже указано выше, „о трудности индивидуального учета каждого крестьянского двора“, о „нецелесообразности переносить в деревню нормы и способы обложения, принятые в го-

роде“ (п. 6); он отмечает, что „крестьянству будет малопонятен статистически исчисленный доход от земли и скота, продукция которых в подавляющей части потребляется самими крестьянами“ и поэтому предполагает „установить нормы дохода, положенные в сравнении с исчисленным условно чистым доходом“ (п. 13). Таким образом, сознавая невозможность проведения действительно подоходного обложения, тезисы предлагают затушевать дефекты обложения низкими ставками налога. И, повидимому, сознавая эти дефекты, тезисы говорят об обложении только на 1926/27 год, а не об установлении твердой системы на несколько лет, как того следовало ожидать.

Относительно того, как налог в данной форме будет понят крестьянством, определенно можно сказать, что он будет понят, как троякий налог: во-первых, с земли, во-вторых, с крупного скота и, в третьих, с мелкого скота и подсобных заработков, будет понят как налог поимущественный, осложненный некоторыми моментами обложения личного, как оно есть на самом деле. Но почему имущество одного рода облагается в отдельных районах по разному,—этого крестьянство не поймет, как того и ожидает Госналог. Искусственные исчисления ЦСУ, основанные на заведомо неверных данных, конечно, меньше говорят не только крестьянину, но и всякому другому человеку, чем конкретное указание на землю определенного качества, или количества рогатого скота, или конкретное указание на действительный конкретный доход. Но стать на путь первых указаний Госналог пока не хочет, а стать на путь вторых—не может и не сможет много лет.

V. Желательная дальнейшая реформа

Подоходное обложение—это тот идеал, к которому следует стремиться. Но не следует делать себе иллюзии о сроках и путях его достижения. И деректива о приближении к подоходному налогу так и есть директива о приближении, на путь которого стать возможно, а не о немедленном введении, которое совершенно невозможно. И необходимо опять сказать, что ни в системе сельхозналога 1924/25 года и 1925/26 года, ни в предположениях Госналога на 1926/27 г. нет никакого приближения к подоходности, сравнительно с системами прежних лет. И как бы мы ни уточняли и ни расширяли учет ожидаемого или фактического условно-чистого дохода сельского хозяйства губернии, мы только получим известное представление о хозяйственной мощности губернии, но вовсе не приблизимся к учету дохода каждого отдельного хозяйства, потому что для этого путь один—точно учитывать доход именно каждого отдельного конкретного хозяйства. Что это при наличном количестве хозяйств, их разнообразии, их малой изученности и слабости учетного аппарата,—совершенно невозможно, доказывать нет надобности, да это и опытом доказано. А всякий подход с общей меркой даже к небольшой группе хозяйств является уже игнорированием их индивидуальных хозяйственных особенностей, отходит от конкретного к типовому, переходит к средним нормам. Как бы ни устанавливать эти средние нормы,—они всегда окажутся для одного тяжелы, для другого легки—на то они и средние нормы. Даже в случаях одинакового состава хозяйства очень трудно установить эту излишнюю тяжесть или легкость и очень трудно установить справедливость облегчения или дальнейшего отягощения. Ведь для установления сравнительной легкости или тяжести обложения для двух хозяйств одной деревни, имеющих одинаковое количество земли, скота, работников,—необходимо проверить сбор хлебов, удойливость коров, шерстность овец, цены реализации продукции, что очень трудно сделать даже специальным подробным обследованием одного хозяйства и что совершенно невозможно при массе хозяйств. Исходить из суммарной губернской доходности для определения доходности отдельного хозяйства—путь совершенно неправильный, – стараться ли при этом выяснить доходность наступающего года, как делал финаппарат в 1924/25 году, или стараться выяснить доходность истекшего года. Индивидуально и конкретно учесть доход и будущий и фактический по 20 милл. хозяйств для нашего аппарата невозможно.

Конкретная доходность отдельного хозяйства может теперь быть выявлена и при том лишь с значительной неточностью в определении,—только в особых и очень немногочисленных случаях.

И вот думается, что необходимо расчленить вопрос. Не общий вопрос о сельско-хозяйственном обложении надо ставить, а отдельно вопрос о поземельном и о подоходном налоге в деревне. Переход к установлению обложения по средней урожайности и средним ценам за ряд лет,—то, что мы имели в сельхозналоге на 1925/26 год и то, что предполагается тезисами Госналога на 1926/27 г.—есть мост не к подоходному, а к поземельному обложению. Постепенные за последние годы облегчения в обложении скота также могут рассматриваться как переход к отказу от обложения скота и как переход к чистому поземельному обложению. Для поземельного обложения мы имеем материал достаточный. Правда, у нас нет земельного кадастра и несмотря на крупную нужду в нем, мы получим его не так еще скоро. Но почвенные карты и климатические данные, в связи с учетом урожайности, производившиеся за последние годы, и с данными о довоенной оценки земли и о размерах арендной платы и о средних ценах на продукты в определенных районах,—практически могут заменить его на ближайшие годы. Несмотря на свою полную непригодность для определения сбора хлебов в отдельных хозяйствах, несмотря на свою неточность даже и для тех районов в целом, которых они непосредственно касались и в суммарных цифрах для всей страны, эти учеты имеют значение для сравнения одних районов по средней урожайности с другими, так как процент погрешности в разных районах не так уже сильно разнится.

Во всяком случае, приняв во внимание все только что указанные данные, можно установить нормальную среднюю продуктивность

земли в отдельных районах с достаточной точностью для того, чтобы удовлетворительно спроектировать на ряд лет и проварьировать по районам ставки поземельного налога, который и будет, таким образом, обращен на изъятие частичное,—земельной ренты. Этим способом решена была поставленная XIV Партконференцией задача учета „особенностей крестьянского хозяйства по районам“ и основной базы, определяющей мощность и платежеспособность хозяйства.

Но этим, конечно, не достигнуто было бы еще „соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов“. К осуществлению этой задачи можно и нужно приступить, сообразуясь и с условиями сельского быта и с силами налогового аппарата. В деревне имеются хозяйства, подорванные, могущие оправиться, им нужны льготы. В деревне имеются хозяйства нормальные-средняцкие—их очень трудно дифференцировать и их нет надобности дифференцировать, им нужно „обеспечение беспрепятственного развития сельско-хозяйственного промысла“ и с них достаточно взимания поземельного налога. Да и трудно подойти к ним с прессом подоходного налога, когда в большинстве случаев весь их доход при применении общих норм подоходного налога не выйдет за пределы необлагаемого минимума, не превышая в сущности размеров самого скромного прожиточного минимума. И для бедняцких и средняцких хозяйств следует определенно отказаться даже от прогрессии ставок в зависимости от величины душевых наделов, потому что вопрос идет о наделах небольших и потому что величина их не доказывает мощности хозяйства, а часто малоземельные хозяйства оказываются устойчивее и продуктивнее, чем более многоземельные. Этот поземельный налог был бы частичным изъятием земельной ренты. Полномерное взимание этого поземельного налога с средняцких хозяйств и льготы бедняцким, могущим подняться—это было бы достаточной „защитой интересов тех слоев деревни, кои являются опорой советской власти“. Наконец, в деревне есть хозяйства верхушечные—двух типов: хозяйства кулацкие, более многочисленные и хозяйства культурно-капиталистические, более редкие пока: к ним можно подойти уже и с подоходным обложением, устанавливая его для них сверх требуемого с них поземельного налога параллельно с ним. Таким образом, мы приблизились бы „к справедливому распределению тягот налога между различными слоями крестьянства, сообразно степени его благосостояния“. Но, разумеется, и в отношении верхушечных хозяйств подоходный налог должен быть не слишком тяжел, „стремясь поощрить и обеспечить процесс здорового накопления в недрах крестьянского хозяйства, в целях расширения и усовершенствования сельско-хозяйственного промысла“.

Категории хозяйств, которые должны быть взяты на специальный учет в качестве могущих подпасть под подоходное обложение, должны быть установлены законом. Принципиально правильным казалось бы установить, чтобы учету в качестве возможных или вероятных плательщиков подоходного налога подлежали хозяйства, во-первых, систематически применяющие наемный труд, во-вторых, имеющие земли значительно больше потребительской нормы, в третьих, хозяйства, которые при земельном обеспечении, превышающем потребительскую норму, имеют рабочего скота больше оптимальных для данной площади размеров, в четвертых, хозяйства, занимающиеся коммерческим разведением скота. Но во всех этих случаях должны быть установлены осторожные методы подхода к исчислению дохода и к установлению ставок налога. И подход здесь, конечно, должен быть индивидуальный к каждому хозяйству, совершенно не зависящий от каких-либо суммарных доходов губернии и не связанный какими-либо общими контингентами.

Твердое поземельное обложение, заранее фиксируемое на ряд лет, соответствующее принципу изъятия ренты, отказ от его прогрессивности в зависимости от размера наделов, отказ от обложения скота, кроме особых специальных случаев, твердое отделение промыслового обложения от земельного и введение подоходного налога с хозяйств, носящих кулацкий и культурно-капиталистический характер,—это, думается, вытекает и из положения вещей по существу, оправдывается историей вопроса и отвечает резолюции XIV Партконференции.

Принятие этих основ пошло бы навстречу правосознанию крестьянства, дало бы возможность твердых хозяйственных и денежных расчетов и крестьянину и государственному бюджету чрезвычайно облегчило бы финансовый аппарат и дало бы возможность возродить правильную сельско-хозяйственную статистику, столь необходимую для планового руководства народным хозяйством. Полной „справедливости“ обложения достигнуть теперь ни при какой системе нельзя. Даже и при совершенно правильном и точном учете дохода двух хозяйств, чего теперь нельзя добиться,—все-таки справедливости в их обложении нельзя провести: „справедливо“ ли облагать одного хозяина больше, чем другого, за то, что первый вывез навоз, рано вспахал пар, во время передвоил, во время посеял, во время убрал и обмолотил и т. д., а второй отнесся нерадиво.—„Справедливо ли“ облагать одного хозяина больше, чем другого, за то, что первый, пользуясь наличностью корма, „пустил“ несколько лишних овец, а второй продал корм и выручил, может быть, больше, чем первый? Целый ряд, длинный ряд существенных для „справедливости“ вопросов требует для своего разрешения не только учета наличного состояния данных хозяйств, но сравнительной истории этих хозяйств. Что же говорить о том, что невозможно?—

Поземельный налог и приступ к введению параллельно с ним подоходного налога,—это было бы, пользуясь выражением тов. Цюрупы, „соблазнительно“ и для большинства крестьянства, и для статистики, и для налогового аппарата, и для общих интересов народного хозяйства.

П. Я. Гуров

Опыт исследования сельско-хозяйственной политики в засушливых районах Северного Кавказа [1]

(По предварительным данным экспедиции НКРКИ СССР. Май-июль 1925 г.)

(Окончание)

Наемный труд

Важнейшая проблема учета наемной силы в сельском хозяйстве не получила еще достаточного освещения в Северо-Кавказском крае.

Учет наемных сельско-хозяйственных рабочих производится Всеработземлесом, но он не охватывает всего количества батраков: многие случаи найма не учитываются.

На 1 апреля 1925 года мы имеем следующие данные о наемных сельско-хозяйственных рабочих.

	Всего учтено батраков	На 100 хозяйств приходится батраков	Число заключенных труддоговоров		Членов союза	
			Абсол.	%	Абсол.	%
Донской округ	14.975	11,0	7.079	47,5	1.660	18,0
Ставропольский округ .	5.131	4,6	1.739	33,9	1.209	23,6
Сальский округ	5.097	8,6	1.342	26,4	641	12,6
Всего по краю во всех округах	95.660	8,1	38.679	40,5	20.571	21,5

[1] Примечание автора. Настоящая статья является предварительной обработкой материалов, добытых экспедицией во время работ.

Автору, в качестве председателя экспедиции, приходилось делать доклады по этим материалам на местах, начиная с собрания Сельсоветов, Райсоветов и кончая Окружисполкомами.

Заключительный доклад был сделан на Пленуме Северо-Кавказской Плановой комиссии.

В собирании и разработке материалов большое участие, помимо автора, принимали члены экспедиции: проф. А. А. Рыбников, агроном В. Л. Васильев, инж. В. В. Бронгулеев и науч. сотрудники Научно-Исследовательского Института, Тимирязевской С.-Х. Академии, агрономы: П. П. Плешков, Н. А. Карпузи и А. Н. Ракитников.

Из местных работников существенную помощь экспедиции оказали агрономы: Тимонин, Черепахин и экономист Раждаев.

В среднем на каждые 100 хозяйств приходится 8 батраков, что является уже значительной цифрой, если принять во внимание, что общее число батраков по всему СССР равняется 1.500.000 человек, и что в среднем по союзу на 100 крестьянских хозяйств приходится батраков 6,6.

Далеко не все батраки входят в союз и по отдельным округам, например, Ставропольскому, батраков — членов союза только 12,6%, а в среднем по всему Северо-Кавказскому краю — 21,5%.

Далеко не все батраки охвачены труддоговорами и в некоторых округах, например, в Сальском, только 26,4% батраков имеют договоры.

При обследовании мы интересовались вопросом—почему не заключаются труддоговоры. Батраки отвечали нам по разному. Одни указывали на незнание, другие на слабую работу Всеработземлеса, а третьи—на хозяйственный прижим.

Когда же мы с тем же вопросом обращались к нанимателям, они развязано отвечали: „Пожалуйста, мы с нашим удовольствием и договор подпишем, я сам ему (т. е. батраку) предлагал, но он не хочет! Нельзя же насильно заставить со мной договор подписать!" Не трудно догадаться, в чем тут причина: батрак еще беспомощен, неорганизован и, естественно, боится требовать договора.

Характерно, например, что, когда мы на одном хуторе, осматривая хозяйство, пытались кое-что узнать от батрака, мы получили такой ответ: „Товарищи, меня вы о хозяйстве много не расспрашивайте, так как запрещено мне этого хозяином касаться..."

В с. Сотниково, Ставропольского округа, где мы производили наиболее длительное обследование, при нас было объявлено председателем совета, что „необходимо батракам регистрироваться и что регистрация производится бесплатно".

Всеработземлесу надо обратить серьезное внимание на его местные органы.

Посмотрим теперь, как распределялись батраки по срокам найма.

	Нанимались на сроки (в % %)					ВСЕГО
	До 1 мес.	До 3 мес.	До 6 мес.	До 1 года	На сезон	
Донской округ	6,1	5,0	25,0	—	63,9	100%
Ставропольский округ .	—	14,2	23,9	28,6	33,3	100%
Сальский округ	4,0	22,0	12,0	—	62,0	100%
По всему краю	11,2	19,6	17,9	10,2	41,1	100%

Как видно из таблицы, больше всего нанимаются на сезон и на срок до 6 месяцев; годовых батраков очень мало. Бывают и такие виды найма, когда безлошадный, разорившийся от неурожая бедняк,

отдает часть своей земли в аренду сильному хлеборобу; но, как мы уже писали в первой статье, аренда на земли стояла в 1925 г. весьма низкая (от 50 коп. до 3 руб. за десятину) и поэтому много бедняк за свои 5-10 десятин выручить не мог. Тогда он нанимается к своему съемщику и работает у него за то, что съемщик вспашет, засеет и уберет урожай на нескольких десятинах той земли, которую бедняк себе оставил. Такие комбинированные договоры встречаются довольно часто.

Заработная плата

По сравнению с довоенной заработная плата сельско-хозяйственных рабочих значительно ниже и колеблется от 6 до 15 рублей в месяц.

По обследованным округам колебания видны из следующей таблицы.

	В рублях		
	Средняя зарплата в месяц	Довоенная зарплата в месяц	% отношения зарплаты 1924 г. к довоенной
Донской округ	11,48	20,13	52,1%
Ставропольский округ	9,78	28,58	34,2%
Сальский округ	7,71	22,80	34,1%
По всему краю	12,69	26,17	48,4%

По сравнению с довоенным временем в среднем зарплата ниже более чем на 50%.

Экспедиция собрала материал в обследованных селениях—Сотниково и Николаевском за 1924/25 г. г. и получила следующие данные.

Средняя плата сроковых рабочих за 1 месяц

СРОК НАЙМА	Рабочих		Полурабочих	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
До 3 мес.	17,75	7,25	5,25	—
До 6 мес.	12,00	—	—	—
Свыше 6 мес.	8,50	5,75	6,00	4,50
В среднем	10,75	6,00	5,75	4,50

Чем больше срок найма, тем ниже зарплата и, как везде, особенно низко оплачивается женский труд.

Широкое применение имеет наем на поденные работы и на работы сдельные. По данным произведенных бюджетных обследований мы имеем такую картину

ХОЗЯЙСТВА, ИМЕЮЩИЕ	Число хозяйств	В среднем на 1 хозяйство отчуждено раб. дней (—), нанято (+)
До 4 дес.	2	— 131
От 4 до 6 дес.	5	— 233,8
„ 6 „ 10 „	4	— 118,6
„ 10 „ 16 „	4	+ 6,6
„ 16 „ 25 „	6	+ 95,3
Свыше 25 десятин	6	+ 32,6
ИТОГО	27	— 37,4

Мы видели, что хозяйства, слабо обеспеченные землей, работают на стороне, нанимаются к многоземельным. Каковы же формы оплаты труда наемных рабочих? Этих форм три: денежная, натуральная и отработочная.

Поденная плата колеблется от 50 коп. до 1 р. 40 к. для мужчин, а женщины получают от 22 к. до 72 к. в день.

Самой распространенной формой оплаты является натуральная и отработочная. Чтобы отработать свой долг лошадному (за пахоту, посев и уборку), бедняку безлошадному приходится работать несоразмерно много, так как свободных рабочих рук в деревне огромный избыток, а тяговой силы—крайний недостаток. Что стоят рабочие руки в селении, поля которого отстоят на 15-25 верст.

Поэтому первой задачей, первой мечтой безлошадного является обзавестись лошадью, или волом, или верблюдом. И только тогда он начинает восстанавливать свое хозяйство. Многим безлошадникам помогли общественные работы, организованные в пораженных неурожаем районах, и экспедиции приходилось неоднократно констатировать огромное значение помощи, оказанной крестьянскому хозяйству в этой форме. Некоторые крестьяне нам прямо говорили, что от голодной смерти, от окончательного разорения их спасли общественные работы. Правда, деньги, заработанные безлошадниками и вообще беднотой, в некоторой доле перетекли в карманы многолошадных (как плата за пахоту, посев и уборку), но значительная часть скопленных тяжелым трудом средств пошла на восстановление хозяйства, на покупку лошади, верблюда или вола.

Какие же можно сделать выводы на основании приведенных выше материалов обследования? По отношению к батракам, находящимся

в эксплоатации у более зажиточных слоев деревни, необходимо всемерно усилить работу Всеработземлеса. Надо добиться того, чтобы все 100% сельско-хозяйственных наемных рабочих заключили трудоговоры. Особенно следует обратить внимание на охрану женского труда, а также и труда подростков. И эта работа Всеработземлеса постепенно развертывается.

В отношении ослабленных крестьянских хозяйств, вынужденных в различных формах прибегать к помощи более мощных хозяйств, необходимо осуществить в широком масштабе помощь в виде долгосрочного кредита на покупку скота, а также и на возобновление изношенного инвентаря. Работа эта также развертывается, а помощь, оказанная общественными работами, уже дала свои положительные результаты. Защита батраков сократит предложение рабочих рук и тем самым, несомненно, поднимет цену на рабочую силу. Процесс этот будет тянуться еще не один год, и работы в этом отношении в Северо-Кавказском крае хватит надолго.

Северо-Кавказская деревня растет, успешно борется с постигшим ее несчастьем в 1921 и 1924 г.г.

На этой базе—восстановления и непрерывного роста—крестьянское хозяйство расслаивается, причем этот процесс идет как во время годов неурожая и голода, так и во время урожая и относительного благополучия.

Но, несомненно, только организованное крестьянское хозяйство, кооперированное и машинизированное, объединенное в крупные и средние коллективные хозяйства, может успешно итти вперед.

Только тогда, когда коллективное движение примет массовый характер, в Северо-Кавказской деревне наметятся новые экономические процессы, которые подорвут в корне условия, способствующие эксплоатации и обеднению.

От расслоения и классовой борьбы деревня пойдет к общему подъему крестьянского хозяйства на основах социалистического строительства.

Существующие формы землепользования

Переходим к задачам, стоящим на очереди, от разрешения которых будет зависеть дальнейший рост сельско-хозяйственного производства и рост всего нашего народного хозяйства.

Из мероприятий, способствующих рационализации крестьянского хозяйства, первое место несомненно должно принадлежать землеустройству.

В обследованных экспедицией районах наблюдается два основных типа форм землепользования.

Это, прежде всего, — многодворная крестьянская община. В Северо-Кавказском крае селения имеют по 1.000 и даже по 2.000 дворов с населением до 15-20 тысяч. Эта многодворная

деревня умирает и одновременно ставится вопрос о реформе общинного землепользования. Община разбивается на отдельные группы (поселки) и тем самым ликвидировать дальноземелье, одновременно поставив вопрос и о прекращении частых переделов.

Крестьянством прекрасно осознаны все губительные последствия дальноземелья и частых переделов. Все попытки рационализировать крестьянское хозяйство упираются в эти два основные недостатка и они одинаково влияют задерживающим образом как на более крепкое хозяйство, так и в особенности на хозяйство бедняцкое. Яркий пример дает Благодарненский район Ставропольского округа, где в настоящее время крестьянство ликвидирует старые формы землепользования и из огромной общины—села выходит на группы по 30-50 дворов в каждой группе.

Второй вид землепользования — многодворная казацкая община с пайковой системой землепользования,[1] с большим процентом иногородних хозяйств. Эти иногородние хозяйства не пользовались землей до революции (например, в Кущевском районе).

В этом районе наиболее остро стоит вопрос об установлении устойчивого землепользования для иногородних.

В районе наблюдается большая чересполосность, поэтому вопрос и о внутринаселенном землеустройстве стоит весьма остро. Расселение больших станиц на поселки (группы) также и здесь является очередной задачей.

В период 1922/23 г.г. здесь проводилось уравнительное землеустройство и иногородние получили землю, правда, еще не везде.

В начале революции значительные земельные фонды сосредоточились в руках сельсоветов, так как многоземельные казаки иногда сами отказывались от земли: они не могли сдать ее в аренду и не желали в то же время вносить за нее сельско-хозяйственный налог. Из фонда сельсоветы наделяли землей бедноту — иногородних, что способствовало быстрому росту посевной площади.

Так, по обследованному селению Кисляковке, Донского округа, было:

Годы	Посеяно	Число хозяйств сеющих
1922/23	10.636 дес.	2.029
1923/24	16.219 „	2.223
1924/25	23.736 „	2.330

[1] Пайковая система землепользования характеризуется тем, что земля отводится „к одному месту". Этим пайковая система напоминает наш отруб. Но в то время, как отруб не подлежит переделу и является участковой формой землепользования, пайковая система есть лишь разновидность общинного землепользования.

„Паек" время от времени поступает в общий передел. При переделах обычно „пайки" остаются за прежними землепользователями. Этим достигается некоторая устойчивость в землепользовании. На „пайках" обычно возводят небольшие летние постройки и там иногда стоит скот и зимою.

Практикующееся еще и в настоящее время ежегодное наделение иногородних землей необходимо заменить более устойчивой формой землепользования. Землю необходимо предоставлять иногородним на долгий срок. По этому поводу на III Пленуме Крайисполкома в июле с. г. состоялось постановление, и надо полагать, что землепользование в ближайшие годы будет здесь устойчивым.

Участие в землеустройстве различных групп населения и их отношение к нему

До революции в крупных крестьянских общинах существовало довольно сильное течение к выходу на хутора более мощных хозяйств. Так, например, по обследованному селению Сотниково, Ставропольского округа, выделилось на хутора и отруба:

Год	Душ	Десятин
1910	143	1.740,8
1911	196	1.709
1913	334	1.975,9
1914	353	3.145,2

Каково отношение отдельных социальных групп к землеустройству в настоящее время? Безусловно стремятся к землеустройству середняцкие и бедняцкие хозяйства. К этому их толкает не только ясное понимание преимуществ перехода к более рациональному ведению своего хозяйства в отношении полеводства, но также и крайняя необходимость. Бесскотные и малоскотные хозяйства при существующем дальноземелье не могут справиться с полевыми работами и принуждены сокращать свои посевы и отдавать по низкой цене свои наделы многолошадным. Наоборот, крупные, многоскотные хозяева противятся землеустройству и борются за сохранение общины. Чем это объясняется?

Это объясняется тем, что при общинном землепользовании мощное хозяйство имеет больше возможности путем дешевой аренды у бедняцкого безлошадного населения, не могущего использовать своих дальних полей, увеличить свое землепользование. Следует отметить, что на этой почве развивается хищническое использование земли: крепкий хозяин смотрит на заарендованную землю, как на случайную добычу, землю выпахивает, пары не готовит и сеет как попало, так как земля ему досталась почти даром (от 50 коп. за десятину или же 9 десятин за то, что он, крепкий, посеет бедняку семенами же бедняка одну десятину!).

Кроме того, беспорядочность современного крупного общинного землепользования дает возможность скрывать многосевным свои поля от обложения сельско-хозяйственным налогом. На этой почве в крае идет ожесточенная борьба. Зажиточные слои казачьих хозяйств вполне основательно опасаются, что наделение землей по твердым душевым нормам сократит их землепользование.

И потому эти зажиточные группы держатся за старый порядок, при котором местами и сейчас земля ежегодно регистрируется в сельсовете и каждое хозяйство получает лишь то количество земли, которое оно в состоянии обработать в данный момент при данном состоянии своей тяговой силы.

Современные землеустроительные работы

В обследованных экспедицией районах наблюдалось ясно выраженное стремление крестьян к ликвидации крупных общин (Благодарненский район, селение Сотниково и др.). В казачьих районах на первое место выдвигается вопрос об уравнении в пользовании землей соседних и различно обеспеченных землей общин, а также о ликвидации межселенной чересполосицы.

Особенно ценными следует признать те землеустроительные работы, которые в настоящее время развернулись в отдельных районах края (например, разбивка больших общин на группы в Благодарненском районе, межселенное землеустройство в Кущевском районе).

Следует, однако, отметить и ряд отрицательных моментов в проводимом землеустройстве. Они сводятся к следующему. В большинстве случаев межселенное землеустройство не сопровождается одновременным внутриселенным (например, северная часть Кущевского района). Такое разделение работы может привести в некоторых случаях к необходимости пересмотра внешних границ того или иного общества при последующем внутриселенном землеустройстве и может возникнуть необходимость новых землеустроительных работ. Необходимо проводить одновременно и межселенное и внутриселенное землеустройство.

Затем следует обратить самое серьезное внимание на согласованность работы землеустроителя и мелиоратора. Только тогда разбивка больших селений на группы (поселки) даст результаты, когда новые группы (поселки) будут на своих новых местах обеспечены водой. Этот вопрос, однако, не может с полной компетентностью быть разрешен одним землеустроителем. Существует опасение, что выделившиеся группы принуждены будут снова вернуться в село, если не найдут воду на своих новых участках. Участие мелиоратора, таким образом, безусловно необходимо при проведении землеустройства.

Но не только необходимо участие при землеустройстве мелиоратора—еще более необходимо также и участие агронома. Расселяясь на группы (поселки), население ищет новых, более рациональных способов ведения своего хозяйства. Агрономическая помощь в этот момент крайне необходима. Между тем, местная агрономическая организация не принимает достаточного участия в выработке самих форм землепользования в соответствии с требованиями хозяйства и не дает указаний населению по вопросу о новых севооборотах

(например, Кущевский район, Благодарненский район). Крайне необходимо самое близкое участие агрономической организации в землеустроительной работе.

Кредит на землеустройство в значительной степени облегчает разрешение задачи и беднота сейчас, несомненно, имеет значительную поддержку. Однако, следует обратить внимание на все еще существующую волокиту с получением денег, оформлением обязательств и т. д.

Необходимо также усилить кредитование тех групп, которые выселяются из большого села, на предмет восстановления хозяйственных построек.

Третья сессия Крайисполкома также и по вопросу о кредитовании приняла ряд постановлений, которые, несомненно, облегчат дальнейшую работу по проводимому землеустройству.

Мелиорация

В Северо-Кавказском крае мы имеем вполне удовлетворительные условия для успешного развития сельского хозяйства. Однако, как мы уже отмечали и раньше, по отдельным районам наблюдается неравномерное выпадение осадков и по количеству и по временам года. Кроме того, действие сухих юго-восточных ветров в некоторых районах Северо-Кавказского края ставит сельское хозяйство в такие условия, что нам приходится принимать ряд агрикультурных мер для успешной борьбы со стихийными силами природы.

Нам необходимо осуществить целый ряд агрономических мероприятий, чтобы в отдельных районах, в особенности районах, периодически поражаемых засухой, реорганизовать сельское хозяйство.

Как мы уже сказали, без проведения широкого землеустройства мы агрономических мероприятий осуществить не можем. Но этого мало. Помимо землеустройства необходимо в деле борьбы с засушливостью климата осуществление целого ряда мелиоративных мероприятий. К числу таких мероприятий относятся: обводнение, рытье прудов, колодцев, канав и т. д. В тех районах, которые были обследованы экспедицией, основной задачей является обводнение.

Следует отметить, что работы по мелиорации в Северном Кавказе начались, собственно, при советской власти после 1921 года, но особенное развитие мелиоративные работы приняли в 1924/25 г.г.

Как мы уже отмечали, комиссия по борьбе с последствиями голода тов. А. И. Рыкова отпустила Северо-Кавказскому краю до 20% из всех ассигнованных средств на общественные работы, а именно 2.116.960 руб. В результате, при самом деятельном участии населения проделана большая работа и возведено свыше 600 сооружений.

Экономическое значение выполненных работ огромно. Интересно привести по этому поводу данные, собранные проф. Н. С. Фроловым: [1]

[1] См. книгу: „Мелиоративные работы в борьбе с неурожаем в 1924/25 г.“. Сборник под общей редакцией А. И. Рыкова: „В борьбе с засухой и голодом“, стр. 226.

„Средняя урожайность на лиманах для сенокоса была 170 п., для зерновых хлебов 55 пуд.; урожайность при правильном орошении была для зерновых хлебов 125 пуд., для картофеля 800 п., для овощей 1.000 пуд.; наконец, средняя урожайность на неорошаемых угодьях для трав была 70 пуд. и для хлебов 30 пуд. Средняя чистая доходность на орошаемых землях выражается для сенокосных и выгонных угодий в 13 р. 50 к., в то время, как десятина неорошаемой земли давала среднего чистого дохода с сенокоса 4 р. 50 к., а с зерновых культур—10 руб.“.

В обследованных экспедицией районах мы не можем еще перевести в цифры влияние на урожайность мелиоративных сооружений, но мы уже видели многочисленные водные „зеркала“ и наблюдали небывалую в этих местах картину оживления. Там, где раньше были высохшие балки, теперь появились бахчи, вся местность оживилась и население на целом ряде собраний выражало чувство глубокого удовлетворения по поводу организованных комиссией т. А. И. Рыкова общественных мелиоративных работ.

По Северному Кавказу использовано платных рабочих дней 1.872.000 и 585.400 бесплатных.

„Теперь дело только за инженерами, а мы готовы работать и дальше. Бедноте дайте немного заработать, а кто посильнее—и так примет участие в работе“,—говорили нам крестьяне, когда мы осматривали мелиоративные сооружения.

По данным т. Т. Рунова (см. его статью в сборнике „На фронте общественно-мелиоративных работ“), бесплатное участие по всем засушливым районам выразилось в 14% в среднем, а по Северо-Кавказскому краю—в 27,4% ко всем рабочим дням.

Мелиоративные работы, обводни в засушливые районы, дали возможность приступить к широким землеустроительным работам по расселению, ликвидируя таким образом дальноземелье. Именно теперь, когда появились в полях новые водоемы, созданы полевые пруды и колодцы, массовое расселение больших селений и вместе с тем ликвидация ежегодных переделов стало вполне доступным и осуществимым мероприятием.

Работа по мелиорации пойдет и дальше; положено лишь начало. Но для того, чтобы работа имела успех, необходимо начать организацию мелиоративных товариществ.

Еще три-четыре года тому назад не было значительного роста мелиоративных товариществ, и только за последние два года рост их увеличился, что видно из следующей таблицы.

Число мелиоративных товариществ по Северо-Кавказскому краю

1920/21 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.
12	20	44	116

Некоторые товарищества слабо организованы и нуждаются в организационной помощи.

Обследуя мелиоративные работы, мы неоднократно сталкивались с полным отсутствием в целых районах специалистов-мелиораторов. На 20-30 землеустроителей с трудом можно найти 1-2 мелиораторов. Это—чрезвычайно существенный пробел, так как в крае идет массовое землеустройство и отсутствие мелиораторов грозит весьма неприятными последствиями.

Расширение сети мелиораторов необходимо не только для производства работ, но также и для надлежащего надзора за возведенными сооружениями. Если не будет установлено технического наблюдения, то сооружениям через несколько лет грозит серьезная опасность.

В условиях Северо-Кавказского края всегда найдется работа районному мелиоратору, так, например: постройка колодцев в селе, поселке, на хуторе, водоемов для сбора снеговой воды и т. д. Районные мелиораторы должны также помогать населению в деле получения мелиоративного кредита. Мелиораторы же должны развернуть свою работу по организации мелиоративных товариществ.

Экспедиция интересовалась также лесомелиоративными работами. В Северо-Кавказском крае имеется около 650.000 десятин песков. Со стороны населения поступает масса заявок на работу по укреплению и облесению имеющихся песчаных площадей. Лесомелиоративные работы весьма популярны среди населения; оно убеждается наглядно в том, что с песком можно успешно бороться и вместе с тем в довольно короткий срок можно получить из закультивированных площадей хворост и мелкий поделочный материал, а в нем здесь—в степном крае—ощущается огромная нужда. Кроме того, закультивированные пески перестают быть постоянно угрозой для соседних сельско-хозяйственных угодий. Наркомзему необходимо приложить все усилия к тому, чтобы изыскать средства на лесомелиоративные работы и направить в Северо-Кавказский край достаточное количество специалистов-мелиораторов.

Агрономические мероприятия

На землеустроенной и мелиорированной площади можно начать ряд агрономических мероприятий, которые в ближайшие же годы дадут реальные результаты и двинут Северо-Кавказскую деревню по пути развития ее производительных сил. Первой задачей является приближение агропомощи к массовому хозяйству и развитие самодеятельности самого населения.

В Северо-Кавказском крае работает районно-участковая агрономия. В каких же условиях работает агроном? Цифровой материал отвечает таким образом на этот вопрос: на одного агронома (участкового или районного) в среднем приходится около 90.000 десятин земли, 5.355 дворов и 27.000 жителей. Если сравнить эту нагрузку

с другими районами Союза, то получится весьма резкая разница. Так, по Украине агрономическая сеть в 4 раза гуще, а по Московской губернии—даже в 5 раз.

Едва ли нужно доказывать, что в данный момент, когда крестьянство Северо-Кавказского края напрягает все силы для восстановления своего хозяйства, когда оно пережило два страшные года (1921 и 1924) и идет по пути радикальной реорганизиции, недостаток агрономов задерживает развитие производительных сил сельского хозяйства Северо-Кавказского края.

Нам, однако, следует избегать при нашей бедности агрономическими силами ссылаться на количественный недостаток агрономов. Гораздо целесообразнее подойти к вопросу с практической стороны и поискать путей к разрешению задачи в современных условиях недостаточности агрикультурных сил.

Экспедиция обследовала агрономические участки, некоторые агрономы работали вместе с нами, и мы могли убедиться прежде всего в том, что дело в значительной мере не в количестве, а в качестве.

Необходимо привлечь к работе вполне подготовленных и опытных агрономов.

Затем следует особенно подчеркнуть тяжелые условия работы Северо-Кавказского агронома. У него нет средств передвижения. Чтобы работать в районе, организовывать хозяйства, разбросанные на десятки и иногда сотни верст, средства передвижения необходимы. Нельзя ставить агронома в зависимость от того, кто и когда даст ему лошадь, кто возьмется агронома „подвезти“ до ближайшего селения.

Канцелярская работа отнимает у агронома слишком много времени; эту работу можно переложить на работников другой квалификации—секретарей, статистиков и т. д., а агроном должен чаще выезжать на места и там оказывать населению агрономическую помощь.

Пользуется ли Северо-Кавказский агроном достижениями опытных станций края? В очень редких случаях. На Ростово-Нахичеванской опытной станции мы пробовали выяснить этот вопрос и получили ответ, что агрономы редкие, случайные гости опытной станции. А между тем на опытных сельскохозяйственных станциях поставлен целый ряд весьма интересных опытов, приспособленных к условиям ведения крестьянского хозяйства, и для всякого агронома-практика там найдется много ценного материала. Конечно, ссылаются обыкновенно на недостаток средств, но дело не только в этом (Ростовская станция находится на окраине города и агрономы в Ростове бывают часто, а на опытную станцию не заглядывают), а все дело в том, что у нас до сих пор еще существует среди работающих на местах агрономов мнение, что опыты—одно, а крестьянское хозяйство—другое. Этот старый

предрассудок надо как можно скорее изжить—наши опытные сельско-хозяйственные станции уже не те, какими они были до революции и даже 3-5 лет тому назад.

Однако, экспедиция не имела возможности обследовать хотя бы один такой агрономический участок, о котором можно было бы сказать, что он оборудован. Нет у агронома элементарных пособий, редко встречаются прокатные и зерноочистительные пункты. Эти обстоятельства также сильно тормозят работу агронома.

С кооперацией агроном связан еще слабо, хотя постепенно и втягивается в ее работу. Наконец, следует отметить общую жалобу на низкие ставки. Но здесь мы уже сдвинулись с мертвой точки и новые более высокие ставки устанавливаются.

Нельзя агроному вести успешно работу без того, чтобы время от времени не подновлять, не освежать свои знания; следует признать безусловно необходимым периодическую переподготовку агрономов, при которой необходимо обратить также внимание на изучение экономических и природных условий тех районов, где они работают.

Увязка агронома с землеустроителем и мелиоратором является совершенно необходимым организационным звеном во всей цепи разнообразных и сложных обязанностей агронома. Этой увязки нет. Мы присутствовали при объявлении населению землеустроительного проекта в селении Давсун, Благодарненского района, Ставропольского округа. С точки зрения землеустроительства проект можно назвать хорошим. Землеустроитель тов. Котовский хороший специалист, он знает район, знает хозяйство, но все же он недостаточно осведомлен как в области агрономии, так и мелиорации. А агроном не был привлечен к работе.

Между тем, именно, тогда, когда идет расселение, когда крестьянство порывает с общиной, с большими селениями, когда оно хочет уйти от частых, почти ежегодных переделов и укрепить устойчивое землепользование, перейти к иной, более высокой системе хозяйства, ввести травосеяние, пропашные культуры и т. д.— в это время чрезвычайно важно, чтобы при самом начале землеустроительного процесса был агроном. А его нет, он не успевает, он остается в стороне в важнейший момент земельной революции.

Мероприятия в области полеводства и животноводства[1]

Переходя к конкретным агрономическим мероприятиям в обследованных районах, необходимо напомнить, что обследованные экспедицией районы распадаются на три основных зоны — на остро засушливую, на засушливую и полузасушливую.

[1] См. П. Н. Раждаев: „Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе". Изд. Сев. Кавк. Краевого Земельного Управления. Ростов н/Д. 1925 г.

Остро-засушливую зону можно считать скотоводческой и полеводство здесь играет второстепенную роль. Разводят здесь, главным образом, овец и мясной рогатый скот. До войны здесь было широко развито мериносовое овцеводство.

Высевается здесь, главным образом, пшеница и ячмень. Техника сельского хозяйства примитивна и хлеба высеваются наволоком, по невспаханной стерне. В этом районе редко бывают хорошие урожаи.

Какие же мероприятия следует признать первоочередными в этом районе? Главное внимание должно быть обращено на восстановление скотоводства, на мероприятия по улучшению пород скота, в разрешении кормового вопроса, на улучшение естественных выгонов и сенокосов. Система полеводства в этом районе еще на долгие годы останется залежной и потребуется много лет, чтобы перейти на улучшенную зерновую систему полеводства. Пропашные растения—кукуруза и подсолнух — родятся здесь плохо. Следует отметить, что голод 1921 года уничтожил здесь местные акклиматизированные сорта хлебов, а привозные семена пшеницы и ячменя не выдерживают климата и этим, отчасти, объясняется то обстоятельство, что в 1925 году, когда повсюду в крае хороший урожай—в этом районе опять неурожай. Население нуждается в помощи, и она ему уже оказана.

В засушливом районе климат континентальный, сухой. Весной и осенью выпадает незначительное количество осадков, а зимы здесь малоснежные. Рельеф—ровная степь, прорезанная балками. Во многих местах вода засолена. Почва—каштановые суглинки.

В этом районе преобладает полеводство. Местами оно соединено с экстенсивным животноводством. Население сеет хлеба, как для личного потребления, так и на продажу, причем на рынок поступает около 60% валового сбора. Система полеводства в этом районе—пестрополье; часть пашни отводится под толоку и сенокосы. И здесь урожайность подвержена значительным колебаниям. Помимо полеводства мы имеем здесь экстенсивное животноводство—овцеводство и выращивание мясного скота.

Влияние 1921 голодного года здесь с каждым годом ослабевает. Как мы уже видели в начале статьи, посевная площадь растет, количество скота увеличивается и мертвый инвентарь восстанавливается.

Здесь на очереди стоит задача—создание устойчивого крестьянского хозяйства. Необходимо приспособить крестьянское хозяйство к природным и экономическим условиям района и для этого, помимо мероприятий, уже указанных нами в области землеустройства, надо ускорить переход крестьянских хозяйств к улучшенной зерновой системе, к улучшенным севооборотам. Ранние пары, вспашка на зябь должны принять в этом районе широкие размеры.

Чтобы проводить реорганизацию крестьянского хозяйства, необходимо поставить целый ряд опытных работ. К сожалению, опытных станций здесь почти нет. Экспедиция обследовала в этом районе

Ставропольскую сельско-хозяйственную опытную станцию и пришла к убеждению (не раз уже высказывавшемуся специалистами), что Ставропольская станция расположена в условиях, которые не являются типичными для данного района. Опытная станция лежит на предкавказском плато, на черноземных почвах и в условиях лучшего увлажнения. На станции поставлены опыты по черным парам, по сортоиспытанию пшеницы и ячменя, по травосеянию, по картофелю, но выводы из этих опытов едва ли могут быть распространены на окружающие земли, находящиеся в других условиях.

Помимо Ставропольской сельско-хозяйственной опытной станции экспедиция обследовала Прикумское опытное поле.

Но здесь и научная и хозяйственная сторона очень слабы. Необходимо организовать надлежащим образом работу на этом опытном поле, расположенном в типичных условиях всего района. Здесь должны быть поставлены опыты по изучению методов и способов сухого земледелия.

Скотоводство в засушливой зоне имеет рабоче-мясное направление. Что касается свиноводства, то наличие значительных запасов кукурузы в районе, а также растущий рынок, дает основание сделать вывод, что свиноводство здесь будет развиваться.

В этом районе в 1925 году хороший урожай. Это обстоятельство несомненно поможет значительному проценту крестьянских хозяйств встать на ноги. Помощь, однако, и здесь маломощным хозяйствам безусловно нужна. Эта помощь должна притти ввиде продолжения общественно-мелиоративных работ, дорожного строительства и т. д. Надо отпустить кредиты организованному беднейшему крестьянству.

Полузасушливая зона находится в совершенно других условиях. Здесь больше тепла и влаги, продолжительная, довольно теплая осень и зима мягкая. Рельеф местности—равнина. Вода пригодна для питья. Почва черноземная и урожаи хлебов высокие и довольно устойчивые. Преобладают яровые посевы и в значительном проценте распространены пропашные культуры. Что касается скотоводства, то оно имеет здесь преимущественно молочное направление; овцеводство сильно сокращено, а свиноводство развито. Наличие городов способствует развитию молочного скотоводства и свиноводства.

Как правило, в полеводстве здесь распространено трехполье. Система хозяйства зерновая.

Здесь необходимо развернуть работу по переходу к правильным севооборотам, необходимо усилить посев корнеплодов и трав.

На опытных станциях—в Ростовско-Нахичеванской и Ейской—ведутся обширные работы по разработке очередных задач этого района.

Переработка сельско-хозяйственных продуктов

Успешное осуществление намеченных мероприятий в области полеводства и скотоводства невозможно провести без организации сбыта получаемых продуктов. Но для того, чтобы сбывать сельско-хозяйственные продукты, их необходимо подвергнуть переработке.

Поэтому на очереди в Северо-Кавказском крае стоит развитие обрабатывающей сельско-хозяйственной промышленности—маслобойные и маслодельные заводы, организация сыроварения, постройка бэконных заводов и т. д.

Работа эта ведется и по мере восстановления и роста крестьянского хозяйства будет увеличиваться, создавая, таким образом, благоприятные условия для обработки сельско-хозяйственных продуктов с одной стороны и поглощая излишние рабочие руки из деревни,—с другой.

Сельско-хозяйственный кредит

Сельско-хозяйственный кредит является важнейшим фактором в деле сохранения, восстановления и развития крестьянского хозяйства.

В Северо-Кавказском крае деятельность Севкавсельбанка растет довольно быстро, крестьянские паи продаются и увеличивается приток вкладов и текущих счетов. На 1-е января 1925 года ссуды, выданные крестьянским хозяйствам, превышают 5 милл. руб. (5.047.000 р.). Больше половины выдано в качестве долгосрочной ссуды.

Общая директива о снижении процента на выдаваемые ссуды здесь осуществляется и экспедиции по этому поводу не приходилось выслушивать больших жалоб. Процент по краткосрочным ссудам установлен не более 12 годовых и по долгосрочным—8.

Севкавсельбанк производит распределение сумм по округам по плану, исходя из того, каково число хозяйств в данном округе, количество рабочего и мелкого скота, число сельско-хозяйственных товариществ, сельско-хозяйственных коммун, артелей, количество крестьянских паев, купленных крестьянами, и т. д.

Для характеристики Севкавсельбанка приводим таблицу распределения кредита на 1924/25 год (см. на обороте).

Экспедиция получила следующие материалы по вопросу о том, какие социальные группы крестьянства получили кредит (по данным местных отделений Севкавсельбанка). Ссудами на сохранение скота воспользовалось 48.700 хозяйств; из этого количества было:

		в %%
хозяйств бесскотных	1.112	
„ с 1 головой скота . . .	18.433	63,8
„ „ 2 „ „ . . .	14.429	
„ „ 3 „ „ . . .	12.254	30,8
„ „ 4 „ „ . . .	1.700	5,4

Распределение кредита на 1924/25 г.
по назначению (в тысячах рублей)

	Суммы кредитов		
	Долгосрочных	Краткосрочных	Всего
Снабжение крестьянского хозяйства средствами производства (рабскот, племскот, машиноснабжение, ремонт сел.-хоз. инвентаря и т. д.)	1.062	2.015	3.077
Производственные нужды крестьянского хозяйства (обработка земли, уборка урожая и т. д.)	85	1.455	1.540
Улучшение производственных условий крестьянского хозяйства (мелиорация, землеустройство, электрификация и т. д.)	1.014,8	791	1.805,8
Переработка продуктов крестьянского хозяйства (очистка зерна, ремонт предприятий по переработке, переработка винограда и т. п.)	302,8	1.155	1.457,8
Финансирование мероприятий по развитию интенсивных отраслей сельского хозяйства (садоводство, виноградарство, табаководство и т. п.) и залоговые операции	—	2.023	2.023
Финансирование системы сельско-хозяйственного кредита (ссуды в основные и оборотные капиталы низовых сельско-хозяйственных кредитных кооперативов)	590	—	590
Финансирование промышленной кооперации (на основные затраты, в оборотные средства, на снабжение)	—	100	100
Сохранение скота в засушливых районах	935	—	935
Итого по плану	3.989,6	7.539	11.528,6

Ссуды выдавались как кооперированному населению, так и не состоящему в кооперации.

Экспедиция констатировала на местах некоторые довольно серьезные недостатки кредитования. Так, например, некоторые кредиты остались неиспользованными; затем иногда суммы опаздывали и местами наблюдались сложные, ненужные формальности. Куда же, главным образом, пошел кредит? Северо-Кавказское крестьянство пользовалось кредитом, главным образом, на восстановление своего живого и мертвого инвентаря—на покупку лошадей, верблюдов, волов, сельско-хозяйственных машин и орудий.

Кроме плугов, буккеров, борон, культиваторов, запашников, сеялок, крестьянство Северо-Кавказского края предъявило значительный спрос на тракторы.

К уборочному сезону крестьянство предъявило большой спрос на сноповязалки, шпагат, на запасные части для машин и на различный мелкий сельско-хозяйственный инвентарь, а также на жатки, лобогрейки, веялки, сушилки, триеры, молотилки и т. д.

В крае, как мы уже писали, развивается молочное дело (в засушливом и полузасушливом районе) и хозяйства приобрели свыше 6.000 шт. сепараторов.

Кредит оказывался на срок от одного до двух урожаев. Значительный процент сельско-хозяйственных машин пошел через низовую кооперацию.

Сельско-хозяйственная кооперация

На 1-е июля 1925 года в крае насчитывалось 2.205 кооперативных и коллективных объединений. Из них:

812 универсальных товариществ или 37% всех объединений.
1.075 колхозов . . . . . „ 48% „ „
318 специальных товариществ „ 15% „ „

Интересно посмотреть, какие же специальные товарищества имеют распространение в крае.

На первом месте стоят товарищества табаководов и их имелось 78 товариществ; затем 57 машинных товариществ, 46 молочных, 47 мелиоративных, 43 животноводческих, 13 садово-огородных, 12 винодельческих, 14 пчеловодных, 7 семенных и 1 по электрификации.

Кооперация в Северо-Кавказском крае количественно растет довольно быстро, что видно из следующей сравнительной таблицы:

	Было кооперативов								% увелич. общего числа кооператив. объединений	% хозяйствен. объединений сел.-хоз. кооперации.
	Универсальных		Колхозы		Спец. тов.		Всего			
	Количество	Число членов	Количество	Число членов	Количество	Число членов	Количество	Число членов		
1/X—1924	704	133.574	785	23.303	139	11.317	1.628	168.194	—	12,6
1/VI—1925	812	176,753	1.075	25.029	318	25.944	2.205	227.726	26,7	26,5

Особенно растет коллективное движение. Средний количественный состав колхозов невысок—в 1925 г. он равняется 24 человекам.

Коммун только 146, артелей 346 и больше всего товариществ по общественной обработке—583 или 54%.

Из специальных товариществ хорошо растут молочные товарищества, из которых большинство объединено молочным союзом.

Каков социальный состав членов товариществ и колхозов, видно из следующей таблицы:

Категория членов	Число членов	% от всего числа	соц. груп. в %%	Название группы
Без тягловой силы	3.032	26,19	68,28	Маломощная
Имеющих тягловую силу от 1 до 2 голов	4.896	42,09		
От 2 до 3 голов	1.890	16,06	16,06	Средняцкая
От 3 и больше	999	8,49	8,49	Более зажиточная
Не занимавшиеся ранее сельским хозяйством	838	7,17	7,17	

Каков социальный состав колхозов? Без тягловой силы в колхозах имеется 35%; с одной тягловой силой—22%; с двумя—18%; с тремя—9%; свыше трех—11% (не выяснено 5%).

Экспедиция произвела специальное обследование сельско-хозяйственных товариществ в Кущевке Донского округа и получила следующие данные:

Безлошадных оказалось в товариществе 42%; имеющих от 1 до 3 лошадей—37%; имеющих 4 лошади—16%, больше 4 лошадей—5%.

Бескоровных 33%; имеющих от 1 до 3 коров—59%; свыше 3 коров—8%.

Беспосевных 16%; сеющих от 1 до 4 десятин 18%; сеющих от 4 до 16 дес.—46% и сеющих свыше 16 дес.—20%.

Низовые кооперативы бедны средствами и капиталы их ничтожны; местные средства привлекаются очень слабо. Низовая кооперация живет в значительной степени на заемные средства, вкладные операции составляют не более 2%.

Коллективные хозяйства

Следует отметить, что общие условия, в которых развивается сельское хозяйство на Северном Кавказе, благоприятствуют росту коллективов в этом крае.

Условия сбыта (близость моря), огромные, далеко еще неиспользованные земельные пространства,—все это создает хорошие условия для возникновения здесь в массовом количестве коллективных хозяйств.

С другой стороны, здесь с успехом может развиваться и противостоять стихийным ударам природы только машинизированное хозяйство, обеспеченное живым и мертвым инвентарем, запасом рабочей силы, наличием организационных и административных сил в хозяйстве. Короче говоря—будущее и ближайшее время здесь принадлежит среднему и крупному хозяйству. Мелкое единоличное хозяйство

не выдержит, оно выйдет из строя, втянувшись в коллективное движение, или исчезнет совсем.

Большинство коллективов уже прошло первичную стадию организации—они землеустроены, изжили чересполосицу, ликвидировали дальноземелье и строят хозяйства в более благоприятных условиях.

Земельные наделы в коллективах, как правило, выше окружающего населения, а именно:

в коммунах	на одного едока приходится	5 дес.
в артелях	„ „ „ „	4 „
в тов. по общ. обработке	на одного едока приходится	3,4 „
у окружающ. населения	„ „ „ „	3-4 „

Но если земли у коллективов несколько больше, то и техника земледелия стоит у них выше. У большинства коллективов введены ранние пары, зяблевая вспашка и т. д. Коллективы приспособляются к требованиям рынка и засевают в значительном количестве экспортные хлеба. Как правило, мы здесь имеем сортировку семян, что у единоличников-общинников встречается довольно редко. В редком коллективе нет трактора и поэтому земля вспахивается во время, что влечет за собою хорошие урожаи. Урожайность по сравнению с общинниками у коллективов выше. Большие достижения в области животноводства. В коллективах мы имеем также предприятия по переработке сельско-хозяйственных продуктов. Грамотность выше окружающего населения. В коммунах работает 26% коммунистов, 30% комсомольцев и только 44% беспартийных. В артелях партийных несколько меньше, но все же 23%; в товариществах по общественной обработке партийных всего 7%. У коллективов товарность довольно высокая и свои торговые операции они ведут через кооперацию.

В коллективном движении мы наблюдали при обследовании и теневые стороны. Обращает на себя внимание текучесть состава коллективов. И это обстоятельство разрушительно действует на хозяйства. Партийные силы часто отвлекаются от тяжелой и ответственной работы в коллективах и направляются на другую работу.

Необходимо обратить самое серьезное внимание также и на бытовую сторону в коллективных хозяйствах. Там на базе машинизации и электрификации зарождается и крепнет подлинная социалистическая деревня и надо, чтобы коллективному движению было отведено значительно больше внимания, чем это делается сейчас. Экспедиция обследовала целый ряд коллективов. Среди них попадались прекрасно организованные хозяйства с новыми коммунальными постройками в голой степи, с тракторной обработкой, с правильным севооборотом.

Есть чисто женские коммуны из вдов и сирот, оставшихся от гражданской войны. И эти оригинальные хозяйственные единицы в условиях общественного труда, при поражающей бедности, ведут довольно успешно коллективное хозяйство.

Налоговая политика

Единый сельско-хозяйственный налог в текущем 1925 году значительно легче предшествующих лет. Крестьянство на собраниях и в беседах неоднократно заявляло членам экспедиции свое глубокое удовлетворение по поводу снижения налога, установленных льгот, скидок и т. д.

По данным 15 бюджетов с. Сотниково Благодарненского района мы имеем следующую картину.

Уплочено единого сельско-хозяйственного налога:

На одно хозяйство в среднем

Группы по посеву	1923 г. (пудов зерна)	1924 год (неурожайный) руб.	Подлежит уплате в 1925 году в рублях
До 6 дес. посева	0	0	4,11
От 6 до 10 дес.	93,3	0	6,83
От 10 до 25 дес.	225,6	10,84	35,96
Свыше 25 дес.	483,05	27,00	107,50

Если посмотрим, сколько уплочено единого сельско-хозяйственного налога на одну десятину посева, то и здесь увидим, насколько действительно ниже обложение в 1925 году.

На одну десятину посева уплочено:

Хозяйства	1923 г. (пудов зерна)	1924 г. рублей	1925 г. рублей
До 6 дес. посева	0	0	1,21
От 6 до 10 дес.	11,26	0	1,12
От 10 до 25 дес.	12,78	0,61	2,55
Свыше 25 дес.	12	0,67	2,92

Снижение налога повлияло чрезвычайно благоприятно на рост посевной площади. Окладные листы получены на местах во время и население, полагаем, теперь уже приступило к выполнению налога.

ВЫВОДЫ

Итак, заканчивая статью, мы приходим к следующим предварительным выводам.

Прежде всего данные обследования дают право сказать, что голод 1921 и неурожай 1924 года не разрушили сельского хозяйства Северо-Кавказского края.

Посевная площадь не только не сократилась, но даже возросла.

Вместе с тем и самый характер посевных площадей изменился: больше стало в полях пропашных культур, получили широкое распространение черные пары и во многих местах зяблевая вспашка.

В этом отношении Северо-Кавказский край идет нога в ногу со всем СССР.

В области животноводства наблюдается довольно быстрое восстановление, хотя надо сказать, что потрясения были настолько велики, что еще потребуется ряд лет, чтобы восстановить запасы рабочего скота до необходимой нормы.

Но на помощь в этом деле приходит не только естественный прирост скота, но также и машинизация и в особенности тракторизация края.

На базе восстановления и роста основных элементов хозяйства (посевные площади, живой и мертвый инвентарь и рабочая сила) мы наблюдаем в крае большие организационные сдвиги: растет кооперация и крепнут коллективные хозяйства. В ряде районов—там, где имели место общественные работы,—множатся мелиоративные товарищества. Там, где проникает сельско-хозяйственная машина—растут машинные товарищества.

В местах сосредоточения продуктового животноводства возникают и растут предприятия по переработке сельско-хозяйственной продукции (маслодельные заводы, беконные фабрики и т. д.).

Какие же происходят социальные сдвиги в Северо-Кавказской деревне?

Мы привели материалы, которые показывают значительный рост батрачества. Нанимают батраков более крепкие, многопосевные; в то же время нанимаются (батрачат) не только чистые пролетарии, но также и обедневшая крестьянская масса, сохранившая свои хозяйства и стремящаяся всеми способами хозяйство свое восстановить.

Зарплата батраков стоит на низком уровне—в общем она не достигает и 50% довоенной.

Следует отметить, что батрачество за самое последнее время начинает организовываться и отстаивать свои интересы.

Северо-Кавказская деревня переживает глубокие хозяйственно-технические сдвиги. Община рушится. На ее месте возникают десятки и сотни новых хозяйственных образований. Это—по большей части группы, выселки и отселки по 30-60 дворов и реже коллективы (сельско-хозяйственные коммуны, артели, товарищества). Вследствие этого в крае огромное значение приобретает землеустройство. Наряду с землеустройством в засушливых районах Северо-Кавказского края большую роль играют мелиоративные работы. Общественные работы, произведенные в 1924/25 г.г., дали значительный сдвиг мелиоративному делу и положили основание быстрому росту мелиоративных товариществ.

На фоне землеустройства развертываются агрономические мероприятия, которые ставят решительно и категорично вопрос об усилении агроперсонала в крае и об улучшении материальных и бытовых условий его работы.

Северо-Кавказская деревня, перенесшая тяжелые потрясения 1921 и 1924 г.г., восстанавливает свое хозяйство. Это восстановление и рост хозяйства проходят в условиях расслоения крестьянства.

Группа хозяйств маломощных велика. Ее дальнейшая судьба—кооперирование (машинные, мелиоративные товарищества, молочные союзы и т. д.) или коллективы (коммуны и артели) и в таком виде противопоставить себя зажиточному хозяйству, или же выйти совсем из рядов крестьянства, окончательно пролетаризироваться и пополнить собой ряды городских и сельско-хозяйственных рабочих. Выбиться из нищеты и стать самостоятельным, исправным крестьянским хозяйством, как общее правило, они уже не могут.

Средняцкая группа пойдет по пути восстановления и накопления в одиночку. Этой категории хозяйств еще предстоит осознать необходимость и неизбежность кооперирования и коллективизации. Середняка все еще тянет к хутору и он не прочь придать своему хозяйству капиталистический характер, принанять батрака, приарендовать землицы у маломощных и т. д.

И, наконец, зажиточная группа, которая количественно невелика, но хозяйственно значительна, будет в ближайшие годы в условиях нэп'а накоплять за счет пролетаризирующихся масс.

Какова должна быть наша политика в отношении всех этих трех групп?

Маломощные хозяйства — это самый большой участок на деревенском фронте. Они требуют усиленного внимания и поддержки. Здесь мы должны использовать наш аппарат (кооперация, сельскохозяйственный кредит, машиноснабжение, тракторонаснабжение, мелиорирование, землеустройство и т. д.). Необходимо работать над этой группой, объединяя ее в простейшие виды кооперации (машинные товарищества, мелиоративные товарищества, молочные и т. д.) и развертывая их в высшую форму кооперации—в сельско-хозяйственные коллективы.

Основная масса крестьянства — средняцкая группа. К ней в огромной степени относится сказанное о мероприятиях в отношении группы маломощных. Мы должны обеспечить удовлетворение ее потребности в инвентаре, оказать ей агрономическую помощь, помочь перейти к устойчивому землепользованию и повести напряженную работу по коллективизации и этих хозяйств на основе машинизации и тракторизации и т. п.

Наконец, к зажиточной группе мы подойдем как к своему экономическому противнику и, не прибегая к мерам административного характера, будем бороться против эксплоататорских приемов этих хозяйств, с одной стороны, а с другой—использовывать ее товарную в своих плановых целях.

Мы имеем Северо-Кавказскую деревню в процессе напряженной классовой борьбы. Капиталистические отношения ширятся,—товарность крестьянского хозяйства растет и на этой базе растут и обостряются классовые противоречия. Но эта борьба нам не страшна, поскольку она происходит в условиях диктатуры пролетариата, в условиях быстрого роста городской промышленности и постепенного завоевания внешних рынков.

Основная масса крестьянства—маломощные и середняки—пойдут за рабочим классом, пойдут по пути коллективизации, поскольку город сумеет бросить десятки тысяч тракторов и других сельско-хозяйственных машин на крестьянские поля.

Небольшой группе зажиточных кулацких хозяйств останется в перспективе один выход—перейти на сторону основной массы и свое хозяйство перестроить — коллективизировать.

Тогда мы создадим деревню, изжившую капиталистические отношения и идущую по пути социалистического строительства.

Но для этого нам нужны годы упорной работы в деревне на основе индустриализации сельского хозяйства, его машинизации и в частности тракторизации.

И. И. Федорович

Новое строительство в Донбассе

Истекший 1924/25 г., начавшийся при депрессии на топливном рынке при значительных запасах угля на рудниках, борьбе с иностранным углем на Ленинградском рынке и конкуренцией угля с нефтью в погоне за расширением сбыта в Центральном районе, закончился значительным усилением спроса на все виды топлива.

Наметившийся, в связи с хорошим урожаем, общий подъем народного хозяйства и значительный рост железнодорожных перевозок, позволил начать к концу года развертывание добычи угля, искусственно задержавшейся до сего времени, и закончить год общей добычей по Союзу в 1 мрд. пудов угля, что составляет 103% производственной программы и около 60% от фактической добычи 1913 года.

Отчетливо выявленные планом топливоснабжения на 1925/26 г. а) скачек роста металлургического производства на 90% сравнительно с истекшим годом, вызывающий подъем расхода топлива по всей металлической промышленности на 60%, б) значительный подъем во всех прочих отраслях промышленности, увеличивающий соответственно потребление топлива на 20-50%, и в) рост грузооборота на железных дорогах, вызывающий увеличение на 30% поставки топлива транспорту,—требуют от топливной промышленности весьма напряженной работы.

Намеченный планом топливоснабжения размер сбыта в 1925/26 г. каменноугольного топлива определяется в 1.360 милл. пудов против 910 милл. пудов расхода в 1924/25 г., т. е. на 50% выше. В соответствии с этим общий размер добычи угля по СССР на текущий год намечается планом в 1.520 милл. пудов, из коих добыча по основной топливной базе—Донецкому бассейну составляет 1.200 милл. пуд., что дает общее увеличение добычи сравнительно с 1924/25 годом на 45%, а по Донбассу 55%.

Такое значительное увеличение добычи по Донбассу осуществимо лишь при полном использовании всех производственных возможностей: а) полной нагрузки основных работавших в Донугле 125, Югостали и проч. комбинатов 45, а всего 170 шахт, б) вводе в работу из консервации более 40 шахт и в) использовании мелкой каменноугольной промышленности, вновь развернув добычу до 70 милл. пудов.

Осуществление столь значительной и ответственной работы по единодушному отзыву работающих в Донбассе техников вполне воз-

можно,—но требует очень напряженной организационной работы и прямого увеличения интенсивности труда.

По Донуглю это увеличение производительности намечается до 630, по Югостали 650 и в среднем по Донбассу до 637 пудов в месяц, что соответствует 92% от довоенной производительности и на 30% превышает достигнутую в прошлом году производительность.

Естественно, что такое увеличение интенсивности труда вызвало повышение зарплаты, поднятой в среднем до 50 руб. в месяц, но это не помешало все же снижению примерно на 1,5 коп. себестоимости продукта, принятой по Донуглю в 16.36 коп. пуд.

Достигаемую производительность труда на существующих предприятиях при современных условиях работы нужно считать почти предельной, а потому, при тенденции роста заработной платы, нельзя в дальнейшем ожидать сколько-нибудь заметного снижения себестоимости угля. Значительное повышение производительности и удешевление добычи могут быть достигнуты лишь коренной реконструкцией каменноугольной промышленности, полной механизацией добычи откатки и всех последующих манипуляций с углем, что возможно планомерно провести лишь на новых шахтах и рудниках, которые становятся совершенно необходимыми не только для расширения добычи, но и для рационализирования производства.

Старый Донбасс был слабо механизирован. Техническое состояние горных работ, электрических станций и парового хозяйства, расстроившееся в годы гражданской войны, не могло способствовать проведению широкой механизации. Требовалась огромная восстановительная работа, растянувшаяся на несколько лет. Только в текущем 1925/26 операционном году, когда мы подходим к полному использованию производственных возможностей, могут начаться значительные реконструкционные работы. Все же необходимо отметить, что уже с 1921/22 г., в целях организации механической добычи в Донугле, начинается стягивание на Краматорский завод всех наличных врубовых машин для ремонта. Первоначально механическая отбойка была сосредоточена на двух рудниках—Брянском и Лидиевском, где полностью перешли на работы врубовыми машинами. На 5-6 других рудниках работали дополнительно лишь отдельные машины. Всего в бассейне действовало в 1921/22 году около 35 машин. Примерно столько же машин работало и в 1923/24 г., когда процент машиного угля составлял лишь 3% от всей добычи брутто. В 1924/25 г. процент механизации шахт, работающих врубовыми машинами, повысился в два раза. Средне-месячное число работающих машин поднялось до 53, общая их производительность составляет около 6% добычи.

К началу текущего 1925/26 операционного года число годных к работе врубовых машин поднялось до 100, а к концу года оно будет доведено до 320. В работе на 40 шахтах предположено иметь около 150 тяжелых и 85 легких машин, которые должны дать до 33 милл. пудов угля и 42 милл. пуд. антрацита, что уже будет со-

ставлять около 9% добычи основных шахт, при экономии более 2 коп. на пуде добычи сравнительно с ручной работой.

Помимо машинной выемки чрезвычайно важной стороной механизации представляются—доставка, откатка и погрузка на поверхности; все эти работы, как более простые, требуют менее квалифицированной рабочей силы, но в то же время наиболее сильно понижают общую производительность труда на рудниках. Поэтому механизация их дает значительный эффект.

Введение должного количества конвееров, скреперов, электровозов и друг. механизмов, намеченных для 1925'26 года, значительно повысит производительность труда и понизит стоимость угля еще на 1 коп. на пуде.

Общая сумма затрат по механизации в текущем году по Донуглю намечена в 3 милл. руб.

Столь значительное развитие механизации в Донбассе стало возможно лишь при условии окрепшей электрификации. Благодаря ожидаемому пуску в ход Штеровской станции и окончанию собственных работ Донугля по кольцеванию в Центральном, Сталинском и Алмазно-Марьевском районах, число турбинных станций должно сократиться до 13 вместо 21, бывших в действии на 1/X-1924 г., причем установленная мощность остающихся в работе турбинных станций будет составлять 45,5 тыс. кв. вместо 57,2 тыс. кв., а средняя мощность действующей станции поднимается с 2.700 кв. до 3.600 кв.

Далее ожидается закрытие 16 парогенераторных станций общей мощностью в 8.200 кв. и останется в действие 21 электростанция малого размера, в среднем по 150 кв., в наиболее глухих углах Донбасса.

Сокращение числа работающих станций и уменьшение их валовой установленной мощности не отразится на их производительности и они смогут дать все требуемое количество энергии.

На основании данных о количестве израсходованной энергии в 1924/25 г. около 140 милл. кв. часов, а также присоединенной в текущем году мощности приемников тока, всего в 1925/26 г. потребуется произвести на станциях Донугля 185 милл. квч. при средней нагрузке станции в 21 тыс. кв и максимальной в 25.000 кв.

Таким образом, количество производимой энергии на своих станциях повышается на 32%, да кроме того предполагается взять от Штеровской райстанции 13 милл. кв. часов, что вместе составляет 200 милл. кв. час. и дает увеличение расхода электроэнергии в текущем году сравнительно с 1924/25 г. более чем на 40%.

Такая перегруппировка работы в наиболее ответственных районах Донбасса дает определенно положительные результаты, понижая себестоимость 1 кв. по всему кольцу до 3,5 коп., тогда как в отдельных районах она подходила до 5,5 коп. на турбинных станциях и до 10 коп. на паромашинных. Усиление использования электроэнергии идет в значительной мере за счет усиления механизации.

Если при полном напряжении сил и всех возможностей в этом году будут добыты требующиеся от старого Донбаса 1.200 тыс. пудов угля и антрацита, то задание это нужно считать предельным и дальнейшее развитие промышленности и транспорта может быть обеспечено топливом лишь за счет нового Донбасса.

Если принять, что со скачка текущего года в 50% в следующем 1926/27 году рост потребления понизится до 20%, а в последующие годы пятилетия он постепенно спустится до 10%, то все же к 1930 году Донбасс должен будет давать не менее 2 мирд. пудов каменноугольного топлива.

Так как добывную способность имеющихся в Донбассе шахт можно принять не выше 1.200 тыс. пудов, то для получения недостающего топлива необходимо будет создать новые шахты на общую производительность до 800 милл. пудов. Для этого необходимо заложить 30 новых шахт с добывной способностью от 20 до 45 милл. пудов в год, общей стоимосью около 250 милл. рублей.

Но новое шахтное строительство может дать частично добычу лишь через 2-3 года, полную производительность можно ожидать лишь через 4-5 лет, то теперь же необходимо принять меры к усилению добывной способности бассейна, примерно, на 200 милл. пудов путем заложения вспомогательных не глубоких шахт небольшой производительности, могущих в течение года начать добычу.

Намечаемые планом нового строительства 30 крупных шахт слагаются из: а) 10 шахт начатых до 1925/26 года на предприятиях Донугля и 3 шахт Югостали.

б) 17 совершенно новых шахт, для которых лишь намечены места.

Новые шахты дадут около 600 милл. пуд. угля и 200 милл. п. антрацита. Общий размер затрат на эти шахты по Донулю определяется в текущем году в 11,9 милл., а по Югостали в 1 милл. рублей.

Необходимо отметить, что принятое решение начала нового строительства представляется для Донбасса обстоятельством первостепенной важности, определяющим на многие годы вперед порядок его развития. От удачного разрешения основных вопросов: 1) выбора места заложения шахт, 2) определения размеров производственных единиц, 3) установления метода работ и 4) принятия наиболее рационального типа оборудования в значительной степени будут зависеть все успехи Донбасса.

Грандиозность и важность работы обязывает отнестись к ней с полной серьезностью и принять все меры для устранения случайных решений и возможных ошибок.

Донуглем принят следующий порядок осуществления строительства. При Правлении Донугля в Харькове образовано специально Проектировочное Бюро и Технический Совет. К работам по проектированию в Бюро, помимо специального технического персонала и районных директоров Донугля, привлечены профессора высших

горных школ, причем под руководством проф. по кафедре горного искусства Б. И. Бокия, А. А. Скочинского, А. М. Терпигорева и Л. Д. Шевякова разрабатываются проекты группы шахт отдельных районов.

Технический Совет состоит из профессоров консультантов, практических горных деятелей, ныне не работающих в Донугле, и ряда старших инженеров Донугля, Югостали и Транспорткопей. На Совет возлагается разрешение всех принципиальных вопросов и заданий по проектированию и закладке новых шахт путем коллегиального обсуждения представляемых ему Проектировочным Бюро материалов.

Первая сессия Технического Совета состоялась в конце октября с. г. под председательством Л. Г. Рабиновича.

Советом принят ряд чрезвычайно важных решений:

1) Утвержден общий план проектирования.

2) Рассмотрены и утверждены 33 стандарта, определяющие основные моменты проектирования.

3) Составлены руководящие указания по проектированию.

4) Рассмотрены данные о десяти ранее заложенных шахтах.

и 5) Утверждены места заложения, производительность и основные данные новых 8 шахт.

Основными моментами проектирования принимается необходимость учета всех последних достижений западно-европейской и американской горной техники, изученной рядом профессоров и инженеров, возвратившихся из заграничных командировок, организованных Донуглем. Но прямое копирование иностранных установок и методов было бы явной ошибкой. Необходима очень суровая критика, выявляющая возможности использования их в естественных условиях наших месторождений, бытовых и социальных особенностях нашей жизни, транспортного и торгового режима и финансового положения предприятий.

Приступая к одновременному сооружению большого количества однородных рудников, Техническому Совету пришлось прежде всего подойти к одному из основных вопросов рационального планового хозяйства—выработке стандартных величин для проектирования.

Совет взял определенный уклон в сторону полной механизации производства, дающей возможность значительного поднятия производительности труда и снижения себестоимости производства при росте заработной платы. Как возможный вариант, намечается производительность до 100 пудов в смену на рабочего, при заработке до 100 руб. в месяц и себестоимости 10 коп. пуд.

Намечается широкое применение врубовых машин и механизация доставки угля из забоев до главных откаточных путей.

В вопросах откатки признается необходимость значительного увеличения емкости рудничных вагончиков и, как наиболее рекомендуемый тип для крупных шахт и особенно при крутом падении, намечается стандартный двухтонный вагон.

В вопросах подъема намечается во многих случаях переход от клетевого подъема груза к скипам (самоопоражнивающимся ящикам). Шахтные подъемные машины для больших мощностей, как правило, рекомендуются электрические.

Чрезвычайно больной стороной нового строительства является вопрос о жилищах и жилищном строительстве. По предварительным данным полное удовлетворение жилищем и общественными зданиями по нормам Н. К. Т. составляет расход в 4.100 руб. на каждого рабочего и служащего. Это представляется столь обременительной статьей, что требует самого тщательного изучения и пересмотра, как со стороны норм, так и типов построек и порядка финансирования этой части строительства.

Нужно признать, что подход к новому строительству сделан правильно; поэтому можно надеяться, что значительные государственные средства, затрачиваемые в каменноугольную промышленность Донецкого бассейна, будут использованы вполне рационально.

В. Золотарев

К итогам дискуссии о скорости движения грузов по железным дорогам

В последние месяцы ежедневная печать, а также и специальные издания уделили много внимания вопросу о скорости движения грузов. Дискуссия проходила весьма оживленно и большое количество печатного материала свидетельствует о большом интересе, проявленном к этому вопросу.

Если классифицировать все напечатанное по существу вопроса, то наиболее отчетливо выявлены две линии. Первая: необходимо увеличить скорость движения и доставки грузов, ибо даже незначительное увеличение этих скоростей принесет значительное облегчение торговле и промышленности, освобождая для оборота связанные в продукции капиталы. Вторая точка зрения говорит обратное: увеличивать движения грузов нет никакой надобности, ибо это сопряжено с большими расходами по транспорту, а промышленность от этого не получит никаких выгод. Первое положение является оффициальной точкой зрения ВСНХ, заявленной его руководителями и многими ответственными работниками. Так, тов. Дзержинский указал, что „при хорошо работающем транспорте мы могли бы с тем же капиталом увеличить наши обороты минимум на 30%. В проблеме основного капитала проблема транспорта должна играть выдающуюся роль".

Аналогичное по сути заявление сделано и тов. Пятаковым — „ускорение движения только на 10-15% уже сохранит госпромышленности 15-20 милл. рублей". Тов. Межлаук, освещая положение уральской промышленности, констатирует ее тяжелое финансовое положение, явившееся результатом несвоевременного получения дубликатов на отправленные товары: „Урал потерял в течение только февраля свыше 2 миллионов рублей, так что понадобилась экстренная банковская помощь, оказанная по предложению комитета госзаказов, чтобы предупредить затруднения с заработной платой. В дальнейшем необходимы срочные меры, в противном случае финансовая и, стало быть, и производственная катастрофа для Урала неизбежна". Не только уральская промышленность, но и крестьянство оказалось в тяжелом положении, так как оно выявило спрос на металлоизделия, именно после реализации урожая, а получить ничего не может. („Торг. Пром. газета" 6 марта 1925 г.).

Не только Урал недостаточно обслуживается железно-дорожным транспортом,—целый ряд корреспонденций с мест напоминает о необходимости срочных мер по упорядочению транспорта. Казанский корреспондент газеты „Эконом. Жизнь" (7 февр. 1925 г.) сообщает, что „вагонов государственным заготовителями хлеба дается мало. Так за декабрь потребность Хлебопродукта удовлетворена лишь на 40%, а Госторга—на 15%". При обследовании дела выяснилось „бюрократическое отношение к делу, пристрастная браковка вагонов, щитов и т. д. в целях предоставления частным заготовителям большего количества вагонов..."(?!!). Очевидно, госпромышленность и торговля терпели убытки не только от медленности движения грузов, недостатка вагонов и т. д., но и от „старых привычек" некоторых железнодорожников.

Мнение НКПС по поводу скорости движения грузов, конечно, не совпадает с мнением ВСНХ и по этому поводу также имеется целый ряд статей.

НКПС полагает, что наш железнодорожный транспорт выдержал все поставленные ему жизнью испытания, что увеличения скорости движения грузов не требуется, а во многих случаях жел. дороги заслуживают даже „похвального листа" за исполненную ими работу. Такой взгляд, являющийся оффициальным взглядом НКПС, поддерживается проф. Бернштейном-Коган („Экон. Жизнь" № 171) и Н. К. Мекк („Плановое Хозяйство" № 10).

Две точки зрения совершенно противоположные друг другу (ВСНХ и НКПС) не могут быть одновременно справедливыми и необходимо выяснить истинное положение дела, ибо без этого „пушки и паруса" единого советского корабля, оставаясь каждые при своем мнении и действуя разнобойно, не могут надлежащим образом выполнять возложенную на них работу.

Выяснение истинной роли скорости грузооборота было поручено специальной комиссии под председательством В. М. Свердлова. Эта комиссия констатировала: 1) „представители промышленности обращают недостаточное внимание на транспортные расходы, которые для некоторых отраслей промышленности имеют большое значение, в особенности для отрасли дешевым массовым товаром. Для дорогих грузов, при незначительности стоимости перевозок, доминирующее значение имеет скорость доставки. При этом, ускорение перевозок даже на один день может дать освобождение крупных оборотных средств".

Из числа интересующих нас заключений комиссии В. М. Свердлова мы не можем не остановиться на практике Мурманской ж. дороги: „факты доказывают, что при известной заинтересованности железных дорог ускорение продвижения грузов вполне возможно". Вот эта „заинтересованность" железных дорог нас очень смущает, ибо возможность „заинтересованности" говорит о том, что, очевидно, обычное положение это—„незаинтересованность", а в этом случае мы приходим к положению „транспорт для транспорта", но отнюдь не для хозяйства в целом. Это не безопасный момент в деятельности транспорта и если

не вменить в обязанность транспорту „всегда интересоваться“, то мы придем к положениям, из которых нет выхода.

НКПС возражает ВСНХ и всем, кто разделяет позицию последнего по вопросу о скорости движения грузов. Доводы НКПС изложены в статье Н. К. Мекка: „Надо или не надо увеличивать скорость движения грузов по жел. дор.“ („Плановое Хозяйство“ № 10). Автор статьи указывает, что ответ на поставленные промышленностью и торговлей вопросы дает проф. Бернштейн-Коган в своей статье „К вопросу о скорости перевозок грузов по жел. дорогам“. Каков этот ответ?

В вопросах обращения капитала „всего естественней за исходный пункт для наших рассуждений взять 2-й том „Капитала“, который именно процессу обращения капитала и посвящен“, именно там и указано: 1) „чтобы процесс производства совершался непрерывно... необходимо, чтобы в месте производства находился больший запас сырого материала, чем его потребляется ежедневно“.

2) „Размеры запаса могут колебаться в широких пределах, „но в главном виде они сводятся к быстроте, регулярности и надежности, с которыми может быть доставлена масса сырого материала, необходимого для того, чтобы никогда не произошло перерыва“.

3) „Если этот запас уменьшается в руках промышленного капитала, то это только значит, что он увеличивается в форме товарного запаса в руках купца“.—Все это так ясно и неопровержимо, что никто никогда в этом не сомневался. Но вывод, построенный проф. Бернштейн-Коган, якобы на основании вышеприведенных цитат, и гласящий: „коль скоро мы имеем дело с товарами, для которых либо производство, либо потребление носит сезонный характер, вопрос о скорости их переброски к пунктам потребления в значительной степени теряет народно-хозяйственное значение, так как либо до перевозки, либо после нее в запасах этого сезонного товара будет связан капитал и связан на сроки, определяемые вовсе не транспортом, а соотношением периодов производства и потребления данного товара“—не верен, во-первых, потому, что в нашей действительности требуется более интенсивное снабжение сырьем, из-за отсутствия должных запасов старого сырья, обеспечивающих непрерывность производства, а, во-вторых, потому, что стоимость хранения сырья и готового фабриката в смысле оплаты $^0/_0{}^0/_0$ за связанный в продукции капитал совершенно различна и в первом случае хранения сырья она несравненно меньше; это, между прочим, отмечено и в статье М. Мануйлова („Эконом. Жизнь“ от 28 авг. 1925 года) и в статье Д. Е. („Эконом. Жизнь“). В условиях нашей действительности заключение проф. Бернштейн-Коган приводит к положению уральской промышленности, о котором мы ранее говорили, опираясь на данные В. И. Межлаука.

Если вернуться к цитатам из 2-го тома „Капитала“, приведенным проф. Бернштейн-Коган, то эти цитаты как нельзя более опровергают взгляд проф. Бернштейн-Коган. По положению 1-му необходимо,

„чтобы в месте производства находился больший запас сырого материала, чем его потребляется ежедневно“. В условиях нашей действительности, при отсутствии солидных запасов сырья и дальности перевозок для многих его видов, увеличение скорости перевозок необходимо именно для того, чтобы „процесс производства совершался непрерывно“. Даже один день перерыва в производстве влечет за собою с одной стороны колоссальные убытки, а с другой стороны усиливает товарный голод. Второе положение, дополняя первое, трактует о „быстроте, регулярности и надежности перевозок“, а в применении к нашим условиям именно к быстроте, роль которой возрастает по мере уменьшения количества сырьевых запасов.

Развивая свои положения, проф. Бернштейн-Коган делает еще целый ряд неожиданных заключений: „Корабль, или вагон, служат складом. На этом основана конкурентоспособность водных путей с железными дорогами по перевозке целого ряда грузов“.

Такая позиция проф. Бернштейн-Когана не удовлетворяет Н. К. Мекка и он идет далее: „а потому грузы эти (сезонные), составляющие до 60% общей перевозки, предпочитают длительные сроки перевозки; ибо это упрощает и, главное, удешевляет стоимость хранения этих грузов, которое происходит при длинных сроках доставки либо в вагонах и складах жел. дор., либо при водной перевозке на пароходах, баржах и в пристанских складах, причем хранения эти промышленности ничего не стоят“ (курсив наш. В. З.). „Вагон служит складом“—отмечает Д. Е. В первый раз слышим, „что это хорошо“. По нашему мнению, это очень плохо.

Если теоретическое положение, выдвинутое проф. Бернштейн Коган, является далеким отзвуком взглядов Витте, то у Н. К. Мекка все это преломилось совсем своеобразно, вплоть до жесткого деления на „промышленность“ и „транспорт“ и нежелания понять, что при советском хозяйстве убытки транспорта будут погашаться промышленностью и, следовательно, фраза „промышленности ничего не стоят“—ничего не стоющая фраза.

Но, однако, почему не реорганизовать складское дело по Н. К. Мекку, т. е. не занять вагоны под склады? „Копать землю золотой лопатой“ вряд ли похвальное занятие, а в данном случае это происходит именно так и для доказательства этого положения вовсе не нужно цитировать Маркса по вопросу об издержках обращения капитала. Достаточно ознакомиться с количеством товарных вагонов, недостающих для удовлетворения потребности в перевозках, и с целым рядом жалоб на неподачу порожняка (по данным НКПС нехватка исчисляется в 35.000 вагонов), чтобы сделать уже совершенно определенные выводы о нецелесообразности использования вагонов под склады. Совершенно ясно, что обращая вагон в склад, мы должны терпеть серьезные убытки по нижеследующим причинам:

1) При недостатке товарных вагонов, вагоны-склады внесут последующие расстройства в производство и сбыт продукции.

2) Вагоны-склады ни в коем случае не могут оправдать затраченные на такие склады капиталы, ибо это привело бы к непомерно-высокой оплате хранения.

3) Использование вагонов под склады уменьшает и без того низкий коэффициент использования всего железнодорожного имущества, в которое вложен гигантский капитал.

Железнодорожный транспорт в целом, охватывая гигантскую территорию, занятую железнодорожной колеей, станциями всех видов, складами, мастерскими, а также паровозы, вагоны и все то огромное имущество, которое в общей сумме составляет железно-дорожное хозяйство—представляет собою механизм для осуществления перевозок. И вдруг неотъемлемая часть этого механизма, без которой невозможно совершать перевозок—вагон, теряет свое прямое назначение и превращается в склад. При таком назначении использования вагона все прочие виды железнодорожного имущества точно также теряют всякий смысл и являются непомерно дорогим, но совершенно ненужным „приложением“ к вагону-складу. Необходимо отметить, что это „приложение“ в значительной части элементов, его составляющих, подвержено изнашиванию от времени: шпалы, рельсы, насыпи, мосты, станции и их оборудование и т. д.—все это через определенный период времени приходит в состояние непригодное для эксплоатации.

Приведенного достаточно, чтобы не принять новой организации складского дела, предложенной Н. К. Мекком. Да и сам Н. К. Мекк, вспоминая практику прошлого, констатирует, что всякие хранения грузов отправителей влетали дорогам в сотни миллионов рублей. В чем же дело? Какие же выгоды получает и может получить в будущем советское хозяйство, вмещающее в себе и промышленность и транспорт, от длительной перевозки грузов и хранения их в вагонах? Ответ один:—огромные убытки. И если ВСНХ настойчиво требует увеличения скорости движения грузов, то он желает за счет сокращения времени на транспортные операции освободить часть связанного в продукции капитала, а с другой стороны—устранить часто имеющие место перебои в самом производстве, ввиду несвоевременной доставки сырья. Здесь именно мы и подходим вплотную к цитатам из 2-го тома „Капитала“, приведенным проф. Бернштейн-Коган.

Что может случиться с нашими промышленностью и торговлей, если мы будем использовывать вагоны не по прямому их назначению и не примем мер к ускорению оборота товарных вагонов, прекрасно рассказано в статье тов. Ю. Рудого: „Осенние перевозки и перспективы ж. д. транспорта на 1925/26 год“. Из данных автора этой статьи необходимо подчеркнуть:

1) На 1925/26 год Совет Труда и Обороны установил к перевозке 6410 милл. пуд. груза. При таком количестве груза продукция транспорта выразится в 3333 милл. пудо-верст.

2) „Указанную выше продукцию 3333 милл. пудо-верст, окончательно установленную Советом Труда и Обороны, железнодорожный транспорт сможет выполнить при условии утилизации вагонного парка до 105% от довоенной, причем средне-суточный пробег вагона составит 67 верст в сутки при 70 верстах в 1913 году“.

Подъем экономической мощи страны по отношению к прошлому году дает основание верить, что определенный СТО объем перевозок не является преувеличенным, а, с другой стороны, потребные для этого 105% от довоенной утилизации вагонного парка никак не говорят в пользу вагонов-складов и настоятельно диктуют необходимость увеличения скорости движения грузов по железным дорогам. В данном случае приходится констатировать „невязку“ в мнениях НКПС (статья Н. К. Мекка) и центрального Управления железнодорожного транспорта того же НКПС (ст. Ю. Рудого).

Проф. Бернштейн-Коган „утешает“ ВСНХ: существо жел.-дор. транспорта таково, что поневоле приходится мириться с нашими скоростями движения грузов. „Это свойство не только наших железных дорог. В 1912 году в Англии было исчислено, что в среднем в течение суток вагон на железной дороге находится в движении всего 43,5 минуты, из коих только 27 минут с грузом, а остальные порожняком, в Соединенных Штатах перед войной эта цифра доходила до 1,25 часа в сутки. Средний пробег вагона в Англии составлял всего 22,5 *км* в сутки, а в Германии в 1906 году—48,5 *км*“.

Прежде чем перейти к существу приведенных цифр, необходимо отметить, что промежуток времени 1906-1925 г.г., т. е. истекшие 19 лет, „кое-что“ дали в технике движения грузов. Чтобы „утешать“ ВСНХ, в 1925 году надо и данные приводить не времен „очаковских“. Однако, цифры, приведенные проф. Бернштейн-Коган, вообще не могут служить „утешением“, ибо расстояние „Ливерпуль - Лондон“ ни в какие времена не было похоже на расстояние „Владивосток-Минск“!..

Во - первых, огромные товарные запасы Англии заставляют рассматривать английские перевозки под совершенно иным углом зрения, нежели это приходится делать у нас, при наличии явно выраженного товарного голода. Если в условиях английского хозяйства и английских расстояний, недостаток в товарах может быть чрезвычайно быстро пополнен при помощи хорошо оборудованного транспорта за счет большого резерва этих товаров, то мы не можем похвалиться ни запасами товаров, ни транспортом...

Далее основные простои вагона—это: нагрузка, ожидание полногрузного вагона, ожидание полносоставного поезда, сортировочные станции, выгрузка и т. д.—Совершенно ясно, что при расстоянии „Ливерпуль - Лондон“ на один километр пробега приходится совершенно иное количество простоя вагонов по времени. Если бы исправить по этому принципу цифры проф. Бернштейн-Коган, даже не взирая на „1906“ год, то этими цифрами никто не согласился бы „утешать“ ВСНХ, если не имел бы заранее обдуманного намерения его расстроить. Однако, как будут выглядеть цифры проф. Бернштейн-

Коган, если эти цифры сделать пригодными для нашего времени и наших условий.

Сделаем это для СССР и Англии. Средний пробег в Англии 92 *км*, а в СССР—578 *км* (В. Мануйлов), а по Мекку—650 верст.

Учтем время простоя и движения товарного вагона при среднем пробеге его в 650 верст.

	Время в сутках
Простой на станциях—депо	0,5
Простой вагона на сорт. станции	1,5
Простой на передаточн. станции	1,5
Движение вагона	2
Всего	5,5

Таким образом, дистанция в 650 верст покрывается в 5,5 суток, а занят вагон грузом значительно дольше, а именно около 10,5 суток, если к вышеизложенному времени прибавить фактическое время погрузки и разгрузки. Из приведенных цифр видно, что время движения вагона составляет не более 20% от общего времени занятия вагона под груз.[1] Принимая во внимание, что в Англии средний пробег вагона—92 *км*, а не 650 верст, а также и то, что коммерческая скорость движения грузов там несравненно выше нашей, мы должны притти к выводу, что простой вагонов в Англии в общей сложности должен быть более длителен, чем у нас и потому „Ливерпуль-Лондон“ не может нам служить ни примером, ни „утешением“.

Вопросы скорости движения грузов в наших условиях приобретают особенную важность. И это отмечено в том же втором томе „Капитала“, где предусмотрен случай, когда потребление по своему количеству приближается к объему производства.

Итак, положения, заявленные проф. Бернштейн-Коган и по мнению Н. К. Мекка осветившие вопрос о скорости движения грузов „с обще-теоретической и научной стороны“, для нас совершенно неубедительны и не меняют нашего взгляда на необходимость увеличения скорости движения грузов, что, конечно, не устраняет необходимости уничтожения вредных простоев при движении вагона.

Теперь вернемся к статье Н. К. Мекка. В дальнейшем изложении Н. К. Мекк снова возвращается к указаниям проф. Бернштейн-Коган и замечает: „что повседневная жизнь вполне подтверждает его положения. Мы всегда видели и видим, что, напр., хлеб перевозится и по железным дорогам и по водным путям, причем по этим последним сроки доставки были во много раз больше, чем по железным дорогам, а между тем количество перевозимого по водным путям хлеба не малое“. Совершенно верно! В данном случае центр тяжести вопроса сводится к хранению, если оперативные соображения

[1] В данный расчет совершенно не входит практикующееся у нас „хранение“ груза в вагонах.

не обязывают в определенный и иногда минимальный срок доставить хлебные грузы к месту их назначения.

Хлебные грузы предъявляются к перевозкам, в виде зерна или иногда муки, и в обоих случаях капитал в них связанный, в чьих бы руках этот груз ни находился, будет оставаться в этом виде до фактического исчерпания запасов груза. Хлебные грузы, как типично сезонные, к тому же дешевые и весьма значительные в общей сумме перевозок, естественно, должны перевозиться наиболее дешево. Одно это положение говорит о коммерческой недопустимости не только хранения этих грузов в жел.-дор. вагонах, но и какой бы то ни было задержки при перевозке их и, наоборот, диктует нам увеличение скорости движения этих грузов. В тех же случаях, когда скорость доставки хлебных грузов является непременным условием реализации нашего хлебного экспорта за границей, в тех случаях, когда мы ведем борьбу за рынок сбыта, увеличение скорости движения хлебных грузов диктуется нам всей нашей экономической политикой, в которой экспорт хлеба есть лишь часть подчиненная целому. „Претензии“ грузоотправителей по указанным соображениям совершенно правильны и никакие аргументы о „сезонности“ грузов и связанные с этим рассуждения, без накопления больших резервов этого груза, не спасут от необходимости увеличения скорости их продвижения, если нет иных путей сократить время перевозки.

Далее Н. К. Мекк, иллюстрируя цифрами работу железных дорог по перевозке хлеба в минувшую кампанию, ставит вопрос: „в чем же состоит преступность железных дорог в этих перевозках и во что вылилась та же преступность железных дорог по задержке хлеба вследствие непогрузки всего предъявленного хлеба“.

Ответ на вопрос Н. К. Мекка вытекает из цифр, им же приведенных, если рассмотреть эти цифры под несколько иным углом зрения, чем это сделал сам Н. К. Мекк. С 1/I по 1/IV 1925 года одни только дороги востока не догрузили 17.988 вагонов хлеба; средняя суточная погрузка хлеба за этот же период времени была 1.927 вагонов; чтобы восполнить только недостачу хлеба, происшедшую вследствие недогруза, дороги востока принуждены будут работать еще около 10 дней, если в течение этого срока они не покажут нового недогруза. Н. К. Мекк полагает, что приведенные цифры являются достаточным основанием для „выдачи дорогам похвального листа“, а недогруженный остаток хлеба мог быть даже полезным в качестве регулятора хлебной торговли.

Категорически отвергая „новый метод регулирования хлебной торговли“, „логически“ вытекающий из наличия перебоев в деятельности жел. дор. востока, и бесспорно имеющий свои последствия для торговли, особенно экспорта, мы должны однако здесь задать вопрос Н. К. Мекку: какого рода деятельность, собственно говоря, он предполагает поощрять путем выдачи „похвального листа“?

Анализ перевозок большинства так называемых „сезонных“ грузов сделан Н. К. Мекком правильно лишь для условий, могущих существовать в „абстракции“, но в условиях нашей действительности такая теория „оборачиваемости“ этих грузов практически приводит к перебоям в производстве, благодаря отсутствию сырья, и, следовательно, к увеличению издержек по пользованию капиталом, и т. д.

Наши „планы“ очень часто корректируются самой жизнью и исправление планов перевозок Наркомвнуторга—неприятное, но, по всей вероятности, еще на долгое время, неустранимое явление. Конечно, оперативное руководство Наркомвнуторга не должно доходить до того, что в ноябре дается план перевозок на истекший уже сентябрь, а требование ВСНХ об увеличении скорости движения грузов должно быть аргументировано не только общими соображениями о „связанном в продукции капитале“, но и технической невозможностью иными методами ускорить доставку грузов: ускорением погрузки и выгрузки, изменением самого плана перевозок, сокращением количества перевозок и, наконец, специализацией грузов по месту их назначения.

Н. К. Мекк указывает на большие недочеты в эксплоатации транспорта,—недочеты, имеющие первопричину вне НКПС. В некоторой части эти доводы, по нашему мнению, совершенно справедливы, и, конечно, ВСНХ и другие хозяйственные органы, в известной степени, и сами виновны в удлинении сроков движения грузов. Статистика и фактические сообщения с мест дают достаточные материалы, свидетельствующие о том, что погрузка, выгрузка и так называемое „оправдывание документов“ совершаются грузоотправителями и грузополучателями с большой потерей времени. Кроме этого есть еще один важный вопрос, заслуживающий самого широкого освещения—это вопрос пересмотра плана перевозок в целях наиболее рационального использования транспорта.

По фактическим данным, сообщаемым печатью и не опровергнутым соответствующими органами, мы имеем основание оспаривать необходимость и целесообразность целого ряда перевозок в советском хозяйстве. — Так, по сведениям „Торгово-Промышленной газеты“ (8 июля 1925 г.), весьма часты случаи, когда фабрики Сев.-Зап. Области обслуживают юг, а южные фабрики обслуживают Сев.-Зап. Область одним и тем же видом продукции. Запад обслуживает восток, а восток обслуживает запад.

Н. К. Мекк даже указывает большие встречные хлебные перевозки и по этому поводу совершенно справедливо заявляет: „едва ли такое построение перевозок может быть признано и плановым, и соответствующим условиям работы в социалистическом государстве“.

Конкретные случаи неправильного распределения районов по снабжению спичками дает Вл. Шильд в статье „Об ускорении и упорядочении грузооборота“—(„Торг.-Пром. газета“, 8 июня 1925 г.).

Оказывается, что спички везут из Борисова в Крым, попутно пересекая с севера на юг район Полесского спичечного треста и

даже минуя станции, у которых расположены фабрики этого мощного треста. Северо-Западный спичечный трест, фабрики которого находятся в Новгородской губернии, снабжает республики Средней Азии, пересекая район Пензенского треста, и т. д.

В других отраслях промышленности мы можем в большей или меньшей степени констатировать аналогичную картину и все это вместе взятое дает полное основание для утверждения о необходимости некоторых корректив к общему плану перевозок. Есть основание верить, что иначе построенные перевозки внесут некоторое облегчение и промышленности и транспорту. Промышленность сократит число ненужных перевозок, а транспорт, рассматривая вагон, главным образом, как орудие транспорта, а не как „склад“, получит возможность использовать по прямому назначению освободившийся порожняк. Таким образом, вполне возможно некоторое ускорение доставки грузов за счет уменьшения сроков погрузки, выгрузки и исправления самого плана перевозок. Нет сомнения, что в ближайшем будущем такой способ ускорения движения окажется недостаточным и мы все же вернемся к вопросу увеличения скорости движения грузов.

По мере роста здорового грузооборота и накопления запасов товара, позволяющих фактически осуществить строгий план перевозок сырья и готовых фабрикатов, НКПС-у представится полная возможность специализации поездов и этим самым возможность значительного сокращения потребного для перевозок времени. В отношении большинства сезонных массовых грузов плановые перевозки наиболее осуществимы, а перевозки этих грузов составляют уже теперь до 70% всех перевозок.

Таким образом, сокращение сроков перевозок и увеличение их объема возможно не только за счет увеличения коммерческой скорости движения товарных поездов, но возможно до некоторой степени за счет сокращения простоев при погрузке и выгрузке, времени потребного для сортировочной работы и т. д.

Но если запросы *сегодняшнего* дня еще не всеми осознаны во всей их глубине и менее чем „пешеходная“ скорость движения грузов признается вполне удовлетворительной, то в самом *недалеком будущем* проблема скорости вырастет во весь свой гигантский рост. Не надо забывать, что „проблема расстояний—величайшая из проблем“ и это особенно чувствуется в СССР, благодаря ее огромной территории и во многих случаях благодаря весьма неудачному расселению промышленности, которое иногда делалось „на зло надменному соседу“ и „всяким инородцам“. Совершенно ясно, что самая невыгодная предпосылка в пользу нынешнего расселения промышленности состоит в значительном территориальном несовпадении энергетических рессурсов с рессурсами сырья. Эти отрицательные для всего хозяйства факторы могут быть ослаблены только скоростью движения грузов. В самом деле, если сравнить наш средний пробег товарного вагона с такими же пробегами в других странах, то для нас будет

совершенно очевидным, что наши скорости движения грузов должны в несколько раз превосходить скорости движения грузов многих европейских стран, в противном случае, наша продукция даже при все прочих равных условиях всегда будет дороже иностранной продукции.

Другая сторона дела заключается во времени обращения капитала с зависящими от него издержками обращения капитала,—нет сомнения, что и в этом случае мы имеем полное право повторить предыдущее рассуждение о роли скорости движения грузов.

Основной вопрос: „надо или не надо увеличивать скорость движения грузов по жел. дорогам“,—должен быть решен в положительном смысле; мы имеем все объективные данные в пользу необходимости увеличения этой скорости. Международная практика по этому вопросу и задания, какие будет иметь транспорт в ближайшем будущем—за увеличение этой скорости. Есть даже мнение, что „ничто так не удешевляет перевозок, как скорость, с которой они совершаются“. Конечный пересчет всех основных данных именно и приводит к этому положению. Быть может в специфических условиях нашей действительности это положение окажется справедливым лишь для определенных пределов варьирования независимых аргументов, но все же мы не имеем прав отказываться от сути этого положения уже теперь и, особенно, на будущее время.

В. Г. Громан

Годовой обзор народного хозяйства за 1924\25 г.

(8-ой год Советской власти)

Целью настоящего обзора является не только установление основных фактов и характернейших процессов народно-хозяйственной жизни Советского Союза, но и выяснение взаимной зависимости в развитии различных элементов народного хозяйства, значение связи с мировым хозяйством и общая оценка исследуемого года с точки зрения определенной ступени восстановительно-реконструктивного процесса, переживаемого нашим народно-хозяйственным организмом. Отведенное место—два печатных листа—вынуждают нас к максимальной сжатости изложения и крайней экономии в приведении цифровых материалов.

Мы примем следующий метод изложения: сначала охарактеризуем то наследство, которое оставил 8-му году его предшественник—7-ой год, и установим основные тенденции, которые вытекали из этого наследства. Далее мы приведем помесячные данные, квартальные и полугодовые, характеризующие динамику хозяйства и, наконец, приведем годовые результативные итоги. Все явления мы будем выражать в трех измерениях: в довоенных ценах, в товарных ценах и в червонных рублях. Первое измерение заменит нам количественный учет, второе—позволит нам считаться с изменением ценностных соотношений, а третье—даст одновременно учет и изменение покупательной силы денег. Впрочем, при помесячном анализе, в виду сравнительно незначительных колебаний в соотношении цен, мы ограничимся двумя измерениями—в довоенных ценах и в червонных рублях. Мы будем изучать изменения по отношению к предшествующему периоду и к соответствующему периоду прошлого года.

I. Наследство 1923/24 года

7-ой год,—год несколько уступающего среднему, но все же достаточного урожая хлебов, год роста крестьянских стад и интенсивных культур, год крупного подъема промышленности, роста зарплаты и уступающего ему увеличения производительности труда, год восстановления нашего хлебного экспорта и положительного торгового баланса, год упорядочения системы торговли, год сближения „ножниц“, т. е. установления более нормальных отношений между ценами

промышленных и сельско-хозяйственных товаров, год ликвидации системы параллельной валюты и установления режима валюты твердой и, в связи с этим, год развития кредита—завещал своему наследнику тенденцию к еще более энергичному росту промышленности за счет преимущественного роста производительности труда, к дальнейшему сближению „ножниц", к улучшению торговопроводящей сети, к дальнейшему усилению руководящей роли планового кредита и к большему развитию связи с мировым хозяйством.

Эти завещанные 7-ым годом тенденции натолкнулись на факт пониженного сбора хлебов. Хотя наш оффициальный орган статистики ЦСУ и признал, что сбор 1924 года не ниже сбора 1923 года, но это, к сожалению, оказалось не так. По подсчету Статбюро Госплана сбор зерновых хлебов в 1923 году был равен 3.475 милл. пудов, а в 1924 году—только 3.165 милл., т. е. оказался ниже на 310 милл. пудов или на 9%. Переоценка урожая привела к тому, что был выработан экспортный план хлебов на 75 милл. пудов и даже приступлено к вывозу его—около 20 милл.—при явном напряжении внутреннего рынка. Вследствие той же переоценки урожая была принята система лимитных цен, крайне затруднившая хлебное снабжение страны, от которой впоследствии пришлось отказаться. Факт неурожая, будучи осознан, привел к плановому минимализму как в построении производственной программы промышленности, так и в проектировании государственного бюджета. Он повлек за собою опасение за устойчивость покупательной силы червонца, а отсюда и систему рестрикции кредита.

Жизнь как бы нарочно пошла „наоборот". На плановый минимализм она ответила бурным развитием промышленности и ростом государственного бюджета и заставила трижды и четырежды пересматривать и производственные программы и бюджетные предположения в сторону расширения. Но факт неурожая оказал свое действие: на политику лимитов жизнь ответила бешеным ростом хлебных цен и вместо положительного торгового баланса она привела к отрицательному балансу. Несмотря на крупное развитие всех остальных элементов экспорта, выпадение хлебного экспорта и даже обратно—хлебный импорт, привели к отрицательному балансу.

Промышленная продукция за то поднялась на совершенно неожиданную высоту; не было ума в Советской России, который бы предвидел то, что случилось:—подъем промышленности в количественном выражении на 60%. Мы не дооценили тех скрытых сил, которые заключались в унаследованном нами основном капитале. Получив возможность развития на началах хозрасчета, регулируемого плановыми мероприятиями, наша промышленность смогла активизировать огромное количество стоящих в бездействии производительных сил. Несмотря на систему рестрикции кредита, жизнь всячески толкала вперед и, не получив достаточного кредита, выходила из положения ускорением капитало- и товаро-оборота. Все эти процессы настолько

своеобразны, полны глубокого интереса и таят в себе такие богатые перспективы развития, что заслуживают самого детального анализа. В настоящей статье мы лишены возможности, конечно, исчерпать эту тему, тем паче, что мы обязаны представить и фактические данные, хотя бы и в схематическом виде, о самом развитии народно-хозяйственных процессов. К изложению их мы и переходим.

II. Материальный процесс развития

2. Приведем таблицу № 1, в которой приведены помесячные данные за два смежных года в довоенных ценах по основным материальным элементам нашего народного хозяйства.

Первая часть таблицы представляет из себя абсолютные числа, вторая показывает изменение по отношению к предшествующему месяцу и третья часть таблицы—изменение по отношению к соответствующим месяцам прошлого года.

Как шло развитие валовой продукции крупной промышленности? В 7-м году мы видим, что первый же месяц дал прирост по отношению к своему предшествующему на 7%, следующий месяц дал снижения на 5%, затем мы видим, что каждый из следующих месяцев дает все усиливающийся рост (от 1 до 7%); далее мы имеем два месяца падения на 2%, далее рост на 3%, новое падение, но всего на 1-2%, последние 2 месяца 7-го хозяйственного года дали резкий прирост—август 7%, сентябрь на целых 19%.

8-ой хозяйственной год характеризуется еще более благоприятными показателями. Первый месяц дает рост на 12%, второй слабое падение—на 5%, потом целых 4 месяца дают рост от 3-х до 10%, следующие 2 месяца стационарное производство, затем новый подъем. Лишь июль месяц дает падение на 9%, но уже два последних месяца дают крупный прирост на 10 и 13%.

Что это дает в смысле подъема уровня, показывает третья часть таблицы. Мы видим, что каждый из месяцев 8-го года превышает соответствующий месяц 7-го года минимум на 50%, а максимум на 70% (июнь).

За счет чего шло развитие промышленности? Среднемесячное число рабочих увеличивалось гораздо слабее, чем росла продукция и, сравнивая данные по 3-ей части таблицы за каждый месяц текущего года с соответствующими месяцами прошлого года, мы получим, что число рабочих увеличилось всего на 11-19%. Это объясняется тем, что продукция рабочего росла сильнее, чем росло число рабочих. И, сравнивая опять таки помесячные данные этого года с такими же данными предшествующего года, мы видим, что продукция рабочих увеличилась на 28-44%. Нельзя не обратить внимания на то, что апогей падает не на конец года, а на середину его. К концу года мы имеем перевес продукции рабочего всего на 28%, что говорит нам

Таблица № 1 А

Месячные показатели в довоенных рублях (в миллионах)

Группы конъюнктурн. показат.	X—23	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—24
Валовая продукция крупной госпромышленности	121,5	115,5	117,2	123,5	132,2	130,1	127,8	132,0	128,8	127,0	136,2	161,9
В том числе:												
Добыча угля тыс. тонн	1.375	1.454	1.375	1.393	1.416	1.361	1.134	1.164	1.187	1.325	1.220	1.376
Прокат „ „ „	63,7	56,1	51,0	45,0	51,6	57,9	58,3	61,3	61,3	49,7	54,0	79,2
Хлопч.-бум. ткани в милл. метров	62,2	59,2	55,7	59,3	67,7	67,5	67,1	77,5	77,0	67,8	73,3	99,7
Продукция 1 рабочего в мес. в руб.	99,6	93,2	94,0	99,9	106,5	104,7	103,7	108,0	103,3	99,4	104,0	119,5
Биржевой оборот 71 биржи												
Общий	95,2	102,7	130,9	129,5	147,5	117,9	124,1	136,3	128,4	158,2	149,8	233,1
В том числе:												
Сельско-хоз. товары	48,0	50,0	66,7	59,3	56,1	44,8	37,8	49,4	44,5	61,3	48,4	84,0
Промтовары	47,2	52,7	64,2	70,2	91,4	73,1	86,3	89,9	83,9	96,9	101,4	149,1
Оборот 162 госорганов	29,4	33,7	42,4	46,1	56,9	50,8	50,0	57,6	57,7	55,1	53,4	82,6
Внешняя торговля по европейской границе:												
Вывоз	26,7	38,3	35,5	22,9	24,9	31,0	22,1	24,1	25,2	29,8	24,0	28,2
Ввоз	16,6	14,8	14,2	12.5	13,4	12,0	12,3	15,1	18,7	23,5	28,6	25,1
Баланс	+ 10,1	+23,5	+ 21,3	+ 10,4	+ 11,5	+ 19,0	+ 9,8	+ 9,3	+ 6,5	+ 6,3	— 4,6	+ 3,1
Грузооборот:												
Общ. погр. тыс. ваг.	465	406	380	367	375	431	402	403	389	405	437	491
Средн.-суточная тыс. ваг.	15,0	13,5	12,2	11,8	12,9	13,9	13,4	12,9	13,0	13,1	14,1	16,4
Средн.-месячн. число раб. в крупн. госпром. по непрерывн. производств. в тыс. человек	1.215	1.239	1,239	1.238	1.241	1.243	1.230	1.223	1.248	1.279	1.310	1.355

Продолжение таблицы № 1 А

Месячные показатели в довоенных рублях (в миллионах)

Группы конъюнктурн. показателей	X—24	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—25
Валовая продукция крупной госпромышленности	181,3	173,0	189,6	196,9	201,9	213,0	212,5	213,1	219,4	199,7	219,4	247,0
В том числе:												
Добыча угля тыс. тонн.	1.583	1.322	1.397	1.383	1.447	1.465	1.055	1.043	1.254	1.264	1.272	1.569
Прокат „ „ „	90,3	88,2	96,1	102,2	107,6	107,9	111,6	126,1	125,7	108,0	120,7	138,0
Хлопч.-бум. ткани в милл. метров.	112,8	101,4	119,1	122,2	123,3	126,5	130,9	128,8	138,7	100,0	123,4	163,0
Продукция 1 рабочего в мес. в руб.	131,7	125,8	137,7	141,7	143,4	149,6	149,0	148,3	148,1	131,8	141,5	153,3
Биржевой оборот 71 биржи:												
Общий	277,7	236,0	233,3	239,5	232,8	245,1	248,5	238,0	289,9	340,6	332,6	525,2
В том числе:												
Сельско-хоз. товары	83,2	69,9	65,8	81,0	46,6	61,5	51,6	42,7	49,3	93,3	66,0	100,7
Промтовары	194,5	166,1	167,5	158,5	186,2	183,6	196,9	195,3	240,6	247,3	266,6	424,5
Обороты 162 госорганов	105,4	76,6	86,6	74,8	80,0	99,6	98,2	90,1	96,2	110,3	114,0	168,8
Внешняя торговля по европейской границе:												
Вывоз	24,1	24,4	23,7	23,2	20,3	21,8	18,8	21,7	32,0	26,7	38,0	47,3
Ввоз	19.4	16,7	20,6	17,7	24,8	31,6	36,1	47,9	34,9	36,5	27,0	43,6
Баланс	+ 4,7	+ 5,7	+ 3,1	+ 5,5	— 4,5	— 9,8	17,3	— 26,2	— 2,9	— 9,8	+ 11,0	+ 3,7
Грузооборот:												
Общ. погр. тыс. ваг.	554	478	472	461	471	542	481	504	530	555	616	688
Средн.-суточная тыс. ваг.	17,9	15,9	15,2	14,9	16,8	17,5	16,0	16,2	17,7	17,9	19,9	22,9
Средн.-мес. число раб. в крупной госпром. по непрерывн. производ в тыс. человек	1.377	1.375	1.380	1.390	1.400	1.424	1.426	1.437	1.481	1.515	1.550	1.611

Таблица № 1 Б

В %% к предыдущему сроку, принятому за 100

Группы конъюнкт. показателей	X—23	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—24	X—24	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—25
Валовая продукция крупной госпромышленности . . .	107	95	101	105	107	98	98	103	98	99	107	119	112	95	110	104	103	105	100	100	103	91	110	113
В том числе:																								
Добыча угля	122	106	95	101	102	96	83	103	102	112	92	113	115	84	106	99	105	101	73	98	120	101	101	123
Прокат	101	90	91	88	115	111	102	110	95	81	109	147	114	98	109	106	105	100	103	113	100	86	112	114
Хл.-бум. ткани	121	93	94	107	114	100	99	116	99	88	108	136	113	90	117	103	101	103	104	98	108	72	102	133
Продукция на 1 рабочего .	101	94	102	106	107	98	99	104	96	96	105	115	110	96	109	103	102	104	100	99	101	89	107	108
Биржевой оборот 71 биржи:																								
Общий	96	108	127	99	114	80	105	110	94	123	95	156	119	85	99	103	97	105	101	96	122	117	98	158
В том числе:																								
Сел.-хоз товары	100	104	133	89	95	80	84	131	90	138	79	173	99	84	94	123	57	132	84	83	115	189	71	152
Промтовары	92	112	122	109	130	80	118	101	96	115	105	147	130	85	101	95	117	99	107	99	123	103	108	159
Обороты 162 госорганов . .	69	115	126	109	123	89	98	115	100	95	97	155	128	73	113	86	107	124	99	92	107	115	103	148
Внешняя торговля по европейской границе:																								
Вывоз	148	143	92	65	109	125	71	110	103	118	81	118	85	92	107	98	89	107	86	115	147	83	142	124
Ввоз	80	89	96	88	107	90	102	123	124	126	121	88	77	86	122	87	140	127	114	133	73	105	74	161
Грузооборот:																								
Общая погрузка	119	87	94	97	102	115	93	100	97	104	108	112	113	86	99	98	102	115	89	105	105	105	111	112
Средне-суточная	112	88	91	97	109	108	96	96	101	101	108	116	109	89	96	98	113	104	91	101	109	101	111	115
Среднее число рабочих . . .	105	102	100	100	100	100	99	99	102	102	102	103	102	100	100	101	101	101	100	101	103	102	102	104

Таблица № 1 В

В %% к соответствующему месяцу прошлого года

Группы конъюнкт. показателей	X—23	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—24	X—24	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—25
Валовая продукция крупной госпромышленности	133	123	111	132	131	115	136	128	121	143	136	141	150	150	162	159	153	164	166	161	170	157	161	153
В том числе:																								
Добыча угля	201	169	124	152	132	108	135	113	109	138	121	124	115	91	102	99	102	108	94	90	106	95	104	114
Прокат	276	220	150	151	166	128	148	140	116	122	118	129	145	157	189	227	211	189	191	196	205	217	224	177
Хл.-бум. ткани	137	136	112	135	135	118	155	150	127	165	179	189	177	171	214	206	182	187	195	166	180	147	167	163
Продукция на 1 рабочего	112	102	97	119	120	109	126	118	111	126	116	121	132	135	146	142	135	143	144	137	144	133	136	128
Биржевой оборот 71 биржи:																								
Общий	252	252	221	148	147	98	159	144	93	119	138	235	292	230	178	185	158	208	200	175	233	215	222	225
В том числе:																								
Сел.-хоз. товары	326	286	251	125	173	88	121	115	77	120	100	175	173	140	99	136	83	137	186	83	111	152	136	120
Промтовары	204	226	197	175	135	105	184	168	105	118	170	291	412	315	261	226	204	251	228	225	287	255	263	285
Оборот 162 госорганов	70	121	119	208	107	123	179	176	107	114	137	192	358	227	204	162	140	196	196	156	167	200	213	204
Внешняя торговля по европейской границе:																								
Вывоз	221	417	533	447	408	355	300	225	158	174	148	157	90	58	67	101	82	70	85	89	127	90	158	168
Ввоз	69	106	124	201	229	147	136	155	104	231	270	121	117	113	143	142	185	263	293	317	187	155	94	174
Грузооборот:																								
Общая погрузка	125	116	99	110	122	101	117	123	106	117	122	126	119	118	124	126	125	126	120	125	136	137	141	140
Средне-суточная	134	118	101	112	119	103	120	123	106	117	122	122	119	118	125	126	130	126	119	126	136	137	141	140
Среднее число рабочих	126	120	115	110	109	109	108	108	109	113	118	116	113	111	111	112	113	115	116	117	119	118	118	119

о том, что условия, позволившие повышать продукцию рабочего, уже стали ослабевать.

Если так развивалась продукция промышленности, то как шла реализация ее продукции? Обороты 150 трестов и 12 синдикатов в 1923/1924 году характеризуются такими чертами: начался год с огромного упадка (31%), знаменитого кризиса сбыта, вызванного полным разрывом цен сельскохозяйственных и промышленных, но затем с каждым месяцем мы видим рост реализации (на 9-20%), который был прерван лишь в марте и апреле (—11% и—2%); далее мы видим майский подъем (+ 15%), стабильное состояние в июне, новое падение оборота в июле и августе (на 5 и 3%) и резкий подъем в сентябре (на 55%).

Отчетный год, наоборот, характеризуется огромным подъемом оборотов в начале года, в первом же месяце года (+ 28%), затем резким его падением во 2-ой месяц (— 27%), новым подъемом в 3-й месяц (+ 13%), опять падением в январе (— 14%), новым подъемом в феврале (+ 7%), крупным подъемом в марте (+ 24%), апрель дает слабое снижение (— 1%), май—более сильное (— 8%), а с июня мы видим новую повышательную волну, достигающую своего апогея в сентябре—последнем месяце года; последовательные коэффициенты таковы: + 7, + 15, + 3, + 48%.

В итоге обороты этого года превышают обороты предшествующего года в первый месяц, в октябре, в $3^1/_2$ раза, затем этот коэффициент повышения падает, но снова поднимается в марте-апреле до + 96, т. е. почти вдвое, кроме мая-июня, когда мы имеет коэффициент повышения оборотов этого года над предшествующим всего на 56-67%, мы вновь возвращаемся в последнем месяце к удвоенным оборотам по сравнению с соответствующими месяцами прошлого года.

Биржевые обороты Московской и 70-ти провинциальных бирж развиваются еще энергичнее, чем обороты трестов и синдикатов и именно за счет промышленных товаров, что говорит нам о том, что помимо статистических причин, т. е. все большего и большего охвата биржевой регистрацией оборотов с промтоварами, мы имеем перед собою и развитие перепродаж. Колебания помесячные аналогичны колебаниям оборотов трестов и синдикатов и размер повышения оборотов по сравнению с прошлым годом также подобен величинам по оборотам трестов и синдикатов, только выраженным в более резкой форме. Таким образом, начальный месяц октябрь 1924 года превышает обороты с промтоварами октября предшествующего года в 4 раза. Соответствующая цифра за сентябрь 1925 года, т. е. за последний месяц, будет 2,8.

Иное приходится сказать по поводу оборотов с сельско-хозяйственными товарами. Неурожай повел к тому, что обороты этого года превышают обороты предшествующего года даже в первом месяце, наиболее „торговом“, всего в 1,7 раза, а в конечном месяце только в 1,2 раза. В прошлом же году мы видим огромное развитие оборотов с сельско-хозяйственными товарами по отношению к предшествующему году, особенно в первое полугодие непосредственно после сбора урожая, когда мы имели показатели повышения оборота в 3,2-2,5 раза. Такова эволюция оборотов внутренних.

Что касается внешней торговли, то 7-й год характеризовался огромным ростом вывоза и крупным ростом привоза, но лишь несколько более слабо выраженным, чем рост экспорта. Этот же год характеризуется падением экспорта, кроме последних двух месяцев, уже находившихся под влиянием нового урожая 1925 года и более умеренным развитием импорта.

Обращаясь к цифрам грузооборота, суммирующим цифры и внешнего и внутреннего товарооборота, мы видим, что оба года являются годами развития грузооборота, но 8-й год имеет гораздо более резко выраженные показатели роста грузооборота, чем его предшественник. Помесячные обороты 7-го года превышают обороты предшествующего года на 3-34%, а обороты 8-го года—превышают обороты 7-го года на 18-41%.

Вот по необходимости сжатый очерк, так сказать, материальных моментов нашего хозяйства. Что он говорит нам? Он говорит нам о том, что страна с огромной энергией продуцировала материальные ценности, особенно промышленного характера, все интенсивнее и интенсивнее развивая товарный оборот, и вовлекала все большую и большую долю запасов рабочей силы в процесс промышленного производства, с особенным успехом повышая эффективность применения каждой отдельной трудовой единицы.

В течение года мы имели периоды и относительного упадка, частью обычного сезонного характера, частью несомненно конъюнктурного характера. Так, вне всякого сомнения, падение и продукции в ноябре этого года и оборотов есть следствие влияния неурожая и политики лимитов, от которой мы в дальнейшем вынуждены были отказаться. То же самое приходится сказать и о заминке в обороте товаров в январе-феврале этого года. Но преобладала эволютарная линия крупного подъема, в чем выражался восстановительный характер народно-хозяйственного развития.

Перейдем теперь к моментам, связанным уже с ценами, с денежным выражением.

III. Развитие ценностных соотношений

В таблице № 2 (см. на обор.) приведены помесячные данные в червонном выражении тех же элементов, которые были приведены в таблице № 1, плюс движение индексов и цен, денежной массы, вкладов, учетно-ссудных операций и госбюджета. Мы приводим здесь лишь абсолютные данные, так как печатать относительные нет места. В тексте с необходимой экономией мы используем и относительные величины.

Месячные конъюнктурные показатели в червонном исчислении (абсолютные данные)

Таблица № 2

	X-23	XI	XII	I-24	II	III	IV	V	VI	VII	VI	IX	X-24	XI	XII	I-25	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	1/IX-25
Крупн. госпром. валовая продукция	306	272	267	280	298	277	263	267	259	258	27	323	370	339	369	380	386	406	405	405	416	379	419	478	—
Бирж. оборот по 71 бирже: общий	161	173	224	239	298	228	235	248	230	288	27	416	499	424	425	433	435	464	480	456	550	635	613	980	—
с.-х. тов.	42	49	77	79	92	73	58	72	61	91	7	118	113	98	99	127	79	115	104	85	94	166	103	158	—
промысл.	119	124	147	160	206	155	177	176	169	197	20	298	386	326	326	306	356	349	376	371	456	469	510	822	—
Оборот 162 госорган.	74	79	97	105	128	108	103	117	116	112	10	165	209	150	169	145	153	190	187	171	182	210	218	327	—
Внешн. торг. по европ. гран.: вывоз	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42,0	32,8	44,6	41,0	37,8	32,9	29,7	38,6	50,8	36,0	51.7	69,1	—
ввоз	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36,8	27,9	36,4	31,8	45,3	54,9	62,8	87,8	60,9	66,7	45,7	76,3	—
баланс	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+ 5,2	+ 4,9	+ 8,2	+ 9,2	— 7,5	— 22,0	— 33,1	— 49,2	— 10,1	— 30,7	+ 6,0	— 7,2	—
Инд. на 1-е числа:																									
Оптов.: общий	1.565	1.492	1.573	1.690	1.865	1.930	1.808	1.752	1.658	1.690	1.754	1.725	1.643	1.636	1.682	1.720	1.781	1.833	1.945	1.966	1.914	1.880	1.751	1.727	1.742
с.-хоз.	0.888	0.916	1.081	1.245	1.533	1.703	1.565	1.509	1.368	1.414	1.513	1.481	1.360	1.352	1.448	1.525	1.644	1.763	1.979	2.025	1.931	1.862	1.610	1.548	1.556
пром.	2.757	2.432	2.291	2.293	2.269	2.187	2.089	2.034	2.013	2.021	2.03	2.009	1.986	1.980	1.952	1.939	1.926	1.906	1.906	1.908	1.898	1.898	1.903	1.927	1.949
Розничн. Кон. Инст. НКФ.: общий	1.67	1.69	1.72	1.80	2.01	2.03	2.07	2.13	2.06	2.10	2.0	2.19	2.06	2.03	2.05	2.05	2.08	2.11	2.17	2.21	2.19	2.18	2.10	2.08	2.15
с.-хоз.	0.92	1.04	1.21	1.34	1.59	1.59	1.72	1.87	1.73	1.79	2.0	1.92	1.72	1.67	1.74	1.77	1.85	1.93	2.08	2.25	2.22	2.17	1.99	1.90	1.92
пром.	2.73	2.59	2.44	2.39	2.53	2.55	2.42	2.38	2.43	2.45	2.4	2.48	2.43	2.44	2.40	2.35	2.32	2.29	2.27	2.17	2.17	2.19	2.21	2.27	2.39
Бюджетный: общий	1.721	1.618	1.679	1.819	1.989	2.064	2.081	2.121	2.024	2.074	2.13	2.015	1.918	1.948	1.978	1.976	1.988	2.044	2.136	2.189	2.141	2.110	1.935	1.867	1.923
с.-хоз.	1.017	1.064	1.189	1.401	1.645	1.747	1.849	1.932	1.794	1.876	1.95	1.771	1.607	1.623	1.714	1.762	1.809	1.923	2.075	2.168	2.101	2.071	1.824	1.698	1.740
пром.	2.981	2.607	2.622	2.564	2.608	2.630	2.492	2.456	2.434	2.426	2.46	2.449	2.473	2.529	2.451	2.357	2.307	2.261	2.240	2.226	2.209	2.178	2.134	2.170	2.250
Оптов. цены в коп. за пуд на 1-е число потребл. пол.:																									
Рожь	80,4	80,1	81,1	92,5	114,3	129,3	114,4	103,0	95,4	98,0	111	109,0	97,4	99,6	108,3	114,0	120,1	137,6	171,4	175,1	168,1	178,6	143,3	121,9	124,9
Овес	68,2	67,4	75,7	81,9	101,3	125,1	121,5	125,6	119,4	118,7	124	118,2	93,1	96,2	102,6	115,0	120,3	143,1	188.0	192,5	175,3	181,0	157,1	118,6	113,9
Говядина	390	438	489	558	723	788	893	1.103	1.048	946	851	773	653	576	563	584	589	647	660	768	845	776	806	809	724
Производ. пол.:																									
Рожь	47,6	47,1	54,2	63,1	80,9	92,9	79,6	76,8	71,0	98,4	99	86,5	78,1	88,9	102,5	111,7	132,7	157,9	195,1	206,8	191,1	182,0	107,6	101,0	104,8
Пшеница	70,9	70,0	88,3	101,9	129,7	165,7	134,8	127,6	121,8	159,6	163	153,5	130,2	139,9	163,1	174,7	211,8	246,0	279,7	273,3	226,2	217,0	141,2	151,0	153,6
Овес	42,3	45,9	57,6	67,7	88,1	101,1	98,4	100,5	94,6	129,5	143	117,2	102,4	107,6	124,4	125,0	140,0	162,3	187,9	208,8	191,8	184,8	119,3	98,3	99,4
Говядина	310	357	475	664	873	888	889	960	896	695	620	578	517	455	439	446	477	532	608	710	721	634	645	635	607
Денежная масса без платежных обязат. на 1-ые числа	264,4	305,5	303,2	322,0	326,3	356,8	393,5	439,8	468,8	485,4	513	564,0	627,2	678,9	722,4	742,6	710,5	730,0	765,7	780,1	791.5	846,1	915,2	1.015,6	1.142,9
Вклады и тек. счета вкл. НКФ по 5 банкам на 1-ые числа	226,5	242,8	294,5	351,9	407,4	423,1	440,1	465,0	497,0	479,0	502	518,6	523,1	550,5	606,2	664,1	741,3	788,9	820,3	832,5	861,5	858,2	891,5	965,5	1.078
Уч.-ссудн. операц. без особых ссуд НКФ на 1-ые числа	397,5	428,7	439,4	468,5	512,2	562,1	570,4	610,1	667,4	725,0	749	791,4	856,4	914,8	971,8	1.018,1	1.051,7	1.158,2	1.204,9	1.264,8	1.363,7	1.471,9	1.559,3	1.672,6	1.854,9
Госбюджет (доходы)	158,4	135,2	153,1	140,0	151,9	158,9	158,4	161,8	161,3	158,8	156	212,6	212,5	205,9	230,9	219,1	210,2	192,5	196,5	200,0	196,8	229,4	228,7	260,2	—
Месячная зарплата 1 рабоч. в руб.	28.10	28.07	28.07	34.40	37.28	36.93	35.11	37.14	36.84	40.31	38.46	41.11	42.25	38.54	39.71	40.07	39.77	41.74	41.53	43.33	45.65	50.42	47.80	50.30	—
Продукц. 1 рабочего в месяц в руб.	252	221	216	227	240	223	214	219	208	202	211	239	273	247	268	275	276	285	285	282	281	250	270	297	—
Источники кредита (денежная масса + вклады)	490,9	548,3	597,7	673,9	733,7	779,9	833,6	904,8	965,8	964,4	1.016	1.082,6	1.150,3	1.229,4	1.328,6	1.406,7	1.451,8	1.518,9	1.586,0	1.612,6	1,653,0	1.704,3	1.806,7	1.981,1	2.220,9
Напряжение кредита: (отнош. уч.-ссудн. операц. к источникам кредита) на конец месяца	78	73	69	70	72	68	67	69	75	74	73	74	74	73	72	72	76	76	78	82	86	86	84	83	—

Уже первая строка таблицы—оценка в червонных рублях продуктов крупной государственной промышленности—говорит нам о том, что весь 7-й год есть год такого резкого падения цен на промышленные изделия, что количественный рост продукции не может преодолеть влияния этого падения цен и мы имеем в ценностном выражении падающий ряд. Лишь последний месяц 7-го года дал в червонном выражении продукцию более чем первый месяц того же года—320 милл. рублей против 306 милл. руб. И, действительно, оптовый индекс промышленных цен с 2,53 упал до 2,0 к концу года.

8-й год, несмотря на продолжающееся падение цен, но более слабо выраженное—с 1,98 до 1,94,—благодаря огромному количественному росту, давал в общем повышающуюся кривую цен производимой продукции, и если в октябре месяце 1924 г. продукция оценивалась до 370 милл. черв. рублей, то сентябрь 1925 г. дал уже ее в 478 милл. черв. руб.

Продукция на одного рабочего в месяц в прошлом году падала, в этом году росла; в начальный месяц прошлого года—252 рубля, в конечный месяц—239 рублей; в начальный месяц этого года 273 рубля, в последний месяц—297 руб.

Месячная зарплата в прошлом году росла с 28 рублей до 41 р., в этом году в течение 4-х месяцев падала, затем начала расти и в мае месяце дошла до уровня октября; с июня начала энергично подниматься, и надо думать, что в сентябре месяце она близка к 60 руб., тогда как в октябре 1924 года она была равна 42 рублям. В прошлом году издержки на рабочую силу росли, в этом году они падали. Лишь в последнем месяце текущего года мы видим новый рост издержек на рабочую силу.

Товарооборот мы рассмотрим прежде всего по отношению к реализации промышленной продукции. В 7-м году после глубокой депрессии начального октябрьского месяца мы видим медленный подъем в течение следующих трех месяцев, затем резкое улучшение в течение февраля месяца, затем новое падение в марте и апреле, новый подъем в мае и июне, понижение в июле и августе и резкий подъем в сентябре.

В 8-м году начало года характеризуется диаметрально противоположным показателем: именно огромным подъемом реализованной продукции. Следующие месяцы вплоть до марта давали с небольшими колебаниями пониженную реализацию, март вновь поднял ее, но все же не до высоты октября, следующие месяцы давали снова снижение, а с июля месяца начался огромный подъем, особенно резко проявившийся в последнем месяце года.

В прошлом году реализация промышленной продукции в начальном месяце давала 74 милл. руб., в феврале месяце—в этом первом максимуме—128 милл. руб., в сентябре, втором максимальном—165 милл. руб. В 8-й же год мы имеем для октября 209 милл. руб., для марта—190 милл. руб., а для сентября—327 милл. руб.

Биржевые обороты с промтоварами изменялись так: в начальном месяце 7-го года они дали 119 милл. р., постепенно увеличиваясь, они дошли в феврале до 206 милл. руб., после падения в течение следующих месяцев, они в августе вновь поднялись до февральского уровня, а в сентябре дали уже почти 300 милл. р. (298 милл. р.).

В 8-м году мы имеем уже такие ряды: для начального месяца—386 милл. р., для первого—максимума июньского—456 милл. р. и для последнего месяца—822 милл. руб.

Обороты с сельско-хозяйственными товарами изменялись так: в 7-м году в 1-й месяц они дали 42 милл. р., в февральском максимуме—92 милл. р. и в сентябре—118 милл. р. В первый месяц 8-го года мы имеем 113 милл. р., в январьском максимуме—127 милл. р. и в последнем месяце—158 милл. р.

По сравнению с прошлым годом обороты начального месяца по трестам и синдикатам дали колоссальный рост+182%, т. е. почти втрое, а биржевые обороты увеличились больше чем втрое+224%. Последний месяц дал уже более низкий прирост, а именно, по трестам и синдикатам удвоение оборотов (+98%), а по биржевым оборотам с промышленными товарами+176%. Обороты с сельско-хозяйственными товарами выросли в годовом разрезе так: в октябре на 168%, последний месяц—сентябрь на 133% по сравнению с соответствующим месяцем прошлого года.

Денежная масса в течение 7-го года энергично росла, с одной небольшой заминкой в декабре, когда она уменьшилась на 2 милл. р. Для начального месяца мы имели цифру—264 милл. р., для последнего месяца—564 милл. руб. В 8-м году эволюция денежной массы была аналогична предшествующему году, причем и здесь, в одном из месяцев, а именно в январе было изъятие из обращения 32 милл. р. Начальный месяц имел 627 милл. р., закончился год цифрой 1.142 милл. р. Если сравнить отношения за соответствующие месяцы 8-го года к 7-му, то найдем, что в 1-й месяц мы имели 222% денежной массы, в мае месяце этот коэффициент упал до 168%, затем стал подниматься и к концу года дошел до 197%, т. е. все же был ниже, чем на начало года, что говорит о более замедленном, в общем, росте денежной массы.

Если проследить изменения денежной массы от месяца к месяцу за оба года, то мы увидим, что именно в последнем месяце темп прироста денежной массы в этом году превышает соответствующий темп в прошлом году: в июне вместо 104—1924 года мы имели 107 в 1925 году, для июля—106 и 108, для августа 110 и 111, для сентября 111 и 112.

Движение вкладов и текущих счетов, начавшись с величины 226 милл. р. в первый месяц—октябрь 1923 года, поднялось к концу года до величины 523 милл. р., а к концу 8-го года мы имели уже цифру 1.078 милл. р. Но здесь по отношению к соответствующему месяцу прошлого года мы видим, что в начале года мы имели ко-

эффициент 233, в конце года только 206. Но помесячное движение для последних 4-х месяцев опять-таки дает в общем, кроме июля, превышение темпа роста этого года над соответствующим темпом, наблюдающимся в прошлом году, а именно: для июля мы имели снижение в прошлом году на 4%, в этом году имеем стабильную величину; для июля в прошлом году прирост на 5%, в этом году на 4%; для августа в прошлом году прирост на 3%, в этом году на 8%, в сентябре прирост близок к 1%, а в этом году на 12%.

Развитие учетно-ссудных операций иллюстрируется следующими цифрами: в 7-м году на 1-е октября мы имели сумму задолженности в 397 милл., которая к концу года дошла до 856 милл. р., а в течение 8-го года выросла до 1.855 милл. р. По сравнению с соответствующими точками прошлого года мы имеем: на первое октября 1924 года—215%, а на первое октября 1925 г. показатель 217%, т. е. и здесь мы не видим замедления темпа.

Если обратиться к помесячному движению, то окажется, что в прошлом году мы имели для 3-х месяцев месячные темпы прироста в размере от 1 до 3%, для 5-ти месяцев темп от 6-8% и для 4-х месяцев от 9% до 10%. В этом году первой группы нет совсем, но здесь имеются 4 месяца с коэффициентом 104-105, 2-я группа с коэффициентом 106-107 представлена 6-ю месяцами; 3-я группа—от 110 до 111 представлена 2-мя месяцами. В этом году мы видим более равномерные темпы, чем в прошлом году.

Интересно сравнить два года по степени напряженности кредита. Для этого нужно определить отношение учетно-ссудных операций к источникам кредита, которыми являются суммы денежной массы и банковских пассивов. Самая величина источников кредита для 7-го года с 490 милл. р. поднялась до 1.150, а в конце 8-го года дошла до 2.220 милл. р. Если разделить на эту величину цифру задолженности банкам на конец каждого из интересующих нас месяцев, то мы увидим: для начального месяца прошлого года показатель 78%, который падал в течение последующих 7-ми месяцев, а затем стал расти, но не дошел до уровня 1-го месяца, а именно, на конец октября 1923 года мы имели показатель напряженности кредита в 78%, к концу мая—68% и к концу сентября—74%. В течение этого года в начале также наблюдалось, но слабее выраженное, падение напряженности кредита до конца января. Это период кредитной дестрикции. Затем он в течение последующих 3-х месяцев держался на уровне 76-78%, в мае поднялся до 82%, затем резко увеличился в июне-июле, дойдя до 86%, а в августе и сентябре слегка вновь упал до 84-83%, но все же значительно превосходил начальную дату как 8-го года, так и 7-го.

Особенного внимания заслуживает тема о движении цен. Мы остановимся на эволюции индексов оптового, розничного и бюджетного в трех разрезах: индексе сельско-хозяйственном, промышленном индексе и тотальном.

7-й год характеризуется по всем индексам резким ростом сельско-хозяйственных цен, за исключением периода март-июнь и последнего месяца года и, наоборот, значительным падением промышленных цен. Но так как первая тенденция была сильнее второй, то общий индекс, за исключением периода падения сельско-хозяйственных цен, имел тенденцию к росту.

8-й год, в общем, подобен своему предшественнику. Этот год также характеризуется ростом сельско-хозяйственного индекса, за исключением периода май-август, падением промышленных цен и ростом общего индекса (кроме периода падения сельско-хозяйственных цен). В основе этих явлений лежит общий характер восстановительных процессов: превышение подъема развития промышленности (но не уровня) по сравнению с темпом подъема сельского хозяйства. Осложнения вносятся: 1) стихийными явлениями, видами на урожай, что повлекло за собою временное падение цен весною и в начале лета 1924 года и летом 1925 года и 2) нашей организацией торговли и кредита, которые оказывают существенное влияние на движение цен. В начале прошлого года цены на промтовары достигли такой ненормальной высоты, что государство энергично стало проводить политику снижения цен; затем эта политика несколько ослабела и временами заменялась политикой снижения сельско-хозяйственных цен, не в полном соответствии с объективными условиями, созданными неурожаем, как это наблюдалось в начале отчетного хозяйственного года.

Вопрос о взаимоотношении движения оптовых и розничных цен в оба года разрешен по разному. В 7-м году розничные индексы росли сильнее оптовых: средне-месячный, сентябрьский индекс вырос за год на 25% по системе Конъюнктурного Института и на 14% по бюджетному набору при росте оптового индекса всего на 7%.

8-й же год, наоборот, дал нам, при росте оптового индекса на 4%, стабильное состояние розничного индекса Конъюнктурного Института и даже падение на 3,3% бюджетного индекса, что объективно доказывает улучшение товаро-проводящей сети и целесообразность ставки на кооперацию, взявшую на себя роль главного проводника промтоваров от госпромышленности к сельскому и городскому потребителю.

Всматриваясь детальнее в помесячное движение индексов, мы видим, что розничный и оптовый индексы идут параллельно. Крайне интересно также то обстоятельство, что в текущем году последний месяц года—сентябрь не принес с собою падения цен, как то наблюдалось в предшествующем году и в ряде прежних лет, именно благодаря росту промышленных цен, как розничных, так и оптовых. Приходится признать, что регулирующая рука несколько ослабела, между тем как подъем промышленности, а следовательно и падение себестоимости, давали объективную почву для понижения цен. Нам воз-

разят, что дело в хлебных ценах, а также в том, что розничный индекс стал расти быстрее оптового. Вдумаемся в эти возражения.

Действительно, главная причина роста сельско-хозяйственных цен в росте хлебных цен. Если остановимся только на производящей полосе, поставляющей хлеб на рынок, то увидим, что в течение прошлого года цены на рожь с 48 коп. поднялись до 86, а в этом году с 78 коп. до 105 коп., но при этом в прошлом году максимум цен приходился на август и достигал одного рубля, а в этом году он приходился на май и достигал 206 коп. Цены на пшеницу менялись так: на 1-е октября 1923 г. они равнялись 71 коп., на 1-е августа— 165 коп., на 1-е октября 1924 г. упали до 130 коп., к 1-му апреля поднялись до 2 р. 80 к., на 1-е августа упали до 141 коп., с тем, чтобы на 1-е октября подняться до 154 коп.

Почему росли цены в 7-м году? Ответ ясен для всех. Происходил органический процесс выравнивания цен, так как обмен между городом и деревней стал невозможен.

Почему росли цены в 8-м году? По той же самой причине, усиленной притом фактом серьезного недорода; едва наметились виды на удовлетворительный урожай, как цены резко стали падать. Но во время уборки полили дожди, ухудшая сбор количественно и качественно. Он вызвал тревогу сельских хозяев, предложение хлеба резко сократилось и цены стали расти. Самое положение осложнилось еще тем, что в начале прошлого года проводилась политика лимитов, которая стремилась исскуственно понизить цены и в результате кривая после искусственного снижения резко поднялась вверх. Население помнит это обстоятельство и ждет и теперь подъема цен. Не забудем, что в прошлом году цены мая больше, чем в два раза, превысили цены октября. Если к этому присоединить проявление товарного голода, созданного самым фактом нового урожая, притом урожая не только хлебов, но и технических культур, и увеличение продуктов скотоводства при одновременном резком снижении требований фиска, то картина хлебных цен станет нам понятна. Понятен станет и рост розничного индекса, одновременно притом сопровождавшийся и ростом оптового индекса. Никто не хочет отказаться от выгод конъюнктуры— ни промышленность, ни торговля, ни крестьяне.

Вмешательство планового начала повелительно диктуется обстановкой. Необходимо признать вполне соответствующими экономической обстановке меры, принятые по борьбе с розничными накидками (Приказ Дзержинского), но одновременно необходимо поставить вопрос о возможности понижения отпускных цен в соответствии с падением себестоимости, вызываемым самым подъемом промышленности. Чтобы правильно планировать, необходимо всмотреться во весь переплет хозяйственных явлений в их взаимной связи. К изучению их мы и обратимся.

IV. Взаимная связь хозяйственных явлений

Изучение товарооборота позволяет нам установить периоды оживления и депрессии. Измерителем для нас будет служить отношение оборотов биржевых, а также трестов и синдикатов к предшествующему месяцу (с учетом характера этих последних).

Интересно сопоставить с этим явлением динамику развития кредита, денежной массы, пассивов банков и движение цен.

Сопоставляя все эти данные, мы получим следующую табличку (см. стр. 123).

Казалось бы, мы должны иметь тесную связь между явлениями. Падению оборотов, т. е. периоду торговой депрессии должно было бы соответствовать замедление темпа роста учетно-ссудных операций и, наоборот, усиление темпа роста вкладов, замедление темпа роста денежной массы, падение индексов.

Рассмотрение таблицы показывает нам, что связь эта крайне слаба, что свидетельствует о том, что эволюторные процессы преобладают над конъюнктурными. Тем не менее, мы видим, что в большинство депрессивных месяцев слабо росли учетно-ссудные операции и денежная масса и сильнее росли вклады.

Что касается индексов, то эволюционный процесс роста сельскохозяйственных цен, корректируемый видами на урожай, оказывается сильнее обще-конъюнктурных колебаний. Движение общего индекса, главным образом, подчиняется движению индекса сельскохозяйственного, зависящего от указанных условий. Но промышленный индекс в известной мере отражает торговую конъюнктуру; промышленный индекс растет в месяцы оживления или же в месяцы особого усиления товарного голода, вызываемого несоответствием, точнее, несовпадением во времени промышленного подъема с реализацией продукции сельского хозяйства. Наибольшую величину роста промышленного индекса вы наблюдаете в оживленном сентябре и в предшествующем ему августе, который сам по себе характеризуется заминкой оборотов, но уже находится под влиянием нового урожая.

Сопоставление оптового и розничного индексов говорит нам о том, что темп подъема розничного индекса отстает от подъема оптового индекса в депрессивные месяцы, за исключением опять-таки моментов обострения товарного голода в мае и августе. Правда, и в оживленные месяцы мы видим в течение этого года, кроме периодов товарного голода, отставание темпа роста розничного индекса, но это, очевидно, благодаря улучшению товаропроводящей сети, характеризующей вообще текущий год. Если мы вычислим средние коэффициенты за периоды депрессии и периоды оживления, то получим, что учетно-ссудные операции в периоды депрессии в среднем растут лишь на 5,7%, тогда как в периоды оживления эта величина достигает 7,5%. Вклады и текущие счета, наоборот, в периоды депрессии растут на целых 3,7%, тогда как в периоды оживления всего на 5,2%. Рост

денежной массы в периоды депрессии измеряется в 3,3%, а в периоды оживления поднимается до 7,2%. Эволюционно падающий промышленный индекс в депрессивные моменты падает на 0,5% в оптовом выражении и на 1,0% в розничном обороте, а в периоды подъема оптовый индекс стационарен, в рознице даже растет. Интересно, что разность между темпом роста или падения оптового и розничного индекса также зависит от конъюнктуры.

В депрессивные месяцы темп роста розничного индекса отстает от роста оптового (в среднем на 0,5%), а в оживленные месяцы превышает последний на 0,4% в среднем за период. Эти средние, конечно, не очень устойчивы и вероятная ошибка их очень велика, но тем не менее мы полагаем, что и самый строгий математический анализ открыл бы указанные здесь связи явлений, выразив их, конечно, гораздо более точным образом. Нельзя забывать при этом, что мы исследуем явления, в значительной степени зависящие от рук человеческих, да и самое измерение их далеко от точности. Первая причина приводит к тому, что надлежащая связь явлений нами не учитывается своевременно, а потому мы и делаем ошибки; напр., нельзя не обратить внимания на немотивированный рост с точки зрения рыночных условий денежной массы в августе, с другой стороны, ясно, что в марте мы слишком мало оказывали кредита нашему хозяйству, не учтя своевременно наступившего оживления и продолжая политику рестрикции кредита. Но, с другой стороны, майские и августовские цифры развития учетно-ссудных операций указывают нам обратно на известное перенасыщение кредитом оборота, что, между прочим, отразилось на том, что индекс розничный именно в эти месяцы вырос резче, чем оптовый. То же, но в ослабленной степени, можно сказать по отношению к сентябрю месяцу, когда рост денежной массы и кредитов несомненно мотивировался усилением товарооборота, но, повидимому, мера не была соблюдена. Надо думать, что с развитием нашего планового хозяйства в дальнейшем цифры наших аналитических таблиц будут давать все более строгие зависимости.

Введенный нами показатель напряженности кредита также показателен. В периоды депрессии он ниже, чем в периоды оживления, но все же можно указать на 2 месяца—май и июнь, когда кредит был напряжен без нужды, и обратно—на октябрь, февраль и март, когда несоответственно конъюнктуре мы имели слишком сдержанное развитие кредита.

Если бы мы попытались исследовать связь явлений товарного оборота, денежной массы, кредитных отношений и индексов с продукцией нашей промышленности, то получили бы следующие показатели: (см. стр. 124).

Как и следовало ожидать, мы не находим прямой связи между рыночно-денежным отношением и продукцией промышленности.

Эволюторный процесс органического роста промышленнности оказывает решающее влияние и преодолевает все конъюнктурные условия.

Таблица № 3

8-й год

Месяцы депрессии и заминки	% к предыдущему месяцу												
						Индексов							
						Оптового			Розничного				
	Биржевых оборотов	Оборотов трестов и синдикатов	Учетно-ссудных операций	Вкладов и текущих счетов	Денежные массы	Сел.-хоз.	Промышлен.	Общего	Сел.-хоз.	Промышлен.	Общего	Напряженность кредита	Разница между розничным и оптовым промышленным индексом
Ноябрь . . .	85	72	106	110	107	107	99	103	104	98	101	73	—1
Декабрь [1] . .	100	112	105	110	103	105	99	102	102	98	100	72	—1
Январь [1] . . .	102	86	104	112	96	108	99	103,5	104,5	99	101,5	72	—0
Апрель [2] . . .	103	99	105	101	102	102	100,1	101,1	104,5	99	102	78	—1,1
Май	95	91	107	103	101	95,3	99,4	97,4	100	98	99	82	—1,4
Август [2] . . .	96	104	107	108	111	86,5	100,3	93,1	45	102	99	84	+1,7
Средн. за мес.	98,5	94,0	105,7	107,3	103,3	—	99,5	—	—	99,0	—	77	—0,47
Месяцы оживления													
Октябрь . . .	120	127	106	105	108	98,4	99,7	99,1	97	100	98,5	74	+0,3
Февраль . . .	101	106	110	106	103	107,2	98,9	103	104	98,5	101	76	—0,4
Март	107	124	104	104	105	112,2	100	106,1	108	99	103	76	—1,0
Июнь	121	107	108	100	107	96,4	100	98,2	100	98	99,5	86	—1,0
Июль	115	115	106	104	108	86,5	103,3	93,1	92	101	96	86	+0,7
Сентябрь . .	160	150	111	112	112	100,5	101,1	100,8	101	105	103	83	+3,9
Средн. за мес.	121	138	107,5	105,2	107,2	—	100	—	—	100,4	—	82	+0,4

[1] Декабрь и январь отнесены к депрессивным месяцам потому, что дали слишком малый рост по отношению к глубоко-депрессивному ноябрю.

[2] Апрель и август месяцы являются месяцами „заминки“ на высоком уровне.

Тем не менее общая конъюнктурная обстановка некоторое влияние оказывает. Если бы не июль месяц с его массовыми отпусками, то мы несомненно получили бы показатели темпа развития промышленности для оживленных месяцев выше, чем для месяцев депрессивных. Но

Таблица № 4

Производство промышленности

	В довоен. ценах м. р.	В % к предшест. месяцу	В черв. рублях м. р.	В % к предшест. месяцу
Месяцы депрессии и заминки				
Ноябрь	173	95	339	94
Декабрь	190	110	369	109
Январь	197	104	380	102
Апрель	213	100	405	100
Май	213	100	405	100
Август	219	110	419	110
Средн. за м-ц	201	103	386	103
Месяцы оживления				
Октябрь	181	112	370	112
Февраль	202	103	386	102
Март	213	105	406	105
Июнь	219	103	416	103
Июль	200	91	379	91
Сентябрь	247	113	478	114
Средн. за м-ц	210	104	406	104

если просто подытожим производство депрессивных месяцев с производством оживленных месяцев, причем будем считаться с полугодиями, то получим, что как и за соответствующие полугодия, так и в итоге за год, производство депрессивных месяцев ниже производства месяцев оживленных. В довоенных ценах производство депрессивных месяцев первого полугодия дает 560 милл. руб., а оживленных месяцев за то же полугодие—596 милл. руб. Продукция депрессивных месяцев 2-го полугодия дает 645 милл. руб., а оживленных месяцев того же полугодия — 666 милл. руб. В годовом итоге за 6 депрессивных месяцев произведено в довоенных ценах на 1.205 милл. руб., а в оживленные месяцы — 1.262 милл. руб. В червонных выражениях по современным ценам мы имеем для депрессивной части первого полугодия 1.088 милл. руб., для оживленной — 1.162 милл. руб. Для депрессивных месяцев 2-го полугодия сумма продукции определилась в 1.229 милл. руб., а для оживленных

месяцев в 1.273 милл. руб. Для 6-ти депрессивных месяцев мы имеем таким образом сумму продукции в 2.317 милл. руб., а для оживленных месяцев—2.435 милл. руб. Надо, конечно, еще время, чтобы проверить это наблюдение, чтобы затем сделать из него известные выводы как теоретического, так и практического характера. Мы сочли нужным показать читателям результаты нашей попытки, быть может она заинтересует их.

Остается рассмотреть связь между конъюнктурой и грузооборотом.

Таблица № 5

Месяцы депрессии и заминки	Среднесуточная погрузка	% к предыдущему году
Ноябрь	15,9	89
Декабрь	15,2	96
Январь	14,9	98
Апрель	16,0	91
Май	16,2	101
Август	19,9	111
Ср. за месяц	16,4	98
Месяцы оживления		
Октябрь	17,9	109
Февраль	16,8	113
Март	17,5	104
Июнь	17,7	109
Июль	17,9	101
Сентябрь	22,9	115
Сред. за месяц	18,5	109

Зависимость грузооборота от общего характера конъюнктуры выражается очень ярко. В депрессивные месяцы вы имеете 16,4 среднюю погрузку, а характерный для них темп падения на 2%, в оживленные месяцы вы имеете 18,5 суточную погрузку и показатель темпа +9%.

Попытка произвести ту же группировку месяцев в 1923/24 году на депрессивные и оживленные и проанализировать взаимные связи хозяйственных элементов на основе этой группировки дает очень слабо выраженную зависимость, как видно из таблицы № 6 (см. стр. 126).

Мы видим, что если легший в основу группировки признак—развитие оборотов—дает совершенно ясно выраженную картину, так как для депрессивных месяцев в среднем обороты понижались по биржам на 1%, а по трестам и синдикатам на целых 8%, а в оживленных месяцах, наоборот, средние повышения оборотов по биржам равнялись 23%, а по трестам и синдикатам—34%; если учетно-ссудные операции повышаются сильнее в оживленные месяцы, давая плюс 9%, тогда как в депрессивные месяцы мы имеем прирост этой величины лишь плюс 5%, то движение вкладов и текущих счетов, а также и денежной массы не обнаруживает зависимости от общего характера конъюнктур. По вкладам мы имеем даже как будто прямую связь:

в оживленные месяцы вклады растут сильнее, чем в депрессивные, что противоречит экономической сущности явления; денежная масса меняется одинаково—8, 7. Если продукция изменяется в соответствии с конъюнктурным характером, т. е. в депрессивные месяцы мы имеем

Таблица № 6

1923/24 г. Месяцы	% к предыдущему сроку							Пром. инд.		Разность
	Бирж. обороты	Обороты трестов и синдикатов	Учетно-ссудные операции	Вкладные и текущие счета	Денежная масса	Грузооборот	Продукция	Оптовые	Розничные	
Месяцы депрессии и заминки										
Октябрь	88	63	108	107	116	112	99	92,5	96	+3,5
Ноябрь	107	107	102	121	99	81	89	93	97	+4
Март	77	84	101	104	110	108	93	95	97	+2
Апрель	103	95	107	106	112	96	95	97	98	+1
Июнь	93	100	109	96	104	101	97	99	101	+2
Июль	125	95	103	105	106	101	99	101	102	+1
Август	97	97	106	103	110	108	107	100	100	0
Средне-месячн.	99	92	105	106	108	101	97	96,8	99	+2,2
Месяцы оживления										
Декабрь	129	122	107	119	106	91	98	97	96	—1
Январь	107	108	109	116	101	97	105	100	102	+2
Февраль	125	122	110	104	109	109	106	99	103	+4
Май	105	113	109	107	107	96	102	98	99	+2
Сентябрь	149	153	108	101	111	113	117	99	99	0
Средне-месячн.	123	124	109	109	107	102	106	99	100	+1,0

в среднем падение на 3%, а в оживленные в среднем рост на 6%, то данные движения грузооборота не показывают зависимости, давая в среднем 1-2% прироста за оба периода. Если промышленный индекс в своем прямом выражении и в опте и в рознице показывает необходимую зависимость, так как при общем падении индекса мы видим, что в депрессивные месяцы он падает сильнее, чем в оживленные, а именно: оптовый индекс в среднем в моменты депрессии падает на 3,2%, а в оживленные месяцы только на 1%, а розничный индекс, падая в период депрессии на 1%, остается стабильным в периоды оживления,—то разность между темпом изменения оптового и розничного индекса движется вопреки необходимой экономической тенденции, а именно: в месяцы депрессии мы видим, что розничный индекс падает медленнее оптового на 2,2%, а в периоды оживления всего на 1%, когда надо было бы ожидать обратных соотношений.

О чем говорят эти явления? Если отвлечься от неточности наших показателей, от некоторой искусственности месячных границ, которые

оказывали несомненное влияние и на показатели за 8-й хозяйственный год, что не помешало в этом последнем установить определенные зависимости, соответственные экономической природе явлений, то мы должны остановиться на допущении, что 7-й хозяйственный год отличался менее гармоническим сочетанием хозяйственных элементов, чем 8-й год, что в значительной степени зависело, конечно, от степени соответствия наших мероприятий в экономической обстановке. Если мы закончили соответствующий анализ 1924/25 года замечанием, что с развитием нашего планового хозяйства в дальнейшие годы цифры наших аналитических таблиц будут давать все более строгую зависимость, то анализ данных за 7-й хозяйственный год доказывает этот тезис от противного.

Если бы мы исключили из депрессивных месяцев 8-го года август, то зависимость была бы еще более яркой. И по всем другим показателям август с трудом вмещается в группу депрессивных месяцев и везде „портит“ их характеристику, но мы не переносим его в группу оживленных месяцев, чтобы не быть обвиненными в пристрастии, в стремлении доказать заранее поставленный тезис. Если бы критики не согласились и перенесли бы август в группу оживленных месяцев, то наши выводы лишь усилились бы.

В чем же заключаются эти выводы?

Принадлежность государству всей промышленности, транспорта, главной части торгового аппарата и кредитного позволяют в огромной степени согласовать процессы в различных каналах народного хозяйства, но наличие стихии 22 миллионов хозяйств, а также и хозрасчетной стихии и не всегда правильная хозяйственная концепция, которой мы руководствовались при планировании и регулировании народно-хозяйственных процессов, создает невязки, как в ходе народно-хозяйственных явлений, так и в самих мероприятиях. Тем не менее яркая зависимость в развитии отдельных сторон народного хозяйства несомненно налицо и с достаточной ясностью выявляются и ошибки планирования. Но в общем установленная нами закономерная связь хозяйственных показателей, соответствующая экономической природе явлений, и рост степени согласованности развития различных элементов хозяйства показывает с объективной достоверностью успехи планового начала. Изложение наше привело, во всяком случае, к постановке следующих вопросов: 1) об усилении регулирования отпускных цен на промышленные изделия в сторону их понижения, 2) о большем соответствии направления кредита требованиям момента, 3) о более правильной оценке хлебного рынка и вытекающей отсюда политике хлебных цен.

На этом мы закончим помесячное рассмотрение и перейдем к итоговым.

(Окончание в следующем номере).

А. А. Никитский

Трехлетний финансовый план

I. Методы проектировки

Проектировка многолетних финансовых или точнее бюджетных планов требует для ее успешности тщательного выбора того или иного метода. Ясно, что разные способы проектировки будут давать различные результаты,— то преувеличенные, то преуменьшенные. Отсюда возникает необходимость применения нескольких методов проектировки. Если разные методы дадут одинаковые результаты, то это обстоятельство будет говорить лишь в пользу большей достоверности всей проектировки. Наоборот, различные результаты применения разных способов проектировки могут или возбудить сомнение в ценности того или другого способа проектировки, или, если самые методы представляются законными, то заставят произвести ряд дополнительных исследований, которые позволили бы остановиться на том или другом из полученных вариантов, как наиболее вероятном. Приняв во внимание все только что сказанное, следует прежде всего остановиться на относительно априорной оценке разных методов, возможных для проектировки многолетних бюджетно-финансовых планов.

Теоретически их можно разбить на две главных группы: методы изолированной и методы комбинированной проектировки.

Дело в том, что бюджет можно рассматривать или изолированно, т. е. отдельно от других явлений народно-хозяйственной жизни, как особое явление с внутренне-присущими ему тенденциями развития, либо в комбинации, т. е. совместно с другими явлениями той же народно-хозяйственной жизни, имея в виду, что реально он существует лишь в связи с последней.

Вряд ли нужно доказывать, а достаточно лишь напомнить обычное утверждение, что бюджет есть продукт народного хозяйства. Если так, то нецелесообразно проектировать многолетние бюджетные планы изолированно, не давая себе отчета и не составляя себе параллельно представления о возможной эволюции в те же годы всего народного хозяйства. Наоборот, следует вести эту проектировку параллельно с проектировкой, по крайней мере, тех из народно-хозяйственных явлений, которые ближайшим образом могут влиять и влияют на самом деле на размеры бюджетов. К числу таких явлений принадлежат, во всяком случае, урожаи, т. е. размеры валовых сборов хлебов, количество всей продукции и товарной ее части и т. д.

II. Метод комбинированной проектировки

Одно наше исследование показало, например, что связь между размерами бюджетов обыкновенных доходов и валовыми сборами хлебов в периоде с 1894 г. и по 1912 г. выражалась коэффициентом корреляции (зависимости, тесноты связи) + 0,87. Такой высокий коэффициент корреляции говорит, что по величине урожая в пудах можно при прочих равных условиях с достаточным основанием судить о величине бюджета в рублях. Далее, если сейчас нельзя использовать этого факта для проектировки бюджетов в точной

мере, то причиною этого является незакончившийся процесс восстановления бюджета и частые изменения финансовой системы, т. е. способов извлечения государственных доходов и, главное, величины ставок в налогах, пошлинах, тарифах и т. д. Этими двумя моментами объясняется то, что в текущем году доходный бюджет дает в товарных рублях прирост на 23,4%, хотя вследствие неурожая 1924 года можно было бы ожидать меньшего темпа прироста. Но, с другой стороны, неурожай 1924 года все же задержал рост бюджета, так как товарная часть продукции возрастет в текущем году на 34,2%, т. е. больше, чем бюджет. Естественней было ожидать, что процент прироста бюджета будет выше % прироста товарной части продукции. Почему, об этом речь будет ниже.

* * *

Перейдем теперь к связи между бюджетами и валовой продукцией и товарной частью ее. До 1914 года несомненно была зависимость и здесь. Однако, отсутствие погодных данных для величины народной продукции хотя бы с того же 1894 года по 1913 год не позволяет выразить эту зависимость между бюджетами и продукцией коэффициентами корреляции. Далее для периода с 1885 до 1913 г. был сделан С. Г. Струмилиным опыт погодного исчисления товарной части продукции, а Е. Н. Бухманом была сделана попытка прокоррелировать довоенные бюджеты с товарной частью продукции. Эта попытка не дала никаких положительных результатов, повидимому, потому, что ряд погодных цифр товарной части продукции С. Г. Струмилина неудовлетворителен и требует целого ряда уточнений для отдельных лет.

Единственное, на что можно опереться в довоенное время при нынешней проектировке бюджетных планов—это на коэффициенты, характеризующие связь между бюджетом, валовой продукцией и товарной частью ее в 1913 г. в процентах.

По исчислению экономико-статистической секции и конъюнктурного Совета Госплана СССР валовая продукция на территории, равной современному СССР, дошла в 1913 г. до 19.834 милл. рублей, товарная часть ее до 11.509 милл., а бюджеты (включая 265 милл. руб. валового дохода частной железно-дорожной сети и исключая сумму в 234,5 милл. руб. равную расходам по винной монополии, т. е. себестоимости водки и спирта) до 2.919 милл. рублей. Отсюда следует, что товарная часть продукции составляла в 1913 г.— 58% последней, а бюджет—15,2% валовой продукции или 25,4% товарной части ее.

Опираясь на эти интересные коэффициенты, можно с некоторой неточностью ожидать, что когда ныне товарная часть продукции достигнет 58% валовой, то бюджет должен достигнуть 15,2% валовой продукции или 25,4% товарной части. Оговорки, которыми необходимо сопровождать такое заключение, будут приведены ниже.

* * *

Время до 1914 года дает еще один опорный пункт для проектировки бюджетных планов в настоящее время. Дело в том, что, по крайней мере, с 1900 по 1913 г. рост бюджета обгонял рост народного дохода. В самом деле, народный доход 1913 г. (по С. Н. Прокоповичу) в 11.805,5 милл. руб. был более народного дохода в 1900 г. в 6.580 милл. руб.—на 79,4%, если не учитывать изменения цен. При этом несущественно, что С. Н. Прокопович преуменьшил в оба указанные года размеры народного дохода. Если же выразить народный доход 1913 г. по ценам 1900 г., то он будет равен

9.170 милл. руб. или будет больше дохода 1900 г. на 39,4%. Обыкновенные доходы возросли за это время с 1.704 милл. руб. до 3.417 милл. руб., т. е. на 100,5% или на 20% больше, чем народный доход (+79,4%), если не учитывать опять таки изменения цен. Если же и здесь учесть рост цен, то обыкновенные доходы 1913 года надо считать в сумме 2.664 милл. руб., а процент прироста к бюджету 1900 года определится тогда в + 56,3%, т. е. опять будет больше, чем % прироста народного дохода (+39,4%).

В среднем за 13 лет при увеличении народного дохода в товарных рублях на каждый 1% бюджет возрастал на 1,043%, так как народный доход возрастал в среднем на 3%, а бюджет на 4,35% в год.

Почему, спрашивается теперь, бюджет до войны рос быстрее, чем народный доход? Причиной тому была растущая этатизация бюджета, огосударствление двух крупных явлений народно-хозяйственной жизни, а именно развитие казенной продажи питей и выкуп частных, а также постройка казенных железных дорог.

В настоящее время рост бюджета еще в большей степени, чем до войны, должен обгонять рост народного дохода, валовой продукции и товарной ее части, так как службы транспорта и связи национализированы полностью, леса также. Кроме того, прибавилось много прочих государственных имуществ, в том числе лучшие из прежних помещичьих имений. Далее к началу 1924/25 г. национализированы, по данным С. Г. Струмилина,[1] на 62% средства производства, в том числе в промышленности вообще на 89%, в крупной на 99%, в деревне на 4%, а в городе со включением железно-дорожного транспорта на 97%. В сфере торговли национализировано пока до 70% всего торгового оборота. Наконец, национализированы на 100% все банки. Все это обещает быстрый рост того дохода, который известен под именем прибылей от торговли, промышленности и банков. Этот процесс этатизации бюджета замаскирован ныне только тем, что огосударствленные предприятия состоят на так называемом хозяйственном расчете и что в бюджет заносится даже не вся, а только часть прибылей их.

Однако, несмотря на эту частичную замаскированность интересующего нас явления сравнительной этатизации бюджетов до 1914 г. и ныне, все же мы видим, что в 1913 г., 1922/23 и 1923/24 г. удельный вес в бюджетах налоговой и неналоговой частей и в частности доходов от службы связи и транспорта был таков (в %% к итогу):

Бюджеты:	1913 г.	1922/23 г.	1923 24 г.	1924/25 г.
Налоговые доходы	53,4	28,8	34,1	45,2
Неналоговые	46,0	35,0	44,1	47,5
В том числе службы:				
1. Связи (почта и т. д.)	3,4	2,1	2,5	3,6%
2. Транспорта	32,2	29,0	33,6	35,6

Еще в 1922/23 году удельный вес в советском бюджете неналоговых доходов вообще и от служб связи и транспорта был ниже, чем в 1913 г. Но уже в 1923/24 году удельный вес дохода от транспорта—34,0% стал в бюджете выше, чем в 1913 г.—32,2%.

Для 1924/25 года ясно наметились такие процентные соотношения: налоговая часть—45,2%, неналоговая—47,5% (больше чем в 1913 г.—46%) и в частности доход от службы связи 3,6% (больше, чем в 1913 г.—3,4%), и доход от транспорта 35.6% больше не только, чем в 1913 г.—32,2%, но и чем в 1923/24 г.—34,0%.[2] Вполне естественно, что в 1925/26 году и последующие годы можно ожидать только еще более яркого выражения этого процесса

[1] См. его статью в № 187 „Эк. Жизни“ от 17 августа 1925 года, а также „Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год“ Госплана СССР.

[2] См. таблицу № 1.

этатизации бюджета. В самом деле, для 1925/26 г. Госпланом была принята, согласно нашему расчету, контрольная цифра возможных поступлений в 3.700 милл. черв. рублей. Если вычесть из нее 50 милл. руб. не распределенных по отдельным источникам доходов, то общий итог бюджета снижается до 3.650 милл. руб. Сбрасывая с этой цифры отчисления местам (240 м. р.), имеем 3.410 милл. черв. рублей. 1.435 милл. черв. рублей налоговых доходов составят 42,1% последней суммы, 1.830 милл. черв. рублей неналоговых доходов—53,6% ее, 150 милл. дохода от службы связи—4,4% итога бюджета и 1.300 милл. руб. дохода от транспорта—38,1% общего итога бюджета 1925/26 года.

Если отнести нераспределенные 50 милл. руб. к налоговой части бюджета, то удельный вес ее поднялся бы до 42,9%, а неналоговой и транспорта понизился бы соответственно до 52,8% и 37,5%. Но если даже сделать это, все же несомненно, что в 1925/26 году удельный вес налоговой части в бюджете упадет с 45,2% в 1924/25 г. до 42,9%, неналоговой возрастет с 47,5% до 52,8%, от службы связи с 3,7% до 4,3% и от транспорта с 35,6% до 37,5%.

Все сказанное по вопросу об этатизации бюджета с 1900 по 1913 г. и с 1922/23 г. по 1926/27 г. приводит к выводу, что всякую проектировку, которая бы допустила возможность более быстрого роста налоговой части по сравнению с неналоговой частью бюджета, следовало бы признать, если не прямо ошибочной, то во всяком случае сомнительной и относиться к ней с крайней осторожностью. Это станет еще более очевидно, если поставить и осветить вопрос о возможном росте налоговой части бюджета, взятой самой по себе. В ближайшие годы она может существенно расти лишь за счет акцизов с питей, однако лишь при наличности успешного вытеснения самогона водкой государственного приготовления.

Допустим, что правы те, которые ожидают в будущем году 300 милл. рублей акциза от спирта и водочных изделий вместо 248 милл. руб., исчисленных нами. Это повысило бы налоговые поступления до 1.487 милл. руб., а общий итог бюджета до 3.394 милл. руб. (за вычетом отчислений местам и т. д.). Но и в таком случае налоговая часть составила бы около 44% общего итога бюджета и была бы все же ниже по удельному весу, чем в текущем году—45,6%.

Среди других налогов можно ожидать относительно быстрого роста выручки от показавшего себя жизнеспособным подоходного налога. Однако, быстрый темп развития этого налога, поскольку он облагает доходы от промышленности и торговли, может быть достигнут за счет параллельного уменьшения в той или иной степени ставок, а может и выручки от промналога.

Наконец, сельхозналог, особенно при развитии доходов от акцизов вообще и от акцизов с питей в частности, придется, повидимому, еще снижать в смысле установления еще менее значительных годовых контингентов.

Бурный рост потребления подакцизных объектов должен в ближайшие годы по мере насыщения ими рынка главным образом крестьянского и увеличения сбережений и накопления в потребительских хозяйствах рабочих, служащих и крестьян, тоже замедляться.

Разные пошлины, особенно гербовый сбор, по мере того, как все объекты обложения будут настигнуты, тоже умерят темп своего развития.

Наконец, таможенный доход с развитием пока еще слабой внешней торговли должен еще несколько лет развиваться относительно быстро; однако, удельный вес его в бюджете не велик, так что давать тон развитию налоговой части бюджета он не может. Но и здесь следует учитывать, что интересы регулирования цен на внутреннем рынке могут иногда вызывать необходимость, как это бывало и до сих пор, беспошлинного ввоза тех или иных товаров.

Итак, рассмотрение возможных изменений в поступлениях от отдельных видов налогов показывает, что здесь в ближайшем будущем можно ожидать гораздо более медленных темпов прироста, чем в неналоговой части. В последней одни прибыли от торговли, промышленности и банков, а также доходы от лесов, недр и прочих госимуществ должны становиться все более и более солидной частью доходной части бюджета.

* * *

Наблюдая в свое время быстрый рост бюджетов, известный катедер-социалист и крупнейший представитель финансовой науки XIX века Адольф Вагнер пытался говорить о законе возрастания государственной деятельности. Другой тоже очень видный и очень вдумчивый представитель буржуазной финансовой науки Нитти в противоположность Вагнеру подчеркивал, что быстрый рост бюджетов в значительной степени явление кажущееся, поскольку не принимается во внимание изменение ценности денег, или, как бы мы сказали ныне, поскольку бюджеты сравниваются не в товарных рублях. Но и такое сравнение в товарных рублях, приведенное выше для России 1900-1913 г., показывает, что наш бюджет быстро рос и этатизировался и при самодержавии и при Г. Думе. Самодержавие, да и Г. Дума, представлявшая главным образом интересы поместного дворянства, были заинтересованы в том, чтобы концентрировать развитие производительных сил в бюджете, и по возможности вздувать этот последний, ибо это делало возможным для поместного дворянства достижение максимума влияния на всю народно-хозяйственную жизнь. Отсюда, казенная винная монополия с премиями сановным винокуренным заводчикам, поощрением сельско-хозяйственного—помещичьего винокурения, с сидельцами винных лавок из вдов и сирот дворянского сословия и дворян в отставке. Отсюда же огромная сеть казенных железных дорог с челябинским и прочими тарифными переломами в интересах помещиков - экспортеров хлеба из Европейской России и даже со светлейшими княгинями Голенищевыми-Кутузовыми в качестве скромных барьерных сторожих и другими знатными служащими, появлявшимися в Управлениях железных дорог лишь 20 числа для получки жалованья.

Однако, каковы бы ни были интересы, вызвавшие этатизацию нашего бюджета еще при самодержавии, она представляет неоспоримый факт.

В условиях советской России, т. е. при диктатуре пролетариата, эта этатизация равносильна постепенной социализации бюджета. В этом ее коренное отличие от того, что было раньше: при царе и думах этатизация бюджета преследовала консервативные цели сохранения и увеличения мощи поместного дворянства перед напором развивавшейся буржуазии, а снизу и пролетариата. Ныне этатизация бюджета—один из могущественных рычагов для переустройства советского народного хозяйства на принципах социализма и коммунизма.

Выяснив это, можно сказать: если в ближайшие годы будет проявляться более быстрый темп роста неналоговой части доходного бюджета, чем налоговой, то это при прочих равных условиях будет признаком того, что наш бюджет идет по пути социализма. Если, наоборот, то это может возбудить сомнение, не пошло ли наше экономическое развитие вспять. Во избежание недоразумений, здесь следует оговориться, что в том или ином отдельном году налоговая часть бюджета по разным причинам может дать больший процент прироста, чем неналоговая. Но в качестве общего правила из года в год такое явление не должно иметь места в силу всего сказанного выше. Только в случае систематического прироста налоговой части из года в год в большей степени, чем неналоговой, должно возникнуть упомянутое сомнение, не идет ли советская Россия назад к укреплению буржуазных начал.

III. Методы изолированной проектировки

Нам остается сказать теперь несколько слов о способах изолированной проектировки бюджетных планов.

Здесь может итти речь или о проектировке всего бюджета в целом или об исчислении отдельных видов доходных поступлений. В последнем случае по исчислении каждой из отдельных статей дохода приходится суммировать результаты этих отдельных исчислений, чтобы опять получить сумму бюджета в целом. В первом случае, наоборот,—по установлении для того или иного года в будущем общего итога бюджета необходимо теми или другими приемами разбить этот итог на отдельные виды доходов.

Прежде чем анализировать преимущество того или другого способа изолированной проектировки финансово-бюджетных планов, необходимо выяснить вкратце, что лежит в основе этого метода вообще.

Бюджет есть социально-экономическое явление. Он представляет из себя более или менее крупную массу доходов (и расходов, конечно), которой присуща значительная сила инерции. Чем выше общий итог бюджета, т. е. чем больше его масса, тем больше и сила инерции, заложенная в нем, конечно, при прочих равных внешних (народное хозяйство) и внутренних (неизменность финансовой системы) условиях для его развития. Точно также, чем больше размер каждого из отдельных источников дохода, тем больше по сравнению с другими сила инерции, заложенная в каждом из них. Именно это обстоятельство позволяет применять к бюджетным исчислениям метод мажораций или исчислений с надбавками.[1] В основе системы мажораций лежит метод экстраполяции по кривым того или другого порядка плавных уровней отчетных данных об исполнении бюджета в целом или отдельных видов доходов. Однако, этот метод для успешности своего применения к многолетним планам требует отчетных данных за большое количество лет (15 - 25) и может давать тогда более или менее точные предсказания размеров бюджетов или отдельных видов дохода на один - три года. Далее, этот метод предполагает устойчивые отношения между бюджетами и народным хозяйством, а также спокойное развитие последнего.

Если этих предпосылок успешного применения метода экстраполяции плавных уровней нет, то предсказания или исчисления по нему будут давать то преувеличенное, то преуменьшенное представление о размерах бюджетов в ближайшие к последнему отчетному году.[2] Преувеличенное—при замедлившемся темпе развития всего народного хозяйства и, наоборот, преуменьшенное—при ускорившемся темпе развития народного хозяйства и бюджета. Вообще, если темп развития бюджета или отдельных доходных статей резко и часто меняется и притом в разные периоды времени в разных направлениях, то проектировка путем экстраполяции плавных уровней бюджетов или отдельных доходных статей их не будет отличаться желательной (до ± 5%) точностью, в особенности же при продолжении ее на большое количество лет вперед.

Ныне условия для успешной экстраполяции этого рода пока совершенно недостаточны, ибо отчетные данные об исполнении бюджетов имеются лишь за 2 года—1922/23 и 1923/24, причем в оба года изрядно порочные данные. При таких условиях к экстраполяции можно прибегать не на основании погодных, а лишь поквартальных или даже помесячных данных. Если к 8 кварталам или 24 месяцам 1923/24 года прибавить 3 квартала или 9 месяцев

---

[1] См. по этому вопросу нашу статью в № 3 „Вестника Финансов“ за 1925 г.: „Методология бюджетных исчислений“.

[2] О границах успешного применения метода смотри нашу статью в № 5 „Планового Хозяйства“: „Опыт построения полугодового бюджета новым методом“.

истекающего года, то в лучшем случае мы можем иметь 11 квартальных или 33 месячных опорных точек. Это не плохо для предсказания размера доходных поступлений для 34 месяца, уже рискованно для предсказания доходов в 12 квартале, и весьма сомнительно для предсказания наиболее вероятных поступлений в дальнейшие месяцы и особенно кварталы, не говоря уже про года. Предсказание на год вперед или более можно получить при таких условиях лишь суммированием предсказанных помесячных или поквартальных поступлений.

Правда, сделанное нами предсказание по этому методу о размерах бюджета на 1924/25 год дало идеальные результаты. Если, как было указано в № 5 „Планового Хозяйства“ взять только те доходные статьи, к которым был применен метод экстраполяции, то действительные поступления по всем ним оказались для первого полугодия лишь на 0,6% более исчисленных. В июне текущего года мы произвели по другому методу, изложенному в нашей „Объяснительной записке к контрольным цифрам по доходной части бюджета на 1925/26 год“, исчисление действительных поступлений по бюджету для всего 1924/25 г. При этом оказалось следующее. Если взять результаты нашего февральского исчисления для всего 1924/25 года тоже лишь по упомянутой группе доходов, к которой применялся метод экстраполяции исключенных по прямой линии плавных уровней этих доходных статей, то получим сумму в 2.040,9 милл. р. Если сравнить ее с суммой в 2.101,2 милл. р. наиболее вероятной выручки по той же группе доходов, определенной нами другим способом в июне, то можно сказать, что действительные поступления за весь год будут на 2,5% выше, чем предсказанные путем экстраполяции в феврале. Результат расхождения тоже идеальный, хотя, как и следовало ожидать, ошибка в исчислении наиболее вероятной годовой выручки в 2,5% оказалась больше, чем ошибка при исчислении полугодовой выручки в 0,6%. Результаты применения метода экстраполяции в данном случае заслуживают тем большего внимания, что при определении полугодовой выручки была предсказана выручка 6-го квартала на основании лишь 5 отчетных кварталов, а при определении годовой выручки были предсказаны выручки 6, 7 и 8-го кварталов на основании тех же 5-ти отчетных кварталов. Словом, теоретически было сделано более, чем рискованное предсказание.

Заслуживает быть отмеченным и другое обстоятельство, что ошибки в исчислении путем экстраполяции отдельных статей доходов были значительно больше, что видно из следующей таблички (см. сл. стр).

Как видно из этой таблички, наибольшие ошибки при февральской экстраполяции, но в разные стороны, получены были по почте (+ 21,7%), по прочим неналоговым доходам (—21,5%) и акцизам (+16,1%). Но ошибка в исчислении дохода от почты только кажущаяся, т. к. в феврале не было известно, что в бюджет подлежит впервые включению сумма в 15 - 16 милл. руб. телефонного дохода, которая фигурирует в цифре июньского исчисления 92 милл. руб. Прочие неналоговые доходы, по крайней мере, все целиком не подлежат, строго говоря, исчислению по методу экстраполяции по соображениям, развитым в № 5 „Планового Хозяйства“.

Что касается подоходного налога, то он даст, повидимому, на 10-15 милл. р. меньше.

Также доход от транспорта даст, повидимому, на 15 милл. меньше, почему ошибка февральской экстраполяции уменьшится до —1,4%.

Выводы, которые следуют из этого первого опыта предсказания бюджетных поступлений в СССР путем экстраполяции исключенных по прямой линии плавных уровней отдельных доходных статей на 3 квартала вперед, таковы:

1) Несмотря на недостаточность отчетных периодов 15 кварталов и очень большое количество периодов (3 квартала), для которых велось предсказание, все же для бюджета в целом, т. е. по всей той группе доходов, к которой применялась экстраполяция, это предсказание оказалось более точным, чем можно было ожидать и требовать (ошибка в 2,5% вместо 5%). По ноябрьским данным ошибка равна почти 5%.

2) Метод оказался более надежным для всей группы доходов, к которой применялся, в целом, чем для отдельных видов доходов, причем по некоторым доходам, как от акцизов, транспорта и прочих неналоговых дал наименее удовлетворительные результаты (ошибки в 10-11%, в 5-6% и 21%. Причина в изменении темпа роста поступлений от акцизов и транспорта.

	Путем экстраполяции в феврале	На основании 8 месячных поступлений в июне	В июне исчислено более (+) или менее (—), чем в феврале	
			На ... м. р.	В %%
От промналога	84,0	84,3	+ 0,3	+ 0,0%
и подоходного	108,6	104,7	— 9,3	— 3,6%
Итого	192,6	189,0	— 3,6	— 3,6%
От акцизов	430,0	499,2	+69,2	+16,1%
и таможенного дохода	88,9	91,9	+ 3,0	+ 3,4%
Итого	518,9	591,1	+72,2	+19,5%
От пошлин	118,1	114,4	— 3,7	— 3,1%
Итого налоговых	829,6	894,5	+64,9	+11,8%
От почты и т. д.	75,6	92,0	+16,4	+21,7%
и транспорта	877,8	905,0	+27,2	+ 3,1%
Прочих неналоговых	266,9	209,7	—57,2	—21,5%
Итого неналоговых	1.220,2	1.206,7	—13,6	— 0,1%
Всего обыкновенных доходов	2.049,9	2.101,2	+51,3	+ 2,5%
Тоже + отчисл. местам	2.158,9	2.170,2	+11,3	
Действит. поступления	По ноябрьским данным — 2.259,5 милл. р.			

3) Но по большинству отдельных видов доходов ошибка в 3 с лишним процента в ту или иную сторону, естественно, бо́льшая, чем по всей группе в целом (2,5%), говорит все же об удовлетворительных результатах экстраполяции и тут.

4) Повидимому, можно достигнуть более точных результатов экстраполяцией итоговых сумм бюджета с последующим расчленением их по отдельным видам доходов, чем, если поступать наоборот, т. е. суммировать ряды предсказанных выручек от отдельных видов доходов. При этом можно в целях контроля вести исчисление обоими путями.

5) Для разбивки предсказываемых общих итогов бюджета можно и следует пользоваться специальными таблицами, в которых цифры исполненных бюджетов 1913, 1922/23, 1923/24 и 1924/25 г.г. представлены в %% к итогу,

пользуясь теми замечаниями, которые были сделаны выше о возможном развитии налоговых и неналоговых источников бюджета при его этатизации прежде или социализации теперь. [1]

* * *

В заключение следует осветить еще одну сторону вопроса, а именно: по каким кривым исключать плавные уровни развития государственных доходов—1-го, 2-го или 3-го порядка. Выше приводились результаты экстраполяции, произведенной путем продолжения плавных уровней, исключенных по прямым линиям, т. е. по кривым 1-го порядка. Как мы видели, не для всех доходов при этом получились одинаково хорошие результаты. Исключение плавного уровня было сделано для периода с 1-го квартала бюджетного 1923/24 г. или с 4-го квартала октябрь-декабрь календарного 1923 года и кончая первым кварталом текущего бюджетного года или 4-м гражданского 1924 года, т. е. по отчетным данным за 15 месяцев. При этом обнаружилось, что прямая линия в указанном периоде достаточно хорошо характеризует развитие большинства отдельных статей дохода. Произведенный далее нами опыт исключения плавных уровней развития промыслового и подоходного налогов по параболам 2-го порядка и продолжение их еще на 3 квартала привело лишь к абсурдам; так, например, выручка от подоходного налога при таком продолжении параболы 2-го порядка должна была дать в сентябре текущего года величину около 0.

Отсюда следует, что исключение плавных уровней по параболам 2-го порядка (с одним изгибом) здесь, повидимому, совершенно недопустимо.

Опыта с предсказанием выручки на те же 3 квартала вперед на основании продолжения плавных уровней доходов, исключенных по параболам 3-го порядка, т. е. по кривым с двумя изгибами, нами не производилось, т. к. мы искали для экстраполяции самой упрощенной методики. Исключение же плавных уровней доходов по параболам 3-го порядка требует гораздо больше вычислений, чем та же операция, делаемая по прямой линии. Кроме того оно приводит почти сразу к астрономическим цифрам, что мы увидим ниже.

Однако, если принять во внимание, во 1-х, что наш бюджет с количественной точки зрения находится с 1921/22 г. в процессе восстановления, во 2-х, что, процесс восстановления, как это особенно подчеркнуто тов. В. А. Базаровым, характеризуется в чистом виде сначала быстрыми, а затем замедляющимися и никогда не сходящими на нет шагами вперед (ассимптотически), [2] в 3-х, что эмпирический такой процесс не может быть назван ассимптотическим, ибо эмпирические цифры отражают и разные другие влияния (урожаев, валюты, реконструкции, организации и т. д.), то, может быть, его легче всего уложить практически в параболу 3-го порядка. Поэтому, если бы мы знали, что процесс восстановления нашего бюджета заканчивается в таком то бюджетном году, а начался в 1921/22 году, то весьма вероятно, что плавный уровень всего процесса восстановления нашего бюджета недурно бы уложился по параболе 3-го порядка. Но для этого надо притти по каким либо другим убедительным соображениям, что он закончится, например, в 1927/28 г., как это получилось у нас именно по другим основаниям при проектировке 3 летнего финансового плана.

[1] Выполнение этой задачи для 1926/27 и 1927/28 г.г. будет предметом дальнейшей работы.

[2] См. его статью в № 1 „Эконом. Обозрения“ за 1925 г., а также доклад в эк. стат. секции Госплана СССР: „Динамика производительности труда, зарплаты и продукции в нашей цензовой промышленности с X. 1922 г. по XII 1924 года.“

К этому вопросу мы вернемся еще ниже, а пока заметим, что проектировка трехлетнего финансового плана на основании исключения плавного уровня развития наших бюджетов с 1921/22 г. по 1924/25 г. по прямой линии дала бы только преуменьшенные результаты. В самом деле, в этом 4 летнем периоде интересующие нас цифры бюджетов были (в товарных рублях) таковы:

	1921/22	22/23	23/24	24/25 [1]
Действительные поступления .	888	1.070	1.126	1.389
Плавный уровень.	884	1.040	1.196	1.352

Как видно из цифр второй строчки, прирост по плавному уровню шел в арифметической прогрессии с ежегодным нарастанием в 156 милл. рублей. Если сделать предположение, что и дальше развитие бюджета пойдет таким же медленным темпом, то бюджеты 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг. будут выражаться последовательно такими цифрами в товарных рублях: 1.508—1.664—1.820. Между тем можно считать установленным при проектировке контрольных цифр по бюджету комбинированным методом, что уже в 1925/26 г. бюджет достигнет минимум 2.061 милл. товарных. Легко объяснить, почему экстраполяция плавного уровня, исключенного по прямой линии, не может не дать при проектировке на основании ее трехлетней бюджетной выручки, именно на предстоящее трехлетие, преуменьшенных результатов. Дело в том, что до сих пор наш бюджет развивался прямо черепашьим шагом. В самом деле, что это за прирост по 156 милл. тов. рублей в год. если в период с 1907/08 по 1912/13 г., когда вовсе не было притом никакого процесса восстановления, бюджет России давал ежегодный прирост по плавному уровню, исключенному тоже по прямой линии, в 173 милл. рублей. [2]

Столь низкий ежегодный прирост, как 156 милл. тов. руб. в год, следует объяснить, с одной стороны, тем, что за исключением 1922/23 года все остальные истекшие годы были мало и неурожайными, а с другой—слабостью финансового аппарата по взиманию доходов и недостаточным приспособлением финансовой системы к новым условиям бытия бюджета.

Выяснив причины медленного восстановления бюджета до 1924/25 г., мы можем заметить, что изолированная проектировка бюджетов ближайших лет даст тоже преуменьшенный результат, если вести ее продолжением плавного уровня, исключенного для бюджетов 1921/22 - 1924/25 г. по параболе 2-го порядка. В самом деле, вот каковы результаты ее в милл. товарных рублей.

	1921/22	22/23	23/24	24/25	25/26	27/28	28/29
Плавный уровень . .	904	1.020	1.176	1.372	1.609	1.887	2.205

Как видно отсюда, предсказание по параболе 2-го порядка более приблизило бы нас к действительности, которая, как сказано было выше, дает уже в 1925/26 г.—2.061 милл. руб., но все же и оно оказалось бы значительно преуменьшенным.

Наконец, исключение плавного уровня действительных поступлений в четырехлетие 1921/22-1924/25 г. г. по параболе 3-го порядка и продолжение его еще на 3 года вперед дает такие цифры:

	1921/22	22/23	23/24	24/25	25/26	26/27	27/28
Плавный уровень . .	888	1.070	1.126	1.389	2.192	3.869	6.752

[1] Цифра исчислена, но очень близко к будущей действительности.

[2] См. таблицу № 3, где нанесены все плавные уровни современных и довоенных бюджетов.

Как видно из этих цифр, экстраполяция по параболе 3-го порядка уже в 1925/26 г. дает результат (2.192) значительно превосходящий установленную для этого другим методом цифру наиболее вероятного дохода в 2.061 милл. рублей.

Итак, все эти три случая показывают, что экстраполировать плавные уровни бюджетных поступлений, исключенные для четырехлетия 1921/22-1924/25 г. по кривым 1-го, 2-го и 3-го порядка нельзя. В первых двух случаях получаются сильно преуменьшенные результаты, в последнем—весьма преувеличенные цифры.

IV. Предпосылки проектировки 3-хлетнего плана

Нельзя проектировать многолетних финансовых планов, не составив себе того или иного представления о важнейших в смысле влияния на бюджет экономических явлениях.

Выше мы видели, например, насколько задерживала развитие бюджета группа мало и вовсе неурожайных лет. Естественно, возникает вопрос, чего можно ожидать в ближайшее трехлетие: урожаев или неурожаев.

Опираясь на теорию quasi-периодичности урожаев и неурожаев в редакции Ф. А. Череванина, мы сделали в январе 1924 года предположение, что четырехлетние периоды этого явления возобновились, что 1923-м годом закончилось неурожайное четырехлетие 1920/21-1923/24 года и что четырехлетие 1924/25-1927/28 г. г. будет урожайным по сравнению с предыдущим. Дальнейшие гипотезы, положенные в основу вычислений, привели нас к заключению, что средняя урожайность четырехлетия 1924-1927 г. г. должна быть равна 50 пудам с десятины, а урожайности отдельных лет должны быть равны—38,5—58,—50 и 53,5 пудам с десятины. Мы приводим здесь только наиболее вероятные, при предсказании, цифры. Менее вероятные могут быть больше или меньше каждой из только что упомянутых цифр на 2,8 пуда, т. е. на всю величину так называемого квадратического отклонения.

Что касается разнесения этих урожайностей по отдельным годам, то таковое тоже было сделано нами, однако с оговоркой о слабости оснований для отнесения именно такой то урожайности к такому то году.

Причина понятна. Дело в том, что урожаи и неурожаи не подчиняются на самом деле в смене одних другими какой-либо строгой периодичности в 2, 3, 4 или 5 лет. Легче всего можно подобрать периоды по 3-5 лет, а в среднем по 4 года, почему мы и указали выше, что опирались на теорию quasi-периодичности этого явления.

Со времени нашего предсказания прошло два урожая 1924 и 1925 года. Один принес по данным ЦСУ урожайность в 38 пудов, другой в 58 пудов с десятины, т. е. как раз минимальную и максимальную из предсказанных нами урожайностей. Правда, в ст. Н. Дубенецкого (в № 8 „Эк. Обозр." за текущий год), наряду с цифрой для 1924 г. в 38 пудов по балловой оценке фигурирует и исправленная позднее на + 8% в 41 пуд. Точно также для 1925 г. указана по балловой оценке на 1-е июня цифра в 53 пуда (стр. 118). Но уже на стр. 123 напечатано „оценки на 15/VII несколько выше и исчисленный по ним валовой сбор составляет 4.023 милл. пуд., т. е. на 100 милл. пуд. больше".[1] Далее на одном из заседаний Президиума Госплана (18 августа) была объявлена А. Г. Михайловским и более высокая цифра сбора в 4.180 милл. пуд., что при делении ее на 72 милл. дес. посева дает

[1] В № „Эк. Жизни" от 1 октября Н. Дубенецкий опубликовал уже цифру сбора еще более высокую—4.144 милл. пудов. Точно также и урожайность переправлена с 53 на 56 пудов. К сожалению, повидимому, легче предсказывать урожайности, чем проверять предсказания по цифрам ЦСУ.

58 пудов. Мы думаем, что на самом деле она еще выше—59 - 60 пудов, потому что балловой оценке в 3,4 балла могут в текущем году соответствовать урожайности от 58 пудов минимум и выше.

Что же касается несколько запоздалого исправления прошлогодней цифры в 38 пуд. на 41, то, если мы прибавим к нашей цифре 38,5 пуд. 2,8 пуд. квадратического отклонения, то получим 41,3 пуда, т. е. цифру, менее вероятную при предсказании. Другой такой цифрой могла бы быть цифра в 38,5 - 2,8 = 35,7 пуда. Поэтому, поскольку исправление ЦСУ лежит в границах квадратического отклонения, оно не опровергает нашего предсказания. Кроме того само исправление цифры урожайности с 38 до 41 пудов возбуждает у нас самые большие сомнения, так как оно ни капли не соответствует уровню хлебных цен в 1924/25 г. С этой точки зрения скорее была бы приемлема легкая поправка в обратную сторону. Но и в ней мы не видим нужды, так как предсказанная нами для 1924/25 г. средневзвешенная хлебная цена при урожайности в 38 пудов, принятой нами при предсказании, оправдалась именно при этой предпосылке.

Это обстоятельство также говорит в пользу того, что мы, повидимому, угадали и попали в период. Раз так, то вероятно, что оправдаются и обе остальные из вычисленных урожайностей, а именно в 53,5 пуда и в 50 пудов по наиболее вероятному варианту приведенных цифр. В частности ожидание урожайности в 50 пуд. тем более вероятно, что, начиная с 20 года, не было еще ни разу просто средней урожайности, а имели место урожайности то выше, то ниже ее.

Несущественно при этом, что мы не можем сейчас сказать, в каком году—в 1926 или 1927-м—ожидать 50 пудов и в каком из них 53,5 пудов, так как обе оставшиеся урожайности не особенно разнятся друг от друга.

Но если даже отвергнуть решительно всякие предсказания—исчисления конкретных урожайностей, как основанные на мнимой периодичности явления, все же нельзя отрицать, что в России на протяжении целого столетия группы неурожайных лет чередовались с группами урожайных, причем в группы неурожайных лет всегда вторгался год с высоким урожаем, а в группы урожайных лет—год с крупным неурожаем. Это было превосходно иллюстрировано массой данных П. И. Поповым на одном из заседаний президиума Госплана СССР весной 1924 года.

Если так, то после того, как мы имели с 1920 года по 1924-ый группу 4 неурожайных лет с одним урожайным выше среднего (1922 год с 53 пудами), мы должны с большой вероятностью ожидать наступления под ряд нескольких урожайных лет.

Это обстоятельство еще более подтверждает нашу первую предпосылку, что, начиная с 1925 года, следует ожидать группы урожайных лет. На основании худо или хорошо, но уже сделанного и наполовину оправдавшегося предсказания, мы не видим пока достаточных оснований для того, чтобы отказываться и от остальных двух предсказанных урожайностей в 53,5 и в 50 пудов.

Заметим кстати, что предсказание проф. Вангенгеймом в общем влажной осени, благоприятной для озимых посевов, заставляет пока ожидать будущим летом урожая не ниже среднего, хотя, конечно, неблагоприятные условия зимования, засушливая весна или лето, могут не оправдать наших ожиданий.

В частности, условия погоды в августе были не вполне благоприятны для сельского хозяйства. В черноземной области дожди задерживали уборку хлебов, а в северо-восточных районах засуха мешала началу посевов. [1]

[1] См. „Эк. Жизнь", № 203 от 6 сент. 1925 г. Однако по позднейшим сведениям к началу октября состояние озимых посевов оказалось почти по всему Союзу выше среднего (исключение Урал и часть Приуралья).

В приводимой ниже таблице сведены в одно целое наши предположения о величине посевов, урожайностей и валовых сборов хлебов в сопоставлении для проверки с таковыми же предположениями Земплана, одобренными Президиумом Госплана СССР в части, касающейся предположенного развития посевов,[1] а также в сравнении с цифрами Госплана. (См. сл. стр.).

Проанализируем приводимую таблицу. Почему в ней приняты для 1926/27 и 1927/28 г.г. урожайности в 50 и 53,5 пуда, объяснено выше. А так как мы не знаем, в каком порядке будут они следовать одна за другою, то отсюда возникла потребность в запроектировании двух вариантов, из которых в первом, наиболее вероятном, для 1925/26 г. принята урожайность в 50 пудов, а во 2-м—менее вероятном 53,5 пуд.

Что касается количества десятин, то в первом варианте принят для 1926/27 г. прирост в 4,5%, а для 1927/28 г.—в 2,5%; во втором же для 1927/28 г. принят прирост в 3,5%. Принимая разные возможные проценты прироста для 1927/28 г., мы исходим из того соображения, что в год меньшего урожая прирост посевной площади в будущем году должен быть меньше, а в год большего урожая—больше в виду больших затруднений с посевным материалом в менее урожайном году.

Наш средний вариант представляет действительно средний во всех отношениях из двух первых и сделан, чтобы мы могли проверить проектировки принятых у нас количеств десятин проектировкой Земплана по 5 летнему плану развития сельского хозяйства.

Вариант Земплана относится только к СССР без Туркестана и Закавказья и содержит в подлиннике (Выпуск 5 трудов Земплана) лишь указания на 62,8 милл. дес. в 1923/24 г. и на 82,9 милл. дес. в 1928/29 г. Все остальные цифры для этого плана вычислены нами следующим образом: 1) количество десятин по всему СССР с Туркестаном и Закавказьем путем прибавки к цифрам без Туркестана и Закавказья по 3 милл. дес. с соответственным погодным увеличением; 2) количество десятин в 1924/25 и 1925/26 г.г. вставлены по данным ЦСУ как обязательные. Цифры десятин для 1927/28 и 1926/27 г.г. вычислены, идя обратно от цифры 82,9 милл. дес. на основании указания проф. Н. П. Огановского—одного из творцов этого плана,—что им принят прирост количества десятин в 1928 г. на 4,7% и в 1927 г. на 5%.[2] Получив после этого для 1926/27 г. цифру в 75,2 + 3 = 78,2 милл. дес. или на 8,8% больше, чем в 1925/26 г. и сравнивая результаты проектировки Земплана и нашей по среднему сравнимому варианту, мы видим следующее:

Годы:	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	Количество десятин:		
У нас	75,3	77,6	79,5
У Земплана	78,2	82,4	86,4
	Процент прироста к пред. году:		
У нас	+ 4,5%	+ 3,0%	+ 2,5%
У Земплана	+ 8,8%	+ 5,0%	+ 4,7%

Отсюда легко усмотреть, что наша проектировка в среднем по обоим вариантам отнюдь не преувеличена, а по конечному результату 79,5 милл. дес. в 1928/29 г. является даже весьма осторожной. Наоборот, приходится

[1] Вариант Земплана составлен на основании трудов Земплана. Выпуск 5: „Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства“ и выпуска 1-го: „Перспективы развития сельского хозяйства СССР“ Н. Д. Кондратьева и Н. П. Огановского, под ред. И. А. Теодоровича. Все цифры таблицы в скобках—наши.

[2] См. выпуск 1-й „Трудов Земплана“, стр. 137, 138, 145 и у проф. Н. Д. Кондратьева, стр. 29.

Наши варианты

ГОДЫ	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Вариант 1-й						
Количество десятин	65,1	69,0	72,1 м.	75,3 м.	77,2 м.	79,5
% прироста	—	+6	+4,0	+4,5	+2,5	+3,0
Урожайности с 1 десят.	47,5 п.	41 п.	58 п.	50 п.	53,5 п.	—
Валовые сборы в милл. пуд.	3.092	2.789	4.181	3.765	4.130	—
% прироста	—	—9,8	+49,9	—10	+9,6	—
Сбор с урожаем в совхозах	3.143	2.840	4.258	3.825	4.200	—
% прироста	—	—9,7	+49,9	—10,2	+9,8	—
Вариант 2-й						
Количество десятин	65,1	69,0	72,1	75,3	77,9	79,5
% прироста	—	+6,0	+4,0	+4,5	+3,5	+2,0
Урожайности с 1 десят.	47,5 п.	41 п.	58,0 п.	53,5	50 п.	—
Валовые сборы в милл. пуд.	3.092	2.789	4.181	4.029	3.895	—
% прироста	—	—9,8	+49,9	—3,6	—3,3	—
Сбор с урожаем в совхозах	3.143	2.840	4.258	4.099	3.955	—
% прироста	—	—9,7	+49,9	—3,7	—3,5	—
Средний вариант						
Количество десятин	65,1	69,0	72,1	75,3	77,6	79,5
% прироста	—	+6,0	+4,0	+4,5	+3,0	+2,5
Урожайности с 1 десят.	47,5 п.	41 п.	58 п.	51,75	51,75	—
Валовые сборы в милл. пуд.	3.092	2.789	4.181	3.897	4.012	—
% прироста	—	—9,8	+49,9	—6,8	+2,9	—
Сбор с урожаем в совхозах	3.143	2.840	4.258	3.962	4.077	—
% прироста	—	—9,7	+49,9	—7,0	+2,9	—
Вариант Земплана						
Количество десятин						
а) с Туркестаном и Закавказьем	(65,1)	(69,0)	(72,1)	(78,2)	(82,4)	(86,4)
б) без Туркестана и Закавказья	62,8	(66,0)	(69,1)	(75,2)	(79,0)	(82,9)
		+5,1	+4,0	+8,8	+5,0	+4,7
Вариант Госплана СССР [1]						
Количество десятин с Туркест. и Закавказьем	81,3	86,2	88,7	(92,7)	(95,5)	(97,9)
% прироста	+18,2	+6,0	+4,0	+4,5	+3,0	+2,5
Урожайность	42,4	36,7	53	(51,75)	(51,75)	—
Валовой сбор	3.475	3.165	4.700	(4.797)	(4.942)	—
% изменения	—	—9,1	+48,5	+2,1	+3,0	—

[1] См. „Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.“ Таблица № 7 на стр. 73 и таблица № 6 на 71 стр.

признать весьма преувеличенным темп возможного развития посевов у Земплана за отсутствием достаточного количества земель пригодных для такого скорого обращения их в пахотные. Н. Дубенецкий принимает для 1926/27 г. увеличение посевов на 5%, но и это сомнительно. Н. М. Вишневский—4,3 и 2%, что, может быть, является преуменьшенным рядом. 1928/29-ый год, как выходящий за пределы трехлетнего финансового плана, нас не интересовал. Поэтому мы не проектировали для него ни урожайностей, ни сбора.

Но если исходить опять таки из теории quasi-периодичности урожаев, то, не делая даже никакого специального расчета, можно сказать следующее. Если оправдается предсказанная нами для четырехлетия 1924/27 годов средняя урожайность в 50 пудов, то следующее четырехлетие должно быть периодом пониженного урожая, но урожайность будет равна какой то величине между 50 и 41,2 пудами, т. е. урожайностью четырехлетия 1920/23 г.г. Для ориентировочной проектировки было бы достаточно осторожно принять ее примерно в 45 пудов. Если так, то валовой сбор 1928/29 г. можно было бы принять при нашем количестве десятин (79,5 милл.) в 3.577 милл. пудов.

В заключение заметим, что ниже будет показано, как то или иное чередование урожайностей и валовых сборов хлебов должно отразиться на трехлетнем финансовом плане.

* * *

Второй существенной предпосылкой для проектировки интересующего нас плана является ожидание того или иного притока в народное хозяйство СССР иностранных капиталов. Само собой разумеется, что весь процесс восстановления и особенно реконструкции нашего народного хозяйства шел бы до сих пор и пошел бы впредь гораздо более скорым темпом, если бы в наше хозяйство вливались большие иностранные капиталы.

До сих пор, однако, этого не было и пока нет оснований ожидать в ближайшее трехлетие существенной перемены в этом отношении.

Если так, то и при проектировке финансово-бюджетных планов приходится предполагать возможность, может и несколько больших, чем до сих пор, но во всяком случае весьма незначительных по сравнению с потребностью в них иностранных кредитов по внешней торговле и такого же скромного притока иностранных капиталов.

Процесс восстановления нашего хозяйства и бюджета до тех размеров, которых они достигли в 1913 г., закончится в ближайшее трехлетие, повидимому, безо всякого содействия со стороны буржуазно-капиталистических стран.

Это обстоятельство должно положить навсегда конец всяким надеждам на возможность новой хозяйственной деградации СССР. В таком случае буржуазные страны Зап. Европы и Сев. Америки, заинтересованные к тому же, чтобы СССР уплатил им кое-какие из долгов прежнего строя, сделаются верно податливей в смысле финансирования процесса реконструкции народного хозяйства Союза.

* * *

Третьей предпосылкой успешной проектировки трехлетнего бюджетного плана приходится считать устойчивость червонной валюты.

Внутри страны этой устойчивости не грозит ничего, даже в случае относительного увеличения эмиссии под процессы восстановления и реконструкции, как на том настаивает давно тов. В. Г. Громан и на что в сущности пошел НКФ, проведя заем хозяйственного восстановления на 300 милл. руб.

Ясно, что если кроме урожая текущего года нашу страну навестят, как было сказано выше, еще два, то мы можем ожидать в 1925/26 году более низких хлебных цен, чем в 1924/25 г., в 1926/27 г. еще и притом значительно более низких хлебных цен, чем в 1925/26 г.; наконец, в 1927/28 году можно ожидать еще некоторого понижения хлебных цен по сравнению с 1926/27 г., но уже небольшого.

Если бы мы могли вычислить сейчас точно валовые сборы хлебов 1926 и 1927 годов, мы были бы в состоянии на основании той закономерной связи, которая установлена для хлебных цен и урожаев работавшим под нашим руководством научным сотрудником Госплана тов. Е. Н. Бухманом, указать достаточно точно средне-арифметическую цену четырех главнейших хлебов для каждого из этих лет, а следовательно и довольно точно вычислить общетоварный индекс Госплана. [1]

Итак, предстоящее трехлетие будет трехлетием относительно низких хлебных цен. Следовательно, во избежание слишком больших ножниц придется понижать цены и на промышленные товары. Объективно это будет возможно, поскольку нагрузка до 100%, т. е. полное использование существующего оборудования, а в ряде случаев и реконструкция производства будет понижать себестоимость изделий и накладные расходы.

Упомянутые два факта, а именно, постепенное понижение хлебных и промышленных цен,—и будут понижать понемногу общетоварный индекс Госплана или, говоря другими словами, повышать покупательную силу червонца на внутреннем рынке.

Вот почему и было сказано выше, что внутри Союза червонной валюте ничто не угрожает.

Что же касается судеб червонца за границей, то, если даже предположить, что экспорт технического сельско-хозяйственного и промышленного сырья пойдет прежним темпом,—что заведомо неверно,—то все же Союз получит новые большие количества иностранной валюты за счет экспорта хлебов, который в 1926/27 году будет не ниже, чем в текущем году. Это неизбежно даже в случае повторения в упомянутом году только среднего урожая.

Понятно, почему! В 1926/27 году крестьянам не придется затратить, как в 1925/26 г., около 300-400 милл. пудов на пополнение хлебных запасов, которые к концу истекшего года должны были опуститься у них примерно до 100-150 милл. пудов. Точно также и государству не понадобится при низких хлебных ценах в 1926/27 и 1927/28 годах, неизбежных при средне и выше среднем урожае, держать в своих руках такие большие видимые запасы и в частности такой высокий запасный хлебный фонд для регулирования хлебных цен, какие оно впервые получает возможность образовать в 1925/26 году.

Все только что сказанное можно иллюстрировать примерными хлебофуражными балансами для 1923/24-1927/28 годов, составленными нами на основании целого ряда специальных исследований за два последних года. [2]

---

[1] По вопросу о законах, связывающих хлебные цены и урожаи в России по предсказании хлебных цен, смотри статьи Е. Н. Бухмана и А. А. Никитского в № 7-8 „Планового хозяйства“ за 1924 г., в № 6 „Планового хозяйства“ за 1925 г. и № 8 „Экономического обозрения“ за 1925 г., а также доклады в экономико-статистической секции Госплана и доклады А. А. Никитского в Госплане РСФСР и Инст. Экономич. Исслед. НКФ. СССР.

[2] См. между прочим в материалах Госплана СССР (секция внешней торговли) наш доклад от февраля 1924 г.: „Возможный экспорт хлебов в 1923-1928 г.г.“ и доклад Е. Н. Бухмана „О методах исчисления вероятных хлебных балансов СССР (без Туркестана, Закавказья и ДВО) на предстоящее пятилетие“—тоже от февраля 1924 года.

Также наш доклад „О хлебофуражном балансе на 1924/25 г.“, читанный осенью 1924 г. в ЦСУ. Валовые сборы хлебов для всех лет взяты с предыдущей таблицы по среднему варианту с незначительными округлениями и с урожаями в совхозах.

ГОДЫ	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
1. Остаток от прошлого года . .	350	245	225	645	600
2. Валовые сборы хлебов	3.140	2.840	4.260	3.960	4.080
3. Баланс	3.490	3.085	4.485	4.605	4.680
4. Расход (внутреннее потребл.) .	3.080	2.880	3.460	3.505	3.650
5. Сбор минус расход	410	205	1.025	1.100	1.030
6. Экспорт (+) импорт (—) . . .	165	—20	380	500	550
7. Запасы в стране к концу года.	245	225	645	600	480
8. Экспорт в %% к сбору . . .	5,8%	0,7%	9,0%	12,6%	13,5%
9. Запасы к концу года в %% к сбору	7,6%	7,6%	15,1%	15,2%	11,8%
10. Видимые запасы	60	90	190	180	150
11. Запасы у крестьян	185	135	455	420	330

В дополнение к этой таблице заметим, что к концу 1921/22 г. у нас принят запас хлеба в стране в 130 милл. пудов, в том числе 20 милл. пуд. видимых и 110 милл. пуд. у крестьян, а к концу 1922/23 г.—350 милл. пуд., в том числе 110 видимых и 240 милл. пуд. у крестьян. Динамика движения запасов до 1924/25 г. включительно такая же, как в контрольных цифрах Госплана для народного хозяйства на 1925/26 г., дальше—наша. Насколько осторожна наша проектировка экспорта хлебов, видно из того, что расход хлебов на внутреннее потребление принят у нас довольно высоким, так как мы расчитываем на усиленное развитие скотоводства и птицеводства. Он может оказаться и ниже за счет меньшего питания сельского населения, нуждающегося в деньгах для удовлетворения других потребностей. Затем экспорт в трехлетие 1925-1927 г.г. составляет у нас в среднем 477 милл. пуд. в год или лишь 11,7% к сбору, а в пятилетие 1923-1927 г.г. даже 8% к нему. Между тем в 1909-1913 г.г. он (733 милл. пуд.) составил—15,9% к среднему сбору этого пятилетия в 4.666 милл. пуд. без поправки на недоучет, или 13,3% к этому сбору (5.600) с 20% поправкой на недоучет. Наконец, запасы к концу года запроектированы у нас выше довоенных размеров (вследствие технической невозможности большего вывоза), а именно в среднем для трехлетия в 14,0% к валовому сбору хлебов, тогда как до войны они составляли—11,9% в среднем для 1900-1913 г.г. и 10,6% для пятилетия 1909-1913 г.г. с большим экспортом хлебов без поправок на недоучет сборов, и соответственно 10 и 9% при поправке на недоучет сборов в 20%.[1] При указанных у нас размерах запасы в среднем для 1923-1927 г.г. составят 11,8% от сбора хлебов в это пятилетие. Из всего сказанного следует, что надо подготовить транспорт к вывозу в 1926/27 и 1927/28 г.г. по 550-600 милл. пудов.[2] В таком случае, Союз получит за хлеб изрядное количество иностранной валюты, часть которой можно будет оставить на счетах банков за границей, часть передать Госбанку

[1] См. труды „Комиссии по изучению современной дороговизны" 1915 года.

[2] Кроме того, что мы вряд ли сможем вывезти больше, чем у нас принято, технически, не следует увеличивать более экспорта и потому, что лучше в целях правильного снабжения потребителей и регулирования хлебных цен выйти к неурожайной группе лет с возможно большим остатком хлеба в стране. Далее, если неблагоприятная погода во время уборки хлебов действительно понизит цифру сбора на 5%, т. е. примерно на 200 мил. пудов; то это должно отразиться на понижении цифры запасов у крестьян. Однако, не следует забывать сказанного выше, что урожайность при 3,4 балла может быть выше 58 пудов. Все это выясняется пока в Госплане. Поэтому мы не можем внести в эту таблицу каких-либо поправок. Но и менее благоприятная картина перспектив, здесь нарисованных, не может существенно изменить наших выводов о судьбах червонца в ближайшие годы.

Итак, экспорт хлебов обещает усилить позицию червонца и на мировом и опять-таки на внутреннем рынке. Какой именно год—1926 или 1927 будет для Союза более благоприятен—будет зависеть от того, в каком из них урожайность будет выше средней.

Мы не говорим о возможном влиянии на судьбы червонца импорта потому, что в подавляющей части размер его находится в наших руках. Хотя потребность в импорте в ближайшие годы то же будет возрастать, все же импорт можно сжимать или расширять в зависимости от хода экспорта.

Итак, предстоящее трехлетие будет иметь устойчивую валюту с ростом покупательной силы червонца внутри страны и падающими индексами.

В частности специальное исследование возможных размеров среднегодового общетоварного индекса Госплана в период октября-сентября 1925/26 г. привело нас к цифре даже более низкой, чем цифра, принятая Комиссией по контрольным цифрам, а именно к 1.636 вместо 1.647. Однако, так как наш расчет находился под более односторонним влиянием предсказанных для 1925/26 года хлебных цен, чем это следовало бы по существу дела, то мы считаем, что расчет упомянутой Комиссии будет ближе к действительности. Поэтому для 1925/26 г. нами принят индекс Комиссии с округлением его до 1.650.

Что касается общетоварных индексов в 1926/27 г. и 1927/28 году, то сейчас нельзя произвести для этих лет такого точного расчета индексов, как для 1925/26 г. Тем не менее в виду всего сказанного выше насчет возможной эволюции в оба эти года хлебных цен, следует считать вероятным, что в 1926/27 году общетоварный индекс понизится еще минимум на 0,150 пунктов и упадет до 1.150, а в 1927/28 году понизится еще, но менее, а именно на 0,100 пунктов и будет равен 1.140.

Эти индексы приняты нами на случай, если валовые сборы хлебов выразятся в 1925/26-1927/28 г.г. рядом в 4.258-3.825 и 4.200 милл. пудов.[1] Если же этот ряд, что менее вероятно, будет таков: 4.258-4.099-3.955 милл. пудов, то приходится принципиально понизить индекс для 1926/27 года еще более. Поэтому во 2-м варианте финансового плана нами и принят несколько более низкий индекс для этого года, а именно 1,48 вместо 1,50.

* * *

Четвертой предпосылкой, весьма важной для точности проектировки и однолетних и многолетних планов, является сохранение бюджетных периодов с октября по сентябрь месяц. Как известно, бюджетные периоды этих месяцев вместо календарных с января по декабрь были одобрены в 1921 году Госпланом согласно указанию тов. В. И. Ленина. Нами сделано предположение, что эти периоды с октября по сентябрь сохранятся и впредь, несмотря на большой напор, идущий, главным образом, с мест в сторону возврата к календарному бюджетному году.

Насколько важно для точности проектировки бюджетов начало бюджетного года с того или иного месяца, видно из следующих фактов.

Изучение влияния урожаев на бюджеты обыкновенных доходов в период с 1894 по 1912 годы привело нас к выводу, что урожай текущего года оказывал максимальное влияние на поступления в бюджет обыкновенных доходов с октября по сентябрь (коэффициент корреляции +0,80), ближайшее к нему по силе на поступления в сентябре (коэф. кор. +0,69)—августе и значительно меньшее влияние на поступления в бюджет гражданского или календарного года с января по декабрь (коэф. кор. всего +0,53).

[1] Основания этого исчисления приведены выше.

Влияние урожаев на бюджет до 1913 года было либо прямым, либо посредственным через промышленность, торговлю, экспорт и транспорт, которые в свою очередь подвергались весьма сильному влиянию урожаев. Поэтому нельзя влияние урожаев на бюджет объяснить прямым влиянием их. Скорее было гораздо более сильным посредственное влияние урожаев на бюджет. Если так, то следует признать, что период с октября по сентябрь был прежде тем средним народно-хозяйственным годом, в котором лучше всего сливались и сельско-хозяйственный и бюджетный и всякие иные (промышленный, торговый, деловой) хозяйственные годы.

В Советской России истекшего, настоящего и ближайшего времени влияние урожаев на все народное хозяйство и бюджет должно было, есть и будет большим, чем до 1913 г., так как от нас отпал на Западе ряд районов, где колеблемость урожаев была наименьшей и которые имели часто ясно выраженный промышленный характер. Это прекрасно доказывает и более высокий (+0,65) коэффициент корреляции между бюджетными поступлениями по 25 губ. черноземного и производящего районов по сравнению с приводившимся выше общим для всей территории коэффициентом корреляции (+0,53).

В частности ныне влияние урожаев на бюджет должно проявляться в периоде октября-сентября, а может быть, и более раннем, с сентября по август, еще больше, чем до 1914 г., в виду с одной стороны весьма большого по выручке сельхозналога, поступающего главной массой в октябре-марте, а с другой стороны—более кратких льготных сроков взимания акцизов.

Из всего сказанного вытекает неоспоримо ясно, что наиболее точными сметные исчисления могут быть ныне, как и до войны, лишь для бюджетных периодов с октября по сентябрь, ибо только в этих периодах влиянию урожая текущего года подвергаются 9-10 месяцев данного бюджетного периода. В календарном же году этому влиянию подвергаются лишь 6-7 месяцев (с января по август).

Таким образом, октябрьскую революцию, произведенную в бюджетных периодах В. И. Лениным и Госпланом можно только приветствовать, ибо, как мы только что видели, под нее можно подвести солидный научный фундамент. [1] Неудивительно, что В. И. Ленин, как человек много занимавшийся аграрным вопросом и в частности знакомый и с работой 12 авторов—„Влияние урожаев на некоторые стороны нашего народного хозяйства“,—подал в свое время президиуму Госплана весьма целесообразный совет по данному вопросу, согласно с которым следует поступать и впредь. Возврат к календарным бюджетным периодам только затруднит и сделает менее точной проектировку всех общих и частных хозяйственных и бюджетных планов и повредит плановому хозяйству.

* * *

Пятой предпосылкой проектировки трехлетнего финансового плана является предположение в существенных и главных чертах постоянства нашей финансовой системы. Мы можем игнорировать те частичные изменения ее, которые производились до сих пор и будут, несомненно, производиться и впредь. Причина понятна: как бы ни менялась финансовая политика, она не может не считаться с достаточностью питания бюджета из народного хозяйства, ибо государственные расходы, под влиянием роста общественных потребностей, не могут стоять на одном месте, а должны расти, расли и

[1] Подробные результаты нашего исследования о влиянии урожаев на бюджеты изложены в ст. „Когда начинать хозяйственный и бюджетный годы“ в № 9 „Планового Хозяйства“ за 1925 г. и в тезисах нашего доклада: „Когда начинать хозяйственный год“, прочитанного в июле того же года в бюджетной финансовой секции экономического института при ФЭБ'е НКФ СССР.

будут расти и впредь. Государство, отказываясь от того или иного источника бюджетного дохода, повышая или уменьшая его значение, должно заменять его другими или повышать значение остальных. Так, например, отказавшись от 100 милл. рубл. дохода по сельхозналогу, государство расчитывает на 150-200 милл. рубл. повышения дохода от обложения питей.

Выше в другой связи было указано, что мы можем ожидать в ближайшие годы дальнейшего усиления веса неналоговых источников дохода за счет уменьшения веса налоговых, но при общем росте тех или других.

Может быть при росте накопления и сбережений в народном хозяйстве удастся поднять среди чрезвычайных рессурсов значение добровольных долгосрочных кредитных операций. Во всяком случае это было бы весьма желательно в виду предстоящих СССР больших капитальных затрат, которые потребует процесс реконструкции.

* * *

Шестой предпосылкой успешной проектировки трехлетнего финансового плана было приведение бюджетов 1913 г. и современных в сравниваемый вид.

В виду этой цели с итоговой цифрой бюджета 1913 г. в 3.431 милл. руб. пришлось проделать следующие операции. Прежде всего мы исключили из бюджета 1913 г. целиком чисто оборотный доход в 234,5 милл. руб., покрывавший расходы Министерства Финансов по винной монополии, так как теперь доходы Госспирта тоже не показываются в бюджете. Это исключение уменьшило общий итог бюджета 1913 г. до 3.197 милл. руб.

В целях поправки на территорию эта цифра была уменьшена еще на 17%, что дало итог в 2.653 милл. руб. К этому итогу был прибавлен валовой доход частной железнодорожной сети (включая и доход обществ и подъездных путей), который в результате нашего специального исследования и с аналогичным уменьшением его на 17% определился в размере 265 милл. руб.

В конце концов получился для 1913 г. итог сравнимаго с нынешним бюджета в 2.918.571 тысяч или (с округлением) в 2.919 милл. руб.

С другой стороны, пришлось внести некоторые изменения в оффициальные итоговые цифры современных бюджетов, начиная с 1922/23 года. Дело в том, что бюджет 1913 г. не заключал в себе номинальных доходов: его доходы были все реальны.

Оффициальные же бюджеты нынешнего времени включали до сих пор чисто номинальные доходы от краткосрочных кредитных операций, погашавшихся в том же году, от крестьянских займов, возвращавшихся почти полностью в кассы НКФ, и от платежных обязательств НКФ, которые только в части, застревавшей в обороте, давали реальный доход.

В виду этого, оффициальные итоги бюджетов нашего времени уменьшены нами на всю сумму краткосрочных и крестьянских займов, а также на всю сумму отчислений местам. От платежных обязательств принят лишь реальный для каждого данного года доход от той части их, которая застряла в обороте.

В таком случае итоги бюджетов 1922/23 г.—1925/26 г. выразятся такими цифрами в милл. черв. рублей (см. таблицу на след. стр.).

Во избежание преувеличенной проектировки трехлетних поступлений, что может иметь место, если доходы 1924/25 и 1925/26 г. исчислены нами высоко, в таблице № 1, 3 и 4 приняты для этих лет цифры в 2.500 и 3.400 милл. черв. рублей. [1]

[1] При исчислении в пожарном порядке контрольных цифр для бюджета на 1925/26 г. мы определили цифры возможных отчислений из госбюджетов местам в 206 для 1924/25 г. и 240 для 1925/26 г. Позднейший пересчет привел нас к цифрам 210 и 255 милл. черв. руб. Подробней об этом будет речь ниже при определении цифр трехлетнего финансового плана для местных бюджетов.

В 1924/25 г. тоже можно ожидать, что количество платежных обязательств в обороте возрастет еще против тех 48,728 т. р., которые оставались в нем на 1/X 1924 г. В случае нужды сумма их в обороте могла быть доведена к 1/X 1925 г. до 70 милл. руб. Это обозначало бы, что реальный доход от них в 1924/25 г. составит около 22 милл. черв. руб.

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Обыкновенные доходы	832.874	1.497.923	2.354.307	3.265.000
Чрезвычайные рессурсы				
Реализация госфондов	8.140	30.587	21.958	15.000
„ экспортной валюты.	—	32.587	—	—
Долгосрочные займы:				
1-й выигрышный	32.134	42.691	—	—
2-ой выигрышный	—	32.735	37.312	—
8% золотой гарант.	—	25.755	36.174	40
Прочие займы	—	—	10.727	—
Эмиссия	394.090	151.629	—	—
Монетный доход	—	49.071	80.000	30.000
Реальный доход от платежных обязат.	38.111	10.617	—	—
Закавказский дефицит [1] . . .	—	7.974	—	—
Превышение расходов [1] . . .	—	1.182	—	—
Из оборотных средств казначейства [1]	—	21.645	—	—
Итого чрезвычайных доходов	472.475	416.485	186.171	85.000
Всего доходов	1.305.349	1.914.408	2.540.478	3.350.000
Нераспределенных	—	—	—	50.000
ИТОГО	—	—	—	3.400.000

Наибольшие затруднения представило определение цифры бюджета 1921/22 г. 888 милл. тов. руб.[2] После перевода ежемесячных поступлений за этот период по бюджетным индексам на 1-е число следующего месяца и суммирования их получились следующие результаты в милл. бюджетных рублей: 23,5 милл. руб. от налогов (кроме сельхозналога), 65,4 от неналоговых доходов, 0,9—от кредитных операций (хлебного займа) и 264,1 милл. р. от эмиссии, а всего—353,9 милл. руб. Исчисление сельхозналога по цене 1 р. 39 к.

[1] Здесь не место разбирать наши сомнения по поводу источников покрытия этих трех сумм (7,9-21,6 и 1,2) дающих вместо 30,6 милл. черв. руб. В объяснительной записке к отчету об исполнении бюджета 1923/24 года нам не удалось найти указания на эти источники.

[2] Для определения этой цифры, равно как и всех вообще бюджетных итогов, использованы следующие материалы: росписи государственных доходов и расходов РСФСР и СССР с объяснительными записками НКФ на январь-сентябрь 1923 г., на 1922/23 г. и на 1924/25 г. Очерк „Народн. Комиссариата Финансов 1917 г. 7 ноября-25 октября 1922 г.“ Изд. Ф. Э. Б. НКФ СССР 1922 г. Сборник „На новых путях“ В. II. Финансовый Труд под ред. Комиссии СТО. Далее, неопубликованные НКФ предварительные отчеты об исполнении бюджетов за 1922-23 и 1923-24 годы.

за ржаную единицу в самых маленьких селениях с числом жителей не свыше 5.000, следовательно, по цене примерно заготовительной, дало цифру в 398,2 милл. руб. Величина бюджетного дохода в период с октября по сентябрь 1921/22 года определилась таким образом в 752,1 милл. бюдж. рублей.[1] В целях перевода итога бюджета 1921/22 г. в тов. рубли, которые соответствовали бы позднейшим общетоварным рублям Госплана, пришлось проделать еще две операции. Если бы цена 1 руб. 39 коп. была просто заготовительной, то, увеличив ее на 10%, мы получили бы примерно возможную оптовую цену ржаной единицы этого периода. Но цена 1 р. 39 к. это некая средняя цена между заготовительными и розничными. Поэтому, чтобы приблизить ее к оптовой, мы повысили ее на 5%. В таком случае оценка сельхозналога повышается тоже на 5% и дает 418,1 милл. тов. руб.

Обращаясь теперь к 353,9 милл. бюджетных рублей остальных доходов 1921/22 г., мы повысили эту сумму на 15% и получили 406,9 милл. тов. рублей. Сделали мы это, исходя из того соображения, что оптовые цены (индекс) должны быть во всяком случае ниже розничных минимум на 15%, а по всей вероятности были еще ниже.

Но если остановиться на 15% разницы и сложить 418,1 и 406,9 милл. тов. рублей, то бюджет РСФСР (без Закавказья и ДВО) периода 1921/22 г. будет равен 825 милл. тов. рублей.

В ближайшем к нему 1922/23 г. бюджет СССР был больше бюджета РСФСР (без Закавказья и ДВО) на 7,7%. Увеличивая на эти 7,7% полученную выше цифру в 825 милл. руб., имеем 888 милл. тов. рублей, которые и приняты нами в качестве цифры сравнимой с цифрами бюджетных итогов последующих годов и 1913 года.

Однако эту цифру следует считать минимальной, так как, если принять разницу между оптовым и розничным индексом в 1921/22 г. в 20%, то вместо 825 милл. р. итог бюджета РСФСР повысится до 832 милл. р., а СССР до 897 милл. тов. руб. Но и принятие последней цифры по существу почти ничего бы не изменило в дальнейшем, кроме некоторых процентов прироста и восстановления, притом весьма незначительно.

[1] Расчет сделан сотр. эк. стат. секции Госплана СССР О. Г. Таром.

Таблица № 1

Приложение к докладу А. А. Никитского: „Трехлетний финансовый план"

Вероятные поступления государственных доходов по бюджету СССР за вычетом отчислений местам и без доходов по валютной смете в 1913 г., 1924/25 г. и 1925/26 г. и в %% к 1913 г.

СТАТЬИ	1913 г. на территории, равной СССР	1924/25 г.		1925/26 г.		В %% к соответ. статьям 1913		В %% к итогу		
		В черв. руб.	В тов. руб. по индексу 1,80	В черв. руб.	В тов. руб. по индексу 1,65	1924/25 г.	1925/26 г.	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Налоговые доходы										
1) Прямые налоги	226.189	442,094	245.608	390.100	236.423	108,6	101,5	7,7	17,4	11,4
В том числе:										
а) Государств. и другие поземельн. налоги	30.937	235.000	130.556	140.000	84.848	422,0	266,2	1,0	9,3	4,1
б) Проч. прямые налоги	195.252	207.000	115.000	250.100	151.575	58,9	75,3	6,7	8,1	7,3
2) Пошлины	191.921	114.470	63.594	145.000	87.879	33,1	44,4	6,6	4,5	4,3
Итого (1+2)	418.110	556.564	309.202	535.100	324.302	74,0	75,3	14,3	21,9	15,7
3) Акцизы	846.591	499.182	277.324	760.000	460.606	32,8	32,8	29,0	19,6	22,0
В том числе:										
а) Акцизов с спирта и спиртных напитков	596.383	173.409	96.338	298.950	181.182	16,2	29,5	20,4	6,9	8,8
б) Прочих акцизов	250.208	325.773	180.986	461.050	279.424	72,3	108,4	8,6	12,8	13,5
4) Таможенный доход	292.921	91.904	51.058	140.000	84.848	17,4	28,1	10,1	3,6	4,1
Итого (3+4)	1.139.512	591.086	328.382	900.000	545.454	28,8	46,5	39,1	23,3	26,4
Всего по 1-му отделу	1.557.622	1.147.650	637.584	1.435.100	869.756	40,9	54,2	53,4	45,2	42,1
II. Неналоговые доходы										
5) Почта, телеграф, телефон	99.432	91.963	51.091	150.000	90.909	51,4	88,7	3,4	3,6	4,4
6) Транспорт (казен. жел. дор.)	675.291	905.000	502.778	1.300.000	787.879	74,5	113,2	—	35,6	38,1
Тоже включая частные	940.591	—	—	—	—	53,5	81,3	32,2	—	—
7) Леса и недра	76.672	56.381	31.323	121.000	73.338	40,8	92,7	2,6	2,2	3,5
8) Прочие государственные имущества	55.893	15.350	8.528	17.300	10.485	68,9	18,2	1,9	0,6	0,5
9) Прибыли от торг.-промышл. и банк. предпр. казны	59.005	96.893	53.829	200.000	121.212	91,2	189,4	2,0	3,8	5,9
10) Возмещ. расход. казне и возврат. ссуд	97.833	33.974	18.874	34.000	20.606	19,3	20,4	3,4	1,4	1,0
11) Доходы разного рода	13.413	7.194	3.997	7.600	4.606	29,8	33,3	0,5	0,3	0,2
Итого по 2-му отделу	1.077 539	1.206.755	670.420	1.829.900	1.109.030	62,2	99,9	—	47,5	53,6
Тоже включ. част. жел. дор.	1.342.839	—	—	—	—	49,9	80,2	46,0	—	—
Всего обыкновен. доходов	2.635.161	2.354.405	1.308.004	3.265.000	1.978.786	49,6	72,9	—	92,7	95,7
Тоже включ. доходы от частных жел. дор.	2.900.461	—	—	—	—	45,1	66,2	99,4	—	—
III. Чрезвычайные доходы	18.110	186.171	103.428	145.000	87.880	491,0	289,1	0,6	7,3	4,2
Итого обыкновенных и чрезвычайн. доходов	2.653.271	2.540.478	1.411.376	3.410.000	2.066.660	52,6	74,4	—	100,0	100,0
Тоже включ. доход от частных жел. дор.	2.918.571	—	—	—	—	47,9	67,6	100,0	—	—

Примечание. Слагаемые сумм чрезвычайных доходов приведены в тексте доклада. В итог цифры 1924/25 г. не входят 206.600 милл. отчислений местам и 37.078 милл. черв. руб. номинального дохода от крестьянских займов. Вместе с этими суммами итог бюджета на 1924/25 г. возрастает до 2.784,6 милл. руб., исчисленных нами. Официальная балансовая цифра последнего исправленного варианта бюджета на этот год в 2.783,5 милл. руб. почти совпадает с нашей, но разнится более сильно в исчислении отдельных источников дохода.

В цифру 3.410 милл. ч. р. 1925/26 г. не вошли 240 милл. отчислений местам и 50 милл. нераспределенного по отдельным источникам дохода. Вместе с этими суммами итог бюджета на 1925/26 г. повышается до 3.700 милл. ч. р., т.-е. до контрольной цифры Госплана на этот год. Контрольная цифра НКФ на 140 милл. менее, а именно 3.560 милл. черв. руб.

Таблица № 2

Приложение к докладу А. А Никитского: „Трехлетний финансовый план"

Валовая продукция Народного Хозяйства, товарная часть ее и государственные бюджеты (без краткосрочных займов) и без доходов по валютной смете в 1913 г., в 1921/22-1924/25 и в 1925/26-27/28 г.г. по наиболее вероятному варианту № 1 на таблице № 4

	1913 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Абсолютные цифры (в милл. товарн. рубл.)								
1. Валовая продукция народного хозяйства СССР	19.834 [1]	8.230	11.150	12.240	13.900	17.840	20.000	22.040
2. Товарная часть валовой продукции	11.509 [1]	3.450	4.500	5.510	7.395	9.247	11.000	12.545
3. Бюджеты государств. доходов в милл. товарн. рублей	2.919 [1]	ок. 888 [2]	1.070 [3]	1.126 [3]	1.389 [3]	2.061	2.690	3.152
4. Бюджеты госдоходов в милл. черв. рублей:								
а) при средн. для 22—27 г.г. индексе 1,53	—	—	1.637	1.722	2.125	3.153	4.116	4,823
Процент прироста в предш. году	—	—	—	+ 5,2	+ 23,4	+ 48,4	+ 30,6	+ 17,2
б) при индексах: 1,22 в 22/23 г., 1,70 в 23/24 г., 1,80 в 24/25 г., 1,65 в 25/26 г., 1,50 в 26/27 г. и 1,40 в 27/28 г.	—	—	1.305	1.914	2.500	3.400	4.035	4.413
Процент прироста в предш. году	—	—	—	+ 45,1	+ 30,5	+ 34,2	+ 18,5	+ 9,3
Б. Проценты прироста к предыдущему году для строчек A_1, A_2 и A_3								
1. Валовая продукция	—	—	+ 35,5	+ 9,8	+ 13,6	+ 28,0	+ 12,1	+ 10,2
2. Товарная часть ее	—	—	+ 30,4	+ 22,4	+ 34,2	+ 25,0	+ 18,9	+ 14,0
3. Бюджеты госдоходов	—	—	+ 20,5	+ 5,2	+ 23,4	+ 48,4	+ 30,6	+ 17,2
В. Проценты прироста к 1913 г.								
1. Валовая продукция	100	41,5	56,2	61,7	70,0	90,0	100,8	111,1
2. Товарная часть ее	100	30,0	39,1	47,9	64,0	80,0	95,6	109,0
3. Бюджеты госдоходов	100	30,4	36,7	38,6	47,9	70,6	92,2	108,0
Г. Товарная часть в %% к валовой продукции	58,0	41,9	40,4	45,0	53,2	51,8	55,0	56,9
Д. Бюджеты доходов:								
а) в %% к валовой продукции	15,2	10,8	9,6	9,2	10,0	11,6	13,45	14,3
б) в %% к товарной части ее	25,4	25,7	23,8	20,4	18,6	22,3	24,5	25,1

[1] На территории равной современному СССР.

[2] По подсчету Эконом. Стат. Секции с поправкой на территорию (7,7%).

[3] Начиная с 1922/23 г. в цифрах доходного бюджета показан лишь реальный, а не номинальный доход от платежных обязательств Центрокассы. Кроме того выключены все краткосрочные займы.

[4] При среднем проценте прироста за 4 последних года:
16,8% для валовой продукции
19,3% „ товарной части ее
32,1 „ бюджета.

[5] При проэктировке валовой продукции товарной части ее и бюджетов для 1925/26, 1926/27 и 1927/28 г.г. допущено, что валовые сборы хлебов в эти годы будут один раз не ниже среднего, а 2 года выше среднего. Затем вся эволюция не предусматривает какого-либо притока иностранного капитала кроме небольших кредитов по внешней торговле и небольших помещений в СССР концессионного капитала.

[6] До войны рост бюджета с 1900 по 1913 год опережал рост народного дохода. За 4 года с 1921/22 по 1924/25 г. валовая продукция увеличивалась в среднем на 19,6%, товарная часть ее на 29,0%, а бюджеты (на 16,4%), т. е. отставали в развитии (влияние неурожаев и неналаженности финаппарата). При предположении дальнейшей эволюции согласно примечанию 4-му. за весь период с 1921/22 г. по 1927/28 г. получится средний ежегодный прирост валовой продукции в 18,2%, товарной части ее в 24,2 и бюджетов в 24,2%, что следует признать лишним доводом в пользу правильности всей представленной здесь схемы развития.

[7] Бюджет 1924/25 г. со включением отчислений местам и номинальных доходов, исключенных согласно примечанию 3-му в целях сравнимости с 1913 г., даст около 2.800 черв. рубл.. а бюджет 1925/26 г. около 3.700 милл. черв. рубл., или на 32,1% более. Основания расчета этих цифр изложены в тексте доклада, а разделение бюджетов этих лет по отдельным источникам доходов на таблице № 1.

Таблица № 3

Приложение к докладу А. А. Никитского: „Трехлетний финансовый план"

Контрольные расчеты для проверки действительно возможных поступлений в бюджет СССР по трехлетнему финансовому плану без доходов по валютной смете и за вычетом отчислений местам

	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1913
А.—1) Действительные поступления до 24/25 г. по отчетным, а с 24/25 г. по вычисленным данным [1]	888	1.070	1.126	1.389	2.061	2.690	3.152	2.919
2) Прирост или уменьшение по сравнению с прошлым годом в миллионах товарных рублей.	—	+182	+ 56	+263	+672	+629	+462	Средний прирост за 6 лет 377,3
3) Тоже в %% к предшествующему году. . .	—	+ 20,5%	+ 5,2%	+ 23,4%	+ 48,4%	+ 30,6%	+ 17,2%	24,2%
Средн.	—	19,6%			32,1%			
Б.—Проценты прироста государственных бюджетов России к предшествующему году в 1907/08—1912/13 г.г.	—	1907/08 + 3,0%	1908/09 + 2,8%	1909/10 + 12,1%	1910/11 + 6,1%	1911/12 + 4,1%	1912/13 + 10,0%	6,7%
Средн.	—	6,0%			7,4%			
В.—Плановые уровни доходных поступлений в 1921/22-1924/25 г., исключенные и продолженные на трехлетие 1925/26-1927/28 г.:								Бюджет 1913 г. на площади, равной СССР
1) по прямой линии.	884	1.040	1.196	1.352	1.508	1.664	1.820	—
2) по параболе 2-го порядка.	904	1.020	1.176	1.372	1.609	1.887	2.205	2.919
3) по параболе 3-го порядка.	888	1.070	1.126	1.389	2.192	3.869	6.752	—
Г.—Плавные уровни доходных поступлений для семилетия 1921/22-1927/28 г.г., исключенные:								
1) по прямой линии.	583	978	1.373	1.768	2.163	2.558	2.953	—
2) по параболе 2-го порядка	885	978	1.191	1.526	1.982	2.558	3.255	2.919
3) по параболе 3-го порядка.	944	936	1.146	1.526	2.026	2.600	3.198	
Д.—Приросты плавных уровней в милл. тов. руб.:								Средний прирост за 6 лет
1) для периода с 1921/22 г. по 1924/25 г. по прямой линии	—	+156	+156	+156	+156	+156	+156	156
2) для периода с 1921/22г. по 1927/28 г. по прямой линии	—	+395	+395	+395	+395	+395	+395	395
3) для периода с 1907/08 г по 1912/13 г. по прямой линии	—	+173	+173	+173	+173	+173	+173	173

[1] Строчка А возможных действительных поступлений в трехлетие 1925/26-1927/28 г.г. заимствована из таблицы № 2 и вычислена на основании изучения целой системы коэффициентов, характеризующих соотношение между бюджетами, валовой продукцией и товарной частью ее в 1913 г. и в 1921/22-1923/24 годах.

ОТДЕЛ II

Экономика и техника

Л. Н. Бернацкий

„Тише едешь—дальше будешь“ [1]

(По поводу статьи Н. К. Мекка: „Надо или не надо увеличивать скорость движения грузов по железным дорогам“).

За последнее время в периодической печати появился целый ряд статей и заметок по поводу необходимости увеличения скорости передвижения грузов по железным дорогам; здесь мы встречаем и ярых заступников этого ускорения, и убежденных его противников. К последним относится и Н. К. Мекк, статья которого по данному вопросу помещена в № 10 „Планового Хозяйства“ (в дискуссионном порядке).

Автор этой статьи является сторонником теории, выдвинутой проф. Бернштейн-Коган, считающим, что значительная скорость продвижения не нужна для тех грузов, производство которых сезонно, а потребление распределяется по всему году. Так как сезонные грузы неизбежно нуждаются в складочном хранении, то для транспортеров (грузоотправителей и получателей) медленная перевозка только выгодна, потому что за время ее вагон служит складом, не оплачиваемым, как таковой.

Целым рядом подсчетов Н. К. Мекк доказывает, что срок доставки наиболее распространенных у нас грузов отнюдь не велик по сравнению с их средним оборотом; так, для хлеба нужный оборот равен 80 дням, а для угля—175, тогда как средняя продолжительность железнодорожных перевозок—всего около 10 дней; для хлопка оборот равен 180 дням, а продолжительность перевозки — всего 30 дней.

Таким образом, в отношении большинства грузов дело обстоит благополучно и, конечно, скорость их доставки оказывается отнюдь не чрезмерно-медленной; скорее — наоборот.

Руководствуясь упомянутой теорией, можно было-бы пойти и несколько дальше; в самом деле, если взять, например, хлеб, то окажется (взяв данные Н. К. Мекка), что, за вычетом, примерно, 30 дней, сопряженных с различными моментами переработки хлеба, остается около 50 дней в среднем, которые он должен частью лежать в складах, частью находиться в вагоне. Приняв теорию вагона-склада, мы можем утверждать на ее основании, что средняя

[1] Редакция помещает статью проф. Л. Н. Бернацкого, написанную на ту же тему, что и статья В. И. Золотарева, так как она, несмотря на некоторый параллелизм в начале изложения, освещает этот вопрос с другой стороны. *Редакция*

длительность железнодорожных хлебных перевозок может быть легко повышена до 50 дней, доставляя этим выгоду транспортерам, которым вовсе не придется платить за хранение, и железным дорогам, могущим обойтись без складочных помещений, при допущении каких угодно простоев на станции, какой угодно скорости на перегонах. Для угля, хлопка и т. д. такая перевозка окажется еще чрезмерно скорой.

Однако, от подобной „экономической“ перевозки взвыли-бы, вероятно, все транспортеры, которым пришлось-бы оперировать с учетом почти трехмесячной разницы в цене, а еще громче взвылибы железные дороги, благодаря невероятно плохому обороту подвижного состава и необходимости увеличить последний раз в 6 против существующего наличия.

Разумеется, мне скажут, что указанное предположение не выдвигается сторонниками теории вагона-склада и что последняя мною умышленно доведена до абсурда. Так оно и есть; но ведь всякому известно, что проверить правильность любой теории проще и нагляднее всего тогда, когда она приложена к предельным для нее величинам. Применив к данному случаю указанный метод, мы и получили в наиболее резкой форме ее отрицательные стороны; в дальнейшем я буду касаться только одной из них, а именно — вредного влияния на экономику железных дорог чрезмерной медленности перевозок.

Н. К. Мекк совершенно правильно указывает, что одним из главных препятствий для регулярной работы наших дорог служит неравномерность предъявления грузов для погрузки в вагоны, вызывающая неравномерную нагрузку сети. Поэтому, в определенные месяцы в обороте должно находиться большее количество вагонов, чем в другие, а наличный состав вагонного парка приходится расчитывать именно по месяцам первой категории. Отсюда, казалось-бы, должен быть сделан вывод, что основная задача железных дорог заключается в улучшении оборота товарного вагона именно для месяцев интенсивной работы, чтобы не иметь чрезмерно большого количества товарных вагонов, бесполезно простаивающих в течение остальной части года. Теория вагона-склада говорит совершенно иное: так как грузы, предъявляемые в течение нескольких месяцев, потребляются в течение всего года, то спешить с их перевозкой нечего — они всегда будут подаваться в таком количестве, что удовлетворят спрос, а попутно железные дороги сокращают расходы транспортера на складочные операции.

Первый раз приходится слышать, что железные дороги могут и должны оказывать благодеяние транспортерам путем бесплатного предоставления им наиболее дорогого из всех возможных способов хранения, расходы на которое ложатся целиком на железные дороги. Наш вагон вмещает около 3 куб. саж. зерна или муки; для этой же цели потребуется, вместе с проходами, около 4 кв. саж. пакгауза или хлебного амбара. По довоенным ценам мы имеем стоимость 1 вагона 1450 р., 4 кв. саж. пакгауза—от 400 до 500 р., а

хлебного амбара—не свыше 300 р. Таким образом, даже взяв такие неподходящие для хранения хлеба устройства, как пакгауз, мы имеем в нем втрое более дешевый по строительной стоимости способ, чем вагон; о разнице в эксплоатационной стоимости стационарных сооружений и вагона на ходу говорить не приходится. Как видно, благодеяние, творимое транспортерам, обходится железным дорогам весьма дорого, даже если смотреть на весь вопрос исключительно с точки зрения теории вагона-склада.

Казалось-бы, что в некоторых пределах без этого благодеяния железные дороги обойтись не могут, так как в течение некоторого, хотя-бы минимального, срока хранение груза в вагонах неизбежно. Однако, эти минимальные пределы отнюдь благодеянием не являются, потому что за них дорога полностью взыскивает провозную плату и тем самым переводит дело уже на другой, совершенно правильный, путь, на путь взаимно-оплачиваемых услуг.

Я не думаю, однако, что такие серьезные экономисты, как Н. К. Мекк и С. В. Бернштейн-Коган, предполагают железные дороги столь великодушными по отношению к транспортерам, как это кажется при первом взгляде на теорию вагона-склада. Очевидно, что, предоставляя право бесплатного хранения в вагоне за тот срок, который является излишним по сравнению с вышеуказанным минимальным, железная дорога получает какие-то блага. И блага эти, повидимому, заключаются в том, что дорога, не стесненная сроками перевозки, гораздо меньше делает затрат на приспособления для ускоренной станционной работы, для ускорения нагрузки и выгрузки и т. д., более свободно распоряжается своим подвижным составом и, наконец, позволяет применять упрощенные, а потому более дешевые, формы эксплоатации. Другими словами, предполагается, что медленность перевозки сопряжена с большей ее дешевизной.

Еслибы это можно было сказать безоговорочно, то правильным было-бы и вышеприведенное доведение теории вагона-склада до логического конца, который, однако, оказывается явно-абсурдным; и, наоборот, ложными оказались-бы все те меры, которые принимались и принимаются заграницей и у нас для усовершенствования сортировочных станций, передаточных пунктов и устройств для погрузки или выгрузки грузов.

Но ведь мы видели, что излишний срок нахождения груза в вагоне, делающий его на некоторое время складом, влечет за собой ненужные лишние расходы; мы также знаем, что замедление перевозок ухудшает оборот вагонов, т. е. увеличивает состав вагонного парка. Последствия этого общеизвестны: крупные затраты на заказ новых вагонов, повышение стоимости содержания и ремонта. Сюда нужно добавить еще лишние расходы на оплату поездных бригад, так как каждая из них находится в пути на меньшем протяжении, чем могла-бы. О других сбережениях мы скажем ниже.

Из сказанного вовсе не следует, что увеличение скорости продвижения грузов будет выгодным беспредельно; пределы ему даются

самим понятием товарных перевозок, т. е. допускающих (при паровой тяге) лишь небольшую ходовую скорость и перевозимых в поездах такого веса, который для данных условий является наиболее экономически-выгодным; для большинства наших дорог можно, вместо второго условия, поставить иную формулу, а именно: „наиболее тяжелого, возможного для условий данной дороги и при принятом типе локомотивов, веса", но эта формулировка менее точна, так как ее нельзя относить ко всем без исключения дорогам и, особенно, отдельным участкам их.

Таким образом, требование увеличения скорости продвижения грузов базируется на основе нормальной работы поезда на ходу, включая сюда неизбежные технические остановки. И ясно, что если-бы мы могли сократить все промежуточные задержки, то получили-бы наивыгоднейший случай пробега вагона, при максимальной возможной его скорости, практически имеющей место и маршрутных поездах. На только-что упомянутых промежуточных задержках приходится остановиться, равно как на моментах нагрузки и выгрузки, не повторяя, конечно, уже сделанного общего замечания, что все время, потраченное сверх минимального необходимого для различных станционных операций, ухудшает оборот вагонов и повышает все связанные с ним расходы.

Задержки на малых промежуточных станциях и разъездах вредно влияют не только на оборот вагонов, но и на оборот паровозов, т. е. бесполезно увеличивают парк их; помимо того, лишний простой на станции может вызвать необходимость в увеличенном числе их путей; однако, это имеет место лишь при значительной густоте движения.

Излишний простой на деповских (или малых распорядительных) станциях может также вредно отозваться на обороте поездных паровозов, если им приходится долго ждать поезда; влияние на число путей и работу станции, а следовательно, на штат ее—очевидно. Это влияние в еще большей мере сказывается на сортировочных станциях и передаточных пунктах, не говоря уже о неизбежном увеличении маневровой работы.

Таким образом, станционные задержки не только ухудшают оборот вагонов, но прибавляют еще целый ряд дополнительных расходов. Вопрос только в том, поскольку меры для предотвращения станционных задержек не будут настолько дорогими, что повлекут за собой расходы, превышающие сбережения от увеличивающейся скорости продвижения. Некоторые из мер по сокращению простоев настолько просты и дешевы, что их принятие ничего, кроме сбережения, дать не может; таковы меры организационного характера, по упрощению всех видов отчетности и т. д.

Но меры конструктивного характера не всегда могут оказаться выгодными; как общее правило, они тем выгоднее, чем гуще на дороге движение, и именно тогда их следует принимать. Дело в том, что всюду, кроме сортировочных станций, разбирающих по многим

направлениям, работа станций при малом движении может быть существенно упрощена и ускорена без больших затрат, почти неизбежных при густом движении, когда работа станций осложняется и замедляется. Усиленное повышение скорости именно на дорогах с густым движением выгодно еще тем, что оно отзывается на большей массе грузов, улучшая одновременно средний грузооборот по всей стране.

Естественно, что погрузка и выгрузка на станциях с большим грузооборотом также должна быть поставлена в совершенно иные условия, чем на мало работающих; в первом случае имеют смысл всякие устройства, хотя-бы дорогие, но улучшающие и ускоряющие условия работы, а также—введение ночной погрузки, несмотря на то, что при этом требуются соответственные расходы по освещению.

Все перечисленные мною истины большинству железнодорожников покажутся азбучными и мне, без сомнения, ответят, что идея развития станций стара, как самые железные дороги. Верно; но для чего и когда приступают у нас к развитию станций? Не для того, чтобы улучшить оборот подвижного состава, а для того, чтобы устранить пробки, в той или иной степени парализующие работу дороги. А соответственные меры принимаются тогда, когда дорога уже не в состоянии справиться со своими задачами. Улучшение оборота подвижного состава и грузов, достигаемое при этом, принимается, как нечто должное, а между тем, именно его то и следовало бы ставить во главу угла. Если для каждой дороги будет определена максимальная возможная в пределах экономической выгодности скорость продвижения грузов, то поневоле придется поддерживать ее на данном уровне, тем самым предупреждая всякие пробки, где-бы они ни имели место. Меры для поддержания наибольшей скорости эквивалентны, в конце концов, мерам для поддержания пропускной и провозной способности на требуемом уровне, но первые принимаются, как превентивные, а вторые тогда, когда дороге становится работать не под силу. У нас, к сожалению, установился взгляд, что второй способ—наилучший; а сколько при проведении его в жизнь бесполезно тратится денег и человеческого труда, никто еще не подсчитал.

С одной стороны, когда дорога терпит неудобства в движении, ее непроизводительные расходы растут; с другой, когда приступают к необходимым работам, движение на дороге оказывается переросшим ее обустройство. Совершенно понятно, что последнее еще менее оказывается достаточным во время перестройки станций и т. д., благодаря чему затягиваются строительные работы, а трудности и стоимость эксплоатации временно достигают подчас невыносимых размеров. В качестве примера, напомним Н. К. Мекку тот грандиозный эксперимент, который в 1916 г. произвел на М.-Казанской жел. дор. покойный Б. Д. Воскресенский, решивший в одно лето перестроить всю дорогу и довести ее пропускную и провозную способность до какого-то неопределенного максимума. Более печальных результатов нельзя себе представить, а ведь это было только повторением в грандиозных раз-

мерах того, что делалось на каждой дороге при сколько-нибудь крупных и средних перестройках.

Этот печальной памяти эксперимент заставляет обратиться к одному месту статьи Н. К. Мекка, где он защищает необходимость введения тяжелых поездов. В том, что для дальних перевозок должен применяться возможно тяжелый вес поездов — нет никакого сомнения; но ограничение здесь существует и может быть выражено так: „поскольку это допускает принятый тип паровозов и профиль дороги". Н. К. Мекк говорит, что поезда рвутся не столько от веса поезда, сколько от наших профилей; но ведь профиль-то существует и, пока он не переделан, с ним надо считаться. Точно также надо считаться и с „неумением машинистов". Вот в упомянутом мною эксперименте над М.-Казанской жел. дор. со всем этим не считались; правда, к переделке некоторых наиболее обрывных мест приступили, но тяжелые поезда были введены, когда даже работы по переделке не начались, а машинисты не были соответственно инструктированы. Расчетный состав поезда был проверен „опытным путем", причем для опыта был взят вполне исправный паровоз, отборные бригады и хорошие вагоны; за закрытием дверей у порожних вагонов и, вообще, за работой поезда следили специальные агенты из управления дороги. Опыт был сделан летом, а зимой весь подвижной состав, паровозные и кондукторские бригады дороги были приведены в невозможное состояние, обрывы стали хроническим явлением и скорость грузооборота понизилась настолько, что защитники теории вагона-склада могли спать спокойно: тише передвигаться было невозможно.

Поэтому, при определении составов тяжелых поездов для каждой данной дороги нужно учитывать все условия ее работы и если расчетный предельный вес во многих случаях не достигнут, то из этого вовсе не следует, чтобы нужно было всегда стремиться к его достижению; иногда может потребоваться и дальнейшее снижение. А о последнем, повидимому, на некоторых дорогах приходится подумать, потому что уж очень разительна цифра повышения числа разрывов за те 10 лет, в течение которых произошло увеличение составов: в то время, как общее число несчастных случаев в 1923/24 году повысилось в 4 раза на каждые 100.000 пудо-верст по сравнению с 1913 годом (6 вместо 1,5), количество разрывов возросло в 7 раз (1,9 вместо 0,27), а в первом квартале 1924/25 года—даже в 8 раз (2,19); а между тем в том же квартале общее количество несчастных случаев понизилось до 5 (т. е. в 3,3 раза больше, чем в 1913 году).

Требование наибольшего веса поезда, даже при дальних расстояниях, иногда ограничивается условием быстрой перевозки; все поезда большой скорости и организуются в этом предположении, причем ограничение здесь формулируется довольно точно: „наибольший возможный состав при заданной ходовой скорости".

Но для поезда с многочисленными остановками или для перевозки на близкое расстояние требование максимального состава далеко не всегда справедливо. Здесь в полной мере выступает на сцену вопрос о скорости оборота подвижного состава и может оказаться, что повышение состава поезда вызовет такие задержки при составлении поезда или при мелкой станционной работе, что будет более выгодным пускать вместо одного тяжелого поезда два—три легких, обслуживаемых, разумеется, и более легкими паровозами, во избежание неполного использования последних. Эта выгодность, подтверждаемая примером сборных поездов, может быть выражена аналитически, но здесь не место для подробных математических доказательств, а общее положение ясно и без них. Интересующимся рекомендую прочесть по этому вопросу главу переведенной мною книги Дроджа „Товарные станции и товарные поезда", посвященную английским железным дорогам. На каких участках каких дорог необходимо принять данную меру для удешевления работы дорог—дело НКПС, а результатом ее неминуемо окажется ускорение доставки соответствующих грузов.

Резюмируя сказанное, мы получаем вывод, что в интересах самих железных дорог—принять все те меры к ускорению грузооборота, которые диктуются экономикой самой дороги. Нельзя считать, что меры эти теперь исчерпаны, и что деятелям НКПС остается только почить на лаврах, как можно думать после прочтения статьи Н. К. Мекка.

Нельзя решать вопроса о неминуемой нехватке в ближайшие годы нескольких десятков тысяч товарных вагонов только путем предложения промышленности изготовить их; может быть, такой метод и прост, но для всей экономики страны он весьма обременителен и НКПС должен принять зависящие от него меры к уменьшению указанного недостатка путем улучшения оборота вагонов, т. е. путем столь яро оспариваемого ускорения их продвижения.

Нельзя, наконец, гордо указывать на наши достижения по сравнению с заграничными, так как при сколько-нибудь детальном анализе эти достижения окажутся в ином свете. Цифры суточного пробега, приводимые Н. К. Мекком, не дают ровно никакой характеристики работы заграничных дорог без сопровождения их цифрами полного среднего пробега тонны груза; ведь наш пробег в два слишком раза больше, чем в С. Штатах, где, кстати сказать, средняя скорость продвижения за последние 10 лет повысилась в $1^1/_2$ раза. К сожалению, я не имею под руками соответствующих цифр для других стран, но, во всяком случае, во Франции он меньше нашего раза в 4, в Германии—раз в 5. Сопоставление цифр суточного пробега вагона и полного пробега грузов дает иную картину наших достижений, чем представляемая Н. К. Мекком, а его оговорка: „несмотря на то, что в Западной Европе по количеству поездов движение гораздо гуще, чем у нас"—только показывает на то, что применение тяжелых поездов на малые расстояния понизилобы скорость поездов уж до совсем недопустимых размеров. Нужно, далее, добавить, что число сортировочных станций и передаточных

пунктов на 1 километр в Западной Европе и С. Штатах гораздо больше, чем у нас, а это также существенно влияет на скорость оборота вагонов.

Ту часть статьи Н. К. Мекка, где он говорит о затруднениях, испытываемых НКПС'ом, благодаря несвоевременному и неправильному составлению планов, а также благодаря сезонности грузов, оспаривать невозможно и нужно всецело присоединиться к мнению автора о необходимости ряда мер по устранению или смягчению всех, вытекающих отсюда, неудобств.

С. Кукель

Использование водных сил Испании [1]

Водные силы Испании являются главными энергетическими рессурсами этой страны. Общая мощность водных сил Испании оценивается в 6 миллионов лошадиных сил, но, в виду того, что в Испании гидрометрические исследования далеко неполны, эту цифру надо принимать, как ориентировочную.

До 1921 г. испанское законодательство предоставляло полную свободу использования водных сил концессионерам, получавшим концессии без ограничения срока ее. Но в 1921 г., по целому ряду причин, из которых, вероятно, не малую роль играл очень высокий тариф на электрическую энергию, установленный концессионерами, испанское правительство издало новый закон, значительно ограничивающий свободу действий концессионеров. В частности, был введен контроль со стороны государства и ограничена свобода тарификации. Кроме того, этот закон прекратил бессрочность прежних концессий и установил порядок перехода сооружений в собственность государства по окончании срока концессии.

Нижеследующая таблица дает интересные данные о развитии использования водных сил и указывает суммарную мощность водных сил взятых концессий (свыше 100 лош. сил каждая) по десятилетиям.

Выдано разрешение на использование:

До 1890 г.	. . . . .		110.000	лош.	сил.
С 1890 „	до 1900 г.		179.028	„	„
„ 1900 „	„ 1910 „		1.142.877	„	„
„ 1910 „	„ 1920 „		2.616.837	„	„
„ 1920 „	„ 1923 „		364.302	„	„
Всего . .			4.413.980	лош.	сил.

Очень резкий скачек произошел с 1915-го до 1916-го года, когда годовой прирост мощности увеличился более чем вдвое, этот прирост остался почти без изменения до 1920-го года, после которого значительно понизился.

---

[1] В последние годы Испания выделилась среди других стран темпом своего электростроительства, привлекая к себе всеобщее внимание. Редакция поэтому считает своевременным ознакомить читателей „Планового Хозяйства“ с успехами испанской электрификации, тем более, что до сего времени этот вопрос не был освещен русской печатью.
Ред.

Источники:

Доклады, представленные на Всемирную Конференцию Энергетики в 1924 году от Испании:

1) National Review of Water Power in Spain.
2) The Regime of flow of some spanish Rivers.
3) Characteristics and brief description of waterfals in the basin of River Douero.
4) Description of the system of generating, trausmitting and distribution electricity in Catalonia.
5) Canalisation and utilisation of Water power on the River Guadalquivir, и ряд других испанских докладов.

Надо отметить, что вышеуказанные мощности, примерно, вдвое выше действительно установленной, так как данные таблицы выражают максимальные мощности, на которые концессионерам было выдано разрешение.

Если обратиться к данным относительно фактического использования концессионерами своих прав, то мы получим следующие цифры (относятся к 1923 г.):

Мощность установок

Станции свыше 100 л. с.	Ниже 500 л. с.	Свыше 500 л. с.	Суммарная мощность в л. с.
В эксплоатации	158.219	1.102.899	1.261.118
В постройке	13.671	2.146.939	2.160.610
Разрешенные к постройке, но не начатые	39.400	952.852	992.252
Всего . .	211.290	4.202.690	4.413.980

Из этой таблицы видно, что находящиеся в постройке электрические станции имеют мощность, почти вдвое превышающую суммарную мощность уже работающих станций. Столь высокое соотношение между строящимися и существующими станциями не имеет места ни в одной другой стране мира.

В испанские предприятия по электроснабжению при помощи гидроэлектрических станций вложены французские, английские и американские капиталы.

У нас нет данных, по которым мы могли бы полагать, что Испания и в будущем сохранит столь исключительно быстрый темп развития электрификации. Наоборот, резкое уменьшение мощности выданных концессий за последние три года (после закона 1921 года) дает основания думать, что дальнейший темп развития гидростанций значительно замедлится.

Во многих местах Испании деревенское население пользуется электрическим освещением преимущественно от маломощных гидроэлектрических станций. Развитию сельской электрификации способствует значительная дороговизна осветительных материалов в испанских деревнях.

Средний тариф на электрическую энергию гидроэлектрических станций в Испании сравнительно очень велик, а именно: для освещения—от 12,8 коп. до 41,6 коп.,—для мелких производств—от 4,8 коп. до 12,8 коп., для крупных производств—от 1,92 коп. до 4,8 коп. за квт-час.

Электрохимическая промышленность при теперешнем положении может получать дешевую энергию только в периоды избытка воды; однако, новые крупные строющиеся электростанции будут давать энергию, вероятно, по значительно более низкому тарифу.

Стоимость испанских станций, построенных до войны, на 1 квт. установленной мощности, была:

Для станций мощностью в	500 квт.	670 рублей
„ „ „ „	2.500 „	560 „
„ „ „ „	6.000 „	485 „
„ „ „ „	12.000 „	320 „
„ „ „ „	20.000 „	240 „

В настоящее время постройка станций, по крайней мере, вдвое дороже.

Реки центральной и южной Испании, за исключением питающихся от снежных вершин Сьерро-Невады, имеют зимний максимум, так как питаются только дождями. Режим их необычайно изменчив, и соотношение между минимумом и максимумом расходов [1] составляет, в большинстве случаев, 1:1000.

[1] Количество воды, протекающее в единицу времени.

Правда, этот недостаток до некоторой степени компенсируется тем, что естественные условия, обычно, позволяют создавать крупные водохранилища.

Недостаточное обследование рек в первое время постройки гидротехнических сооружений приводило иногда к крупным ошибкам. Так, например, имея наблюдение за небольшое число лет на реке Алгар, дававшей минимальный расход от 500 до 1.000 литров в секунду, правительство построило от этой реки канал в 80 км. длиною для орошения окружающих полей. В первом же году эксплоатации расход упал до 400 литров в секунду, а на второй год пришлось в самом срочном порядке строить паровую установку для подъема воды. Несколько лет спустя эта установка работала непрерывно 9 месяцев, так как в течение этого времени расход воды был ниже 30-ти литров в секунду, что, конечно, было совершенно недостаточно для орошения полей.

В нижеследующей таблице даны сведения о режимах нескольких испанских рек:

Название реки	Расход: Максимум	Расход: Минимум
	В литрах в секунду	
Алгар	—	От 30 до 1.000
Шанес	—	„ 25 „ 200
Гвадалимар	547.000	500
Гвадалквивир	2.500.000	2.500
Дуеро	2.000.000	1.600

Одним из крупных предприятий по электроснабжению в Испании является „Каталонское Газовое и Электрическое Акционерное Общество", снабжающее электрической энергией район города Барцелоны, являющийся наиболее развитым промышленным пунктом Испании и в котором, кроме Барцелоны, имеется значительное количество городов с развитой текстильной промышленностью, уже давно пользовавшейся энергией от многочисленных мелких водопадов небольшой высоты на реках, спускающихся с Пиринейского хребта.

Общество закрепило за собой право на крупные водопады в Центральных Пиринеях в провинциях Гуэска и Лерида на высоте от 200 до 1000 метров над уровнем моря, удобные для использования и расположенные так, что представляется возможность образовать обширные водохранилища. Общество рассчитывает использовать эти водопады (из которых главные находятся на растоянии в 200 километров к западу от центра потребления) для создания обширной системы гидроэлектрических станций и электропередач. В добавление к вышеописанной группе водопадов Общество приобрело также водопад на реке Тер, в 80-и километрах к западу от зоны потребления в местности, удобной для широкой регулировки расхода воды.

Полная мощность, которую Общество может экономично использовать и обеспечить на круглый год, составляет 300.000 лошадиных сил. В настоящее время работают 3 гидроэлектрические станции, дающие в сумме 50.000 лошадиных сил на валу турбин; проведено 310 километров воздушных высоковольтных линий электропередач в 22.000, 50.000 и 130.000 вольт с пропускной способностью 30.000 квт.; построено 5 главных подстанций вдоль линий в провинциях Лерида и Барцелона. Линии доходят до подстанции в городе Барцелона, в котором находится в виде парового резерва станция мощностью в 20.000 квт., играющая роль пиковой [1]

[1] Пиковые станции—резервные, работающие лишь при максимальном спросе на энергию.

Станция Сейра расположена в наиболее отдаленной точке системы, использует падение в 146 метров на реке Эссера в провинции Гуэста. Станция имеет 3 турбины с генераторами в 9.000 квт. каждый при 500 оборотах в минуту, вырабатывающие трехфазный ток в 50 периодов, напряжением в 6.000 вольт. Имеется соответствующее число трехфазных трансформаторов той же мощности, повышающих напряжение от 6.000 до 125.000 вольт.

Вторая станция Пуантэ-Аргоне использует следующий водопад на той же реке на расстоянии 5-и километров. Напор 46 метров, мощность турбин 10.000 лош. сил. Эта станция соединена с предыдущей на стороне 6.000 вольт непосредственно. Таким образом составляется для этой станции добавочная единица.

Станция Ариас использует водопад на реке Цинка с напором в 16 метров. Мощность турбины на валу 4.000 л. с., генератор дает 2.500 вольт, которые в повысительных трансформаторах подымаются до 22.000 и 50.000 вольт. Из них первое напряжение нужно для питания сети в провинции Лерида, непосредственно примыкающей к станции, а второе—для подачи на подстанцию, расположенную в расстоянии 27-и километров, где напряжение опять повышается до 130.000 вольт и где сливаются в один поток энергия, полученная от всех трех станций, и передаваемая в Барцелону.

Длина главной линии электропередачи на 130.000 вольт равна 224,3 км. Она состоит из одной трехфазной линии (3×85 миллиметров). Над линией, на верхушках опор проложен заземленый трос, сечением в 50 кв. мм. Через каждые 4 километра устроена транспозиция. Средний пролет на 200 метров, а максимальный—380 метров, опоры стальные.

Линия работала с 1918 года по 1922 год при пониженном напряжении в 60-70 киловольт, а с 1922 года по 1924 год—свыше 110 киловольт. За все 6 лет эксплоатации не было ни одного случая выхода линии из строя по каким бы то ни было причинам.

В гор. Барцелоне имеется основная подземная кабельная сеть на напряжение в 50.000 вольт, что в свое время было наибольшим напряжением кабельной сети в Европе. Эта сеть имеет пропускную способность в 20.000 квт. и состоит из одножильных кабелей, сечением в 100 кв. мм. На одной из подстанций, расположенной в районе прежней станции постоянного тока, поставлены преобразователи и батарея аккумуляторов на 9.000 квтч.

Паровая станция, соединенная с одной из трех главных подстанций, имела в 1924 г. мощность в 20.000 квт., но она расположена так, что имеется возможность дальнейшего расширения до 100.000 квт.

Кроме описанного общества электроснабжением Барцелоны занимаются еще 2 общества, имеющие гидроэлектрические станции к западу от города и каждая—свой паровой резерв; сети этих обществ в настоящее время объединяются, после того, как общества объединились и в финансовом отношении. С технико-экономической стороны объединение было выгодно вследствие несовпадения минимумов и максимумов на гидроэлектрических станциях обоих обществ.

Одно из этих Обществ (R.F.E.) питает трехфазным 50-ти периодным током напряжения 25.000 вольт три подстанции городской и пригородной электрической железной дороги города Барцелоны. Эта дорога частично идет под землею. В черте города она пользуется постоянным током в 600 вольт, а за городом 1200 вольт. Наиболее длинная линия 29,41 километра. На трех подстанциях установлено 6 одинаковых аггрегатов, состоящих их синхроннаго трехфазного 6000 вольтного мотора мощностью 1900 квт. и двух генераторов постоянного тока по 500 киловат и 600/650 вольт. Эти генераторы для обслуживания 600 вольтных участков пути железной дороги работают параллельно, а для обслуживания 1200 вольтных участков соединяются последовательно.

На границе с Португалией в Испании расположены крупные водные силы, которые могли бы быть использованы путем постройки гидроэлектрических станций на реке Дуэро и ее притоках. Для этой цели уже образовалось крупное Испано-Португальское Акционерное Общество с капиталом свыше $4^1/_2$ милл. ф. ст. Общество произвело обширные исследования водных сил этого района.

Бассейн реки Дуэро имеет поверхность в 79.000 кв. км. и в испанской своей части дает общее падение в 500 метров на участке длиной в 183 км.

Общая мощность 9-и станций, которые запроектированы в бассейне реки Дуэро, составляет 826.543 лош. сил круглый год и свыше 1 миллиона лош. сил в зимний максимум. Естественные условия для постройки гидротехнических сооружений и, в частности, для образования обширных водохранилищ—исключительно благоприятны. Средняя стоимость всех сооружений составляет около 180 рублей на лошадиную силу, т. е. примерно 270 рублей на квт. средней годовой мощности, включая в эту цифру и стоимость линий электропередач на испанской и на португальской территории общей длиной в 2026 км., из которых 555 км.—на португальской стороне. Линии передач в 120 киловольт предлагается протянуть до Мадрида с одной стороны и до Лиссабона—с другой стороны. Таким образом, возникающее общество в будущем будет питать одновременно столицы двух соседних государств. Среди крупных пунктов питания будущей сети в Португалии надо отметить Опорто. Места будущих плотин подробно обследованы алмазным бурением.

Общая стоимость всех сооружений, включая и все линии передачи, определена в 15.396.946 ф. ст. Из 9 станций 6 будут на испанской территории и 3—на границе обеих территорий. Самое крупное сооружение будет иметь постоянную мощность в 242.450 лош. сил.

Представляют также интерес гидротехнические сооружения на реке Гвадалквивир, спроектированные и, вероятно, близкие к осуществлению.

С 1904 г. электрическое общество „Менгемор“ построило и эксплоатирует несколько гидроэлектрических станций на реке Гвадалквивир и нескольких его притоках выше Кордовы. В свою очередь государство разработало проект гидротехнических сооружений в бассейне этой реки для регулирования ее и для осуществления системы орошения побережья. По этому проекту предполагалось построить в бассейне реки несколько высоких плотин и образовать водохранилища на 700 милл. куб. метров. В 1919 году вышеназванное общество, испытывая потребность в значительном расширении мощности своих станций, предложило правительству проект постройки на реке Гвадалквивир 11-ти плотин и соответствующего количества гидроэлектрических станций в 61.800 лош. сил суммарной мощности. Проект предусматривает шлюзование реки, которая, таким образом, станет судоходной на участке от Севильи до Кордовы. Общество предложило образовать вместе с государством новое общество, причем государство должно было бы вложить средства соответственно стоимости той части проекта, которая касается судоходства.

А. Сегаль

К методике расчета программного бурения у Азнефти [1]

В предвоенные годы размер фактического бурения на бакинских нефтеносных землях определялся цифрой около 150 саж., по расчету на каждый миллион пудов годовой добычи; причем валовая добыча бакинского района в общем снижалась, так что величина так наз. „коэффициента бурения", то есть относительного бурения, способного поддержать добычу на постоянном уровне, была выше 150 саж. По мере истощения нефтяных резервов и перехода к эксплоатации более глубоких пластов, этот коэффициент должен стремительно расти. При сохранении частновладельческих условий эксплоатации и вытекавших отсюда черезполосицы и хищничества в использовании недр, этот коэффициент к настоящему времени вырос бы до заметно большей высоты—если даже допустить, что были бы вовлечены в эксплоатацию и те еще относительно свежие нефтяные резервы, какие вовлечены в производство Советской Азнефтью (напр., Солбаз).

Таким образом, если мы оценивали для 1923/24 года, на основе изучения графиков добычи, коэффициент бурения, как величину в 87 саж. на миллион пудов валовой добычи (см. „Экономику Нефтяных Хозяйств", изд. НКРКИ), то тем самым мы признавали, что национализация нефтяных промыслов и вытекавшая из нее организация хозяйства приводили немедленно к приблизительно удвоенной эффектности нового бурения, так что для бакинской нефтепромышленности можно принять некоторый „коэффициент советизации", равный приблизительно 2.

Несомненно, что нефтяная промышленность есть самый благодарный объект „советизации", и что в ней остается еще непочатый угол путей и возможностей для повышения суммы добываемого богатства и удешевления его себестоимости, на базе той же социально-экономической предпосылки.

Наши расчеты „коэффициента бурения" вызвали многочисленные и настойчивые возражения со стороны нефтяных специалистов, принимавших до того, как приблизительную величину „коэффициента бурения" Азнефти—цифру в 150 саж. на 1 милл. пуд.—догматически перенесенную ими из условий предвоенного времени. Эти возражения не прекратились и сейчас, причем их стараются подкрепить ссылками на мнимую действительность. При этом известная часть товарищей „добросовестно заблуждается", принимая за коэффициент бурения размеры относительного фактического бурения, повышенного Азнефтью ради быстрого развития добычи.

Поэтому нам кажется небезынтересным сказать несколько слов о методике расчета потребного бурения и размерах его, тем более, что осень—сезон производственных программ.

Принимая найденную нами путем специального исследования цифру в 87 саж., как взвешенный по Азнефти коэффициент бурения для 1923/24 г.,

[1] Статья дискуссионная. В одном из следующих номеров журнала будет помещена статья, выражающая мнение редакции по данному вопросу. (*Ред.*).

мы подчеркивали присущую ему тенденцию к неизменному росту, вытекающую из экономики нефтяного производства. Этот характер динамики капитальных затрат в нефтяном деле очень трудно выразить в цифрах или графиком на будущее время, так как прогноз определяется здесь и свойствами недр, трудно поддающимися анализу даже в пределах чисто-статистического учета дебета скважины, а тем более в смысле изучения динамических процессов давления и движения жидкости в пласте и скважине, и программой ввода в эксплоатацию новых, еще не исследованных нефтяных участков и пластов. Тем не менее, по аналогии с ближайшим прошлым, можно сделать некоторые правдоподобные предсказания и на ближайшее будущее время.

В пределах правильно определенного „коэффициента бурения" капитальные работы по бурению представляют собою ту восстановительную проходку, какая обеспечивает нам постоянство продукции в районе. Конечно, это не есть идеал хозяйственной политики; это—только определение понятия. Необходимость развития добычи влечет за собой и новое бурение, уже сверх „коэффициента бурения".

Не повторяя здесь подробно теоретического анализа понятий восстановления и износа и соотношений между восстановительными и аммортизационными суммами (см. „Экономику Нефт. Хоз." и статью нашу в № 6 „Планового Хозяйства"), мы укажем здесь лишь на ту отмеченную нами закономерность, что и те и другие имеют одинаковые тенденции роста, имеющие одно и то же происхождение в геологических условиях недр, так что во всяком случае график прироста потребной восстановительной проходки должен довольно хорошо следовать графику прироста средней амортизации.

По нашим расчетам, опубликованным в упомянутой книге, амортизация для 1923/24 года и годовой прирост ее определяются так:

	Аммортизац. в 1923/24 г.	Годовой прирост	То же в %
Для Балаханского района	5,43 коп. на пуд.	0,96 коп. на пуд.	18%
„ Сабунчинского „	4,87 „ „ „	0,44 „ „ „	9%
„ Романинского „	5,48 „ „ „	0,75 „ „ „	14%
„ Биби-Эйбатского „	6,12 „ „ „	0,66 „ „ „	11%
„ Сураханского „	4,48 „ „ „	1,08 „ „ „	24%
„ Бинагадинского „	12,58 „ „ „	2,35 „ „ „	19%

Конечно, эти цифры прироста—только весьма приблизительны; вернее—это только величина тенденций, в действительности умеряемых и использованием буровых скважин на нескольких пластах, и удешевлением техники бурения и оборудования скважин. Затем, тенденции эти из года в год неустойчивы, что зависит от степени и качества вводимых в эксплоатацию свежих недр, и по той же причине неустойчиво среднее взвешенное этих величин по всему району Азнефти.

Для соотношений 1923/24 года можно найти среднюю величину этой тенденции годового роста, как приблизительную 15% по всей Азнефти.

Эта величина в действительности может, и даже должна, умеряться, как мы сказали, в ее денежном выражении. Но тем более она может быть принята для определения возможного роста восстановительного бурения в его количественном выражении. По крайней мере, мы считаем это гораздо более надежным основанием, чем те данные, какие обычно клались до сих пор в основу нефтяных производственных программ, и опыт текущего года действительно показал, что Азнефть ошиблась в своих расчетах на 1923/24 год и вынуждена была в середине года расширить буровую программу.

Итак, если в среднем для 1923/24 года мы исчислили „коэффициент бурения" в 87 саж., то нами же даны методологические предпосылки исчи-

слять его для 1924/25 г. в размере на 15% выше, или около 100 с., а для 1925/26 г. в 115 саж. Заметим, что этот расчет отвечает гипотетическому предположению стабильности добычи; но если эксплоатация района форсируется, то тем самым как бы предвосхищаются коэффициенты будущих лет: чем больше прирост добычи, тем вообще меньше производственный эффект будущих новых скважин, заложенных в пределах той же нефтеносной площади, и тем больше темп истощения (% годового падения добычи) наличных скважин, так как молодые скважины имеют более быстрый темп истощения, чем старые. То и другое приводит к повышению коэффициента бурения.

Так как Азнефть имеет в 1924/25 г. прирост валовой добычи (почти на 14%), то коэффициент бурения этого года должен быть принят несколько выше 100 саж.; тем более коэффициент бурения для будущего 1925/26 г. должен быть несколько выше 115 саж., так как в будущем году предполагается дальнейшее форсирование добычи.

В дальнейших расчетах мы принимаем приблизительно для текущего 1924/25 года 105 саж. и для 1925/26 года 125 саж. на милл. пудов добычи, как коэффициент бурения, то есть как относительную величину законченного бурения, необходимого для поддержания добычи.

Обращаясь к некоторым другим выводам нашего исследования хозяйства Азнефти, отметим, что в случае развития добычи, нами найден для 1923/24 года следующий измеритель: на каждый 1% прироста добычи $\frac{87}{17{,}2} = 5$ *саж.* нового бурения (на каждый миллион пудов добычи).

Из сказанного выше следует, что эта величина также не является постоянной, а прогрессирующей, хотя несколько медленнее, чем на 15% ежегодно (так как мы имеем тут дело с главным, но все же одним из двух факторов, вызывающих 15%-ное увеличение коэффициента бурения); если принять годичный прирост этого нашего измерителя на 10%, то получим для 1924/25 г. около 5,5 саж., а для 1925/26 года—около 6 саж.

Истекший 1924/25 г. дал Азнефти прирост добычи почти на 14% выше добычи предыдущего года; а если, например, для определения темпа прироста сравнить добычу августа 1925 г. с августом 1924 г.—то даже на 18,5% выше!

Если даже ориентироваться на 14%, как характеризующие темп прироста в 1924/25 г., и на 20% для будущего 1925/26 г. с намеченной валовой добычей около 345 милл. пудов, то общие размеры бурения, потребного для такого развития добычи, определяются так:

в 1924/25 г. — 105 + 5,5 × 14 = 182 саж. (на миллион пуд.)
„ 1925/26 „ — 125 + 6 × 20 = 245 „ „ „ „

Здесь мы имеем в виду только законченное бурение (глубину скважин, выпущенных в эксплоатацию); между тем, фактическая проходка в периоды развития бурения несколько превышает выпуск пробуренных сажен в эксплоатацию (при сокращении бурения имело бы место обратное явление); в 1923/24 г. разница составила свыше 20%. В дальнейшем эта разница должна уменьшиться, если предположительно принять 10% для 1924/25 г. и 5% для 1925/26 г., цифры фактической проходки будут:

для 1924/25 года около—200 саж.
„ 1925/26 „ „ —257 „

Сюда не вошло разведочное бурение: для 1924/25 года оно должно было составить (в пределах 0,5 коп. на пуд нефти) около 8 саж. на миллион пудов валовой добычи; для 1925/26 г. можно принять его в 5-6% от эксплоатационного бурения, т. е. 13-15 саж.

Тогда окончательно фактическая суммарная проходка (без „хозяйственного“ и ликвидационного бурения) должна быть задана для

1924/25 г.—208 с.
1925/26 „—270 „ } на миллион пудов добычи,

а всего—для 1924/25 г. при добыче в 287 милл. пуд., 208 × 287 = 59.500 саж.
„ 1925/26 „ „ „ „ 345 „ „ 270 × 345 = 93.000 „

Действительная проходка в 1924/25 г. по Азнефти была несколько меньше.

Вышеприведенный расчет строго соответствует найденным нами при обследовании Азнефти коэффициентам бурения—в среднем по бакинскому району 87 саж. (для 1923/24 года). Последующая действительность не только оправдала эти расчеты, но обнаружила, что они сделаны с некоторым запасом. Отсюда видно, как беспочвенны нарекания на то, что наши „коэффициенты бурения“ сильно преуменьшены. Нечего и говорить, что защищаемые и до сих пор некоторыми нефтеработниками коэффициенты бурения в 150 саж. и выше чрезвычайно преувеличены и привели бы, при правильном арифметическом подсчете, к совершенно несуразным цифрам потребного бурения. Разумеется, было бы важно ежегодно ставить специальные исследования коэффициентов бурения, по площадям и пластам, на основе изучения изменений в дебете наличных скважин и начального дебета новых скважин.

Мы видим также, в какой большой степени размер фактического бурения зависит от заданного темпа прироста добычи; если для стабильности добычи производственное задание было бы 100-115 саж. на миллион пудов добычи, то для современного развертывания бакинского производства оно выростает до 208-270 саж.

Не касаясь здесь вопроса о желательности развития добычи, например, для целей экспорта, и других вопросов нефтяной политики, мы можем отметить только, что форсированное развитие добычи в пределах современных эксплоатационных площадей Азнефти обещает привести к более или менее стремительному росту себестоимости нефти. В течение ряда ближайших лет мы сможем компенсировать этот рост рационализацией техники бурения и эксплоатации и изменением программы переработки и экспорта. Но затем себестоимость и внутренняя цена нефти будут в значительной степени зависеть от того подземного богатства, которое хранится в еще неразведанных районах Апшеронского полуострова.

ОТДЕЛ III

За Советским рубежом

С. А. Фалькнер

О теоретической беспомощности и полемической развязности [1]

(Ответ Спектатору)

В № 10 „Планового Хозяйства“ помещена статья т. Спектатора под поэтическим названием „Сказка про восстановительные и деградационные процессы“, посвященная критике моего доклада в Президиуме Госплана. Стиль статьи, правда, совсем не поэтический, а весьма раздраженный, так что лишь усилием воли можно преодолеть нежелание отвечать на подобную критику.

Как известно, раздражительность является в большинстве случаев биологической функцией организма, ощущающего свое бессилие. Между тем, указанного критика раздражает в моем докладе решительно все. Когда я употребляю иностранные термины, то он решительно утверждает, что „проще было бы сказать то же самое по русски“ (стр. 222). А когда я пользуюсь простым русским словом „жизнеспособность“, то он горько сожалеет, что „так и остается неизвестным, что под этим словом подразумевается“ (там же).

Когда я разграничиваю 4 основных типа динамических процессов послевоенного времени, то сей критик, крайне возмущенный таким опытом осветить новые явления системой новых понятий, легко и просто превращает их в „законы развития послевоенного хозяйства“ (стр. 222 и след.), а когда он сам со всей возможной помпой доказывает, что это не законы, а только типы развития, подлежащие причинному анализу лишь в дальнейшем, то он выражает крайнее огорчение по поводу того, что „Фалькнер только систематизирует, но отнюдь не задумывается над основными процессами хозяйственного развития“ и, что „это чисто схематическое деление, ничего не говорящее по существу дела“ (стр. 224).

Когда я констатирую целый ряд тенденций восстановления довоенных соотношений в системе мирового хозяйства, то Спектатор развязно заявляет, что „Фалькнеру необходимо доказать, что в этом лучшем из миров идет к лучшему“ [2] (стр. 224). Когда же я констатирую факт тяжелого состояния английской промышленности, то развязный критик заявляет решительный протест против того, что,

---

[1] В порядке дискуссии. *Ред.*

[2] Я долго думал, почему мне это может быть „необходимо“ доказать, но так и не додумался! Может быть Спектатор это разъяснит?

„начав за здравие капитализма, он (т. е. я) кончает за его упокой“ (стр. 230).

При таком „свободомыслии“, когда критик не в состоянии привести в порядок содержимое собственной черепной коробки, так что его „идеи“ сплошь и рядом сами себя опровергают, нередко оказываешься перед вопросом: на что, собственно, нужно отвечать? Нередко простое сопоставление отдельных суждений Спектатора друг с другом или его суждений с положениями и материалами моего доклада делает совершенно ненужным разбор его „аргументов“. Поэтому я многое и оставляю совсем без ответа, тем более, что обуревающая его жажда возражать и протестовать решительно против всего, что говорит кто нибудь другой, находится в разительном противоречии с его полным бессилием сказать что либо действительно существенное, с чем можно было бы хотя бы отчасти считаться. Я остановлюсь поэтому только на избранных примерах критического творчества Спектатора.

Вот, например, образчик его „теоретического анализа“. Пересказав вкратце мои определения четырех типов динамических процессов, он начинает их исследовать. „Читатель недоумевает: зачем употреблять иностранные выражения для того, чтобы потом перевести их на русский язык; проще было бы сказать их по-русски. Но тогда нельзя было бы дать определения этим словам потому, что как то неловко русское слово объяснять в докладе, а иностранное слово можно перевести на другой язык, и выходит, что даешь объяснения какому то процессу“.

Как не признать после такой вдохновенной критики, что никаких динамических процессов на свете не существует?

„Аналитику“ и в голову не приходит, что задача научного построения понятий заключается не в том, чтобы определение понятия не имело ничего общего с его наименованием, а в том, чтобы положить в основу построения понятия экономически существенный признак, сразу выделяющий целую группу существенных явлений или процессов, подлежащих исследованию. И чем меньше при этом приходится разъяснять и растолковывать, тем лучше. Плодотворность построенных понятий определяется возможностью в дальнейшем связать их в определенную логическую систему, охватывающую возможно более последовательно и экономно всю массу аморфного или хаотического на первый взгляд материала, а затем и установить между ними порядок функциональной и причинной зависимости, который воздвигается на основе первоначальной логической систематизации явлений.

Питая решительную неприязнь к иностранным терминам, Спектатор берет на себя благодарную задачу перевести их (на основе моих же определений) на русский язык. Приэтом вместе с подавляющим большинством „популяризаторов“ он неизменно впадает в вульгаризацию разъясняемых им понятий. „Деградационные, — пишет он, — или правильнее сказать разрушительные процессы вызываются (по

Фалькнеру) внешними факторами“. В этой одной маленькой фразе содержится одновременно и вульгаризация и передержка. Деградационные процессы нельзя называть разрушительными, потому что они не всегда сводятся к простому разрушению и не только к нему. Я и определяю их как „сжатие жизнедеятельности хозяйственного организма“. Неверен „перевод“ Спектатора и филологически, ибо латинский корень этого слова означает буквально перемещение с высшей ступени на нисшую, упадок, а не простое разрушение. Что же касается факторов деградации, то, как значится в тексте моего доклада, „эти процессы в большинстве случаев вызываются теми или иными внешними факторами, нарушающими ход хозяйственной жизни, но иногда они вызываются и явлениями, развивающимися в пределах данной системы“ (стр. 174). Не будучи в состоянии удержаться от передержки, Спектатор произвольно выбрасывает слова „в большинстве случаев“ и заявляет, что „Фалькнер знает только внешние факторы, нарушающие ход хозяйственной жизни“.

В выходящей вскоре из печати книге „Динамические процессы в современном мировом хозяйстве“, краткой сводкой выводов которой и явился указанный доклад, при рассмотрении возможных факторов деградации, я указываю буквально на „обострение внутренних противоречий между отдельными группами социального комплекса, которое приводит к отвлечению трудовых сил от процесса производства и к растрате их в процессе междугрупповой борьбы“. Для иллюстрации этого положения можно указать, что знаменитая трехмесячная забастовка английских углекопов в 1921 году, которая сама по себе была лишь выражением максимальной остроты послевоенного промышленного кризиса и в этом аспекте была совершенно закономерной, явилась в свою очередь важнейшим фактором упадка английского хозяйства в этом году и сжатия работы английской промышленности из-за недостатка топлива. Аналогично повлияла и пятимесячная забастовка американских углекопов в 1922 году. И, наоборот, сравнительная незначительность случаев активной социальной борьбы в Советской России является немаловажным фактором быстрого восстановления ее хозяйства за последние годы.

Ничего вразумительного Спектатор не в состоянии сказать и о процессах негативного восстановления, кроме охов, ахов и пожимания плечами.[1] Больше всего его угнетает то, что „на все возможности мира сего придуманы схемы“ (стр. 224). Против этого он решительно возражает. Он хочет жить „скромно“ и главное без всяких схем.

[1] При такой духовной беспомощности Спектатор не брезгает и подтасовкой фактов. В то время, как у меня речь идет о сжатии некоторых элементов хозяйства Соединенных Штатов после войны (сельское хозяйство, торговый флот), остающихся все же и ныне на более высоком уровне, чем до войны, Спектатор изображает дело так, как будто бы речь идет о сжатии всего американского хозяйства и удивленно спрашивает: „Ф. отмечает передвижение центра мирового производства к Соединенным Штатам. Но ведь там происходит «негативный», а в Европе «позитивный» процесс «восстановления». Как вяжется одно с другим?“ (стр. 224, прим.).

Интересно, на какого читателя расчитаны подобные подтасовки?

Жить без всяких схем это бесспорное право каждого гражданина вселенной. Но в этом случае зачем же делать вид, что желаешь иметь какое то отношение к научной работе?

Посмотрим, однако, что собственно в состоянии противопоставить Спектатор нашему анализу и классификации типов динамических процессов в послевоенном мировом хозяйстве. Всю свою мудрость он формулирует в следующем заключении: „в капиталистических странах нет никаких восстановительных или деградационных процессов, а имеется только тяжелая борьба, как внутри отдельных стран, так и в особенности на мировом рынке“ (стр. 236). Только и всего! Это конечно хорошо, что Спектатор знает азбуку политической экономии. Но совсем нехорошо, что он пытается ссылками на нее затушевать свое бессилие сказать что либо относящееся к существу вопроса. Ведь тяжелая борьба, „как внутри, так и в особенности...“, характеризует собою все двухсотлетнее развитие капитализма! Больше того, как известно, из той же азбуки, она является важнейшим стимулом развития производительных сил в эту эпоху, который колоссально ускоряет темп этого последнего, побуждая капитализм изыскивать новые методы производства и создавать новые системы экономических связей. И эта самая тяжелая борьба нисколько не препятствует тому, что сквозь зигзаги ее осуществляется целый ряд динамических процессов большой важности, основы исследования которых были заложены Марксом. Поэтому, когда мы имеем перед собой специфические условия послевоенного времени с их сложными сочетаниями ряда противоборствующих друг другу тенденций, нужно заниматься не болтовней о „тяжелой борьбе“, а конкретным исследованием факторов, создающих эти новые условия, и типов динамических процессов, развивающихся в этой новой обстановке.

Что может возразить Спектатор против нашего перечисления факторов деградации и деформации современного мирового хозяйства, которое мы дали в тезисах, и что он может противопоставить ему? Решительно ничего. Ему и остаются поэтому истерики, расчитанные на крайнюю снисходительность читателя.

II

Не довольствуясь изложенными „возражениями“ против нашего аналитического подхода и систематизации исследуемого материала, Спектатор считает своей обязанностью возражать и против принятого нами метода исследования. Основной задачей нашего доклада являлся сравнительный анализ темпа хозяйственного восстановления отдельных стран и частей мирового хозяйства и, в частности, сравнение темпа восстановления хозяйства СССР с одной стороны и хозяйства западных стран—с другой за все послевоенное время. При этих условиях и при огромном количестве подлежащих

исследованию материалов единственно возможным методом было выделение годовых показателей. Ибо, во-первых, отдельные месячные зигзаги столь большого периода (7 лет) слишком многообразны и поэтому просто несравнимы между собой, а во-вторых, в качестве показателей развития, а не кратковременных колебаний и сдвигов, они не существенны по сравнению со средними годовыми данными, ибо последние учитывают всю сумму колебаний в течение каждого данного года. Больше того, постоянное наблюдение за этими кратковременными конъюнктурными колебаниями почти неизбежно приводит к утрате перспективы, к тому, что размах данного конкретного сдвига приобретает самостоятельное значение независимо от того уровня, на котором он происходит. В результате такой утраты перспективы мы и наблюдаем, что нередко даже опытные журналисты чуть ли не каждые полгода оповещают мир об очередной гибели капитализма. Но Спектатор не может не протестовать.

„Нужно вспомнить,—заявляет он,—что характерная черта послевоенного капитализма заключается именно в том, что нет ни одного года без сильнейших потрясений в области хозяйства“ (стр. 226).

Изменения хозяйственного положения в пределах каждого года подлежат, конечно, исследованию, как и всякие другие, хотя для этого требуется применение совсем иных методов, чем те, которыми пользуется Спектатор. A priori, однако, можно сказать одно: поскольку мы говорим об изменениях хозяйства, как такового в пределах одного года, постольку гибели капитализма из них выжать невозможно. Для этого нужны либо внутренние факторы гораздо большей динамической силы и размаха, либо внешние силы большого разрушительного действия.

За всем тем, однако, большая колеблемость хозяйственного положения после войны не подлежит никакому сомнению; но она вызывается не столько увеличением размаха и быстроты конъюнктурных колебаний, сколько нарушением этих последних внешними факторами деградации, указанными в моем докладе и в моих тезисах. Исчислять же чисто внешне колеблемость хозяйственных кривых, находящихся под влиянием совершенно различных событий, как например, мировой промышленный кризис в 1921 г., пятимесячная забастовка углекопов в Соединенных Штатах в 1922 году, оккупация Рура в 1923 году, второй промышленный кризис в Соединенных Штатах в 1924 году [1], стабилизационная депрессия в Англии и кредитная в Германии в 1925 г., значит смешивать в одну кучу совершенно разнородные явления и не проявить ни малейшего желания или умения разобраться в них.

Оглядываясь назад на все истекшее семилетие, можно с полной определенностью установить, что если

[1] Нужно сказать, что быстрая смена подъемов и депрессий является характерной чертой всего новейшего (довоенного) развития Соед. Штатов. Так напр., Гарвардская школа считает одной из важнейших своих заслуг установление повторности конъюнктурных циклов в этой стране каждые 3½ года уже до войны.

кульминационным пунктом мирового хозяйственного кризиса после войны был кризис 1921 года, то наиболее обостренным моментом международно-политического положения был период оккупации Рура в 1923 году.

Если выравнивание хозяйственного положения большинства стран за истекшие годы совершенно неопровержимо устанавливается всеми приведенными в моем докладе цифрами и диаграммами, то теперь наряду с этим можно с той же определенностью установить и выравнивание международно-политических и международно-хозяйственных отношений. После Вашингтонской конференции, после принятия и осуществления плана Дауэса, после эвакуации Рура, после консолидации большинством стран своих международных долгов, после Локарно, наконец после нового проэкта о распределении мировых рынков сбыта (последние три факта произошли уже после прочтения моего доклада) отрицать это — все равно нравятся ли нам эти факты или нет—могут только те, кто не хочет ничего видеть.

Но Спектатора все это мало интересует.

Если метод не дает желательных ему результатов, то, значит метод никуда не годится. И по обыкновению, не будучи в состоянии ничего сказать по существу, он пугает читателя гиперболами.

„Чтобы мы сказали об экономисте, — вопрошает он, — который заявил бы, что он изучает историю капитализма не по годовым данным, а по средним данным за 10 или за 50 (!) лет... Мы бы после Маркса посмотрели на него, как на оригинала и только“ (стр. 227). Если хотеть исследовать темп капиталистического развития, то именно так и нужно поступать, сравнивая между собою средние за целый ряд лет. При сравнении между собою отдельных годовых показаний, это вопрос просто неразрешимый. Конкретно: наиболее рационально для этого брать средние за целые конъюнктурные циклы (7-11 лет), дабы все фазы конъюнктурного подъема и упадка оказались учтенными. Если же хотеть исследовать влияние на темп экономического развития какого нибудь отдельного события большой важности, то можно брать среднюю и за гораздо более продолжительный период вплоть до устрашающих Спектатора 50 лет. Все это настолько элементарно, что поневоле испытываешь чувство стыда, когда видишь, что Спектатор даже здесь со всей возможной развязностью ссылается на Маркса, пытаясь хоть этим именем прикрыть свое духовное убожество.

III

Но если при любом соприкосновении Спектатора с каким либо теоретическим вопросом выявляется его слабая способность к теоретическому мышлению, то совершенно поразительную картину представляет собою его обращение с цифровым материалом. Как известно,

статистика по вопросам современного мирового хозяйства чрезвычайно велика и многообразна. Расхождение между отдельными цифрами и показателями нередко весьма значительно в зависимости от источника регистрации, от органов первичной обработки и от задач и методов тех экономистов и статистиков, которые придают материалу наиболее обобщенную форму и предлагают его для решения тех или иных вопросов. Все это требует крайне осторожного отношения к данным международной экономической статистики, точного знания, как социальной, так и чисто статистической природы каждого данного источника и большой предварительной работы по сопоставлению и взаимной проверке имеющихся весьма различных показаний. Это требует далее, поскольку перед нами стоит задача динамического исследования, возможно более полного сопоставления показателей за все послевоенные годы, составления сплошных рядов, как принято выражаться в современной статистике.

Все эти требования Спектатору совершенно чужды. Он пользуется давно испытанными методами, дающими легкую победу любому журналисту. Беда только в том, что длительность такой победы ограничена периодом, протекающим до появления следующей книжки журнала.

Методы эти сводятся, во-первых, к тому, чтобы пользоваться только теми цифрами, которые данному журналисту улыбаются, тщательно устраняя из поля зрения читателя все, что ему кажется несимпатичным; во-вторых, хватать первые попавшиеся цифры и оценки, не заботясь об их социально-статистической природе, и, в третьих, ограничивать период, к которому данные цифры относятся, возможно более коротким сроком, искупая иногда явную отрывочность этих цифр,—тем, что они относятся к самому последнему времени. Ставка на чувствительность читателя к „последним сообщениям“ была уже многократно испытана и почти всегда давала хорошие результаты.

Цифры Спектатора необычайно обрывочны. Сплошные ряды сопоставляются им по преимуществу за 7 месяцев 1925 года, к которым прибавляются данные иногда за предшествующий, а иногда и за 1923 г. (если они говорят то, что устраивает Спектатора). В тех же случаях, когда он проводит сколько нибудь полные данные, он либо попадает в совершенно конфузное положение (сам того не понимая), либо повторяет то, что уже указано в моем докладе (как, например, с данными о потреблении хлопка), только уклоняясь от объяснения причин рассматриваемых явлений.

Что говорят цифры Спектатора и что он говорит на основании их, может показать следующий пример. Спектатор возражает против суммирования посевных площадей хлебов во всем мире, т. е. включая СССР. „Так как действительное развитие капиталистических стран,—пишет он,—значительно отличается от развития нашего Союза, то для более правильного понимания развития капиталистических стран необходимо разделить эти данные, тогда мы получим

совершенно иную картину“ (стр. 227). Для выявления этой „совершенно иной картины“ он сопоставляет данные о посевных площадях 4 хлебов, которые сводятся к следующему:

1909-1913 г.г.	164,1	милл. гект.
1921-1922 „ „	174,1	„ „
1922 г.	175,2	„ „
1923 „	177,0	„ „
1924 „	175,0	„ „

„Эти данные,—умозаключает затем Спектатор,—скорее говорят о застое, чем о плавном восстановительном процессе“ (стр. 228). Позвольте, почтеннейший! Какой уж тут „восстановительный процесс“, когда речь идет о 107-108% довоенного производства!? Что же касается застоя, то он здесь где то несомненно есть, совсем близко, но только не в движении мировых посевных площадей.

Но здесь, как и в большинстве других случаев, можно вскрыть не только мыслительные, но и чисто статистические пробелы Спектатора. Как известно, за океаном важнейшим кормовым средством является кукуруза, посевы которой, например, в Соединенных Штатах занимают половину всей площади. Исчисление по сумме 4 хлебов без кукурузы является поэтому статистически недопустимым. Недопустимо оно также и экономически, ибо одним из важнейших процессов истекшего периода было расширение посевов пшеницы за океаном за счет сжатия посевных площадей кукурузы, который в последние годы сменился обратным процессом—расширением посевов последней за счет сжатия посевов пшеницы, с общей тенденцией восстановления их довоенного соотношения. Поэтому исключая из расчета столь важную культуру, как кукуруза, мы неизбежно получим картину, искаженную не только статистически (количественно), но и экономически (качественно). Правда, готовых итогов по кукурузе за последний год Спектатор в заграничных статистических изданиях не нашел. Но тогда нужно было попытаться подсчитать их самому, что и было выполнено для нашего доклада Сектором Мирового Хозяйства. Для этого, правда, нужно уметь и хотеть считать даже тогда, когда результаты подсчёта оказываются не вполне соответствующими благопожеланиям Спектатора.

Совершенно смехотворны рассуждения Спектатора о продукции угля. „Примером чистого восстановительного процесса,—пишет он,—является для Ф. производство угля во Франции, Германии и СССР. Между тем и во Франции, начиная с апреля месяца (слушайте, слушайте! С. Ф.) идет сокращение производства, а Германия, как известно, пережила чрезвычайные потрясения как раз в этой области, и если добыча угля у нее еще продолжает оставаться на высоком уровне, то одновременно растут также запасы на шахтах, которые достигли невероятной величины (в Рурском районе к концу июля они превышали $3^1/_4$ милл. тонн)“ (стр. 229, курсив наш).

Нельзя не преклониться перед блестящими способностями Спектатора опровергать все, что угодно. Когда во Франции в течение $6^1/_2$ лет с 1919 по 1925 г. добыча угля систематически растет с 49% довоенной нормы до 108% в первые месяцы текущего года, то это для Спектатора, конечно, не имеет никакого значения по сравнению с тем, что в апреле и мае текущего года продукция падает на несколько пунктов, чтобы вновь повыситься в следующие месяцы и при этом остаться даже в период падения на уровне 103,5—105,5% довоенной нормы. Реальные цифры текущего года таковы (в милл. тонн):

1913 г.	
Средняя месячная	3,72
1925 г.	
Январь	4,17
Февраль	3.81
Март	4,14
Апрель	3,92
Май	3,83
Июнь	3,88
Июль	3,93
Август	3,86

Как видно отсюда, сокращение продукции ничтожно, кратковременно и объясняется в значительной мере сезонными условиями (лето).

Но когда человеку нездоровится, то он крайне пессимистически оценивает будущее всего человечества. Поэтому рядом с Францией появляется Германия, которая пережила, как оказывается, „чрезвычайные потрясения“ как раз „в этой области“. Опять таки не существенно, что продукция Германии поднялась с 1919 по 1922 г.г. с 62,5% до 87,3%, а затем упав в 1923 г. под влиянием борьбы за Рур до 44%, вначале текущего года давала уже до 94% довоенной нормы. Как не признать „чрезвычайным потрясением“, что в одном только июне текущего года продукция упала до 84,5%, чтобы в июле вновь подняться до 95,7%, а в августе до 93,5% довоенной нормы?

Но Спектатора не проведешь. Он отлично понимает, что германские промышленники работают себе в убыток. Они ведь сами говорят если не об этом, то о чем то весьма сходном! И Спектатор уверенно ссылается на заявление германских угольных баронов: „чего в настоящее время... не достает, это здорового прогрессивного развития промышленности и торговли“ (подчеркнуто Спектатором, стр. 231). Ну, а раз они сами об этом говорят, то какие же могут быть сомнения?

Правда, любой мальчик из булочной мог бы объяснить Спектатору, что „товарищи промышленники“ всегда жалуются на плохие дела, видя в этом единственный способ уберечь свои барыши от алчных притязаний рабочих, требующих повышения заработной платы, фиска, требующего новых налогов, и потребителей, требующих сни-

жения цен. Но Спектатор привык верить людям на слово, по крайней мере тогда, когда они почему-либо подтверждают его пессимистические выводы. Он ведь не какой-нибудь мальчик из булочной и видит сам, что запасы на угольных шахтах достигли по его словам „невероятной величины". На поверку, однако, выходит, что эта „невероятная величина" ($3^1/_4$ милл. тонн) составляет лишь 10-14 дневный запас современной продукции Рурского бассейна (8-9,5 милл. тонн в месяц).

Почему эту величину нужно признать „невероятной", остается секретом изобретателя! На поверку далее выходит, что и эти запасы в самое последнее время уменьшаются и составляют по отношению к запасу на конец января текущего года: [1]

в конце января	100,0%
„ „ апреля	121,5%
„ „ мая	118,4%
„ „ июня	115,4%
„ „ июля	112,7%

Мы с сожалением сообщаем об этом Спектатору, лишь считаясь с его пристрастием к „последним известиям", хотя сами не придаем им решительно никакого значения.

Это же статистическое легковерие и, больше того, статистическая неразборчивость Спектатора ставит его в явно конфузное положение в истории с бурым углем.

Как известно, Германия, испытывавшая в истекшие годы весьма тяжелый угольный голод, чрезвычайно энергично развивала свою продукцию бурого угля, которая в настоящее время почти в $1^1/_2$ раза превышает довоенную норму. [2]

Учитывая теплотворную способность бурого угля, я исчисляю в докладе, что продукция его давала в 1913 г. прибавку к каменному углю в 30%, а в 1924 г.—в 50%. Именно благодаря дешевому бурому углю Германии, как известно, удалось колоссально расширить свое электроснабжение, увеличившееся за это время больше, чем в 3 раза, с 2,2 миллиарда килоуаточасов в 1913 г. до 7,2 миллиардов в 1922 г.

Совершенно естественно, что Спектатор должен протестовать. Беря данные из годового отчета Reichskohlenverband (который по его же заявлению является органом „германских угольных баронов" (см. стр. 231), он заявляет, что прибавка к каменному углю бурого угля дала в 1913 г. 13,7%, а в 1924 году 23,2%, „вместо 50% по Фалькнеру", а посему „общий топливный баланс Германии по Ф. со-

[1] „Wirtschaft und Statistik", № 19 за 1925 г.

[2] Спектатор по этому поводу „поправляет" меня: не „почти в $1^1/_2$ раза", как сказано в моем докладе, а только на 42,6%. Мои почти 150% однако, как ясно у меня сказано (см. стр. 184), относятся к „настоящему времени", т. е. к 1925 году, а 142,6% Спектатора—к 1924 году! Как не оценить по заслугам критического пафоса Спектатора?

ставлял в 1924 году 97% довоенного, а на самом деле всего 91,5%" (стр. 230).

В чем же дело? И откуда причины такого расхождения? Дело исключительно в статистическом легковерии и статистической неряшливости Спектатора. Угольные бароны поймали его, сотрудника Коммунистической Академии, на свою удочку! Как известно, о вольных и невольных дефектах германской статистики чирикают все воробьи на крышах. Преуменьшенность даже оффициальных данных о посевных площадях и урожаях, о ввозе и вывозе и о целом ряде других вещей вскрывалась неоднократно за последнее время в германской экономической литературе. Об этом известно всем, кроме Спектатора, и все поэтому, пользуясь германскими статистическими данными, прямо оговаривают факт их преуменьшенности. С углем дело обстоит несколько иначе. Изменить регистрационные данные о ежемесячной добыче угля в силу ряда организационных моментов довольно трудно. Но там, где дело идет о каких либо пересчетах и особенно там, где эти пересчеты предпринимаются организациями промышленников, заинтересованных в изображении своего положения, если не плачевным, то, по крайней мере, неудовлетворительным, там творческая фантазия и „понижательные тенденции" приобретают все права гражданства. В самом деле, деля абсолютные цифры (приведенные тут же Спектатором) одну на другую, мы получим, что бурый суммируется с каменным из расчета, что теплотворная способность первого равна 22,2% таковой каменного угля. Беда только в том, что бурого угля столь низкого качества в Германии не существует, или, во всяком случае, он не добывается! Даже русские бурые угли, по Рамзину, дают 40-45% теплотворной способности каменного угля. По справке топливной секции Госплана, сообщенной нам, теплотворная способность германского бурого угля в среднем составляет 47,8% таковой каменного угля. На основании этого коэффициента мы и произвели наш расчет топливного баланса Германии задолго до появления указанного отчета германского угольного союза, который является единственным источником познания для Спектатора.

Ибо Спектатор, как мы уже знаем, считать сам либо не хочет, либо не умеет. Он умеет пользоваться только готовыми цифрами и только в тех случаях, когда они его устраивают.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы характеризовать всю тонкость методов исследования и полемики Спектатора. Дальше идет все то же. Либо приводятся от своего имени те же цифры, что и у нас согласно старому правилу: „его же добром, ему же челом"; либо они используются с парой ляпсусов в силу слабой осведомленности сего полемиста о природе статистических материалов (так, например, Спектатор и не подозревает, что приводимые им из английских источников цифры потребления хлопка включают совершенно фантастические данные по СССР, что отражается и на итоге

по всему континенту Европы);[1] либо, наконец, приводятся данные, которые нисколько не противоречат нашим, как, например, о производстве и экспорте стали, но будучи ограничены чрезвычайно куцым отрезком времени могут служить утешением лишь для тех, кто за ничтожными колебаниями нескольких месяцев может забыть о всех событиях истекшего семилетия. Все это уснащается большой дозой журналистской развязности[2] и еще большей дозой скепсиса, становящегося надежной броней, предохраняющей со всех сторон сознание Спектатора от нежелательных восприятий. Так, например, вопреки нашим данным, он с радостью сообщает, что „общий индекс валюты вновь показывает понижение, в августе индекс стоял уже не на 80%, а на 76,36%“ (стр. 235). Мы с огорчением вынуждены констатировать, что мировой индекс валюты никогда 80% не достигал, а лишь на один месяц с апреля по май повысился с 78,96% до 79,62%, после чего снизился в июне до 79,23%, а затем стал вновь продолжать свое повышательное движение, достигнув в сентябре вновь 79,41%. Это легко видеть при сопоставлении сплошного ряда, а не отдельных случайных цифр, которыми можно поразить лишь совершенно неосведомленного читателя:

1925 г.

Январь	79,13
Февраль	78,93
Март	78,87
Апрель	78,96
Май	79,62
Июнь	79,23
Июль	79,32
Август	79.36
Сентябрь	79,51

Не расчитывая, повидимому, на особенную убедительность этих случайных цифр, Спектатор и здесь не может удержаться от подтасовки. „Вопрос не в высоте курса какой-либо страны, а в стабильности его, между тем как Ф. на основании подъема курса делает заключение об устойчивости его“ (стр. 235). Если это не подтасовка, то пусть Спектатор укажет, где я делаю такое „заключение“.

В заключение отметим следующее: Спектатору, как известно, катастрофически не везет на прогнозах. Еще совсем недавно он заявлял твердое убеждение в невозможности урегулирования международных долгов, стабилизации даже английской валюты, не говоря уже о других и т. д.[1] Достаточно оказалось самого короткого срока после фиксации его „прогноза“ для того, чтобы выяснилось, что как долги, так и валюта, его подвели. Что делать в таком положении? Можно было бы, конечно, прямо и откровенно признать свои заблуждения. Но Спектатор предпочитает уныло бубнить свое и утверждать, что и до сих пор солнце вертится вокруг земли:—„точно также,—заявляет он,—еще рано говорить об устойчивости германской валюты (по крайней мере на внутреннем рынке) и даже устойчивости английской валюты“!! (стр. 225).

[1] Следует отметить также, что ставя ставку почти всюду на „последние сообщения“ Спектатор по хлопку доводит данные лишь до 1923/24 г., скромно умалчивая, что в 1924/25 г., они всюду дают заметное повышение.

[2] Примером может служить следующее заявление: „И это, повидимому, не случайные ошибки, ибо Ф. в целом ряде мест приводит неточные данные—в пользу восстановительного процесса“ (стр. 230). Я предоставляю читателю самому оценить этот стиль, особенно на фоне всего изложенного в тексте.

IV

Но есть один пункт, где Спектатор чувствует себя неуязвимым. Здесь он отдыхает душой после опасных странствований по волнам мировой статистики и безнадежного пыхтения над теоретическими схемами.

Это вопрос о судьбах мирового капитализма и о перспективах мировой революции. Так или иначе он возвращается к нему при каждом удобном и неудобном случае и вызывает на бой всех буржуазных экономистов, белогвардейцев, контрреволюционеров и прочих необразованных людей.

Решение проблемы гибели капитализма, как социального строя, не входит в число задач сектора мирового хозяйства Госплана, от имени которого делал свой доклад автор этих строк. Для решения его имеется „Институт мирового хозяйства и международной политики“ при Комакадемии, где он, как мы слышали, трудами Спектатора уже почти окончательно разрешен. Упоенный своими достижениями в этой области, сей ученый мужчина и не представляет себе никаких иных целей научно-экономического исследования, кроме работы „во здравие“ или „за упокой капитализма“.

Мы можем указать, однако, на то, что ответственнейшие руководители советской партийной политики относятся к вопросу совершенно иначе, чем Спектатор. Уже в прошлом году И. В. Сталин прямо указал на процесс восстановления Германии в значительной мере под влиянием притока американских капиталов. В начале текущего года И. В. Сталин прямо констатировал: „Несомненно, что капиталу удалось выкарабкаться из трясины послевоенного кризиса.... Не может быть сомнений, что современем должны победить отрицательные благоприятные для революции тенденции.... Но несомненно также и то, что в настоящий момент берут верх тенденции положительные, благоприятные для капитализма“.[2]

[1] См. о первом его статью „Международные долги“ в №2 „Планового Хозяйства“, о втором—книгу „Валютные реформы“ Москва, 1925 г.—В настоящее время он уже решительно отказывается от всяких прогнозов: „Мы более скромны,—пишет он теперь, и довольствуемся, когда мы в состоянии понимать настоящие фазы развития“ (стр. 224).

[2] И. В. Сталин: „К международному положению и задачам компартий“. „Правда“ от 22 марта 1925 г.

Почти в тоже время Г. Зиновьев в юбилейном номере „Правды“ заявил, что „Эпоха мировой революции началась в 1917 г., она окончится через несколько десятилетий“.

Так мыслят и говорят ответственные руководители политики. Но что до этого безответственному журналисту, живущему целиком интересами момента и считающему необходимым каждодневно доказывать всем свою „ррреволюционность“ воплями о „гибели“ капитализма по поводу каждого нового конъюнктурного или деформационного сдвига на Западе?

Впрочем, маленькие словечки „еще“, „пока“ и „даже“, которые Спектатор усиленно вворачивает во все свои резолютивные суждения по этому поводу (см. стр. 236, 237 и др.), краснея от стыда, говорят читателю, что он журналист бывалый и что он не прочь застраховать себя на все возможные случаи.

„Динамические процессы в современном мировом хозяйстве“ [1]

Редко случалось мне читать работу, до такой степени лишенную всякого логического остова, представляющую собой просто кучу „разрозненных членов“, как доклад проф. Фалькнера. Для читателя, знакомого с фактами по первоисточникам, прочесть ее до конца — настоящее испытание...

Меня во время чтения особенно поразила та пропасть, которая отделяет нас, учеников Маркса и Ленина, от буржуазных экономистов даже Советской России. Какова должна быть сила буржуазной идеологии, если в докладе Фалькнера, уже несколько лет подвизающегося в Советской России, нельзя найти ни одной марксистской мысли, ни одного марксистского понятия, ни одной ленинской черточки! Этот доклад мог бы с таким же успехом быть сделан каким нибудь французским или американским апологетом капитализма. Учения Ленина и Маркса, повидимому, вообще не существуют для Фалькнера: то ли они отскочили, как горох от стены, от его буржуазного классового сознания, то ли он отвергает их сознательно-демонстративно, хотя и втихомолку, Доклад Фалькнера должен служить нам напоминанием о том, сколько нам осталось еще сделать на идеологическом фронте.

За полным отсутствием марксистско-ленинской основы мы не только не находим у Фалькнера ответа на важнейшие проблемы современного мирового хозяйства, — этого, конечно, нельзя было бы и ждать от него,—но он просто проходит мимо этих проблем, да и вообще мимо всех проблем! Великих противоречий капиталистического строя вообще и в послевоенное время в частности он даже не касается в своем докладе, они для него не существуют. [2]

Существуют только абстрактно-экономические „динамические процессы“: деградация, восстановление, общая эволюция. Диалектика процесса перетолковывается в мнимую гармонию — правда, перетолковывается с величайшей смелостью. Ибо поистине нужна смелость для того, чтобы просто включить хозяйство Советской России в капиталистическое мировое хозяйство, даже и неупоминая о фундамен-

---

[1] См. доклад проф. Фалькнера, напечатанный в № 10 „Планового Хозяйства“.

[2] Только иногда он как будто чувствует, что у него концы не вполне сведены с концами. В четырех-пяти местах его доклада попадаются выражения: „удивительно“, „весьма странно“—там, где кое-что не ладится в его построении. Но на этом он и кончает с вопросом.

тальной разнице между хозяйством в буржуазном государстве и в государстве пролетарской диктатуры. Мы утверждаем поэтому: доклад Фалькнера не имеет (мы не касаемся пока собранного им цифрового материала, о котором поговорим после) решительно никакой научной ценности.

Наше мировоззрение, наши проблемы

Современная действительность являет несравненно более сложный и противоречивый вид, чем нарисованная Марксом картина развивающегося „свободного" капитализма или набросанная Лениным в ее главных чертах картина империализма. До сих пор не нашлось, к сожалению, никого, кто сумел бы дать столь же превосходное изображение современности. Все же в самом грубом виде ее можно обрисовать следующими чертами:

1) Советская Россия быстро поднимается экономически. Дано эмпирически-осязательное доказательство того, что возникшие внутри капитализма громадные производительные силы могут непосредственно управляться рабочим классом, без класса капиталистов. Русский пролетариат доказал ненужность капиталистического класса. В течение нескольких лет обнаружится превосходство пролетарского планового хозяйства над анархией капитализма. Уровень жизни пролетариата в Советском Союзе будет гораздо выше уровня европейских капиталистических стран. Рухнет одна из самых важных опор капиталистического строя: вера широчайших слоев пролетариата в незаменимость капиталистов, в неустранимость капиталистического господства. Тем самым будет расчищен путь для революционизирования подавляющего большинства пролетариата.

2. Колониальные народы Азии и Сев. Африки восстают против своих угнетателей. Освобождение 1000 миллионов угнетенного крестьянского населения колониальных стран поставлено в порядок дня. Этим уничтожается фундамент капитализма—монопольная эксплоатация колониальных народов.

3. Упадок капиталистической Европы. Западная Европа потеряла свое преобладание в мировом хозяйстве. Несмотря на бесспорную тенденцию к стабилизации за последние 1-2 года, общее ее развитие за весь рассматриваемый период идет по нисходящей линии. Выключение Советской России, революция колониальных народов, подъем Соединенных Штатов Америки—таковы главнейшие факторы этого процесса. Но он совершается не прямолинейно и не равномерно. Бывают моменты краткого подъема; длительные периоды кризисов чередуются с „периодами стабилизации" без всякой равномерности. В периоды кризисов классовый антагонизм буржуазии и пролетариата обостряется до революционных вспышек; во времена стабилизации внутренняя борьба затихает, но тем резче выступает

наружу напряженность внешних отношений. Несмотря на боязнь революции в случае возможной войны, буржуазия продолжает вооружаться до зубов, проповедуя в то же время вечный мир, организуя Лигу Наций и устраивая мировые конференции.

4. Подъем Соединенных Штатов, английских заокеанских колоний и Южной Африки на капиталистическом базисе. Основы капиталистического строя здесь еще не поколеблены, но на его развитии уже сказываются события в Советской России, Азии и нисходящей Европе.

В сжатой форме эти основные черты могут быть резюмированы так:

Советская Россия быстро шагает вперед, Азия охвачена революционным брожением; капиталистическая Европа клонится к упадку, Америка еще продолжает подниматься вверх на капиталистической основе—таковы подлинные „динамические процессы" современного мирового хозяйства.

При этом возникает множество проблем, серьезных проблем, вопросов жизни и смерти для революционного пролетариата. Эти вопросы можно, пожалуй, разделить на две группы: на теоретические и хозяйственно-политические, хотя и это деление имеет более или менее внешний характер.

Основной теоретический вопрос представляется нам в следующем виде: [1]

Являются ли изменения в структуре современного капитализма настолько глубокими, что настоящий период должен быть выделен (подобно тому, как период империализма был отделен от периода капитализма) в качестве самостоятельной новой формы, в качестве „периода упадка", с выяснением его особых закономерностей, как это было сделано Лениным по отношению к империализму,—или же данный Марксом анализ свободного капитализма и ленинский анализ империализма вполне достаточны для настоящего периода?

С этой теоретической проблемой теснейшим образом связано множество хозяйственного-политических проблем. Например:

Как влияет факт социальной изоляции Советского Союза на темп его хозяйственного развития?

Произойдет ли освобождение азиатских народов под руководством буржуазии или же под руководством пролетариата. И, соответственно, возникнут ли из современного революционного движения в Азии сначала самостоятельные буржуазные государства, или же национальная и социальная революция азиатских крестьян и рабочих произойдет сразу?

Когда и как осуществится в Европе переход от капитализма к диктатуре пролетариата? Непосредственно в результате революцион-

[1] См. мой доклад в клубе плановых работников при Госплане: „К вопросу о стабилизации мирового капитализма". Москва. 1925 г.

ных гражданских войн или лишь после новой мировой войны, которая неизбежна, если ее не предупредит социальная революция?

Сумеет ли буржуазия нисходящих капиталистических стран, временно забыв взаимную вражду, сплотиться для общей борьбы против Советского Союза? И т. д. и т. д.

Мировоззрение Фалькнера

Фалькнер может ответить: все это меня нисколько не касается. Я не политик. Я занимаюсь только „чисто экономическими“ вопросами.

Но такой ответ был бы ложью. Кто в классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом объявляет себя „незаинтересованной стороной“, тот становится на сторону буржуазии. Кто уверяет, что он рассматривает современное мировое хозяйство „чисто-экономически“, тот занимается политикой в интересах буржуазии.

В самом деле. Из доклада Фалькнера, если разогнать туман динамических процессов, получается следующая картина:

Естественная вечная категория хозяйства есть капитализм. Капиталистическое мировое хозяйство восходит путем „обще-эволюционного процесса“ ко все более высоким ступеням благосостояния. Мировая война, т. е. „внешняя причина“, вызвала „деградационный процесс“. Но как только „внешние причины“ (напр., мировая война, гражданские войны и малые войны 1919-1921 г. г.—интервенция против Советской России, рурская оккупация и борьба за Рур, колониальные войны и война против Китая, см. 2 тезис Фалькнера) прекращаются, так тотчас же начинается „восстановительный процесс“, и в короткий срок разрушенное восстанавливается и производство достигает прежней высоты,—как он это и старается показать на цифровом материале. Новое восхождение, восстановление гармонического состояния не встретит никаких препятствий, если только „внешние причины“, т. е. новая мировая война, не вызовут нового „деградационного процесса“; или если удастся мирно ликвидировать последствия войны, [1] „деформирующие“ нормальное развитие мирового хозяйства (разумеется, капиталистического),—к каковым последствиям относятся (см. 3 тезис Фалькнера): образование множества новых стран, новая политика высоких протекционных пошлин, план Дауэса и проблема международных долгов. Словом: капиталистическое мировое хозяйство и капиталистический общественный порядок будут вечно жить и развиваться, если только у капиталистов хватит настолько ума, чтобы обходить все „внешние причины“, вызывающие процесс „деградации“ или „деформации“. (На нашем языке это значит: капитализм должен уничтожить именно свои имманентные, необходимо ему присущие противоречия,—что, конечно, представляет собой чистейшую бессмыслицу).

[1] При этом мне вспоминается поговорка шведских крестьян: „Кабы у моей тетки были колеса, она была бы омнибусом“.

Представление Фалькнера о действительности есть представление апологета капитализма. При этом, разумеется, совсем не важно, что его совершенно бессодержательные формулы: „борьба восстановительных процессов с деформационными“ (5 тезис) и т. д. явно претендуют на значение общеобязательных положений, относящихся не только к капитализму. [1] Как чисто формальные, бессодержательные положения они неисторичны, применимы ко всякому общественному порядку, ко всякой исторической эпохе. Но Фалькнер применяет их к современному капитализму; а в применении к последнему они дают картину гармонического, восходящего вечного капитализма, лишь бы „деградационные“ последствия мировой войны были нейтрализованы восстановительными процессами и лишь бы новые „внешние причины“ не нарушили еще раз богоустановленную гармонию. „Tout est pour le mieux dans le meiller des mondes possibles“.

Однако в этом представлении Фалькнера о действительности есть один любопытный и важный пробел: как представляет себе Фалькнер хозяйственное будущее Советской России? В конкретно статистической части своего доклада он прямо ставит Советскую Россию в один ряд с капиталистическими странами. Одни и те же „восстановительные процессы“ действуют и в Англии, и в Германии, и в Советской России. Но как собственно полагает профессор Фалькнер, будут ли восходящая Советская Россия и тоже, по его мнению, поднимающиеся империалистические державы вечно жить в мире друг с другом, как волк и ягненок после второго пришествия? Или же он думает, что образование Советской России есть тоже только „продукт деформации“, случайно возникший в силу „внешних причин“ и долженствующий, согласно смыслу его 5 тезиса, исчезнуть после победы „восстановительных процессов“, т. е. долженствующий вернуться путем мирного преобразования или контрреволюционного переворота в лоно единоспасающего капитализма? Мировоззрение Фалькнера было бы для нас гораздо яснее, если бы он был так любезен ответить на этот наш конкретный вопрос.

Именно потому, что в основу своего доклада Фалькнер положил ложное, апологетическое представление о каком то гармоническом „обще-эволюционном“ капитализме, он и проходит мимо всех проблем,

[1] Главнейший тезис Фалькнера, что с исчезновением внешних „деградационных“ причин тотчас же сам собою начинается восстановительный процесс, есть простое приложение к хозяйству формально логического принципа: Cessante causa cessant effectius. Однако, этот принцип, в том виде, как он прилагается Фалькнером к хозяйству, отнюдь не обладает безусловным значением. Возьмем, например, некоторые пустынные области Азии: стоило „внешней причине“, т. е. войне, разрушить бывшее там искусственное орошение, и когда то богатые, густо населенные области превратились на две тысячи лет в безлюдные пустыни. Никакой самодеятельный процесс восстановления так и не начался. Восстановительные процессы начинаются в анархическом обществе сами собой лишь тогда, когда разрушения могут быть восстановлены в рамках индивидуального хозяйства, в противном случае нужна известная организация.

имеющих для нас наиболее жгучий интерес. Для него нет необходимых имманентных противоречий в капитализме, а есть только „внешние“ и стало быть, случайные, и стало быть, устранимые—при надлежащей политике—„нарушения“. На протяжении всего своего доклада он не ставит ни одной проблемы, он ни разу не высказывает ни одного сомнения. Мистические „восстановительные процессы“ сами приводят все в порядок; мистические, потому, что читатель не узнает, кто субъекты этих восстановительных процессов, что их направляет и т. д. [1]

Все ведь так просто, все согласно стремиться к чистой гармонии на капиталистической основе.

Некоторые диссонансы в мировой гармонии Фалькнера

После всего сказанного едва ли стоит останавливаться на отдельных ошибках в изложении Фалькнера. Приведем только несколько примеров.

По Фалькнеру весною 1925 г. народный доход и реальная заработная плата составляли в процентах к довоенному времени:

	Народный доход: [2] Народное производство	Реальная заработная плата [3]
Франция	105-110	113—117
Англия	90	97—98
Германия	80	46—104

Относительно Германии он, кроме того, делает оговорку, что в действительности реальная заработная плата возможно еще выше, чем это указано в оффициальной статистике,—так как в Германии существует детенденция представлять хозяйственное положение страны в худшем виде, чем оно есть на деле.

По этому поводу мы хотели бы заметить следующее:

1) Всякий знает, что исчисляемые оффициальными органами индексы заработной платы неправильны: но погрешают они не тем, что преуменьшают реальную заработную плату, как воображает Фалькнер, а тем, что преувеличивают ее.

2) Если бы Фалькнер занимался не только прилежным собиранием всевозможных материалов, а также их переработкой и взаимной проверкой, то он нашел бы, что указанная величина реальной заработной платы находится в противоречии с имеющимися в тех же источниках данными о производстве и потреблении. [1] Известно, что душевое потребление хлеба, мяса, жиров, сахара и т. д. все еще гораздо ниже, чем до войны, и не подлежит сомненью, что хуже стали жить не буржуазия, не помещики и богатые крестьяне, а именно рабочие.

3) Но во что превратились бы так сильно подчеркиваемые Фалькнером „восстановительные процессы“, якобы снова ведущие капитализм на путь подъема, если бы его цифры были правильны? Если бы „народный доход“ отставал от реальной заработной платы? и отставал бы в Германии, напр., на 20%. Выражаясь по нашему, это значило бы, что хотя стоимость годовой продукции сейчас понизилась на $^1/_5$ против довоенной, но доля ее, приходящаяся на рабочий класс, осталась без изменений. (Так как число рабочих сейчас отнюдь не меньше, чем на равной территории в довоенное время, то высоту реальной заработной платы можно прямо отнести ко всему рабочему классу). Это указывало бы (если бы было верно) на огромное понижение нормы прибавочной стоимости, нормы прибыли. Более того, это означало бы такое огромное сокращение накопления, при котором восстановительные силы вовсе не могли бы действовать. Отсюда видно, какое бессвязное целое представляет собой доклад Фалькнера.

Весьма своеобразными чертами изображает Фалькнер хозяйственное положение Франции. Ее народный доход“ (народное производство) превышает, по его словам, довоенный уровень на 15%. (Не ясно, сравнивает ли он довоенную Францию с Францией в ее нынешних границах, включающих Эльзас-Лотарингию, или берет для сравнения прежнюю территорию Франции). Удивительно Франция потеряла в мировой войне около полутора миллиона своей лучшей мужской рабочей молодежи, сотни тысяч французов превращены в калек. Население не возрастает. Крестьянское хозяйство тяжко страдает от недостатка рабочих рук. Целые деревни—не в разоренных областях,—совершенно опустели. А в результате повышение народного дохода на 15%. На самом же деле во Франции процветает только экспортная индустрия, типичный нездоровый продукт инфляционной политики...

Фалькнер утверждает, что во Франции существует пошлина в 14 золотых франков на 100 кг. пшеницы. На самом же деле эта пошлина равняется 14 бумажным франкам. Пошлина в 14 золотых франков составляла бы почти 50% с цены, 14 бумажных франков составляет 11%.

По словам Фалькнера, во Франции расчитывали, что подписка на новый золотой заем даст 60 миллиардов франков, дала же она, говорит он, вероятно только 30 миллиардов. Ни один человек, не исключая

[1] Для марксиста ведь совершенно ясно: от высоты нормы прибыли зависит, сохранится ли возникшая во время войны промышленность в заокеанских странах, или погибнет под тяжестью конкуренции старых промышленных стран („деформация“ Фалькнера). Высота земельной ренты и нормы прибыли—вот что определит, будет ли хлеб засеваться, главным образом, в Европе, Соединенных Штатах, или в Аргентине; и т. д. У Фалькнера же мы находим вместо этого мистические процессы, как то выполняющие „общественно-полезные“ функции (стр. 3).

[2] 17 тезис.

[3] „Плановое Хозяйство“ № 10, стр. 209.

[1] См. Wirtchaft und Statistik, разные выпуски; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Reiches, 1924/25, стр. 306.

самого Кайо, не думал о 60 миллиардах; фактически подписка дала не 60 и не 30, а всего на-всего 6 миллиардов. И всякий, кто хоть сколько нибудь следит за французской политикой (как это можно требовать от человека, выступающего с докладами об экономическом положении), мог это предвидеть еще 20 августа.

Мы могли бы отметить еще множество крупных и мелких противоречий и обыкновенных ошибок в докладе Фалькнера. Но к чему? Если бы даже все его цифры были правильны и ни одна не противоречила другой, доклад все-таки не выдерживал бы критики. Ибо он не подвергает анализу положение мирового хозяйства. Он не замечает ни одной важной проблемы. Он попросту занимается апологетикой.

Современное положение Японии [1]

С головокружительной быстротой за последние десять лет Япония развернула свою мощь и заставила считаться с собой таких колоссов, как Англия и Соединенные Штаты Северной Америки, с которыми она столкнулась в экономической борьбе на азиатском материке и Тихоокеанских островах.

Долгое время предметом спора был вопрос о том, куда пойдет Япония: будет ли она распространяться на юг и закрепит за собой западные острова Тихого океана—подступы к Азии, или, в своем стремлении к расширению, перекинется на материк Азии?

Последние события как будто говорят о стремлении Японии закрепиться окончательно на Азиатском материке.

Но это только часть плана, задуманного много лет ранее, и ни в каком случае не исключает возможности распространения Японии на юг—на острова.

Япония вышла на мировую арену во время Русско-Японской войны 1904 года, когда страна впервые показала себя, как силу, с которой приходится считаться. Но экономический рост страны особенно усилился с начала мировой войны, когда лихорадочно создавались промышленные предприятия Японии, выбрасывавшие свою продукцию во все страны света.

Рост обрабатывающей промышленности иллюстрируется тем, что за 13 лет—с 1906 по 1919 год—количество предприятий с 4.000 возрастает до 21.949, а мощность двигателей на этих предприятиях с 140.000 увеличивается до 2.717.424 лошадиных сил, т. е. почти в 20 раз. За период 1916-1919 г. г. средняя мощность двигателей в предприятии равняется около 130 лошадиных сил, в то время как в 1906 году эта цифра не превышала 35 лошадиных сил.

Капитал, вложенный в обрабатывающую промышленность, с 879 миллионов иен в 1915 году достигает 2,7 миллиардов иен, т. е. увеличивается в три раза. Общая же сумма капиталов, вложенных во всю промышленность Японии, превышает 4 миллиарда иен.

Обороты внешней торговли Японии к 1920 году достигают 3-4 миллиардов иен, тогда как в 1904 году они были немногим более полумиллиарда иен и даже перед началом войны 1914 года вывоз и ввоз Японии составлял всего только 1-2 миллиарда иен.

---

[1] Глава из приготовленной к печати книги: „Международное положение Японии и Азия".

Усиление внешней торговли Японии создает колоссальную судостроительную горячку и торговый флот Японии за три года с 1916 по 1919 год увеличивается почти в два раза: тоннаж (только паровых судов) в 1916 году составлял 1.696.631, а в 1919 году—3.011.624 тонны. Наличие собственного тоннажа позволяло Японии развить внешнюю торговлю и захватить целый ряд рынков, которые ранее были менее доступны для нее. Для примера мы приведем следующую картину вывоза из Японии в отдельные страны.

Вывоз из Японии (в миллионах иен)

	1913 год	1920 год
Китай	154,7	410,3
Квантун	29,8	113,7
Британская Индия	29,9	192,2
Нидерландская Индия	5,1	107,2
Австралия	8,6	58,1

Из этой таблицы мы видим, что вывоз в Британскую Индию увеличивается в шесть раз, в Австралию в семь раз и в Нидерландскую Индию в двадцать один раз.

И если относительный вывоз в Китай увеличился только в два-три раза, то абсолютное увеличение достигает внушительной цифры в 255,6 миллионев иен.

Но особенно следует подчеркнуть увеличение вывоза почти на 100 миллионов иен в маленькую часть Китая—Квантун,[1] которую Япония постепенно прибирала к рукам.

Увеличение вывоза дало Японии благоприятный баланс внешней торговли, который исчислялся в 1917 году уже в 567 милл. иен.

До 1913 года ежегодный отлив золота из Японии составлял в среднем за 1904-1913 гг. 3,9 милл. иен. С 1914 по 1918 год уже наблюдался прилив золота в 54,9 милл. иен в среднем в год; в 1919 году он достигает 322,4 милл. иен, а в 1920 году доходит до 400,8 милл. иен.

Все это в связи с целым рядом других условий приводит к тому, что золотой запас Японии, составивший в 1913 году 371 милл. иен, доходит к концу 1920 года до 2,183 милл. иен, т. е. увеличивается почти в шесть раз.

Внешняя задолженность Японии к 1920 году сокращается против 1910 года на 135 милл. иен, составляя в общем сумму всего в 1.311 мил. иен. В то же время национальное богатство Японии поднимается с 32 миллиардов иен в 1913 году до 86 миллиардов к 1920 году.

Как мы видим, страной был сделан колоссальный шаг вперед, но с марта 1920 года начинается кризис. В промышленности, неестественно разбухшей за период мировой войны, обнаруживается перепроизводство в силу некоторого сокращения сбыта заграницу японских товаров, вызванного возвращением европейских стран на рынки Азии. Процент прибыли японских промышленных предприятий падает в 2-4 раза. Фабрики закрываются, начинаются банкротства. Особенной остроты кризис достигает к началу 1921 года, когда страну охватывает нечто в роде паники.

[1] Не смешивать с южной провинцией Китая Квантунг; здесь речь идет о районе южной Манчжурии.

Вывоз в 1921 году падает до 1.253 миллионов иен (против 1.962 милл. иен 1918 г.), и торговый баланс обнаруживает пассив в 361 милл. иен.

Правительством принимаются всевозможные меры к восстановлению положения. В следующем 1922 году пассив составляет уже только 253 милл. иен при абсолютном увеличении вывоза на 434 мил. иен. Продукция главнейшей промышленности Японии — текстильной — в частности производство хлопчато-бумажной пряжи — в 1922 году увеличивается на 417 т. кин против предыдущего года, достигая 2.228.246 кин и превышая все предыдущие годы, а экспорт в том же 1922 году (394.062 кины) увеличивается против 1921 года на 102 тыс. кин (1.122.000 пуд.) Хлопчато-бумажные изделия дают в 1922 г. увеличение продукции (889.327.654 ярда) против 1921 г. на 189 милл. ярд, также превышая все предыдущие годы. Вывоз хлопчато-бумажных изделий в 1922 году дал 218 милл. иен против 145.5 милл. иен в 1919 году.

Происходит слияние предприятий, оказывается поддержка наиболее жизнеспособным фабрикам и заводам, производится искусственный нажим на мелкие предприятия, японское правительство приходит на помощь главнейшим отраслям промышленности, героические усилия прилагают банки.

В результате все, созданное в промышленности „бумом“ военного периода, отмирает, и остаются лишь жизненные предприятия, которые развивают свою продукцию, выдерживая бешеную конкуренцию на заграничных рынках.

Верный принципам империализма, финансовый капитал начинает усиленно перекочевывать на материки Азии—ближе к сырью, к дешевым рабочим рукам. Непосредственно вблизи потребителя создается целый ряд фабрик и заводов—в Китае, в северной Манчжурии в Квантунской провинции.

Но самое главное,—это то, что несмотря на возвращение европейских конкурентов на Тихоокеанские рынки, Япония сохраняет за собой рынок Китая, вывоз в который с 287 милл. иен в 1921 году поднимается в 1922 году до 333 милл. иен; также увеличивается вывоз в Манчжурскую и Квантунскую провинции. Увеличивается вывоз в Британскую Индию. Колоссально возрастает в 1922 году вывоз в С.-А. С. Ш., достигая 732.076 т. иен против 496.278 т. иен в 1921 году.

К 1923 году Япония захватила Каролинские и Маршальскпе острова, Шаньдунский полуостров, правда, переданный затем Китаю

обратно,—через Корею протянула руки к Северной Манчжурии, расположилась полновластно в южной Манчжурии, хозяйничала на русской части острова Сахалина, экономически захватив Камчатку и часть Николаевского района Приморской губернии. Не довольствуясь этим, Япония мечтала об аннексии Нидерландской Индии и Филиппин. На важном стратегическом пункте С.-А. С. Ш., в портовых городах, 40% населения состоит из японцев.

Сжимаясь в импорте, сжимаясь в расходах, развертывая всеми силами промышленность, усиливая вывоз, перебрасывая свои капиталы на материк для создания там японских предприятий, усиливая свою военную мощь, Япония в 1923 году оказалась с золотым запасом в 1.837 милл. иен.

Казалось, ничто не предвещало, что Япония переживет экономические большие потрясения.

Но тут неожиданно грянуло сентябрьское землетрясение 1923 г., породившее, благодаря неправильной информации, самые дикие сведения о гибели Японии, о выходе ее из числа великих держав, о полном ее экономическом крахе, о гибели золотого запаса, флота и т. п.

Как ни тяжел был удар, нанесенный Японии землетрясением, он не выключил Японии из ранга мировой державы. Экономическая жизнь страны была подорвана, но никакого краха не случилось. Военная мощь Японии почти не пострадала.

Общая сумма потерь от землетрясения определилась (по японским источникам) в 4,8 миллиардов иен, из которых потери правительства составили 1 миллиард иен, остальные убытки пришлись на частных лиц и частные учреждения.

При национальном богатстве Японии, определявшемся в 1920 г. в 86 миллиардов иен, потеря в 5 миллиардов составляет сравнительно не настолько значительную сумму, чтобы можно было говорить о крахе государства. И, действительно, мы видим, что национальное богатство Японии исчисляется в начале 1925 года уже в 102 миллиарда [1] иен.

Несмотря на неблагоприятный баланс внешней торговли за последние годы, несмотря на колоссальные затраты на восстановление разрушений, причиненных землетрясением, и поддержку населения и пострадавшей от бедствия промышленности, золотой запас Японии к 31 марта 1925 года составлял 1.467 милл. иен, сократившись против 31 декабря 1924 года всего на 22 милл. иен. Правда, к концу 1924 года золотой запас сократился по сравнению с 31 декабря 1922 года на 348 милл. иен, но необходимо иметь в виду, что японское правительство принуждено было выбросить немедленно после землетрясения 130,2 милл. иен на первую помощь пострадавшим от землетрясения, на восстановление правительственных зданий, телеграфа,

[1] Несмотря на падение валюты и движение цен в абсолютной величине эта цифра дает в общем увеличение.

телефона и др. расходы. Кроме того, различным банкам было выдано ссуд более чем на 60 милл. с целью предотвращения банкротства. Это только основные расходы, кроме ряда других затрат, вызванных отчасти землетрясением, отчасти расширением промышленности. Кроме того, в дальнейшем были выданы правительственные ссуды на восстановление городов и отдельных районов, пострадавших от землетрясения.

Ассигнованы колоссальные суммы на восстановление в Токио и Иокагаме в размере 597,7 милл. иен. Восстановление должно быть закончено в 1928 году.

Японским правительством был, кроме того, принят целый ряд мер, которые в конечном итоге дали возможность восстановить уже к августу 1924 года все пострадавшие от землетрясения предприятия на 67-100%, за исключением судостроения, которое восстановлено только на 43%.

Но так как районы Токио и Иокагама не являлись главными промышленными центрами страны, то разрушения в этих районах хотя и очень значительные, не привели к потрясению всего народного хозяйства. Последствия землетрясения выразились в том, что был нарушен нормальный ход финансовой промышленной жизни страны, произошел крах целого ряда банков (33), затруднялась деятельность промышленных компаний, которые принуждены были на займы по высоким процентам восстанавливать свои разрушенные постройки и оборудование.

Сельское хозяйство от землетрясения особенно не пострадало — рис был к моменту землетрясения еще не собран, а главнейшие районы производства шелка, расположенные в районе Токио и Иокагамы (Нагано, Ямагамо, Гумми и Фукусима), почти полностью сохранили свои питомники с шелковичными червяками.

Бумагопрядильные и хлопчато-бумажные фабрики восстановлены в районе землетрясения на 91%.

Таким образом, продукция четырех основных статей экспорта Японии — хлопчато-бумажной пряжи, хлопчато-бумажных изделий, шелка-сырца и шелковых изделий, — почти не нарушена и вывоз указанных товаров, несмотря на перенесенную катастрофу, составил за 1924 год 1.245 милл. иен против 973.9 милл. иен за 1923 г., т. е. дает превышение за год в 271.1 милл. иен.

Общий вывоз Японии за 1924 год составил 1.806.814 тыс. иен (максимум за последнее четырехлетие), а ввоз превзошел все предыдущие годы, дав 2.451.816 тыс. иен. Общий оборот внешней торговли за 1924 год (4,258.680 тыс. иен) уступает только обороту в 1919 и 1920 году.

Необходимо отметить, что увеличение ввоза вызвано кроме других причин, связанных отчасти с землетрясением, еще тем обстоятельством, что до 31 марта 1924 года действовал закон, по которому продовольствие, предметы первой необходимости и строительные материалы

при импорте в Японию или совершенно освобождались от пошлины, или облагались крайне незначительно.

Благодаря этому общая сумма импорта неимоверно разбухает. В частности, ввоз железных и стальных изделий увеличивается на 78,5 милл. иен, машин—22.5 милл. иен, леса—39.2 милл. иен, риса—39 милл. иен, пшеницы—30 милл. иен. Таким образом, по главнейшим статьям импорта превышение в 1924 году дает 209.2 милл. иен, не считая хлопка-сырья, ввоз которого в 1924 году составил 604.5 милл. иен, превысив 1923 г. на 91.4 милл. иен.

Общее увеличение импорта по шести статьям дало, следовательно, сумму в 300.6 милл. иен.

Разница в вывозе и ввозе по главнейшим их статьям дает таким образом в результате разницу в торговом балансе в отрицательную для 1924 года сторону в размере 29.5 милл. иен.

Общий же баланс внешней торговли Японии за 1924 год дал пассив в 645.002 тыс. иен или на 105.7 милл. иен более против отрицательного баланса 1923 года.

Такое увеличение создалось благодаря увеличению импорта целого ряда товаров, необходимых для восстановления фабрик и заводов, для строительных целей. Необходимо иметь ввиду, что при ввозе, принимая во внимание падение курса иены до 20% ниже паритета, мы не можем уловить действительного количества ввоза в Японию. Так, например, при уменьшенном количественно ввозе хлопка-сырца в 1924 году мы имеем в ценностном выражении увеличение его ввоза на 91.4 милл. иен.

Таким образом, несмотря на увеличение общего ввоза Японии в 1924 году против 1923 года на 464.7 милл. иен, приняв поправку на 20% к общей цифре ввоза (2.451.8 милл. иен), мы получим уменьшение общего ввоза в 1924 году против предыдущего на 22,7 милл. иен.

Имея ввиду, что увеличение лишних статей ввоза 1924 года вызвано восстановлением промышленности и строительной деятельностью Японии после землетрясения, мы поймем ту жесткость, которая производится Японией по отношению к ввозу.

В частности, с 1 августа 1924 года начал действовать закон, по которому ввозимые в Японию предметы роскоши (в которые включены например, пушнина, в том числе овчина, кожа, зубные щетки, носовые платки, нижнее белье, перчатки, обувь кожаная и т. п.) обложены пошлиной в размере 100% стоимости, независимо от общих таможенных пошлин.

А если принять во внимание, что ввоз 1924 года является ненормально высоким и несколько ослабнет в ближайшие годы, то можно заключить, что уже 1925 год даст вероятно некоторое улучшение.

Пока что результаты внешней торговли Японии на первую треть 1925 года дают увеличение экспорта против того же периода

1924 года на 148.276 тыс. иен, в то время, как импорт дает превышение в 1925 году (за январь-апрель) только на 31.838 тыс. иен.

Между тем, в следующие месяцы ожидать особо неблагоприятных балансов не приходится, так как вся тяжесть ввоза в Японию падает на первую четверть года (в 1924 г. ввезено из общего ввоза в 2.452 милл. иен — на 1.056 милл. иен, а отрицательный баланс на январь-апрель 1924 года дал 573 милл. иен из годового отрицательного баланса за весь год в 645 милл. иен), а в дальнейшем усиливается вывоз, который начинается уже примерно с мая месяца, с августа же месяца даже в прошлом 1924 году (при усиленном ввозе) баланс внешней торговли ежемесячно сводится с плюсом.

Но, в общем, неблагоприятный торговый баланс и за первую треть 1925 года дает весьма значительную сумму в 456.119 тыс. иен. В этом отношении 1925 г. проявляет туже тенденцию, что и предыдущие 6 лет с их неизменно отрицательным балансом. Отрицательные балансы за эти годы составляли (в милл. иен):

1919 г.	74.6
1920 г.	387.8
1921 г.	361.5
1922 г.	252.9
1923 г.	539.3
1924 г.	645.0
4 месяца 1925 года	456.1 милл. иен
(за четыре месяца 1924 г.	573.0 м. иен).

Для усиления своей внешней торговли Япония увеличивает по образцу С.-А. С. Ш. сеть торговых комиссаров и принимает целый ряд других мер, завязывая более тесные связи со всеми государствами.

За 1924 год торговля Японии с главнейшими странами или увеличилась, или же осталась на уровне 1923 года, как это видно из следующей таблицы (в милл. иен)[1]:

	Экспорт		Импорт	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Сев.-Ам. Соед. Штаты	605.6	565.1	512.0	554.9
Китай	272.2	311.6	204.7	185.6
Британская Индия	99.6	108.0	305.7	360.2
Франция	—	77.2	—	28.6
Англия	40.4	49.1	273.1	276.4
Голл. Индия	—	47.3	—	70.4
Германия	—	6.7	—	124.4

В этой таблице прежде всего бросается в глаза большая сумма импорта за 1924 год из Германии—124,4 милл. иен, тогда как в 1919 году импорт составлял всего 258 тысяч иен; видимо и в дальнейшем импорт Германии будет развиваться. Это говорит, с одной стороны, о той настойчивости, с которой Германия стремится возвратить себе потерянные азиатские рынки (также увеличился импорт из Германии и в Китай), с другой—о тесной связи Японии с Германией и умении использовать выгодность ввоза из Германии и, наконец,

[1]) Данные за 1924 г. имеются за 11 месяцев.

указывает на сжатие импорта Германией, так как ввоз в нее из Японии дал всего 6,7 милл. иен.

Экспорт в С.-А. С. Ш. из Японии в 1924 году увеличился на 11 милл. иен (считая декабрь равным остальным месяцам по вывозу из Японии), в то же время импорт (считая понижение курса иены на 20% ниже паритета) уменьшился на 28 милл. иен, что вызвано главным образом сокращением ввоза хлопка сырца из Америки за счет усиления ввоза из Индии. Это явление продолжается и в 1-ю треть 1925 года.

Ввоз из Британской Индии дал увеличение за 1924 год на 54,5 милл. иен, но вместе с тем усилился и вывоз, хотя и не на много (8,4 милл. иен).

Ввоз из Англии в 1924 году является максимальным за все предыдущие годы, достигнув за 11 месяцев 276,1 милл. иен, тогда как максимальная цифра за предыдущие годы не превышала 232.2 милл. (1920 г.).

Оборот внешней торговли с Францией особенно существенного значения не имеет; он держится, примерно, все время на одной высоте, лишь с небольшими уклонами, исключая 1918 года, когда вывоз Японии показал 142,2 милл. иен.

Ввоз из Нидерландской Индии дал за 1924 год максимум, но вывоз из Японии сократился, представляя лишь 50% вывоза 1920 года.

Важнее всего то, что ввоз в Китай из Японии возрос к 1924 г. на 39,5 милл. иен; в то же время вывоз в Японию уменьшился на 19 милл. иен, дав в общем благоприятный для Японии баланс в 126,0 милл. иен (в два раза превысил баланс 1923 года—67,5 милл. иен).

По отношению к Китаю необходимо еще подчеркнуть, что главные предметы Японского вывоза в Китай—бумажная пряжа и хлопчато-бумажные изделия—производятся японскими промышленниками на территории самого Китая. Благодаря этому сокращается ввоз хлопка сырца в Японию и японские промышленники получают дешевые рабочие руки. Кроме того необходимо учесть ввоз хлопчато-бумажных и других изделий в Китай из Японии через Гонконг.

Тем не менее при всех этих благоприятных обстоятельствах торговый баланс Японии остается неизменно отрицательным.

Но несмотря на это, а также на громадные убытки от землетрясения золотой запас Японии с 30 апреля 1922 года по 31 марта 1925 года, т. е. за три года, уменьшился всего на 431 милл. иен, 1922, 1923, 1924 и 1925 год (4 месяца) дали в общей сумме отрицательный баланс в 1.893.3 милл. иен. Кроме того, свыше 200 милл. иен было истрачено в связи с землетрясением на восстановительные работы и помощь населению. Затем за 1924 год погашено 130 милл. иен по английскому займу 1905 года.

За 1923 год золотой запас уменьшился на 184 миллиона иен и за 1924 год на 164 милл. иен. Если мы выбросим из последней

цифры 130 милл. иен на погашение английского займа, то уменьшение даст всего 34 миллиона иен.

Причину такого незначительного, по сравнению с величиной отрицательного баланса, уменьшения золотого запаса приходится искать в платежном балансе Японии.

Здесь прежде всего является благоприятным обстоятельством то, что государственный долг Японии 31 марта 1924 года составлял всего 4.032.223 тыс. иен (считая новые займы в Нью-Йорке и Лондоне—180 милл. иен), из которых на долю внешних займов падало только 1.500.675 тыс. иен, на уплату процентов по которым требуется всего 90 милл. иен.

Затем идет содержание посольств и прочих учреждений Японии за границей 50 милл. иен.

Расходы японских граждан заграницей дают в год (по японским исчислениям) 40 милл. иен.

Таким образом к отрицательному торговому балансу прибавляется еще 180 милл. иен в год.

Приходная часть платежного баланса дает (также по японским исчислениям) в миллионах иен:

1. Переводы от японских граждан, проживающих за границей	60
2. Израсходовано иностранцами в Японии	50
3. От заграничных страховых операций	5
4. От перевозок японских пароходных компаний	100
5. Доход от японских предприятий заграницей	80
6. Платежи Китая по займам и другие	9
Итого	304

Таким образом разница в прочих статьях платежного баланса Японии является положительной и составляет 124 милл. иен.

Но, вычтя из 645 милл. иен (отрицательного баланса 1924 года) 124 милл. иен, мы все-таки получим пассивный платежный баланс в 521 милл. иен.

Но мы не учли целого ряда сумм, подлежащих включению в отрицательную и положительную часть платежного баланса.

Да и невозможно статистически учесть все статьи платежного баланса, поскольку они состоят из большого количества отдельных элементов, не учитываемых изо дня в день. Кроме того, приходная часть платежного баланса безусловно сокращена.

Но этому единственным относительным показателем состояния платежного баланса могут явиться вексельные курсы—колебания валюты Японии.

Беря курс иены в американских долларах (наиболее твердой валюте последних лет), мы приводим данные об изменениях курса иены за последние три года (по паритету 100 иен равняется 49.8455 цента) и, принимая паритет за сто, мы приведем данные января 1923 года по май 1925 года, беря паритет кругло 49.8.

Средний курс иены в % к паритету.

Средний за 1923 г.	97,3
Январь 1923 г.	97,9
Июнь 1923 „	98,5
Июль 1923 „	97,9
Сентябрь 1923 г.	95,1
Декабрь 1923 „	97,3
Средний за 1924 г.	82,4
Январь 1924 г.	89,4
Апрель 1924 „	82,4
Июль 1924 „	82,8
Октябрь 1924 „	77,8
Декабрь 1924 „	77,2
Январь 1925 „	77,0
Февраль 1925 „	78,0
Март 1925 „	82,4
Апрель 1925 „	84,0
Май 1925 „	85,4

Из рассмотрения приведенной таблицы мы видим, что, начавшись в январе 1923 года с 97,9% паритета (48,7 долларов за 100 иен), иена только в сентябре под действием первого момента землетрясения падает до 95,1%, затем в декабре 1923 года вновь достигает 97,3% и эта последняя цифра является средне-годовой за 1923 год.

Первый месяц 1924 года начинается при понизившимся до 89,4% паритета курса иены и далее упускается неизменно, лишь в июле поднявшись временно до 82,4%, а затем в октябре снижается до 77,8% и к декабрю составляет лишь 77,2%.

Январь 1925 года отмечает максимальное падение курса: курс иены составляет всего 77% паритета.

Но дальше наступает заметное оживление: февраль дает повышение на 1,8%, март еще на 3,6%, апрель добавляет 1,6%, и к первому мая 1925 года получается максимальный за последние 13 месяцев курс—85,4% паритета.

Повышение курса иены не замедлило сейчас же сказаться—Японский банк понизил свой учетный процент, который держался весьма высоко, начиная с 1919 года. Особенно остро стоял вопрос первое полугодие после землетрясения, когда проценты по займам до 12% (апрель 1924 года) и даже ссуда из казначейства была выдана из 7% годовых.

На рост курса иены повлияло, конечно, и уменьшение неблагоприятного баланса внешней торговли за первый квартал 1925 года и целый ряд обще-экономических причин,—в частности укрепление положения Японии в Китае.

Как мы видим, несмотря на улучшение курса иены, он разнится еще от паритета на 15%, что конечно весьма невыгодно отражается на общем положении Японии и требует принятия ряда мер к дальнейшему повышению курса иены и общему экономическому укреплению страны.

Но если мы сравним падение курса иены с курсами прочих стран, то увидим, что падение японской валюты не так велико, как в других странах, как это видно из следующей таблицы:

Страны / Годы	Валюта в % паритета (среднее за год)				
	Англия	Франция	Бельгия	Швейцария	Япония
1920	75,11	36,28	38,05	86,76	100,70
1921	79,11	38,63	38,66	90,07	96,48
1922	91,08	42,41	39,72	98,93	95,71
1923	94,99	31,46	27,02	93,58	97,28
1924	91	28			82,41
1925 (на 1 мая)	98				85,34

В этой таблице взяты только „страны победительницы“ и мы видим, что курс не только Бельгии и Франции, но даже в Англии стоял ниже чем в Японии, поднявшись лишь за последний год.

Это говорит за то, что несмотря на все благоприятные условия, экономическое положение Японии не так-то плохо по сравнению с другими странами.

Если мы остановим наше внимание на стоимости жизни в Японии, то и здесь в 1925 году мы имеем значительное улучшение (в %, причем 1913 год принят за 100%.

ГОДЫ	СТРАНЫ			
	Англия	Франция	С.А.С.Ш.	Япония
1913	100	100	100	100
1917	206	262	87	148
1919	242	356	206	239
1920	295	510	226	260
1921	157	326	140	210
1922	178	362	169	183
1923	177	345	173	—
1924	174	369	170	—
1925	178	386	—	—

Более благоприятное положение Японии среди других стран объясняется прежде всего чрезвычайно умелым приспособлением Японии к конъюнктуре мирового рынка. Япония в этом отношении сумела согласовать работу всего промышленного и торгового аппарата страны, причем торгово-промышленный класс получал всемерную поддержку со стороны японского правительства. Несмотря на устано-

вившееся мнение о борьбе милитаристов и маринистов в Японии в конечном итоге эти группировки являются лишь выразителями мнения торгово-промышленного класса и в Японии нет колебаний на счет того, куда должна быть направлена экономико-политическая экспансия,—на юг (острова) или на запад и юго-запад (материк), а есть единое стремление укрепиться и там и тут. Какому из этих направлений достанется перевес, зависит не от внутренней борьбы, а от мировой ситуации определенного момента, диктующей политику по отношению к материку и островам.

Но самое главное условие успехов в Японии,—это ее географическое положение, которое при наличии накопленных за время войны средств, при поддержке сильной армии и флота, позволяет Японии, уже занявшей чрезвычайно выгодное положение на рынках Азии в период мировой войны, продолжать свое стремление на материк и систематически укрепляться на нем—как экономически, так и политически—выбрав как базу для своего укрепления район Манчжурии и Северного Китая, распространяя оттуда свое влияние на юг. Кроме того, захваты за тот же период русских владений на Камчатке и Сахалине, за последнее время были периодически закреплены в благоприятном для Японии договоре с СССР, обеспечивающем Японии снабжение рыбой, а самое главное нефтью в Японских предприятиях, добыча которой на Сахалине составляла за последние годы до 100 тысяч тонн [1] (по докладу инженера Полевого добыча за 1925 год даст свыше 1.000.000 пудов) и углем, недостаток которого в Японии особенно остро чувствуется.

Мы не будем подробно останавливаться на способности японского торгово-промышленного класса к объединению,—способности, особенно ярко сказывающейся в особотрудные моменты и приводящей к весьма значительным результатам. В качестве примера можно привести происшедшее недавно объединение почти всех мукомольных предприятий Японии в один синдикат; также в руках одного синдиката находится весь ввоз леса в Японию, все рыбопромышленники на Камчатке входят в один трест, в текстильной промышленности Китая все Японские предприятия (59) объединились в трест, такой же трест создается для разработки недр Китая.

Как на пример солидарности японских промышленников, можно указать на момент после землетрясения, когда к началу 1924 года цементные предприятия настолько затоварились в надежде на большой сбыт, что положение становилось катастрофическим, однако, сокращение продукции на 25%, проведенное по соглашению между всеми предприятими цементной промышленности, дало возможность цементной промышленности выйти из создавшегося кризиса и поднять цену, чрезвычайно упавшую в начале 1924 года.

[1] Сведения эти взяты из случайного источника, но, согласно речи одного из японских министров в парламенте, сахалинская нефть обеспечивает 50% потребности флота в жидком топливе, что уже указывает на важность ее для Японии.

В общем торгово-промышленный класс и банковские деятели Японии ясно и определенно идут по пути капиталистического развития „передовых“ стран—Англии и особенно Америки и производят концентрацию промышленности, торговли, банков—1921 год показал всю шаткость мелких предприятий, создавшихся в период военного „бума“. Уже в 1922 году Японское правительство разделило всю промышленность Японии на три группы: 1) крупная, способная устоять при любой конъюнктуре, 2) крупная, нуждающаяся в поддержке и часть мелких наиболее жизненных предприятий и, наконец, 3) предприятия, которые так или иначе должны прекратить свое существование.

Всячески поддерживая первую группу, Японское правительство отчасти помогало и второй; третья же группа должна была медленно умирать или приспособляться к обстоятельствам и никакой помощи со стороны правительства ей не оказывалось. Благодаря такой правительственной политики более мелкие предприятия были поглощены более крупными предприятими или же, сливаясь между собою, также обращались в крупные предприятия. Часть фабрик и заводов закрывалась и вместо их создавались новые предприятия, но уже более крупного масштаба.

Той же политики Японское правительство придерживалось и после землетрясения. В результате к 1925 году промышленность и торговля Японии оказались трестированной и синдицированной; она развертывала громадные планы и обладала значительными капиталами. Вместо „лопнувших“ мелких банков мы видим колоссов, создавшихся путем объединения или поглощения более мелких банков крупными. Капитал обслуживает уже не только промышленность и торговлю своей страны,—он экспортируется из Японии и при том не в форме ссуд, а для устройства фабрик и создания других предприятий (так напр. вкладываются громадные средства в транспорт иностранных государств. [1]

Япония, бывшая еще недавно чисто земледельческой страной, быстро шагнула вперед и, пройдя период промышленного капитализма, дошла до стадии финансового капитализма. Японский финансовый капитал всячески расширяет сферы своего влияния; он перешагнул государственные границы Японии и устремился в первую очередь в ближайшую—страну Китай,—где и развертывает свойственную империализму политику, со всеми присущими ей аттрибутами.

[1] Разработан грандиозный план железнодорожного строительства в Манчжурии, где три дороги уже строятся.

ОТДЕЛ IV

По районам

П. Степанов

К вопросу о пересмотре плана электрификации Уральской области

I

Существенным отличием постановки и проведения работы по пересмотру плана электрификации, предпринятой Госпланом СССР в 1925 году, по сравнению с работой, которая была проведена Государственной Комиссией по электрификации в 1920 г., является то, что в настоящее время центр тяжести работ должен быть перенесен на места.

Это положение о перенесении центра тяжести работы на места в особенности должно иметь применение по отношению к таким областям, где уже проведено областное строительство и, прежде всего,—к Уралу, как к первой области, где была проведена реформа административно-экономического районирования.

Работа по пересмотру плана электрификации Урала должна быть проведена с увязкой с общим планом перспективного развития хозяйства этой области. Согласно задания Госплана СССР вся работа распадается на два концентра, причем в первом концентре Урал должен был дать лишь первое приближение к плану—лишь общие контуры будущего подробного плана, однако с обязательным уже выяснением того, какие намечаются поправки и изменения программы электрификации, принятой по отношению к Уралобласти Государственной Комиссией по электрификации в 1920 году.

В апреле сего года Уралплан закончил первый цикл работы по Уральской области по пересмотру плана ГОЭЛРО, проделанный им по поручению Госплана Союза.

Как это подчеркивает и сам Уралплан, материалы его носят предварительный характер, в них много еще недоделанного и недоработанного, но следует уже и в настоящей стадии работы отметить все значение для Уралплана проделанной им работы. Во-первых, эта работа укрепила Уралплан в том основном положении, что план электрификации есть в тоже время перспективный план хозяйства и что иного подхода к плану электрификации быть не может. Во-вторых, она дала возможность Уралплану и заставила его проделать, может быт впервые, в н е в е д о м с т в е н н о е построение перспектив хозяйства Урала и тем осознать и укрепить себя как плановый орган.

В состав Уральской области в ее современных административных границах в результате районирования, проведенного в 1923 г., входят четыре б. губернии—Екатеринбургская, Пермская, Тюменьская и Челябинская с территорией в 1.457.056 кв. в. и населением в 6.427.217 человек. [1]

Уральская область состоит теперь из 15 округов со средним населением 415 тысяч человек в округе. Сводная общая характеристика отдельных округов Уральской области дана в сборнике „Районирование Урала“ (Изд. Ур. Обл. Исп. Ком. Свердловск. 1924 г.) и в сборнике „Материалы по районированию“, т. III. Описание Округов.

---

[1] „Уральский статистический ежегодник“ 1923/24 г.

Следующая за округом административно-хозяйственная ступень—район. Всего в области 204 района со средним количеством населения в 28 тыс. человек. Каждый район является хозяйственно-целостной единицей. В адм.-хозяйственный и культурный центр района стягивается большинство учреждений: школа повышенного типа, больница, агро-и ветпункты, читальня и клуб, участок милиции, нарсуд и нарследователь, фининспектор, страхагент, сберкасса, почтовое отделение, телефон, кооператив и т. п. Местная мелкая электрификация связана главным образом с райцентром. По своему характеру все 204 района области разделяются на 17 заводских и приисковых, 6 промысловых, 26 полузаводских-земледельческих, 5 промыслово-земледельческих и 150 земледельческих.

II

Если по отношению к общему балансу народного хозяйства всей нашей страны иногда наблюдается склонность преуменьшить значение промышленности, то по отношению к народно-хозяйственному балансу Уральской области часто наблюдается явление недооценки роли и значения в этой области сельского хозяйства.

Не следует забывать, что из общей массы населения 6.427 тыс. человек мы имеем лишь 18% несеющего населения, причем товарных производителей зерна насчитывается 55% всего населения.

При сопоставлении между собой валовой и товарной частей продукции, которые дают народному хозяйству две основные отрасли хозяйства Урала—его промышленность и сельское хозяйство, получаем следующее соотношение для 1922/23 г.

	Валов продукция	Товарная часть продукции (в милл. черв. р.)	% товарн. ч. продукции к валов
Трестированная промышл. . .	140,0	54,5	39,0
Сельское хозяйство	264,0	38,0	14,8

Валовая продукция сельского хозяйства почти в два раза превышает валовую продукцию трестированной промышленности.

Процесс восстановления сельского хозяйства Урала идет весьма интенсивно.

Движение посевных площадей и скотоводства рисуется в следующем виде:

ГОДЫ	Посевная площадь				Рабочие лошади		Коровы	
	В тыс. десят.	В процентах			В тыс.	В %%	В тыс.	В %%
		Вся площадь	В том числе					
			Озимая	Яровая				
1916	4.772	100	100	100	1.816	100	1.916	100
1920	3.919	82,1	80,4	82,4	1.547	85,2	1.620	84,5
1921	3.085	64,7	87,0	61,1	1.452	80,0	1.475	76,9
1922	2.143	44,9	101,5	35,9	1.053	58 0	1.135	59,2
1923	3.198	67,0	129,5	59,5	1.099	60,5	1.198	62,5
1924	3.786	79,3	133,8	70,7	1.221	67,2	1.399	73,0

Темп роста посевной площади позволяет уральцам с большой степенью уверенности выдвинуть утверждение, что к 1928 г. будет достигнута довоенная посевная площадь.

Валовой сбор зерна в 1924 г.—188 милл. пуд. составляет 78% по отношению к 1916 году.

Зерновой баланс области в 1924 г. складывается следующим образом:

Валовой сбор 188 милл. пудов.

Потребность сеющего населения:

а) семена 33 милл. п.
б) продовольствие 77 милл. п.
в) корм скота 44 милл. п.

Итого . . . . . 154 милл. п.

Потребность неземледельч. сельского и заводск. населения:

а) продовольствие 7 милл. п.
б) корм скота . . 2 милл. п.

Итого . . . . . 9 милл. п.

Потребность городского населения 10 милл. п.

Всего . . . 173 милл.

Остаток . . . . . 15 милл. п.

В 1924 г. Урал вновь стал производящим районом. В 1923 г. зерновой баланс был сведен с дефицитом в 11 милл. пудов. В минувшую хлебозаготовительную кампанию Урал дал до 40 милл. пуд. хлеба, т. е. выдвинулся как основной хлебозаготовительный район.

Из всех отраслей сельского хозяйства полеводство стоит на первом месте, однако в общем своде продукции Уральского сельского хозяйства значительную роль играют и некоторые другие статьи. Общий свод продукции сельского хозяйства 1924 г. рисуется так: [1]

(в довоенных рублях)

Зерновая продукция	89,2 м. р.
Продукция техн. культур	7,0 м. р.
Картофель	7,7 м. р.
Молочная продукция	42,3 м. р.
Мясная продукция	25,1 м. р.
Кожевенная „	9,7 м. р.
Животн. сырье (шерсть, щетин.)	3,8 м. р.
Птицеводств. (яйца, пух, пер.)	6,9 м. р.
	191,7 м. р.

Участие Уральской области в сельском хозяйстве всего Союза по данным 1923 года определяется следующей таблицей:

	СССР	Уральск. обл.	%% соотн.
Число хозяйств	19.751	1.084	5,4
Площ. посева в тыс. дес.	61.708	2.746	4,4
Лошадей в тыс.	20.035	1.419	7,1
Крупн. рог. скот в тыс.	38.567	9.284	5,9
Овцы и козы	56.774	2.441	4,3
Свиньи	9.105	397	4,3

[1] Обзор хозяйства Урала за 1923/24 год, стр. 318.

Таким образом, общая доля участия Урала в сельском хозяйстве Союза выражается приблизительно 5%.

Уральская область, представляя из себя в своих современных административных границах вообще весьма многогранный в экономическом отношении комплекс районов, представляет большие разнообразия и в отношении сельского хозяйства.

Огромная северная часть области (приблизительно от 60-й параллели), занимающая более половины всей территории области, лежит за границей возможного земледелия и представляет из себя пустынный край с редким кочевым населением. Охота, оленеводство, в незначительной части рыбный промысел—таковы основные элементы экономики этого края, весьма ничтожной по своему удельному весу в общем хозяйстве области.

Южная половина области (к югу от 60-й параллели) делится на три полосы, идущие в меридиональном направлении: а) Предуралье, б) горнозаводский Урал, в) Зауралье. Центральная горная полоса является становым хребтом всей промышленной экономики Урала. Примыкающие же к нему с запада Предуралье и с востока—Зауралье составляют вместе основной сельско-хозяйственный массив области.

Эти оба района по характеру своему весьма различны в сельскохозяйственном отношении.

Естественно-исторические условия Приуралья (Верхне-Камский, Кунгурский, Пермский и Сарапульский округа) с его влажными подзолистыми почвами требуют специальных мероприятий в области интенсификации хозяйства и прежде всего в направлении развития здесь травосеяния, поставленного в строго организованную систему многопольного севооборота. Травосеяние—это основное звено в цепи мероприятий по рационализации сельского хозяйства Предуралья.

Реорганизация крестьянского хозяйства Предуралья в травопольно-животноводческом направлении требует организации правильного снабжения населения семенами трав клевера и тимофеевки. Это снабжение в значительной степени может быть организовано самим населением. Практика прошлого Пермской губернии показывает, что это осуществимо. „Пермский клевер“ шел в значительной степени на продажу; он имел заслуженную славу не только в России, но и за границей, даже в Америке. В 1912/13 г. только в одном Кунгурском уезде количество скупленных разными фирмами семян клевера определяется в 100 тысяч пудов на сумму в один миллион рублей. Под культурой клевера в 1916 г. в Пермской губернии было 52 т. дес В 1922 году мы имеем лишь около 5 тыс. десятин (9,3%).

За последние годы клеверосеяние начинает возрождаться. На 1925/26 г. Уралплан определяет клеверозаготовки в размере 60 тыс. пуд., причем для внутреннего потребления предполагается оставить 30 тыс. пудов.

Если развитие хозяйства в Предуралье рисуется как развитие в сторону интенсификации в травопольном направлении, то условия сельскохозяйственной политики при организации хозяйства Зауралья представляются совершенно иными. Зауралье—это район зерново-скотоводческий с продажей на рынок зерна с переработкой молока в масло. Облегчить сбыт, обеспечить собирание больших экспортных партий однородного сельско-хозяйственного продукта, удовлетворяющего экспортным требованиям—вот что нужно для Зауралья.

Маслодельный район заслуживает здесь специального внимания и в материалах Уралплана по справедливости отводится ему значительное место. Производство сливочного масла на рынок происходит на маслодельных заводах Курганского, Ишимского, Тюменьского, Челябинского, Шадринского и Троицкого округов. До войны отсюда экспортировалось до $1^1/_4$ милл. пудов

масла ежегодно. Для 1924 года работа по выработке масла характеризуется следующими данными:

Округа	Заводы, работ. в 1923/24 г.	Выработ. масла пудов	% хоз., участв. в постав. мол. на зав. в разгар сезона (июнь)	% коров, от кот. сдав. молоко на зав. в разгар сезона (июнь).
Ишимский	307	142.000	73	77
Курганский . . .	207	109.103	64	77
Тюменьский . . .	174	79.781	56	69
Челябинский . . .	145	44.573	44	52
Троицкий	65	12.362	24	29
Шадринский . . .	68	16.140	13	18
Тобольский . . .	9	1.030	3,7	4
Всего . .	975	404.989	41	52

Два разных направления сельско-хозяйственной политики в Предуралье и Зауралье должны найти себе совершенно четкое отображение в составляющемся в настоящее время Областным Уральским Земельным Управлением и Уралпланом перспективном плане сельского хозяйства Уралобласти. Наступающий 1925/26 хозяйственный год определенно вырисовывается, как последний год восстановления. В наступающий уже теперь период реконструкции хозяйства тем нужнее наличие выработанных перспективных планов. В деятельности Уралплана последнего периода мы все чаще и чаще находим подтверждение этой потребности.

В представленных теперь Уралпланом материалах по пересмотру плана ГОЭЛРО в их первом концентре в части сельского хозяйства мы находим соображения, касающиеся электрификации сельского хозяйства Уралобласти. В основе своей эти соображения сводятся к следующему.

Применение электричества в сельском хозяйстве для предстоящего периода на 1925-1938 год по соображениям экономической выгодности предполагается ограничить преимущественно электрифицированием мельниц, сельскохозяйственных машин и предприятий молочного хозяйства. Электрификация орудий по обработке земли и уборке урожая для данного периода не предусматривается.

Электрическое освещение в ближайшие годы, особенно в виду специфических бытовых условий края, не может рассматриваться как самодовлеющая величина. Из энергии, потребляемой для моторной нагрузки, более 50% должно будет относиться на молотьбу.

В течение указанного периода (1925-1938 г.) электрификация сельского хозяйства будет итти следующим путем:

1. Одновременно с постройкой крупных районных центральных электрических станций и прокладкой линий электропередач электрифицируются и прилегающие к ним сельско-хозяйственные районы.

2. В районах, расположенных в стороне от электропередач и имеющих значительные источники гидравлической силы, сооружаются местные гидроэлектрические станции, работающие в будущем в случае проведения вблизи их линий электропередач от районных электростанций на общую с последними сеть. Это электрификация плановая, охватывающая в каждом случае более или менее значительные районы.

3. Помимо первых двух источников электрификации идет мелкая сельская электрификация путем использования существующих заводских и городских электростанций и постройки мелких местных, главным образом, гидравлических, комбинированных с мельницами. Эта группа по мере возможности в будущем переводится на питание током от районных электростанций, т. е. должна рассматриваться к концу указанного периода как подготовленный потребитель.

Исходя из плотности населения, степени интенсификации сельского хозяйства и источников энергии, намечается следующая очередность плановой электрификации сельского хозяйства районов.

1. От районных элекростанций:

а) Егоршинской и Режевской—районы Свердловского округа; прилегающая к первому незначительная часть Алапаевского района Тагильского округа. Источник энергии—Егоршинская районная станция.

б) Челябинский, Еткульский, Коельский, Миасский, Щучий, Шумихинский и Мишкинский районы Челябинского округа; западная половина Н. Увельского и северная Кочкарского районов Троицкого округа; южная часть до линии железной дороги Свердловск-Челябинск, Аргаяшского кантона Башреспублики, восточная половина Миасского района Златоустовского округа. Источник энергии—Челябинская районная станция.

в) Арамашевский и южная половина Белоярского района Свердловского округа; Грязновский район Шадринского округа. Источник энергии—Свердловская районная станция.

2. Путем сооружения местных гидроэлектрических централей:

а) Кунгурский, Усть-Кишертьский и южная половина Березовского района Кунгурского округа. Источник энергии—р.р. Сылва и Ирень.

б) Оханский район Пермского округа. Источник энергии—р. Очер.

в) Каменский, Китайский, Долматовский, Шадринский и Каргопольский районы Шадринского округа. Источник энергии—р. Исеть.

Во всех намеченных округах по статистическим сведениям имеется молотилок конных количество достаточное для обмолота всего урожая, веялок также, сортировок не хватает от 20 до 80%.

Число электрифицируемых хозяйств от районных и местных гидравлических централей по округам в их динамическом росте по годам рисуется в следующем виде:

	1928 г.		1933 г.		1838 г.	
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
Свердловский	8.666	13,1	12.304	18,6	14.487	21,9
Шадринский	31.945	21,2	48.997	30,0	62.225	35,3
Челябинский	19.511	21,9	33.798	35,0	45.643	43,8
Троицкий	1.806	3,3	3.974	6,7	5.313	8,3
Златоустовский	1.796	5,0	3.115	8,0	4.202	10,0
Кунгурский	11.194	11,6	17.154	16,4	21.672	19,2
Пермский	3.298	2,6	6.187	4,5	7.863	5,3
Башресп. Аргаяш. кантон	2.498	16,5	4.332	26,4	5.894	33,3
Всего по области искл. Аргаяцск. кантон Башреспублики	78.216	6,3	125.529	9,3	161,405	11,0

В основу этой таблицы положены средние цифры по соответствующим округам, причем предполагается, что должный остаться в данных районах к 1938 году незначительный % совершенно неэлектрифицируемых хозяйств компенсируется неизбежным присоединением к сети некоторого % хозяйств прилегающих районов.

В план массовой электрификации на 1925-1938 г. из 15 округов области включены лишь 7.

Из остальных 8-ми не включены в виду экономической нерациональности таковой (малая плотность потребления энергии) следующие округа: Верхне-Камский, Ирбитский, Тагильский, Тобольский и Тюменский. И за отсутствием более или менее значительных источников дешевой энергии округа:

Ишимский, Курганский и Сарапульский. Электрифицируемые округа также охватываются далеко не полно и не в равной мере по тем же причинам.

По приблизительным данным число электрифицируемых хозяйств путем мелких местных установок определяется к концу периода в 75 тыс. хозяйств. Если прибавить к этим цифрам (161 тыс. и 75 тыс.) еще до 20 тыс. хозяйств уже электрифицированных к началу 1925 г., то получим всего свыше 250 тыс. хозяйств, что составит около $^1/_5$ части всех хозяйств по области. Таковы соображения Уралплана в сфере сельской электрификации по Уральской области.

Секция электрификации Госплана СССР при рассмотрении вопроса о пересмотре плана электрификации по Уралу в части, касающейся электрификации сельского хозяйства, отметила, что в вопросах сельско-хозяйственной электрификации надо считать наиболее правильным и возможным в условиях Урала метод оазисной, а не сплошной электрификации. Сельско-хозяйственная электрификация невыгодна, когда она обслуживает только сельское хозяйство и, наоборот, она становится весьма рентабельной, если имеет комбинированного потребителя в лице сельских хозяйств и промышленного предприятия. На Урале имеются такие места оазисного характера, весьма благоприятные с точки зрения нагрузки потребителями энергии. „Индустриализация сельского хозяйства—говорил Г. М. Кржижановский на Всесоюзном Съезде по электроснабжению в июне 1924 г.—не сводится к вопросу об электропахоте или электрическом освещении, а рисуется в виде специальной проблемы некоторого комбинирования промышленности и сельского хозяйства, некоторых новых построений в переработке продуктов сельского хозяйства тут же бок-о-бок с деревней". При дальнейшем углублении работы эти оазисы надо изучить и выявить в их конкретной экономико-географической обстановке.

III

Одной из наиболее существенных частей представленной Уралпланом работы по пересмотру плана электрификации является отдел о силовых рессурсах Уралобласти. Что же представляет из себя Урал в смысле энергетической базы?

Ископаемый каменный уголь, торф, древесина, белый уголь — вот основные элементы Уральской энергетики. Остановимся на значении для Уральского хозяйства каждого из них.

На Урале имеются ископаемые угли трех родов: бурые угли, каменные и антрациты. Наиболее значительными буроугольными районами являются Богословские и Челябинские. Они как бы замыкают горнозаводский Урал с севера и юга. Богословское месторождение расположено в 4 верстах к сев.-зап. от Богословского завода, на берегу заводского пруда. Челябинское месторождение расположено в 12 верстах на восток от Челябинска.

Месторождения каменных углей имеются на западном и на восточном склонах Урала. Первые имеют гораздо большее значение. Из них должны быть отмечены копи: Луньевские, Кизеловские, Верхне-Губахинские. Общие запасы углей западного склона (ориентировочные) до глубины 230 метров исчисляются примерно в 328 милл. тонн.

Вполне определившееся промышленное значение имеют два антрацитовых района: Егоршинский в среднем Урале и Полтаво-Брезинский — в южном.

Сводка всех запасов ископаемых углей по Уралу (в тоннах) представляется в следующем виде:

	Разведан. и подготов.	Вероятные	Разведан. и вероятные
Бурые угли			
Богословский	3.280.000	—	—
Челябинский	36.887.000	57.050.000	93.937.000
Всего бурых	40.167.000	57.050.000	93.937.000
Каменные угли			
Кизел-Луньевых	—	—	—
Каменск. и Сухоложский	200.000	830.000	—
Всего	200.000	830.000	—
Антрациты			
Егоршинский	1.640.000	38.885.000	40.525.000
Полтаво-Бред.	600.000	2.545.000	3.145.000
Всего	2.240.000	41.430.000	43.670.000
	42.607.000	99.310.000	140.887.000

Следует признать вместе с Уралпланом, что рессурсы минерального топлива на Урале далеко не учтены за отсутствием исчерпывающих геологических исследований и разведочных данных; восполнение этого пробела в топливном балансе Уральской горнозаводской промышленности и транспорте действительно не терпит отлагательств.

Роль Урала по добыче каменного угля в общей добыче страны рисуется в следующем виде:

Районы	1916 г.	1923/24 г.
Донбасс	1.744 м. п.	655
Урал	92 „ „	63
Подмосковный	43 „ „	40
Сибирь	214 „ „	93

Добыча угля на Урале в 1923/24 г.г. составила несколько более 7% общероссийской добычи. В 1916 году Урал дал 4,4%.

Размеры добычи каменного угля на Урале в 1923/24 году по сравнению с довоенной добычей весьма значительны. Производственные достижения выражаются в цифрах в 85% по отношению к 1916 г. В течение всего периода гражданской войны и революции добыча ископаемого угля по Уралу продержалась вообще на сравнительно высоком уровне, не падая ниже 57,5 милл. пудов. Следует отметить, что наблюдаются некоторые передвижки в географии добычи. Центр тяжести передвинулся к северу. Кизеловские копи растут в своем значении быстрее остальных районов.

Кизеловский каменный уголь и бурые угли восточного склона являются топливом низкосортным, не удовлетворяющим запросам уральской промышленности; превращение их в первоклассное топливо может быть и возможно, но сопряжено с большой предварительной научно-исследовательской работой, опытами в полузаводском масштабе и требуют ассигнования крупных средств на создание обязательных фабрик коксового и брикетного производства.

Уралплан выдвигает утверждение, что антрацитовые копи Урала в ближайшее десятилетие займут выдающееся положение в топливном балансе Уральской области и что им обеспечено более быстрое развитие по сравнению с Кизеловскими и буроугольными предприятиями Урала, если крупные разведочные работы подведут под них солидный фундамент.

Уралплан придает большое значение вопросу о коксующихся углях на Урале. С удовлетворением отмечая большое достижение—окончание В. Г. У. топографической карты Алапаевско-Каменской полосы, он усматривает возможность приступить к систематическому изучению Егоршинской полосы; по указаниям академика Карпинского там можно встретить коксующиеся

угли. Уралплан говорит об этом в связи с перспективой вести выплавку из местных руд на местном коксе и подчеркивает, что выбор методов рационального использования Уральского минерального топлива—очередная задача ближайшего будущего для сведения без дефицита топливного баланса.

Нельзя не отметить некоторого увлечения вопросами облагораживания местного уральского минерального топлива.

Возможность промышленной постановки способов облагораживания за исключением пылевидного использования и брикетирования, подлежит еще доказательству; это в особенности относится к сложным флотационным способам очистки угля от золы и серы, а также изготовлению синтетического кокса и использованию полукокса. Уральцы настолько увлекаются могущими быть достижениями в деле облагораживания углей и коксования, что рисуют перед собой перспективу вести выплавку из местных руд на местном коксе. Об этом говорится очень много и, наоборот, недопустимо мало говорится о взаимоотношениях с основной топливной базой — Кузнецким бассейном. Во втором цикле работ Уралплан должен будет совершенно отчетливо поставить вопрос о величине заявок на Кузнецкий кокс, который уже вошел в орбиту хозяйства Урала, причем должны быть сделаны все расчеты себестоимости чугуна. Перспектива создания крупных металлургических центров, базирующихся на минеральном топливе, занимает и должна занимать большое место в перспективном плане Уральского хозяйства. Проблема Урало-Кузнецкого Комбината настолько много значит для всего будущего развития Урала и его роли в Союзе, что требует самой всесторонней разработки, со всеми подсчетами технико-экономического характера. Это и должно быть проделано Уралпланом в его работе по пересмотру плана электрификации.

Торф, как топливо, до сих пор на Урале не получил еще значительного промышленного развития, однако, за последнее время, как дешевое горючее, он начинает привлекать к себе внимание предпринимателей.

Добыча торфа на Урале за последние годы представляется в следующем виде (в тыс. пудов)

ГОДЫ	(в тыс. пуд.)
1915	7.447
1916	7.947
1917	8.648
1918	4.544
1919	4.982
1920	7.196
1921	7.131
1922	7.673
1923	10.500

Как видим, добыча торфа превысила уже довоенные размеры. Принимая во внимание общую отсталость промышленности, следует отметить сильно возросшую роль уральского торфа.

Запасы воздушно-сухого торфа по Уралу определяются цифрой 2.852.700 тыс. пудов. В материалах Уралплана приводится список торфяных болот площадью свыше 2.000 десятин. Всего таких болот насчитывается свыше 500.000 десятин, а общая площадь всего заболоченного пространства достигает 2.000.000 десятин.

Однако, несмотря на значительные запасы торфа на Урале, не следует увлекаться возможными перспективами. Нужно помнить, что климат на Урале весьма влажный, лето часто бывает дождливое, сезон торфяных разработок поэтому очень короток. Торф—продукт сезонный. Поэтому понятно, что электрические станции боятся торфа и, как показывают расчеты строящейся теперь на торфу Свердловской электрической станции, энергия не будет достаточно дешевой для промышленности.

В деле развития будущих разработок торфа должен быть выяснен и углублен вопрос о возможной их механизации. Небезынтересно отметить, что наиболее широко применяются машины при добыче торфа на Журавлинском болоте, расположенном в 24 килм. к востоку от Белорецкого завода и соединенном с ним узкоколейной веткой. Здесь имеется 16 прессов системы „Гендуне“ и „Анреп“. На болоте имеется своя электрическая станция, работающая на торфе того же болота и обслуживающая его торфяное хозяйство.

В топливном балансе Урала выдающуюся роль играет древесина. Так в 1923/24 г.г. древесина в общем топливном балансе составляла 71%, каменный уголь—23%, торф—5%, а нефть—1% по отношению ко всему топливу. Большая роль древесины объясняется обилием лесов в Уралобласти.

Весь лесной фонд Уральской области составляет 76 милл. десятин, в том числе удобная покрытая лесом площадь—около 35 милл. десятин. Из этого фонда надо вычесть таежный район Тобольского округа около 12 милл. десятин, являющийся при настоящих транспортных условиях реально недоступным для эксплоатации. В таком же положении около $5^1/_2$ милл. дес., расположенных в мало доступных районах Верхне-Камского, Пермского и Верхне-Туринского округов. За вычетом этих лесов реально доступная лесная площадь по Уралу определяется приблизительно в 15 милл. десятин. Принимая во внимание, что одна десятина дает ежегодно $^1/_3$ куб. саж. прироста древесины, весь годичный возможный отпуск древесины надлежит определить в 5 милл. кб. саж. Из них на строевой лес должно быть отнесено 20% или 1 милл. кб. саж. и 80% или 4 милл. кб. саж. на дровяной лес.

По данным междуведомственной лесосечной комиссии потребление 1924/25 г.г. выразилось величиной в $2^1/_2$ милл. кб. саж. Из этого количества промышленность потребила 55% всего дровяного топлива, на нужды местного населения пошло 41%, НКПС и прочим организациям—4%.

Из общей площади удобных лесных угодий в Уральской области (около 35 милл. дес.) приходится:

	милл. дес.
На лестничества НКЗ	29,1
На лесничества, приписанные к заводам	4,2
На крестьянские наделы	1,8

Средняя лесистость Уралобласти—23%, на одну душу населения в среднем приходится—5,6 десятин леса, в то время, как средняя обеспеченность древесиной по СССР—1,2 дес. (в Германии она составляет 0,4, во Франции—0,8). Однако, не все части Урала одинаково обеспечены в этом отношении. В то время, как в районах, отдаленных от рек, с лесами еще нетронутыми рубкой, количество леса больше, чем нужно для удовлетворения населения,—в малолесистой южной части Урала испытывается сильный недостаток леса. Первоочередной задачей является переноска рубки в многолесные районы.

К вопросу о механизации лесных заготовок приходится подходить с большой осторожностью. Благодаря тому, что ручной труд расценивается весьма низко, электрификация лесозаготовок не окажется выгодной. Десятки тысяч рабочих ежегодно стягивается на лесозаготовки. Так на 1/III 1925 г. на лесозаготовках числилось около 30 тыс. человек. Древесноугольная плавка чугуна была исконной чертой Уральской металлургии.

Довоенная нормальная потребность металлургии в древесине определяется следующими данными:

	Размер произв.	Потребн. в древес.
Доменное производство	58 милл. п. чугуна	1.182 тыс. куб. саж.
Мартеновское „	49 милл. п. март. мет.	263 „ „ „
Прокатное „	83 „ „ прок. изд.	385 „ „ „
Итого . . .	1.833	„ „ „

Программа лесозаготовок на 1924/25 г.г. выразилась следующими данными:

Дров	825 тыс. куб. саж.
Древ. угля	1.160 тыс. коробок (по 16 пуд.)

В виду того, что дрова должны быть сухи, приходится всегда иметь по меньшей мере полуторагодовой их запас. Для создания нормального запаса сухого древесного топлива нужны затраты капитала—обстоятельство невыгодно отличающее в финансовом отношении Уральский металлургический район от районов минеральной выплавки чугуна. Это обстоятельство толкает промышленность Урала в направлении минерализации топлива.

Явление минерализации топлива вообще уже довольно отчетливо выявилось на Урале. В то время как за последние три года мы видим непрестанный рост плавки уральского чугуна, лесозаготовки как бы стабилизировались в своих размерах—они остановились приблизительно на 800 тыс. куб. саж. ежегодно. Это значит уменьшается роль древесно-угольной плавки чугуна. Исходя из коэффициента 1 куб. саж. дров идет для 50 пудов чугуна, следует отметить, что на дровах можно дать 40 милл. пудов чугуна.

Вероятно это и есть вообще уральский максимум размера древесно-угольной плавки чугуна. Правда, в довоенное время Урал давал больше—именно 55 милл. пудов чугуна, но не подлежит сомнению, что мы имели дело с хищническим истреблением лесов, с последствиями которого нам приходится считаться еще и теперь.

Уральцы плохо использовали свою древесину. Заводы интересовались только углем; побочные продукты при углежжении не улавливались, а между тем такие продукты, как скипидар, смола, спирт, горючие газы, представляют большую ценность.

Уклон уральской топливной политики в сторону минерализации топлива открывает перед Уралом широкие горизонты, дающие ему возможность выхода из замкнутого круга древесно-угольного хозяйства. В силу недостаточной обеспеченности Урала своими ископаемыми углями и в силу их недостаточной доброкачественности выход Уральской металлургии на большую производственную дорогу мыслим лишь в порядке осуществления Урало-Кузнецкого проекта, т. е. производственного синтеза уральских железных руд и Западно-Сибирского кокса.

В своих предварительных материалах по пересмотру плана электрификации Уралплан пытается определить топливный баланс Уралобласти, каким он будет через десятилетие. Он подходит к этому вопросу так.

На основании данных Уралплана, относящихся к 1916 году, потребность:

Уральского населения в топливе определяется в	356 м. п. условн. топл.
расход фабр. завод. промышл.	189 м. п. „ „
потребность в топл. транспорта	75 м. п. „ „
	650 м. п.

Потребность в 1938 г. в топливе Уралплан определяет простым удвоением цифры потребности 1916 г. Двукратное увеличение дает 1.240 милл. пуд.

Нельзя не признать слишком грубым такой расчет. При дальнейшем углублении работы по пересмотру плана ГОЭЛРО, разумеется, топливный баланс должен быть расчитан точнее, исходя из выявленных в плане потребностей промышленности и других потребителей, а также и источников получения топлива.

Урал, который уже и на основании имеющихся данных достаточно выясняется как район с дефицитным топливным балансом, как мы уже отмечали и подчеркивали, должен будет покрывать свой дефицит Западно-Сибирским минеральным топливом. Эта проблема уже достаточно разработана,—

больше того,—она уже вступила в стадию своего осуществления. Помимо этой основной есть еще одна проблема менее разработанная, более сырая, но все же заслуживающая того, чтобы быть отмеченной. Здесь мы имеем в виду нефтяную проблему.

Как мы уже отмечали, в топливном балансе Урала нефть играла пока ничтожную роль—она составляла в балансе всего лишь 1% по отношению ко всему топливу. Однако небезынтересно отметить все большее проникание нефти на Урал и связанные с этим перспективы. Переход на нефть особенно заметно проявляется в мартеновских цехах.

Может ли нефть быть уральским топливом? И если да, то откуда она может итти на Урал?

Все будет зависеть, разумеется, от стоимости ее, а это теснейшим образом связывается с условиями транспортирования. Урал настойчиво и справедливо добивается транспортной связи с югом. Троицко-Орская дорога будет достроена в ближайшее время. Недалека перспектива дальнейшей связи путем продолжения ее на Актюбинск. Это значительно сокращает пути на юг и в Среднюю Азию, в частности это делает досягаемым Уралу Эмбенский район нефти. Все это еще требует подсчетов и выкладок, но проблема должна быть уже поставлена и теперь.

Работа по пересмотру плана электрификации должна итти параллельно на местах и в центре. Есть такие проблемы, которые лучше могут быть освещены на местах, а есть и такие задачи, разрешение которых должен принять на себя центр. В частности проблема об экономическом взаимоотношении Урала и Эмбенского района есть именно такая проблема, разработку которой должен принять на себя Госплан СССР.

IV

В своих материалах по пересмотру плана ГОЭЛРО Уралплан делает сводку того, что известно о запасах белого угля на Урале.

Основанием для подсчета служили:

1. Площади бассейнов той или иной реки, подсчитанные планиметрированием по десятиверстной карте.
2. Данные о средних годовых осадках, наблюдавшихся за ряд лет на склонах Урала по данным Свердловской (бывш. Екатеринбургской) и Пермской обсерваторий.
3. Выведенные проф. В. Е. Грум-Гржимайло на основании этих данных средние коэффициенты для склонов Урала, характеризующие минимальную секундную мощность реки в зависимости от величины ее бассейна.
4. Данные по изысканиям Обь-Волжского водного пути.
5. Примерное определение степени падения реки, выведенное на основании профилей железных дорог.
6. Некоторые данные об использовании рек Урала в заводских гидравлических установках.

Этих данных недостаточно для того, чтобы сказать, что запас белого угля на Урале действительно приведен в полную известность, но всеже эти данные дают представление об общем характере этих запасов. В результате подсчетов выясняется, что Урал располагает гидравлической мощностью около 200 тыс. лошадиных сил, из которых существующие заводские установки утилизируют около 8%. Установки Уральских заводов очень малой мощности, и хотя почти каждый завод имеет свой пруд, запасы водной энергии утилизируются очень мало. Средняя мощность плотин восточного склона Урала—140 лошад. сил и западного склона—100 лош. сил. Большая часть плотин была построена на маленьких реках. Многие из них заложены были еще в XVIII в. и поддерживались в значительной мере лишь по заводской

традиции. Заводовладельцы XVIII в. затруднялись строить плотины на крупных реках отчасти в силу технических трудностей того времени, отчасти в тех видах, чтобы не мешать сплаву лесных материалов, игравшему и продолжающему играть еще весьма крупную роль в лесозаготовках Урала.

В результате 9/10 Уральского белого угля оставались неиспользованными, а использование существующих плотин носило весьма кустарный характер. В течение XIX века заводовладельцы ориентировались главным образом на паровое хозяйство, на водяную силу стали обращать тем меньшее внимание. Дорабатывали лишь уцелевшие колеса и турбины в большей части весьма устарелых систем.

С переходом на электрическую энергию и с увеличением интереса к использованию всех возможных источников энергии на Урале вопросы белого угля начали вновь привлекать к себе общее внимание. В последние годы перед войной были сделаны более или менее видные установки, были произведены изыскания в некоторых наиболее интересных местах. Так в Белорецком округе работал специально приглашенный из Швеции инженер, специалист-гидравлик, была обследована река Инзер. К сожалению, в большинстве случаев результаты этих изысканий потеряны.

Как мы уже отмечали, общее количество могущей быть использованной водной энергии на Урале определяется величиной в 200 тыс. лош. сил. Это в большинстве случаев по отдельности небольшие мощности—от 200 до 400 лош. сил и лишь в редких случаях можно говорить о мощности 2000-5000 лош. сил. Отдельные места представляют значительный интерес.

Так, например, обследование В. Е. Грум-Гржимайло в 1903/94 году рек Нейвы и Тагила в пределах Алапаевского Округа дало возможность ему запроектировать семь плотин перевального типа и вывести такое заключение: „При этой работе были найдены удивительно заманчивые места для сооружения каменных плотин до 16 метров падения с ничтожными расходами на отчуждение, благодаря глубине, узости долины Нейвы и скалистости ее берегов".

Подобное заключение отчасти подтверждается самой жизнью. Так река Исеть, как исключение для более крупных рек Урала, уже издавна перерезана лестницей плотин различных заводов, мельниц, утилизирующих в общем до 88% ее общего падения. Всего имеется на ней на протяжении 640 верст 75 плотин, подпирающих 154 метра общего падения в 175 метров. Это, конечно, не значит, что утилизируются все 88% мощности р. Исети—плотины и двигатели заставляют желать много лучшего и отсутствие электрификации этой мощности крайне сужает пределы ее использования.

Отчасти в таком же виде находится и использование верховьев реки Миасса. Находящиеся в верховьях р. Миасса озера представляют из себя громадные водовместилища и при небольших затратах их емкость может быть увеличена, что обещает сильно повысить удельную мощность Миасса и абсолютную мощность его плотин.

Проект Обь-Волжского пути, преследуя цели сделать р. Чусовую судоходной путем шлюзования, предусматривает на ее протяжении от Чусовского завода до соединительного канала с р. Исеть устройство 18 плотин.

Итак, общий характер могущих быть гидравлических установок на Урале—это характер мелких установок. В плане электрификации они должны быть учтены. По выражению лучшего знатока гидравлической силы Урала проф. В. Е. Грум-Гржимайло в течение ряда лет беспрерывно производившего измерения и изыскания в этой области, все уральские источники водной энергии—это то же, что сберегательные кассы в финансовой жизни. Они не велики, но в общей сложности дают верное обеспечение и хороший процент, представляя весьма ответственный и важный участок на финансовом и гидравлическом фронте.

Внимание к гидравлическим установкам мелкого Уральского типа тем более должно быть усилено, что современная техника вырабатывает систему весьма дешевого использования этих мелких гидравлических станций в отношении расходов на эксплоатацию. Автоматизм в работе таких станций допускает отсутствие в них какого бы то ни было персонала.

V

Пересмотр программы электрификации теснейшим образом связывается с промышленными перспективами Урала; проектируемая сеть электростанций должна быть проведена с учетом заявок всех отраслей промышленности, исходя из перспективного плана их развития.

Вот почему перспективные планы промышленного развития Уральского хозяйства должны быть центральной и важнейшей частью материалов по пересмотру плана ГОЭЛРО.

Однако, обрисованию перспектив должен предшествовать обзор современного состояния Уральской промышленности и достижений, сделанных ею в результате восстановительного процесса последних лет.

Валовая продукция всей трестированной уральской промышленности в 1923/24 году определяется в сумме 175 милл. рублей.

Главнейшими отраслями уральской промышленности являются следующие:

	Продукц. в %% к общ. сумме по всем отраслям
Металлургия и металлообраб. промышл.	46,5
Горная	16,7
Пищевая	7,7
Обработка дерева	6,5

На эти четыре отрасли промышленности падает $^4/_5$ всех производств, а на горную, металлургическую и металлообрабатывающую почти $^2/_3$ (63,2%).

Из общего количества чугуна, добытого во всем Союзе в 1923/24 г.—40 милл. пудов, на долю Урала приходилось 14,8 милл. п., т. е. 37%. Доля участия Урала в общей добыче чугуна в 1913 году выражалась 22%.

Основным и центральным пунктом перспективы Уральского хозяйства является вопрос о размерах будущей Уральской металлургической промышленности.

Президиум Госплана СССР по докладу металлургической комиссии о темпе развития металлургической промышленности Союза наметил для Урала к 1934/35 году выплавку чугуна—75 милл. пуд. По программе Уралплана выплавка чугуна намечается в следующих количествах:

ГОДЫ	На древесн. угле	(В тыс. *т*) На мин. топл.	Итого тыс. *т*	Милл. пуд.
1927/28	574	295	869	52
1932/33	821	821	1642	98
1937/38	821	1148	1969	118

Итак, между цифрами Госплана и цифрами Уралплана наблюдается значительное расхождение.

Остановимся на характере цифр, принятых Президиумом Госплана, степени их директивности и обязательности для отдельных областей. Разумеется, было бы весьма целесообразно, если бы Госплан Союза имел возможность остановиться вполне определенно на тех или иных цифрах, дал бы их, как жесткую директиву на места. Однако, при настоящей степени состояния работы по выработке перспективных планов, у Госплана нет и не может быть уверенности в бесспорной правильности произведенной наметки.

Цифры, преподанные металлической комиссией, нельзя считать не подлежащими пересмотру; от некоторых Наркоматов и от мест уже имеются некоторые возражения. Разумеется, нельзя считать по отношению к Уралу цифру в 75 милл. пудов чугуна к 1935 г. пределом, „его же не прейдеши". Урал может и вправе выдвигать свою цифру, это однако возлагает на него обязанность всестороннего обоснования своих предположений.

В проделанной работе Уралплан выдвигает цифру выплавки чугуна к 1938 г.—около 120 милл. пудов. Цифра эта нуждается в более полном и более детальном обосновании. Обоснование должно итти по двум направлениям: в направлении анализа рынков сбыта Уральской промышленности и анализа технической возможности—состояния ее оборудования.

Где рынки сбыта Уральской промышленности?—Вот тот вопрос, который должен быть поставлен совершенно отчетливо.

Нельзя сказать, что работы в этом направлении не производились. В этом отношении надлежит отметить чрезвычайно интересную работу одного из членов Уральской районной группы в Госплане СССР инж. Е. А. Таубе, который, исходя из тарифных расчетов, пытался наметить грузораздельную линию между рынками сбыта, тяготеющими, с одной стороны, к Уралу, а с другой стороны—к югу России. Учитывая количество населения в губерниях той или другой территории и беря довоенный коэффициент душевого потребления чугуна (1,8 п.), он приходит к выводу, что Урал должен удовлетворять 38% всей потребности в чугуне всего Союза, что составляет 114 милл. пудов.

Итак, Уралплану со стороны Госплана должно быть дано задание во втором концентре работы—тщательное обследование выдвигаемых им предположений о выплавке чугуна к 1938 г. 120 милл. пуд. Также требует специального обоснования цифра древесно-угольной плавки чугуна. По программе Уралплана из 120 милл. пуд. общей выплавки 50 милл. пуд. приходится на древесно-угольный чугун. Эта цифра требует своего обоснования. Не подлежит никакому сомнению тенденция к минерализации уральского топлива. Несмотря на бурный рост общей уральской металлургической продукции в течение последних 3-4 лет, заготовка дровяного топлива для металлургической промышленности является почти стационарной. В настоящем году заготовлено около 800 тыс. куб. саж. дров. Исходя из расчета, что 1 куб. саж. дров потребна для выплавки 50 пуд. чугуна, следует сказать, что Урал мог бы дать до 400 милл. пуд. древесно-угольного чугуна. Однако, в поле изучения здесь должен быть также вопрос о ходе улучшения сильно износившихся воздуходувных средств, что может изменить коэффициент выхода.

Вопрос о технической возможности производства в том или ином размере является одним из основных вопросов реконструкции хозяйства каждой области.

По отношению к Уралу вопрос этот может быть стоит более остро, нежели в других областях Союза, так как нигде может быть так не обветшал инвентарь и оборудование заводов, как на Урале, и нигде не ощущается такой большой потребности в реконструкции предприятий, как на Урале с его столь причудливым и пестрым историко-географическим развитием горнозаводских округов и отдельных заводов.

Где предел восстановления старых предприятий и какова должна быть очередь оборудования новых производственных единиц?—вот тот вопрос, который также должен быть поставлен перед Уралом. До революции на Урале насчитывалось до сотни заводов, теперь их работает до 45. Восстановительный процесс хозяйства Урала или требует возобновления деятельности консервированных предприятий или создания новых предприятий. Это требует вложения средств и следует совершенно отчетливо и правильно определить ту грань, когда для Урала, а, следовательно, и для Союза в целом, выгоднее будет вложение крупных средств в новые предприятия, нежели вложение средств на зашивание старых заплат в виде обветшалых заводов, по техни-

ческой природе своей не могущих дать продукции по современной нормальной стоимости. Поэтому производственные и перспективные планы должны иметь дело с подсчетами возможной себестоимости производства. Госплан не может надлежащим образом относиться к вопросу о сравнительном темпе развития различных районов в области металлургии, как впрочем и во всякой другой области, если он не будет иметь хотя бы самых предварительных соображений о себестоимости продукции. Сами области должны дать свои соображения о потребных финансовых затратах для выполнения выставляемой ими перспективной производственной программы. Производственный план должен быть в тоже время и финансовым планом. И если в перспективном плане по реконструкции и восстановлению промышленности нет соображений о потребных финансовых затратах, то следует сказать, что такой план страдает органическим недостатком.

В подробно разработанной Уралом программе ближайшего трехлетнего промышленного развития имеются вполне определенные предположения по вопросу о местоположении новых крупных производственных металлургических центров. Выдвигается проект постройки 4-х заводов: 1) у горы Магнитной, 2) в Алапаевске, 3) в Кушве и 4) в Тагиле, с общей производительностью до 90 милл. пуд. чугуна.

География размещения новых крупных заводов находится в соотвествии с географическим размещением основных железно-рудных залежей. Общий запас железных руд на Урале, определяемый в 30 миллиардов пудов (500 тыс. *т*), распределяется так:

Гора Магнитная	9	милл. пуд.
Алапаевск	6	„ „
гора Благодать	6	„ „
гора Высокая	3	„ „
Бакал	3	„ „

Для того, чтобы составить себе конкретное представление о величине железно-рудных запасов на Урале, достаточно отметить, что если принять норму ежегодного расхода руды—добычу 1913 года—то количество уральских руд обеспечило бы промышленность на 300 лет. Надлежащее использование Уральских железно-рудных богатств, разумеется, возможно и мыслимо лишь на базе соединения их с западно-сибирским коксом в один мощный производственный комбинат.

Первым по важности после черной металлургии стоит на Урале вопрос о меди.

Из общего количества меди, добывавшейся в России до войны, 2.000.000 пудов, около 1.000.000 приходилось на Урал. В 1923/24 г. выплавка меди в Союзе производилась только на Урале. Урал дал 176 тыс. пуд. меди, что составило немного менее $^1/_5$ довоенной добычи (17,6%).

Исследования последних лет обнаружили богатейшие запасы меди на Урале.

От Туринских рудников на сев. Урале до Таналыкской группы на южном Урале по склону восточного Урала тянется гряда медных месторождений. Запасы чистого металла в этом месторождении представляются в следующей таблице месторождений:

Богомоловское	35.792.053	пуд.
Дегтяринское	25.953.964	„
Кыштымское	9.144.915	„
Калатинское	8.233.324	„
Тагильское (Сан.-Дон. и Левиха)	3.116.501	„
Тан-Баймакское	995.214	„
Пышм.-Ключевское	1.041.854	„
Благодат., Зезюльский и Гумешевский рудн.	2.357.324	„
Турьинское	268.509	„
Итого	86.903.658	пуд.

Итак, на одном лишь восточном склоне мы имеем запасы металла до 87 милл. пуд. Страна будет очень нуждаться в меди. Душевое потребление меди в отдельных странах в 1911 г. было таково (в фунтах): Соединенные Штаты—19,1 ф., Англия—18,5 ф., Германия—8 ф., Россия—0,44 ф.

Чтобы достигнуть потребления на душу хотя бы по 1 фунту, нам нужно ежегодно выплавлять меди около 3.200 тыс. пудов.

Когда вырабатывалась первая программа электрификации в 1920 г.—программа ГОЭЛРО, медная промышленность в перспективном плане Уральского хозяйства не занимала еще и не могла занять надлежащего места. Удельный вес и значение медной промышленности еще не были достаточно оценены. Лишь за эти последние годы точнее определились размеры медных месторождений. Запасы чистой меди на Урале, как мы отмечали выше, определяются теперь цифрой свыше 85 милл. пуд., не считая даже западного склона.

Будущее Урала не только в черном и даже может быть не столько в черном, как в желтом (медном) металле. Это не значит, конечно, что медный и черный металлургический варианты должны конкурировать между собой. Необходимо подчеркнуть лишь, что медная промышленность в перспективном плане Уральского хозяйства теперь при пересмотре плана ГОЭЛРО по праву занимает гораздо более видное место, нежели то, какое ей было уделено в первоначальном плане 1920 г.

В материалах Уралплана по пересмотру электрификации перспектива добычи меди по годам и по районам рисуется в следующем виде:

ЗАВОДЫ	1927/28 г.	1932/33 г.	1937/38 г.
	(В тысячах пудов)		
Калатинский	400	400	400
С.-Донато	—	300	300
Кыштымский	400	680	680
Богомоловский	—	1.200	1.500
Полевский	100	100	100
Дегтяринский	—	—	1.000
			4.000

Уральская группа Госплана СССР при рассмотрении этих материалов не нашла больших преувеличений в этой программе, однако к этой программе должны быть сделаны некоторые дополнительные замечания. В программе предусматривалась к концу десятилетия постройка медеплавильного завода на Дегтяринских месторождениях. Месторождения эти теперь отданы в концессию, но это не значит, что их нужно изъять из нашего внимания в плане электрификации, так как неизвестно еще, как и откуда этот округ будет снабжаться электроэнергией.

Наиболее крупным медеплавильным заводом на Урале должен быть Богомоловский завод (к сев.-вост. от Кушвы). В июне этого года при Главметалле ВСНХ была организована специальная комиссия в целях организации работ по строительству Богомоловского завода, которая уже и закончила свою работу, точно наметив место постройки завода. Таким образом вопрос о постройке завода является совершенно решенным. Будущие потребители энергии в этом отношении выявились совершенно определенно.

С судьбами развития медеплавильного дела на Урале связывается вопрос о постройках на Урале крупного электролитного завода. Где должен быть построен такой завод? Если даже концессия „Лена-Годфильд“ поставит свой электролитный завод для Дегтяринского и Полевского медеплавильных заводов, то все же от остальной группы уральских заводов с Богомоловским заводом-гигантом во главе потребуется рафинирование меди в количестве, превышающем 2.000.000 пудов. Ошибки в местоположении завода такой

производственной мощности могут вовлечь государство в большие излишние расходы. При выборе места для постройки электролитного завода должны иметься в виду следующие условия: а) близость к потребителю меди, б) дешевая электроэнергия, в) близость к научно-техническому центру. Меньше всего надо стараться связывать судьбу электролитного завода с судьбой медеплавильного завода. Медеплавильные заводы расположены как бы на одной сплошной линии со Свердловском в центре. В самом деле, в 160 верстах на юг от Свердловска мы имеем Кыштымское месторождение, а в 180 верстах к северу от Свердловска—месторождение будущего гиганта Богомоловского медеплавильного завода; между этими крайними пунктами находятся: Калата, Левиха, Сан-Донато. В настоящее время на Урале имеется электролитный завод в Кыштыме с производительностью в 600-650 т. пуд. меди. Возить к нему медь для очистки из Богомолова нерационально, равно как не рационально возить медь к Богомоловскому заводу, если бы вздумали электролитный завод строить при нем, как при крупнейшем медеплавильном заводе. В. А. Гулин [1] делает подсчеты расходов государства по перевозке меди, если завод по электролизу будет в Богомолове. Исходя из продолжительности работы завода в 20 лет, он определяет ненужные расходы по транспорту в 2.340 тыс. рублей. Эта сумма равняется половине стоимости электролитного завода с годовой производительностью в 2.000.000 пудов. Этот расчет представляет очень большой интерес с точки зрения иллюстрации того, как следует подходить к рациональному размещению промышленных предприятий. Вопросы рационального размещения будущих предприятий имеют чрезвычайно большое значение с точки зрения вызываемого им соответственного размещения источников электроэнергии.

Медеплавильное дело в значительной степени связано с химической промышленностью Урала. В медных рудах, идущих на плавку меди, количество серы достигло 30%. Сера эта на действующем в настоящее время Калатинском медеплавильном заводе не улавливается, а уходит в заводскую трубу. Дело рационализации географического размещения промышленности по территории страны требует создания на Урале крупного химического завода. Может быть ни в какой области так, как в химической, не потребуется столь коренных географических изменений. Вся наша химическая промышленность разместилась там, где не нужно. Это находит свое объяснение в том, что заводы наши работали преимущественно на привозном иностранном сырье: например, Тентелевский завод в Ленинграде, химический завод на юге около Одессы. Мы встречаем серную кислоту там, где нет серы. Внести радикальную рационализацию в географию химической промышленности способна лишь себестоимость. Если Урал будет выпускать серную кислоту по 12 коп., то заводы, работающие на привозном сырье, завянут сами собой. Широкие перспективы развития медеплавильного дела сулят громадные количества серной кислоты, для которой может быть лишь одна проблема—найти себе потребителя. Страна не может потребить того „моря“ серной кислоты, которое явится как спутник широкой медной программы. В довоенное время потребление серной кислоты составляло в год всего лишь 1.300 тыс. пудов. Использование серы на одном Калатинском заводе с его производством меди (до 200 т. и.) могло бы дать до 2 милл. пудов серной кислоты. Весьма интересным вопросом в этой связи является вопрос о серно-кислом аммонии, могущем иметь широкое применение в нашей стране, нуждающейся в искусственном удобрении. Как известно, методы добывания азотистых соединений из воздуха за последнее время претерпели ряд существенных изменений. Простейший способ сжигания азота воздуха в вольтовой дуге, которым норвежские гидроэлектрические централи пользовались для получения так называемой норвежской селитры (в 1915 г. в Норвегии было получено до 15 милл. пудов этой селитры), может быть в настоящее время применяем лишь при условии исключительно дешевой энергии электричества. Получение азотистых соединений путем так называемого цианамидного процесса приобретает все более и более широкое значение. В 1914 году по этому способу работало уже 14 заводов, поставлявших около 18 милл. пудов искусственных азотистых удобрений. Сильным конкурентом этому способу является получение так называемого синтетического аммиака (способ Габера), дававшее на заводах баденского содового и анилинового производства в 1917 г. уже до 30 милл. пудов этого продукта [1].

[1] В. Гулин: „К постройке завода по рафинированию меди на Урале“. „Хозяйство Урала“, 1925 г. № 1.

Получаемая на Урале серная кислота может и должна быть связана с аммиаком, полученным из воздуха. Это будет давать серно-кислый аммоний, который сверх потребления внутри страны может быть предметом экспорта. В этих целях в мирное время он будет возиться с Урала в Ленинградский порт, а в военное время составит одну из основ военной промышленности. Химическая промышленность Урала быстро и хорошо восстанавливается. Сопоставление ее производства в 1923/24 г. с производством 1913 г. дает следующую картину: [2]

	1913 г.	1913 г. = % %	1923/24 г.	1923/24 г. = % %
Сода кальцинир.	2.600	100	1.261	48,5
„ каустическая	970	100	618	63,7
Серная кислота	522	100	508	97,4
Хромовые соли	28	100	40	139,5

Восстановительный процесс в этой отрасли хозяйства, как и в других, подходит к своему концу в смысле достижения довоенных размеров.

И в этой отрасли, также как и в отрасли черной металлургии и медеплавильного дела, уже достаточно рельефно выявляются черты будущей реконструкции, в смысле создания здесь крупного производственного центра.

В сводном виде перспективы лесопильной промышленности представляются в следующем виде:

Наименование группы	Производственная программа			Ориентировочная программа	
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1928/29 г.	1933/34 г.
Н.-Павлинск	2.600.000	4.362.000	5.200.000	5.200.000	—
Свердловск	1.080.000	1.800.000	1.800.000	2.000.000	2.250.000
Надеждинская	—	—	—	3.000.000	3.000.000
Тавдинская	660.000	2.053.000	3.600.000	3.600.000	4.000.000
Тюменьевская	780.000	1.000.000	2.000.000	2.400.000	2.400.000
Пермская	1.122.000	1.000.000	2.000.000	2.000.000	6.750.000
Кунгурская	239.000	800.000	1.200.000	1.600.000	1.600.000
Итого	6.481.000	11.015.000	15.800.000	19.800.000	20.000.000

[1] „Электрификация и сельское хозяйство“. Доклад ГОЭЛРО.
[2] „Обзор хозяйства Урала за 1923/24 г.“, стр. 243.

По состоянию лесонасаждений, обслуживающих эти заводы, положение указанных групп весьма различно. Заводы Николо-Павдинские и заводы Свердловского округа находятся уже в весьма истощенных лесосеках. Тавдинская же группа, наоборот, находится в исключительно благоприятном положении; там имеются громадные запасы почти нетронутых насаждений, расположенных по сплавным и частью по судоходным рекам. Что касается Пермской и отчасти Кунгурской группы, то будущность их зависит от эксплоатации и сбыта ели.

Руководство в области деревообрабатывающей промышленности на Урале должно быть направлено в сторону производства бумаги и бумажной массы. Еловые леса Пермской группы, которые не находят себе сбыта и не знают еще надлежащей эксплоатации, как нельзя больше подходят к этому. Следует отметить, что производство бумаги и картона за последние годы на Урале растет значительнее, чем производство пиломатериалов. В %% это выражается так:

1922/23 г.	100
1923/24 г.	150
Произв. прогр. 1924/25 г.	178,6

Фактически в 1923/24 году было получено:

	в тысячах пудов
Древесной массы	224
Целлюлозы	55
Бумаги	296
Картона	69

Основное значение в продукции Уральских бумажных фабрик имела Николо-Павдинская бумажная фабрика с древесномассным и целлюлозным заводом при ней. Всего фабрикой выработано в 1923/24 г. 223 тыс. пуд. бумаги из 226 тыс., т. е. 75% общего производства бумаги.

Развитие Урала в отношении деревообрабатывающей промышленности должно итти в том же направлении, как и развитие шведской деревообрабатывающей промышленности, т.-е. в направлении производства более квалифицированного продукта не только пиломатериалов. Качества уральской елки, ее обилие гарантируют возможность создания здесь крупного производства лесобумажной массы.

Мы чрезвычайно примитивно эксплоатируем нашу древесину. Это следует отметить также и в отношении химической переработки древесины. Химическую переработку древесины ведет на Урале Всеволод-Вильвенский завод. В минувшем году он дал около 2 тыс. пудов метилового спирта, около $1^1/_2$ тыс. пуд. ацетона, около 10 тыс. пудов уксусно-кальцевого порошка. При наличии на Урале громадного количества неиспользуемой древесины в несколько милл. кубов и при острой нужде в продуктах сухой перегонки дерева эти количества нельзя не признать чрезвычайно малыми. Природные условия дают полную возможность широкого развития на Урале древесно-химической и древесно-бумажной промышленности. В этом направлении и должны итти развитие и реконструкция уральской деревообрабатывающей промышленности.

В области горного дела должны быть отмечены золото, платина, азбест, соль; в области легкой индустрии — текстильная промышленность, в области переработки продуктов сельского хозяйства—мукомольная и кожевенная.

Роль Урала по добыче благородных металлов общеизвестна. Урал давал до 90% мировой добычи платины и 18% золота по отношению ко всей русской добыче.

В 1923/24 г. выварка соли сосредотачивалась на 4 наиболее сохранившихся заводах Пермсоли. Два завода (Дедюхинский и Соликамский) вследствие изношенности оборудования и отсутствия средств на их капитальный ремонт переведены на положение охраны. Один завод (Усть-Усольский) сдан артели местных солеваров. В минувшем году было выварено около 7 милл. пуд. соли, что составляет 33% по отношению к добыче 1913 г. и 10% по отношению к общему количеству добычи соли во всем Союзе.

Урал—единственный район в Союзе, дающий экспортный товар—азбест. Помимо Урала только с двух сторон идет добыча азбеста—в Канаде и в Родезии (Африка). В 1923/24 г. Урал добыл 490 тыс. пудов, что составляет $^1/_3$ часть довоенной добычи.

Работа Уральского объединения текстильных предприятий основывается на выработке шерстяных тканей и полотняных мешков. Роль Урала в общесоюзном производстве весьма небольшая. В 1923/24 г. она выразилась 2% в отношении шерстяных тканей и 9%—в отношении мешочного полотна.

VI

Краткий обзор величины продукции отдельных отраслей уральской промышленности показывает, что в основе своей Урал был и остается по преимуществу районом горнозаводской промышленности. Однако, надлежит отметить, что на Урал неправильно смотреть как только лишь на горнодобывающий район и металлургический центр.

Урал интересен именно тем, что он представляет из себя весьма многостороннюю комбинацию различных элементов экономики и различных производственных возможностей. Мы уже отметили, что некоторые уральцы сами характеризуют будущее Урала, не как района с грандиозным развитием медного дела. Это не значит, конечно, что вариант широкого развертывания черной металлургии на привозном минеральном топливе и вариант медеплавильного дела будут конкурировать между собой в перспективных планах хозяйства. Они должны сопутствовать один другому. Медеплавильное дело логически требует развития на Урале основной химической промышленности; а в изобилии гибнущая уральская древесина настойчиво требует развития широко поставленного производства лесобумажной массы. Возможности Урала функционально связаны между собой, представляя один чрезвычайно интересный хозяйственный комплекс. Создание крупных металлургических заводов влечет за собой необходимость создания на Урале крупного машиностроительства; производство высокого качества черного материала вызывает постановку высококвалифицированных металлических изделий. Медь тащит за собой химию, дерево толкает на необходимость производства лесобумажной массы и т. п., а весь этот богатый производственный комплекс сам в свою очередь вызывает необходимость изменений в транспорте Урала, находясь с ним в функциональной связи, влияя на его развитие и сам получая от него влияние в своем дальнейшем росте.

Война застала транспорт Урала, также как и заводскую деятельность, в период начатых и незаконченных сооружений. Их надо прежде всего завершить. Здесь должны быть отмечены недостроенные Троицко-Орская ж. д., Казинбургская ж. д., Свердловск-Синарская, Шадрин-Курган. Троицко-Орская ж. д. должна связать Урал со степным югом—обильным рынками сырья и рынком сбыта своей промышленной продукции. Окончание Казенбургской линии дает кратчайшее соединение с центром Союза, а линии Щадринск-Курган и Свердловск-Синарская связывает центр области с ее восточной сельско-хозяйственной частью.

В своей строительной программе по транспорту уральцы выдвигают кроме того линию Саитново - Тобольск, которая должна создать надлежащую связь Урала с отдаленными от него Тобольским севером. Вся строительная железнодорожная программа, выдвигаемая уральцами, ведет к удовлетворению ближайших потребностей Урала в области транспорта. Это есть, если можно так выразиться, программа минимум; это скорее восстановление, чем реконструкция транспорта. Но подобно тому, как в области реконструкции промышленности стоят большие проблемы, такие же проблемы стоят в области транспорта. В отношении Урала это есть проблема, которую сами уральцы в своих материалах по пересмотру плана электрификации пока не выдвигают, и которая по характеру своему требует разработки со стороны центра. Мы имеем в виду проблему создания сверхмагистрального железно - дорожного пути из Сибири на Ленинград. Эта магистраль ближайшим образом касается Урала, но ее уральская часть, будучи элементом более общей проблемы, не может быть выдвигаема вне этой связи.

Урал должен иметь дешевый транспорт. Если у него нет уверенности, что он будет получать кокс из Сибири по $^1/_{150}$ коп., то он вообще не может строить своего металлургического хозяйства. Но такая уверенность Уралу дана. Госплан закрепил этот тариф как непреложный и если может быть его пересмотр, то лишь в сторону понижения. Однако, центр должен разработать проблему транспорта дальше в смысле переработки межрайонных связей и прежде всего вопрос о сибирской магистрали. Это предприятие имеет общесоюзное значение. Им связывается обильный сибирский сельскохозяйственный рынок с Ленинградским портом. Сельско-хозяйственные продукты, Кузнецкий уголь, северно-Уральский лес—вот что должно потянуться по этой магистрали. Вместе с тем, Урал получает широкую дорогу, получает связь с другими районами и в особенности с Сибирью, получая оттуда сырье и расширяя возможности по сбыту своей продукции.

VII

Заключительная глава материалов Уралплана по пересмотру плана электрификации посвящена выводам из перспектив его хозяйства—выявлению сети электростанций и электропередач. В этой своей заключительной части материалы, представляющие собой лишь первый концентр работы, являются, как это подчеркивает и сам Уралплан, в значительной части еще не проработанными. Остались невыясненными в должной степени сношенность существующих станций, величина затрат на постройку и кустование станций, величина затрат для подготовки потребителей. Однако, несмотря на то, что еще многое осталось непроработанным и требующим своего дальнейшего углубления во втором концентре работы, нельзя не отметить, что предлагаемый план электрификации Урала является первой согласованной ориентировочной работой по подготовке материалов для планового усиления силового хозяйства на основе намечающейся перспективы развития хозяйства области вообще.

В настоящее время все силовое хозяйство Уральской области выражается величиной 305.000 лош. сил. Из них на долю электродвигателей приходится 140.000 лош. сил (около 100.000 кв.) или 46% всех силовых установок.

По плану ГОЭЛРО вся потребность Урала в энергии при его электрификации определялась в размере около 600.000 кв. Это количество энергии в плане распределялось следующим образом между отдельными отраслями хозяйства—потребителями:

	Потребление энергии.	% %
Металлургич. заводы	75.000 квт.	12,4
Железные рудники	33.600 „	5,4
Выплавка меди	6.950 „	0,8
Платина	10.000 „	1,7
Золото	10.540 „	1,8
Доб. угля	21.430 „	3,5
Лесозаготовки	106.815 „	17,5
Железные дороги	93.200 „	15,0
Культурн. нужды населения	121.900 „	20,0
Различн. нужды	125 000 „	20,0
	604.435 квт.	100

По плану ГОЭЛРО на Урале намечались к постройке три больших районных станции:

Губахинская (Кизел)	на кам. угле	мощностью в 40 т. квт.	
Егоршинская	„ антраците	„ „ 40 „	„
Челябинская	„ кам. угле	„ „ 60 „	„

На реке Чусовой вблизи примыкания Луньевской ветки к главной линии имелось в виду построить гидроэлектрическую станцию мощностью 25 тыс. квт.

Кизеловская (Губахинская) станция открыла свои действия летом 1924 года. Существующая ее мощность—6.000 квт. (Здание готовится на 40 т. квт). До сего времени она не нагружена еще надлежащим образом. Потребление энергии каменноугольными копями относительно невелико—всего до 2.000 квт. Кизелкопи берут энергию с Губахинской станции охотно лишь для двух рудников возле самой Губахи, где совершенно разрушилась существующая силовая установка Кизелкопей. Главные копи—Ленинские—предпочитают эксплоатировать свою станцию; энергия обходится им менее 3 коп., тогда как энергия с Губахинской станции отпускается им по цене около 5 коп., причем по имеющимся сведениям цифра эта ниже себестоимости. Такое положение со станцией, имеющей развернуться в станцию районного значения, ненормально. „Когда я слышу об успехах в сооружениях электростанций—говорит Г. М. Кржижановский на Всесоюзной конференции по электроснабжению в июне 1924 г.—то меня больше всего интересует вопрос, разрешены ли практически те проблемы, которые связаны с нормальной жизнедеятельностью станций вновь строящихся в условиях такой неблагоприятной экономической обстановки. Мы должны получить от районных централей не просто электрическую энергию, но дешевую электрическую энергию и должны видеть на примерах этих станций все выгоды правильного комбината производств на основах современной теплотехники и электротехники".

Губахинская станция, как мы отмечали, дает пока дорогую энергию и работает еще с малой нагрузкой, не используя даже и тех 6 тыс. киловат, на которые она оборудована. Значит ли это, что создание ее было ошибкой и что при пересмотре плана ГОЭЛРО она должна быть вычеркнута из списка централей? Отнюдь нет, Однако, при определении перспективы нагрузки, теперь при пересмотре плана ГОЭЛРО вносятся в списки потребителей значительные поправки.

Весьма существенная поправка в смысле определения потребителей вносится прежде всего в отношении железных дорог. ГОЭЛРО в 1920 г. выдвигало, как работу первой очереди, электрификацию Луньевской ветки и перевальной линии от Перми до Нижнего Тагила, считая, что „малая правоспособность перевальной линии, в особенности северной линии с ее

веткой к Луньевским каменноугольным копям, является одним из главных тормазов развития уральской промышленности".

Если к работе первой очереди по электрификации линии Пермь-Тагил прибавить еще намечавшиеся ГОЭЛРО к электрификации железно-дорожные линии Тагил - Свердловск и Челябинск - Уфа, то в общей сложности по электрификации железных дорог ГОЭЛРО относило 93.000 квт., что составляло около 15% всей электроэнергии, определяемой ГОЭЛРО для всех потребностей Урала. Мысль об электрификации Трансуральских железных дорог теперь надо считать оставленной. Перевалочная линия Пермь - Тагил была переоценена в ее экономическом значении, а дорога Пермь - Свердловск (линия Северной ж. д.) была недооценена в смысле состояния ее профилей и грузооборотной дееспособности—отражение общей пессимистической оценки состояния транспорта, каковая имела место в работах ГОЭЛРО.

Транспорт по пересмотру плана ГОЭЛРО в настоящее время выпадает, как потребитель, и в частности с выпадением из плана электрификации перевалочной линии Пермь - Тагил выпадает предполагаемый крупный потребитель Губахинской (Кизеловской) станции. Тем не менее перспективная мощность Кизеловской станции не претерпевает резких изменений в сторону уменьшения. Уралплан определяет ее около 32.000 квт. Развитие мощности этой станции должно итти по представлению Уралплана так:

к 1927/28 году	10.070	квт
„ 1932/33 „	21.000	„
„ 1937/38 „	32.000	„

Основные ее потребители к концу этого периода следующие:

Кизеловские копи	11.000	квт
Лысьвенск.-Чусовский завод	9.500	„
Химическая промышлен.	7.000	„
Всеволод.-Вильенск. район (продукт. сухой перегонки дерева)	2.100	„

При выяснении судеб и развития Губахинской станции весьма интересным вопросом является вопрос о возможности подачи энергии с Губахи на Пермь. Уралплан не предусматривает этого в своем плане. Однако, в Главэлектро уже хорошо проработан этот вариант, причем вопрос решается определенно в положительном смысле. В смету 1925/26 года предположено внести на развитие сети по Уралу 2.160 тыс. рублей, из которых значительная часть, а именно 1.620 тыс. руб. покрывается взносом Главного Управления Военной промышленности, весьма заинтересованного в подаче энергии с Кизеловской станции на Мотовилихинский завод (в 4-х верстах от Перми). Потребность Перми определяется в 2.000 квт, потребность Мотовилихи—5.000 квт., всего 7.000 квт. Эти 7.000 квт придется подавать в Пермь на расстоянии 200 километров (Губаха - Чусовый завод—85 километров; Чусовый завод - Пермь—115 километров). Этот вариант, разумеется, требует серьезного подсчета. В главэлектро решен вопрос о подаче энергии в Пермь в положительном смысле. На месте такими расчетами еще не занимались, и как мы уже отмечали, Уралплан в своих материалах этого вопроса не выдвигает. Секция электрификации Госплана СССР в своем заседании 1-го июня признала необходимым „разработку вопроса о возможности и целезообразности подачи энергии из Кизела в Пермь". Не включая в кустование станций Губахинского района Перми, Уралплан намечает кустование Губаха - Чусовая - Лысьва - Березники с общей нагрузкой до 50.000 квт. К главному слагаемому этой мощности—Губахинской станции присоединяются несколько гидравлических установок, из которых важнейшие на р. Чусовой

(три станции по 5.000 квт). С включением в куст Перми общая мощность установок этого района составит около 65 тыс. киловатт.

Это довольно мощное кустование географически обнимает собою два округа—Верхне-Камский и Пермский. (Здесь разумеются не горнозаводские округа, а округа, как административно-экономические единицы, образованные в результате реформы районирования на Урале).

К востоку от этих двух округов на всем протяжении их с севера на юг тянется один из крупнейших административно-экономических округов—Тагильский. Надеждинск., Кушва, Тагил, Салда, рудные месторождения гор Благодать, Высокая—таковы основные промышленные фокусы этого района в настоящее время. Этому округу суждено стать местом, где должны быть созданы будущие заводы гиганты: Богомоловский — медноплавильный, Алапаевский, Кувшинский—по черному металлу.

В этом округе Уралплан останавливается в своем плане на четырех электростанциях:

Надеждинская станция	13.300	квт
Богомоловская „	19.300	„
Кувшинская „	11.750	„
Тагильская „	19.000	„

Из этих четырех крупнейших в плане станций несколько особняком на далеком севере находится станция в Надеждинске, имеющая как бы районное значение для всех предприятий Богословского треста.

Хотя в плане ГОЭЛРО и не нашла себе места станция в Надеждинске, как крупная районная станция, но в обзоре все же отмечалось, что для электрификации копей и района на углях должна быть построена электрическая станция мощностью в 20 - 25 т. квт с тем, чтобы по мере развития района она могла быть расширена до мощности около 40 т. квт. Теперь при пересмотре плана Надеждинску не придается уже такого крупного значения. В настоящее время Надеждинский завод имеет установленную мощность около 9.000 квт, если не считать четырех изношенных газомоторов, общей мощностью около 1.700 квт. Перспективная нагрузка к 1938 г. в 13 тыс. квт. распределяется по плану Урала так. До 11 т. квт. падает на завод, по одной тысяче квт. на копи и рудники. Надеждинская станция для плановой экономической мысли представляет интересную иллюстрацию того, как иногда в условиях частно-капиталистического хозяйства местоположение отдельных сооружений плохо мирилось с требованиями экономической рациональности и часто носило элементы случайности. В 25 верстах от Надеждинска расположены Богословские буро-угольные копи. Постройка электрической станции казалось бы должна была иметь место там. Однако, в довоенное время или в первые годы войны начали строить электростанцию около Надеждинска в одной версте от него на р. Косьве. Сейчас создалось затруднительное положение; предстоит решить, что делать—строить ли станцию на буро-угольных копях или достраивать станцию на р. Кокве и возить к ней уголь на расстоянии 25 верст. Плановой рационализирующей мысли приходится считаться с образовавшимся уже технически-материальным наследием прошлого.

Надеждинская станция будет иметь местное значение, обслуживая предприятия Богословского треста. Она не будет связана ни кустованием, ни кольцеванием с основной группой электростанций, намечаемой Уралом в его плане,—станциями Богомоловской, Кушвинской и Тагильской. Эти три станции по программе Уралплана должны быть соединены системой электропередачи. Все кустование дает мощность около 50 тыс. квт. Этот узел должен быть еще тщательно продуман. Проекты строительства являются далеко небесспорными. Секция энергетики Госплана СССР в своем заседании 1-го июня по вопросу о пересмотре плана ГОЭЛРО по Уралу постановила:

„обратить внимание Уралплана на необходимость дополнительной проработки узла станций в Кушвинском районе под углом зрения желательности большей концентрации станций".

В Тагиле имеется хорошая станция. Она питается топливом с торфяных залежей, находящихся в расстоянии 6 - 7 верст. Потребность в энергии в этом районе очень выростает. Недалеко от Тагила находятся богатые платиновые прииски. Паровые драги заменяются электрическими. „Уралплатина" в настоящее время производит переоборудование, причем решено не строить своей станции, а пользоваться энергией с Тагила. Силою обстоятельств Тагильская станция обращается в районную. Потребители станции в ее перспективной нагрузке к концу периода по плану (к 1938 г.) согласно предположениям Уралплана представляются в следующем виде:

Платиновые прииски	4.500 квт.
Доб. жел. руды на горе Высокой . .	4.300 „
Тагильский завод	6.700 „
Медный зав. Сан-Донато	2.500 „
Химич. и пр. промышл.	1.000 „
	19.000 квт

Как мы уже отмечали, Тагильская станция в хорошем состоянии и она должна быть соединена электропередачей с другими станциями.

Крупной соседкой Тагильской станции, расположенной к северу от нее на расстоянии 50 верст, является Кушвинская станция. Кушвинская станция оборудована двумя турбогенераторами по 5 тыс. квт. Принимая во внимание весь технико-экономический инвентарь района (гора Благодать с ее 9 миллиардами железной руды, Кушвинский завод с его перспективой плавки на минеральном горючем и пр.) следует признать, что Урал правильно делает, оберегая эту станцию, которая очень скоро может быть загружена. А между тем покушения на оборудование Кушвинской станции уже были. Так была попытка передать Кушвинские турбогенераторы на Ижевский завод. Эта попытка была отклонена. Двенадцать тысяч киловатт, составляющих по расчетам Уралплана перспективную нагрузку Кушвинской станции (к 1938 г.), примерно разбиваются пополам между потреблением завода и горою Благодать с его обогатительной фабрикой, для которой Швеция готовит сейчас оборудование. Если расширению Тагильской станции оказывает препятствие ее местоположение, то к расширению Кушвинской станции могут встретиться свои препятствия: есть опасения, что там придется столкнуться с недостатком воды. В связи с этим произошло некоторое расхождение мнений в среде комиссии, которая недавно по распоряжению председателя ВСНХ выезжала в район для определения места постройки будущего гиганта—Богомоловского меделавильного завода. Большинство этой коммиссии стояло на той точке зрения, что одновременно с постройкой завода должна начаться там же при заводе постройка своей электрической станции. Это же намечалось и Уралпланом в его предварительной работе по пересмотру плана ГОЭЛРО. Однако в коммиссии было и такое мнение: вместо того, чтобы строить самостоятельную станцию при Богомоловском заводе, надлежит ориентироваться на Кушву, как на источник энергии. Это соответствовало бы и той тенденции, которая выявилась в секции электрификации Госплана—концентрировать в этом районе электрические установки. Однако здесь приходится считаться с вопросом о запасах воды в Кушве. Могут заслуживать внимания и другие варианты. Так, например, существует мнение о возможности постройки крупной станции в Нижней или Верхней Салде. Тогда будет создано кольцевание Тагил-Кушва-Богомолово-Салда. Очевидно, вопрос этот еще подлежит дополнительной проработке.

По плану ГОЭЛРО на Егоршинских антрацитах должна была строиться крупная районная станция мощностью в 40 т. квт. Сеть электропередач

должна тянуться от нее на Тагил, на Ирбит, Туринск, Свердловск (Екатеринбург), Камышлов. Уралплан в своей работе по пересмотру плана ГОЭЛРО не снижает значения этой станции, однако в схему вносятся значительные изменения. Прежде всего: Свердловск, как потребитель, отпадает, так как он строит свою электрическую станцию на торфах у Исетского пруда. Перспективная нагрузка для Егоршина не уменьшается в связи с этим. Она намечается Уралпланом так: в Калату (медное дело, химический, цементный завод и проч. нужды) будет подаваться до 9 тыс. квт. Алапаевск к 1938 г. в связи с постройкой там крупного металлургического завода потребует около 23 тыс. квт. Азбестовые рудники—до 7,5 т. квт. и сами Егоршинские копи около 2 тыс. квт. Таким образом при пересмотре плана ГОЭЛРО в его теперешней предварительной еще стадии перспективная нагрузка остается та же. Что касается самой станции в смысле ее местоположения, то в этот вопрос вносятся некоторые поправки по сравнению с планом ГОЭЛРО. Дело в том, что у ст. Егоршина, где находятся сейчас главные антрацитовые копи, для мощности станции в 40 тыс. квт. нет достаточного количества воды. В самом Егоршине можно строить станцию мощностью не превышающей 10 тыс. квт. Такая мощность по схеме перспективы развития прилегающего района может удовлетворить лишь ближайшее пятилетие. В дальнейшем Уралплан полагает, что наиболее целесообразным является вынесение станции к западу от Егоршина (на 25-50 верст) на р. Режь. Электропередачи должны итти на Алапаевск, Калату, на Азбестовые рудники с дальнейшим затем перспективным соединением с Березовском и со Свердловском.

Главэлектро в своей разработке Егоршинского узла также признает необходимым, считаясь с недостатком воды в Егоршине, принятие системы двух сопряженных станций, однако выдвигает другой вариант. По мнению Главэлектро расположение второй, сопряженной с Егоршином станции на р. Реже, является невыгодным из-за необходимости возить к ней антрацитовый штыб, уже теряющий свою ценность, как только он попадает на вагон. Поэтому Главэлектро выдвигает вариант постройки второй станции на южных антрацитовых копях в месте скрещивания р. Пышмы и жел. дороги.

Секция электрификации Госплана Союза в своем заседании 22 июля при рассмотрении проекта постановила „признать целесообразным постройку станции по плану Главэлектро. Обратить внимание на необходимость исследования в связи с будущей станцией угольных залежей и разработать проект их использования в связи с развитием электроснабжения района."

Перед Уралпланом стоит задача—в своем втором концентре работ по пересмотру плана ГОЭЛРО тщательно разработать весь этот вопрос в целях выяснения наибольшей выгодности того или другого варианта электростроительства.

Вследствие запоздания в осуществлении намеченного ГОЭЛРО проекта постройки Егоршинской станции укрепилась и победила идея постройки для Свердловска своей собственной станции на пригородных торфах в 6 верстах от города. Нельзя сказать, впрочем, чтобы это противоречило планам ГОЭЛРО, так как и по плану ГОЭЛРО здесь намечалась станция местного значения. Свердловская станция расчитана на развитие мощности до 11 тыс. квт. Сейчас ставятся два турбогенератора в 3 тыс. квт.

Перспективное потребление района (к 1938 г.) рисуется по материалам Уралплана в следующем виде:

Город Свердловск	5 т. квт.
Верхне-Исетск. завод	3 „ „
Нов. завод для электролиза меди . .	4 „ „

Это потребители самого Свердловска. Уралплан полагает, что значение станции выйдет за рамки станции местного значения. К этой станции будут

тяготеть и другие потребители, причем она одна не будет в состоянии полностью удовлетворить их. По расчетам Уралплана куст заводов: Ревдинского, Билимбаевского, Шайтанского механического и Шайтанского химического к 1937/38 г. потребует около 10 т. квт. Весьма крупным потребителем должен явиться медеплавильный завод на Дегтяринском руднике. По первоначальному плану Урала (до решения вопроса о сдаче округа в концессию) предполагалось, что завод этот должен быть пущен в 1937/38 году. Вместе с химическим заводом, имеющим быть построенным там же в целях уловления отходящих серных газов, завод этот должен был дать нагрузку до 13 тыс. квт. В виду того, что строящаяся Свердловская станция, хотя и выходящая по своей проектируемой мощности за рамки станции местного значения, не в состоянии будет обслужить всю эту мощную потребительскую клиентуру, по плану Урала на Ревдинских торфяниках должна быть построена сопряженная со Свердловской станция мощностью до 16 тыс. квт. Электропередачи от той и другой станции должны итти на Дегтяринский завод.

В связи с изменениями, внесенными в ситуацию этого района с передачей в концессию Ревдинского округа, Уралплану предстоит вновь подойти к углубленной и тщательной проработке электроснабжения района.

По плану ГОЭЛРО самой мощной электростанцией на Урале должна быть станция на Челябинских бурых углях. Мощность ее определялась в 60 тыс. квт. Энергия из Челябинска должна была подаваться для промышленных и сельско-хозяйственных нужд Челябинского района, для электрификации перевальной жел. дороги Челябинск-Уфа и в промышленный район Златоуста. За эти годы не было оснований для переоценки удельного веса этой станции в сторону ее уменьшения,—перегруппировки в потребителях однако имеют место и здесь. Последние годы дали возможность более точного учета хозяйственных перспектив отдельных промышленных комбинатов этого района.

В 85 верстах к северу от Челябинска по направлению к Свердловску находятся Кыштымский электролитный и Карабашский медеплавильный заводы. Силовые установки завода весьма плохи. Прежние дореволюционные хозяева этого района—англичане мало обращали внимания на силовое оборудование, рассчитывая на энергию с будущей Челябинской станции. Карабаш теперь воскресает, „Уралмедь“ усиленно ремонтирует силовые установки в Карабаше и Кыштыме, на имеющиеся силовые рессурсы можно расчитывать на полтора-два года, необходимость получения энергии с Челябинска чувствуется очень остро; если у Карабаша не будет уверенности в получении Челябинской энергии, ему придется строить свою станцию. Уралплан полагает, что Кыштымо-Карабашское медное дело, а также связанное с ним и химическое, к концу десятилетия будут требовать около 12 тыс. киловатт.

В 90 верстах от Челябинска по направлению на юг находятся Качкарские золотые прииски. В период их хозяйственного упадка оттуда были сняты два турбогенератора (на 2.500 квт.), перевезенные в Челябинск. Однако эти прииски теперь начинают оживать. Качкар представляет чрезвычайно большой интерес не только как место золотых приисков, но как одно из немногих в Союзе мест, где имеется богатая мышьяковая руда. В деле химической обороны страны мышьяковое дело приобретает весьма крупное значение. Качкар работает сейчас пока на отремонтированном Дизеле (1,000 с.). Он будет обслуживать прииски в течение ближайших двух лет, а в дальнейшем, так же как и Карабаш, Качкар расчитывает на Челябинскую энергию. Челябинский уголь является главным основным энергетическим рессурсом района; однако, его надо жечь на месте—он плохо выдерживает перевозки, обращаясь на 30% в труху, поэтому с народно-хозяйственной точки зрения было бы нецелесообразно перевозить энергию в виде угля—ее надо передавать по проводам. Расстояние до Качкара (90 верст) не должно пугать. Расчеты безусловно покажут выгодность такой передачи. По данным Уралплана Качкарский район потребует энергии до 6 тыс. киловатт. Помимо этих двух групп будущей перспективной нагрузки Челябинской станции—Кыштыма, Карабаша и Качкара сам город Челябинск занимает весьма видное место среди потребителей, в особенности в связи уже с состоявшимся решением вопроса о постройке в Челябинске крупного завода сельско-хозяйственных машин, который один должен потреблять до 3 тыс. киловатт. По данным Уралплана все потребление района определяется к концу десятилетия до 28 тыс. киловатт. В помощь основному источнику энергии каменноугольной Челябинской станции на р. Миассе будут работать три небольшие гидравлические установки (по 1.000 квт.). Река Миасс представляет с точки зрения белого угля значительный интерес. Надлежащее использование гидравлических сил этой реки будет связано с разрешением вопроса о постройке плотины на озере Аргази—вопрос, который сейчас находится в периоде разработки. По плану ГОЭЛРО предполагалось дать электропередачу из Челябинска в Златоуст. Уралплан не считает бесспорным этот вопрос в виду дальности расстояния, во-первых, и ввиду наличия в Златоустовском районе достаточно хороших и достаточно мощных электростанций, обеспечивающих нужды района по крайней мере в ближайшее пятилетие.

В настоящее время на Саткинском заводе имеется станция с двумя турбогенераторами по 1.500 квт. Она при некотором расширении в состоянии хорошо обслуживать Саткинско-Бакальский район. Ко второму пятилетию его следует скустовать со станцией Златоуст.

В Златоусте имеются турбины на 3,5 тыс. квт., в ближайшее время будет установлена турбина на 5 тыс. квт. [1]

На существующих в районе прудах можно получить до 1.500 киловатт. Весь куст станций даст до 13 тыс. квт —мощность вполне достаточная для удовлетворения в потребности в энергии Златоустовского промышленного округа.

Главэлектро в своих разработках электроснабжения Урала, говоря о Челябинской станции, пока также не выдвигает, как актуальную задачу, соединение электропередачей Челябинска и Златоуста, и подчеркивает лишь особую необходимость снабжения Челябинска энергией Кыштымского горного округа и Кочкарских золотых приисков, вместе с тем указывает на необходимость предусмотреть на 1925/26 год некоторый кредит для приступа к подготовительным работам по сооружению Челябинской районной станции.

Секция электрификации Госплана СССР со своей стороны постановлением от 22 июля 1925 года признала целесообразным сооружение станции в Челябинске на р. Миассе, установив мощность ее в 20 тыс. квт.

Итак, при пересмотре плана электрификации намечается шесть основных кустов: 1) Кизело-Чусовско-Лысьвенско-Пермский, 2) Богомолово-Кушвинско-Тагильский, 3) Егоршинско-Калатинско-Азбесто-Алапаевский, 4) Свердловско-Ревдинский, 5) Челябинско-Кыштымо-Карабашско-Качкарский и 6) Златоустовско-Сатко-Бакальский. Помимо того на северной части Урала, территориально оторванной от основного ядра Горнозаводского Урала, находится силовая установка Надеждинского завода—этого гиганта в семье многочисленных, но малых по величине уральских заводов. Подобно ему на противоположной от него стороне, на самом юге, скоро возникнет другой завод крупного неуральского типа—это именно завод на горе Магнитной. Электроснабжение его, также как электроснабжение Надеждинского завода, не связывается ни с одним из намеченных выше электростанционных кустований. Уралплан в своих предположениях в связи с пересмотром плана ГОЭЛРО намечает, что будущий металлургический завод у горы Магнитной должен будет

[1] Турбина эта была заказана во время войны Вестингаузу; главные части ее уже имеются, лицензия на все недостающие части получена.

снабжаться энергией с электроцентрали, поставленной на Полтавском антраците. Гора Магнитная расположена в 120 в. к западу от Полтавских копей. Полтавское месторождение является достаточно разведанным, оно начало разрабатываться во время войны. Вероятные запасы исчисляются до глубины 100 саж. на пространстве в 3 килм. в сумме 57 милл. тонн. Электроцентраль намечается Уралпланом мощностью в 21,5 тыс. клв. Перспективная нагрузка к концу десятилетия между потребителями распределяется по данным Уралплана так:

Завод у горы Магнитной	15 тыс. квт.
Рудники горы Магнитной	4 „ „
Прочие потребители	2 „ „

Следует заметить, что электроснабжение этой самой южной части Урала является еще не вполне разработанным в силу общей недостаточно выявленной экономики района, только теперь втягивающейся в оборот хозяйственной жизни Урала. Этот узел как в отношении общей экономики, так и в отношении электроснабжения подлежит еще дополнительной проработке как со стороны Уралплана, так и в центре.

VIII

План электрификации есть логическое завершение перспективного плана хозяйства. Урал далек еще от представления достаточно разработанных планов отдельных отраслей своего хозяйственного развития, но безусловно нельзя не признать, что он значительно продвинулся вперед в этом отношении. Если и нет еще завершенного здания перспективного плана, то общий каркас этого здания уже достаточно рельефно вырисовывается перед Уралом.

Урал, как крупный производственный центр по черной металлургии на базе синтеза своих богатейших железных руд и минерального топлива Западной Сибири; Урал—как основной наш район медеплавильного дела; Урал—как район крупнейшего значения химической промышленности; Урал—как богатейшее место продукции лесобумажной массы; Урал—как дающий Союзу лучшего качества металлические изделия из своего древесно-угольного чугуна, который все же будет играть крупную роль несмотря на минерализацию топлива—таковы основные направления реконструкции Уральского хозяйства.

При обосновании тех или иных перспектив экономического развития мы должны мыслить хозяйственными комплексами, мы не можем оторванно, изолированно изучать какую-либо одну отрасль хозяйственной деятельности в рамках той или иной экономико-географической единицы, мы должны связанно подходить к определению их значения и роли. Урал, как ни один другой район, не требует такого комплексного подхода, так как ни в каком другом районе отдельные стороны хозяйства не являются в таком тесно связанном состоянии, как на Урале. А такие районы особенно нуждаются в плановом подходе в деле рационализации хозяйства. Отмена частно-правовых отношений открывает широкие возможности для рационализации. Урал может служить особенно хорошей иллюстрацией этому. Уральские хозяйственные комбинаты могут и должны быть синтезом хорошо подобранных рессурсов при должной рационализации хозяйства. В прошлом многое мешало такой рационализации в подборе рессурсов. Некоторые старые горнозаводские округа представляли по природе своей одно органическое целое—один хорошо подобранный комплекс рессурсов, но благодаря наличию нескольких владельцев на данной территории оставались хозяйственно разделенными и, будучи слитными по хозяйственной природе своей, дробились дальше иногда по причинам довольно случайного характера.

Однако, нужно сказать, что Урал далеко еще не использовал новой для него более благоприятной в этом отношении правовой атмосферы. И как

по недостатку средств остаются часто недостаточно использованными материальные рессурсы, так иногда остаются неиспользованными и более благоприятные правовые предпосылки.

Электрификация огосударствленного хозяйства есть один из путей радикальной технико-экономической райционализации хозяйства.

Государственная комиссия по электрификации (ГОЭЛРО) в 1920 году выработала свой ориентировочный план, выявивший народно-хозяйственное значение электрификации. Тогда же отмечалось, что детальная проработка плана электрификации должна быть делом самих районов, так как она требует участия населения, без чего составление и реализация плана трудно осуществимы. [1]

Прошло пять лет. За это пятилетие утекло много воды. В частности по отношению к Уралу следует сказать, что в жизни его произошли особенно большие изменения.

Урал был первым районом, где была проведена реформа административно-экономического районирования. Новые формы публично-правового хозяйства Урала дали ему черты большого хозяйственного полноправия, благодаря приближению к местной жизни. Там создалась за это время сильная плановая комиссия, хорошо осознавшая задачи и основные направления хозяйственного развития Урала. Самое проведение такой работы, как пересмотр плана ГОЭЛРО, стало возможно в первую очередь благодаря наличию областного планового органа. Уралплан меньше всего склонен преувеличивать значение проделанной им работы, представляющей собой лишь первый вариант, первое приближение. Работа имеет много недостатков, но имеет и большие достоинства. Это уже не голая схема, без достаточного учета конкретно-экономической обстановки. Самая идея кустования, которая красной нитью проходит по материалам, уже сама по себе свидетельствует о том, что авторы считаются с действительностью. Пусть еще нет точных финансово-экономических расчетов, которые необходимо еще проделать, анализируя той или иной экономический комплекс. Каждая станция представляет собой свою специальную технико-экономическую проблему, требующую очень серьезных подсчетов. В каждом хозяйственном сооружении есть две стадии работы: стадия предварительных экономических изысканий и стадия технико-экономических проектов. И если этот путь всегда применялся при проведении железных дорог, часто именуемых „кровеносной системой“ страны, то такой же путь должен быть применен и при проектировании электростанций и электропередач—этой „нервной системы“ хозяйственного организма. Пересмотр плана электрификации, проделанный Уралпланом по заданиям Госплана и представленные им материалы являются лишь начальными экономическими изысканиями, проделанными самими местами. За ними должна последовать вторая стадия работы.

Задачи, стоящие перед Уралпланом при выполнении второй стадии работы, очень велики. Основной характер работ второго концентра заключается в том, что работа должна принять еще более конкретный характер. Она должна вылиться в форму обоснования уже наметившихся теперь технико-экономических проектов. При работе по пересмотру плана ГОЭЛРО мы вступаем в полосу необходимости самого точного знания конкретной экономической периферии. Совершенно правильно предполагает Уралплан во второй стадии работы спуститься в своем анализе до самых низов, отдельных заводов и других производственных предприятий. Чем полнее и всестороннее будет наше знание подлинной конкретной действительности, тем реальнее будут наши хозяйственные перспективные планы, а следовательно и план электрификации.

---

[1] См. план электрификации РСФСР, стр. 190. Пояснительная записка к схематической карте.

С. К. Кондрашев

Об ускорении хозяйственного строительства в Средней Азии [1]

В этом году хозяйственный план по средней Азии рассматривается в первый раз после прошедшего национального размежевания, т. е. вместо хозяйственного плана б. Туркреспублики мы имеем планы двух союзных республик—Туркменистана и Узбекистана, Киргизской авт. обл., а в части искусственного орошения и Казакской республики.

Те обстоятельства, которые произошли после размежевания, наложили совершенно новый отпечаток на все хозяйство Средней Азии. Территория, население и общее число скота увеличились по сравнению с тем, что было у одной Туркестанской республики. Это увеличение вызывает ряд новых хозяйственных мероприятий. Ни одна из новых республик не имеет вполне отстроенной столицы. Столица Таджикистана поместилась в маленьком горном кишлачке—Дюшамбе, где нет ни одного приличного здания сколько-нибудь европейского вида. Временно столица Туркменистана остается в Полторацке, надеясь в недалеком будущем переселиться в Чарджуй-Ленинск, находящийся при пересечении средне-азиатской железной дороги и Аму-Дарьи. Будущее Ленинска лучше Полторацка, но сейчас это небольшой и недостроенный пункт. Центром Узбекской республики избран Самарканд—маленький губернский город старого типа. Центром Киргизской области избран уездный городок Пишпек, который только в прошлом году был соединен с жел.-дор. Кзыл - Орда (бывш. Перовск) является столицей Казакской республики. Это захудалый город, расположенный в небольшом орошаемом оазисе, за пределами которого находятся малокультурные пустынные районы. Ташкент не сделался столицей ни одной из республик и мыслится как местопребывание будущего краевого хозяйственного объединения. Строительство необходимо начать с устройства столиц, так как местообитанием правительственных учреждений сейчас нередко являются шатры, юрты, бывшие тюрьмы и другие столь же неудобные для занятий помещения.

Далее необходимо иметь в виду, что все новые районы совершенно не связаны путями сообщения с центром и вообще с жел.-д. сетью. Таджикистан пока не имеет ни одной версты жел. дороги. В 1925/26 году предполагается приступить к проведению жел. дороги от Термеза до Дюшамбе. Столица оторвана не только от остальной Средней Азии, но и от собственной территории: Таджикистан почти не имеет колесных дорог, там до сих пор ездят верхом на лошадях, а грузы возят вьюком на ишаках и верблюдах. Единственным способом сообщения являются для срочных надобностей аэропланы из Бухары и вьючный путь из Термеза. Районы Аму-Дарьи—б. Хорезм и Аму-Дарьинская область — также не соединены жел.-дор. Благодаря резкому сокращению орошаемой площади, затянувшемуся до недавнего времени периоду басмачества и развитию многих болезней, этот район находится в крайне

[1] Помещаемая статья представляет собою доклад на пленарном заседании президиума Госплана СССР при обсуждении хозяйственного плана ср.-аз. республики на 1925/26 г. *Ред.*

тяжелом положении. Свои продукты он не может продавать по сколько-нибудь сносным ценам, товары же приходится покупать по несоразмерно большим ценам и, в случае недостатка в пищевых продуктах, цены доходили до 5 - 8 р. за пуд пшеницы. Это второй район, который не имеет здоровой экономической будущности, если не провести туда железной дороги. Тоже самое можно сказать и о всем северном районе Джетысу Семиреченской области. До революции жел.-дор. не соединяла коренных хлопковых районов с хлебородными местностями (только в прошлом году открыто движение до Пишпека) и мысль о том, что Северный Туркестан сделается источником снабжения скотом, хлебом и сырьем, не получит полного осуществления до тех пор, пока жел. дор. не будет продолжена дальше от Пишпека хотя бы до Алма-Аты.

При таких обстоятельствах начинать хозяйственное строительство крайне затруднительно, поэтому приступить к хозяйственным мероприятиям нужно с постройки жел. дор. и вообще с общего улучшения путей сообщения Средней Азии.

На ряду с этим встает вопрос о необходимости координации культурного и хозяйственного развития в новых и старых областях. Надо иметь в виду, что средне-азиатские республики организовались по национальному признаку и охватили районы, хотя и населенные одним народом, но неодинаковые по высоте хозяйственного и культурного развития.

Поскольку большинство национальностей объединено в автономные области или республики, здесь возникает общий для Союза вопрос о мерах, которые надо принимать для ликвидации дефицита в их бюджетах. Обычно страдающие от дефицитов автономии стремятся к получению мандатов на управление промышленными предприятиями союзного или республиканского значения, к прирезке территории хотя бы с посторонним населением, но с повышенной хозяйственной культурой и т. п.; для Туркестана такие меры невозможны, не говоря уже о том, что они не вполне отвечают задачам происшедшего в Средней Азии национально-политического размежевания. Пока Средняя Азия сама не встанет на ноги, трудно строить мало-мальски широкие хозяйственные перспективы и надеяться, что ее государства смогут избавиться от дефицитов. Для Ср. Азии вопрос осложняется тем, что здесь отдельные народности и отдельные республики не целостны по своему хозяйственному и культурному развитию. Здесь многие из народностей в отдельных районах весьма неодинаковы по своему культурному и материальному положению, причем более отсталые присоединены после размежевания. Они требуют помощи от Союза, от более поднявшихся районов той же народности. На этой почве даже внутри одних и тех же племен, внутри одной народности может возникнуть и возникает хозяйственный антагонизм, который ведет к непониманию, а иногда к кровавой вражде отдельных племен одного и того же народа. Это обстоятельство заставляет сильно ускорить темп хоз. и культурного развития, главным образом, отсталых районов. Если мы не ликвидируем таких массовых явлений, как почти поголовное заболевание малярией в низовьях Аму-Дарьи, если венерические болезни, распространенные в том же районе на 50-60%, не будут ликвидированы соответственным развитием медицинской помощи, если население не будет иметь возможности видеть в лицо, хотя бы раз в год, агронома и советываться с ним, а также с ветеринарным врачем, хотя редко, но регулярно, если, наконец, массовая неграмотность населения останется нетронутой, то ясно, что хозяйственная будущность этого и других ему подобных отсталых районов представляется в самых неблагоприятных красках. Все эти обстоятельства, с которыми мы встречаемся впервые после размежевания Ср. Азии, а именно увеличение площади, населения и числа скота, неустройство городов, отсутствие достаточных путей сообщения, а также хозяйственная и культурная

отсталость новых районов,—составляют первую группу причин, в силу которых мы должны подумать о необходимости более ускоренного хозяйственного и культурного развития ср.-азиатских республик, чем это было до сих пор.

Второй комплекс причин, который требует усиленного внимания к Ср. Азии, заключается в ограниченности орошаемой площади. До войны по данным Ср.-Азиат. Водхоза было 3.425 тыс. дес. орошаемой площади во всем крае, т. е. со включением Хивы и Бухары; в 1924 г.—2.153 тыс. дес. Намечается к концу восстановительного периода, к 1930 г., эту площадь повысить до $4^1/_2$ милл. дес. Если считать, что сейчас в Ср. Азии имеется около $1^1/_2$ милл. хозяйств и полагать, что в прошлом это число было таким же, то выходит, что до войны приходилось 2,3 орошаемой десятины на хозяйство, в настоящем году эта обеспеченность понизилась до 1,4 дес. и в будущем, к концу восстановительного периода, мы можем ожидать, что обеспеченность землей должна повыситься до 3-х дес. на 1 хозяйство—вот предел наших пожеланий. Если посмотреть, что же представляет такое $1^1/_2$ дес. хозяйство, то следует остановиться на его 3-х основных недостатках. Первый—это неиспользование собственной рабочей силы. Эту рабочую силу оно не может приложить вне своих границ вследствие неразвития промышленности и в виду того, что масса других хозяйств имеет столь же малое обеспечение землей. Если более обеспеченные из них землей и привлекают по найму постороннюю рабочую силу, то это происходит в короткие периоды сосредоточения полевых работ (например, окучка хлопка) и, следовательно, не может служить подсобным источником существования для всех малообеспеченных землей в течение всего года. Второй недостаток вытекает из первого: малая валовая доходность хозяйства в полторы десятины. Оно живет на уровне полуголодного существования, так как на полуторадесятинной площади трудно держать пользовательный и рабочий скот, поддерживать инвентарь, постройки, трудно кормить и одевать 5 чел. семьи. Третье—малая оплата одного рабочего дня. Стиснутые малой площадью эти хозяйства в стремлении получить повышенный урожай должны увеличивать затрату труда на единицу площади. Такая чрезмерная затрата труда является единственным условием выхода из своих тесных границ и повышенный урожай как бы раздвигает рамки хозяйства, но этим самым каждый рабочий день оплачивается ниже, так как дополнительная порция труда, вкладываемая при неусовершенствованных орудиях в землю, дает пониженный эффект. Работая на $1^1/_2$ дес. наделе, средне-азиатское хозяйство влачит не только бедное, но и неустойчивое существование. Единственным выходом из такого положения является расширение площади хозяйства. По вопросу о том, до какой же степени нужно увеличивать площадь хозяйства, имеется достаточно материалов. Бюджетные исследования Ферганской области 1915 г.,[1] разработанные Хлопковой Секцией Особого Совещания при ВСНХ СССР по восстановлению основного капитала, показывают, что наиболее прогрессивный тип хозяйства принадлежит к группе хозяйств от 3-х до 6-ти дес. Эта группа хозяйств отличается накоплением, она не получает рабочей силы извне, за небольшими исключениями; своей рабочей силы не продает. Кроме того эта группа промыслами подсобными, кустарными и денежными операциями не занимается.

Остановившись на нижнем пределе этой группы, т. е. на 3-х дес. хозяйстве, посмотрим, как велик будет земельный дефицит и сколько обойдется его покрытие. Допустим, что к концу восстановительного периода за счет безземельных и малоземельных хозяйств число орошаемых хозяйств достигнет 2 милл. вместо 1,5 милл. существующих. Необходимая им площадь должна достигать 6 милл. десятин. Если вычесть 3.425 тыс. дес., которые

[1] Бюджеты 45 хозяйств Ферг. обл. по обследованию 1915 г., издание Турк. экон. Совета. М. 1924.

были до войны, ныне эта площадь восстановлена еще не полностью, то получится дефицит новой орошаемой площади в 2.575 тыс. дес. Если мы подсчитаем по скромным нормам, во что обойдется десятина орошения и заселения, то выходит, что такая десятина обойдется около 500 р., а в общем потребуется 1.287.000.000 руб. Кроме того известные суммы необходимо затратить на восстановление полной довоенной площади. По сравнению с довоенным временем в настоящем году имеется недовосстановленных 1,272 тыс. дес. Считая восстановление по 50 р. на 1 дес. при восстановлении 1.272 тыс. дес. потребуется 63 милл. руб. Следовательно, общая потребность в средствах выразится: 63 милл. + 1.287 милл.=1.350 милл. Конечно, этот расчет весьма условен. Стоимость орошения 1 дес. взята предположительно. Если бы мы даже располагали готовыми проектами и сметами, то и тогда эти цифры были бы условными, поскольку практика построек знает постоянное расхождение сметных и исполнительных данных. Что же касается до стоимости заселения, то предположительная стоимость в 250 р. на дес. недостаточна для всех работ и расходов по заселению и освоению земель. Однако, часть расходов может понести само население. Эта цифра может колебаться в обе стороны. В настоящих условиях уточнять ее нет ни необходимости, ни возможности.

Если предположим, что Ср. Азия получит средства из расчета 6% годовых, то ей пришлось бы платить 81 милл. процентов ежегодно—сумму абсолютно громадную. Когда же мы ее разделим на количество орошаемой площади, которая благодаря этой затрате у нас получается, то выходит довольно скромная цифра: 21 р. в год на десятину. Это вполне посильно орошаемому хозяйству, если оно будет иметь воду в обильном количестве и во время, и все орудия производства, а не только одну корову или одного верблюда в качестве пахотных животных, как это замечается теперь. Фактически, повидимому, не придется говорить о всей сумме 81 милл. руб. одновременно. Процесс орошения будет происходить постепенно, начиная с более легких технически и выгодных экономически районов. Весьма возможно, что для таких районов не все засельщики потребуют ссуды на освоение новых земель, а стоимость орошения обойдется дешевле 250 руб. на 1 дес. При этих условиях размер расходов на 1 дес. и соответственно %% на затраченный капитал уменьшатся вдвое и даже более. Кроме того надо иметь в виду, что процесс расширения орошаемой площади будет итти одновременно с процессом наростания хозяйственного благополучия в старых районах орошения. Поэтому нужно попытаться посмотреть, что даст само орошаемое хозяйство. Допустим, что средний урожай хлопчатника будет в 75 пуд. сырца с дес., до войны это считалось средним урожаем, бывали урожаи в 80-90 пуд., а иногда и еще выше. Если мы расценим сырец по довоенным ценам в 3 руб. 50 коп. за 1 пуд., то получится 262 руб. 50 коп. валовой доходности. Если возьмем стоимость довоенной обработки, считая стоимость обработки в трудовом хозяйстве по ценам наемных рабочих, то получаем 185 р. (это валовой расход). Таким образом помимо податей и общеорганизационных по хозяйству расходов, получаем 77 руб. 50 коп. чистой прибыли от каждой дес. Если мы будем считать, что 20 руб. явятся дополнительным расходом хозяйства и даже 30 р., то все таки получаем такую чистую прибыль, которая заставляет полагать, что на расходы по орошению можно итти, что это дело вполне рентабельное. Поверяя подобный же расчет в настоящих условиях, мы увидим, что валовой доход увеличился благодаря повышению цен на хлопок, что позволяет безболезненно повысить стоимость обработки. Что же касается урожаев, то они быстро подходят к довоенному уровню. Конечно, могут быть возражения, что из 6% годовых в настоящих условиях денежного рынка средства найти трудно. Это верно, но для трудового хозяйства важно не получение чистой прибыли, а размещение своей силы в своем же

хозяйстве. Достигая этого, оно может отказаться от повышенной прибыли и тем самым принять более тяжелое условие кредита.

Однако успех дела заключается не в правильности подсчетов, а в уменьи хозяйственного маневрирования наших организаций и в том, чтобы само население проявило интерес и активность в деле орошения новых земель. В этом смысле важно найти формы привлечения к делу орошения новых земель тех средств, каковые накопляются в крае в результате восстанавливающегося хозяйства и неполного их извлечения товарами. Вопроса же о том, накапливаются ли подобные средства в крае в настоящее время, быть не может. Об этом свидетельствуют конъюнктурные материалы Уполсто, которые показывают, что количество денег, находящихся в обращении в Ср. Азии, растет из месяца в месяц. К 1/II 1924 г. оно было равно 15 милл. руб., а к 1/I 1925 г.—75 милл. руб. Позднейших данных, к сожалению, нет. Куда эти деньги расходуются населением—трудно сказать, но ясно, что край довольно интенсивно производит накопление и нет препятствий к использованию этого накопления на орошение новых земель. Удастся ли это сделать—зависит от нашего уменья; задача момента—это дело организовать. Можно даже сказать, что минимум в этом деле даже не финансы, а организационная сторона.

В этом заключается вторая группа вопросов, требующих усиленного хозяйственного строительства и вытекающих из необеспеченности орошаемой землей Средней Азии. Если не задуматься над этими вопросами и их не разрешить, то через некоторое время возможны аграрные осложнения на почве аграрного перенаселения. Край имеет большой прирост населения, прирост этот выше остальных областей Союза. Туркестан быстро воспроизводит население, не избегая деторождения. Если бы в прошлом в этом направлении ему не мешали бы войны, голод, ни другие подобные причины, то население весьма быстро возросло бы до пределов, невозможных к пропитанию на ограниченно орошаемой площади. В историческое время Среднюю Азию спасали от перенаселения частые войны и разбои. Туркестан был на большой дороге завоевателей, шедших с запада на восток и с востока на запад. Всякая победа и междуусобица сопровождалась значительным, а иногда и полным истреблением населения. Ныне, размежевавшись, народы Средней Азии приступают к мирному строительству и, следовательно, нужно ожидать быстрого, ничем не прекращаемого, роста населения. Расширение орошаемой площади является в таких условиях единственным выходом из положения.

Третья группа вопросов—почему нужно приступать к более ускоренному хозяйственному развитию Средней Азии—связана с необходимостью освобождения всего Союза от иностранной хлопковой зависимости. Как известно, первоначально разработанный, прошедший через Госплан СССР и СТО и ныне осуществляемый 5-ти летний план восстановления хлопководства (1923-1927 г.г.) исполняется с превышением как по площади, так и по сборам. Некоторое отставание урожайности в 1923 и 1924 г.г. более или менее компенсировалось увеличенной против плана площадью. Хороший урожай текущего сезона не только вполне отвечает плановым заданиям, но будет их превосходить. А так как площадь текущего сезона против плана увеличена (598 тыс. десятин вместо 510 тыс. десятин), то в результате мы вправе ожидать повышенного против плана урожая, а именно $10^1/_2$-11 милл. пуд. против плановых 9.462 тыс. пуд. Несмотря на такое ускоренное против плана восстановление хлопководства, Союз принужден покупать заграницей значительное количество хлопка, тогда как по первоначальному плану этого не предусматривалось. Ошибка произошла в силу преуменьшенного расчета покупательной способности нашего населения и соответственно этому преуменьшенного расчета по потреблению фабрик. Удар произошел с этой стороны в силу того, что возможность развития наших фабрик была

принята в крайне медленном темпе, который был ускорен самой жизнью после снижения цен на хлопчато-бумажные ткани.

ГОДЫ	Площади тыс. д.		Сбор ч. волокна тыс. пуд.		Потребн. в волок.	
	Плановые	Фактич.	Плановой	Фактич.	Плановая	Фактич.
1923/24	206	195	2.500	2.612	6,0	7,6
1924/25	390	461	6.636	6.197	7,5	13,0
1925/26	510	598	9.462	(10.600)	9,0	19,0
1926/27	640	(812)	13.100	(15.050)	11,0	(22,0)

Развертывание текстильной промышленности первоначально предполагалось производить столь медленным темпом, что проектное получение советского хлопка должно было уже в 1925 г. покрыть потребность почти полностью, причем ожидалось, что в 1927 г. у нас образуется небольшой резервный запас хлопка. В первый раз в истории нашего хозяйства возникла перспектива экспорта хлопка. Жизнь не оправдала этих надежд, не в смысле предположенного развития хлопководства и наростания продукции—они, как показывают эти цифры, оказались выше, чем проектировалось в 1922 г. Потребление оказалось неожиданно большим. Вместо $7^1/_2$ милл. Союз потребил в 1924/25 году 13 милл.; вместо 9 в 1925/26 году ожидается потребление 19 милл., а дальше мы уже идем к 22 милл., т. е. без малого к довоенной норме. Следовательно, если даже мы реализуем повышение против плана и в 1926/27 г.г, получим вместо 13 - 15 милл., то мы все-таки будем иметь значительный хлопковый дефицит. Покрыть его немедленно будет невозможно: наростание хозяйственного благополучия в Средней Азии не может быть достигнуто так быстро, как развертывание фабрик. Надо покаяться, что быстрый рост потребления не был предусмотрен, но я думаю, что это приятное разочарование.

Это обстоятельство ставит перед Союзом совершенно новый вопрос о том, что ранее утвержденный перспективный план развития хлопководства недостаточен и его нужно форсировать главным образом в основной базе хлопкового снабжения — в Средней Азии. Можем ли мы вообще надеяться, что это будет достигнуто. Не называя здесь сроков, которые очень трудно учесть и в которых легко ошибаться, можно совершенно определенно успокоить русскую текстильную промышленность в смысле возможности обеспечения советским хлопком. При орошении новых земель и развитии сельского хозяйства наши хлопководческие республики и, главным образом, Средняя Азия в состоянии дать потребное союзной промышленности количество волокна и в дальнейшем обеспечить некоторый запас. В этом смысле никаких сомнений нет. Но говоря об этих возможностях, надо учитывать три момента: время, средства и организацию.

При форсировании хлопководства необходимо подумать о мировой обстановке. Как бы ни были хлопковые возможности Средней Азии соблазнительны, но может оказаться, что производимый там хлопок будет дороже иностранного. До войны так действительно и было. Средняя довоенная цена хлопка из Америки, не считая пошлины, обходилась около 10 - 11 р. за пуд, рус-

ский же хлопок стоил 14-16 р. С тех пор физиономия мирового хлопкового рынка изменилась. Года два тому назад мир пережил кульминационный подъем цен и обусловленное этим лихорадочное искание новых хлопковых районов. Это искание производили все страны, имеющие текстильные фабрики, но неимеющие хлопковых районов, т. е. вся Европа (кроме побежденных стран, не производивших этих поисков по другим причинам). Цена за хлопок тогда доходила в Нью-Йорке до 36-38 центов за 1 англ. фунт против 10-12 ц. довоенных. Это сделал в Америке главным образом долгоносик и понижение урожайности в ряде районов. Поэтому и началось такое искание новых хлопковых районов с целью увеличения мирового хлопкоснабжения. Цены потом немного упали в 1925 г., колеблясь в пределах 22-24 центов за 1 англ. фунт, что определяет цену иностранного хлопка франко Москва около 23 р. за 1 п. против 14-16 р. довоенных и 21 р. 50 к. на советский хлопок истекающего сезона. Такое изменение цен позволяет занять русскому хлопку по отношению к иностранному более выгодное положение сравнительно с дореволюционным временем. Это обстоятельство позволяет увереннее приступить к широкому орошению хлопковых земель. Однако, те большие оросительные начинания, которые Союз сейчас предпринимает в Средней Азии, завтра хлопка не дадут и поэтому важно попытаться сделать прогноз,— что же будет с мировыми ценами через 5-10 лет, т. е. в то время, когда будут развертываться новые оросительные начинания, от которых Союз вправе ожидать усиленного хлопкоснабжения.

Много раз говорилось, что всякий прогноз спорен, и его можно делать только в сослагательном наклонении. Но обстановка мирового хлопкового рынка говорит за то, что трудно ожидать понижения хлопковых цен до уровня довоенных. Авторитеты мирового рынка называют разные цифры, но большинство предполагает, что в ближайшие годы цены будут близки к 20 центам, т. е. будут находиться на уровне современных цен на советский хлопок. Это предел, который заставляет думать о необходимости постепенного понижения наших цен, чтобы не продавать выше, чем на мировом рынке. Сейчас советский хлопок поставляется текстильной промышленности по ценам ниже мировых при лучшем качестве. Такое положение желательно стабилизировать. В сезоне 1925/26 г. цена на русский хлопок понижена до 20 р. 25 к. против 21 р. 50 к. в сезоне 1924/22 г.

Интересно установить, что же позволяло Америке так дешево в свое время продавать хлопок и что нас на этом пути задержало. Причина кроется в том, что нам обработка нашего хлопка и его себестоимость обходилась дороже. Зависит это от совершенно различного уклада американского и среднеазиатского-хозяйства или, вернее, от различной организации труда в Америке и у нас. Вот расход рабочей силы при обработке 1 дес. хлопчатника в Средней Азии и в Америке (см. стр. 253).

Как показывает эта таблица, затрата упряжной силы в Америке хотя и меньше, чем в Туркестане, но не так значительно—12½ и 17 раб. дней против 20 и 24. Главное же различие заключается в крайне высокой затрате рабочего времени в Ср. Азии по сравнению с Америкой: против 21 и 38 раб. дней в Америке Ср. Азия затрачивает 114 дней при машинной обработке и 152 дня на джояках при ручной. Если взять для сравнения восточные штаты, затрачивающие наибольшее в Америке число раб. дней—38 раб. дней, то находим, что 1 дес. хлопка в Ср. Азии поглощает рабочего времени в 3-4 раза больше, чем в Америке. Западные же Штаты затрачивают в 7 раз меньше труда, чем Ср. Азия. В этом заключается основная причина, в силу которой американское волокно стоило дешевле нашего, хотя каждый рабочий день в Америке оплачивался дороже. Правда, в результате лучшей обработки Ср. Азия имела и снова имеет повышенные против Америки урожаи. Однако, эти урожаи доставались чрезмерной затратой рабочего времени.

Страна		Затрата раб. и упряжн. силы на 1 дес. хл.			
		Дней		Часов	
		Людей	Скота	Людей	Скота
Средняя Азия [1]	на джояках . .	152	24	1.520	240
	при машинн. обработке . .	114	20	1.140	200
С. Ш. С. А.[2]	Восточные шт.	38	17	343	157
	Западные „	21	12½	189	113

В 1918 г. было обследовано 842 фермы в 10 хлопковых районах С. Ш. А., причем было установлено, что стоимость 1 часа людской работы составляет 58 коп., а стоимость работы 1 часа 1 мула стоит 23 коп. Мул при 10 час. рабочем дне зарабатывал 2 р. 30 коп. Себестоимость хлопка в то время обходилась в 23 цента за английский фунт, а продавался он по 28 центов, следовательно, даже при дорогой оплате труда людей и животных хлопководство в 1918 г. было далеко небезвыгодно. Оплата 1 пуд. чистого волокна в Ср. Азии и С. Ш. А. рабочим временем, о чем говорилось выше, видна из следующей таблицы:

Страна		1 пуд чистого волокна требует часов. работы	
		Людей	Скота
Средняя Азия: урожай 25 пуд. чис. вол. с 1 дес. или 336 англ. ф. с 1 акра	джояки	61 —760%	9½—127%
	маш. обр. . .	45 —560%	8 —106%
С. Ш. А.: урожай 15 п. ч. вол. с 1 дес. или 200 англ. ф. с 1 акра	вост. шт. . . .	23 —184%	10 —133%
	запад. „ . . .	12,5—100%	7½—100%

Наиболее выгодно оплачивают 1 пуд урожая рабочим временем западные штаты Америки: 7,5 часами работы скота и 12,5 час. людей. В восточных штатах оплата 1 пуда хлопка волокна выше: 10 час. упряжних животных и 23 ч. людей, а у нас в Средней Азии работа скота потребляется на том же уровне 8-9½ час., но работа людей поглощается в невиданных для Америки размерах: 45-61 ч. для получения того же пуда волокна. Значит, Америка, мускульную работу людей перекладывает на машину и на скот, а Ср. Азия в работе все перекладывает на людей, таково строение хозяйства малоземельного и плохоснабженного инвентарем. Имея в 5 и даже 6 раз большую по сравнению с Америкой затрату мускульной силы на еди-

[1] В. И. Юферев: „Справочная книжка по хлопководству в СССР". М. 1905, стр. 263.
[2] „Хлопковое Дело", № 5—6 за 1924 г. Ст. И. И. Аигина.

ницу продукта, Ср. Азия должна задуматься о том: должна ли она и в будущем при расширении общей и хлопковой площади воспроизводить ручную обработку как и встарь. Здесь встает новая задача—задача реконструкции сельского хозяйства Средней Азии в смысле его механизации: если Союз будет непроизводительно тратить рабочее время интенсивного земледельца Ср. Азии, то единственный в своем роде живой капитал, которым не обладает ни один из новых хлопковых районов мира, будет расходоваться весьма непродуктивно. В интересах Союза и Ср. Азии - переход при помощи машин к более продуктивному использованию рабочей силы. Мы далеки от скорой возможности так продуктивно тратить рабочее время, как в Америке, где один человек и пара мулов обрабатывают 7-8 десятин. У нас семья обрабатывает $1^1/_2$-3 дес.: по недостатку орошаемой площади и по состоянию инвентаризации такого продуктивного использования рабочего времени мы не можем достичь, но все же затрату труда на каждый пуд урожая мы и можем и должны уменьшить.

Как сказано выше, третья группа причин, требующих ускоренного хозяйственного строительства в Ср. Азии, зависит от необходимости покрытия, по возможности полностью, потребности в волокне советской текстильной промышленности хлопком советского же производства. Потенциальные возможности Ср. Азии обширны и вполне позволяют осуществить удвоенное снабжение хлопком русских фабрик. Осуществление этого дела в интересах союза будет в то же время отвечать насущнейшим потребностям народного хозяйства Средней Азии. Увеличение хлопкоснабжения потребует расширения орошаемой площади, каковое позволит народам Ср. Азии более продуктивно трудиться, чем это происходило до сих пор.

Перейдем к четвертой группе вопросов, которые взывают к Союзу об установлении более скорого темпа развития хозяйства. Это развитие товарных отраслей народного хозяйства Средней Азии. Товарность его была наивысшей в довоенное время, по сравнению с другими областями. Вывоз из края шелковых коконов, каракуля, шерсти, кожевенного сырья, сантонина, люцерновых семян, вина, свежих и сушеных фруктов, ковров и многих других товаров до войны из года в год неуклонно возрастал и в ряде товаров по качеству неуклонно совершенствовался. Недавно пережитый краем период натурализации хозяйства отозвался крайне неблагоприятно на этом вывозе, но за последние годы товарные отрасли средне-азиатского хозяйства начинают быстро восстанавливаться. Большинство этих отраслей не получило надлежащего развития не в силу своей малой доходности или отсутствия рынка, а в силу малой маневренной гибкости наших торговых организаций, не исключая и кооперативных. Производитель продуктов не форсирует своего производства из-за неналаженности сбыта, транспорта, дороговизны упаковки, кредитных операций и т. д. Потребитель же вынужден покупать товар по столь высокой цене, что он делается трудно доступным. Для примера остановимся на двух продуктах: винограде и дынях. Средний урожай винограда в ташкентском районе около 400-500 пуд. с одной десятины, а в Самаркандском—около 1000 пуд. Уход за 1 десятиной виноградника, включая и погашение затрат в период до плодоношения, не может превышать 200-250 руб. на десятину. Себестоимость винограда в Ташкентских условиях обойдется в 50 коп. за пуд, однако садовладелец продает на месте виноград по 2 руб. за пуд. Экспортерам товар обходится по 4-6 руб. за пуд., а оптовым торговцам в Москве на Болоте 8-12 руб. Можно ли после этого удивляться, что розничная цена ташкентского винограда в Москве достигает уровня 40-60 коп. за 1 фунт. Она в 40 раз дороже себестоимости винограда садовладельцу. Каждая из инстанций, через которые до москвичей доходит виноград, повышает его стоимость на 50-100 и больше процентов. Виноградарь объясняет это отсутствием государственного и кооперативного кредита, неорганизованностью сбыта, в силу чего из-за каждой мелкой партии приходится ехать в город, терять время, отрывать лошадь от работы, беззащитностью против вредителей и болезней винограда и т. п. Экспортер—необходимостью обращаться к посредникам, дороговизною упаковочного материала (в 1924 г. 1 пуд стружки доходил до 9 руб., ящик стоил 1 р. 80 коп.) и т. п. В результате всех этих накидок виноград сделался предметом потребления зажиточных граждан, тогда как при другой организации он мог бы быть постоянным продуктом питания широких малообеспеченных слоев городского населения. Правильная организация сбыта винограда вызовет рост площади виноградников, прилив новых средств в Средней Азии, создаст новый момент для укрепления ее экономического благосостояния.

Еще пример—дыни. В городах Европейской части Союза они—лакомство, доступное очень немногим. У себя на родине в Средней Азии—основной продукт питания всех слоев населения, преимущественно малообеспеченных. 1 десятина дынь дает урожай от 2 до 6 тысяч дынь. Предположим, что средняя десятина даст $2^1/_2$ тыс. дынь, что скорее преуменьшено, чем преувеличено. Положим далее, что в Москве живет 500 тыс. семей, что каждая из них потребует одну дыню ежедневно в течение 3 месяцев летнего времени. Для удовлетворения этой потребности нужно 45 милл. дынь, каковые можно получить, засеяв дынями 18 тыс. дес., т. е. меньше 1% существующей орошаемой площади. Средняя Азия могла бы удовлетворить в несколько раз больший спрос, но этого спроса нет и он не появится, пока кооперация организационными достижениями не удешевит продукта в Москве и других крупных городах Союза. Подобные достижения должны составлять задачу ближайших лет. Для более отдаленного времени необходимо предвидеть возможность экспорта средне-азиатских дынь, равных которым по качеству трудно найти. В крупных городах Европы, недалеко расположенных от портов, бананы, привезенные из далеких колониальных стран, продаются на всех бойких перекрестках. Нет никаких препятствий к завоеванию дынями и вообще средне-азиатскими плодами более широкого рынка не только внутри Союза, но и заграницей. В этом направлении придется побороть ряд трудностей чисто организационного характера.

В подобном же положении находится ряд других товарных отраслей средне-азиатского сельского хозяйства. Каждая из них обладает значительными возможностями, используемыми в настоящее время лишь в слабой степени. Развитие подобных отраслей, давая Средней Азии дополнительный момент к укреплению ее хозяйства, в то же время будет отвечать самым насущнейшим интересам Союза, так как в одном случае такое развитие даст экспортный товар (шелковые коконы, кишки, каракуль, солодковый корень, ковры и т. п.), в другом—сырье для советских фабрик (шерсть, кожсырье и т. п.), в третьем—пищевые продукты южного произрастания, привозные по отношению к потребляющим русским районам (рис, фрукты, вино и др.), но в подавляющем большинстве эти продукты будут вывозными из Средней Азии. Приступ к усилению их производства увеличит хозяйственную базу всего края, усилит и без того значительный товарооборот с Союзом. Таким развитием товарных отраслей сельского хозяйства не в ущерб хлопководству, а параллельно с ним, можно в значительной степени ослабить вредное влияние хлопковой гипертрофии, которая угрожает Средней Азии при односторонем развитии хлопководства с оставлением без внимания и помощи других товарных отраслей сельского хозяйства.

Последним вопросом является проблема индустриализации хозяйства Средней Азии. Эта проблема связана с перспективами развития местной промышленности и электрификацией края. Предпосылки для развития подобной деятельности имеются в Средней Азии налицо: неиспользованная из-за

малоземелья рабочая сила, обилие сырья, требующего фабричной переработки, обилие энергетических рессурсов, в особенности водных, наконец, емкий местный рынок. Однако, при построении средне-азиатских промышленных планов необходимо исходить не только из потенциальных возможностей края. Надо учесть ряд обстоятельств общей и местной обстановки, а именно: 1) финансовую затруднительность для Союза с одинаковым темпом развивать в Ср. Азии и хлопководство и промышленность, когда ряд чисто промышленных районов требуют для своего поднятия исключительно больших затрат; 2) необходимость многие виды промышленности (текстильную, бумажную, химическую и др.) не развивать и реконструировать, а создавать заново, что при отсутствии навыков у населения и готовых организационных форм затруднительно вести в таком же быстром темпе, как расширение хлопководства,—дело всем хорошо знакомое, и 3) необходимость дополнительно исследовать вопрос о трудовом балансе Ср. Азии в связи с развитием хлопководства и др. товарных и трудоемких отраслей, расширением орошаемой площади и насаждением промышленности. В этом смысле важно установить степень предстоящей реконструкции сельского хозяйства. Если реконструкция будет осуществляться неполна или двигаться медленным темпом, то при расширении хлопковой и орошаемой площади может оказаться острая нехватка рабочей силы в летний период; при таких условиях насаждение промышленности необходимо производить с учетом трудового баланса республик во избежание обострения потребности в рабочей силе в период полевых работ. Надо отметить, что и при настоящих условиях приходится пропускать из-за границы рабочих, главным образом из Кашгара.

Принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, приступ к промышленному строительству в Ср. Азии намечен в сокращенном виде по сравнению с потенциальными возможностями края. В план вошли предприятия трех категорий:

1) Существующей промышленности, развитие которой вызывается неотложным требованием соответствующих отраслей хозяйства; сюда относятся: заводы хлопковой промышленности, мукомольное дело, стекольный завод в Полторацке, рыбное и кустарное дело.

2) Промышленности, новой для края, но тесно связанной с местной сырьевой продукцией. К созданию предприятий этой категории приступлено в недавнем прошлом или предполагается приступить в ближайшее время; в эту категорию входят: целлюлозный завод, бумажная фабрика, текстильная фабрика, цементный, кожевенный и консервный заводы.

3) Промышленности основанной на добыче ископаемых; сюда входят как существующие предприятия, требующие расширения или реконструкции (каменный уголь, нефть, соль и радиоактивные руды), так и новые (сера и золото).

Заводы хлопковой промышленности (хлопкоочистительный и маслобойные) необходимо развертывать в таком темпе, чтобы к началу каждого сезона мощность заводов вполне соответствовала бы ожидаемому урожаю. В виду медленности изготовления машин и двигателей, к строительству заводов для очистки хлопка сезона 1926 г. необходимо приступать без промедления. Исходя из ожидаемой площади посева в 1926 г. по Узбекхлопку (с Таджикистаном и теми частями территории Киргизии и Казакстана, которые обслуживаются Узбекхлопком) 577 тыс. дес., урожайности сырца в 64,9 пуд. с 1 дес. и общего сбора сырца в 37,5 милл. пуд., и по Туркменхлопку соответственно 80 т. дес., 62 пуд. и 4,9 милл. пуд. сырца, суммарную мощность заводов по Узбекхлопку необходимо будет довести до 28.730 тыс. $10''$ пил, а по Туркменхлопку число $10''$ пил должно быть 3.560 тыс. Для получения такой мощности по Узбекхлопку надо будет построить 12 новых заводов и 2 расширить, что в сумме даст 9.390 новых $10''$ пил, а по Туркменхлопку надо построить 2 новых завода и 2 расширить с получением новых 1.400 пил.

Расширение маслобойных заводов должно учесть увеличенный урожай семян 1926 г. По Узбеклопку в 1925 г. на всех заводах работает 64 пресса с намеченной программой в 16 милл. пуд. семян. Урожай 1926 г. даст около $22^1/_2$ милл. пуд. семян, для переработки которых потребуется добавление новых 40 прессов; в Фергане будет поставлено 24 пресса и на 16 прессов будет построен новый завод в Катта-Кургане. По Туркменистану в 1925 г. работает 1 завод в Байрам-Али на 8 прессов; он переработает 1,3 милл. п. В 1926 г. ожидается урожай семян в 2,9 милл. пуд., для переработки которых потребуется 12 прессов, в виду чего на Байрам-Алийском заводе будут добавлены 4 новых пресса.

Если к постройке указанного выше количества и мощности заводов хлопковой промышленности приступить без промедления, то они будут готовы к началу сбора урожая 1926 г. и потому в снабжении волокном текстильной промышленности задержки быть не должно. Развертывая, в стремлении не отстать от жизни, таким быстрым темпом строительство хлопковых заводов, необходимо помнить о трех вопросах, связанных с этим делом, но до сих пор не решенных:

1. Электрификация хлопковой промышленности.
2. Тип хлопковых заводов и
3. Система распределения заводов по территории.

Необходимость постройки кожевенного и консервных заводов в такой стране, как Ср. Азия с развитым животноводством и плодоводством, само собой понятно и надо только сожалеть, что к постройке подобного рода заводов приступается с таким опозданием. Расширение Полторацкого стекольного завода диктуется желанием более полного охвата местного рынка; Турквино поглощает всю бутылочную продукцию завода, а Персия—специально для нее изготовляемые особого фасона персидские чайные стаканы. Постройка элеваторов и упорядочение мельничного хозяйства позволит, наконец, действительно регулировать хлебный рынок Ср. Азии, без чего, как показал опыт, нет возможности спокойного и уверенного развития хлопководства. Пуск Хилковского и работа на полную производительность Пишпекского цементных заводов являются как нельзя более своевременными. Одно ирригационное строительство поглотит громадное количество цемента. Приступ к постройке двух текстильных фабрик, одной в Узбекистане и одной в Туркменистане, окончит, наконец, длительный период плановой к этому делу подготовки, период многочисленных решений и постановлений о необходимости постройки фабрик. Расширение и реконструкция основных каменноугольных копей явится окончанием такого же периода неоднократных, но не окончательных попыток минерализации ср.-азиатского топливного баланса. Будем надеяться, что настоящая попытка будет последней, после которой копи станут на ноги и не потребуют в дальнейшем повторных ссуд, а усиленная рубка лесов, имеющих в Ср. Азии водоохранное значение, затихнет. Расширение добычи нефти и озокерита на Челекене окажет двухстороннее благоприятное действие: во-первых, оно даст заработок местному туркменскому населению, весьма мало обеспеченному, во-вторых, оно будет способствовать увеличению общей добычи нефти в Союзе, что является актуальнейшей задачей в виду оживления экспорта нефтепродуктов при одновременном усилении потребления на внутреннем рынке. Было бы вполне своевременным параллельно с расширением добычи на Челекене предпринять так же работы в Чимионе и оживить поисковую деятельность на Нефте-Даге. Однако, финансовые соображения заставляют принять постепенность развертывания средне-азиатской нефтяной и озокеритной промышленности.

Минеральные богатства Ср. Азии плохо разведаны, однако, есть много веских данных считать Ср. Азию страной обильно наделенной полезными ископаемыми. Многие горные хребты изобилуют старыми брошенными рудниками. „Обилие и обширность (говорит об этом специальный доклад инженера Г. Б. Леонова) старых выработок, старые отвалы и груды шлаков во многих местах свидетельствуют о прежней развитой в стране горной промышленности, носившей даже по прежним временам не кустарный характер когда Ср. Азия снабжала материалами нетолько свое население, но даже и соседние области. Об этом времени мы имеем довольно точные и обстоятельные сведения у древних арабских путешественников, географов и историков; арабские писатели Макджи, Кудама, Ибн-Хаукаль, Ибн-Хордабек и географ Абул-Феда рисуют нам картину цветущей горной промышленности Ср. Азии, довольно верно и точно указывают места разработки руд и минералов. Время до монгольского нашествия было, повидимому, эпохой блестящего развития горного дела в Ср. Азии, когда железо отсюда доходило до Багдада в Месопотамии, а серебро до нашего Новгорода. Волна монгольского нашествия смыла все рудники, плавильные печи, рудокопов и старые города".

Предстоящий хозяйственный год должен явиться годом приступа к возобновлению былого развития ср.-азиатской горной промышленности. Многое при этом придется отложить вовсе (напр., разработку железных руд за отсутствием в Ср. Азии хорошо коксующихся каменных углей), другое отложить до времени большей исследованности (например, разработку серебряных, цинковых и свинцовых руд). Предположено начать с серы и золота, как наиболее необходимых союзному народному хозяйству, так и наиболее до сих пор разведанных. Кроме того, будет продолжаться добыча урановой радиактивной руды в Тюя-Муюне. Добыча серы, если она разовьется, окажет пользу и местному сельскому хозяйству. Как показывают недавние опыты в Америке, а также проф. А. А. Калужского в Саратове—внесение в почву измельченной смеси серы (хотя бы неочищенной) и фосфорита сильно увеличивает усвояемость последнего культурными растениями. Наличие в Ср. Азии также фосфоритов позволит местному земледелию применять дешевое фосфорное удобрение, не прибегая к покупке сравнительно дорогих суперфосфатов.

Общая сумма ассигнований (ссудного характера и по бюджету), предположенных к отпуску в 1925/26 г. на промышленное строительство, в несколько раз меньше таких же ассигнований на нужды сельского хозяйства. Однако, значение этого приступа к промышленному строительству будет чрезвычайно велико, так как, во-первых, оно коснется наиболее рентабельных отраслей, а, во-вторых, откроет для края новые возможности, использование которых до сего времени не имело места.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Буржуазная идеология в экономической литературе

1. Буржуазное сознание и его литературное выражение

Говоря о буржуазных тенденциях в нашей экономической литературе, следует различать фактический рост буржуазной идеологии, с одной стороны, и возможности ее литературного проявления—с другой. Это—явления разного порядка и обуславливаются они различными факторами.

Обусловленная, главным образом, экономическими отношениями, существующими внутри страны, буржуазная идеология, как и всякая иная массовая идеология, получает свое выражение в самых разнообразных формах. Что касается выражения ее в экономической литературе, то тут ей приходится больше, чем где бы то ни было, считаться с существующими в стране политическими условиями. Классовая идеология, отражающаяся на экономической литературе, получает свое выражение с оглядкой на существующий политический строй. Это верно не только по отношению к той литературе, которая трактует о вопросах конкретной экономии и экономической политики, но также и по отношению к той литературе, которая занимается „чистой" наукой, „чистой" экономической теорией: за спиной объективной, „внеклассовой" теории, особенно в общественных науках, часто стоят осознанные и неосознанные практические классовые интересы.

Условия для развития буржуазной идеологии в СССР даны характером того переходного периода, который мы переживаем. Переходный период представляет собою сочетание двойственных процессов: социалистических и капиталистических.

Доказывать, в настоящее время, что в стране мощно выявились тенденции социалистического развития—значит ломиться в открытую дверь.

Рост социалистических тенденций выражается не только в усилении социалистических элементов нашей экономики и не только в укреплении пролетарского государства, но также и в буйном росте пролетарской общественности, в массовом вовлечении самых низин пролетариата в интенсивную общественную жизнь. Тем, кому угодно всех этих процессов не замечать, предоставлено оставаться в приятном заблуждении на хвостике истории.

Но так как, несмотря на сильный рост социалистических тенденций, в нашей экономике продолжают существовать и развиваться капиталистические тенденции, то эти последние, с непреложностью законов исторического материализма, питают буржуазную идеологию.

Важная роль в деле создавания и роста буржуазной идеологии принадлежит выявившемуся за последние годы росту мелко-буржуазной крестьянской стихии в хозяйстве страны. Рост этот сопровождается все большим усилением денежной формы над натуральной, т. е. вовлечением крестьянского хозяйства в товарные отношения.

Немаловажную роль играет при этом и наметившаяся в капитализме Запада относительная стабилизация.

Процесс развития буржуазного сознания усиливается еще тем обстоятельством, что даже социалистические ростки нашей экономики облекаются

в капиталистические формы (государственные фабрики с наемным трудом, капиталистически-организованные тресты; капиталистически-торгующая кооперация). Мы имеем такие экономические элементы, которые являются социалистическими по существу, по своему характеру и функциональному значению, и капиталистическими по форме.

А внешняя форма, как известно, больше и непосредственнее бьет по массовому сознанию, по коллективной обывательской башке, окрашивая ее в соответствующие социальные краски. Если рыночная стихия является общим признаком для нашей страны и для капиталистических стран, если она обуславливает аналогичные „надстроечные" тенденции тут и там, то литературное выражение этой „надстройки" наталкивается у нас на существенно различные, диаметрально-противоположные условия. По пути своего литературного выражения буржуазная идеология встречается с такой весьма и весьма неприятной штукой, которая носит название „пролетарской диктатуры" и с не менее неприятным фактом, заключающимся в том, что под властью этой самой диктатуры мощно развилась пролетарская общественность.

По существу, интернациональная, буржуазная идеология находится у нас, в СССР, в особых условиях, ищет и особые пути для своего литературного выражения.

В области литературной деятельности партия имеет в своих руках командные и даже некомандные высоты. Это положение является в основном верным, несмотря на то, что буржуазия пробивает отдельные бреши то тут, то там. В общем и целом, для литературного выражения буржуазного сознания политические условия Советской власти не совсем благоприятны. У нас отсутствуют политические условия для литературы, которая являлась бы вполне афишированной, легально-антисоветской.

Буржуазная идеология может получить свое выражение только в порядке приспособления к советской политической системе. Под флагом советским вполне законным, под флагом пролетарски-государственным, далее, под видом полного сочувствия и поддержки соввласти и компартии, а также под видом лояльности и беспартийной „объективности" — под всеми этими формами, буржуазия создает для своей идеологии лазейки и укромные уголки, многочисленные и многоликие, как сама буржуазная стихия.

Литературное выступление буржуазной идеологии под советским флагом следует понимать, большей частью, не как злой умысел индивидуальной или коллективно-организованной воли. Наоборот, буржуазия дезорганизована, она не имеет в СССР организующих центров, ее возможности в этом отношении столь ничтожны, что не заслуживают никакого внимания.

Поскольку наибольшие возможности для литературных выступлений вообще дает советская марка, постольку под этой маркой больше всего и встречаются буржуазные выступления. Такие прорывы буржуазной идеологии через литературный фронт больше всего и встречаются в литературе экономической, ибо последняя создается в наших советских учреждениях той самой интеллигенцией, которая не в достаточной степени стряхнула от себя старую, буржуазную пыль.

Весьма часто мы встречаем настоящую буржуазную прозу, которая рассматривается самими творцами ее, как доподлинная советская поэзия.

В этом подчас меньше субъективной вины тех или иных авторов, чем объективной беды. Беда заключается для этих людей в том, что революция тащит их на буксире социалистического строительства и коммунистически-революционного миропонимания, между тем, как при всей своей искренности и политической честности, их идеология не успела еще в достаточной степени измениться.

Поскольку капиталистические тенденции ищут для себя выразителей, они их раньше и легче всего находят в среде тех, которые своим прошлым, своим воспитанием, вкоренившимися общественными предрассудками и теоретическими взглядами пришли от буржуазии к социалистическому строительству. Удивительного в этом ничего нет, ибо—где тонко, там и рвется.

Так как буржуазная идеология создается объективно-существующими условиями страны, то она находит иногда своих выразителей не только среди вчерашней буржуазной интеллигенции, но даже среди коммунистов. Однако, среди буржуазной интеллигенции она свивает себе наиболее прочное гнездо. Но кто бы ни являлся выразителем буржуазной идеологии в экономической литературе, бесспорными можно считать два положения. Во-первых: экономические условия страны дают возможность для произрастания буржуазной идеологии. Во-вторых, политические условия нашей диктатуры ведут к тому, что буржуазная идеология выступает в литературе сплошь и рядом в скрытой форме. Со скрытым врагом, находящимся вблизи тебя, труднее бороться, чем с врагом открыто поднимающим забрало. Сплошь и рядом этот наш враг с трудом поддается обнаружению. Это следует твердо помнить при изучении буржуазной идеологии и форм ее литературного выражения.

II. Переводная литература

Переводится у нас часто все, что под руку попадется. Редко когда перевод обеспечивается соответстующей политической и научной редакцией. За отсутствием достаточного выбора среди марксистской литературы вообще и коммунистической в частности, приходится, конечно, переводить буржуазную литературу. Но она преподносится таким образом, что дает обратные результаты, в смысле политико-просветительного воспитания читателя.

Вот, например, книга Роберта Лифмана: „Картели и тресты" (издание „Экономической Жизни". 1925 г.).

Книга Лифмана представляет безусловную ценность в смысле того обилия сведений, которое она дает читателю. С другой же стороны, в этой книге содержится ряд не только антикоммунистических, но и антисоциалистических положений. Хотя в русское издание книги внесены некоторые изменения, однако, она сохраняет реакционные взгляды автора. Лифман считает, что „не должна быть уничтожена частная заинтересованность в прибыли, являющаяся побудительным моментом современной хозяйственной жизни, одушевляющим также и рабочих". [1]

Социализм он считает просто нездоровым продуктом военной эпохи. Вывод, к которому приходит автор после целого ряда рассуждений, таков: „Во всяком случае, если бы хозяйственная жизнь была предоставлена собственному течению, если бы катастрофа мировой войны не подвергла ее тягчайшему испытанию, в силу чего повсюду пробудилось стремление как можно скорее провести в жизнь старые социалистические идеалы, то социалистический строй хозяйства едва ли получил бы такое развитие. Социализм не лежал в ходе хозяйственного развития перед войной. И если он появляется теперь, то это происходит не на основе экономической необходимости, как ее понимал экономический детерминизм Маркса, но на основе идейных стремлений и борьбы политических сил. Что от этого пострадает не только удовлетворение наших потребностей, но и наша культура, мы можем утверждать уже теперь". [2]

[1] Лифман, стр. 260.
[2] Лифман, стр. 261. (Курсив наш. Р. В.).

Политическо-реакционные и теоретически-неверные положения Лифмана получают частичную поддержку в предисловии проф. С. А. Фалькнера к... русскому изданию. Вот как Фалькнер представляет Лифмана советскому читателю: „В анализе монополистических объединений Лифман ставит знак равенства между предпринимательскими союзами и профсоюзами рабочих, исходя из того соображения, что и те и другие одинаково стремятся занять монополистическое положение в своей отрасли. Теоретически это несомненно правильно“.[1] (Курсив наш. Р. В.). Итак, по Фалькнеру, нет никакой принципиальной разницы между капиталистическим синдикатом и пролетарским профсоюзом. Малость не заметил только: принципиальной классовой разницы. Оказывается, недостаточно, что Лифман агитирует советского читателя в антикоммунистическом духе. Проф. Фалькнер еще приходит ему на помощь в деле затушевывания классового сознания.

Вот другой пример: по вопросу, интересующему широкие читательские круги, по вопросу об империализме в колониальных странах, издательство „Книга“ выпустило перевод книги Вульфа.[2] Вульф видит в истории человечества процесс высвобождения из под власти силы природы, но не замечает, что человек подпадает под стихийные законы человеческого же общества, действующие на него с неумолимой силой естественных законов. В этой связи весь мир, все человеческие отношения являются в глазах Вульфа продуктом человеческой идеологии. Вульф развивает этот свой взгляд столь забавно, что для читателя, мало-мальски знакомого с материалистическим пониманием общественных отношений, составит не мало удовольствия ознакомление с его „теорией“. Вот одно из самых любопытных мест его философии истории: „Человек одержал столь полную победу над силами природы и над своими далекими предками из животного мира, что и первые и вторые оказывают в настоящее время весьма малое влияние на его историю. История человечества в течение последних 2.500 лет определялась главным образом человеком, его верованиями и желаниями. Если бы некоторые люди не начали верить в известные вещи и желать известных вещей, то не было бы ни христианства, ни христиан; если бы некоторые другие люди не верили бы в противоположные вещи и не желали их, то не было бы и преследований ранних христиан; и если христианству не удалось создать христианский мир, то это было результатом того, что желания и верования одних людей одержали победу над желаниями и верованиями других. Не бог и не король держали Европу в целях феодальной системы в продолжение целых столетий; феодализм был лишь следствием процессов, происходивших в умах десятков господ и тысяч крепостных,—процессов, столь затуманенных той фантастической романтикой, которую мы называем историей. Равным образом и великая война была вызвана не кайзером или каким-либо другим „военным преступником“, а миллионами мужчин и женщин, которые читали немецкие, французские и английские газеты и верили в то, во что эти газеты рекомендовали им верить, и желали того, чего эти газеты рекомендовали им желать“.[3]

Автор таит против империализма злобу оскорбленного немецкого патриота, который понял, что его родина пьет горькую чашу побежденного (он видит, в первую очередь, конечно, только антантовский империализм). Корней империализма он не видит, поэтому центр тяжести всей проблемы сводится к вопросу о „взаимоотношениях между западной цивилизацией и цивилизациями Африки и Востока“.[4] Как рождаются греховные империалистические помыслы? Вульф знает этот секрет и не прочь других просветить: „Три рода

[1] Лифман, стр. 4-5.
[2] Л. С. Вульф: „Экономический империализм в Азии и Африке“, перевод с немецкого С. Вольского, книгоиздательское товарищество „Книга“.
[3] Вульф, стр. 29-30.
[4] Вульф, стр. 90.

верований и убеждений—моральные, сантиментальные и стратегические—воздействуют на человеческую мысль и на империалистические идеалы“. Автор этой идеологической дребедени не чужд понимания интернациональных задач империализма и характеризует их следующим образом: „Перед нами мировое движение, которое можно характеризовать, как европеизацию мира“. При своем отрицательном отношении к империализму, Вульф, однако, полагает, что угнетенные народы Африки и Азии не доросли до политического самоуправления. Поэтому он считает правильной пресловутую „мандатную“ политику „Лиги Наций“ и ограничивается только маленькими поправками от разума и от совести, как того требует „священная цивилизация“.

Когда у нас сделался „модным“ „План Дауэса“, всякое уважающее себя издательство считало нужным выпустить какую-нибудь книжку по этому вопросу. Наш рынок наряду с ценными и бесценными книжками и статьями по этому вопросу обогатился тогда и книжкой Курта Гейнига „План Дауэса“.[1]

Рецензенты „Планового Хозяйства“ (см. № 2, стр. 279-280) и „Торгово-Промышленной газеты“ (№ от 18 апреля с. г.) считают книжку „социал-демократической“, а автор предисловия просто „филистерской“. Принципиальная разница между такими оценками—микроскопическая. Бесспорно одно: книжка совершенно бессодержательна (она „не дает—по словам Членова—ни одного серьезного политического или экономического аргумента“), и ничего не дает ни подготовленному, ни не подготовленному читателю. Понятно еще, когда чуждая идеология преподносится вместе с ценным трудом автора, но спрашивается, зачем издаются такие вещи, которые сама редакция считает филистерством.

III. Сменовеховство

Литературная база этого течения откатилась далеко на восток. Сменовеховство свило себе гнездо в толстом, европейского типа журнале „Вестник Манчжурии“, издающемся в Харбине. Духовным отцом и руководителем этого журнала является Устрялов („тот самый“).

„Вестник Манчжурии“ занимается политикой, экономикой, краеведением, философией, художественной литературой и вообще всем на свете.

Вокруг журнала группируется не только сменовеховская интеллигенция, но и некоторые видные работники бывшего колчаковского правительства. Так, например, в № 5-7 печатается статья Гинса, бывшего управделами колчаковского „Совета Министров“.

О писаниях самого Устрялова в „Вестнике Манчжурии“ не стоит распространяться. Они почти ничем не отличаются от тех работ его, которые разобраны в „Правде“ т.т. Бухариным и Зиновьевым. Вообще, журнал довольно интенсивно культивирует... личность Устрялова. В № 3-4 М. Иорданский пишет в мистически-восторженных тонах о книге Устрялова „Политическая доктрина „славянофильства“. Автор рецензии все же чувствует некоторую неловкость за домостроевские интересы своего „вождя“. Он даже ставит само собою напрашивающийся вопрос: „зачем в 1925 году говорить о давно и прочно похороненных „идиллических мечтаниях“ романтиков-славянофилов“[2] и отвечает на это словами „самого“ Устрялова: „нельзя отказать (славянофильству) в привлекательной нравственной возвышенности, в органическом культурном благородстве“. Иорданский падает ниц перед алтарем Устрялова и благоговейно внемлет его словам: „христианство, как это сознавали сами славянофилы, неизмеримо, бесконечно выше той или иной

[1] Перевод с немецкого С. Розенберга, под редакцией и с предисловием проф. Членова, стр. 37, изд. ЦУП ВСНХ.
[2] „Вестник Манчжурии“, № 3-4, стр. 119.

формы исторического бытия человечества"... Все понятно, все прозрачно. Непонятно только, зачем после всего этого понадобилось Устряловскому чаду „всматриваться в великую русскую революцию".

Без славянофильства, без Достоевского и без скорбящего интеллигентика для „Вестника Манчжурии" нет никакой революции. В статье Н. Н. Русанова „Живая смерть",[1] статье, посвященной Н. В. Устрялову (последний не преминул тут же расхвалить ее за содержание и за посвящение) творцами русской революции выставляются... Достоевский, Чаадаев, Печорин (который был „интеллигентом высокой марки, профессором классической филологии"), Владимир Соловьев и, конечно, Александр Блок. Борзый Русанов раскапывает пыль веков для того, чтобы показать всему роду людскому „истинно-русский" интернационализм. Потому—„душа русского интеллигента, по природе своей интернациональна". Все от нее, конечно, от самовлюбленной русской интеллигентской души. А засим—маленькая поправочка на „современность": „нет, революция окончательно раскрыла наши глаза" и эти глаза узрели, что, во-первых, „России нет, она умерла, мы сами убили свою мать-отчизну", а во-вторых, „мы всечеловеки, а не сверхчеловеки"... „Мы пахали", а не какие то там общественные классы боролись в революции. Не класс интернационален, но душа „внеклассового" интеллигента интернациональна. Все эти напевы столь избиты, их классовая сущность так много раз вскрывалась нашей партийной критикой, что мы считаем излишним вдаваться в их анализ.

Так пишут в Харбине. Не по иному пишут в Москве, где для сменовеховства имеется гораздо меньше предпосылок, где оно находится в тесном советском окружении, где оно, с одной стороны, значительно ассимилировано пролетарским влиянием, а с другой—инстинктивно-осторожнее в своих выступлениях.

В прошлом году профессор И. Г. Александров выпустил книжку под названием „Основы хозяйственного районирования СССР", в которой он, трактуя актуальные и важные именно с советской и коммунистической точки зрения вопросы,—под флагом советской внешности, быть может и без злого умысла, протаскивает сменовеховские полуобывательские взгляды. Книжка эта уже нашла себе должную оценку и отпор на страницах „Планового Хозяйства" (см. №№ 1 и 3).

Не останавливаясь на отдельных местах книжки Александрова (об этом достаточно писалось), мы отметим только одно место, которое наиболее ярко свидетельствует о родственной близости между Александровым и его бывшими харбинскими единомышленниками.

Рассуждая о прошлом, Александров приписывает революционную роль только „интеллигенции", работавшей в старых „городских думах", не видя ничего среди других классов.

Такие рассуждения по существу совпадают с точкой зрения „Вестника Манчжурии" на революцию. Там единый, внеклассовый тип интеллигента („всечеловек с интернациональной душой"), от Чаадаева до Блока включительно, тут—„земец" и „думец", творящий революцию во „внеклассовом обществе".

В настоящее время сам Александров выступил по поводу этой книжки с письмом (см. текущий № „План. Хоз."), в котором он публично осуждает сменовеховство.

Менее всего интересны, конечно, взгляды той или иной „личности". Важно общественное значение этих взглядов. С этой точки зрения книжка Александрова представляет большой интерес, так как она характеризует форму наиболее распространенного, наиболее типичного „приспособленческого" выступления.

[1] „Вестник Манчжурии", № 3-4, стр. 111—115.

IV. Ответственные авторы и безответственная редакция

Один профессор, находящийся на советской работе, выпустил книжку о национальном доходе. В этой книжке[1] автор показывает, что он ровным счетом ничего не понимает в политической экономии. Прячась за плечи Петра Струве, оперируя его методологией, проф. Литошенко сам признается, что законов капиталистического хозяйства он не знает. „Для практических целей—заявляет Литошенко—понятие национального продукта недостаточно уже потому, что оно исходит из представления о народном хозяйстве, как о едином „псевдо-хозяйстве", субъектом которого является вся нация или все общество. Даже экономика СССР не подходит под это определение, не говоря уже о чисто капиталистических системах хозяйства других стран. Имея перед глазами строение годового продукта страны, мы ничего не можем сказать о том, каким механизмом приведена в движение и создана эта масса продуктов и каким образом можно добиться изменения ее в ту или другую сторону".[2]

Литошенко сперва объявляет, что никакого единого хозяйства в капиталистической природе не существует. Народное хозяйство—как учил ренегат Струве—это только „псевдо-хозяйство", и поэтому „мы ничего не можем сказать о том, каким механизмом приведена в движение и создана эта масса продуктов". Ничего оригинального в этом нет. Любая домашняя хозяйка, отправляясь на базар, тоже ничего не знает о механизме капиталистического хозяйства, о рыночных законах, управляющих этим хозяйством, и „реальностью" являются для нее, как и для проф. Литошенко, только „индивидуальный доход".

Литошенко либо делает вид, что не понимает, либо действительно не понимает, что национальное капиталистическое хозяйство существует как единое целое и что только как хозяйственно-целостный организм оно может рассматриваться.

Нет иных научно-правомерных методов для его изучения. Теоретическая наивность в элементарных вопросах, граничащая с невежеством, вовсе не к лицу человеку, который называется профессором. О механизме, который приводит в движение массу товаров, проф. Литошенко мог бы кое-что узнать из „Капитала" Маркса. Не смея утруждать трудами Маркса занятого государственными делами профессора, мы посоветуем ему хотя бы обратиться к любому рабочему, окончившему рабфак и прошедшему курс политической экономии по Михалевскому или по Каутскому. От такого политически грамотного рабочего „профессор" сможет узнать кое-что относительно „механизма" капиталистического общества.

Однако, Литошенко не одинок. Вместе с ним обосновывают буржуазные взгляды в экономии профессор Железнов, Шапошников и др. Особенно любопытен Железнов. Сей ученый муж числился в старое недоброе время эклектиком по вопросам теории. Он пытался примирить Бем-Баверна с Марксом. Из этой механической смеси получалась каша довольно неудобоваримая.

То было до войны. Но в 1925 году у Железнова осталось от марксизма только струвистские охвостья, а к австрийской школе он подошел гораздо ближе.

На советском фоне последние выступления Железнова и Шапошникова столь любопытны, что на них невозможно останавливаться здесь мимоходом (этого не позволяют рамки журнальной статьи) и к ним придется еще вернуться.

[1] Проф. Л. Н. Литошенко: „Национальный доход СССР", Финансовое Издательство НКФ СССР, 1925.

[2] Литошенко, стр. 6-7.

Интереснее всего, однако, что трибуна, с которой обращается к народу эта парочка экономистов, представляет собою какое-то вольное, ни перед кем не отвечающее буржуазное общество. Их статьи помещены в сборнике „Вопросы конъюнктуры„ [1]. Редакция сборника оговаривается, что „работы, помещенные в „Вопросах", будут выражать мнения авторов, подписавших эти работы, и в отношении научных выводов ни в какой степени не могут связывать редакцию" [2].

В общественных дисциплинах, как известно, вопросы научные тесно переплетаются с вопросами политическими. Одно из другого вытекает, одно другое обуславливает. Неужели этой элементарной истины не понимает редактор сборника проф. Н. Д. Кондратьев? Неужели он не знает, что, например, те, которые расходятся между собою в научном вопросе о происхождении капиталистической прибыли, расходятся также и в политическом вопросе о классовой борьбе? Иль может быть редакция прекрасно понимает этот момент и потому именно она делает оговорку о своей безответственности по отношению к ответственным авторам?

Шахматный ход Редакции до того элементарен, до того смахивает на ребяческую дипломатию, что первый же сборник проваливает его.

В самом деле, предположим, что для Редакции научные вопросы представляют область безразличных результатов, что она просто объявляет: „валите, господа, кто во что горазд. Место всем дадим. Никого во мнениях не стесняем". Почему же тогда марксизм оказывается столь стесненным, что для него не нашлось в сборнике ни одной свободной строчки? Мы не станем доказывать Редакции „Вопросов", что марксисты занимаются вопросами конъюнктуры и что у них можно было бы получить кое-что для сборника. Но Редакция, по крайней мере, должно быть известно, что проблемой стоимости марксисты много занимаются. Как раз по этому вопросу и написана статья Железнова, она то и затрагивает основные вопросы политической экономии. Вероятно „ни в какой степени не связанная" Редакция не встречает надобности в привлечении теоретиков-марксистов. Мы, с другой стороны, не имеем оснований полагать, что Редакция сборника совсем уже по-вегетариански подходит к поступающим статьям. К статье Шапошникова в том же сборнике она нашла все же возможным сделать примечание „от редакции", в котором она оговаривает расхождение с автором. Значит, на научные вопросы Редакция имеет свою точку зрения. Помещая в качестве вводной антимарксистскую статью, Редакция определяет свою физиономию перед всем миром. Для чего же она в то же самое время объявляет себя „беспартийной" и безответственной в научных вопросах? Редакция напоминает в данном случае ту самую „наивную" барышню, которая объяснила своему папаше: „я сидела с закрытыми глазами, а потому не видела, как он целовал меня".

V. „Тривусиада" Бакинская и Московская

Обратимся теперь к одной из тех книг, в которых буржуазная идеология дана в наиболее концентрированном виде. Таковой является недавно вышедшая книга Тривуса о налогах. [3]

[1] См. „Вопросы Конъюнктуры" т. I. вып. I (Конъюнктурный институт, Финансовое Издательство НКФ СССР), стр. 5-28 и 113-122.

[2] Указанный сборник, стр. 3.

[3] А. А. Тривус: „Налоги, как орудие экономической политики", с предисловием проф. І. М. Кулишера, издание РИО АСПС, Баку, 1925 г. (Издательству Азарбейджанского Совета профсоюзов, вместе с проф. Кулишером, не мешало поучиться грамоте на каком-нибудь ликбезе: они бы узнали, что по новой орфографии пишут не „І. М. Кулишер", но „И. М. Кулишер").

Тривус совершенно безграмотно подходит к социальным проблемам. Вместо того, чтобы при рассмотрении проблем обложения, исходить из классового строения капиталистического общества и из существующих в нем классовых противоречий, он исходит из совершенно второстепенных моментов: „Борьбу интересов, подчас весьма ожесточенную, мы наблюдаем и между отдельными группами производителей по территориальному признаку, по роду производств, по формам промышленности, по размерам предприятий и т. д., а равно между производителями с одной стороны и потребителями—с другой". [1]

Нет поэтому ничего удивительного в том, что теоретические построения нашего автора базируются не на Марксе, а исключительно на представителях австрийской и математической школ, обращаясь иногда также к Смиту, Мак-Куллоху и Джевонсу. В полной гармонии с этим находятся и взгляды Тривуса на собственность. Он не признает общественной собственности. Игнорируя категорию общественной собственности, Тривус видит во всей истории один только институт частной собственности. Этот вечный институт, несмотря на непостоянство его содержания, признаваемое даже Тривусом, никогда не впадает в противоречие с процессом развития производительных сил. „Напротив,—поучает своих читателей Тривус,—с ростом потребностей народного хозяйства, он (институт собственности) постоянно видоизменяется, усложняется и принимает, в связи с борьбой отдельных социальных групп, такую форму, которая наиболее способствует условиям развития производительных сил" [2].

Браво, господин Тривус! Вы в советском государстве культивируете идеи гармонии капиталистического общества. Мы приветствуем в вашем лице достойного продолжателя Бастиа и Сэя. Недаром же вы даже термины свои заимствуете у Ж. Б. Сея [3].

В соответствии с представлениями о вечном капитализме находится и представление Тривуса о капиталистических категориях. Вот как он понимает ренту, например: „Рента определенного участка есть разница между доходностью хозяйства на данном участке и доходностью наихудшего, находящегося в эксплоатации участка. Различие участков по степени плодородия почвы, близость к рынкам снабжения и сбыта и убывающая производительность почвы при последующих затратах капитала—все эти моменты, создающие различие в доходности отдельных участков, сохраняют все свое значение независимо от социальных отношений. Национализация земли означает лишь то, что рента должна поступать полностью в распоряжение государства, на общественные потребности, а не в руки частных лиц—на их личные нужды. Ренты, как таковой, как экономического явления, национализация, конечно, не уничтожает; она изменяет лишь ее социальное содержание. Игнорирование же ренты приводит к крайне неэкономному пользованию природными богатствами и часто к присвоению ее должностными или частными лицами, пользующимися безхозяйственностью казны" [4].

Здесь, что ни выражение, то вопиющее невежество и путаница непролазная.

Что хотел сказать наш автор? Если он хотел отметить, что советское государство должно обратить внимание на то, что доходность земледелия неодинакова по всему Союзу ССР, что игнорирование этого положения граничит с „безхозяйственностью казны", то в этом никакой Америки нет и для этой элементарной мысли нет надобности развивать особую теорию ренты.

[1] Тривус. уп. кн., стр. 25 (курсив автора).

[2] Тривус, уп. кн., стр. 64.

[3] См. кн. Тривуса, стр. 75.

[4] Там же, стр. 133-134.

Но, преподнося практические советы, Тривус попутно угощает своего читателя „философскими“ рассуждениями о ренте, на которых нельзя не остановиться. Неизвестно, во-первых, о какой ренте идет речь: об абсолютной или дифференциальной. В глазах автора этой „маленькой“ разницы, повидимому, вовсе не существует. Указывая один, другой реальный фактор, он ни к селу, ни к городу припутывает „убывающую производительность почвы“,—реакционную мистификацию, давным давно развенчанную в марксистско-ленинской литературе. В том самом предложении, в котором Тривус умудрился столь беспардонно напутать по вопросу о факторах, образующих ренту, он объявляет ее вечной категорией, действующей всегда и повсюду „независимо от социальных отношений“. Даже национализация (какая: буржуазная, пролетарская, капиталистическая или социалистическая) никакой ренты не уничтожает.

Мы были бы, конечно, слишком нескромны, если бы после всего этого требовали бы от Тривуса, чтобы он указал хотя бы малейшую связь между рентой и капиталистическим землевладением, между рентой и категорией прибавочной стоимости и т. д.

В тесной связи с взглядами Тривуса на теоретическую экономию находятся его представления об СССР. Почтенный автор ничегосеньки не понимает и в специфических условиях экономики и экономической политики нашей страны. Рассуждая о принципах обложения предметов роскоши в СССР, он меланхолически замечает: „Цель законодателя у нас, как и в других странах, чисто финансовая, народно-хозяйственные же мотивы играют в данном случае, к сожалению, лишь побочную роль“. [1]

Сомневаемся после этого, известно ли господину Тривусу, что в СССР существует национализированная промышленность, развитие которой совпадает с народно-хозяйственными интересами, что облагая предметы роскоши, наше государство, в отличие от других, поддерживает развитие промышленности и сельского хозяйства, что вообще господствующий пролетариат в своей экономической политике как раз и руководствуется интересами народного хозяйства в целом, совпадающими с его классовыми интересами.

Тривус по своему выдержан. Затрагивая аграрный вопрос в СССР, он без всяких обиняков предлагает введение частной собственности на землю, ссылаясь на небезызвестного Бруцкуса. [2] В данном случае Тривус прибегает к несколько завуалированной форме, не называя частной собственности по имени, а только выдвигая такие положения, которые невозможны без предпосылки в виде частной собственности на землю. Вот что он заявляет:

„Свободный оборот земли и свободное установление цен на нее является тем стихийным, автоматически действующим механизмом, который регулирует построенное на индивидуалистических началах сельско-хозяйственное производство в соответствии с потребностями рынка и с требованиями правильного распределения труда“. [3] Этот принцип, как принцип развития производительных сил, он противополагает „этическому принципу“, под которым он понимает принцип уравнительности землепользования: „социальные идеалы маломощной части крестьянства требуют обеспечения равномерности землепользования и на будущее время“. [4]

В этой тривиально-тривусовской философии дано законченное выражение взглядов деревенского кулачества, которое чувствует себя крайне неприятно в тисках пролетарской земельной политики. Кулачеству, как рыбе вода, необходим свободный (т. е. без вмешательства государства, без вмешательства интересов городского пролетариата и деревенской бедноты) оборот

[1] Там же, стр. 80.
[2] Д. Бруцкус: „Аграрный вопрос и аграрная политика“. 1921 г.
[3] Тривус, стр. 121.
[4] Там же, стр. 121.

земли и свободное установление цен на нее, сиречь, частная собственность на землю.

Что, в самом деле, означает „свободный оборот“ и „свободное установление цен“? Когда мы в 1921 г. вводили продналог вместо продразверстки, то это означало, что мы признаем за крестьянином право свободно продавать свой хлеб, исходя из принципа частной собственности на производимый им продукт. Отсюда—и „свободный оборот“, так называемая, свободная торговля. С этим же связано и „свободное установление цен“, которое также невозможно там, где нет частной собственности. Таким образом, под видом невинных теоретических рассуждений, под видом рассуждений об абстрактной борьбе между двумя абстрактными принципами („этическим“ и „практическим“), под маской утверждения одного из этих принципов в противовес другому, автор преподносит нам идею о частной собственности на землю, идею недвусмысленного политического содержания.

Конечно, окрыление надежд идеологов кулачества а ля Тривус, связано с некоторой степени и с теми мероприятиями по ликвидации остатков „военного коммунизма“, которые проведены советской властью в деревне за последнее время. Но Тривусы своими выступлениями только лишний раз подчеркивают, что они нашей политики не понимают и со своими классовыми вожделениями не расстаются.

Как же относится Тривус к социалистическим и коммунистическим программам финансового обложения. Коммунистов он замалчивает: причины понятны. Зато программе „социалистов“ он посвящает специальную главу под громким названием: „Эволюция идей налоговой политики в социалистической литературе“ (гл. XI). Тривус анализирует эволюцию взглядов на этот вопрос главным образом в рядах германской социал-демократии. Корень зла он усматривает в „Коммунистическом манифесте“ Маркса и Энгельса и в „Эрфуртской программе“ Каутского (того Каутского, который еще служил пролетариату, а не буржуазии). Слабейшим местом в социалистических программах Тривус считает тот принцип, по которому социалисты требуют в буржуазных государствах обложения только прибавочной стоимости, попадающей в руки нетрудовых слоев населения. С удовлетворением Тривус констатирует, что германская и австрийская социал-демократия постепенно вносит изменения в этот основной принцип, изменения столь основательные, которые его почти целиком отменяют. Восхваляя Реннера, Вурма, переродженного Каутского и других социал-соглашателей, Тривус только скорбит по поводу того, что „общий руководящий принцип о том, что обложению должна подлежать лишь прибавочная стоимость, несмотря на всю его необоснованность, все же продолжал считаться в социал-демократической прессе аксиомой“. [1] Положительную сторону социал-демократической программы Тривус находит в том, что в ней все большую и большую роль приобретает „мнение о недопустимости высокого обложения капитала“. [2] После такой критики социал-демократии справа, понятно, почему господин Тривус коммунистических программ вовсе не касается. Взгляды русских, германских, французских и других коммунистов на вопросы налогового обложения, их разногласия в этом вопросе с западно-европейскими социал-предателями совершенно чужды Тривусу. Они лежат вне сферы его буржуазного мировоззрения.

Какой же отклик находят такие книги в нашей прессе? Встречают ли они соответствующий суровый, научно-обоснованный марксистский отпор? Перед нами лежит рецензия на книгу Тривуса, помещенная в одном из московских журналов „Экономическое Обозрение“ [3]. Автор рецензии М. И. Бо-

[1] Там же, стр. 158.
[2] Там же, стр. 166.
[3] См. „Эк. Обозрение“, сентябрь, 1925 г., стр. 208-210.

голепов воскуряет фимиам Тривусу. М. И. Боголепов считает нужным похвалить автора за то, что тот „очень удачно вставил необходимую главу, в которой он рассматривает вопрос о возможных коллизиях между социальными и производственными задачами налоговой политики“.[1] Не входя здесь в обсуждение вопроса о научной правомерности противопоставления социальных задач производственным (не совпадают ли они в пролетарском государстве именно с точки зрения общественной, а не частно-хозяйственной, на которой стоит Тривус?, мы только отметим, что М. И. Боголепов говорит о той самой главе десятой,[2] в которой Тривус изложил приведенные выше соображения о ренте. Заметим мимоходом, что вообще эта глава представляет собою апологетику частно-капиталистического накопления. Понятно, что в такой главе Тривус не может не воскурять фимиам буржуазной политике Западной Европы. „И в настоящее время обедневшая после войны Европа старается по возможности щадить обложение доходов с капитала. Известное значение имеет, конечно, при этом влияние крупной буржуазии, но и рабочие партии, пока производство остается частно-капиталистическим, не могут по чисто-экономическим соображениям пойти далеко по этому пути“.[3] По отношению к недостаткам этой главы рецензент считает нужным сказать только то, что „автор совершенно напрасно забыл“, что „возможна коллизия фискальной и побочной цели“.[4] Жестокий критик М. И. Боголепов: он не хочет простить Тривусу такой мелочи, в то время как он не вникает в наиболее важное в данной главе и во всей книге—реакционные социологические построения.

По поводу главы, в которой Тривус, в назидание тупоумным Марксам и Лениным, показывает, что бедный Каутский даже в 1925 г. еще не совсем дорос до здравого буржуазного понимания, по поводу этой, бьющей в глаза своей реакционностью главы, М. И. Боголепов скромно замечает, что она „многим читателям покажется б л е д н о й“.[5] Цвет, конечно, дело вкуса. Мы не причисляем себя к тем читателям, которым глава об эволюции социалистических идей (о ней говорит рецензент) покажется бледной. К чести Тривуса следует сказать, что глава эта написана достаточно вразумительно. Уже если квалифицировать по цветам, то эта глава черная или желтая, но во всяком случае не „бледная“.

Профессор И. Х. Озеров [6] не совсем одобрительно относится к книге Тривуса, считая, что „для преодоления поставленной автором темы (а тема эта очень серьезна) нужны и более широкий кругозор, и большая подготовка“. Однако, те недостатки, на которые указывает проф. Озеров, больше всего касаются узко-специальных вопросов, между тем, как книга Тривуса, как мы видели выше, затрагивает ряд кардинальных проблем политической экономии и экономической политики.

Рассматривая книгу, как незрелую компиляцию, проф. Озеров несколько даже преуменьшает ее значение. Он видит заслугу Тривуса только в том, что он отдельные факты „выбрал, объединил по рубрикам и разнес по главам“. В этом нельзя согласиться с профессором Озеровым. Тривус не только „разнес по главам“, но он подошел к работе со своей определенной „научно-политической“ точки зрения, которая им во всей книге упорно проводится.

Озеров находит все же возможным рекомендовать книгу, как „полезную для лиц, желающих лучше познакомиться с отдельными основными проблемами финансовой науки“. Такая рекомендация, на наш взгляд, ни научными, ни политическими соображениями не оправдывается. Но этот вопрос решается, конечно, для каждого отдельного лица его научно-политической точкой зрения.

[1] Указанный журнал, стр. 209.
[2] См. книгу Тривуса, стр. 128-144.
[3] См. его рецензию на книжку Тривуса в № 9 „Вестника Финансов“ сентябрь, 1925. Ежемесячное издание НКФ.
[4] Там же. стр. 210. (Курсив наш, Р. С.).
[5] „Экономическое Обозрение“, стр. 209-210.
[6] Тривус, стр. 134-135.

Обе рецензии подходят к книге Тривуса с точки зрения тех узко-специальных вопросов, которые там затрагиваются. Они игнорируют те кардинальные вопросы политической экономии и экономической политики, которым Тривус уделяет много внимания. Замалчивание этих сторон книги является худшим видом критики. По воле или помимо воли рецензентов, молчание по основным вопросам включает их в хор тривусианской „науки“ и „политики“.

„Баку“ издает книги, а „Москва“ рекомендует их. Быть может, помимо своей ясной осознанной воли, как автор, так и рецензенты, превращаются в рупоры, через которые ведет свою перекличку буржуазная идеология...

VI. Выводы

Мы указали в настоящей статье только несколько примеров буржуазной идеологии в экономической литературе. Мы далеко не исчерпали тех конкретных материалов, которые еще можно было бы привести. Их имеется в настоящее время уже столь много, что из них можно составить несколько томов, а обстоятельная марксистская критика этих томов разрослась бы в целые фолианты.

Это обстоятельство не мешает нам, однако, притти к конкретным выводам по вопросу о буржуазной идеологии.

Как общее правило можно считать, что в нашей экономической литературе буржуазная идеология в политике идет рука-об-руку с марксистской безграмотностью, с невежественно-буржуазным пониманием общественных явлений. Разница лишь та, что в политике буржуазная идеология выступает в более скрытой форме, а невежественная „ученость“ шагает открыто и кичливо. Иногда под видом „учености“ просто преподносятся макулатурные произведения.

Отнюдь не следует преувеличивать буржуазной опасности. Наряду с буржуазной идеологией растет и развивается не менее быстрым темпом идеология пролетарская. Влияние марксистской и коммунистической идеологии в экономической литературе растет изо-дня в день. Марксистская мысль становится господствующей. Советская идеология доминирует в экономической литературе. И те буржуазные изъяны, на которые мы указывали выше, являются собственно темным пятном на алом советском фоне. Это, конечно, нечто противоположное тому, что имеется в экономической литературе буржуазных стран; мы имеем в СССР буржуазные проявления на пролетарской основе, а не пролетарские проявления на буржуазной основе.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что некоторый прорыв идеологического фронта в экономической литературе имеется. Нет оснований хотя бы для малейшей паники, но и замалчивать этот вопрос тоже нельзя.

Что же делать? Не переводить буржуазных книг? Отказаться от использования литературных сил старых буржуазных ученых? Отказаться от литературного сотрудничества специалистов?

Конечно, нет. Так вопрос не стоит. Напротив, нам нужно все больше и больше использовывать знания, накопленные капиталистическим миром. В этом отношении потребности пролетариата, преобразующего мир, колоссальны. Стоящий у власти пролетариат предъявляет такой спрос на знания, какой не предъявлял еще ни один класс в мире. Уже одно это обстоятельство, помимо ряда других, вполне оправдывает в области научно-литературной работы тот курс на специалистов, который проводится у нас во всех

областях строительства и который недавно еще раз, со всей категоричностью, подчеркнут в резолюции Центрального Комитета Партии о специалистах.

Речь идет теперь только о том, чтобы, использовывая накопленные буржуазией знания, пролетариат получал бы действительно то научно ценное, что в них имеется. Нужно освободить нашего читателя от той мещанской трухи и буржуазных благоглупостей, которыми его пичкают. К сожалению, даже хорошие книги подчас так засоряются этим мусором, что они теряют свою научную ценность. То ценное, что имеется в этих книгах, страдает больше всего от того, что оно пропитывается буржуазной гнилью, между тем как правильное, научное объяснение явлений общественной жизни можно получить только на основе марксистского миропонимания.

Под этим углом зрения следует упорядочить издательскую работу в Союзе. Необходимо, чтобы соответствующие партийные и советские органы преподали издательствам определенные директивы. Основная из этих директив должна заключаться в том, чтобы взять курс на политически и научно-выдержанную литературу.

Издавая хорошие книги буржуазных авторов (русских и иностранных), следует повышать их научно-политическую ценность. В одних случаях такие книги можно сокращать, освобождая их от всякой теоретической чепухи. В других случаях, там, где сокращения шли бы в ущерб научному содержанию книг, их следует снабжать соответствующими марксистскими примечаниями и предисловиями, которые показали бы читателю истинную сущность буржуазных взглядов и правильное марксистское понимание отдельных вопросов. Следует при этом твердо помнить, что даже такой читатель, как вузовец и хозяйственник, еще весьма мало подготовлены для самостоятельной критики антимарксистских и антиленинских взглядов. Даже ошибки буржуазного миропонимания должны в руках наших издательств превращаться из орудия антимарксистской критики в рассадник миропонимания марксистского.

Необходимо усилить издательства квалифицированными партийными работниками.

Следует повести решительную борьбу против халтуры, которая часто навязывается нашим неискушенным издателям под видом науки и ее откровения.

Партия должна уделить побольше внимания научной социально-экономической литературе. Она должна дать работников для удовлетворения огромных потребностей в этой области.

Но где взять работников? Их нужно подготовить. Смешно было бы говорить о том, чтобы готовить каких-то „специалистов-литераторов".

Следует готовить товарищей для научно-исследовательской работы в области экономики. Объем знаний таких товарищей должен быть не ниже того объема знаний, который дает Институт Красной Профессуры.

Можно было бы на самый Институт Красной Профессуры возложить обязанность по подготовке соответствующего кадра товарищей, с освобождением их от педагогической работы.

И. К. П. должен выпускать не только педагогов, но также таких марксистски-образованных товарищей и ученых исследователей, которые занимались бы исключительно литературной работой. Нужны марксистско-ленинские образованные редактора, руководители редакций и т. п.

Марксистско-ленинские исследователи в области экономики нужны не только в связи с отрицательной задачей—преодоления буржуазной идеологии. Эта задача может быть выполнена успешно только одновременно с другой задачей—фактическим овладением тем материалом и теми проблемами, которые ждут своей научной работы. Та проработка, которую эти проблемы получают в настоящее время от наших буржуазных ученых и квази-ученых, является во многих случаях марксистски ненаучной и политически недоброкачественной.

У нас много пробелов в области экономической литературы и научно-исследовательских работ. К их восполнению необходимо приступить в ближайшее же время.

Р. Вайсберг

„Промышленность на переломе". Сборник статей под редакцией Ю. А. Каплинского, И. А. Краваля и Л. М. Сабсовича, изд. ЦУП ВСНХ СССР, 1925 г. 307 стр., цена 3 руб. 50 коп.

Постепенное улучшение отчетности (хотя еще далеко не достигшей необходимой точности и полноты), общее улучшение работы промышленности на фоне роста всего народного хозяйства отразилось благоприятно на количестве публикаций ВСНХ о работе государственной промышленности. До сих пор ВСНХ ограничивался одним отчетным статистическим ежегодником. В 1924/25 г. мы, кроме того, имеем статистический свод отчетных данных по трестам за 1923/24 год, краткий статистический обзор за 1 полугодие 1924/25 г. и „Перспективы промышленности на 1925/26 г.". Печатается краткий предварительный статистический обзор за весь 1924/25 год и недавно вышел сборник „Промышленность на переломе", посвященный итогам 1 полугодия того же 1924/25 г.

Рецензируемый сборник был составлен, как то видно из использованного его авторами материала, в мае-июне 1925 г. и, повидимому, [1] имел своей целью, наряду с характеристикой работы промышленности за первую половину 1924/25 г., дать перспективы предстоящего второго полугодия того же года и частью 1925/26 г., ставя конкретно по отдельным отраслям все вопросы, требующие своего разрешения и указывая необходимые мероприятия по дальнейшему развитию работы каждой отдельной отрасли промышленности.

Вместо предисловия в сборнике приведена резолюция III Съезда Советов СССР о положении промышленности, давшего промышленности твердую директиву усиления темпа дальнейшего расширения „с непременным условием, чтобы это расширение проводилось в строго плановом порядке, в соответствии с финансовыми возможностями и потребностью страны, в первую очередь—крестьянского хозяйства и с действительным улучшением качества изделий".

К сожалению, прямого сконцентрированного ответа на вопрос, как выполнялись эти задачи в законченном периоде и что можно ожидать в дальнейшем, мы не находим в настоящем издании. В нем совершенно отсутствует сводка работ всей промышленности. Кроме обзоров по отдельным отраслям промышленности, среди которых по совершенно непонятным причинам целиком пропущена вся металлическая промышленность и нет еще нескольких более мелких отраслей (пенько-джутовая, шелковая) мы в сборнике находим обзор финансового положения цугромовской промышленности, дающей, за отсутствием полугодовых отчетных данных, только предположительные цифры на весь 1924//25 г. и останавливающейся почти исключительно на узко-финансовых вопросах. Есть еще общая статья о перспективах строительства на 1924/25 г.

Но сводного обзора по всей промышленности, хотя бы только суммирующего отчетные данные по отдельным отраслям, редакторы сборника не дали. По всем имеющимся данным известно, что в первом полугодии, как и в течение всего 1924/25 хозяйственного года, в промышленности имеет место дальнейшее развитие восстановительного процесса, начавшегося еще до этого года и в этом году еще не заканчивающегося. Остается непонятной

[1] Мы говорим „повидимому", так как в сборнике совершенно отсутствует какое либо предисловие редакции.

мысль авторов, вложенная ими в самое название своего труда,— „Промышленность на переломе“ и нигде ими не объясненная.

Обращаясь к содержанию сборника, нужно с удовлетворением отметить вполне удавшееся редакторам соблюдение единства программы обзоров по отдельным отраслям. В коллективной работе, особенно с большим числом участников (в сборнике около 30 обзоров), эта задача обычно встречает наибольшие трудности.

По каждой отрасли промышленности приводятся данные о программе и выработке за отчетное полугодие по важнейшим трестам и общее сопоставление с первым полугодием предыдущего года; некоторые довоенные сведения, число рабочих, заработная плата, технические достижения, себестоимость продукции и продажные цены, ход реализации, общие сведения о финансовом состоянии промышленности. В заключение каждого обзора наряду с общей характеристикой работы описываемой отрасли промышленности, указываются важнейшие ее периоды и необходимые мероприятия. Эта программа-минимум проведена во всех обзорах. Кроме того, по каждой отрасли отмечены и специфические для нее моменты, как вопросы сырья, экспорта и т. д.

К сожалению, авторы в большинстве случаев в своем изложении ограничились только описанием фактов и цифр, не давая анализа причин тех изменений в работе промышленности, которое рисуется этими фактами. Так, тов. Роговин указывает, что средне-месячная производительность одного забойщика по Москуглю поднялась в первом полугодии 1924/25 г. против предыдущего года больше, чем в 2,5 раза (с 2330 пуд. до 6082 пуд.) и оставляет это совершенно без объяснения.

Этот рост объясняется хотя и целым рядом улучшений в производстве (концентрация и т. д.), но не в меньшей степени и улучшением учета (благодаря отделению забойщиков от каталей), что, понятно, следовало бы оговорить.

Не свободны также некоторые авторы и от ведомственного патриотизма. В большинстве обзоров вопрос о качестве продукции совершенно обойден. Там же, где он упомянут, мы не находим объективного подхода. Автор обзора электрической промышленности, говоря о технических достижениях, указывает, что в производствах ламповом, фарфоровом, установочного материала и радио-строения „качество продукции выше довоенного. В остальных производствах качество изделий, во всяком случае, не ниже, чем в довоенное время“. Насколько эта характеристика отвечает действительности достаточно красноречиво говорит любой номер ежедневной печати. После совершенно оффициальных выступлений по этому вопросу руководителей ВСНХ как будто не следовало бы ожидать в его изданиях такого рода „защиты приходских интересов“. Встречается и ряд других дефектов, как например указания тов. Смирнова на то, что восстановление крестьянского хозяйства идет якобы медленнее восстановления сельского хозяйства Сахаротреста, между тем как в действительности крестьянские посевы свеклы уже давно обогнали свои довоенные размеры. Эти отдельные недочеты не умаляют рецензируемой книги, которая представляет значительный интерес детализацией своих данных, приводимых по отдельным трестам, и конкретностью выводов по каждой отдельной отрасли. Благодаря этим своим особенностям она приобретает живой интерес для специального круга читателей—работников ВСНХ и его органов, для хозяйственников-практиков.

Но даже для квалифицированного круга читателей необходимо было бы дать хоть самые краткие обобщающие выводы, чтобы помочь им распыленные по отдельным отраслям моменты собрать в общее представление о положении нашей промышленности. И, понятно, нельзя было пропускать металлической промышленности.

Г. Шуб

Проф. П. И. Фомин. Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна (в ее современном состоянии). Укргосиздат. Харьков, 1925 г. Стр. 154.

Настоящая книга проф. Фомина по существу является частью его основных трудов по горной и горнозаводской промышленности Юга России, изданных раньше в 2-х томах.

Автор в 8-ми главах этой книги пытается широко охватить хозяйственную жизнь и деятельность Донецкого бассейна. Пользуясь богатым литературным материалом и в особенности неизданными отчетными материалами, производственных предприятий Донбасса, автор в исторической последовательности добросовестно и тщательно изложил статистические данные так, как их излагали отдельные лица и учреждения.

Что дал автор этой книгой нашему хозяйственно-экономическому миру?

За исключением глав VI-VIII о рынке и перспективах Донбасса, все остальные главы в большинстве своем носят характер экономико-статистических обзоров по отдельным вопросам: 1) производственно-техническим, 2) рабочий вопрос, 3) финансовый и т. д. Особенно следует отметить ту часть книги, которая трактует о рабочем вопросе—такого всестороннего и полного освещения этот вопрос, пожалуй, еще нигде не получал, напр.: 1) возрастной состав рабочих, 2) половой состав, 3) национальный, 4) по квалификации и стажу, 5) семейный состав, 6) статистика несчастных случаев и ряд других ценных моментов.

Это—те вопросы, которые обычно освещаются слишком мало и неясно. Полное же их освещение дает возможность лучше понять положение и состояние могучего пролетарского центра в нашей промышленности.

Наряду с этим автор почти совсем обошел такие решающие вопросы, как калькуляция себестоимости производства и политика управления шахтами. Значение первого вопроса само собою понятно, и сильно обесценится освещение деятельности любого производственного предприятия, если мы упустим сознательно или безсознательно вопрос калькуляции. Вопрос управления шахтами Донбасса есть вопрос чрезвычайной важности, вопрос хозяйственной политики Донбасса. В особенности вопрос этот важен теперь, в начале 1925/26 операционного года, когда мы изживаем недавнюю политику сокращения производства угля, когда перед нами уже не стоит угроза перепроизводства топлива, когда мы даже восстанавливаем ряд шахт (даже мелких), еще раньше выброшенных и обреченных на ликвидацию.

В целом можно отметить, что та часть работы, в которой автор дает экономико-статистический обзор, имеет ту ценность, что может послужить источником для той или другой справки. Но здесь же есть существенный недостаток в том, что автор избежал освещения ряда важных вопросов и, главное, не дал ясной характеристики и решительных выводов по основным вопросам.

Самым слабым местом работы в этой книге проф. Фомина следует считать главы VI и VII о рынке и его перспективах.

В главе о рынке автор не ответил даже на самые основные вопросы, которые волнуют сейчас, как потребителя, так и производителя. Автор никак не хотел или не мог уяснить себе того основного понятия, что связь Донбасса с рынком в современных условиях не может воспроизвестись в прежней форме, даже не может быть терпимой в условиях планового советского хозяйства. Если раньше политика углепромышленников сводилась к тому, чтобы держать постоянно потребительский рынок в тисках голода и высоких цен, то этому явлению в советском хозяйстве места не может быть. Мы считаем совершенно неудачной ту выдвигаемую автором аналогию, по которой уголь Донбасса проходит те же самые этапы на рынке, которые он проходил в начале капиталистической карьеры Юго-России. Это только

ослепляющая автора, и иже с ним, внешняя видимость, в существе имеющая новое содержание и новые принципы, принципы планового регулирования.

Рассматривая проблему рынка узко, вне связи Донбасса, с прочими источниками топлива и интересами народного хозяйства в целом, автор, конечно, не мог дать промышленно-технического и потребительского топливного баланса, его состояния и тенденций развития.

Рыночная проблема Донбасса, проблема еще не совсем разрешенная, выявление новых потребителей, районирование топливопотребления и цен—все это требует разрешения, а не одних намеков.

Проф. Фомин пытается заглянуть и в перспективы Донбасса. Такая попытка увенчала бы его книгу некоторым успехом, если бы он хотя бы в какой-либо мере разрешил этот чрезвычайной важности и своевременности вопрос. Но здесь, как и везде, где требуется дать решительные выводы, принципиальные положения, могущие быть положены в основу конкретных мероприятий в производственной деятельности Донбасса, автор ограничивается скромными ссылками на попытки разрешения этого вопроса другими и т. д. Учитывая же те проблемы, которые сейчас стоят пред топливной промышленностью, и, в частности, пред Донбассом, а также попытки наших хозорганов разрешить этот вопрос, следует сказать, что глава о перспективах Донбасса не отвечает этому требованию.

Автор, говоря о перспективах, не учитывает того, что технико-производственная мощность Донбасса перенапряжена, что вводится в действие все, что можно. Новые шахты только закладываются и в полной мере развернут добычу через 2-3 года. Старые шахты не удовлетворяют потребности в добыче, и ряд других острых вопросов стоит пред Донбассом. Предвидел ли проф. Фомин все эти вопросы несколько месяцев тому назад, хотя бы в малой степени, и говорит ли он о них сколько нибудь решительно, дает ли он пути выхода из них Донбассу? Нет. Автор говорит: „что определение таких перспектив—дело будущего и больших исследовательских работ". Автор намекает, повидимому, на то, что Комиссия Укргосплана занималась этим вопросом якобы неудачно и знакомит с проектами Комиссии инж. Данчича по восстановлению Донбасса, которые ни в какой степени не разрешают вопроса и не смогут быть применимы в настоящей конкретной обстановке, ибо не учитывают всех необходимых экономических моментов. В книгу проф. Фомина можно заглядывать только для того, чтобы справиться о той или другой цифре по тому или другому вопросу, но ничуть не для получения ответа на принципиально-экономические вопросы, жгучие вопросы, напр.: о восстановлении капитала в Донбассе, о реконструкции, о новых шахтах, типе этих шахт и вообще о завтрашнем дне Донбасса; о преспективах его развития.

И. Чернышев

По поводу библиографической заметки т. Громана: „Статистический справочник или источник заблуждений"

В № 6 журнала „Плановое Хозяйство" т. Громан в библиографической заметке под весьма хлестким названием „Статистический справочник или источник заблуждений" явно обнаружил стремление ввести своих читателей в заблуждение относительно изданного ЦСУ справочника.

Т. Громан предостерегает о возможной ошибке в исчислении продукции за 1923/24 г. Мы очень благодарны т. Громану и за внимание и за его любезное предупреждение о возможной, хотя бы еще и не сделанной нами, ошибке.

Но, к сожалению, должны сказать, что т. Громан глубоко ошибается, как в своих рассуждениях, так и в расчетах. Дело в том, что, узнав из наших данных, что продукция промышленности в червонном исчислении возросла от 1923 хозяйственного года к 1924 на 30%, он полагает, что при исчислении в довоенных ценах мы получили меньший прирост. Его предположение основано на том, что будто бы получаемый нами при параллельном исчислении продукции в червонных и довоенных ценах индекс должен совпадать с промышленным индексом Госплана. Вот в этом и лежит глубокое заблуждение т. Громана. Получаемый нами в результате наших параллельных подсчетов продукции по довоенным и червонным ценам индекс вовсе не должен совпадать с промышленным индексом Госплана, так как веса индекса Госплана и веса групп отраслей промышленности, подсчитываемые нами, не совпадают.

Всю промышленность по отношению средних цен за 1923/24 г. к средним ценам за предыдущий год можно разбить на три группы: а) производства, средние цены на продукты которых на месте производства за 1923/24 г. остались приблизительно на уровне предыдущего года, это—добывание минералов, металлическая промышленность, разные химические производства, кожаная обувь, производство физических сил и художественно-научное; б) производства, в которых цены в 1923/24 г. снизились,—стекольное, цементное, каменноугольное, нефтяное, резиновое, мыловаренное, парфюмерно-косметическое, пищевые, кроме мукомольной, текстильное (большая часть), полиграфическое, изделия из минералов и в) производства, в которых средние цены 1923/24 года оказались выше предыдущего года,—керамическое, обработка дерева, горная промышленность (кроме угля и нефти), мукомольное, кожевенное и бумажное.

Вес продукции в %%

Группы	1922/23 г.		1923/24 г.	Вес индекса Госплана в %%
	По подсчету в червонных рублях	По подсчету в довоенных ценах	По подсчету в червонных рублях	
а) Цены почти равные	18,0	18,0	17,2	4,3
б) Цены снизились	60,2	54,0	57,3	69,8
в) Цены повысились	21,0	28,0	25,5	26,0

Уже из этого сопоставления весов продукции и индекса Госплана видно что индекс, получаемый при параллельном исчислении продукции в червонных и довоенных ценах, может не совпадать с промышленным индексом Госплана, что в действительности и получается за 1923/24 год.

Кроме того, необходимо указать, что базисные цены индекса Госплана и средние довоенные цены, применяемые для переоценки продукции, также не совпадают. Затем современные цены в червонных рублях берутся для индекса Госплана из оптовой продажи трестов, продукция же промышленности оценивается, как общее правило, в фабрично-заводских отпускных ценах.

И, наконец, надо отметить, что целый ряд продуктов, которые входят в состав продукции промышленности, как, например, мукомольного производства (с повышенными ценами), производства физических сил, керамического и др., не входят в состав промышленного индекса Госплана. Отсюда

ясно, что никакой прикидки продукции в довоенных ценах путем деления продукции в червонных ценах на промышленный индекс Госплана, как это делает тов. Громан, делать нельзя. Это исчисление будет ошибочным. Для 1923/24 г. выведенный нами индекс (из параллельной оценки в довоенных и червонных рублях) совпал совершенно случайно с промышленным индексом Госплана, но из такого совершенно случайного совпадения цифр никакой закономерности делать, конечно, нельзя, так как это может привести и привело уже тов. Громана к ошибочному исчислению. Тов. Громан прирост продукции, расцениваемый в червонных рублях, определяет в 54% против 1923/24 года, что в действительности, как показывают подсчеты продукции по сплошным данным в ценах, проставленных на фабриках и заводах, является сильным преувеличением. В действительности, прирост продукции в червонных рублях будет так же, как и в довоенных, около 30%. Рассматривая далее материалы Справочника по учету продукции за 1924 г., тов. Громан пишет, что приведенные в Справочнике цифры ставят его перед лицом „величайшей загадки", которая, по его словам, заключается в следующем: 1924 г. в отношении урожая был много хуже предыдущего 1923 г., между тем по данным ЦСУ, как утверждает тов. Громан, никакой разницы между урожаями этих двух лет не оказывается, — средний сбор за 1923 г. был больше 1924 г. только на один пуд с десятины.

Действительно это „величайшая загадка"—два года, по объективной обстановке совершенно различных, оказываются одинаковыми по сбору хлебов, но эту загадку т. Громан сам пожелал сделать, чтобы посеять вокруг Справочника только ему нужную ложь.

Свой странный вывод тов. Громан получил, разделивши валовой сбор 1923 г. на средний урожай, показанный в таблицах на 81 стр. первого Справочника, под которой имеется следующее примечание, что „приведенные данные надлежит считать несколько преуменьшенными". А раз есть такая оговорка, то казалось бы не было оснований тов. Громану пользоваться этой цифрой для вывода размера посевной площади—путем деления валового сбора на этот пониженный урожай. Да и к чему это нужно было делать? Все исчерпывающее данные о размерах посевной площади за 1923 г. помещены в том же разделе Справочника. Цитируемая таблица на стр. 81 о среднем урожае приведена исключительно для целей сравнения с данными за прошлые годы—данными, полученными тем же методом. Если бы дальше тов. Громан потрудился разделить валовой сбор 1923 г. на указанную в Справочнике площадь, тогда бы получил не 42 пуда, а 47 пуд., каковая величина и является по данным ЦСУ средним подесятинным урожаем для 1923 г. Наконец, простой просмотр таблиц сбора хлебов за 1923/24 г., помещенных в Справочнике, убедит всякого в нелепости утверждения, что у ЦСУ оба указанные годы по урожаю оказались одинаковыми

Да все это тов. Громан отлично и знает. Здесь не заблуждение новичка. а сознательно—что в борьбе все средства хороши.

Единственно, в чем до некоторой степени прав тов. Громан—это в указании на табл. № 7 в отделе землепользования. По моему недосмотру в печать попала помянутая табличка с неправильным заголовком, что, к сожалению, не было своевременно замечено и при составлении листка опечаток. В статье, написанной для 6 книги „Экономического Обозрения", по техническим причинам имеющей появиться лишь в 7 книге этого журнала, т. Бляхер—составитель отдела землепользования—в особом примечании указал на ошибку в заголовке таблички и привел исправленное название последней. К сожалению, по независящим обстоятельствам, он не мог сделать это раньше и тем самым дал возможность т. Громану поиздеваться.

Табличка, о которой идет речь, и данные которой относятся к 15 губерниям, преследовала две задачи: во-первых, показать, какие изменения произошли

в составе угодий за период 1917—1922 г.г. в связи с аграрной революцией и со всеми вытекающими из нее событиями социально-экономического характера, для чего сопоставления делались в одних и тех же административных границах 1922 г., во-вторых, показать, какие изменения в пределах отдельных губерний произошли в составе угодий за период 1917—1924 г.г. в связи лишь с изменениями административных границ этих губерний. Отсюда понятно, что из приведенных в табличке цифр сопоставлять можно лишь данные 1917 г. с данными 1922 г. и тем самым находить ответ на первый вопрос; затем можно сопоставлять данные 1917 г. с данными 1924 г. и этим находить ответ на второй вопрос; сопоставлять же данные 1922 г. с данными 1924 г. нельзя, так как они совершенно несоизмеримы.

В соответствии с указанными двумя различными задачами таблица должна была иметь такой заголовок: „Изменения в составе угодий за период 1917—1922 г.г. в границах 1922 г. и изменения в составе угодий за период 1917—1924 г.г. в связи с изменениями административных границ". В процессе работы эта табличка для краткости называлась „Изменения в составе угодий в период 1917—1924 г.г." и с этим условным и совершенно неправильным заголовком она попала в печать.

Все интересующиеся вопросами землепользования, и т. Громан в особенности, знают, что после 1917 г. никаких земельных исследований не производилось, кроме частичного, связанного с 10% выборочной с.-х. переписью 1922 г. Он знает всю условность тех сравнений состава угодий, которые можно делать, пользуясь, с одной стороны, данными сплошного исследования 1917 г., а с другой—данными частичного 10% исследования,—всю условность оговоренную в „Ежегоднике" ЦСУ 1922 и 1923 г.г. [1] Он знает, что сведения о составе угодий 1924 г. это—в большинстве случаев данные 1917 г., приуроченные лишь к новым административным делениям 1924 г., на что указано в примечании на стр. 152 критикуемого им справочника.

И тем не менее, зная все это, т. Громан, пользуясь совершенно очевидной, вкравшейся в заголовок таблицы, ошибкой, впадает в веселый тон и говорит о „геологических переворотах", обнаруживаемых цифрами таблицы.

Что опытный глаз тов. Громана позволил ему разглядеть, несмотря на ошибочный заголовок, истинный смысл цифр таблички, это видно из его следующей фразы, которой он заканчивает свои замечания по поводу этой таблички: „Очевидно, перед нами не цифры, характеризующие действительный процесс изменения реальных явлений, а результат различных методов регистрации (курсив мой. М. К.), которые выдаются за характеристику действительных динамических процессов". Ясно, что для издевательства у т. Громана было очень мало оснований. Но я должен категорически заявить, что, если ошибка, хотя и совершенно очевидная, в заголовке таблицы могла еще подать т. Громану какой нибудь повод повеселиться, то для обвинения ЦСУ в стремлении ввести читателя в заблуждение у него уже не было решительно никаких оснований.

Редактор Статистического Справочника *М. Красильников*

Ответ редактору „Справочника" ЦСУ

По выходе Справочника № 2, я, как и все читатели, заинтересовался основным вопросом, интересующим каждого советского гражданина, а именно: в каком направлении и в каком темпе развивается наше хозяйство и прежде всего продукция сельского хозяйства и промышленности.

---

[1] См. „Статистический ежегодник 1922 и 1923 г.г." Выпуск первый, стр. 189.

К великому изумлению, я должен был прийти к выводу, что в неурожайный 1924 год сбор хлебов оказывается таким же, как и в предшествующий год, а продукция промышленности, несмотря на восстановительный процесс, увеличивается на ничтожный %. В виду огромного интереса, я взялся за перо и написал заметку, озаглавленную „Статистический справочник или источник заблуждений".

Через несколько месяцев появляется ответ редактора Справочника, который читатель имеет удовольствие прочесть в настоящем номере.

Разберемся в этой антикритике.

М. Красильников поучает меня в своем возражении о том, что пользоваться индексами при переводе червонной оценки в довоенную нельзя, так как веса индекса Госплана и веса групп отраслей промышленности, подсчитываемой нами, не совпадают, базисные цены индекса Госплана и средние довоенные цены, по которым оценивается продукция, различны и ЦСУ оценивает продукцию в отпускных ценах, а не оптовых, входящих в индекс Госплана.

Меня этому поучать нечего, так как я давно говорю, что „мы жертвы несоответствия и состава и качества тех предметов, которые входят в действительное производство и в индекс" [1]. Вполне соглашаясь с Красильниковым в том, что индексный метод оценки продукции весьма грубый, на что мы много раз указывали читателям, я тем не менее не могу признать правильным утверждение, что „никакой прикидки продукции в довоенных ценах путем деления продукции в червонных ценах на промышленный индекс Госплана нельзя делать, что в действительности получается в 1923/24 г.

Приведенная гр. Красильниковым таблица показывает, что в индекс Госплана с большим весом входят те отрасли, средние цены по которым снизились (69,8%) и с весом почти соответствующим подсчетам ЦСУ, входят отрасли с повысившимися ценами (26% против 25%). Какое это должно было оказать влияние на результат нашего исчисления червонной продукции (перевод по индексу)? Ясно, что наше исчисление должно было дать более низкий динамический коэффициент, чем непосредственная оценка продукции ЦСУ.

Однако, дабы заставить М. Красильникова более внимательно относиться к своим „доказательствам" и выводам из них, я позволю себе воспользоваться следующей работой Бюро Кон. Совета.

Помесячную продукцию 5 отдельных отраслей промышленности (текстильной, металлической, топливной, кожевенной и химической), вес которых в 1922/23 году в общей продукции ЦОС'а по довоенным ценам равен 77,1%, а в 1923/24 году—76,8%, Б. К. С. перевело из довоенной оценки в червонную по соответствующим месячным групповым индексам Госплана (топливному, металлическому и т. д.). Полученные месячные итоги мы суммировали и получили таблицу № 1 (см. стр. 283).

Эта таблица говорит нам о том, что продукция по 5 главным отраслям выросла в довоенных ценах на 28,3%, а в червонных на 59,6%. Мы же давали по всей продукции коэффициент в довоенных ценах 30% и в червонных рублях 54%, наш вывод лишь усилился.

Можно, конечно, отрицать право пользования и этим методом для прикидок, так как состав продукции в отдельных отраслях различен для индекса группового и для подсчитываемой ЦСУ продукции, тем более, что, как утверждает гр. Красильников, действительность оказалась против меня.

Вот это последнее „доказательство" от действительности я и оспариваю потому, что ЦСУ подсчитало продукцию 1922/23 года не непосредственно в червонных ценах, а по индексам, как это было установлено докладом ЦСУ

[1] См. „Народное Хозяйство СССР в 1-м полугодии", изд. Госплана и „Плановое Хозяйство" № 6, стр. 58.

в Госплане. Значит, ЦСУ сопоставило червонную продукцию 1923/24 года по непосредственной оценке с продукцией 1922/23 года, оцененной в червонных ценах по индексу.

Таблица № 1

Валовая продукция червонной и довоенной оценки за 1923/24 и 1924/25 год

Отрасли промышленности	Оценка	В тысячах рублей		1923/24 г. в %% к 1922/23 г.
		1922/23	1923/24	
Топливная	Довоен.	257.932	313.092	121,4
	Червон.	337.323	521.681	154,7
Металлическая	Довоен.	197.893	270.541	136,7
	Червон.	269.744	531.465	197,0
Текстильная [1]	Довоен.	274.748	374.849	136,4
	Червон.	702.693	1.067.594	150,5
Кожевенная	Довоен.	66.645	69.398	105,7
	Червон.	119.907	177.064	147,7
Химическая	Довоен.	89.995	108.745	120,8
	Червон.	144.474	214.361	148,4
Итого по 5 отраслям	Довоен.	886.213	1.136.625	128,3
	Червон.	1.574.141	2.512.165	159,6
Прочие отрасли	Довоен.	263.587	343.475	130,3
	Червон.	453.659	675.935	149,0
Всего по крупной [2] госпром.	Довоен.	1.149.800	1.480.100	128,7
	Червон.	2.027.800	3.388.100	157,2
Индекс		1,76	2,15	122

Подобную же смесь методов я считаю незаконной и действительности не отражающей, а действительность искажающей.

Задача состоит в том, чтобы уловить динамику явлений, пользуясь индексным методом. Для 1923/24 года мы не имели непосредственной оценки, поэтому приведем динамический ряд за 1924/25 год, когда ЦОС начал публиковать данные о продукции в червонных и довоенных ценах параллельно.

Абсолютные данные графы 6-й выше графы 4-й, в виду превышения оптового индекса над отпускным, но динамика одинакова.

Следовательно, я был в праве делать свои динамические выводы, пользуясь этим индексным методом.

Утверждение же ЦСУ, что и в довоенных ценах и в червонном выражении продукция промышленности в 1923/24 году по отношению к 1922/23 году выросла на одинаковый процент—невероятно.

[1] Продукция текстильной промышленности за 1923/24 г. взята по большему кругу, чем в 1922/23 году. Разница в круге составляет 2%.

[2] Продукция всей крупной госпромышленности для 1923/24 года взята сопоставимой с 1922/23 годом, вследствие чего цифры ниже публикуемых в настоящее время ЦОС'ом.

Если бы коэффициент роста червонной продукции по ЦСУ был верен, то пришлось бы признать, что в количественном выражении (по довоенным

Таблица № 2

Динамика валовой продукции в червонном выражении в 1924/25 г. (по старому методу ЦОС'а) [1]

МЕСЯЦЫ	Оптовый промышл. индекс Госплана	От. чер. оц. к дов. по ЦОС'у (инд. отпуск. цен)	Продукция в тыс. руб. оценен. по графе 2	В % % к предыдущ. месяцу	Продукция в тыс. руб. оценен. по графе 3	В %% к предыдущ. месяцу
1	2	3	4	5	6	7
Октябрь	198,5	168,0	319.073	—	377.000	—
Ноябрь	196,2	163,6	298.395	93,5	357.877	94,9
Декабрь	194,7	163,1	325.200	109,3	389.495	108,8
Январь	193,1	162,2	337.003	103,3	401.302	103,0
Февраль	191,4	159,4	336.851	99,9	404.526	100,8
Март	196,4	157,9	351.220	104,3	423.484	104,7
Апрель	190,7	156,4	346.794	98,7	422.931	99,9
Май	189,9	155.5	346.060	99,8	422 562	99,9
Июнь	189,7	155,7	356.504	103,0	434.297	102,8
Июль	190,0	155,3	324.483	91,0	396.908	91,4
Август	191,0	155,2	355 621	109,6	437.652	110,3
Сентябрь	193,7	157,1	424.425	119,3	523.304	119,6

ценам) продукция выросла ничтожно, так как индекс поднялся на 22%, а продукция в черв. оценке по ЦСУ выросла только на 30%.

Мне не приходится, как видит читатель, ничего изменять по вопросу о динамике промышленности.

Перейдем к вопросу о динамике сельско-хозяйственной продукции.

В многочисленных моих критических статьях по поводу публикуемых работ ЦСУ мне, к сожалению, не раз приходилось констатировать не только превосходящие всякую меру ошибки ЦСУ, но и поражающее отношение ЦСУ и его работников к критике и критикам.

Если ЦСУ не имело возможности даже сделать попытки вывернуться, несмотря на все таланты в этом отношении, оно просто оставляло без ответа мою критику, несмотря на приглашение редакции дать свой ответ на нее. Напомню мою статью в „Экономической Жизни“ от 1 июня 1924 года, когда я с поличным уличил ЦСУ в том, что оно вместо цифры урожая 1923 г. в 2153 милл. пуд. пришло к цифре 2756 милл. пуд., т. е. подошло к моей на полгода ранее опубликованной цифре в 2752 милл. пудов, которую ЦСУ, в лице своего управляющего П. И. Попова, называло „творимой легендой“. Помещая мою статью, редакция „Экономической Жизни“ просила ЦСУ высказаться по этому поводу,—оно предпочло промолчать. Теперь редактор „Справочника“ почувствовал, что есть за что ухватиться и, потеряв всякую меру литературных приличий, позволяет себе бросить публичное обвинение в том, что „загадку о равенстве сбора хлебов в 1923 и 1924 годах т. Громан сам

[1] Готовые изделия и полуфабрикаты за вычетом потребленных внутри данной отрасли.

пожелал сделать, чтобы показать, благодаря „Справочнику“, только ему нужную ложь“.

Итак, мне брошено публичное обвинение в сознательной лжи со стороны одного из тех, кого я в течение многих лет тоже публично обвинял в бесконечных ошибках, в огромных заблуждениях, увы, объективно вводивших в заблуждение население страны о происходящих хозяйственных процессах.

Как же пытается обосновать редактор „Справочника“ свое обвинение? Он указывает, в качестве основного пункта моей „лжи“ на то, что я пользовался цифрой урожайности за 1923 г., хотя и помещенной в „Справочнике“, но с примечанием, что „ее нужно считать несколько преуменьшенной“. Он недоумевает, почему я посевные площади для 1923 года получил путем деления валового сбора на урожайность с десятины, тогда как в том же разделе помещены исчерпывающие данные о размере посевных площадей за тот же год. Но в своем ответе он не указывает страницы, на которой помещены посевные площади, которыми я, по его мнению, должен был бы пользоваться, а я утверждаю, что итоговой цифры посевных площадей главных хлебов, соответствующей цифре сбора в 2758 милл. пуд., которая помещена в табл. № 5 и которою я пользовался, в „Справочнике“ нет, а на страницах 76-77 напечатаны подряд две цифры итогов—полевого и усадебного посевов без поправки и с поправкой, распределенных по культурам, но не в десятинах, а лишь в %%, так что никакой готовой цифры посевов не имеется, и желающий ее получить должен сложить девять цифр и по их итогу, дающему % главных культур среди всех посевов, исчислить площадь в десятинах.

Спрашивается—если нет в „Справочнике“ готовой цифры посевов, то не есть ли со стороны гр-на Красильникова „ловкость рук“ указание в своем ответе на мою рецензию, что нужно было пользоваться прямыми данными о посевной площади.

Если ЦСУ не дало, вопреки уверениям гр. Красильникова, готовой цифры посевов, и для ее получения необходимо произвести первоначально сложение девяти цифр, а затем умножение пятизначного числа (общего количества посевов 69.927 тыс. дес.) на трехзначное (% главных культур—84.8), то не вправе ли читатель, интересующийся площадью посевов под главными культурами, прибегнуть к более простой счетной операции: разделить пятизначное число (валовой сбор) на двухзначное (сбор с десятины) и тем самым получить площадь посевов?

Ответ на этот вопрос может быть только утвердительный, правда, с одной существенной оговоркой—такой прием применим для тех случаев, когда система цифр, характеризующая элементы валового сбора, между собою увязана и дана в таком виде, который отвечает элементарным требованиям даже не методологии, а простой статистической порядочности составителя таблиц, дающих подобную систему цифр.

Я исходил из предположения, что авторы сборника этой элементарной порядочностью обладают, тем более, что за 1924 год я проделал проверочную работу, что и указал в своей рецензии, и мне просто не пришла в голову мысль, что надо делать ее и для 1923 года.

Теперь о том, зачем же я воспользовался данными об урожайности с одной десятины, когда там сказано, что она несколько преуменьшена. А разве нам всем, как и гр-ну Красильникову, неизвестно, что не только несколько преуменьшена, а и здорово преуменьшены и данные о посевных площадях, несмотря на их поправки и данные о валовом сборе, и не имел ли я право считать, что это есть лишь общее замечание о природе цифр об урожайности вообще, а не такого рода конкретное замечание, из которого вытекает столь странный факт, что для всеобщего сведения публикуется

цифра урожайности в 42 пуда, а для практических целей, тем не менее, надо пользоваться цифрой в 47 п., нигде не указанной и, как мы покажем ниже, существующей лишь в ответе гр-на Красильникова, и то лишь для специальной цели—уличить меня, критика ЦСУ, во лжи.

Гр-нин Красильников утверждает, что, „если бы Громан потрудился разделить далее сбор 1923 года на указанную в „Справочнике“ площадь, то получил бы не 42 пуда, а 47 п., каковая величина и является по данным ЦСУ средним подесятинным урожаем для 1923 года, т. е. гр-н Красильников полагает, что я должен был внести для урожайности в 42 пуда поправку ни более, ни менее, как в 12%. Граждане Советской России, доколе же будет продолжаться подобная свистопляска? Гр-ну Красильникову известно, что заведует текущей сельско-хозяйственной статистикой в ЦСУ Н. О. Дубенецкий, который опубликовал в февральской книжке „Экономического Обозрения“ за 1924 год, что „в конечном счете урожай главных зерновых хлебов 1923 года определился в 2,7 балла или в 41,5 п. с десятины“. В „Справочнике“ № 1, как мы видим, вышедшем 3 мая 1924 года, значится цифра 42 п. с примечанием, что она несколько преуменьшена, наконец, в „Статистическом Ежегоднике“ за 1922/23 г.г., вышедшем в октябре 1924 г., т. е. через пять месяцев после „Справочника“, публикуется та же цифра в 41,5 п. (стр. 138) и в примечаниях на стр. 187 сказано: „не исключена возможность, что подесятинный сбор даже является несколько преуменьшенным против действительности в среднем по стране на 6-7%, т. е. умноживши 41,5 пуд. на эти даже 7%, мы получили бы 44,4 пуда, а не те 47 пуд., которые рекомендуются нам гр. Красильниковым.

Но в заседании коллегии ЦСУ, происходившем 26 января 1925 года с приглашением посторонних лиц, в том числе и автора настоящей заметки, созванных со специальной целью заслушать доклады о методах, применяемых ЦСУ, при исчислении урожая, членом коллегии тов. Обуховым был доложен результат научной работы ЦСУ о поправках к данным об урожае, сводящийся к тому, что в общем итоге обе поправки—первая на понижение балловых характеристик, а вторая—на преуменьшение против действительности среднего урожая с десятины в пудах по данным бывшего ЦСК—к первоначальным данным достигают по Советскому Союзу 23-25%. Тов. Обухов не разделил на элементы эту общую поправку, но в том же Ежегоднике за 1922 и 1923 г.г. на стр. 186 сказано, что первая из названных выше поправок (на полбалла) дает 20%, следовательно, на вторую поправку, которая только и могла быть недоучтена в цифре урожайности, указанной в „Справочнике“ год 1-й, падает максимум 5%, почему я мог бы повысить урожайность с 41,5 п. до 43,6 п., а с 42 пуд. до 44,1 п., гражданин же Красильников уверяет, что ЦСУ считает подесятинный урожай для 1923 г. в 47 пуд., которые никогда нигде не фигурировали и, как видит читатель, по данным ЦСУ и фигурировать не могли.

По этому поводу мы можем сказать лишь одно. Гр. Красильников, Вам, как редактору „Справочника“, конечно, не приятна история, поднятая мною по поводу цифр „Справочника“. Чувствуя безнадежность своего положения, Вы начинаете, выражаясь вашим языком, лгать, не щадя доброго имени того самого ЦСУ, который назначил Вас редактором „Справочника“.

Ведь может быть одно из двух. Или лжете Вы, гр. Красильников, заявляя, что ЦСУ считает 47 пуд. истинной цифрой урожайности в 1923 г. и потому цифру урожайности 42 пуда надо увеличивать на 12%, или многократно лгало само ЦСУ и его ответственные представители, заявлявшие, что урожайность в 1923 году равна 41,5 п. [с округлением 42 пуд.) и что к этой цифре необходима поправка в 6 - 7% (Ежегодник ЦСУ), или правильнее же 3 - 5% (по конечному докладу В. М. Обухова в Коллегии ЦСУ), т. е. 42,7-43,6 пуд. (а не 47 пуд.).

Мне приходится лишь вспомнить образ гражданина, уличенного в краже, громче всех кричащего: „лови вора“.

А должен ли был я делать для цифры урожайности 1923 года в 42 п. поправку даже в 3-5%. Разве я мог быть уверен, что при расчете урожая в 1924 году подобная поправка введена в цифру урожайности, раз об этом не только нет соответствующего указания в „Справочнике“ год 2-й, но даже обратно—имеющееся там пояснение (как теперь оказывается—„затемнение“) о том, что „подесятинный урожай исчислен по балловой оценке на 1-е и 15-е августа“ заставляло полагать, что исчисленная таким образом урожайность получена обычным для ЦСУ путем и не содержит в себе никаких поправок, кроме обычной поправки на полбалла и поэтому вполне сопоставима с цифрами урожайности, помещенными в „Справочнике“ год 1-й.

Полагаю, что публикация цифр урожайности в одном случае без поправки, а в другом случае с поправкой без ясного и категорического объяснения разницы в способах получения цифр есть лучший образец метода введения читателей в заблуждение, который так богато применен в изданиях ЦСУ.

После этих методологических экскурсов перейдем к самому существу вопроса, сводящемуся к тому, что я обвинил ЦСУ и том, что по его публикациям сбор неурожайного 1924 года равен сбору более урожайного 1923 г. Гр. Красильников с негодованием протестует. Разберемся в этом вопросе с большей подробностью, чем это сделано в моей библиографической заметке.

Для 1923 г. в „Справочнике год 1-й“ есть указание, что урожайность в 42 пуд. относится к моменту уборки урожая, а валовой сбор исчислен по данным на 1 июля. В статье т. Дубенецкого в № 3-м „Экономического Обозрения“ на стр. 11-й приведены данные о балловой оценке урожая на 1-е июля 1923 года и на момент уборки,—первая равняется 2,9 балла, а вторая—2,7 балла. Следовательно, цифру валового сбора за 1923 г., опубликованную в „Справочнике год 1-й“, при сопоставлении с цифрой за 1924 г., данной на момент уборки (1-е и 15-е августа) в „Справочнике год 2-й“ необходимо понизить и вместо 2.758 милл. пуд. взять цифру 2.758 уменьшенную на отношение балла 2,7 к 2,9. Арифметически это дает 7% уменьшения, но если пользоваться пудовым значением каждого балла, то по экспертному заявлению Н. М. Вишневского нужно уменьшить даже на 8%. Таким образом, для соизмеримости с данными 1924 года мы должны были бы иметь для 1923 года цифру не 2.758 милл. п., а 2.565-2.538 милл. п., а для той же территории в 1924 году мы имеем опубликованную цифру в 2.568 милл. п.: по таблице № 7, стр. 190-199 общий сбор по СССР равен 2.789 милл. п., откуда сбрасывая невошедшие в цифру 1923 г. сбор по Туркестану—100 милл. пуд., по Закавказью—83 милл. п. и по ДВО—38 милл. п., а всего 221 милл. п., мы будем иметь на соизмеримой территории для 1923 года—2.565 - 2.538 милл. п., а для 1924 г.—2.568 милл. пуд.

Таким образом, если бы я начал во всех подробностях разбираться в данных двух справочников и вносить в них поправки, то я должен был бы притти к заключению, что по данным ЦСУ урожай 1924 г. выше урожая 1923 года, что, однако, не мешает гр. Красильникому писать, что „простой просмотр таблицы сбора хлебов за 1923 и 1924 г., помещенных в Справочнике, убедит всякого в нелепости утверждать о том, что у ЦСУ оба указанные года оказались по урожаю одинаковы“.

„Медный лоб“—вот единственный литературный образ, который встает перед читателями.

Все утверждения моего настоящего ответа я готов доказать перед каким угодно компетентным учреждением и предлагаю гр. Красильникову третейский суд для доказательства того, что правильно истолкованные публи-

кации ЦСУ несмотря на то, что я пользовался косвенными показателями, а не прямыми цифрами и расчетами, должны привести к тому же выводу, который был сделан мною—что по данным ЦСУ сбор неурожайного 1924 г. почти равен сбору 1923 года.

В. Г. Громан

„Внутренние рынки Украины в 1924/25 году и их регулирование". Сборник первый. (Труды НКВнуторга Украины). Изд. „Пролетарий". Стр. 146. Цена 2 р. 70 к.

Эта книжка имеет целью дать не только статистические материалы по Украинскому рынку, но и „накапливаемый опыт молодого еще Наркомата", в виде обзора методов регулирования рынка.

Крупнейшее значение вопросов регулирования рынка, сложность и объективные трудности этого дела, все это определяет общественный интерес ко всякому произведению, поставившему себе задачей учесть практический опыт регулирования.

К сожалению, однако, основным содержанием сборника является статистическая характеристика отдельных рынков и формулировка общих задач по урегулированию их, конкретный же анализ опыта регулятивных мероприятий занимает сравнительно малое место и по объему и содержанию.

Наибольший интерес в сборнике представляет статья Л. Тихомирова о хлебном рынке, ибо большую половину своего обзора автор уделяет изложению и оценке опыта регулирования этого рынка в истекшем году.

Зародыши той конъюнктуры хлебного рынка, которая именно на Украине особенно резко обнаружилась в текущем году, были налицо уже в прошлом году. Переоценка фактических размеров урожая, растянутость в сроках взноса и уменьшение размеров единого налога, недостаток товаров, задерживание крестьянством хлеба в осенние месяцы за счет реализации второстепенной продукции,—все эти явления отмечаются автором в характеристике условий хлебной кампании прошлого года. Регулирование хлебного рынка в этих условиях уже в прошлом году представляло трудную задачу.

Оценивая опыт регулирования заготовок, автор дает общепринятую и не новую оценку лимитной политики. Несколько странно звучит только отнесение „топорности методов проведения" лимитов целиком в адрес Союзного Неркомвнуторга (стр. 24). Более правильно было бы и Наркомвнуторгу республики взять на свои плечи известную долю этой „топорности" и сделать из нее некоторые выводы и для своей деятельности.

Гораздо больший интерес представляет изложение всей дальнейшей цепи регулятивных мероприятий,—проведение ряда мучных интервенций и плана снабжения мукой промышленных центров, организация общественного хлебопечения, „регулирование" частного мукомолья и др.

С полной рельефностью автором выдвинуто колоссальное значение организации потребительского рынка, без коего невозможно серьезное воздействие на рынок заготовительный.

Анализ двух мучных интервенций, проведенных на Украине осенью, и выполнение плана снабжения потребительских центров приводит автора к выводу, что неудачи (вернее неполные удачи) их объясняются не столько объективными условиями (отсутствие значительных маневренных запасов), сколько субъективными моментами (нежелание хлебозаготовителей поступиться коммерческими интересами).

„Причина несвоевременной и неполной реализации второго плана (интервенции. Н. М.) лежала не в объективных, а в субъективных моментах, в нежелании заготовителей действительно и полностью выполнить свои обязательства, что их хлебные рессурсы вполне позволяли. Но они предпочитали в это время реализовать свой хлеб по существующим высоким ценам в порядке коммерческих операций..." (стр. 31 и 32).

„Ни один из этих планов (снабжения городских и промышленных центров. Н. М.) не был реализован полностью. Между тем реализаторы плана снабжения—государственные и кооперативные основные хлебозаготовители—для выполнения задания... необходимыми рессурсами располагали в совершенно достаточных количествах" (стр. 33).

Однако, этот „субъективный момент" не нашел достаточно ясной формулировки в конечных выводах автора.

Основной его вывод:—

„в общем стихия сельско-хозяйственного Украинского рынка оказывалась в 1924/25 году все же сильнее регулирующих сил государства" (стр. 55)—может быть истолкован двояко. Или объективно крестьянское хозяйство, располагающее товарным хлебом, вместе с частным хлеботорговым капиталом оказались сильней противостоящих им в хлебной кампании элементов государственного хозяйства, или этого не было, но мы не смогли с должным уменьем управлять этими элементами.

По всей обстановке прошлого года, как она изложена и самим автором, нет оснований для первого толкования и, следовательно, в конечном выводе автора „стихию сельско-хозяйственного Украинского рынка" следует „разбавить" еще плохо срегулированной „стихией государственных и кооперативных хлебозаготовителей", далеко еще не научившихся сочетать свой коммерческий расчет с коммерческим расчетом всего госхозяйства.

Значительный интерес представляет изложенный автором опыт „административного" регулирования частного мукомолья, выразившийся в обязательном отчислении 40% продукции частных мукомолов по ценам Украинского Мукомольного треста.

Хотя некоторую практическую пользу это мероприятие и дало в трудных условиях прошлого года, тем не менее весь „страдный путь" частного мукомолья, пройденный последним за период действия этой меры в весьма искусном увертывании от наложенных скорпионов, как будто бы только подтверждает непригодность такого административного регулирования, дающего в конечном итоге больше дезорганизации, чем организации.

Мукомолье является пока крупнейшей опорой частной хлеботорговли, но вести наступление на него методами весьма близкими к времени 1919 г., с возрождением старой знакомой фигуры—контролера на мельнице (пусть не с винтовкой, а с конторской книгой)—нельзя с должным успехом в нынешних условиях.

К сожалению, подробно изложив проведение этого опыта, автор выводов не дал и своей позиции, из них вытекающей, не выявил.

В общем опыт регулирования хлебного рынка изложен полно и интересно, не освещена только практика отношений Наркомата с заготовителями, степень реальности имеющихся в его распоряжении средств воздействия на последних и т. п.

Обзор рынка промтоваров, составленный И. Туровским, дает картину насыщения украинского рынка по отдельным потребительским товарам, путем сопоставления исчисленной для 1924/25 года емкости рынка, оперативных торговых планов крупнейших организаций и фактической реализации в первом полугодии.

По времени составления обзор не мог охватить реализацию за годовой период, и это значительно умаляет весьма поучительный, с точки зрения учета опыта, смысл сопоставления трех названных выше элементов.

Но и то, что дано, указывает на просчет в исчислении емкости рынка, недоучет покупательной силы крестьянства в прошлом году, имевший, однако, место не только на Украине, но и во всем Союзе.

Оценка опыта регулятивных мероприятий по рынку промтоваров страдает слишком большой общностью, конкретный анализ опыта регулирования имеет место лишь в нескольких отдельных случаях.

В таком важнейшем вопросе, как вопрос о торговом кредите, обзор ограничивается голыми заявлениями в роде того, например, что „Усиление спроса на мануфактуру постоянно сопровождается ухудшением условий расчета“ (стр. 126) и „необходимо увеличить сроки кредитования“ или „необходима стабилизация условий расчета“ по тому или иному товару.

В какой мере Наркомат подошел к уяснению механики движения условий расчета на рынке, каков опыт воздействия Наркомата на фактическое их движение, все это не нашло отражения в обзоре. Нащупаны ли пути экономического воздействия на расселение и рациональное построение торговой сети, каков опыт попыток „административного“, прямого воздействия Наркомата в этом отношении,—на эти вопросы даже частичных ответов обзор не дает.

Обзоры сырьевого и мясного рынков дают картину качественного и количественного строения этих рынков. С точки же зрения оценки опыта регулирования, эти обзоры представляют гораздо меньший интерес, ибо этого опыта еще очень мало.

В общем книжка интересна и полезна только для ведомственного читателя.

Н. Мамченко [1]

Проф. О. А. Ерманский. Организация торгового предприятия. Издательство „Экономическая Жизнь“. Москва, 1925 г.

Новая книга проф. Ерманского, представляющая собой новое, расширенное издание книги, вышедшей в прошлом году под названием „Рационализация торговли“, вызовет к себе, без сомнения, больший интерес. Серьезный подход к вопросам организации, стройная система взглядов, широкий кругозор, знание дела, выдержанная марксистская методология и легкий популярный, красивый язык давно завоевали тов. Ерманскому широкую известность среди нашей читательской массы. Несколько изданий его основного труда „Научная организация труда“ в короткий срок были поглощены нашим книжным рынком и не насытили его.

В своей новой книге проф. Ерманский остается верен своим принципам, основным из которых является принцип оптимума (наибольшее количество получаемых результатов на единицу расходуемой энергии). Этот принцип, последовательно примененный ко всем областям торгового и промышленного труда, вызывающий повышение эффекта труда без истощения рабочей силы, является, можно без преувеличения сказать, пролетарским, социалистическим принципом организации труда. Рабочий класс в целом не может быть заинтересован в таком повышении производительности, которое достигается высасыванием жизненных соков рабочего класса, сокращением жизни и расстройством здоровья рабочего.

Богатый плодотворными возможностями, принцип оптимума слишком пренебрегается нами, что не может быть оправдано ни с точки зрения отдельного рабочего, ни с точки зрения интересов нашего народного хозяйства в целом, нашей отсталой советской промышленности. Новая книга Ерманского лишний раз нас в этом убеждает.

[1] Рецензия тов. Мамченко была написана до слияния Наркомвнуторга с Наркомвнешторгом. *Ред.*

Автор здесь показывает как можно увеличить продуктивность наших торговых предприятий путем рациональной их организации. Учитывая богатый опыт Запада и Америки, профессор Ерманский показывает, как можно организовать, улучшить, рационализировать все стороны, все части торгового предприятия. Ничего не остается вне поля внимания автора. Закупка товаров, их хранение, продажа—ничего не должно делаться по старинке, от случая к случаю. Случайность должна быть изгнана, должна быть заменена планом, предвидением, учетом, организацией. Организован должен быть и рабочий день персонала—приказчика, бухгалтера, курьера, должна быть объективно выражена их производительность, утомляемость и их разнообразные качества и способности. Рационализации должны быть подвергнуты и те инструменты, при помощи которых служащий работает, и те методы, которые им применяются. Дело вовсе не в том, что нужно приобрести какие-то замысловатые, сложные машины, дорогое оборудование. Улучшен должен быть тот стол, за которым служащий сидит, то перо, которым он пишет и тот способ, которым он вскрывает письма. Во всем этом может быть достигнута экономия времени, энергии и сил. И некоторая механизация может и должна быть проведена доступными для всех средствами.

Обо всем этом и многом другом говорится в книге Ерманского.

Но при всем этом мы не можем не отметить и некоторых слабых сторон книги. Прежде всего нужно указать, что книга эта отнюдь не может быть названа новым трудом в области организации. На 90% мы содержание книги находим изложенным в прежних трудах автора. В этом еще большого недостатка нет, но некоторым образом книга не оправдывает ожиданий тем, что центр тяжести переносится на те стороны организации, которые одинаково присущи и промышленному предприятию, как и торговому. Организация статистики, бухгалтерии, конторы, корреспонденции; изучение движений рабочего персонала, установление и определение нормы выработки, рабочий день—все это и многое другое, что составляет три четверти книги—не является организацией торгового предприятия, а организацией предприятия вообще. А такая книга как раз и должна учесть специфические особенности торговли и торгового предприятия в отличие от промышленности и промышленного предприятия,

Вопросы изучения рынка, приспособления к потребителю, к моде, к сезону, более детальное рассмотрение различных социальных групп потребителей, вопрос ассортимента товаров, оптимальных размеров торгового предприятия в различных конкретных условиях—не получили достаточного освещения.

Кроме того, автор исходит из организации торгового предприятия типа универмагов, не оговаривая, что в условиях СССР такие магазины мы насчитываем лишь единицами, а вся торговля сконцентрирована в средних и мелких лавках. Вот эти именно условия и отличают нашу торговлю от европейской и делают отчасти справедливым упрек, брошенный уже автору в том, что он не учел опыта нашей советской торговли.

Г. Бамдас

П. Попов. Мировое хозяйство и экономическое положение СССР. Госиздат, 1925. Стр. 67, тираж 10.000.

Попов написал свою брошюру, „в целях осознания широкими массами современного положения мирового капиталистического хозяйства в сопоставлении с экономическим положением Союза ССР и выяснения, куда же, в конце концов, идет развитие капиталистических стран“. Итак, мы тут имеем три благих намерения:

1) дать в популярной форме анализ мирового хозяйства, 2) проанализировать связь мирового хозяйства с хозяйством СССР и, наконец, 3) дать прогноз развитию мирового хозяйства.

Тов. Попов не справился ни с одной из этих задач.

Тов. Попов старается быть архи-популярным. Для этого он даже предупредительно разъясняет, что марксисты это „последователи учения Карла Маркса“ (стр. 12), а конъюнктура—„совокупность условий экономических и правовых“ (?) (стр. 31). [1]

Тов. Попов убивает читателя не только перлами „популярности“, но и своей „цифирью“. Он как будто решил исчерпать все кладези иностранного отдела ЦСУ. Ничем другим нельзя объяснить то, что наиболее свежие даты статистических данных, производимых в столь обильном количестве в брошюре, относятся к . . . 1923-му году и лишь отчасти к 1924 г. Данные о состоянии сельского хозяйства доведены до 1923 г. Данные о добыче угля—до 1923 г. Данные о производстве чугуна—до 1923 г. Данные о хлопчатобумажной промышленности—до 1923 г. Безработица—1924 г. Данные о „ножницах“ до 1923 г. и т. д.

Впрочем, такой метод работы не нов: еще в 1921 г. он был охарактеризован метким замечанием т. Ленина о сведениях ЦСУ: multa non multum—много по объему мало по содержанию. (См. письмо Ленина к П. Попову: „Плановое Хозяйство“ № 2).

Понятно, что как сами данные, так и анализ, построенный на этих данных, совершенно не удовлетворит читателя, обратившегося к книге, изданной в конце 1925 г. Правда, автор в конце брошюры оговаривается, что рукопись брошюры была закончена в конце 1924 года, но читателю от этого не легче.

Перейдем теперь к теоретической части книги.

В первой главе П. Попов обещает дать „понятие о мировом хозяйстве“. Однако, вряд ли читатель получит из этой главы „понятие“ о мировом хозяйстве. Автор сообщает, что „связь между народами заключается не в одном взаимообмене произведениями культуры. Она в действительности многообразнее и охватывает не только государственную, но и частную жизнь: так, например, поехать из постоянного своего местожительства заграницу с поездом без пересадки на границе, послать письма в любой город другого государства своим родным или знакомым, наклеив на письма русскую марку, заказать заграницей лекарство по рецепту врачей, проживающих в СССР (благодаря установленному единому латинскому языку для врачей всего мира и единому аптекарскому весу) и т. д.“.

Не спорим, сведения чрезвычайно полезные, но все же к определению понятия мирового хозяйства они имеют весьма отдаленное отношение.

„Международный товарообмен как бы (?!) объединяет деятельность всех народов мира в одно общее мировое хозяйство“, повидимому, так определяет мировое хозяйство т. Попов. Однако это определение попахивает буржуазным экономизмом. Мировое хозяйство определяется не только товарообменом. Товарообмен есть только производная функция единого производственного организма, называемого мировым хозяйством. „Товарообмен является одной из наиболее примитивных форм выражений производственных отношений“, пишет Н. И. Бухарин в книге „Мировое хозяйство и империализм“.

Чрезвычайную теоретическую „толерантность“ выявляет тов. Попов, анализируя существующие теории империализма. Здесь у него совсем как у Игоря Северянина:

„Каждая друг друга дополняет тонко,
Каждая прекрасна, в каждой есть свое“.

[1] Это не мешает автору оставлять не разъясненными такие термины как „среднеиндексовая цена“ (стр. 32).

„Хотя между теоретиками марксизма“, пишет тов. Попов, „пока не установлено единого понятия империализма, но все существующие по данному вопросу теории родственны между собой и одна дополняет другую“ (стр. 12).

Начинает тов. Попов свой „теоретический“ анализ империализма как водится, с Каутского. Тов. Попов дополняет Каутского. „Теорию Каутского“ пишет т. Попов (стр. 12) „следует дополнить в том смысле, что промышленный (курсив наш. Дм. Б.) капитал имеет стремление захватить не только земледельческие, но и промышленные области, что подтвердила и мировая война“ и т. д.

Эта фраза уже сама по себе показывает, что тов. Попов не достаточно ясно понимает Ленинскую теорию империализма и Ленинскую критику Каутскианской теории империализма.

Ленин приводит в „Империализме, как новейший этап капитализма“, следующее определение теории империализма по Каутскому:

„Империализм есть продукт высоко развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединить к себе или подчинять все большие аграрные (выделено Каутским) области без отношения к тому, какими нациями они населены“ [1]. Разбирая это определение империализма, Ленин пишет: „Это определение совершенно неправильно, ибо оно односторонне, т. е. произвольно выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму) произвольно и неверно связывая его только с промышленным капиталом и аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексии аграрных областей“.

Итак, анализируя экономическую сущность империализма, Ленин отмечает две основные ошибки у Каутского: во-первых, и при том, самую важную ту, что для империализма характерен не промышленный, а финансовый капитал и, во-вторых, то, что для империализма характерно стремление к захвату не только аграрных областей.

Тов. Попов усвоил Ленина только наполовину, дополняя Каутского по второму вопросу и ни единым словом не упоминая об основной ошибке Каутского.

Теоретический „либерализм“ тов. Попова в отношении quasi-марксистской теории империализма Каутского совершенно неуместен именно в популярной книжке.

У неискушенного читателя, прочитавшего книжку Попова, останется впечатление о теории Каутского, как о „родственной и дополняющей“ хотя бы Ленинскую теорию. Между тем о том же определении империализма Каутским Ленин писал:

„Определение Каутского не только не верное и не марксистское (курсив наш. Дм. Б.), оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксисткой теорией и с марксистской практикой. [2]

Ленин называет теорию Каутского буржуазным реформизмом, а тов. Попов считает ее родственной другим марксистским теориям.

Переходя к анализу других теорий империализма, тов. Попов не подвергает никакой критике ни теорию империализма Гильфердинга, ни „металлургический империализм Павловича. Характерно, между прочим, что теории империализма Павловича уделяется втрое больше места, чем теории Ленина. Непонятно, почему „широкой рабоче-крестьянской массе“ следует знакомиться

[1] Ленин (Вл. Ильич): „Империализм, как новейший этап капитализма“. Державне Видавництво України. Катеринослав-Харьків. 1922, стр. 60.

[2] ibid. стр. 61.

с односторонней и ошибочной теорией Павловича подробнее, чем с теорией Ленина.

Мы не имеем здесь возможности останавливаться подробно на анализе тов. Поповым вопроса о причинах мировой войны („анализ", который им проделывается на нескольких строчках), некоторых неточностях в главе „Во что обошлась мировая война", как, например, в вопросе о причинах послевоенного кризиса промышленности в Японии (стр. 29). Кризис промышленности в Японии вызван не столько „возобновлением торговли Англии и Германии", сколько вопросом получения сырья. Неверно дальше, что торговля Германии могла „свести на нет" торговлю Японии, ибо Германия появляется в более или менее ощутительных размерах на дальневосточных рынках лишь примерно в 1923 году. И, наконец, неверно, что японская торговля сошла „на нет".

В 1923 году Япония занимала в импорте Китая второе место, уступая лишь Гонконгу, причем в сравнении с предыдущим годом, этот импорт увеличился, примерно, на 20 милл. таэлей (1 таэль по курсу 1923 года = =0,7975 доллара).

В 1922 году Япония участвовала в 24% всего китайского импорта. Это все, как видит читатель, далеко от того, чтобы завоевания торговли Японии сошли „на нет".

Пассивный же торговый баланс Японии, которым козыряет тов. Попов, объясняется усилением импорта в связи с реконструкционными работами, проводимыми после землетрясения.

Мы позволим себе еще остановиться на одном очень важном вопросе, а именно, на характеристике „современного мирового кризиса капитализма, отличающегося от всех предыдущих". Мы тоже являемся сторонниками того взгляда, что послевоенный кризис капитализма есть кризис sui generis, и ожидали найти у тов. Попова анализ этого явления. Однако, тов. Попов ограничивается общими ничего не говорящими фразами и констатациями, по существу часто неверными.

В своем заключении тов. Попов останавливается на характеристике послевоенного кризиса: „Кризис мирового капиталистического хозяйства, вызванный империалистической войной 1914-1918 г., фактически привел к распаду мирового хозяйства, как единого целого, на отдельные национального масштаба хозяйства капиталистических стран, которые находятся в непримиримой вражде друг с другом и, лихорадочно вооружаясь, думают разрешить этот кризис посредством новых захватов, т.-е. новой человеческой бойни, еще более ужасной, чем неизгладившаяся еще из памяти война 1914-1918 г.".

Однако, и в этом нет ничего нового, характерного только для послевоенного капитализма.

Мы ограничимся здесь лишь тем, что укажем, что самого важного тов. Попов не заметил: гипертрофии производственного аппарата—явления особенно характерного для послевоенного капиталистического хозяйства.

Таков „анализ" мирового хозяйства. Вне всякой связи с этой частью брошюры стоит глава „Экономическое положение СССР", которая должна оправдать название брошюры тов. Попова. Таким образом, и второго своего намерения проанализировать связь нашего хозяйства с мировым тов. Попов не выполнил.

Не делает тов. Попов и никаких прогнозов дальнейшего развития мирового хозяйства.

Брошюра тов. Попова, не выдержанная в теоретическом отношении, устарелая в отношении описательного материала,—не представляет собою интереса для читателя.

Дм. Бухарцев

„Экономический вестник Азербайджана",—ежемесячный журнал. Издан. Высш. Эконом. Совета АССР, №№ 5-9. 1925 г. Баку.

Рецензируемое издание, без сомнения, принадлежит к числу слабых местных журналов. Значительная часть материала в нем представляет ведомственные отчеты и информационные заметки о работе того или иного учреждения. От того, что такие отчеты иногда помещаются в виде статей за индивидуальной подписью отдельных авторов—положение дела не улучшается, а только ухудшается. № 5-й занят таким ведомственным материалом почти целиком; единственными, настоящими статьями в нем являются лишь 2 заметки: В. Эскелеса—о причинах вздорожания строительных работ и проф. В. Удинцева—о постановке экономического образования. В последующих номерах дело обстоит лучше, число оригинальных статей значительно больше, но в общем и целом номера выходят довольно бледные.

Наиболее содержательным и интересным является двойной № 8-9 (июньский-июльский). Статья инж. Мелик-Пашаева: „Гидрографический очерк рек Азербайджана и вопросы использования его водных сил" дает представление о будущих возможностях электрификации в республике. Использование водной силы для электрификации района освободит Бакинскую нефтепромышленность от необходимости сжигать для собственных нужд более 15% всей своей нефтедобычи, даст возможность наладить правильное насосное орошение хлопковых земель и т. д. Малая изученность водных источников Азербайджана, отсутствие картографического и гидрометрического материала приводит к тому, что до сих пор в республике в направлении электрификации почти ничего не делается, в то время как в других республиках Закавказья уже сооружается несколько мощных гидроэлектрических станций и ряд мелких. Автор призывает поэтому к немедленной постановке планомерного изучения Азербайджанских водных источников.

Заслуживают внимания в указанном № статья Д. Калестинова—о скотоводстве в АССР и В. Мирзолян—о шелководстве в Нагорном Карабахе. Из более ранних номеров отметим статью А. Щербинина: „Валовой бюджет сельского хозяйства АССР" (в № 6-м). Исчислив валовую доходность отдельно по каждой отрасли сельского хозяйства, автор сводит их затем в единую таблицу, дающую представление об удельном весе каждой отрасли в общей доходности сельского хозяйства республики. Получающаяся при этом картина, как указывает автор, полна неожиданностями: шелководство, которому уделяется так много внимания, не составляет и 1%, виноградарство и виноделие дает всего 3,5%, в то время как птицеводство дает гораздо больше—около 4,5% всей валовой доходности сельского хозяйства; доходность от хлопководства значительно ниже доходности от зерновых культур (8% против 18-ти) и т. д.

Совсем не представлены в журнале отдельные уезды республики. Это объясняется, вероятно, отсутствием квалифицированных сил в уездах. Редакция в одном из номеров (7-м) пыталась дать отдел: „По Азербайджану", но попытка эта оказалась явно неудачной: две заметки об экономическом положении Джебраильского и Казахского уездов крайне слабы; сообщаемые в них самые общие сведения всем местным работникам и без того должны быть хорошо известны, а читателю не-азербайджанскому абсолютно не интересны. Что же касается третьей заметки, подписанной Упр. Аз. ЦСУ В. Смирновым, то даваемое в ней описание одного из селений Шемахинского уезда не лишено известного интереса, но почему это описание, в котором нет ни грана статистики, названо в заглавии „Бюджетным обследованием крестьянских хозяйств", этого никак понять невозможно.

Нельзя не признать, что даже в своем нынешнем виде „Экономический Вестник Азербайджана" является для местных работников изданием нужным и полезным, но до названия хорошего журнала ему еще далеко.

Редакции следует приложить все усилия к тому, чтобы привлечь квалифицированных сотрудников, в частности, более широко, чем это делается сейчас, использовать научные силы Азербайджанского Политехнического Института с его экономическим факультетом.

Я. А.

„**Экономическая Жизнь**“, ежемесячный экономический журнал Смоленского Губисполкома и Организационного Бюро Зап. Области №№ 4-5, 6-7, 8-9, 10-11, Январь-Август 1925 г. Смоленск.

Каждый местный экономический орган должен прежде всего отражать конкретную экономику своей губернии или области. Его содержание должно быть тесно увязано с теми задачами, которые приходится разрешать местным работникам в процессе хозяйственного строительства. На страницах журнала должны находить отражение все разногласия, все споры, которые возникают между ними по всем существенным вопросам местной экономической политики. В журнале должен суммироваться их коллективный опыт, должны подводиться итоги их достижениям и намечаться конкретные перспективы дальнейшей работы. И в то же время журнал должен наблюдать за совершающимися в губернии (области) стихийными экономическими процессами, выявлять их, подвергать их теоретическому анализу. Журнал должен группировать вокруг себя наличные теоретические силы, будить теоретическую мысль, но ставить ее прежде всего на службу местной экономики, местной жизни и местной работы.

Эти основные требования приходится смягчать, подходя к оценке журнала, имеющего лишь губернское значение, или выходящего где-либо на окраине, бедной квалифицированными силами. И, наоборот, эти требования следует предъявлять в полной мере при оценке журнала, имеющего областное значение, выходящего в культурном центре, и тем паче, в университетском городе,—а таким именно журналом и является рецензируемый орган.

Внимательно просмотрев указанные выше №№ Смоленского журнала, мы берем на себя смелость утверждать, что если этот журнал и удовлетворяет перечисленным требованиям, то лишь в самой незначительной степени.

Редакция отнюдь не ограничивается помещением статей только экономического характера. Значительное место в журнале занимают статьи, несколько выходящие за пределы экономики, главным образом, агрономические (напр., о культуре льна в Смоленской губернии — в №№ 8-9 и 10-11, о значении зеленого удобрения — в № 10-11 и др.). Встречаются отдельные статьи и на такие темы, как, напр., об оспопрививании (в № 10-11 и т. п.). Широкий круг тем сам по себе не является, конечно, недостатком журнала, но в данном случае он идет прямо в ущерб его экономическому содержанию. Собственно экономических статей в „Экономической Жизни“, в сущности говоря, даже очень немного.

В подборе экономических статей не видно „планового начала“. Целый ряд существеннейших вопросов в областной жизни остается почти или совсем неосвещенным. Так, напр., в журнале мы почти ничего не находим о работах состоявшейся в марте с. г. в Смоленске конференции по изучению производительных сил Зап. Области; единственная по данному вопросу статья К. Купалова (в № 6-7) ограничивается столь кратким и сухим перечислением общих директив, намеченных конференцией по вопросу о направлении дальнейшего изучения производительных сил области,—что читатель из нее почти ничего не выносит. Точно также совершенно не освещаются работы Оргбюро Зап. области по оформлению области и внутриобластному районированию. В № 10-11 по вопросу о районировании находим статью К. Егорова, но эта статья перепечатана из № 190 „Правды“ и, конечно, не освещает конкретных вопросов, связанных со строительством Зап. Области. Вводная к указанной статье заметка К. Купалова: „Вопросы Областного Строительства“ не идет далее самых общих положений. Ни одной статьи не находим в журнале по вопросу о расслоении крестьянства, ни одной статьи по вопросу о землеустройстве и формах землепользования в Зап. Области. Всего одна статья посвящена кооперации (только сельско-хозяйственной) и т. д. Таких существенных пробелов можно было бы найти довольно много. При этом, если экономика Смоленской губ. освещается еще сколько-нибудь сносно, то другие губернии Зап. Области остаются почти в полном пренебрежении.

Значительная часть статей в журнале страдает расплывчатостью, преобладанием общих фраз над конкретным, деловым содержанием. В других статьях затрагиваемые проблемы трактуются в общесоюзном масштабе, не применительно к Зап. Области (напр. статья инж. Городского об „Экономике, планировании и нормировании строительства“, в № 8-9); а ведь помещение таких статей в провинциальном органе надо считать роскошью, допустимой лишь в том случае, если свои местные проблемы уже освещены в журнале достаточно полно.

Редакция, очевидно, стремится придать журналу популяризаторский характер, помещая статьи, перетрактовывающие отдельные темы из центральной прессы, но эту мысль, которую разделяет и Оргбюро Области (см. постановление его, № 6-7, стр. 111), нельзя принять без поправок. Следует не только излагать статьи „центровиков“, но стараться освещать положения центральной прессы на местном опыте, на местном материале. Журнал, стремясь быть популяризаторским, должен учить своего читателя увязывать местные проблемы с общереспубликанскими и всесоюзными.

Следует, кроме того, отметить, что статьи в самой „Экономической Жизни“ пишутся недостаточно популярно, на что, между прочим, указал и Смоленский Губком РКП (см. № 6-7, стр. 111).

Недостаток статей, освещающих местную экономику, отчасти восполняется отделом „хроники“ где, наряду с хроникерскими заметками о состоянии посевов и трав, о выставке лошадей в Смоленске и т. д., находим несколько заслуживающих внимания статей (напр., о задачах мелиорации в Гомельской губ.), статья А. Веялко, в № 10-11); однако, общую физиономию журнала эти статьи не меняет.

Полезный, необходимый и ценный журнал. „Экономическая Жизнь“ безусловно нуждается в некоторой реорганизации.

Я. Абрамович

В редакцию журнала „Плановое Хозяйство“

В последние месяцы в различных изданиях появился ряд критических заметок на мою брошюру: „Основы хозяйственного районирования СССР“: 2 заметки Р. Ефимова и письмо Е. Волкова в журнале „Плановое Хозяйство“ и статья М. Гольмана в журнале „Большевик“. Две первые и последняя резко на меня нападают, а Е. Волков пытается меня реабилитировать, но так как его письмо представляет ответ Р. Ефимову на первую его заметку, то оно и не содержит, к сожалению, разбора самой моей работы по существу.

Впрочем, остальные статьи совсем уже нельзя назвать критикой, это скорее чтение моих скрытых мыслей, чем разбор, и навеяны все эти критические замечания не существом дела, а формой, которая будто бы изобличает во мне сменовеховца, как утверждает М. Гольман.

На критику эту я дальше отвечу, но не могу все же не пожалеть, что авторы заметок не дали себе труда разобраться в существе излагаемого материала. Жаль уже по одному тому, что затронутые темы требуют известной дискуссионной поверки и даже углубления идей, которые мной благодаря незначительному объему поневоле изложены чрезвычайно сжато.

Причиной была может быть и форма изложения, так как несмотря на свой небольшой объем книжка совершенно не носит популярного характера и предназначена для совершенно грамотного в экономике читателя, равно как и ранее изданная Госпланом СССР моя брошюра: „Восстановление производства в России".

Досадная сторона подобной критики заключается и в другом: популярный, да еще и хлестко-газетный тон критики ставит очень многих читателей, не имеющих возможности прочесть всю мою книжку до конца, в совершенный тупик—один уже очень ругается, а другого прочесть трудно и нет возможности потому разобраться.

Но приходится брать то, что есть, может быть найдется впоследствии и такой критик, который более серьезно отнесется к делу.

Обратимся же к критикам. В чем они меня обвиняют? В том, что я стремлюсь к перерождению Советской власти путем постепенных сдвигов в буржуазное демократическое государство. На чем же это основано? Основано на ряде выдержек и пояснений к ним со стороны критика такого типа. Когда я пишу, что революционная Москва собрала вокруг себя остатки прежне империи, и гораздо быстрее, чем это проделала та же Москва в XVI столетии, то из этого критик заключает: „не идея районирования, а идея великодержавного великорусского шовинизма глядит из всей этой политической пачкотни проф. Александрова".

Оставляя в стороне цветы красноречия критика, не вижу самого главного—логики вывода. Где был в моей фразе шовинизм, да еще великорусский—не знаю.

Когда говорят о новой районной волости, я упоминаю, что идея укрупненной волости зарождалась и раньше в либеральных земских кругах, причем по этой идее основание волости являлось всеобщее избирательное право, увеличение площади, усиление хозяйственной и культурной мощности и отодвигание на второй план полицейско-административных функций, что это была здоровая в корне идея, неосуществившаяся, однако, в дореволюционный период, то М. Гольман не находит ничего лучшего, как заявить, что я хочу проповедывать предоставление деревенским кулакам избирательных прав.

Бумага все терпит, а передергивать все же не следует, так как для царского режима мелкая земская единица была идеей здоровой и прогрессивной, но из этого ни откуда не следует, что при советском строе надо предоставлять избирательные права нетрудовым элементам, тем более. что предпосылкой всей работы по районированию является полное сохранение и выдержка советской конституции.

Когда я говорю, что революционный период, преобразовывая постепенно административную структуру, базировался на основе двух стремлений: 1) создать новую структру общего значения и 2) приспособиться к запросам текущего дня, таким, как сбор продналога и т. п., то критик очень остроумно из этого выводит, что я иду „в сторону всеобщего избирательного права и буржуазной демократии". „Идеи кулацко-нэпманской буржуазии, замаскированные в одежды популярнейшей идеи районирования". „Идея районирования саморазвивается в голове ее автора и превращается в действительность—в идею буржуазной реставрации". Только руками разведешь: и как это только в голову человеку лезут подобные нелепости.

Дальше, впрочем, идет еще лучше и еще развязнее. Выхватывая некоторые мои выражения по поводу тех трудностей, которые связываются с проведением в жизнь национальной политики советской власти, критик мой говорит: „Тит Титыч негодует против национальной политики советской власти. Русские скупщики шерсти. мехов рыбы и разных видов сырья у киргизов, у туркменов и других национальных крестьян—эти господа имеют все основания выражать свое недовольство советской национальной политикой".

Трудностей в национальном вопросе никто, конечно, не станет отрицать, но тут М. Гольман обнаружил и еще одну особенность своей критики—не читать до конца уже таких небольших книг, как моя, в которой всего 75 стр. или целесообразно умалчивать о целых частях книги, а ведь связи районирования с национальным вопросом посвящена целая глава, откуда и сам критик мог бы почерпнуть полезные для себя сведения, а читателя не вводил бы в грубые заблуждения.

Далее критик Гольман совсем уж распоясался и заявляет, что „вряд ли есть необходимость говорить, чтобы доклад Госплана III Сессии ВЦИК и комиссия под председательством Калинина могли когда нибудь взять за основу ту политическую галиматью и жонглирование теорией районирования, которые проф. Александров довольно недобросовестно навязывает законодательной деятельности ВЦИК. Для подлинного сличения проекта ВЦИК и сменовеховских фантазий проф. Александрова мы отсылаем читателя к этой книге".

Хорошо если бы читателя Гольман не отсылал к книге, а привел бы параллельно текст моей работы и основной пункт резолюции Комиссии Калинина, тогда видно было бы, по крайней мере, что укор в недобросовестности может быть полностью возвращен Гольману. Кроме того, побывав в Госплане СССР, критик мог бы узнать, что весь доклад III Сессии ВЦИК составлен под непосредственным моим руководством и редакцией, что докладывать III Сессии я должен был от имени Госплана, что я был докладчиком в Комиссии тов. Калинина и что моя политическая „галиматья" была прочитана лично В. И. Лениным и им одобрена.

Дальше критик действует столь же решительно и столь же нестеснительно до конца статьи, стараясь произвести меня в сменовеховцы, в тайного поборника капитализма и в сторонника буржуазной политической конструкции.

Разбирать подробно всю эту длинную чепуху нет возможности.

Другой критик Ефимов обращается со мной несколько мягче, но в общем поет он совершенно в унисон с Гольманом, добавляя к моим грехам еще один—политическую безграмотность, так как я де отожествляю новую экономическую политику с государственным капитализмом. Тут я думаю, что критик сам забыл политграмоту, пусть прочтет статью В. И. Ленина „о продналоге", а потом уже пишет рецензии.

Я хотел бы сказать дальше о сменовеховстве и о пользовании этим именем для разных определений.

Ведь сменовеховство появилось у нас на сравнительно короткий период, как такое течение в публицистике, которое стремилось показать среднему интеллигенту, что в коммунизме для него ничего страшного не заключается. Работай добросовестно, а там история сама приведет большевиков к опасной пристани, произойдет их „обмирщение" по выражению проф. Устрялова, объявятся все свободы и пр. Коммунистам сменовеховцы выставляли другое утешение: пусть все работают под знаменем Советов, это ничего что некоторые будут думать, что вы обмирщитесь, ведь это вас ни к чему не обязывает и т. д.

Такое наивное заигрывание не продолжалось и года, да и не могло продержаться, так как не было надобности в том мелком влиянии, которое сменовеховство устраивало из политики, в серьезнейший исторический период.

При нарастающем мировом катаклизме между трудом и капиталом мелочь сменовеховства не могла иметь успеха.

Современная жизнь все меньше места оставляет среднему мнению, никакие временные успехи капитализма, которые сейчас можно наблюдать в Европе, не могут закрыть пропасти, которая нарастает в самых глубинах жизни. Нет середины—или с революцией, или против. нее. Колеблющиеся должны выбрать свой лагерь и больше нет пути не только у нас, но за пределами Союза. Самая ожесточенная борьба ведется сейчас за то, чтобы отвоевать побольше людей в среде малосознательных и средних слоев, но для этих слоев все же нет выбора в сторону сменовеховства—мирно дожидаться пока коммунизм обмякнет. Этого в настоящей исторической обстановке не может быть по совершенно объективным условиям, и это все хорошо знают.

Можно, конечно, притворившись сторонником власти Советов, стараться извратить политику коммунистической партии, вводить ее в заблуждение, портить дело ловкими маневрами. Это, конечно, возможно, да и имеет место в жизни, но это уже не сменовеховство, а самая злостная борьба.

Не только смешное сменовеховство, а и более умный меньшевизм не мог выдержать средней линии и либо лишился значительной части своих сторонников, либо ориентировался ярко против революции, а в рядах меньшевизма мы знали таких политиков, старых революционеров, людей добросовестных, как Мартов, Плеханов и др., но это не спасло от крушения, так как во время боя нельзя быть соглашателем, нейтральным и вместе с тем играть роль в политике. Два мира стоят один против другого и нет середины.

Теперь несколько слов о районировании и его значении, хотя здесь критики мои раздваивают мою личность: сменовеховство—это я, а районирование его теоретическая разработка, это уже как будто и не я, но дело не в этом, кому обязано районирование своей разработкой это хорошо знают очень многие в пределах СССР, здесь гораздо важнее укор в том, что под видом районирования я строил великую Россию чуть ли не во вкусе Деникина, Колчака и т. п.

Вот что я тут имею сказать. В великой мировой наростающей борьбе, которая продлится, вероятно, не один десяток лет, на долю СССР выпала ответственная роль. Союз своим экономическим ростом и организованностью должен быть очень сильным, чтобы выдержать натиск буржуазного мира, который не может оставить революционную Россию ни в современном ее виде, ни тем более в виде еще более сильном. Поэтому я всегда настаивал на систематическом проведении районирования по всей территории союза, так как эта организационная форма даст возможность в условиях национализированной промышленности, транспорта и природных богатств создать систему невиданного и невозможного в буржуазном мире разделения труда на основе плана народного хозяйства.

И нетрудно видеть, что та постановка районирования, которую я проводил всегда и защищаю теперь, есть система несвойственная никакому хозяйству кроме социалистического или переходного к нему, и пусть мне критики покажут, что она применима в буржуазном обществе.

Мои работы, между прочим, нашли себе отзыв в экономических кругах Германии и Соединенных Штатах, но вывод их был совершенно определенный: при сложившихся экономических отношениях провести районирование Германии и Соединенных Штатов нельзя, как активную систему, можно ей пользоваться целесообразно лишь как системой учета, причем признавалось, что разделить Германию и Соединенные Штаты по методу производственного районирования можно. Это теоретическое деление и было выполнено, но дальше оно не пошло.

Такая характеристика районированию дана была между прочим по заслушании моего доклада в соединенном заседании Совнаркома и ЦИК'а Украины в 1922 году, после чего и было проведено районирование Украины.

Но дело не в критиках, а в той широкой рабочей и интеллегентной читающей массе, которая может быть не сможет прочесть мою работу, а хлесткую и злобную ругань прочесть может легко—она популярно написана и бьет на широкую аудиторию. Вот эту читающую и ищущую света массу от подобной критики надо тщательно оберечь.

И. Г. Александров

Ответ редакции

Госплан—одно из важнейших орудий пролетарской диктатуры. Идеи планирования, выковывающиеся и совершенствующиеся в процессе Госплановской работы, не могут не укладываться в рамки пролетарской коммунистической идеологии. Эти рамки, как показал опыт хозяйственного (а раньше и военного) строительства СССР, достаточно широки и дают громадный простор для развития деловых взглядов и деловой критики беспартийных специалистов. Но со всем тем, что „растет" по направлению к другим политическим берегам, со всем тем, что враждебно пролетарской диктатуре, со всем этим мы беспощадно боремся.

Оценивая с этой, единственно правильной, политической точки зрения прошлогоднюю книгу Александрова и нынешнее „письмо" его, мы можем с удовлетворением отметить, что Александров политически вырос за это время.

Замалчивание принципиальных вопросов—дело не наше, не большевистское. Неправильное в книге Александрова мы вскрыли. [1] Возобновлять спор с профессором Александровым считаем излишним, несмотря на то, что и в письме есть целый ряд принципиально неверных положений.

Но в том же самом „письме" имеются политически верные места, которые мы считаем необходимым отметить. Мы имеем в виду ту „декларацию" о сменоховестве, которую И. Г. Александров, один из виднейших представителей этого вышедшего из политического употребления течения, дает в своем „письме". Подходя к оценке сменовеховства, Александров изобличает раньше всего политическое лицемерие этого течения: одна программа—„лицом" к буржуазному интеллигенту, другая программа—„лицом" к пролетариату и компартии. Не жалея красок, Александров бичует сменовеховскую политику, как „наивное заигрыванье" и „мелкое влияние". Окрещиваясь с некоторым запозданием (впрочем, лучше позже, чем никогда) от „золотой" сменовеховской „середины", Александров заявляет о том, что он видит для себя место только по революционной стороне баррикады.

Более того, он старается показать, что именно проблемы советского хозяйства, именно стремление понять нашу экономическую действительность, заставляют его занять такую позицию.

Правда, все это весьма мало похоже на то, что принято называть анализом общественно-политических отношений, анализом и характеристикой политических партий и течений. Однако, от человека, который проявил себя всего лишь год тому назад такой книгой, как „Основы хозяйственного районирования", мы не станем требовать, чтобы он давал марксистский анализ общественных отношений. Мы, наоборот, с удовлетворением принимаем те политические заявления (а в искренности их мы не сомневаемся), которые делает в „письме" своем профессор Александров. Они с категорической ясностью свидетельствуют, что автор их поднялся выше одной политической ступенью. Ценного советского работника нельзя с этим не поздравить.

---

[1] См. статьи тов. Р. Ефимова в №№ 1 и 3 „Планового Хозяйства" за 1925 г.

Приветствуемые нами заявления Александрова сделаны им в виду той критики, которая появилась на его книгу. „Письмо“ его является поэтому лучшим доказательством того, что критика вполне оправдала себя.

Редакция

Новые книги

Бродерик, Дж. Современное экономическое положение Соединенных Штатов Северной Америки. Перев. с анг. под ред., с пред. и добавлениями Ю. Н. Дмитриева-Крымского.

Лг. „Сеятель“ 1925 г. 191(1) стр.

Изданная в русском переводе книга Бродерика стремится дать картину хозяйственной жизни С. Ш. А. к началу 1924 г., сравнивая при том относящиеся к ней данные с данными за период 1913-1922 г.г. Книга представляет собою недостаточно систематизированный сборник очерков на отдельные темы хозяйственной жизни С. Ш. А. Очерки эти автор сгруппировал в следующие главные отделы: внешняя торговля, финансы, сельское хозяйство, промышленность, транспорт. Всего больше отведено места внешней торговле и промышленности. Отдел „Финансы“ содержит обзор кредитного рынка и денежного обращения, а также некоторые данные о движении цен. Отдел, посвященный промышленности, содержит материал по следующим ее отраслям: железоделательная и сталелитейная промышленность, угольная, добыча марганца и серы, обработка меди, автомобильная промышленность, строительная промышленность, текстильная промышленность и химическая промышленность.

Бакулин, С. Н. Организация и методы статистики внешней торговли (таможенной статистики) Союза ССР. С предисловием и под редакцией Г. И. Шапошникова. М. ЦСУ 1925 г. 69 стр.

Брошюра Бакулина дает краткую характеристику значения и задач таможенной статистики (1) и организации ее в СССР (II - V). Охарактеризовано при этом как собирание первичных сведений, так и приемы сводки и группировки. Данные об организации таможенной статистики СССР дополнены сравнительными данными относительно довоенной русской статистики и статистики иностранных государств.

В последнем отделе охарактеризовано содержание русских статистических сборников по внешней торговле до революции и в настоящее время, здесь же освещен вопрос о международных попытках объединения форм таможенной статистики.

К книге приложены многочисленные образчики статистических формуляров.

Василевский, Л. М. Производственный труд. Лг. Сев.-Зап. Промбюро, 1925, 142(1) стр.

Настоящая работа представляет популярнейший очерк физиологии труда, данных об условиях труда, имеющих значение для жизни и здоровья рабочего, правового материала по охране труда и данных по вопросу о материальном подборе.

Вопросы промышленного права. Материалы совещания юрисконсультов государственной промышленности 17-22 мая 1925 г. М. ЦУП ВСНХ 1925 г.

Сборник содержит полностью доклады, представленные совещанию, материал же прений приведен в нем с некоторыми урезками.

В общем материалы совещания освещают следующие вопросы:

1) проблемы кодификации промышленного права СССР,
2) применение закона о трестах на практике,
3) правовое положение государственных синдикатов и конвенций и проект декрета о них,
4) взаимоотношения между синдикатами и трестами,
5) акционерное право и проблема смешанных обществ с участием госкапитала,
6) о возникновении и правоспособности юридических лиц в области госпромышленности и торговли,
7) о порядке ликвидации госпредприятий,
8) о порядке отчуждения имущества, отнесенного к капиталу трестов,
9) подряды и поставки в деятельности госпредприятий,
10) проект закона о договоре торговой комиссии.

Вульф, Г. В. Государственный кредит ССР. (Итоги по апрель 1925 г. и перспективы).

М. Финансовое Издательство, НКФ СССР, 1925, 108(1) стр.

Автор дает вначале краткую справку по истории государственного кредита СССР, начиная с анулирования дореволюционных займов и кончая современным состоянием государственного кредита. Общий вывод анализа современного положения таков, что СССР далеко еще не использовал тех кредитных возможностей, которые открываются нынешним состоянием его народного хозяйства. Вместе с тем отмечается огромное значение в условиях СССР государственного кредита для дальнейшего хозяйственного строительства. Анализируя в дальнейшем условия развития государственного кредита в СССР, автор останавливается на: 1) процессе накопления свободных средств у населения, 2) организации денежного и фондового рынка, 3) развитии системы кредитных учреждений. При этом он приходит к выводу, что только к началу 1925 г. сложились условия, необходимые для значительного развития государственных кредитных операций.

Осветив затем кратко удельный вес кредитных операций в бюджете СССР, автор переходит к анализу отдельных государственных займов—их задач и характера, условий реализации и результатов.

Все исследование заканчивается кратким обзором перспектив государственного кредита.

Цифровой материал, которым книжка снабжена в изобилии, заканчивается по большей части первой половиной 1924/25 г.

Дембо, Л. Аграрное законодательство СССР. Лг. „Прибой“, 1925, 132 стр.

Работа тов. Дембо излагает прежде всего земельное право СССР в тесном смысле, т. е. содержание норм регулирующих землепользование и связанные с ним взаимоотношения (землеустройство, переселение, земельная регистрация, решение земельных споров). Затем она переходит к мерам экономической политики государства, направленным на помощь сельскому хозяйству (снабжение инвентарем, семссуда, кредит).

В дальнейшем анализируется правовая природа различных форм крестьянского хозяйства (крестьянского двора, сельско-хозяйственного коллектива, земельного общества).

В заключение же рассматриваются мероприятия государственного регулирования сельского хозяйства и организации самого крестьянства, направленные на развитие этого последнего.

К книге приложен список важнейшей литературы и краткий предметный указатель.

Фрейман, Л. И. Индексы стоимости жизни и методы их исчисления в разных странах (1914 - 1924 г.г.).

М. изд. НКТ „Вопросы Труда“ 1925 г.

Автор кратко останавливается во введении на анализе основных принципов построения индексов стоимости жизни, а затем переходит к обзору строения и движения индексов по отдельным странам. Обзор охватил всего 18 стран, причем довольно значительный очерк отведен СССР. Кроме индексов европейских государств охарактеризованы также индексы следующих европейских стран: С. Ш. А., Канады, Австралии и Южной Африки. В общем работа представляет первый не только в России, но и в мировой литературе опыт специального исследования динамики бюджетных индексов в мировом масштабе.

В конце книги дана сводка полученных результатов относительно тенденций мировой динамики стоимости жизни.

Кактынь, Арт. Урожай и цены. Реализация урожая и политика цен на хлеб, сырье и промтовары. М. Гос. Изд. 1925 г.

Очерк Кактыня стремится дать в сжатом виде картину реализации урожая текущего года (хлебов и технических культур). Исходя из вероятного соотношения масс промтоваров и сельского хозяйства товаров в первом квартале 1925/26 г., он считает некоторую нехватку промтоваров (по сравнению с платежно-способным спросом деревни). В связи с этим одной из неотложных задач экономической политики является создание значительных товарных запасов, как промышленных, так и сельско-хозяйственных товаров.

В результате отсутствия в настоящее время таких запасов промтоваров, автор предвидит возможное повышение их цен и расхождение „ножниц“ в невыгодную для сельско-хозяйственных продуктов сторону и указывает в этом отношении ряд мероприятий.

Кулишер, И. М. История русского народного хозяйства, том 2-й—М. Коон. Издат. „Мир“. 1925 г. 440 стр.

Второй том истории народного хозяйства И. М. Кулишера охватывает шестнадцатый и семнадцатый века, период московского государства. Книга начинается очерком, посвященным территории московского государства, размерам его населения и иммиграции населения. Несколько следующих затем глав анализируют поземельные отношения, динамику сельского хозяйства и положение крестьянства (вопрос о происхождении общины). Затем следуют главы о происхождении и развитии городов, о деревенских и городских промыслах, о развитии добывающей и обрабатывающей промышленности. В связи с промышленным развитием рассматривается вопрос о роли иностранцев и о значении наемного труда. От промышленности автор переходит к торговле внешней и внутренней, к вопросу о развитии денежного хозяйства и к организации денежного обращения, к обзору денежного обращения примыкает очерк, посвященный государственным финансам.

Работа заканчивается обзором начатков капитализма.

Московская промышленность и торговля. Сборник законодательных и статистических материалов, под общей редакцией Моск. Отд. Внутренней Торговли и МСНХ. М. Издат. Коммун. Хозяйства 1925 г., 248 стр.

Первая часть книги представляет собой справочную книгу по правовым и организационным вопросам, рассчитанную на руководителя торгового или промышленного предприятия.

Второй отдел дает статистико-экономический очерк промышленности и торговли Московской губернии 1923/24 г.

Что касается промышленности, то сначала дан обзор ее в целом (государственной, кооперативной и частной), затем более подробный очерк посвящен промышленности, подведомственной МСНХ.

Во главе о торговле рассматривается сначала торговля Москвы, затем торговля Московской губернии и, наконец, характеристика рынков губернии

по отраслям (продовольственный рынок, текстильный, кожевенно-обувной, сырьевой, строительных материалов).

Народное хозяйство СССР в 1-м полугодии 1924-25 года. Обзор Конъюнктурного Совета Госплана. М. изд. „Плановое Хозяйство“, 1925 г. 415 стр.

Сборник содержит общий конъюнктурный обзор за отчетный период, составленный В. Г. Громаном, и ряд статей по конъюнктуре отдельных отраслей народного хозяйства, составленных специалистами по соответствующим проблемам. Отметим особо статьи: А. Л. Мануйлова—о состоянии сельского хозяйства, Л. Б. Кафенгауза—о конъюнктуре госпромышленности, И. А. Поплавского—о грузообороте железных дорог, С. П. Боброва и К. Прозоровского—о движении цен, С. А. Первушина—о конъюнктуре внутреннего рынка.

Поплавский И. А. Транспорт Советского Союза с народно-хозяйственной точки зрения. Опыт статистического анализа. М. Финансовое издательство НКФ СССР 1925 г. 72 стр. Институт экономич. исследований НКФ СССР.

Основная задача книги—изучение вопроса об основном капитале Советского транспорта, его изношенности, амортизации и современной стоимости по сравнению со стоимостью инвентарной. При этом автор, кроме железнодорожного транспорта, рассматривает также данные местного транспорта, внутренний водный и морской транспорт.

Кроме вопроса об основном капитале в книге рассмотрены также следующие вопросы: 1) энергетика транспорта, 2) транспорт, как потребитель промышленной продукции, 3) народно-хозяйственный доход от транспорта.

Проблема рынков и кризисов. Составил Б. Лившиц. Ч. 1-2. М. Издан. „Плановое Хозяйство“ 1925 г. (Теоретическая экономия в отрывках. Под ред. А. С. Мендельсона и И. А. Трахтенберга).

Сборник, составленный тов. Б. Лившицем, содержит огромный литературный материал, относящийся к проблеме кризисов и представляющий собою выдержки из ряда важнейших работ по этому вопросу. Доминирует материал марксистских работ. Сборник рассчитан, как для преподавания, так и для самостоятельного исследования и снабжен общим введением.

Смилга, И. Т. Хозяйственные итоги и перспективы. М. Гос. Издат. 1926 г. 23 стр.

И. Т. Смилга подводит итоги 1924/25 хоз. года и намечает хозяйственные задачи, стоящие перед СССР на 1925/26 г.

Подводя итоги прошлого года в области сельского хозяйства, автор останавливается на размерах хлебных товарных излишков и на причинах высоких цен осенью текущего года.

Развитие промышленности в 1924/25 г. автор характеризует указанием на особо высокий темп развития тяжелой индустрии. Перспективы промышленности рассматриваются им в двух отношениях: со стороны состояния рынка промтоваров и со стороны возможностей дальнейшего развития.

Книжка заканчивается обзором достижений в области плановой работы (в частности—методов построения контрольных цифр Госплана и методов разрабатываемого в настоящее время плана реконструкции народного хозяйства СССР).

Подоходный налог (по материалам обследования 1925 г.). С предисловием под общей редакцией В. В. Куйбышева. (СССР. Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции).

Введение к настоящей работе дает краткую справку по истории возникновения подоходного обложения и развития его на Западе и в России до Октябрьской революции, и после нее.

В конце введения проведено сопоставление принципов построения подоходного налога и его финансового значения в СССР с попытками планиро-

вания же в капиталистических странах. Остальная часть книги (представляющая собственно изложение результатов обследования) подразделена в сущности по группам плательщиков налога. Сверх того, отдельные главы рассматривают также некоторые общие вопросы организации подоходного обложения.

Струмилин С. Г. Рабочий быт в цифрах. Статистико-экономические этюды. М. Изд. „Плановое Хозяйство". 1926 г. 134 стр.

С. Г. Струмилин в своей настоящей книге дает продолжение той работы, которая была им начата в брошюре о бюджете русского рабочего и крестьянина,—именно, анализ данных, относящихся к современному быту рабочих, отражающему остатки отживающего прошлого и начатки нового быта.

Струмилин С. Г. На хозяйственном фронте. М. Изд. „Плановое Хозяйство" 1925 г. 349 стр.

Настоящая работа С. Г. Струмилина представляет собою сборник статей на различные народно-хозяйственные темы, объединенные, однако, одним основным мотивом—борьбой за рационализацию нашего хозяйства. Отметим следующие статьи: „Наши финансы и валюта" (май 1925 г.); „Проблема ножниц" (1923 г.); „Динамика крестьянского хозяйства"; „Емкость нашего рынка" (1924 г.).

Швецов, С. П. Экономическая география сельского хозяйства СССР. Изд. 2-е, доп. Лг. „Мысль" 1925, 112 (3) стр.

Изложение свое автор строит по районам, но не по районам Госплана, а по областям П. П. Семенова. Главное место в книге занимают данные по земледелию и животноводству, причем современные данные сопоставлены с довоенными. Несравненно более кратко автор касается лесного хозяйства и рыболовства и вовсе не касается кустарных промыслов крестьянского населения.

В связи с сельским хозяйством автор приводит данные по землевладению и землепользованию. Кроме того, даны некоторые вводные сведения (о территории и населении, о путях сообщения).

Штейн Б. Е. Внешняя торговая политика СССР. М. ЦУП ВСНХ, 1925. 139 (1) стр.

Б. Е. Штейн дает краткий обзор политики советской власти в области внешней торговли за 8 лет (1917-1925). Всего он различает в истории этой политики четыре периода, причем каждому из них отводится небольшой очерк, излагающий торгово-политическое содержание как торговых, так и общих договоров советской власти с иностранными государствами.

Последняя глава посвящена выяснению сущности и истории развития принципа монополии внешней торговли.

—Юферев, В. И. Хлопководство в Туркестане. 1925 г. 160 стр. (Монографии, издаваемые К. З. П. С. СССР при Российской Академии Наук).

Монография В. Н. Юферева стремится осветить, как вопрос о естественных условиях хлопководства в Средней Азии, так и исторический ход развития средне-азиатского хлопководства, состояние его перед войной, изменения, происшедшие в положении его во время войны и революции, сущность и динамику восстановительного процесса, совершающегося в течение последних 4-х лет, и, наконец, перспективы дальнейшего развития хлопководства. Центр тяжести книги—характеристика довоенного состояния средне-азиатского хлопководства и мероприятий власти по его развитию. К книге приложены таблицы, освещающие посевные площади, сборы хлопка (за период 1870-1925) в Средней Азии, ввоз в Россию хлопкового волокна и хлопчатобумажных изделий из заграницы (1812-1912) и ряд других вопросов. В конце работы дана также библиография работ по средне-азиатскому хлопководству.

ОТДЕЛ VI

Статистика

Ник. Аделунг

Довоенная сельско-хозяйственная продукция

Задача настоящей статьи—дать возможно полный учет довоенной продукции сельского хозяйства. Говорить о значении такового учета не приходится, особенно если принять во внимание, что доход от сельского хозяйства составлял свыше 50% всего национального дохода.

Но, при подходе к разрешению этой задачи, мы встречаем значительные трудности, обусловленные состоянием довоенной хозяйственной статистики. Отсутствие ряда статистических данных вызывает необходимость прибегать к исчислениям прикидочного характера. Часто даже имеющиеся, казалось-бы, точные данные нельзя принимать „на веру" и приходится после тщательного анализа вносить в них поправки, подчас существенно меняющие основную цифру.

Естественно, что при таких условиях приводимые нами данные не могут претендовать на точность. Многие из них имеют лишь предварительный характер и мы оставляем за собою право их дальнейшего уточнения.

Прежде, чем перейти к разбору отдельных статей дохода от сельского хозяйства, остановимся на численности населения 1913 года.

По данным ЦСК население на 1 января 1914 года в границах 1923 года равнялось 146,1 милл. душ. Считая переучет ЦСК к 1 августа 1916 года, по сравнению с данными сельско-хозяйственной переписи, равным 7,6 милл. душ или 5,94% к сельскому населению (5,03% ко всему населению), вносим соответствующую поправку в исчисление ЦСК на 1 января 1914 года, для 1913 года принимаемое в 6,4 милл. душ, или в 4,36%.

Таблица № 1

Численность городского и сельского населения

(в миллионах душ)

Даты	В границах 1923 года							По отошедшим районам	Всего (8+9)
	В городах	В поселен. городского типа	Итого городск. населения	В уезде	Итого городск. и сельского	Армия	Всего (6+7)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1 февраля 1897 г. . . .	12,8	3,1	15,9	87,4	103,3	0,7	104,0	21,6	125,6
1 января 1914 г. . . .	20,4	5,1	25,4	113,1	138,5	1,2	139,7	27,8	167,5

В настоящей таблице население дано по России в границах СССР и по отошедшим губерниям.

В число последних отнесены полностью: Бессарабская, Виленская, Гродненская и Ковенская губернии, Польша, Курляндия, Эстляндия, Лифляндия

и Карская область и частично Витебская (3 уезда), Минская (3 уезда) и Волынская (7 уездов).

Более мелкие административные единицы—волости в расчет нами не принимались.

Обратимся теперь к продукции сельского хозяйства.

В довоенных границах валовая продукция 1913 года исчислена нами в 14.123,3 милл. рублей, а в границах современных в 11.939,8 милл. рублей. [1]

Таблица № 2

Валовая продукция сельского хозяйства 1913 года

№№ по порядку	СТАТЬИ ДОХОДА	В миллионах рублей			
		В довоенных границах		В границах 1923 г.	
		Абсол.	В %/%	Абсол.	В %/%
1	2	3	4	5	6
1	Продукты полеводства	7.229,7	—	6.099,8	52,4
2	„ огороднич. и садовод.	967,7	—	735,6	6,2
3	„ луговодства . . .	1.697,5	—	1.415,7	11,8
4	„ животноводства . .	2.663,5	—	2.242,6	18,8
5	„ птицеводства	238,2	—	206,8	1,7
6	„ пчеловод. и шелковод.	25,6	—	23,0	0,2
7	„ рыболовства	224,0	—	209,3	1,8
8	„ звероловства	34,9	—	34,9	0,3
9	„ лесоводства	974,4	—	812,0	6,8
	Итого	14.055,5	—	11.779,7	100,0

Остановимся на природе приведенных в таблице данных.

Продукция полеводства исчислена по данным урожайной статистики [2] со внесением поправки в 19% на недоучет зерновых продуков (9,0% на посевную площадь и 9% на средний урожай с десятины). [3]

Произведенная Статбюро Госплана проверка валовых сборов за 9 лет (1906-1914 г.г.) по ЦСК, путем сопоставления их с данными о расходе, дает расхождение на 19,3%.

Приведенный расчет дает основание утверждать в полном согласии с Иванцовым, что ЦСК не доучитывало 19% валовых сборов.

Сборы льна и конопли (волокна) взяты по данным ЦСК с поправкою в 16%. Поправка внесена на основании сопоставления данных о площадях и валовых сборах по ЦСК с данными земских обследований. [4]

Сбор хлопка исчислен по данным ЦСК, цена—по данным Кокандского Биржевого комитета.

Овощи, фрукты, ввиду отсутствия полных сведений об усадебных культурах в довоенное время, взяты по данным о потреблении.

[1] Валовая продукция 1913 года в границах СССР подсчитана самостоятельно. Интересно отметить, что перечет по населению дает почти ту же цифру (14.123,3 : 167,5× ×139,7=11.779,5).

[2] Сборник „Урожай“ 1913 года, изд. ЦСК.

[3] Д. Н. Иванцов: „К критике русской урожайной статистики“. Пб. 1918 года.

[4] С. Г. Петрашкевич: „Задачи и план организации текущей статистики льна“. Изд. Льняного Комитета. Спб. 1913 года.

Таблица 3-я

Валовой сбор зерновых хлебов по данным о расходе и урожайности статистики

(Среднее за 1906-1914 г.г. в довоенных границах) (в милл. пуд.)

№№ по порядку	Наименование продуктов	По данным о расходе							По данным урожайной статистики			Гр. 9-я в %/% гр. 12.
		Потребление			Расход на технические цели	Прирост запасов	Чистый экспорт	ВСЕГО	Количество десят. (милл.)	Средний урожай (пуд.)	Валовой сбор (за вычетом семян)	
		Населен.	Армии	Скота								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Зерновые	2675,5	38,6	957,4	62,5	11,5	560,1	4302,6	91,6	48,4	3605,9	119,3

Картофель огородный, не учтенный ЦСК совершенно, взят нами по переписи 1920 года.

Более ранних данных нет. С нашей стороны, вероятно, не будет допущено грубой ошибки, если мы предположим, что современная площадь усадебного картофеля близка к довоенной, так как нет никаких объективных данных для предположений о сокращении посевов картофеля. Сокращение же крахмало-паточного производства и почти полная ликвидация винокуренного должны были вызвать сокращение площадей только под полевым картофелем.

Валовая продукция животноводства исчислена по данным о естественном движении стада и его довоенной продукции, причем в этом подсчете нами не включены стоимость рабочего скота и доход от навоза.

Мясная продукция исчислена при условии браковки 10% всех коров, $^1/_6$ части всех волов и быков и при условии убоя всего сверхремонтного молодняка за вычетом 3% общего количества крупного рогатого скота, отчисляемых на покрытие отхода вследствие падежа.

Выход убойных телят определен при условии убоя всех телят, за скидкою в среднем 23% на доживающих до 1 года.

Выход баранины исчислен при условии убоя 35% всего стада, а выход свинины—при условии убоя 50% всего стада свиней.

Выход кожи определен по данным убоя и естественного отхода. Шерсть и щетина взяты по нормальному довоенному выходу с одной головы.

Продукция птицеводства исчислена по данным о потреблении, а продукция пчеловодства—по данным ЦСК.

Доход от промышленного рыболовства в довоенных границах исчислен по данным Мейснера. [1]

Потребительский улов, по исчислениям специалистов, колебался в довоенное время от 25 до 40 милл. пудов.

Из осторожности примем цифру в 30 милл. пудов. По отошедшей территории весь улов определен нами по экспертным данным в 6,1 милл. пудов.

Доход от звероловства и охоты принят нами по данным ярмарочных комитетов. [2] Стоимость продуктов всюду устанавливалась по средне-русским

[1] Статья Мейснера: „Основы рыбного хозяйства“ в журнале „Рыбное хозяйство“, изд. Главным Управлением рыболовства и рыбного хозяйства, книга 1-ая.

[2] Коган и Бернштейн: „Наши экспортные возможности“. М. 1923 г.

местным ценам. Средняя цена выводилась путем взвешивания по районам Окраины (ДВО, Туркестан и Закавказье) исчислялись самостоятельно.

Для проверки исчислений продукции сельского хозяйства по прямым показаниям, Статбюро Госплана одновременно произвело подсчет по данным о расходе (в границах СССР).

В основу подсчета легли бюджетные данные о потреблении населения, данные о прокорме скота, семянном расходе, расходе на технические цели, данные об экспорте и импорте и видимых и скрытых запасах.

Для исчисления расхода на личное потребление сельского населения нами была использована работа Клепикова. [1] Полученные нами средние годовые нормы несколько разнятся от норм приводимых Клепиковым, ввиду того, что последний для всех районов берет среднюю арифметическую, нами же средняя норма получена путем разбивки всех бюджетов по наиболее типичным районам и взвешиванию по каждому району в отдельности.

Потребление городского населения исчислено по нормам Р. Кабо, [2] причем мы здесь даем два варианта исчислений. Р. Кабо, подразделив городское население на четыре экономические группы, выводит среднюю годовую норму арифметическим путем, а не путем взвешивания по группам потребителей.

Так как метод Р. Кабо искусственно повышает среднюю норму ряда продуктов (мяса, молока, яиц, масла и проч.), то попробуем дифференцировать потребление городского населения, для чего воспользуемся переписью 1897 года, дающей распределение городского населения по группам занятия.

Сознаем, что этот метод далеко не идеален, но, не имея под рукой других данных, в целях прикидки все же воспользуемся им.

В первую, низшую группу потребителей нами отнесены все занимающиеся физическим трудом и низшие служащие (курьеры, сторожа и пр.).

Во вторую, среднюю—все служащие, чиновники, служителя культа и мелкие торговцы.

В третью группу, высшую—директора банков и учреждений, торговцы, чиновники высших разрядов, служителя культа высших категорий, живущие доходами с капиталов и прочие.

И, наконец, в четвертую, смешанную, отнесены все не вошедшие почему либо в предыдущие группы.

Таблица № 4

Распределение городского населения в 1897 году по экономическим группам

№№ по порядку	Наименование групп	Количество (тыс. душ)	В %% к итогу
1	2	3	4
1	Низшая	10191,2	64,2
2	Средняя	4363,1	27,5
3	Высшая	1230,7	7,7
4	Прочие	90,8	0,6
	Всего	15875,8	100,0

[1] Клепиков: „Питание русского крестьянина“ (М. 1920 г.).
[2] Р. Кабо: „Потребление городского населения России“ (М. 1918 г.).

Городское население 1913 года определено нами в 25,4 милл. душ в современных границах и в 30,9 в границах довоенных.

Допуская условно, что в 1913 году в процентном отношении состав потребителей не изменился, построим следующую таблицу.

Таблица № 5

Распределение городского населения в 1913 году по экономическим группам

(миллионов душ)

№№ по порядку	Наименование групп	В довоенных границах	В границах 1923 г.
1	2	3	4
1	Низшая	19,84	16,30
2	Средняя	8,56	7,00
3	Высшая	2,31	1,96
4	Прочие	0,19	0,14
	Всего	30,90	25,40

Взвесив нормы по группам потребителей, сопоставим их с нормами Р. Кабо.

Таблица № 6

Средние годовые нормы потребления городским населением продуктов питания

(в пудах)

Варианты исчислений	Наименование продуктов												
	Мука ржаная	Мука пшеничная	Итого муки	Крупы разные	Бобовые	Картофель	Овощи и фрукты	Масло растительное	Мясо, сало, птица	Рыба	Молоко	Масло коровье	Яйца
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
По Кабо .	4,0	7,9	11,9	1,8	0,2	8,2	3,0	0,5	4,4	0,7	5,5	0,5	0,4
Взвешенные по группам потребителей .	5,6	6,4	12,0	2,3	0,2	6,4	3,0	0,5	3,5	0,7	4,4	0,3	0,3

Полученные взвешенные средне-годовые нормы по некоторым продуктам существенно расходятся с средне-арифметическими нормами Р. Кабо. И сколь ни груба наша прикидка, мы полагаем, что взвешенные нормы все же ближе к действительности.

Потребление армии исчислено по данным главного интендантского управления.

Приведенные в таблице нормы (прилож. № 3) являются взвешенными средними для всех районов и всех родов оружия.

Расход на корм скоту дан по нормам Лосицкого [1] с поправками по Стемпковскому. [2]

Количество сельского скота взято по переписи 1916 года.

По Туркестану, Дальнему Востоку и Закавказью, неохваченным переписью, скот исчислен особо.

Городской скот исчислен по двум источникам: лошади по военно-конской переписи 1912 года, прочий скот по экспертным данным.

Таблица 7-я

Количество городского и сельского скота в 1916 году в границах 1923 года

(милл. голов)

ВСЕГО	В том числе				
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец	Коз	Свиней
1	2	3	4	5	6
208,9	33,6	54,6	95,4	6,1	19,2
	То же в переводе на взрослый				
77,2	27,1	38,5	7,7	0,4	3,5

Нормы перевода на взрослый скот взяты следующие:

Лошадь рабочая	1,0	Волы, быки, коровы	1,0
„ до 4-х лет	0,5	Молодняк	0,5
„ до 1 года	0,1	Телята	0,125
Овцы взрослые	0,10	Свиньи взрослые	0,25
Ягнята	0,06	Поросята	0,05

Средние для всех районов кормовые дачи на 1 голову взрослого скота получены путем взвешивания по отдельным видам.

Средние годовые нормы кормовых дач на 1 голову взрослого скота

(в пудах)

Сено	63,5	Соломы	80,6
Зерна и муки в зерне	15,1	Картофеля и корнеплодов	4,4

Семянной расход определен по посевной площади 1914 г. (данные ЦСК с поправкой на 9%) и среднему высеву на десятину. Расход на технические цели по ЦСК. Экспорт и импорт—по данным таможенной статистики.

[1] Лосицкий: „Урожай хлебов в 1917 году“ (М. 1918).
[2] Стемпковский. Статья в „Вестнике Статистики“. № 5-8 1920 года.

Таблица № 8

Сельско-хозяйственная продукция 1913 г. по данным о расходе (в границах 1923 г.)

(в миллионах рублей)

№№ по пор.	Наименование продуктов	Потребление				Семинной расход	Расход на технич. цели	Чистый экспорт + — импорт	Всего расход
		Сельского населения	Городского населения	Армии	Скота				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Зерновые	2.008,9	397,8	29,0	1.112,4	871,0	47,5	+ 596,6	5.063,2
2	Бобовые	26,9	5,6	0,6	—	8,7	—	+ 16,5	58,3
3	Масличные	76,4	41,3	2,5	—	20,8	2,6	— 1,6	141,9
4	Картофель	986,0	161,7	5,8	255,4	292,3	110,2	+ 4,4	1.815,8
5	Овощи и фрукты.	416,7	76,2	3,8	77,6	—	—	— 12,5	561,8
6	Мясо, сало, птица.	143,6	88,9	2,8	—	—	—	— 2,8	232,5
7	Молочные	937,4	325,6	—	—	—	—	+ 128,5	1.391,5
8	Яйца	7,9	8,3	—	—	—	—	+ 9,4	25,6
9	Рыба свежая	88,2	19,5	2,2	(5,0)[2]	—	—	— 20,7	94,2
10	Сено	—	—	—	4.682,8	—	—	—	4.682,8
11	Солома	1.587,2[1]	—	—	6.930,0	—	—	—	7.517,2

Сопоставим теперь данные по прямым показаниям с исчисленными по расходу.

Таблица № 9

Сельско-хозяйств. продукция 1913 г. по данным о расходе и по прямым показаниям (в границах 1923 г.)

(в миллионах пудов)

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	По данным о расходе				По прямым показаниям	Графа 6-я в % % к гр. 7-й
		Потреблен.	Скрытые запасы	Видимые запасы	ВСЕГО		
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Зерновые	5.063,2	338,8	200,0	5.602,0	5.690,1	98,5
2	Бобовые	58,3	—	—	58,3	57,8	100,9
3	Масличные	141,9	—	—	141,9	140,7	100,7
4	Картофель	1.815,8	—	—	1.815,8	1.827,6	99,4
5	Овощи и фрукты	561,8	—	—	561,8	—	—
6	Мясо, сало, птица	232,5	—	—	232,5	204,1	113,9
7	Молочные	1.391,5	—	—	1.391,5	1.247,5	111,5
8	Яйца	25,6	—	—	25,6	—	—
9	Рыба свежая	94,2	—	—	94,2	96,9	97,2
10	Сено	4.682,8	—	—	4.682,8	3.282,0	142,5
11	Солома	7.517,2	—	—	7.517,2	7.517,2	—

[1] Израсходовано на топливо и строительные нужды.
[2] Прокорм ездовых собак.

Скрытые хлебные запасы нами определены в размере двухмесячного потребления сельского населения (2008,7 : 6 = 334,8).

Видимые запасы по сводкам ЦСК равнялись 130,0 милл. пудов. Так как до революции учет видимых хлебных запасов производился неполно, особенно в отношении грузов транспорта; не включались также в сводки хлебные запасы армии и совершенно не учитывались крупяные хлеба и крупы, мы нашли возможным повысить цифру видимых запасов до 200,0 милл. пудов.

Из приведенной таблицы видим, что невязка данных, исчисленных различными методами по всем продуктам, за исключением мяса, молока и сена, весьма невелика. Принимая же во внимание возможность отклонения в наших расчетах в сторону переучета или недоучета до 10%, можно с расхождением в 1,5-2,0% совершенно не считаться.

Разберемся, чем вызвано расхождение по мясу, молоку и сену.

Причину невязки по первому продукту следует искать, с одной стороны, в несоответствии по мясу, бюджетного двора с двором средним, а с другой стороны—в недоучете скота. Этим же объясняется и невязка по молоку.

Можно было бы ввести поправку на количество скота в 5-7%, но из осторожности остановимся на данных по прямым показаниям, как на минимальных.

Невязку по сену следует всецело отнести за счет недоучета ЦСК, определившего весь сбор в 3.282 милл. пудов, что составляет на 1 голову взрослого скота всего лишь 44,5 пуда, тогда как кормовая дача равнялась 63,5 пуда.

Произведенное выше сопоставление дает нам основание построить весь расчет валовой продукции по прямым показаниям. Исключение представляют только овощи, яйца и сено, исчисленные по расходу, ввиду явного недоучета ЦСК.

Теперь из общей суммы продукции сельского хозяйства попробуем по данным о расходе выделить товарную часть.

Предваряем—все последующие расчеты относятся к России в довоенных границах.

Начнем с потребления города.

Население городов и поселений городского типа в 1913 году по ЦСК равнялось 30,9 милл. душ. Если мы воспользуемся нормами потребления по Кабо, то получим следующую таблицу потребления городского населения.

Таблица 10-я

Потребление городского населения России

(по Кабо)

(в милл. пуд.)

Зерновые и бобовые	Картофель	Овощи и фрукты	Мясо, сало и птица	Молочные	Яйца	Рыба свежая
1	2	3	4	5	6	7
381,3	208,3	76,2	111,5	138,4	15,2	17,7

Но в данные Кабо нами внесена, отмеченная выше, поправка на дифференциацию населения, сильно снижающая потребление ряда продуктов. С применением этой поправки таблица изменится следующим образом.

Таблица 11-я

Потребление городским населением продуктов питания по нормам Кабо

(с поправкой на дифференциацию населения)

№№ по пор.	Наименование товаров	Годовая норма на 1 душу (в пуд.)	Всего потреблено (в милл. пуд.)	Цена за пуд (в рублях)	Стоимость (милл. руб.)
1	2	3	4	5	6
1	Зерновые и бобовые . .	15,9	491,3	0,875	429,9
2	Картофель	6,4	198,0	0,26	51,5
3	Овощи и фрукты	3,0	92,7	0,95	88,1
4	Мясо, сало, птица . . .	3,5	108,2	5,10	551,8
5	Молочные	12,7	392,4	0,80	313,9
6	Яйца	0,3	9,3	4,68	43,5
7	Рыба свежая	0,75	24,1	2,16	52,1
	Всего	—	—	—	1.530,8

Перейдем к следующей группе потребителей. Армия исчислена, по данным военного министерства, без офицерского корпуса, в 1280,0 тысяч человек.

Раскладочные нормы взяты по данным главного интендантского управления и являются средним для мирного времени для всех родов оружия и для всех районов.

Таблица № 12

Потребление армией продуктов питания

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВ	Годовая раскладочная норма (в пудах)	Всего потреблено (в милл, пуд.)	Цена за пуд (в руб.)	Стоимость (в милл. пуд.)
1	2	3	4	5	6
1	Зерновые и бобовые	25,1	31,9	0,72	22,7
2	Картофель	4,8	6,2	0,26	1,6
3	Овощи и фрукты	3,2	4,2	0,65	2,8
4	Мясо и сало	2,3	3,0	5,10	15,3
5	Рыба свежая	1,8	2,4	2,16	5,0
	Всего	—	—	—	47,4

Потребление городского скота исчислено нами на основании следующих данных. По военно-конской переписи 1912 года число лошадей в городах

достигло 662,2 тысяч голов, а армейских лошадей по данным военного министерства за 1913 год—221,2 тысяч.

Данных о числе городского крупного рогатого скота не имеется, но по экспертным заключениям следует считать, что число городского скота колебалось от 1,1 милл. до 1,5 милл. голов. Из осторожности остановимся на первой цифре—1,1 милл. голов.

Нормы кормовых дач лошади взяты по данным военного министерства. Дача рогатому скоту—по экспертным данным.

Таблица № 13

Потребление городским скотом продуктов сельского хозяйства

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	Годовая норма (в пуд.)	
		Лошади	Крупный рогатый скот
1	2	3	4
1	Сено	91,2	57,8
2	Солома	41,1	52,6
3	Зерно и мука в переводе на зерно	109,5	12,0
4	Картофель и корнеплоды	—	6,0

Пользуясь приведенными данными, построим следующую таблицу:

Таблица № 14

Потребление городского скота

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	Всего потреблено (в милл. пуд.)	Цена за пуд (в милл. руб.)	Стоимость (в милл. руб.)
1	2	3	4	5
1	Зерновые	109,9	0,76	83,5
2	Картофель	6,6	0,26	1,7
3	Сено	144,1	0,30	43,2
4	Солома	94,1	0,10	9,4
	Всего	—	—	137,8

Потребление промышленностью сельско-хозяйственного сырья нами исчислено следующим образом.

По данным Воробьева [1] крупной промышленностью потреблено в 1913 г., в границах СССР, на 1374,5 милл. рублей сельско-хозяйственного сырья. Из этой суммы надо вычесть стоимость муки—678,0 милл. рублей и стоимость лесоматериала — 134,4 милл. рублей. Остается, таким образом, 562,1 милл.

[1] Сборник статистических сведений за 1918-1923 год. Изд. ЦСУ.

рублей (1374,5 — (678,0 + 134,4). Данные эти относятся к России в современных границах.

Для перевода из границ современных в границы довоенные применим коэффициент 83,3. Получим 674,5 милл. рублей. Если из этой суммы вычтем стоимость импортного сырья—264,0 милл. рублей, исходя из предположения, что все импортное сырье потребляется крупной промышленностью, то определим, что русского сырья крупная промышленность потребляла на 410,5 милл. рублей (674,5-264,0).

Но так как у Воробьева все цены на сырье взяты потребительские, а мы в нашей работе оперируем только ценами производителя, то исчисленную сумму следует снизить процентов на 25. Получим 299,8 милл. рублей (410,5-110,7).

Перейдем к мелкой промышленности. По исчислению Госплана, [1] мелкой промышленностью в довоенных границах потреблено сельско-хозяйственного сырья на 367,4 милл. рублей. Сбросив с этой суммы 13,5%, для перевода в цены производителя, получим 317,8 милл. рублей.

Таким образом, потребление промышленностью сельско-хозяйственного сырья исчисляется нами в 617,6 милл. рублей (299,8 + 317,8).

Теперь о потреблении дров и делового леса. По исчислению Е. М. Тарасова [2] довоенная норма потребления дров городским населением равнялась 0,20 куб. сажени. Исчисляя городское население в 30,9 милл. душ, получим общее потребление дров в 6,2 милл. куб. саженей. По тем же исчислениям Е. М. Тарасова стоимость куба дров на корню равнялась 7,29 рублям, а рубка, пилка и вывоз из леса — 9,22 руб. Установив стоимость куб. сажени дров в 16,51 руб., мы все потребление городского населения оцениваем в 102,36 милл. рублей (6,2 × 16,51).

Потребление городом делового леса исчислено, по данным Четыркина, [3] в 1,8 милл. куба. Считая цену куба леса делового в 11,43 рубля, а пилку и вывоз из леса в 9,22 рубля, определяем стоимость всего потребления в 37,17 милл. рублей (1,8 × 20,65).

Транспортом, по данным Е. М. Тарасова, потреблено дров на 25,2 милл. рублей, а промышленностью, по тем же данным—на 74,6 милл. рублей.

Леса делового, по данным Воробьева, потреблено крупной промышленностью на 134,4 милл. рублей, а мелкой—на 33,8 милл. рублей. Всего на 168,2 милл. рублей. Сбросив с этой суммы 27% для перевода с цены потребителя в цены производителя, получим 117,8 милл. рублей.

В заключение представим потребление дров и лесного материала в следующей таблице:

Таблица № 15

№№ по пор.	Наименование материалов	Потреблено			Всего (в милл. кубов)	Цена за кубо-сажень	Стоимость (в милл. руб.)
		городским населением (в милл. кубов)	транспортом (в милл. кубов)	промышленностью (в милл. кубов)			
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Дрова	6,2	1,5	5,1	12,8	16,51	211,0
2	Лес деловой	1,8	—	5,7	7,1	20,65	146,7

[1] См. статью Б. А. Гухмана: „К исчисл. продук. мелк. пром." Пл. Хоз. № 6. 1924 г.
[2] Е. М. Тарасов: „Лесные богатства и доходы России в 1913 году".
[3] Четыркин: „Опыт оценки городских строений СССР". Бюл. Госплана № 1—2. 1924 г.

Экспорт и импорт сельско-хозяйственных продуктов нами исчислен по данным таможенной статистики. Экспорт леса делового—по данным железнодорожных и водных перевозок.

Таблица № 16

Экспорт и импорт сельско-хозяйственных товаров

(в милл. рублей)

№№ по пор.	Наименование товаров	Чистый экспорт	Чистый импорт
1	2	3	4
1	Зерновые и бобовые	476,9	—
2	Картофель	1,1	—
3	Овощи и фрукты	—	11,9
4	Мясо, сало, птица	—	14,3
5	Молочные	102,8	—
6	Яйца	44,0	—
7	Рыба свежая	—	44,7
8	Сельско-хозяйственное сырье	193,0	—
9	Деловой лес	32,7	—
	Всего	850,5	70,9

Составим теперь сводную таблицу расхода.

Таблица № 17

№№ по порядку	Наименование товаров	Потреблено: Городским населением	Армией	Городским скотом	Транспортом	Промышленностью	Экспорт + Импорт —	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Зерновые и бобовые	429,9	22,7	83,5	—	—	+436,9	973,0
2	Картофель	51,5	1,6	1,7	—	—	+ 1,1	55,9
3	Овощи и фрукты	88,1	2,8	—	—	—	− 11,9	79,0
4	Мясо, сало, птица	551,8	15,3	—	—	—	− 14,3	552,8
5	Молочные	313,9	—	—	—	—	+102,8	416,7
6	Яйца	43,5	—	—	—	—	+ 44,0	87,5
7	Сено, солома	—	—	52,6	—	—	—	52,6
8	Рыба свежая	52,1	5,0	—	—	—	− 44,7	12,4
9	Сельско-хозяйственное сырье	—	—	—	—	617,6	+193,0	810,6
	Итого 1-9	1.530,8	47,4	137,8	—	617,6	+706,9	3.040,5
10	Топливо (дрова)	102,2	—	—	25,2	74,6	—	202,0
11	Деловой лес	37,9	—	—	—	117,8	+ 32,7	188,4
	Итого 10-11	140,1	—	—	25,2	192,4	+ 32,7	390,4
	Всего 1-11	1.670,9	47,4	137,8	25,2	810,0	+739,6	3.430,9

Остается исчислить внутри-крестьянский оборот. По Литошенко,[1] население производящих губерний приобретало сельско-хозяйственных продуктов на 1 хозяйство в год на 60,8 рублей, в том числе на покупку скота затрачивалось 22,8 рубля. Всего по производящему району по переписи 1916 года было 14.623,0 тысяч хозяйств.

Таким образом, расход сельского населения этого района на приобретение сельско-хозяйственных продуктов выразится в сумме 888,6 милл. руб. (в том числе на покупку скота 332,9 милл. рублей). В потребляющих губерниях крестьянство затрачивало 88,6 рублей на 1 хозяйство, из них 9,4 рублей на приобретение скота. Хозяйств этого района насчитывается 5.116,7 тысяч. Расход крестьян выразится в сумме 452,2 милл. рублей (из них 48,0 милл. рублей на скот). Исходя из расчета, что 30% всего закупленного скота идет на убой и учитывается нами в продуктах питания, соответственно снизим сумму расхода на приобретение скота. Получим 190,5 милл. рублей (380,9-190,4).

В итоге затраты сельского населения на приобретение сельско-хозяйственных продуктов исчисляются нами в 1.340,8 милл. рублей, а с указанной выше поправкой—в 1.150,4 милл. рублей.

Теперь подведем итоги товарности продукции сельского хозяйства.

Потребление городского населения	1670,9	милл. рублей.
„ армии	47,4	„ „
„ городского скота	137,8	„ „
„ транспорта	25,2	„ „
„ промышленность	810,0	„ „
Чистый экспорт	739,6	„ „
Внутри-крестьянский оборот	1150,4	„ „
Всего	4581,3	милл. рублей.

Итак, товарная доля продукции сельского хозяйства исчислена нами в 4581,3 милл. рублей, что составляет 32,4 всей продукции.[2]

Представляет интерес выявить процент товарности отдельных продуктов. Для этого надо расшифровать внутри-крестьянский оборот. К сожалению, полностью сделать этого не удалось, так как разработанных данных о довоенном составе внутрикрестьянского оборота не имеется.

Попробуем в целях прикидки воспользоваться данными бюджетов 1922/23 годов, предполагая, что современный состав оборота крестьянского рынка не слишком резко отличается от довоенного.

В Статистическом Ежегоднике за 1922/23 годы приводятся по двенадцати районам данные расхода сельского населения на 1 хозяйство.

Перечислив расход с одного хозяйства на душу и взвесив по населению каждого из районов, получим следующую таблицу.

---

[1] „Народное хозяйство СССР в цифрах". Краткий справочник, изд. ЦСУ. 1924 г.

[2] Без поправки, внесенной нами при исчислении потребления городского населения, на дифференциацию его, товарная часть сельско-хозяйственной продукции увеличится до 4845,4 милл. рублей, или 34,0% всей продукции.

Таблица № 18

Внутри-крестьянский оборот 1922/23 годов

№№ по порядку	РАЙОНЫ	Население (милл.)	Расход на 1 душу (в рублях) на приобретение: продуктов полеводства	продуктов луговодства	продуктов животноводства	Скота	Всего израсходов. (в милл. рублей) на приобретение: продуктов полеводства	продуктов луговодства	продуктов животноводства	Скота
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Северный . . .	2,00	4,46	0,85	0,67	1,58	8,9	1,7	1,3	3,2
2	Сев.-западный . .	3,96	5,50	0,85	0,37	1,43	21,8	3,4	1,5	5,7
3	Белоруссия . . .	6,76	6,44	0,73	0,53	2,06	43,4	4,5	3,8	12,9
4	Центр.-промышл. .	9,37	5,05	2,08	0,24	1,24	47,4	19,5	2,2	11,6
	Итого по потребл.	22,09	5,51	1,27	0,38	1,46	121,5	29,1	8,8	33,4
	Тоже в %/% . . .	—	—	—	—	—	63,0	15,1	4,6	17,3
5	Центр.-Землед. . .	15,60	4,22	0,54	0,46	2,04	65,7	8,4	7,2	31,8
6	Приуральский . .	7,29	2,78	1,43	0,51	1,12	20,7	10,5	3,7	8,2
7	Уральский	3,59	3,19	0,90	0,98	1,99	11,4	3,2	3,5	7,1
8	Волжский	17,69	4,21	0,78	0,60	2,99	74,4	13,8	10,6	52,8
9	Юго-восточный .	8,20	4,14	0,06	0,19	3,52	33,9	0,5	1,6	29,0
10	Украинский . . .	22,04	5,34	0,46	0,76	2,84	117,9	10,2	16,8	62,7
11	Крымский	1,52	4,95	1,46	1,79	5,78	7,4	2,2	2,7	8,8
12	Сибирский	6,74	3,68	1,15	0,62	2,06	24,8	6,8	4,2	13,9
	Итого по произв. .	82,67	4,32	0,67	0,61	2,59	356,2	55,6	50,3	214,3
	Тоже в %/% . . .	—	—	—	—	—	52,6	8,2	7,4	31,8
	Всего 1-12	104,76	4,56	0,81	0,55	2,36	477,7	84,7	59,1	247,7
	Тоже в %/% . . .	—	—	—	—	—	54,8	9,8	6,9	28,5

Из приведенной таблицы видно, что в 1922/23 году сельское население затрачивало на приобретение продуктов полеводства 54,8%, луговодства—9,8%, животноводства—6,9% и на приобретение скота—28,5% расхода на приобретение продуктов сельского хозяйства.

Если мы теперь применим эти соотношения к данным внутри-крестьянского оборота довоенного периода, то получим следующие результаты:

	в %/%	в абсолют.
Расход на продукты полеводства	54,8	735,7 милл. рубл.
„ „ луговодства	9,8	131,5 „ „
„ „ животноводства	6,9	92,6 „ „
„ на приобретение скота	28,5	381,0 „ „
Всего . . .	100%	1340,8 милл. рубл.

Здесь интересно отметить, что исчисленные различными методами цифры расхода на приобретение скота дают полное совпадение. По довоенным бюджетам население затрачивало на приобретение скота 380,9 милл. рублей.

Применив % расхода на скот в 1923/24 году к довоенной сумме расхода, получаем ту же цифру—381,0 милл. рублей.

Произведенный расчет дает возможность установить товарную часть по четырем группам сельского хозяйства: полеводству, луговодству, животноводству и лесоводству.

Таблица № 19

Товарная часть сельско-хозяйственной продукции 1913 года

(в милл. рубл.)

№№ по порядку	Наименование товара	Потребление: Городского населения	Армии	Городского скота	Транспорта	Промышленности	Чистый экспорт	Внутри-крестьянский оборот	Всего	Валовая продукция	%/% товарности
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Продукты полеводства	569,5	27,1	85,2	—	555,9	557,5	735,7	2540,2	8079,2	31,4
2	„ луговодства	—	—	52,6	—	—	—	131,5	174,8	1697,5	10,3
3	„ животноводства и рыболовства	961,3	20,3	—	—	61,7	149,4	283,2	1475,9	3372,2	43,7
4	Продукты лесоводства	140,1	—	—	25,2	192,4	32,7	—	390,4	974,4	40,2
	Итого . . .	1670,9	47,4	137,8	25,2	810,0	739,6	1150,4	4581,3	14123,3	32,4

Интересно сопоставить наше исчисление товарной части с исчислениями Прокоповича,[1] который, считая чистую продукцию по 50 губерниям в 6360,2 милл. рублей, определил товарную долю ее в 2059,7 милл. рублей, т. е. в 32,2%.

Но для сопоставимости данных необходимо, с одной стороны, исключить из подсчитанной нами товарной доли внутри-крестьянский оборот, как неучтенный Прокоповичем, снизив таким образом товарную часть до 3470,9 рублей или 24,4% ко всей сумме продукции, а с другой стороны внести некоторые поправки и в исчисление Прокоповича. Последний исчисляет процент товарности чистой продукции сельского хозяйства за вычетом стоимости семян. Нами же он исчислен от валовой продукции.

Поэтому, к исчисленной Прокоповичем продукции, надо прибавить стоимость семян—670 милл. рублей.

Кроме того в сумму дохода от сельского хозяйства им внесена только товарная часть сена и соломы 35,1 милл. рублей, в то время как весь доход от сена и соломы по 50 губерниям равняется 1300 милл. рублей (при цене 30 копеек за пуд сена и 10 копеек за пуд соломы).

Таким образом и валовая продукция у него повысится до 8315,1 милл. рублей (6360,2+690,0+1300,0—35,1=8315,1).

Так как стоимость сена и соломы взяты нами по ценам производителя, то соответственно снизим в исчислениях Прокоповича и стоимость товарной части этих продуктов. Получим вместо 35,1 милл. рублей—21,0 милл. рублей

[1] Прокопович: „Опыт исчисления народного дохода по 50 губерниям".

Внесенные нами поправки снижают исчисленный Прокоповичем процент товарности с 32,2% до 24,6%.

Таблица № 20

Товарность продуктов сельского хозяйства по Прокоповичу

	Без поправки			С поправкой Госплана		
	Весь доход (в милл. руб.)	Товарная доля (в милл. руб.)	Процент товарности	Весь доход (в милл. руб.)	Товарная доля (в милл. руб.)	Процент товарности
1	2	3	4	5	6	7
Сельское хозяйство . . .	6360,2	2053,7	32,2	8315,1	2039,7	24,6
В том числе:						
сено и солома	35,1	35,1	100,0	1300,0	21,0	16,2

Как видим, процент товарности, определенный Прокоповичем по материалам железнорожных и водных перевозок, почти совпадает с нашим исчислением, произведенным по данным о расходе.

Для сравнения с исчислениями других авторов мы произвели еще учет сельскохозяйственной продукции России за 1895 г. (см. приложение). Это позволяет сравнить товарность продукции 1913 г. с 1895 г. Малочисленность и разрозненность статистических данных за этот год вызывает необходимость более тщательного и глубокого обследования. За недостатком времени мы не смогли проделать всей этой работы, а потому сейчас даем только предварительные данные, оставив за собою право их дальнейшего уточнения.

Городское население 1895 года исчислено, исходя из данных переписи 1897 года, в 18,1 милл. душ. Нормы питания взяты те же, что и для 1913 г., т. е. средние довоенные. Численность армии определена в 0,7 милл. душ. Питание ее дано по нормам военного министерства. Нормы эти для 1895 г. высоки, но более ранних данных достать не удалось. Данных о числе городского скота также не имеется, пришлось исчислить его по городскому населению, что даст 1,2 милл. голов. На основании приведенных расчетов получим следующую таблицу (см. табл. 21).

Не было также в нашем распоряжении данных о размерах потребления сельско-хозяйственного сырья промышленностью. Попробуем сделать следующую прикидку.

Товарооборот крупной промышленности в 1913 году равнялся 5.620 милл. рублей, а мелкой—1.395 милл. рублей. За этот же год сельско-хозяйственного сырья было потреблено крупной промышленностью на 493 милл. рублей (по ценам производителя) или 8,8% всего товарооборота, а мелкой—на 318 милл. рублей, или 22,8%.

Товарооборот промышленности 1895 года, по исчислению С. Г. Струмилина,[1] равнялся: крупной 2.189 милл. рублей, а мелкой 290 милл. рублей

Если предположить, что процент затрат на сельско-хозяйственное сырье. резко не менялся, то получим, что в 1895 году крупной промышленностью было затрачено на приобретение сельско-хозяйственного сырья 192 милл. рублей, а мелкой—66 милл. рублей. Всего—258 милл. рублей. А так как в 1895 году было ввезено в Россию сельско-хозяйственного сырья на 85 милл.

рублей, то, следовательно, русского сырья промышленность потребила на 173 милл. рублей.

Чистый вывоз сельско-хозяйственных продуктов исчислен нами в 421,4 милл. рублей (вывоз 584,5 милл. рублей, ввоз 163,1 милл. рублей), что в переводе на цены производителя дает 336,8 милл. рублей.

Товарность леса, за неимением данных, пришлось исчислить по проценту 1913 года.

Внутри-крестьянский оборот 1895 года исчислен по проценту внутрикрестьянского оборота 1913 года к общей сумме стоимости продукции сельского хозяйства того же года.

Таблица № 21

Товарная часть сельско-хозяйственной продукции 1895 года

(в милл. рублей)

№№ по пор.	ТОВАРЫ	Потребление			Итого
		Городского населения	Армии	Городского скота	
1	2	3	4	5	6
1	Зерновые и бобовые . .	118,0	7,3	26,8	152,1
2	Картофель	16,2	0,5	0,5	17,2
3	Овощи и фрукты	40,7	1,6	—	42,3
4	Мясо, сало, птица . . .	166,1	4,2	—	170,3
5	Молочные	137,5	—	—	137,5
6	Яйца	17,2	—	—	17,2
7	Сено и солома	—	—	18,9	18,9
8	Рыба свежая	24,5	2,3	—	26,8
	Итого 1-9 .	520,2	15,9	46,2	582,3

Сопоставляя теперь данные 1895 года о валовой продукции и товарной части ее с соответствующими данными по 1913 году, видим, что товарная часть, составляя в 1895 году 31,9% всей продукции, а в 1913 году—32,4%, за 18 лет относительно увеличилась очень мало. Но мы пока воздержимся от соответствующих выводов, так как поскольку исчисление продукции 1913 года и ее товарной части, произведенное нами по прямым показаниям и проверенное балансовым методом, дает основание предполагать о близости его результатов к действительности, с той, понятно, степенью приближения, которая возможна при довоенном уровне статистики, настолько исчисление 1895 года произведено при наличии небольшого количества статистических данных, опираясь преимущественно на данные прикидочного характера.

Таблица № 22

Товарная часть сельско-хозяйственной продукции 1895 г.

(в границах бывшей Империи) (в милл. рублей)

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВ	Потребление					Экспорт + Импорт —	ВСЕГО
		Городского населения	Армии	Городского скота	Транспорта	Промышленности		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Зерновые и бобовые . .	118,0	7,3	26,8	—	—	+ 227,6	379,7
2	Картофель	16,0	0,5	0,5	—	—	—	17,2
3	Овощи и фрукты	32,8	1,3	—	—	—	— 5,7	28,4
4	Мясо, сало, птица . . .	166,1	4,2	—	—	—	+ 0,7	171,0
5	Молочные	95,7	—	—	—	—	+ 1,2	96,9
6	Яйца	17,2	—	—	—	—	+ 4,5	21,7
7	Сено, солома	—	—	18,9	—	—	—	18,9
8	Рыба свежая	24,5	2,3	—	—	—	— 10,5	16,3
9	Сельско-хозяйственное сырье	—	—	—	—	173,0	+ 119,0	292,0
	Итого 1-9	470,5	15,6	46,2	—	173,0	+ 336,8	1.042,1
10	Дрова и деловой лес . .	—	—	—	—	—	—	203,3
	Итого 1-10	—	—	—	—	—	—	1.242,4
	Внутри-крестьянский оборот	—	—	—	—	—	—	495,0
	Итого	—	—	—	—	—	—	1.737,4
	За вычетом 50% стоимости приобретенного сельским населением скота (71,0 милл. руб.)	—	—	—	—	—	—	1.666,4
	То же в %% к общей стоимости сельско-хозяйственной продукции 1895 года (5.230 милл. рублей)	—	—	—	—	—	—	31,9

Обратимся теперь к исчислениям валовой продукции В. Морачевского и А. Вайнштейна. [1]

Правда, в печати еще изредка появлялись цифры довоенного дохода от сельского хозяйства в исчислениях ЦСУ.

Однако о природе этих цифр судить трудно, так как ни методов исчисления, ни даже того, что ЦСУ понимает под словом „продукция", в этих работах найти нельзя. Кроме того, данные ЦСУ очевидно переживают еще „болезнь роста", так как довольно резко меняются при каждом своем появлении.

[1] В. Морачевский: „Аграрная помощь в России". Изд. Департамента Земледелия 1914 года.
А. Л. Вайнштейн: „Место сельского хозяйства в народном хозяйстве России".

Несколько слов об исчислениях Морачевского. Валовая продукция сельского хозяйства в 1910 году исчислена им, в довоенных границах, в 9516,5 милл. рублей (без торфа).

Нами он определен в 12161,3 милл. рублей (приложение № 8), причем для своих исчислений мы пользовались теми же источниками, что и Морачевский.

Для того, чтобы нерейти от 1910 года к 1913, будем исходить из среднего ежегодного прироста (за период 1895-1910 г.г.) в 5,6%. Получим размер валовой продукции для 1913 года—по исчислениям Морачевского—в 11206,4 милл. рублей, а по исчислениям Госплана—в 14140,0 милл. рублей против 14123,3 милл. рублей, исчисленных Госпланом для 1913 года самостоятельно.

Как видим, навязка между двумя исчислениями Госплана незначительна—всего на 0,01%, в то время, как расхождение в исчислениях Морачевского и Госплана достигает 20,8%.

В условиях пользования для расчетов одним и тем же материалом расхождение это следует отнести за счет различных методов исчислений. Так, Морачевский, беря сбор по данным ЦСК, не вносит в него поправки на недоучет. Низка у него также цифра сбора картофеля, так как им совершенно не учтен картофель усадебный. Сильно у него преуменьшена мясная продукция и т. д. [1]

Наиболее близок к исчислениям Госплана подсчет, произведенный А. Вайнштейном, но и здесь приходится констатировать ряд существенных невязок, происшедших преимущественно за счет недоучета А. Вайнштейном посевных площадей и сбора зерновых хлебов и отчасти за счет излишней доверчивости к исчислениям Морачевского, большинство данных которого он берет без поправок.

Сопоставим теперь все три исчисления, приведя их к 1913 году в границах СССР.

(в милл. рублей)

	Валовая продукция	За вычетом семян и корма скоту
По Морачевскому	9345,9	6081,5
„ Вайнштейну [2]	10494,4	7308,8
„ Статбюро Госплана	11939,8	8454,7

Теперь сравним полученные цифры по расчету на 1 хозяйство и на душу и сопоставим их с бюджетными данными.

Таблица № 23

	Продукция на 1 хозяйство (в рублях)	
	Валовая	Условно-чистая
По Морачевскому	617,4	401,8
„ Вайнштейну	707,2	480,9
„ Статбюро Госплана	785,5	556,2
„ Бюджетам	807,6	565,0

[1] Подробно см. приложение № 8.
[2] Для получения сопоставимых данных прибавим к исчислениям А. Вайнштейна стоимость лесоводства, рыболовства и пушнины и исключим стоимость лошадей.

Таблица № 24

	Продукция на душу (в рублях)	
	Валовая	Условно-чистая
По Морачевскому	82,6	53,8
„ Вайнштейну	94,6	46,8
„ Статбюро Госплана	105,8	75,7
„ Бюджетам	108,7	74,8

Из приведенных таблиц видим, что наиболее близкими к бюджетным данным являются исчисления Статбюро Госплана. А если мы примем во внимание, что бюджетные несколько преувеличены, то тогда расчеты Статбюро можно будет признать наиболее близкими к действительным.

Представляет интерес сопоставление данных довоенного и современного дохода от сельского хозяйства. Стоимость сельско-хозяйственной продукции 1922/23 хозяйственного года определена Е. Громан [1] в 8274,0 милл. руб. по ценам 1913 г. Сопоставив с нашим исчислением, получим:

	(в милл. рублей по ценам 1913 года)	
	Валовая	За вычетом семян и корма скоту
Доход в 1913 году	11939,8	8454,7
„ в 1922/23 году	8274,0	5955,0
1922/23 г. в % к 1913 г.	—	71

Таким образом, уже в 1922/23 году продукция сельского хозяйства составляет 71% довоенной.

Приведенный расчет подкрепляет существующее в экономической литературе предположение, что современная продукция сельского хозяйства составляет 70-75% довоенной. [2]

[1] См. статью Е. Громан: „Современная сельско-хозяйственная продукция".

[2] Выступивший с опровержением этого предположения А. Вайнштейн, на основании произведенного им расчета, утверждает, что сельское хозяйство 1922/23 года дало дохода в среднем только около 50% довоенного. Его вывод неправилен, так как построен на основании „небольшой" ошибки. Доход 1922/23 года он сопоставил с доходом 1913 г. в довоенных границах.

Приложение № 1-б

Сельско-хозяйственная продукция 1913 года

(по прямым показаниям)

№№ по пор.	Наименование продуктов	Единицы меры	В дореволюционных границах				В границах 1923 года			
			Количество (в милл.)	Цена за единицу (в руб.)	Стоимость (в милл.)	в % к общ. итогу	Количество (в милл.)	Цена за единицу (в руб.)	Стоимость (в милл.)	В % к общ. итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	В Продукты животноводства, птицеводства, пчеловод. и шелковод.		—	—	3.113,3	20,8	—	—	2.712,9	21,0
	I. Продукты животноводства		—	—	2.849,5	18,9	—	—	2.483,6	19,0
1	Мясо	пудов	161,3	4,40	711,8	5,0	140,5	4,40	620,0	5,3
2	Свинина	„	32,1	5,37	172,1	1,2	27,5	5,37	147,7	1,2
3	Сало свиное	„	32,1	7,35	235,3	1,7	27,5	7,35	202,1	1,7
4	Молоко	„	1.780,0	0,80	1.422,6	8,8	1.551,9	0,80	1.241,5	8,5
5	Кожи разные	штук	35,9	4,38	157,6	1,1	31,2	4,38	136,8	1,1
6	Овчина	„	39,4	0,90	35,4	0,3	35,6	0,90	32,0	0,3
7	Шерсть	пудов	7,4	13,45	100,4	0,7	6,7	13,45	90,7	0,8
8	Щетина	„	0,3	38,00	11,4	0,1	0,3	38,00	9,8	0,1
9	Волос конский	„	0,2	15,00	2,9	—	0,17	15,00	2,5	—
	II. Продукты птицеводства		—	—	238,2	1,7	—	—	206,8	1,8
10	Птица	пудов	10,3	7,60	78,3	0,6	8,6	7,60	73,1	0,6
11	Яйца [1]	„	33,5	4,68	156,8	1,1	28,0	4,68	131,1	1,2
12	Перо и пух	„	—	—	3,1	—	—	—	2,6	—
	III. Продукты пчеловодства		—	—	18,5	0,1	—	—	16,1	0,1
13	Мед	пудов	2,0	7,15	14,2	0,1	1,7	7,15	12,4	0,1
14	Воск	„	0,2	18,6	4,3	—	0,2	18,6	3,7	—
	IV. Продукты шелководства		—	—	7,1	1,5	0,5	13,0	6,9	0,1
15	Грена и кокон	пудов	0,6	13,0	7,1	0,5	0,5	13,0	6,9	0,1
	Г Продукты рыболовства и звероловства		—	—	258,9	1,8	—	—	244,2	2,1
16	Рыба свежая	пудов	103,0	2,16	224,0	1,6	96,9	2,16	209,3	1,8
17	Пушнина	штук	21,0	1,66	34,9	0,2	21,0	1,66	34,9	0,3
	Итого по В и Г.				3.372,2	22,6			2.957,1	23,1
	А Продукты полевод., огородн. садовод. и луговодства				9.776,7	70,5			8.170,7	70,1
	Б Продукты лесоводства				974,4	6,9			812,0	0,9
	Всего по А, Б, В и Г.				14.123,3	100,0			11.939,8	100,0

[1] Яйца исчислены по потреблению.

Приложение № 1-а

Сельско-хозяйственная продукция 1913 года

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	В дореволюционных границах						В границах 1923 года					
		Количество десятин (в милл.)	Средний урожай с десятины (в пуд.)	Валовой сбор (в милл. пудов)	Цена за единицу (в рублях)	Стоимость (в милл. рублей)	В %/% к общему итогу	Количество десятин (в милл.)	Средний урожай с десятины (в пуд.)	Валовой сбор (в милл. пуд.)	Цена за единицу (в рублях)	Стоимость (в милл. рублей)	В %/% к общему итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	А												
	Продукты полеводства, огородничества садоводства и луговодства	—	—	—	—	9.776,7	70,5	—	—	—	—	8.170,7	70,0
	I. Продукты полеводства	—	—	—	—	7.136,7	51,4	—	—	—	—	6.035,1	51,7
1	Зерновые	105,6	62,7	6.614,8	0,76	5.032,8	35,8	92,9	61,3	5.690,1	0,77	4.385,4	37,2
	а) рожь	30,7	60,6	1.861,3	0,73	1.358,8	9,8	26,0	59,2	1.535,5	0,72	1.108,9	9,4
	б) пшеница	33,4	60,6	2.025,6	0,91	1.842,1	13,1	31,5	59,3	1.868,9	0,93	1.738,7	14,8
	в) овес	19,7	66,9	1.316,4	0,66	868,3	6,2	17,0	66,2	1.123,6	0,66	737,1	6,2
	г) ячмень	13,6	69,7	948,2	0,68	644,8	4,5	11,3	68,7	779,7	0,68	530,3	4,5
	д) гречиха	2,2	38,9	86,0	0,75	64,5	0,5	2,0	38,5	75,9	0,75	56,9	0,5
	е) просо	3,6	54,5	195,1	0,65	126,8	0,9	3,5	54,0	189,0	0,65	122,9	1,0
	ж) кукуруза	2,1	72,3	154,1	0,61	94,0	0,7	1,3	69,2	89,4	0,64	57,6	0,5
	з) рис	0,2	93,0	23,0	1,30	29,9	0,2	0,2	93,0	23,0	1,30	29,9	0,3
	и) джугара	0,1	83,1	5,1	0,62	3,1	—	0,1	83,1	5,1	0,62	3,1	—
2	Бобовые	1,5	53,1	78,1	1,12	87,5	0,6	1,1	53,1	57,5	1,12	64,4	0,5
3	Картофель полевая	4,5	490,6	2.191,3	0,24	525,9	4,1	2,8	445,1	1.245,2	0,24	297,8	2,8
4	Подсолнух	0,9	51,0	45,0	1,15	51,8	0,4	0,8	56,0	42,0	1,15	48,3	0,4
5	Лен семянной	1,75	30,1	52,5	1,32	69,3	0,5	1,45	29,1	42,2	1,31	55,2	0,5
6	Конопля семянная	0,7	47,5	33,3	1,07	35,6	0,5	—	47,7	—	1,07	32,9	0,5
7	Семя хлопковое	0,5	37,6	19,1	—	—	—	0,5	37,6	19,1	—	—	—
8	Прочие масляные	0,1	30,7	4,5	1,15	5,2	—	0,1	32,0	4,3	1,15	4,9	—
9	Лен волокно	1,34	16,6	22,3	4,77	106,1	0,8	1,13	16,6	18,7	4,77	89,1	0,8
10	Конопля волокно	0,5	33,3	16,5	3,75	62,0	0,5	0,6	23,5	14,1	3,35	47,3	0,5
11	Джута	0,5	56,6	28,3	4,03	116,0	0,8	0,5	56,6	28,8	4,03	116,0	1,0
12	Свекла сахарная	0,7	1.146,0	817,1	0,176	143,8	1,0	0,6	1.105,6	658,6	0,176	115,9	1,0
13	Табак	—	68,1	1,8	8,91	16,4	0,1	—	68,1	1,7	8,91	15,6	0,1
14	Махорка	—	153,7	4,6	1,30	6,0	—	—	150,5	4,6	1,30	6,1	0,1
15	Хмель	—	67,9	0,5	19,0	8,9	0,1	—	—	—	—	1,6	—
16	Чай	—	—	—	—	0,5	—	—	—	—	—	0,5	—
17	Солома	—	—	8.724,8	0,10	872,5	6,2	—	80,6	7,518,2	0,10	751,7	6,4
	II. Продукты огородничества и садоводства	—	—	—	—	942,5	7,0	—	—	—	—	719,9	6,2
18	Картофель огородная	1,2	832,1	1.012,6	0,24	243,3	1,9	0,8	750,0	582,4	0,24	139,8	1,3
19	Овощи и фрукты [1]	—	—	673,7	0,95	640,0	4,6	—	—	565,8	0,95	533,6	4,5
20	Виноград	0,2	141,0	34,8	1,70	459,2	0,5	10,2	161,6	27,3	1,70	46,4	0,4
	III. Продукты луговодства	—	—	—	—	1.697,8	12,0	—	—	—	—	1.415,8	12,0
21	Травы сеянные	2,3	216,9	498,9	0,35	174,6	1,3	1,1	210,8	216,7	0,35	75,8	0,6
22	Сено [1]	545	93,0	5.075,3	0,30	1.522,9	10,8	48,0	93,1	4. 66,2	0,30	1.339,2	11,4
	Б												
	Лесоводство	—	—	—	—	974,4	6,9	—	—	—	—	812,0	6,9
	В												
	Продукты животноводства, птицеводства, пчеловодства и шелководства	—	—	—	—	3.113,3	20,8	—	—	—	—	2.712,9	21,0
	Г												
	Продукты рыболовства и звероловства	—	—	—	—	258,9	1,8	—	—	—	—	244,2	2,1
	Всего по А, Б, В, Г.	—	—	—	—	14.123,3	100,0	—	—	—	—	11.939,8	100

[1] Исчислены по потреблению.

Приложение № 2

Сельско-хозяйственная продукция 1913 года по данным о расходе

(в границах 1923 года) (количество—в милл. пуд., цена—в рублях, стоимость—в милл. руб.)

			Зерновые	Бобовые	Масличные	Картофель	Овощи и фрукты	Мясо, сало, птица	Молочные	Яйца	Рыба свежая	Сено	Солома	Итого по 1 - 11
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ПОТРЕБЛЕНИЕ	Сельского населения	1	Количество	2.008,9	0,26	76,4	986,0	416,7	143,6	937,4	7,9	88,2	—	1.587,2	
		2	Цена . . .	0,79	1,12	1,19	0,26	0,35	5,11	0,80	4,68	2,16	—	0,10	
		3	Стоимость	1.589,7	30,2	90,9	256,4	395,9	733,8	749,9	36,9	190,5	—	158,7	4.232,9
	Городского населения	4	Количество	397,8	5,6	41,3	161,7	76,2	88,9	325,6	8,3	19,5	—	—	
		5	Цена . . .	0,875	1,12	1,19	0,26	1,65	5,11	0,80	4,68	2,25	—	—	
		6	Стоимость	347,6	6,3	49,1	42,1	125,9	454,6	260,5	38,8	48,6	—	—	1.373,5
	Армии	7	Количество	29,0	0,6	2,5	5,8	3,8	2,8	—	—	2,2	—	—	
		8	Цена . . .	0,72	1,12	1,19	0,26	0,95	5,11	—	—	2,16	—	—	
		9	Стоимость	22,1	0,7	3,0	1,5	3,6	14,3	—	—	4,8	—	—	50,0
	Скота	10	Количество	1.112,4	—	—	255,4	77,6	—	—	—	(5,0)	4.682,8	5.930,0	
		11	Цена . . .	0,675	—	—	0,26	0,26	—	—	—	0,86	0,30	0,10	
		12	Стоимость	750,9	—	—	66,4	20,2	—	—	—	4,3	1.404,8	593,0	2.839,6
	Семянной расход	13	Количество	871,0	8,7	20,7	292,3	—	—	—	—	—	—	—	
		14	Цена . . .	0,77	1,12	1,19	0,26	—	—	—	—	—	—	—	
		15	Стоимость	673,5	9,7	24,6	76,0	—	—	—	—	—	—	—	783,8
	Расход на технические цели	16	Количество	47,5	—	2,6	110,2	—	—	—	—	—	—	—	
		17	Цена . . .	0,68	—	1,19	0,26	—	—	—	—	—	—	—	
		18	Стоимость	32,3	—	3,1	28,6	—	—	—	—	—	—	—	64,0
	Чистый экспорт + импорт	19	Количество	596,6	16,5	1,6	4,4	12,5	2,8	128,5	9,4	20,7	—	—	
		20	Цена . . .	0,77	1,12	1,19	0,26	0,95	5,11	0,80	4,68	2,16	—	—	
		21	Стоимость	458,4	18,5	1,9	1,1	11,9	14,3	102,8	44,0	4,47	—	—	552,0
	Весь расход	22	Количество	5.063,2	58,3	141,9	1.815,8	561,8	232,5	1.391,5	25,6	94,2	4.682,8	7.517,2	
		23	Цена . . .	0,77	1,12	1,19	0,26	0,95	5,11	0,80	4,68	2,16	0,30	0,10	
		24	Стоимость	3.874,5	65,4	168,8	472,1	533,7	1.188,4	1.113,2	119,7	203,5	1.404,8	751,7	9.895,8

Приложение № 5

Товарная часть сельск.-хоз. продукции 1913 г.

(в довоенных границах) (в милл. рублей)

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВ	Потребление					Экспорт + Импорт −	ВСЕГО
		Городское население	Армии	Городского скота	Транспорта	Промышленности		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Зерновые и бобовые . . .	429,9	22,7	83,5	—	—	+436,9	973,0
2	Картофель	51,5	1,6	1,7	—	—	+1,1	55,9
3	Овощи и фрукты	88,1	2,8	—	—	—	— 11,9	79,0
4	Мясо, сало и птица . . .	551,8	15,3	—	—	—	— 14,3	552,8
5	Молочные	313,9	—	—	—	—	+102,8	416,7
6	Яйца	43,5	—	—	—	—	+ 44,0	87,5
7	Сено и солома	—	—	52,6	—	—	—	52,6
8	Рыба свежая	52,1	5,0	—	—	—	— 44,7	12,4
9	Сельско-хозяйств. сырье .	—	—	—	—	617,6	+193,0	810,6
	Итого по 1—9 . .	1530,8	47,4	137,8	—	617,6	706,9	3040,5
10	Дрова	102,2	—	—	25,2	74,6	—	202,0
11	Деловой лес	37,9	—	—	—	117,8	32,7	188,4
	Итого по 10—11 . .	140,1	—	—	25,2	192,4	32,7	390,4
	Всего по 1—11 . . .	1670,9	47,4	137,8	25,2	810,0	739,6	3430,9
	Тоже без поправки на дифференциацию городского населения	1906,0	47,4	137,8	25,2	810,0	739,6	3656,0
	Кроме того внутри-крестьянский оборот	—	—	—	—	—	—	1340,8
	Всего	—	—	—	—	—	—	4771,7
	То же, за вычетом 50% стоимости приобретенного сельским населением скота (380,9×0,50=190,4)	—	—	—	—	—	—	4581,3
	То же, в %% к общей сумме валовой продукции сельского хозяйства (14123,3)	—	—	—	—	—	—	32,4
	То же, без поправки на дифференциацию городского населения	—	—	—	—	—	—	34,0

Примечание. Потребление городского населения дано с поправкою на дифференциацию такового.

Приложение № 6

Товарная часть сельско-хозяйственной продукции 1913 г.

(в довоенных границах) (в милл. руб.)

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВ	Потребление					Экспорт	Внутрикрестьянский оборот	Всего	Валовая продукция	% товарн.
		городск. населен.	армии	горол. скота	транспорта	промышленност.					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Продукты полеводства	569,5	27,1	83,5	—	555,9	557,5	735,7	2.540,2	8.364,8	31,4
2	„ луговодства	—	—	52,6	—	—	—	131,5	174,8	1.697,5	10,3
3	„ животнов. и рыбов. . . .	961,3	20,3	—	—	61,7	149,4	283,2 [1]	1.475,9	3.372,2	43,7
	Итого	1.530,8	47,4	137,8	—	617,6	706,9	1.150,4	4.190,9	13.148,9	31,9
4	Дрова	102,2	—	—	25,2	74,6	—	—	211,0	974,4	40,2
5	Лес деловой	37,9	—	—	—	117,8	32,7	—	179,4		
	Итого	140,1	—	—	25,2	192,4	32,7	—	390,4	974,4	40,2
	Всего	1.670,9	47,4	137,8	25,2	810,0	739,6	1.150,4	4.581,3	14.123,3	32,4

[1] В сумму продукции животноводства включены 50% стоимости приобретенного крестьянским населением скота (190,0 милл. руб.), исходя из предположения, что половина закупаемого скота идет на убой. Стоимость всего закупаемого скота не включена в эту графу на том основании, что в графе 11 (валовая продукция) стоимость живого скота нами не учитывается.

Сельско-хозяйственная продукция 1895 г.

(в довоенных границах)

Приложение № 7

Таблица № 1а

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	По Мрачевскому					По Госплану				
		Количество десятин (в милл.)	Средний урожай (в пудах).	Валов. сбор (в милл. пудов)	Цена в рублях	Стоимость (в миллион. рублей)	Количество десятин (в милл.)	Средний урожай (в пудах)	Валов. сбор (в миллион. пудов)	Цена (в рублях)	Стоимость (в миллион. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	А. Продукты полев., огород., садов. и луговодства										
1	Зерновые	—	—	2.633,0	0,41	1.083,1	74,9	49,9	3.737,5	0,41	1.532,0
2	Бобовые	—	—	—	—	—	1,8	48,7	87,7	0,42	36,8
3	Картофель	—	—	1.071,6	0,142	152,0	2,9	459,5	1.332,5	0,14	189,1
4	Овощи и фрукты	—	—	—	—	300,0	—	—	—	—	281,6
5	Масличные	—	—	—	—	218,5	—	—	—	—	218,5
6	Хлопок, хмель	—	—	—	—	30,0	—	—	—	—	30,0
7	Свекла сахарная	—	—	335,0	0,113	38,1	3,8	1.070,0	407,5	0,11	46,0
8	Табак, махорка	—	—	3,9	3,23	12,6	0,05	90,0	4,4	3,23	14,1
9	Виноград	—	—	36,0	3,00	108,0	0,24	150,0	36,0	1,00	36,0
10	Травы сеянные	—	—	—	—	10,2	—	—	—	—	10,2
11	Сено	—	—	1.000,0	0,20	200,0	—	—	1.840,0	0,20	368,0
12	Солома	—	—	4.000,0	0,02	80,0	—	—	4,752,3	0,03	143,4
	Итого по А	—	—	—	—	2.232,5	—	—	—	—	2.905,7
	Б. Продукты животноводства	—	—	—	—	898,0	—	—	—	—	1.195,4
	В. Продукты пчеловод. и шелковод.	—	—	—	—	26,3	—	—	—	—	21,5
	Г. Продукты птицеводства	—	—	—	—	59,0	—	—	—	—	113,2
	Д. Продукты зверолов. и рыболов.	—	—	—	—	352,0	—	—	—	—	252,3
	Е. Продукты лесоводства	—	—	—	—	501,0	—	—	—	—	742,0
	Всего по А, Б, В, Г, Д и Е	—	—	—	—	4.068,8	—	—	—	—	5.230,1

Приложение № 7
Таблица № 1б

Сельско-хозяйственная продукция 1895 года

(в довоенных границах)

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	По Морачевскому			По Госплану		
		Количество (в милл.)	Цена в руб.	Стоимость в милл. руб.	Количество (в милл.)	Цена в руб.	Стоимость в милл. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
	Б. Продукты животноводства	—	—	898,0	—	—	1.195,4
1	Мясо разное	100,6	—	278,0	164,7	—	536,0
2	Молоко	50,0	10,0	500,0	1.190,0	0,42	500,0
3	Кожи разные	—	—	25,0	—	—	40,9
4	Гривы, хвосты	—	—	3,0	—	—	2,6
5	Шерсть	10,0	5,9	59,0	13,9	5,90	82,0
6	Овчина	—	—	20,0	—	—	20,9
7	Щетина	0,3	43,4	13,0	0,3	43,40	13,0
	В. Продукты пчеловодства и шелководства	—	—	26,3	—	—	21,5
1	Мед	2,2	5,63	12,4	2,2	5,63	12,4
2	Воск	0,2	25,00	5,0	0,2	25,00	5,0
3	Шелководство	1,3	6,85	8,9	0,6	6,85	4,1
	Г. Продукты птицеводства	—	—	59,0	—	—	113,2
1	Птица	—	—	15,0	—	—	28,7
2	Яйца	12,5	3,20	40,0	—	—	76,8
3	Перо и пух	—	—	4,0	—	—	7,7
	Д. Продукты звероловства и рыболовства.	—	—	352,0	—	—	252,3
1	Звероловство	—	—	12,0	—	—	28,3
2	Рыболовство	—	—	340,0	—	—	224,0
	Итого по Б, В, Г и Д	—	—	1.335,3	—	—	1.582,4
	Е. Продукты лесоводства	—	—	501,0	—	—	742,0
	А. Продукты полев., огор., садов. и луговодства	—	—	2.232,5	—	—	2.905,7
	Всего по А, Б, В, Г, Д и Е	—	—	4.068,8	—	—	5.230,1

Приложение № 8

Сельско-хозяйственная продукция 1910 г.

(в дореволюцион. границах)

(Сопоставление исчислений Морачевского и Статбюро Госплана)

№№ по порядку	Наименование продуктов	Количество (в милл. пудов)		Цена за един. (в руб.)		Стоимость (в милл. руб.)	
		По Морачевскому	По исчисл. Статбюро	По Морачевскому	По Статбюро	По Морачевскому	По исчисл. Статбюро
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. Продукты полеводства, огороднич., садовод. и луговодства	—	—	—	—	6.588,8	8.295,0
1	Зерновые хлеба	4.894,9	5.742,3	0,80	0,80	3.931,7	4.593,8
2	Масличные	—	130,9	—	—	294,2	294,2
3	Картофель	1.866,1	2.688,1	0,26	0,23	485,2	618,3
4	Хлопок, рис, хмель	—	43,3	—	—	84,8	132,7
5	Огородн. и садовод.	—	—	—	—	400,0	529,0
6	Виноградарство	60,0	34,8	3,0	1,70	180,0	59,2
7	Сахарная свекла	582,0	807,1	0,10	0,10	59,4	83,3
8	Табак, махорка	5,5	5,5	4,27	4,27	23,5	23,5
9	Сено	2.827,8	3.800,6	0,36	0,36	1.018,0	1.370,0
10	Солома	11.380,0	7.388,1	0,009	0,08	112,0	591,0
	Б. Продукты животноводства	—	—	—	—	1.852,0	2.469,9
1	Мясо	80,5	131,5	3,71	4,33	298,5	569,4
2	Баранина	24,0	28,8	4,17	4,08	100,0	117,5
3	Свинина	28,6	60,4	5,0	6,73	143,0	406,5
4	Молочн. продукты	78,2	77,5	15,0	15,00	1.172,5	1.162,5
5	Кожи разн. (шт.)	—	39,0	—	2,67	45,0	104,1
6	Овчина	—	29,9	—	0,70	20,0	20,9
7	Шерсть	5,1	7,1	10,47	10,47	53,4	74,3
8	Щетина	0,3	0,3	40,33	40,33	12,1	12,1
9	Гривы, хвосты	—	0,175	—	15,00	7,4	2,6
	В. Продукты птицеводства	—	—	—	—	137,0	262,5
	Г. Продукты шелководства	0,9	0,4	12,55	15,0	11,3	6,0
	Д. Продукты пчеловодства	2,2	2,2	—	—	18,7	18,7
	Е. Продукты пром. охоты	—	—	—	—	352,0	252,5
1	Рыболовство	—	103,6	—	2,16	340,0	224 0
2	Звероловство	—	—	—	—	12,0	28,5
	Ж. Лесоводство	—	—	—	—	556,7	(856,7)
	Итого по А, Б, В, Г, Д, Е и Ж	—	—	—	—	9.516,5	12.161,3

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРИЛОЖЕНИЮ № 8

1. Зерновые хлеба. Валовой сбор зерновых хлебов Морачевским исчислен в 4.894,9 милл. пудов. В сборнике ЦСК, „Ежегодник России" за 1910 год, валовой сбор всех хлебов и овса определен в 4.825,5 милл. пудов, а посевная площадь в 93,5 милл. десятин.

Нами взяты данные ЦСК с поправками на недоучет в размере 19%= (по Иванцову [1]).

2. Картофель. Значительно понижен у Морачевского также и сбор картофеля. ЦСК определяет весь сбор полевого картофеля в 2 231,8 милл. пудов. Морачевским эта цифра понижена до 1.866,1 милл. пудов, тогда как данные ЦСК должны быть увеличены за счет картофеля усадебного, площадь которого исчислена нами в довоенных границах России в 857,7 тыс. десятин, со сбором в 456,3 милл. пудов.

Таким образом, вся площадь под картофелем в 1910 году равнялась 5.025 тыс. десятин (4.167,3 тыс. десятин полевого+857,7 тыс. десятин огородного картофеля), а валовой сбор равнялся 2.688,1 милл. пудов (2.231,8 милл. пуд. полевого+456,3 милл. пудов огородного картофеля).

Определяя стоимость картофеля в 0,26 руб., Морачевский указывает, что цена взята по материалам сельско-хозяйственной статистики.

Просматривая эти материалы за ряд лет, мы видим, что в 1910 г. цена на картофель была 0,23 руб. за пуд и только в 1913 году дошла до 0,26 коп.

3. Хлопок, рис и хмель. Безусловно недоучтены Морачевским—хлопок, рис и хмель. Приводим таблицу, составленную по данным ЦСК за 1910 год:

Таблица № 1

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	Валов. сбор в милл. руб.	Цена за пуд в рублях	Стоимость в милл. руб.
1	2	3	4	5
1	Хлопок	27,4	3,8	104,1
2	Рис	15,6	1,3	20,3
3	Хмель	0,27	30,5	8,3
	Всего	—	—	132,7

Таким образом стоимость валового сбора хлопка, риса и хмеля исчисляется в 132,7 милл. рублей. Цена риса и хмеля взята по данным ЦСК, а хлопка по отчетам Кокандского Биржевого Комитета.

4. Огородничество и садоводство. Стоимость продукции огородничества и садоводства исчислена по данным о потреблении. Нормы годового потребления взяты для сельского населения по Клепикову в 3,64 пуда, а для городского по Кабо—в 3,0 пуда на душу. Морачевский исчисляет стоимость в 400,0 милл. руб., исходя из стоимости нормы душевого потребления в 2 руб. 67 к. Но здесь у него невязка. Считая население в 1910 году в 163,9 милл. душ, мы бы получили общую стоимость продукции в 437,3 милл. руб., а не 400,0 милл. руб.

5. Виноградарство. Сбор винограда Морачевским определен в 60,0 милл. пудов, причем площадь взята по данным ЦСК за 1909 год, а урожай „приблизительно" в 200 пудов с десятины.

У ЦСК есть более точные данные за 1910 год. По этим данным площадь виноградников определена в 246,7 тысяч десятин, средний урожай в 141 пуд с десятины, а валовой сбор в 34,8 милл. пудов. Преувеличена и цена за пуд винограда. Три рубля за пуд—это уже не производственная, а безусловно потребительская цена.

На основании обследования средне-местных цен—цена за пуд определена нами в 1,70 рублей.

6. Сахарная свекла. Сбор сахарной свеклы исчислен Морачевским по данным главного управления неокладных сборов в 582,0 милл. пудов. Здесь очевидная ошибка, так как для 1910 г. главное Управление неокладных сборов определило сбор свеклы в 807,1 милл. пудов.

[1] Д. Н. Иванцов: „К критике русской урожайной статистики". Пб. 1915 г.

7. Солома. Наиболее крупное расхождение дало исчисление сбора соломы определенное Морачевским в 11.380,0 милл. пудов. По данным ЦСК сбор соломы в 1910 г. равнялся 6,208,5 милл. пуд., а с поправкою на недоучет—в 7.388,1 милл. пудов. Преувеличив сбор соломы, Морачевский в то же время берет необычайно низкую цену за 1 пуд (всего 0,9 коп.).

По данным обследований 7 губернских земских управ цена пуда соломы в 1910 году колебалась от 8 до 12 коп.

Подведя итог по группе А, видим, что недоучет у Морачевского выразится в цифре 1.706, 2 милл. рублей.

Теперь перейдем к группе Б—продуктам животноводства. Вся продукция по этой группе исчислена Морачевским в 1.852,0 милл. рублей, нами она определена в 2.469,9 милл. рублей.

Недоучет у Морачевского по этой группе на 617,9 милл. рублей, как и по предыдущей группе, произошел как за счет недоучета количества, так и за счет определения цен на отдельные продукты.

1. Мясо. Выход мяса Морачевским определен в 80,5 милл. пудов из предположения, что на убой поступает 10% общей численности крупного рогатого скота, при среднем весе туши в 16 пудов.

Нами выход мяса исчислен при условии браковки 10% всех коров, 1/6 части всех волов и быков и при условии убоя всего сверхремонтного молодняка, за вычетом 3% общего количества крупного рогатого скота, отчисляемых на покрытие отхода вследствие падежа.

Средний вес туши определен в 9,2 пуда. Вес туши в 16 пуд., принятый Морачевским, следует считать безусловно высоким.

Выход убойных телят определен при условии убоя всех телят, за скидкою 23% на доживающих до 1 года.

Исчисленный таким методом выход мяса выразится в 98,0 милл. пудов, на 17,5 милл. пудов более исчисленного Морачевским.

Выход баранины нами определен при условии убоя 35% всего стада, при среднем весе туши в 0,9 пудов.

Выход свинины исчислен при условии убоя 50% всего стада свиней.

В результате применения различных методов исчисления мясной продукции, данные Морачевского оказались ниже на 33,4 милл. пудов.

Таблица № 2

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	По исчислен. Морачевского	По исчислен. Статбюро
		в миллионах пудов	
1	2	3	4
1	Мясо	80,5	131,5
2	Баранина	24,0	28,8
3	Свинина	28,6	60,4
	Итого	133,1	220,7

Расходятся также цены и на все перечисленные выше продукты.

В 1910 году средне-районные местные цены были следующие: мясо—4,33 рубля, баранина—4,08 руб. и свинина—5,27 руб. за пуд. Кроме того Морачевский допускает ошибку, оценивая все количество свинины по 5,0 руб. за пуд, тогда как 50% всего веса свинины следует отнести за счет сала, цена на которое в 1910 году была 8,19 руб. за пуд.

Таким образом, цена на свинину „на круг" с 5,27 руб. поднимается до 6,73 руб. (5,27+8,19).

2. Кожи разные. В связи с расхождением в определении количества убойного скота не совпал и выход кожи. Морачевский в своей работе дал только суммарную стоимость кожи, не указывая ни количества, ни цены ее. По данным убоя и естественного отхода мы определяем общее количество кож разных в 39,0 милл. штук.

Таблица № 3

№№ по пор.	НАИМЕНОВАНИЕ	Колич. (в милл. штук)
1	Подошвенная	0,8
2	Полувал	6,7
3	Выросток	28,9
4	Конина	3,5
	Итого	39,0

Средняя цена кожи для 1910 года определена в 2,67 руб. Весь выход кожи оценен в 104,1 милл. руб.

3. Шерсть. Количество шерсти нами определено из расчета выхода 5 фун. с грубошерстной овцы и 8 фун. с мериносовой (по Лосицкому), что составляет со всего стада взрослых овец 7,1 милл. пудов, вместо 5,1 милл. пудов исчисленных Морачевским.

4. Щетина. Несмотря на расхождение в определении количества убоя свинины странно совпадает выход щетины. Очевидно у Морачевского норма выхода щетины с одной головы превышает 2 фун., тогда как нормальный довоенный выход принимался в 1¼ фун., а проф. Лосицкий, исходя из расчета, что более культурная свинья дает меньше щетины, считает даже не свыше 1 фунта.

Продукты птицеводства Морачевским безусловно недоучтены. Проф. Огановский в своей работе „Перспективы развития сельского хозяйства СССР" исчисляет доход от птицеводства в 350,0 милл. рублей.

А. Л. Вайнштейн снижает эту цифру до 262,5 милл. руб. (см. статью А. Вайнштейна в „Социалистическом Хозяйстве" за 1924 г., кн. 3).

Мы считаем более вероятной цифру А. Вайнштейна. Прямых данных о продукции птицеводства за 1910 год мы не имеем, но произведя грубую прикидку, исходя из стоимости продукции птицеводства в 1913 году в современных границах СССР, мы получаем для 1910 г. в старых границах—276,4 милл. руб.,—цифру очень близкую к приведенной А. Вайнштейном. Из осторожности остановимся на цифрах последнего.

Большое расхождение дало также исчисление стоимости продуктов рыболовства.

Оценивая всю продукцию рыболовства в 340,0 милл. руб. (по исчислениям специалистов", как указано в примечании), Морачевский не дает, к сожалению, указаний, каким образом получилась эта цифра.

Улов по всем бассейнам в 1910 году равнялся 103,6 милл. пудов. Цену на рыбу в 1910 году точно установить не удалось, но, сопоставляя средние цены на рыбу в 1910 году по трем районам (Архангельскому, Донскому и Каспийско-Волжскому) с средними ценами 1913 года по этим же районам, мы увидим, что они почти совпадают. Это обстоятельство дает нам основание предполагать, что с нашей стороны не будет допущено особо грубой ошибки, если мы для 1910 года возьмем цены на рыбу 1913 года, т.-е. 2,16 руб.

Таким образом стоимость продукции рыболовства нами определяется в 224,0 милл. рублей.

Проверим расчет по данным о потреблении. Все население России (без Финляндии) по ЦСК в 1910 году равнялось 163,9 милл. душ, из них сельского 141,1 и городского—22,8 милл. душ.

Считая душевую норму довоенного потребления рыбы для сельского населения в 0,75 пуд., а для городского—в 0.78 пуд., получим, что всего потреблено было 123,7 милл. пудов (141,1×0,75+22,8×0,78). Чистый импорт рыбы в 1910 г. равнялся 20,7 милл. пудов. Таким образом, по данным о потреблении улов 1910 года должен был равняться 103,0 милл. пуд. Мы же по прямым показаниям получили 103,6 милл. пуд.

Произведенная проверка по потреблению дает нам право считать цифру Морачевского в 340,0 милл. руб. преувеличенной.

Продукция звероловства Морачевским оценена всего лишь в 12,0 милл. рублей. Недоучет ясен, так как оборот одной только Ирбитской ярмарки превышал эту сумму.

На основании работы Когана и Шенкмана „Экспортные возможности России", сбор пушнины в 1910 году нами оценен в 28 милл. рублей.

Произведенный выше расчет дает основание предполагать, что Морачевским допущен значительный недоучет, который определяется нами в 2.644,8 милл. рублей (12.161,3—9.516,5).

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 9—10 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

Под. ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Конъюнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24 и 1924/25 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

I. Хлебные заготовки

1. Заготовки хлебопродуктов основными плановыми заготовителями в 1925/26 г.
2. То же по культурам.

II. Промышленность (1923/24—1924/1925 хоз. годы).

1. Добыча каменного угля и антрацита.
2. Добыча нефти.
3. Выплавка чугуна.
4. Выплавка мартена.
5. Прокатка металла.
6. Производство хлопчато-бумажной пряжи.
7. Производство льняной пряжи.
8. Производство шерстяной пряжи.
9. Производство хлопчато-бумажной ткани.
10. Динамика продукции крупной промышленности СССР.

V. Товарообмен

1. Фактический отпуск изделий государственной промышленности по 291 производственному объединению.
2. То же по 12 синдикатам.
3. Внешняя торговля СССР в 1924/25 г.
4. Динамика числа платных патентов, выбранных на торговые предприятия всех категорий.

VI—VII. Финансы, денежное обращение и кредит

1. Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению.

VIII. Цены

1. Розничные цены на товары бюджетного набора по СССР в 1924/25 г.
2. Заготовительные цены Хлебопродукта.

IX. Индексы цен

1. Всесоюзный бюджетный индекс статистики труда и оптовый индекс Госплана в 1924/25 г.
2. Покупательная сила червонца в товарных рублях.
3. Индексы по группам городов.

А. Основные показатели динамики народного хозяйства в 1923/24 г.—1924/25 г.

№№ по порядку	Показатели	Единица счета	1923/24 год					1924/25 год								
			ВСЕГО (или в среднем) за год	В среднем за месяц по кварталам				В средн. за мес. по кварт.		За месяц						
				I	II	III	IV	I	II	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	I. Хлебные заготовки															
1	Заготовка хлеба	Милл. пудов	311,1	44,5	22,9	11,6	24,7	40,9	27,3	18,4	14,3	9,5	10,9	59,5	87,5	—
2	Заготовит. цена ржи . .	Товарн. копейки	32,6	23,1	34,9	38,0	45,1	33,5	45,3	68,4	71,1	66,2	—	—	—	—
	II. Промышленность															
3	Добыча угля	Тыс. тонн	15.778	1401,5	1389,6	1161,8	1306,8	1433,8	1431,6	1064,7	1043,4	1254,0	1264,4	1272,3	1562,4	—
4	Добыча нефти	„ „	5.942	468,8	476,3	472,4	563,2	551,1	532,7	583,5	618,9	614,1	613,6	612,7	651,3	—
5	Выплавка чугуна . . .	„ „	660,6	47,3	52,3	58,7	61,9	79,7	96,8	107,3	123,8	129,5	125,6	142,4	145,6	—
6	Прокатка металла . . .	„ „	689,7	56,4	51,2	61,3	60,9	91,5	105,9	111,6	126,1	125,7	108,0	120,7	149,8	—
7	Производ. хл.-бум. пряжи	„ „	101,9	7,47	8,20	8,55	9,73	13,50	14,97	15,9	16,0	17,8	12,9	17,2	20,9	—
8	„ „ „ ткани	Милл. метр.	835,5	59,5	64,9	73,8	80,3	111,1	124,0	130,9	128,8	138,7	100,0	122,4	164,1	—
9	Сумма продукц. промышл.	По довоен. ценам. в милл. руб.	1.553	117,9	128,6	129,5	141,7	181,3	203,9	212,5	213,1	219,4	199,7	219,4	258,8	—
10	Выработка на 1 ч. в день	По довоен. ценам. в рубл.	—	—	—	—	—	6,44	7,43	7,87	8,08	7,97	7,59	7,66	—	—
	III. Труд															
11	Число раб. ценз. промышл.	Тысячи	1.615	1.583	1.552	1.606	1.730	1.794	1.803	(1833)	(1888)	(1990)	(2034)	(2081)	—	—
12	Ср. дневн. зарпл. пром. раб.	Усл. Моск. коп.	91,5	83,7	91,0	92,9	98,3	102,8	103,0	101,8	(104,6)	(109,1)	—	—	—	—
13	Число дней раб. на 1 ч. в месяц	—	261,8	22,6	22,3	21,1	20,9	23,1	22,1	(21,6)	(20,9)	(21,2)	(19,0)	—	—	—
	IV. Транспорт															
14	Жел.-дорожн. перевозки	М-рды пудо-верст	1.928	156	148	161	177	210	221	223	215	218	233	254	—	—
15	Средн.-суточн. погруз. .	Тысячи вагонов	13,5	13,57	12,96	13,13	14,51	16,30	16,40	16,02	16,24	17,66	17,91	19,88	22,93	—
16	Валов. доход жел. дор. .	Милл. черв. рубл.	675,5	52,0	50,0	59,6	63,6	72,3	72,4	82,0	74,7	79,9	84,0	85,0	87,7	—
	V. Торговля															
17	Оборот 70 провинц. бирж	Милл. черв. рубл.	1.463,1	84,3	109,7	122,1	171,7	239,4	220,6	254,4	256,2	320,8	318,3	363,3	514,1	—
18	Оборот МТБ	„ „ „	1.554,7	101,6	145,2	115,6	155,8	209,9	275,1	225,1	199,5	229,8	317,1	249,4	465,6	—
19	Реализац. по 150 производ. объедин. ВСНХ .	„ „ „	889,3	186,0	249,7	209,8	243,8	111,6	105,4	115,9	108,8	115,9	126,1	136,8	(231,1)	—
20	Вывоз из СССР	В милл. руб. по дов. цен.	333,0	33,5	26,3	23,9	27,3	23,3	21,7	18,8	21,7	32,0	—	—	—	—
	„ „ „	Милл. черв. руб.	—	—	—	—	—	39,8	37,2	29,7	38,5	50,8	36,1	51,7	(69,1)	—
21	Привоз в СССР	Милл. руб. по довоен. цен.	206,8	15,2	12,6	15,4	25,7	18,8	24,7	36,1	47,9	34,9	—	—	—	—
	„ „ „	Милл. черв. руб.	—	—	—	—	—	33,7	44,0	62,8	87,8	60,9	66,7	45,7	(76,3)	—
	VI. Финансы															
22	Поступл. обыкн. доходов в т. ч. налог. и пошл.	Милл. черв. руб.	1.590,9	127,4	124,8	124,0	154,1	201,9	183,4	(184,5)	(173,6)	(177,8)	200,3	190,3	(243,3)	—
		„ „ „	766,5	70,6	63,5	51,9	69,5	111,9	88,9	(82,9)	(77,6)	(69,9)	88,6	82,8	(119,8)	—
	VII. Кредит															
23	Сумма вклад.: и тек. сч. по Госбанку и 4 акц. банк. на 1 число мес.	Милл. черв. руб.	276,8	184	252	297	374	416	518	597	633	661	644	675	718	—
		„ тов. „	161,3	117	136	174	218	249	287	307	322	345	343	386	416	—
24	Остаток задолж. по уч.-ссудн. операц. на 1 число месяца . .	Милл. черв. руб.	586,4	423	517	632	775	937	1.106	1.205	1.252	1.354	1.460	1.559	2.673	—
		„ тов. „	342,7	271	280	369	452	561	607	620	639	707	777	891	1.548	—
	VIII. Денежное обращение															
25	Денежн. масса на кон. мес.	Милл. черв. руб.	406,3	298,0	342,3	445,7	539,2	690,4	737,2	780,0	791,5	846,1	915,2	1.015,6	1.142,9	—
	„ „ „ „ „	„ тов. „	238,0	190,8	185,3	259,9	315,9	413,1	405,7	396,7	413,5	450,1	522,7	588,1	656,1	—
26	Эмиссия за месяц . . .	„ черв. „	49,9	59,4	63,7	29,1	47,3	40,0	7,7	14,4	11,5	54 6	69,0	100,2	127,3	—
	„ „ „ . . .	„ тов. „	29,4	38,7	34,4	16,8	27,6	26,4	3,8	7,3	5,9	23,7	37,6	57,9	73,1	—
	IX. Индексы цен															
27	Оптовый Госплана . . .	1913 г.=100	170,2	154,5	183,9	171,7	172,2	167,0	180,7	196,0	194,2	190,4	183,7	173,0	174,0	—
	а) промышленный . . .	„	2 5,7	238,3	221,8	203,2	201,6	196,4	191,6	190,8	189,9	189,7	190,0	191,0	193,7	—
	б) сельско-хозяйств. . .	„	134,4	100,2	152,4	145,2	147,0	142,0	170,6	201,2	198,6	191,1	177,5	156,6	156,3	—
28	Всесоюзный бюджетный	„	195,7	168,9	201,3	207,6	205,2	195,6	202,1	217,5	217,2	212,9	205,0	(190,0)	188,8	—
	а) промышленный . . .	„	253,9	265,1	260,3	245,0	245,3	245,0	228,9	223,5	223,0	219,3	216,4	(212,9)	220,3	—
	б) сельско-хозяйств. . .	„	163,2	115,1	168,8	186,3	182,5	167,5	187,1	213,7	213,8	209,1	198,5	(176,9)	171,2	—
29	Покупательная способность червонца . .	В руб. по оптовому индек. Госплана	5,90	6,51	5,45	5,83	5,80	5,99	5,54	5,10	5,15	5,25	5,45	5,78	5,75	—

1. Заготовка хлеба показана по всем госорганам и кооперации.
2. В виду того, что с октября 1924 года ЦОС ВСНХ выработку на человеко-день исчисляет по методу заводской оценки, с 4-го номера приводятся данные ЦОС'а.
3. Источники помещаемых в сводной таблице данных и методологические указания—см. в частных таблицах.
4. Предварительные данные бюллетени № 6 по труду за янв. и февр. и по торговле за апр. и май заменены окончательными.

ТЕКУЩИЕ ДИНАМИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

(По материалам Наркомвнуторга)

Отдел I. ХЛЕБНЫЕ ЗАГОТОВКИ

(По предварительным данным)

Таблица № 1

Заготовки хлебопродуктов (без жмыхов) основными плановыми заготовителями в 1925/26 г.

(тысячи пудов)

МЕСЯЦЫ / РАЙОНЫ	Потребляющий	Производящий: Вятско-Вотский	Татреспублика	Башкирия	Поволжье	Центр.-Земледел.	Итого производ.	Урал	Северн. Кавказ	Сибирь	Казахстан	Крым	Итого по РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Всего по СССР
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Июль	389,2	55,5	1.080,5	845,8	1.618,1	316,2	3.916,1	1.152,7	1.584,0	1.605,5	92,1	183,6	8.923,2	2.007,4	8,0	—	10.938,6
Август	437,7	118,4	2.091,0	1.102,2	6.208,7	1.618,4	11.138,7	1.829,4	22.806,9	520,1	862,9	2.906,7	40.502,4	18.913,6	117,2	—	59.533,2
Сентябрь	1.061,0	225,4	2.558,4	1.346,9	9.081,0	4.141,4	17.353,1	1.212,2	33.217,9	960,0	2.760,2	3.634,4	60.198,8	26.980,0	329,6	37,0	87.545,4
Итого с начала кампании на 1 окт.	1.887,9	399,3	5.729,9	3.294,9	16.907,8	6.076,0	32.407,9	4.194,3	57.608,8	3.085,6	3.715,2	6.724,7	109.624,4	47.901,0	454,8	37,0	158.017,2
Тоже на 1 окт. 1924 г.	4.113,0[1]	3.100,9		1.460,4	3.690,3	7.022,4	15.274,0	1.933,6	24.776,9	2.353,9	1.185,5	1.996,5	51.633,4[1]	23.209,9	—	33,0	74.876,3

[1] с БССР

Таблица № 2

Заготовки основных плановых заготовителей в 1925/26 г. по культурам

(тысячи пудов)

МЕСЯЦЫ / КУЛЬТУРЫ	Рожь в зерне	Пшеница в зерне	Овес	Ячмень	Кукуруза	Бобовые	Крупяные	Итого главных хлебов	Масличные	Нераспред. по культур.	ВСЕГО
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Июль	6.307,6	3.010,0	324,4	848,7	47,0	3,0	72,1	10.612,8	264,8	61.0	10.938,6
Август	19.375,1	21.662,3	1.329,3	15.292,6	334,1	318,8	347,8	58.660.0	485,7	387,5	59.533,2
Сентябрь	15.751,4	33.255,2	3.392,2	18.653,8	542,7	769,1	2.265,4	74.629,8	11.835,5	1.080,1	87.545,4
Итого с начала кампании на 1 октября	41.434,1	57.927,5	5.045,9	34.795,1	923,8	1.090,9	2.685,3	143.902,6	12.586,0	1.528,6	158.017,2
Тоже на 1 октября 1924 г.	23.627,2	26.887,2	1.628,8	4.738,5	2.647,6	291,0	1.783,2	61.603,5	7.955,1	268,4	69.827,0

Примечание к табл. 1 и 2. Расхождение данных на 1 октября 1924 г. в табл. 1 и 2 объясняется тем, что для таблицы 2 (по культурам) имеются более уточненные данные, каковых нет по районам.

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица № 1

Добыча каменного угля и антрацита за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тыс. тонн.		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	1.375,3	1.582,9	100	100	201	115
2	Ноябрь . .	1.454,2	1.322,0	106	84	169	91
3	Декабрь .	1.374,9	1.396,6	100	88	124	102
4	Январь . .	1.392,8	1.383,0	101	87	152	99
5	Февраль .	1.415,6	1.446,8	103	91	132	102
6	Март . .	1.360,5	1.464,9	99	93	108	108
7	Апрель . .	1.133,6	1.064,7	82	67	135	94
8	Май . . .	1.164,3	1.043,4	85	66	113	90
9	Июнь . . .	1.187,4	1.254,0	86	79	109	106
10	Июль . . .	1.325,0	1.264,5	96	80	138	95
11	Август . .	1.219,5	1.272,3	87	80	121	104
12	Сентябрь .	1.375,8	1.562,4	100	99	124	114
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	4.204,4	4.301,5	100	100	159	102
2	I—III . .	4.168,9	4.294,7	99	99,8	128	103
3	IV—VI . .	3.485,3	3.362,1	83	78	118	96
4	VII—IX . .	3.920,3	4.099,2	93	95	127	105
	В. За год .	15.778,9	16.057,5	—	—	132	102

Таблица № 2

Добыча нефти за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тыс. тонн.		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	462,0	580,4	100	100	112	126
2	Ноябрь . .	458,8	556,1	99	96	110	121
3	Декабрь .	485,6	516,9	105	89	113	106
4	Январь . .	492,5	518,1	107	89	119	105
5	Февраль .	454,6	506,0	98	87	120	111
6	Март . . .	481,9	574 0	104	99	112	119
7	Апрель . .	454,7	583,5	98	101	108	128
8	Май . . .	472,0	618,9	102	107	105	131
9	Июнь . . .	490,4	614,2	106	106	111	125
10	Июль . . .	579,4	613,6	125	106	130	106
11	Август . .	566,2	612,7	123	106	122	108
12	Сентябрь .	543,9	651,3	118	112	118	120
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	1.406,4	1.653,4	100	100	112	118
2	I—III . .	1.429,0	1.598,1	102	97	117	112
3	III—VI . .	1.417,1	1.816,6	101	110	108	128
4	VII—IX . .	1.689,4	1.877,6	120	114	123	111
	В. За год .	5.942,0	6.945,7	—	—	115	117

Таблица № 3

Выплавка чугуна за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тоннах		В %% к нач. периоду		В %% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	43.539	74.310	100	100	246	171
2	Ноябрь . .	49.076	75.652	112	102	245	154
3	Декабрь .	49.223	89.073	113	120	228	181
4	Январь . .	49.944	91.958	115	124	181	184
5	Февраль .	48.617	89.652	112	121	199	184
6	Март . . .	58.397	108.805	134	146	190	186
7	Апрель . .	58.626	107.289	135	144	236	183
8	Май . . .	56.660	123.783	130	167	244	218
9	Июнь . . .	60.854	129.514	140	174	253	213
10	Июль . . .	63.687	125.630	146	169	257	197
11	Август . .	58.626	142.371	135	192	214	243
12	Сентябрь .	63.327	145.574	145	196	186	230
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	141.838	239.035	100	100	239	169
2	I—III . .	156.958	290.415	111	121	190	185
3	IV—VI . .	176.140	360.586	124	151	245	205
4	VII—IX . .	185.640	413.575	131	173	215	223
	В. За год .	660.576	1.303.611	—	—	220	197

Таблица № 4

Выплавка мартена за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тоннах		В %% к нач. периоду		В %% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	82.918	131.445	100	100	254	159
2	Ноябрь . .	85.998	123.640	104	94	214	144
3	Декабрь .	78.610	139.525	95	106	162	177
4	Январь . .	74.630	148.556	90	113	188	199
5	Февраль .	74.973	141.395	90	108	114	189
6	Март . . .	82.476	161.065	99	123	173	195
7	Апрель . .	75.399	147.765	91	112	153	196
8	Май . . .	89.700	173.448	108	132	136	193
9	Июнь . . .	82.787	173.290	100	132	123	209
10	Июль . . .	76.202	156.919	92	119	130	206
11	Август . .	80.903	170.244	98	130	142	210
12	Сентябрь .	108.078	196.494	130	149	151	182
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	247.626	394.610	100	100	204	159
2	I—III . .	232.079	451.016	94	114	187	194
3	IV—VI . .	247.886	494.505	100	125	136	199
4	VII IX . .	265.183	523.657	107	133	112	197
	В. За год .	992.674	1.863.788	—	—	161	188

Таблица № 5

Прокатка металла за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тоннах		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	62.230	90.277	100	100	276	145
2	Ноябрь . .	56.136	88.154	90	98	220	157
3	Декабрь .	50.976	96.747	82	107	150	189
4	Январь . .	44.964	102.190	72	113	151	227
5	Февраль .	51.582	107.625	83	119	166	211
6	Март . . .	57.086	107.928	92	119	128	189
7	Апрель . .	58.282	111.568	94	123	148	191
8	Май . . .	64.310	126.148	103	140	140	196
9	Июнь . . .	61.312	125.680	99	139	116	205
10	Июль . . .	49.666	108.018	80	120	122	217
11	Август . .	53.990	120.718	87	134	118	224
12	Сентябрь .	79.167	149.811	127	66	129	189
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	169.342	274.578	100	100	206	162
2	I—III . .	153.532	317.743	91	116	146	207
3	IV—VI . .	183.904	363.396	109	132	133	198
4	VII—IX . .	182.823	378.943	108	138	124	202
	В. За год .	689.701	1.334.264	—	—	146	193

Таблица № 6

Производство хлопчато-бумажной пряжи в 1923/24—1924/25 зяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тоннах		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	7.949	14.197	100	100	121	179
2	Ноябрь . .	7.390	12.341	93	87	116	167
3	Декабрь .	7.083	13.958	89	98	102	197
4	Январь . .	7.972	14.648	100	103	134	184
5	Февраль .	8.538	14.905	107	105	128	175
6	Март . . .	8.101	15.370	102	108	109	190
7	Апрель . .	8.147	15.949	102	112	153	196
8	Май . . .	8.789	15.999	111	113	133	182
9	Июнь . . .	8.722	17.772	110	125	120	204
10	Июль . . .	7.007	12.874	88	91	206	184
11	Август . .	9.963	17.200	125	121	159	173
12	Сентябрь .	12.232	20.900	154	147	183	171
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	22.422	40.496	100	100	113	181
2	I—III . .	24.611	44.923	110	111	122	183
3	IV—VI . .	25.658	49.720	114	123	134	194
4	VII—IX . .	29.202	50.974	130	126	194	175
	В. За год .	101.893	186.113	—	—	137	183

Таблица № 7

Производство льняной пряжи за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тоннах		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	3.756	4.428	100	100	143	118
2	Ноябрь . .	3.452	3.682	92	83	126	107
3	Декабрь .	3.061	3.923	81	86	100	128
4	Январь . .	3.345	4.216	89	95	127	126
5	Февраль .	3.606	4.331	96	98	121	120
6	Март . . .	3.220	4.401	86	99	96	137
7	Апрель .	3.337	4.325	89	98	132	130
8	Май . . .	3.312	4.152	88	94	113	125
9	Июнь . . .	3.132	3.970	83	90	98	127
10	Июль . . .	1.871	3.335	50	75	90	178
11	Август . .	3.124	4.176	83	94	117	134
12	Сентябрь .	3.822	5.081	102	115	123	133
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	10.269	12.033	100	100	122	117
2	I—III . .	10.171	12.948	99	108	113	127
3	IV—VI . .	9.781	12.447	95	103	113	127
4	VII—IX . .	8.817	12.612	86	105	112	143
	В. За год .	89.038	50.040	—	—	115	128

Таблица № 8

Производство шерстяной пряжи за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тоннах		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	1.651	2.336	100	100	138	141
2	Ноябрь . .	1.638	2.051	99	88	136	125
3	Декабрь .	1.589	2.290	96	98	120	144
4	Январь . .	1.614	2.306	98	99	142	143
5	Февраль .	1.750	2.314	106	99	137	132
6	Март . . .	1.544	2.297	94	98	113	149
7	Апрель . .	1.514	2.249	92	96	139	149
8	Май . . .	1.623	2.252	98	96	143	139
9	Июнь . . .	1.479	2.323	90	99	115	157
10	Июль . . .	1.152	1.981	70	85	122	172
11	Август . .	1.684	2.358	102	101	136	140
12	Сентябрь .	2.068	2.882	125	123	151	139
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	4.878	6.677	100	100	131	137
2	I—III . .	4.908	6.917	101	104	130	141
3	IV—VI . .	4.616	6.825	95	102	132	148
4	VII—IX . .	4.904	7.221	101	108	138	148
	В. За год .	14.306	27.640	—	—	133	143

Таблица № 9

Производство хлопчато-бумажной ткани за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по пор.	СРОК	В тыс. метров		В %%% к нач. периоду		В %%% к соотв. пер. пред. года.	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь .	63.715	112.847	100	100	137	177
2	Ноябрь . .	59.167	101.436	93	90	136	171
3	Декабрь .	55.671	119.126	87	106	112	214
4	Январь . .	59.343	122.202	98	108	135	206
5	Февраль .	67 716	123.336	106	109	135	182
6	Март . . .	67.507	126.463	106	112	118	187
7	Апрель . .	67.051	130.946	105	116	155	195
8	Май . . .	77.531	128.783	122	114	150	166
9	Июнь . . .	76.965	138.695	121	123	127	180
10	Июль . . .	67.838	100.016	106	87	165	147
11	Август . .	73.327	122.367	115	108	179	167
12	Сентябрь .	99.673	164.133	156	145	189	165
	Б. За квартал						
1	X—XII . .	178.553	333.409	100	100	128	187
2	I—III . .	194.666	372.001	109	112	128	191
3	IV—VI . .	221.547	398.424	124	120	142	180
4	VII—IX . .	240.838	386.516	135	116	179	160
	В. За год .	835.504	1.490.350	—	—	144	178

Таблица № 10

Динамика продукции крупной промышленности СССР за 1923/24—1924/25 хозяйственные годы

№№ по порядку	СРОК	Ср. месячн. число раб. в тыс. чёл.		Валовая продукция					
				В милл. руб. по довоен. ценам		В %%% к начальному периоду		В %%% к соответ. пер. пред. года	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	А. За месяц								
1	Октябрь .	1.215	1.377	121,1	181,3	100	100	133	150
2	Ноябрь . .	1 239	1.375	115,5	173,0	95,4	95,4	123	150
3	Декабрь .	1.239	1.380	117,2	189,6	96,8	104,6	111	162
4	Январь . .	1.238	1.390	123,5	196,9	102,0	108,6	132	159
5	Февраль .	1.241	1.408	132,2	201,9	109,2	111,4	131	153
6	Март . . .	1.243	1.424	130,1	213,0	107,4	117,5	115	164
7	Апрель . .	1.230	1.426	127,8	212,5	105,5	117,2	136	166
8	Май . . .	1.223	1.437	132,0	213,1	109,0	117,5	128	161
9	Июнь . . .	1.248	1.481	128,8	219,4	106,4	121,0	121	170
10	Июль . . .	1.279	1.515	127,0	199,7	104,9	110,1	143	157
11	Август . .	1.310	1.550	136,2	219,4	112,5	121,0	136	161
12	Сентябрь .	1.355	1.613	161,9	258,8	133,7	142,7	141	154
	Б. За квартал								
1	X—XII . .	1.231	1.377	353,8	543,9	100	100	122	154
2	I—III . .	1.241	1.407	385,8	611,8	109,0	112,5	125	159
3	IV—VI . .	1.234	1.448	388,6	645,0	109,8	118,6	128	166
4	VII—IX . .	1.315	1.559	425,1	677,9	120,2	124,6	140	159
	В. За год .	1.255	1.448	1.553,3	2.478,6	—	—	129	160

Отдел V. ТОВАРООБМЕН

Таблица № 1

Фактический отпуск изделий государственной промышленности за 9 месяцев 1924/25 хоз. года по 291 производственному объединению

(В тысячах червонных рублей)

Наименование товарных групп	Число учетных объединений	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Каменный уголь	15	11.466	9.681	10.359	9.873	7.457	7.241	7.157	7.011	7.749
Нефтетопливо и н/прод.	4	20.040	18.801	19.026	19.787	16.103	20.848	19.659	23.184	21.642
Руды	19	1.070	942	1.019	1.446	1.586	1.463	1.538	1.485	1.856
Соль (без акциза)	25	1 042	601	541	445	442	643	947	1.645	958
Металлич. изделия и прод.	71	39.179	33.767	39.597	37.198	42.172	50.280	46 912	52.606	50.772
Электротехническ. изделия	8	4.684	5.040	5.955	5.815	6.548	6.218	6.168	6.874	8.354
Строит. материал (силикат)	11	2.983	2.638	1.991	1.754	2.167	3.336	3.984	4.137	4.811
Стекло-фарфор. фаянс. изд.	11	2.925	2.914	3.708	3.516	3.762	3.893	5.200	3.850	3.918
Текстильные изделия	39	90.598	87.347	88.640	96.230	92.541	101.716	109.761	100.015	103.570
В том числе: хлопч.-бумажн.	21	61.020	60.145	65.921	69.789	65.423	70.599	77.897	69.993	72.580
„ „ „ шерстяные	13	17.247	15.416	14.447	13.236	16.727	19 584	17.719	17.260	18.160
„ „ „ льняные	10	10.278	9.796	6.380	11,535	7.543	8.337	10.960	9.655	10.048
„ „ „ пеньковые	6	1.387	1.442	1.393	1.267	2.211	[1] 2.424	2.283	2.213	[1] 2.006
„ „ „ шелковые	1	666	548	499	403	637	772	902	894	776
Кожевенн. изд. и прод.	10	11.017	8.884	9.142	9.149	10.190	13.701	14.273	12.428	14.984
Изделия химич. пром.	26	21.150	20.340	20.412	18 261	18.592	20.266	23.338	19.921	21.820
В том числе: резиновые	1	7.734	8.082	7.211	5.987	6.590	6.638	6.646	4.881	5.345
„ „ „ основн. химич.	7	3.676	3.303	3.625	2.905	3.315	3.227	2.919	3.367	3.664
„ „ „ спички	6	2 622	2.353	2.854	2.903	2.594	2.657	2.213	2.146	2.533
„ „ „ жироскотные	6	4.041	3.704	3.906	3.441	2.789	3.461	4.222	5.116	5.358
„ „ „ лак красочные	2	1.108	1.088	885	1.035	1.211	1.628	2.045	1.678	2.012
„ „ „ анилокрасочн.	1	639	576	617	585	778	758	785	786	891
„ „ „ химико-фармац.	1	865	804	965	1.092	933	1.303	1.154	1.311	1.345
„ „ „ лесо-химическ.	1	76	89	112	130	170	202	184	158	263
„ „ „ коксо-бензольн.	1	389	341	237	183	212	392	370	478	409
Изделия бумажн. промышл.	7	5.507	5.067	6.279	6.338	6.539	6.950	7.365	6.987	6.716
Продукты сахарн. промышл.	2	8.699	28.118	38.852	24.849	23.278	29.511	28.459	21.219	24.314
Табачные изделия	8	11.542	11.385	10.723	10.386	9.751	11.017	11.168	11.292	11.892
Махорка	1	1.122	1.100	1.217	1.085	1 040	1.135	974	1.144	822
Продукты маслоб. пром.	12	3.312	4.397	4.625	4.511	3 293	3.283	4.198	3.493	[2] 3.292
„ крахм.-паточн.	1	260	349	346	352	406	509	246	432	384
„ чайно-коф.	1	4.075	4.240	4.885	3.904	3.961	4.179	4.363	4.640	4.745
Лесн. мат. и изделия деревообр. промыш.	34	14.387	8.218	8,373	5.986	6.984	[2] 8.192	8.840	10.509	[4] 16.213
Изделия полиграф. пром.	9	188	247	388	268	325	251	267	229	298
„ швейной пром.	2	5.658	5.493	4.709	3.792	3.171	4.690	4.505	5.072	4.352
Итого по п. 1—21	291	260.904	259.569	280.787	264.955	260.308	299.322	306.322	298.173	313.462
Тоже по опт. инд. Госплана	—	158.891	156.520	164.260	152.349	144.731	158 940	156.224	153.559	147.014

Примечания: 1) За неполучением сведений экстраполированы данные за март и июнь по Укртекстильтресту.

2) Экстраполировано за март по Дальлесу, Вологодлесу, Владлеспромтопу и Брянсклесу.

3) Свед. по Киевскому Отделению Жиркости за 3 месяца, по Харьковскому Химкомбинату и по Саратовскому ОХЗ за июнь месяц экстраполированы.

4) Свед. по Саргублеспрому, по Укрлестопу, по Центропробизолю и по Дальлесу за июнь месяц экстраполированы.

Таблица № 2

Фактический отпуск изделий госуд. промышленности за 9 месяцев 1924/25 хоз. год по 12 синдикатам

(В тыс. червонных рублей)

НАИМЕНОВАНИЕ СИНДИКАТОВ	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Нефтяной синдикат	19.781	18.227	18.656	19.524	15.856	20.656	19.387	23.000	21.433
2. Уралмет	4.584	4.494	5.269	6.250	7.268	9.035	8.948	9.502	10.623
3. Металлосиндикат	3.706	2.635	2.919	3.320	3.259	3.386	3.283	4.602	5.016
4. Сельмаш	210	88	177	229	1.248	2.216	3.402	2.407	2.676
По 3 металл. синдик.	8.500	7.217	8.365	9.799	11.775	14.637	15 633	16.511	18.315
5. Солесиндикат	1.682	1.247	900	701[2]	487[3]	794[3]	1.005	821	1.261
6. Продасиликат	1.957	1.939	1.868	1.720	1.748	2.194	2.059	2.681	2.482
7. Всесоюзн. текстильн. синдикат	41.056	41.480	39.175[1]	38.101	38.574	51.649	44.945	44 263	46.569
8. Всерос. кожевен. синдикат	7.201	5.094	3.900	3.381	5.168	7.362	7.531	6.830	7.918
9. Жировой синдикат	146	125	290	138	208	599	339	347	402
10. Расмасло синдикат	700	528	1.056	941	1.064	1.057	845	913	1.512
11. Махорочный синдикат	361	366	308	473	562	582	593	655	624
12. Крахмал—паточн. синдикат	207	548	447	463	579	704	392	604	581
Итого по 12 синдик.	81.591	76.771	74.965[3]	75.241	76.021	100.234	92.729	96.625	101.097
То же по опт. инд. Госплана	49.689	46.293	43.854	43.264	42.268	53.224	47.292	49.762	47.414

[1] Кроме того реализовано отделениями ВТС в декабре 24 г. без распределения по контрагентам на сумму 596 тыс. рублей.
[2] Без акциза.
[3] Без акциза.

Таблица № 3

Внешняя торговля СССР по Европейской границе за 1924/25 операционный год

ПЕРИОДЫ	Количество (в тыс. тонн)			Ценность (в тыс. черв. рублей)			
	Вывоз	Привоз	Оборот	Вывоз	Привоз	Оборот	Баланс
1	2	3	4	5	6	7	8
А. Месяцы:							
1. Октябрь	479	92	571	41.951	36.790	78.741	+ 5.161
2. Ноябрь	298	67	365	32.766	27.863	60.629	+ 4.903
3. Декабрь	284	66	350	44.560	36.402	80.962	+ 8.158
4. Январь	286	59	345	41.036	31.796	72.832	+ 9.240
5. Февраль	245	94	339	37.788	45.337	83.125	— 7.549
6. Март	318	172	490	32.880	54.946	87.826	— 22.066
7. Апрель	277	214	491	29.727	62.777	92.504	— 33.050
8. Май	403	257	660	38.578	87.804	126.382	— 49.226
9. Июнь	566	137	703	50.788	60.902	111.690	— 10.114
10. Июль	590	154	744	36.006	66.707	102.713	— 30.701
11. Август	745	97	842	51.696	45.667	97.363	+ 6.029
12. Сентябрь	796	119	915	69.149	76.317	145.466	— 7.168
Б. Кварталы:							
I	1.061	225	1.286	119.277	101.055	220.332	+ 18.222
II	849	325	1.174	111.704	132.079	243.783	— 20.375
III	1.246	608	1.854	119.093	211.483	330.576	— 92.390
IV	2.131	370	2.501	156.851	188.691	345.542	— 31.840
В. Полугодия:							
I	1.910	550	2.460	230.981	233.134	464.115	— 2.153
II	3.377	978	4.355	275.944	400.174	676.118	—124.230
Итого за год	5.287	1.528	6.815	506.925	633.308	1.140.233	—126.383

Таблица № 4

Динамика числа платных патентов, выбранных на торговые предприятия всех категорий за период со 2-го полугодия 1922/23 г. по 1-е полугодие 1924/25 г. включительно

по 87 административным единицам СССР

Территория и характер предприятий / Формы хозяйства, категории предприятий и периоды	Обобществленное хозяйство												Частное хозяйство				Итого все предприятия			
	Государств. предприятия				Кооперативн. предприятия				Итого				Частные предприятия							
	2 полуг. 1922/23 г.	1 полуг. 1923/24 г.	2 полуг. 1923/24 г.	1 полуг. 1924/25 г.	2 полуг. 1922/23 г.	1 полуг. 1923/24 г.	2 полуг. 1923/24 г.	1 полуг. 1924/25г.	2 полуг. 1922/23 г.	1 полуг. 1923/24г.	2 полуг. 1923/24 г.	1 полуг. 1924/25 г.	2 полуг. 1922/23 г.	1 полуг. 1923/24 г.	2 полуг. 1923/24 г.	1 полуг. 1924/25 г.	2 полуг. 1922/23 г.	1 полуг. 1923/24 г.	2 полуг. 1923/24 г.	1 полуг. 1924/25 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
А. В городах																				
I разряд	358	1.644	2.159	3.488	121	125	332	307	479	1.769	2.491	3.795	80.027	45.383	53.920	53.608	80.506	47.152	56.411	57.403
II „	973	625	1.241	2.607	558	893	1.349	2.353	1.531	1.518	2.590	4.959	161.327	127.362	129.616	109.693	162.858	128 880	132.206	114.652
III „	3.558	3.985	5.016	6.332	6.432	6.400	8.322	11.264	9.990	10.385	13.338	17.596	84.214	72.016	79.956	62.089	94.204	82.401	93.294	79.685
IV „	3.241	3.599	4.532	5.175	2.960	2.965	4.149	5.127	6.201	6.564	8.681	10.302	9.837	7.523	8.592	5.764	16.038	14.087	17.273	16.066
V „	2.385	2.979	3.564	4.087	1.089	1.085	1.599	2.149	3.474	4.064	5.163	6.231	2.442	1.594	1.661	1.221	5.896	5.658	6.824	7.452
Итого по п. А	10.515	12.832	16.512	21.689	11.160	11.468	15.751	21.199	21.675	24.300	32.263	42.883	337.827	253 878	273.745	232.375	359.502	278.178	306.008	275.258
Б. Вне городов																				
I разряд	—	43	32	23	64	83	61	125	64	126	93	148	31.767	19.011	20.311	25.071	31.831	19.137	20.404	25.219
II „	80	158	201	157	1.066	1.728	885	1.690	1.146	1.886	1.085	1.847	58.912	47.962	48.409	53.200	60.058	49.848	49.495	55.047
III „	1.002	1.738	1.445	1.495	17.274	16.583	10.924	16.088	18.276	18.321	12.369	17.583	24.545	19.920	21.687	19.024	42.821	38.241	34.056	36.607
IV „	289	372	394	559	664	780	1.165	2.013	953	1.152	1.559	2.572	1.663	927	1.298	1.253	2.616	2.079	2.857	3.825
V „	150	161	225	241	100	107	234	387	250	268	459	628	535	209	166	214	785	477	625	842
Итого по п. Б	1.521	2.472	2.297	2.475	19.168	19.281	13.269	20.303	20.689	21.753	15.566	22.778	117.422	88.029	91.871	98.762	138.111	109.782	107.437	121.540
В. Всего (п. А+Б)																				
I разряд	358	1.687	2.191	3.511	185	208	393	432	543	1.895	2.584	3.943	111.794	64.394	74.231	78.679	112.337	66.289	76.815	82.622
II „	1.053	783	1.442	2.764	1.624	2.621	2.234	4.043	2.677	3.404	3.676	6.806	220.239	175.324	178.025	162.893	222.916	178.728	181.701	169.699
III „	4.560	5.723	6.461	7.827	23.706	22.983	19.246	27.352	28.266	28.706	25.707	35.179	108.759	91.936	101.643	81.113	137.025	120.642	127.350	116.292
IV „	3.530	3.971	4.926	5.734	3.624	3.745	5.314	7.140	7.154	7.716	10.242	12.874	11.500	8.450	9 890	7.017	18.654	16.166	20.130	19.891
V „	2.535	3.140	3.789	4.328	1.189	1.192	1.833	2.536	3.724	4.332	5.622	6.859	2.957	1.803	1.827	1.425	6.681	6.135	7.449	8.294
Итого по п. В	12.036	15.304	18.809	24.164	30.328	30.749	29.020	41.497	42.364	46.053	47.829	65.661	455.249	341.907	365.616	331.137	497.613	387.960	413.445	396.798

Источник: Статистический Бюллетень № 8 (13) Ф. Е. Б. НКФ, стр. 19 и 20. Москва. Август. 1925 г.
Предприятия расположены по разрядам по величине предприятия и количеству занятых в них лиц (1 разряд самые мелкие, 2 разряд—мелкие, 3 разряд—средние и 4—5 крупные).

Отдел VI—VII

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Таблица № 1

Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за сентябрь—октябрь

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1925 г.		В %/% к итогам за одноменный срок 1924 г.	
	Сентябрь	Октябрь	Сентябрь	Октябрь
1	2	3	4	5
I. Финансы				
Обыкновенные доходы и налоги в милл. черв. руб.	243,3	232,0	—	113
В том числе:				
1) Прямые налоги	28,3	33,4	—	46
2) Косвенные	79,2	63,2	—	174
3) Пошлины	12,3	13,4	—	154
4) Неналоговые доходы	123,5	122,0	—	139
В том числе по п. 4:				
НКПС	88,7	100,0	—	146
НКП и Т.	8,3	10,9	—	198
II. Кредит (милл. руб.)				
Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акцион. банкам на конец месяца	756,8	—	184	—
Остаток задолженности по учетно-ссудным операциям по Госбанку и 4 акцион. банкам на конец месяца	1.855,3	1977,8	216	217
III. Денежное обращение				
Денежная масса на конец месяца в милл. руб. — черв.	1.142,9	1246,9	185	185
Денежная масса на конец месяца в милл. руб. — товарн.	656,1	711,3	173	172
Эмиссия за месяц в миллион. руб. — черв.	127,3	104,0	241	197
Эмиссия за месяц в миллион. руб. — товарн.	73,1	55,2	227	171

Примечание. 1. Доходы и налоги даны по СССР, включая ДВО и ЗСФСР.
2. Данные предварительные.

Отдел VIII. ЦЕНЫ

Таблица № 1

Розничные цены на товары бюджетного набора по СССР в 1924/25 г. в червонных копейках

(Средние за месяц)

№№ по порядку	1	Единица счета	1925 г. сентябрь
		2	3
	А. Товары, входящие в состав бюджетного набора		
1	Мука ржаная	пуд.	149,3
2	„ пшеничная	„	406,6
3	Крупа (пшено)	фунт.	7,9
4	Картофель	пуд.	55,4
5	Капуста (квашеная)	фунт.	2,7
6	Свекла	„	3,0
7	Лук репчатый	„	5,4
8	Мясо	„	19,2
9	Масло коровье	„	67,3
10	Молоко цельное	бут.	6,8
11	Яйца	шт.	3,4
12	Масло растительное	фунт.	25,0
13	Сельди обыкновенные	„	16,9
14	Сахар-рафинад	„	33,3
15	Соль	„	2,8
16	Сапоги простые	пара	1.570,3
17	Ситец	арш.	38,1
18	Полотно	„	85,4
19	Сукно гражданское	„	487,5
20	Керосин	фунт.	5,4
21	Мыло простое	„	20,6
22	Табак 2 сорт	„	288,5
23	Спички	кор.	1,6
24	Дрова	к. саж.	3.813,1
	Стоимость набора по СССР	—	1.476,7
	В том числе:		
	По I группе городов (столицы)	—	1.866,5
	„ II „ „ (крупные города)	—	1.491,9
	„ III „ „ (средние „)	—	1.439,7
	„ IV „ „ (мелкие „)	—	1.396,5
	„ V „ „ (самые мелкие города)	—	1.432,5
	Б. Товары, не входящие в состав бюджетного набора		
1	Хлеб печеный	фунт.	4,4
2	Крупа гречневая	„	8,0
3	Баранина	„	19,7
4	Сахарный песок	„	27,8
5	Галоши мужские мелкие	пара	354,2
6	Чугунная посуда	фунт.	19,9
7	Стаканы	шт.	14,9

Примечание. По данным Центрального Бюро Статистики Труда.

Таблица № 2

Заготовительные цены „Хлебопродукта"

(за пуд)

№№ по поряд.	МЕСЯЦЫ.	В червонных копейках								В товарных копейках							
		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень	
		1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25	1923/24	1924/25
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	В среднем за месяц																
1	Июль	45	80	68	112	34	94	22	69	29,4	46,1	44,4	64,6	22,2	54,2	14,4	39,8
2	Август	32	91	60	119	42	96	27	69	20,1	51,7	37,6	67,7	26,3	54,6	16,9	39,2
3	Сентябрь	30	71	55	98	30	73	33	62	19,1	42,4	35,1	58,6	19,1	43,6	21,1	37,1
4	Октябрь	33	60	62	89	33	56	28	60	22,2	36,5	41,7	54,2	22,2	34,1	18,8	36,5
5	Ноябрь	37	62	70	90	36	55	32	66	24,4	37,3	46,1	54,2	23,7	33,1	21,1	39,8
6	Декабрь	46	65	76	92	42	67	40	81	23,3	38,0	46,8	53,8	25,9	39,2	24,7	47,4
7	Январь	57	69	95	110	56	72	51	97	32 8	39,7	54,7	63,3	32.2	41,4	29,3	55,8
8	Февраль	73	80	126	133	76	93	75	117	38,0	44,5	65,6	94,0	39,5	51,7	39,0	65,1
9	Март	—	108	126	161	69	121	70	126	—	57,3	67,7	85,5	37,1	64,2	37,6	66,9
10	Апрель	70	134	109	185	69	135	60	140	39,3	68,4	61,2	94,4	38,8	68,9	33,7	71,4
11	Май	59	138	101	182	64	144	59	136	34,4	71,1	59,0	93,7	37,4	74,2	34,4	70,0
12	Июнь	67	126	105	165	70	112	51	124	40,3	66,2	63,2	86,7	42,1	58,8	30,7	65,1
	В среднем за год	47	86	81	118	46	85	42	85	28,2	48,3	48,6	66,3	27,6	47,7	25,2	47,7
	В %%	100	183,0	100	145,7	100	187,0	100	202,4	100	171,3	100	136,4	100	172,8	100	189,3

Примечания: 1. Цены средние для районов заготовок „Хлебопродукта" и взвешены по сумме заготовок этих районов.
2. Пересчет в товарные копейки по оптовому индексу Госплана.

Таблица № 1

Отдел IX. ИНДЕКСЫ ЦЕН

Всесоюзный бюджетный индекс Статистики труда и оптовый индекс Госплана в 1924/25 г.

МЕСЯЦЫ И ДАТЫ	Общий индекс		С.-хоз. индекс		Промышл. индекс		Отношение к общему индексу				Отношение промышл. индекса к с.-хоз. индексу („ножницы“)	
							Сел.-хозяйств. индекса		Промышлен. индекса			
	Бюджетный	Оптовый	Бюджетный	Оптовый	Бюджетный	Оптовый	Бюджетного	Оптового	Бюджетного	Оптового	Бюджетного	Оптового
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. На отдельные числа каждого месяца												
1 Сентября 1925 г.	186,7	172,7	169,8	154,8	217,0	192,7	91	90	116	112	128	124
11 „ „	—	174,5	—	157,5	—	193,3	—	90	—	111	—	123
15 „ „	188,5	—	170,9	—	220,0	—	91	—	117	—	129	—
21 „ „	—	173,8	—	155,7	—	193,9	—	90	—	112	—	125
1 Октября „	192,3	174,2	174,0	155,6	225,0	194,9	90	89	117	112	129	125
11 „ „	—	174,9	—	156,5	—	195,4	—	89	—	112	—	125
15 „ „	196,0	—	178,0	—	228,0	—	91	—	116	—	128	—
21 „ „	—	176,0	—	157,0	—	197,0	—	89	—	112	—	125
1 Ноября „	201,0	175,3	183,4	156,3	232,3	194,4	91	89	116	112	127	125
Б. В среднем за месяц:												
Сентябрь	188,8	174,0	171.2	156,3	220,3	193,7	91	90	117	112	129	124
Октябрь	196,2	175,3	178,2	156,6	228,1	197,1	91	89	116	112	128	125
В. В среднем за квартал:												
Июль—Сентябрь	194,4	176,9	183,0	163,5	216,7	191,6	94	92	111	108	118	117
В среднем за год	202,0	179,2	187.5	166,9	228,3	192,4	93	93	113	107	122	115

Таблица № 2

Покупательная сила червонца в товарных рублях
в 1924/25 г.

МЕСЯЦЫ	В рублях			В %% к одноименному сроку 1923/24 г.		
	По бюджетному индексу		По оптовому индексу Госплана.	По бюджетному индексу		По оптовому индексу Госплана.
	Московскому	Всесоюзному.		Московскому	Всесоюзному.	
1	2	3	4	5	6	7
А						
На отдельные числа каждого месяца						
1 сентября	5,24	5,36	5,79	106,7	107,3	99,8
11 „	—	—	5,73	—	—	96,5
15 „	5,24	5,31	—	105,0	103,3	—
21 „	—	—	5,75	—	—	95,2
1 октября	5,30	5,20	5,74	101,7	99,8	94,2
11 „	—	—	5,72	—	—	94,2
15 „	5,15	5,10	—	102,0	97,9	—
21 „	—	—	5,68	—	—	93,0
1 ноября	5,05	4,98	5,70	100,8	97,1	93,3
Б						
В среднем за месяц						
Сентябрь	5,25	5,30	5,75	104,8	103,5	96,2
Октябрь	5,16	5,10	5,71	101,8	98,1	93,8
В						
В среднем за квартал						
Июль-сентябрь	5,14	5,16	5,66	108,4	105,7	95,9
В среднем за год.	5,09	4,96	5,59	99,4	96,3	94,7

Таблица № 3

Индексы по группам городов бюджетного индекса в 1925 г.

(Цены 1913 г. приняты за 100)

ДАТЫ	I группа			II группа			III группа			IV группа			V группа			По Союзу		
	Общ.	Пром.	С.-хоз.	Общ.	Пром.	С.-хоз.	Общ.	Пром.	С.-хоз.	Общ.	Пром.	С.-хоз.	Общ.	Пром.	С.-хоз.	Общ.	Пром.	С.-хоз.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1 января	183,4	212,1	171,3	198,0	249,3	172,4	191,0	237,4	164,7	201,5	239,6	179,5	202,4	233,8	182,6	197,6	235,7	176,2
1 февраля	186,0	217,7	172.6	197,9	237,4	178,2	192,7	233,5	169,6	204,0	232,7	187,3	202,6	229,1	185,9	198,8	230,7	180,9
1 марта	188,3	213,9	177,4	204,4	231,7	190,7	200,4	227,8	184,8	212,4	229,5	202,5	206,7	224,5	195,4	204,4	226,1	192,3
1 апреля	195,6	212,6	188,4	212,4	227,3	204,9	207,6	226,5	196,9	220,1	226,3	216,6	218,8	228,9	215,6	213,6	224,0	207,6
1 мая	197,8	211,0	192,3	215,1	224,5	210,4	219,4	228,0	214,5	228,8	225,5	230,6	222,8	223,6	222,3	218,9	222,6	216,8
1 июня	191,4	213,4	182,1	210,7	224,4	203,9	214,5	223,9	209,1	219,6	223,0	217,6	221,0	220,3	221,9	214,1	220,9	210,1
1 июля	197,7	210,9	192,1	205,2	223,6	196,0	207,7	218,3	201,6	214,9	219,2	212,3	217,5	216,4	218,2	211,0	217,8	207,1
1 августа	184,3	209,7	173,6	184,4	215,3	169,0	190,7	216,9	175,8	191,0	215,3	177,0	204,5	210,6	200,6	193,5	213,1	182,4
1 сентября	181,9	213,6	168,5	181,6	222,6	161,2	183,9	223,0	161,7	186,7	219,9	167,5	192,7	212,0	180,6	186,7	217,0	169,8
1 октября	183,0	222,8	166,2	185,6	232,2	162,3	190,4	226,2	170,0	192,8	228,0	172,4	199,9	220,7	186,9	192,3	225,0	174,0

Примечание: I группа городов—столицы
II " " крупные города
III " " средние "
IV " " мелкие "
V " " самые мелкие города

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень Сектора мирового хозяйства
Бюро Конъюнктурного Совета Госплана

под редакцией С. А. Фалькнера

№ 9. Ноябрь 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ БЮЛЛЕТЕНЯ № 9

А. Конъюнктура мирового хозяйства

(Сводная таблица показателей)

Б. Диаграммы

Движение цен некоторых чувствительных к конъюнктуре товаров.
Движение индексов курса ценных бумаг на Нью-Йоркской и Лондонской биржах.
Курс европейских валют.

В. Динамика отдельных отраслей

I. Сельское хозяйство

1. Мировая продукция зерновых хлебов в 1924/25 гг.
2. Посевные площади и сборы льна 18 стран за 1923-1925 гг.
3. Посевные площади и сборы хлопка по 16 странам за 1923/24-1925/26 гг.

II. Промышленность

4. Мировая продукция золота по отдельным странам за 1920-1924 гг.
5. Мировая продукция золота по частям света за 1920-1924 гг.
6. Мировая продукция серебра по отдельным странам за 1920-1924 гг.
7. Мировая продукция серебра по частям света за 1920-1924 гг.

III. Товарообмен

8. Движение индексов оптовых цен по 27 странам 1919-1925 гг.
9. Движение индексов оптовых цен в золотом исчислении по 16 странам.
10. Индекс оптовых цен Federal Reserve Board U. S. A. по 5 странам за 1919-1925 гг.
11. Мировое движение индексов стоимости жизни за 1919-1925 гг.

IV. Транспорт.

12. Индексы фрахтовых ставок в портах Англии и Соединенных Штатов за 1920-1925 гг.

V. Труд

13. Международное сравнение реальной заработной платы на 1 июля 1925 г.
14. Производительность труда в угольной промышленности.
15. Безработица в Англии в 1913-1925 гг.

VI. Денежный и капитальный рынок

16. Эмиссия ценных бумаг в Соединенных Штатах за 1919-1925 гг.
17. Эмиссия ценных бумаг в Англии за 1919-1925 гг.

VII. Обобщающие показатели

18. Годовые показатели экономического развития Австрии после войны.
19. Годовые показатели экономического развития Польши после войны.

КОНЪЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Сводная таблица Сектора Мирового Хозяйства

Отрасли хозяйства / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1924 г.		1925 год								
	Месячные средние				Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1. Промышленность																	
1. Общий объем продукции крупной промышленности. (Индексы в %% к 1913 г.)																	
а) Соед. Штаты [1]																	
а) добывающ. .	100	101,3	139,6	123,75	135,5	142,7	125,1	127,2	136,5	116,8	122,0	119,9	135,5	135,5	137,5	—	—
b) обрабатыв. .	100	105,5	124,2	117,8	119,0	126,3	114,8	116,9	126,3	120,1	133,6	134,7	132,6	132,6	134,7	—	—
б) Англия [2] . .	100	80,9	88,8	90,9	89,6	93,9	93,9	93,9	91,6	91,6	91,6	87,0	87,0	87,0	81,2	81,2	81,2
в) Франция [3] . .	100	—	96,9	111,6	111,1	116,6	109,8	117,4	127,9	111,0	116,8	109,8	108,5	109,8	111,4	111,6	123,0
г) СССР [4], . . .	100	—	35,0	48,1	53,6	60,0	57,3	62,8	65,2	66,9	70,5	70,4	70,6	72,6	66,1	72,6	81,8
2. Добыча угля (в тыс. метрических тонн)																	
а) Соед. Штаты	43.088	34.565	49.268	42.278	44.111	49.430	43.100	48.222	53.840	41.878	40.536	37.342	39.561	40.797	43.659	48.775	42.627
б) Англия . . .	24.336	21.133	23.450	22.646	22.330	23.341	21.453	22.341	22.914	21.456	22.849	20.415	20.735	17.864	21.551	16.726	17.483
в) Франция [5] .	3.654	2.595	3.140	3.675	3.755	4.022	3.599	3.770	4.084	3.731	4.056	3.835	3.754	3.799	3.851	3.865	—
г) Германия [7] .	11.782	9.928	5.185	9.902	11.388	11.943	10.688	11.233	11.929	10.535	11.412	10.362	10.437	9.891	11.240	11.061	11.620
д) СССР	2.642	865	1.075	1.259	1.376	1.583	1.322	1.397	1.383	1.447	1.465	1.065	1.043	1.254	1.264	1.272	1.569
е) Мировой показатель [8].	95.058	78.240	91.730	90.178	92.998	100.994	90.071	97.371	104.673	88.934	90.700	82.718	84.877	82.460	90.177	90.244	—
3. Добыча нефти (в тыс. метрических тонн)																	
а) Соед. Штаты	2.880	6.462	8.489	8.197	8.291	8.336	7.830	7.874	8.278	7.517	8.405	8.544	9.469	9.273	9.363	9.286	—
б) СССР	715	399	435	516	544	580	556	517	518	506	574	584	619	614	614	613	651
4. Выплавка чугуна (в тыс. метрических тонн)																	
а) Соед. Штаты .	2.622	2.305	3.417	2.634	2.086	2.517	2.550	3.009	3.424	3.266	3.621	3.311	2.978	2.716	2.707	2.748	2.770
б) Англия . . .	869	415	630	620	578	596	593	590	584	551	618	579	584	518	501	453	456
в) Франция [6] .	757	440	453	638	641	660	634	665	669	637	689	686	706	703	724	713	717
г) Германия [7] .	910	783	411	651	697	759	786	873	910	873	991	896	961	941	886	766	735
д) СССР	351	17,0	32,5	62,2	63,3	74,3	75,7	89,1	92,0	89,7	108,8	107,3	123,8	129,0	125,6	142,4	146,0
е) Мировой показатель [9a].	6.160	4.328	5.383	5.141	4.562	5.132	5.121	5.759	6.213	5.927	6.637	6.162	5.957	5.522	5.399	5.274	—
5. Выплавка стали (в тыс. метрических тонн)																	
а) Соед. Штаты .	2.650	3,015	3.805	3.117	2.873	3.176	3.171	3.627	4.266	3.817	4.266	3,645	3.514	3.259	3.137	3.479	3.549
б) Англия . . .	649	494	718	696	655	689	684	560	615	663	696	607	662	595	600	485	649
в) Франция [7] .	581	373	415	576	598	609	558	605	608	569	607	587	596	600	625	617	632
г) Германия [8] .	981	976	525	820	866	940	969	1.049	1.181	1.155	1.209	1.064	1.115	1.109	1.031	899,5	880
д) СССР	354	29,8	61,7	33,8	108,1	131,4	123,6	139,5	148,6	141,4	161,1	147,8	173,4	173,3	156,9	170,2	196,0
е) Мировой показатель [9b].	5.797	5.284	5.982	5.952	5.716	6.198	6.103	6.634	7.465	7.001	7.727	6.796	6.841	6.406	6.163	—	—
6. Хлопчатобумажная промышленность																	
а) Соед. Штаты (потреблен. хлопка в тыс. кип) . . .	482	513	536	459	435	533	492	532	590	550	583	597	531	494	484	449	483
б) Франц [10] выраб. хл.-бум. пряж. в тысячах м/тонн.	—	17,14	17,49	17,37	17,66	18,63	16,65	18,55	18,76	17,27	18,87	18,11	17,19	17,75	—	—	—
в) СССР	25,30	4,86	6,45	9,78	12,23	14,20	12,34	13,96	14,65	14,91	15,37	15,95	16,00	17,77	12,87	17,20	20,766

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1924 г.		1925 год								
		Месячные средние				Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
7. Судостроение Строящийся тоннаж (в тыс. брутто тонн)	а) Соед. Штаты	148[12]	139[12]	42[12]	42[12]	49	—	—	42	—	—	41	—	—	68	—	—	70
	б) Англия	1.957[12]	1.469[12]	1.395[12]	1.297[19]	1.468	—	—	1.297	—	—	1.165	—	—	1.094	—	—	1.009
	в) Франция	229[12]	189[12]	111[12]	197[12]	137	—	—	197	—	—	187	—	—	169	—	—	150
	г) Германия	545[12]	416[12]	324[19]	355[12]	379	—	—	355	—	—	405	—	—	407	—	—	307
	д) Мировой показатель[11]	3.179[19]	—	2.580[19]	2.546[19]	2.581	—	—	2.470	—	—	2.397	—	—	2.370	—	—	2.207
II. Товарообмен 1. Движение оптовых цен (в золотом исчислении) индексы: 1913 г.=100[13]	а) Соед. Штаты (Bradstreet)	100	133	143	141	141	145	147	151	151	150	149	145	148	150	155	153	154
	б) Англия (Economist)	100	146	152	158	161	167	170	175	174	174	171	167	166	161	165	165	164
	в) Франция (Statistique gén.)	100	139	130	135	133	135	137	142	143	141	138	138	140	134	136	136	136
	г) Германия (Stat. Reichsamt)	100	82[14]	95,1[14]	122,5	127	131	129	131	138	137	134	131	132	134	135	132	126
	д) СССР (Госплан)	100	—	135	174	164	164	168	172	178	183	195	197	191	190	175	173	174
2. Движение стоимости жизни Оффициальные индексы: 1913 или 1914 г.=100	а) Соед. Штат.[15]	100	169	171	171	171	—	—	173	173	173	173	173	173	173,5	—	—	—
	б) Англия[15]	100	181	174	175	176	180	181	180	179	179	175	173	172	173	173	174	176
	в) Франция[16]	100	297	327	364	—	—	377	—	—	386	—	—	390	—	—	401	—
	г) Германия[17]	100	42[14]	59[14]	115	116	122	123	123	124	125[19]	126[19]	127[19]	126[19]	128[19]	134[19]	133[19]	132[19]
	д) СССР[18]	100	—	149	201	192	195	198	198	199	204	214	219	214	211	194	187	192
3. Внешняя торговля (ценность в милл. зол. ден. единиц) а) Привоз (только для потребления внутри страны)	а) Соед. Штаты (доллары)	147,9	256,0	311,8	298,4	278,7	316,9	296,5	320,5	335,4	318,0	375,8	328,9	320,6	319,9	318,0	333,1	342,4
	б) Англия (фунт. стерл.)	54,9	68,3	76,6	86,3	83,7	99,5	101,3	116,0	113,6	94,4	98,2	96,4	89,5	100,3	87,3	78,1	87,0
	в) Франция (фр.)	701,8	847,5	548,1	909,7	865,0	920,7	932,3	1.153,2	885,2	916,9	889,5	820,7	798,6	738,8	740,3	801,2	1.058,5
	г) Германия (марки)	933,8	516,7	506,8	755,6	623,4	855,6	1.047,7	1.308,7	1.369,9	1.123,1	1.109,4	1.079,9	1.083,2	1.069,8	1.180,0	1.303,4	1.103,6
	д) СССР (руб.)[20]	101,7	22,5	12,0	18,2	25,1	19,4	16,7	20,6	17,7	24,8	31,6	36,1	47,9	34,9	36,5	27,0	43,2
б) Вывоз (только товаров внутренней продукции)	а) Соед. Штаты (доллары)	204,0	313,8	340,9	374,8	419,2	518,4	486,5	438,7	440,4	364,8	445,5	391,6	362,8	315,4	331,6	372,5	412,7
	б) Англия (фунт. стерл.)	43,8	54,6	60,1	60,2	58,0	63,9	64,9	67,2	67,9	67,9	69,0	60,0	64,0	58,8	64,7	60,9	60,5
	в) Франция (фр.)	573,4	757,2	798,8	939,6	872,5	957,1	937,1	1.131,8	994,0	985,1	1.012,0	957,0	979,2	866,1	939,0	791,7	944,0
	г) Германия (марки)	849,9	330,8	508,5	544,2	564,0	611,1	643,3	739,8	697,4	631,4	711,1	672,2	732,2	687,7	746,5	727,5	780,2
	д) СССР (руб.)[21]	118,4	6,8	17,2	25,2	28,2	24,1	22,4	23,7	23,2	20,3	21,8	18,8	21,7	32,0	26,7	38,0	47,5
III. Денежное обращение 1. Количество всех видов денег в обращении в милл. ден. единиц (на конец месяца)	а) Соед. Штаты (долл.)[21]	2,575[12]	4.733[12]	4.951[12]	4.993[12]	4.806	4.880	4.994	4.993	4.752	4.804	4.776	4.725	4.774	4.734	4.720	4.784	4.827
	б) Англия (фун. стерл.)[22]	29,6[12]	398,3[12]	397,8[12]	397,6[12]	387,3	386,5	389,5	397,6	378,7	379,1	383,0	384,2	390,4	386,2	391,3	384,5	381,5
	в) Франция (фр.)[23]	5.714[19]	36.359[12]	39.114[12]	40.885[12]	40.534	40.529	40.447	40.885	40.516	40.729	40.904	43.050	42.703	43.800	44,496	45,445	46.354
	г) Германия (зол. мар.)[23]	6.070[12]	1.293,5[12] мрд. бум. м.	2.274[12]	4.274[19]	3.708	3.826	3.956	4.274	4.209	4.391	4.479	4.503	4.771	4.775	4.891	4.983	5.055
	д) СССР (черв. руб.)[21]	2.299,6[19]	117,5[12]	306,2[12]	742,5[12]	622,7	675,1	720,7	742,5	710,5	730,0	765,6	780,0	791,5	846,1	915,2	1.015,6	1.142,9

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1924 г.		1925 год.								
		Месячные средние				Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2. Валютные курсы	а) Соед. Штаты .																	
Индексы курсовой цен. данной валюты на Нью-Йоркской бирже.	б) Англия . . .	100[23]	100 [12]	100 [12]	100[12]	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	в) Франция . .	100[23]	95,2 [12]	89,3[12]	97,0[12]	91,7	92,6	95,2	97,0	98,3	98,0	98,1	98,5	99,7	99,9	99,9	99,8	99,6
	г) Германия . .	100[23]	37,6 [12]	26,9[12]	28,0[12]	27,4	27,1	27,3	28,0	27,9	27,4	26,9	26,9	26,9	24,7	24,4	24,3	24,5
	д) СССР	100[23]	0,06[12]	—	100[12]	101	101	101	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	е) Мировой показатель[22a]	100[23]	—	—	—	—	—	—	—	100,3	100,5	100,4	100,5	100,2	100,2	100,1	100,2	101,1
		100[23]	62,1	60,5	75,6	76,4	76,9	77,8	78,6	79,1	78,9	78,9	79,0	79,5	79,9	79,3	79,4	79,5
3. Обороты расчетных палат	а) Соед. Штаты (Нью-Йорк, доллары)	7,89	18,16	17,83	20,82	19,29	21,59	22,43	25,63	26,72	21,06	23,35	22,85	23,85	24,02	23,40	20,22	21,77
(в миллиардах денежных единиц)	б) Англия (Лондон, фунт. стерл.)[5]	1,37	3,10	3,05	3,50	3,06	3,24	3,56	3,26	3,58	3,58	3,55	3,11	3,40	3,21	3,95	3,14	2,97
	в) Франция (Париж, франки) . .	1,53	13,14	19,89	30,76	24,02	24,53	22,98	27,13	23,91	24,65	29,17	27,89	25,29	33,90	29,45	24,28	24,72
	г) Германия (Рейхсбанк, зол. марки)	6,10	—	—	2,52	2,54	2,97	2,99	2,59	3,94	3,64	4,09	4,17	4,10	4,30	4,61	4,43	4,38
IV. Транспорт																		
1. Погрузка железных дорог	а) Соед. Штаты (в тыс. груж. вагонов) [5]	—	3.601	4.150	4.044	4.492	4.726	4.223	3.760	3.857	3.921	4.003	4.031	4.207	4.285	4.211	4.648	4.655
(Месячная—в милл. тонн, кроме Соед. Штатов)	б) Англия . . .	30,74	25,45	29,00	28,38	28,20	29,66	27,90	28,09	28,87	26,82	28,86	26,22	26,81	24,05	28,51	—	—
	в) Германия . .	35,00[24]	33,25	20,02[24a]	21,70	22,00	28,37	29,43	29,59	30,52	29,60	31,98	29,30	30,03	28,94	32,90	31,32	—
	г) СССР	13,09	—	5,07	5,85	6,46	7,42	6,28	6,10	5,99	6,02	6,99	6,35	6,48	6,79	7,06	8,04	8,84
2. Судооборот морских портов	а) Соед. Штаты .	8.923	10.836	11.073	11.427	12.874	13.296	11.512	10.042	9.582	9.077	10.278	11.056	11.259	13.068	13.330	13.532	—
	б) Англия . . .	9.741	8.590	10.149	10.045	10.704	10.974	10.063	10.136	9.624	8.568	9.515	9.300	9.940	10.186	9.954	9.000	10.099
	в) Франция . .	5.052	5.183	6.047	6.268	6.955	6.904	6.155	5.931	5.838	5.462	6.198	6.793	7.346	7.156	7.545	7.379	—
	г) Германия . .	4.435	3.735	5.106	5.104	5.223	5.620	5.626	5.715	5.225	4.774	5.228	5.428	6.049	5.610	6 002	6 234	—
(в тыс. регистровых тонн).	д) СССР	2.599	308	428	500	—	1.805[31]	1.229[25]	1.213[25]	1.015[26]	1.059[26]	1.493[27]	1.963[27]	2.275[27]	2.367[28]	2.678[27]	3.072[27]	—
	е) Мировой показатель [29]	56.313	54.093	60.786	64.145	67.897	71.594	67.050	66.429	62.406	59.652	65.475	65.835	70.014	71.539	—	—	—
V. Труд																		
1. Безработица	а) Соед. Штаты (индекс числа занят. раб. в промышл.) .	100 [31]	89,4	101,1	91,3	87,7	88,9	88,3	90,4	91,0	92,6	93,3	93,1	91,9	91,1	90,3	—	—
	б) Англия % % [32]	—	14,0	11,6	10,3	10,8	11,1	11,0	10,9	11,5	11,6	11,4	11,2	11,2	12,2	11,5	12,5	12,0
	в) Герман. % % [33]	2,9	1,5	10,2	14,2	10,5	8,4	7,3	8,1	8,1	7,3	5,8	4,3	3,6	3,5	3,7	4,3	4,5
	г) Франция (в тысяч.) [34]	—	5,5	1,3	0,7	0,4	0,4	0,5	0,5	0,7	1,0	1,0	0,9	0,7	0,6	0,6	0,6	—
2. Реальная заработная плата	а) Соед. Штаты (шт. Нью-Йорк)[35].	100	118	126	128	130	126	126	128	128	127	129	125	127	127	—	—	—
	б) Англия [36] . .	100	107,9	99,0	101,1	101,7	99,2	98,9	99,4	100,6	101,1	103,4	104,6	105,2	104,6	104,0	103,4	—
Индексы в % % к довоенной	в) Франция (углекопы)	100	104	107	106,3	—	—	100,9	—	—	100,8	—	—	—	—	—	—	—
	г) Германия: [37]																	
	а) необуч. рабочих . . .	100	80,8[38]	79,5	6	92,6	89,6	91,2	94,2	96,5	97,6[39]	99,4	101,0	104,0	103,7	100,9	102,8	104,8
	b) Обуч. рабочих	100	62,2[38]	62,2	85	84,6	82,8	84,1	86,7	89,4	90,4[39]	92,2	93,8	96,8	96,4	95,0	97,1	99,1
	д) СССР [40] . .	100	31,5	53,7	—	81,7	83,9	75,2	77,2	77,3	74,5	75,5	74,5	77,8	81,2	—	—	—

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.	
		Месячные средние				Сентябрь	Октябрь
		1	2	3	4	5	6
3. Стачки и локауты	а) Соед. Штаты						
А—число конфликт.	А	—	1.083	1.506	1.227	71	74
Б—число участник.	Б	—	1.608	774	654	28	52
(в тысячах)	б) Англия . . .						
В — Число потерян.	А	1.459	576	628	709	75	74
человеко-дней	Б	664	552	405	612	28	36
(в тыс.).	В	9.800	19.850	10.670	8.320	518	377
	в) Франция. . .						
	А	1.219	—	—	105	68	61
	Б	229	—	—	20	10	10
VI. Денежный и капит. рынок							
1. Учетный процент центральн. эмиссионных банков	а) Соед. Штаты.	3,5	4,21	4,43	3,6	3	3
	б) Англия . .	4,77	3,70	3,49	4,0	4	4
	в) Франция . .	4	5,08	5	6,0	6	6
	г) Германия . .	5,87	6,58	39,5	10,0	10	10
	д) СССР	6	12	10	8	8	8
2. Эмиссия ценных бумаг	а) Соед. Штаты .	217,0	437,1	415,0	528,7	540,3	733,7
	б) Англия . .	100,7	215,7	109,0	89,3	22,7	157,0
	в) Франция . .	42,4	113,6	59,2	23,6	26,5	24,6
(в милл. долларов)	г) Германия . .	24,5	3,7	2,4	5,4	3,5	8,5
Вся эмиссия	Мировой показатель[41] . .	103,0	664,8	624,6	693,0	632,2	953,3
	% Соед. Штатов к миров. показат.	53,8	42,9	66,5	76,3	85,5	77,0
	% Англии к миров. показателю .	31,2	32,4	17,5	12,9	3,6	16,5
В том числе внешняя эмиссия (включая колониальн.)	а) Соед. Штаты .	—	67,4	29,6	104,8	164,9	250,2
	б) Англия . . .	80,1	54,1	49,6	49,9	11,9	119,6
3. Курсы акций	а) Соед. Штаты (Harward Econ. Service—20 акций)	—	—	94,9	99,5	102,8	102,0
Индексы	б) Англия—(Bankers Magazine)[42] .	—	113,8	119,3	121,3	120,7	121,9
	в) Франция (Lond. a. Cambr. Ec. Serv.—10 металлопр. акций)[43]	114,0	133,5	172,5	155,4	147	149
	г) Германия (W. u. St.—265 акций).	—	58,5	118,5	93,3	88,8	82,4
4. Банкротства	а) Соед. Штаты .	1.336	1.888	1.597	1.643	1.277	1.578
	б) Англия . . .	294	423	451	427	363	459
(число)	в) Германия . .	815	84	22	504	850	752

1924 г.		1925 год								
Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
59	40	90	85	83	—	—	—	—	—	—
34	7	15	37	49	—	—	—	—	—	—
72	65	58	64	80	70	81	79	78	75	69
15	16	12	13	44	25	27	34	216	220	41
134	92	67	85	161	122	202	281	1.857	2.850	410
65	66	77	93	105	—	—	—	—	—	—
14	11	7	14	9	—	—	—	—	—	—
3	3	3	3	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
4	4	4	4	5	5	5	5	5	4,5	4,5
6	7	7	7	7	7	7	7	6	6	6
10	10	10	10	9	9	9	9	9	9	9
8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
427,2	557,2	685,4	664,6	505,4	607,1	530,8	673,9	718,2	399,7	490,3
102,0	130,2	235,1	170,4	111,7	102,1	241,3	135,6	90,3	12,9	63,3
20,3	22,6	13,7	14,3	18,7	16,3	21,4	31,7	15,7	5,7	8,1
2,7	4,8	18,6	9,6	37,0	10,4	14,4	11,8	6,0	0,9	10,6
579,2	764,2	1.027,0	899,8	729,1	795,4	856,0	934,1	895,2	—	—
73,8	72,9	66,7	73,9	69,3	76,3	62,0	72,1	80,2	—	—
17,6	17,0	22,9	18,9	15,3	12,8	28,2	14,5	10,1	—	—
123,9	161,1	65,0	154,5	62,4	55,2	20,4	176,1	187,8	104,3	93,1
43,6	72,2	17,6	39,3	31,0	16,3	95,4	10,3	54,6	7,0	3,7
108,2	114,2	122,2	121,1	120,9	119,8	126,1	128,8	133,6	139,6	144,0
126,2	126,9	129,0	129,2	127,2	126,9	125,6	125,5	124,2	127,1	126,6
136	120	124	117	115	109	109	103	114	122	116
83,8	96,0	116,9	113,7	108,6	103,5	96,0	84,5	82,1	75,6	79,8
1.471	1.807	2.344	1.651	1.631	1.667	1.572	1.457	1.452	1.349	1.234
432	418	440	432	513	369	475	451	479	—	—
621	616	796	723	776	687	807	766	797	751	914

Примечания к сводной таблице.

[1] Индексы Survey of Current Business, перечисленные по основанию 1913 г.

[2] Индексы London and Cambridge Economic Service, исчисляемые по кварталам.

[3] Индексы Société d'études économiques.

[4] По данным о крупной промышленности, подведомственной ВСНХ.

[5] Месячные показатели, полученные путем умножения недельной средней за данный месяц на $4^1/_8$.

[6] В послевоенных границах (включая Эльзас-Лотарингию).

[7] В послевоенных границах, (без Эльзас-Лотарингии, Саарской Области и Польской части Верхней Силезии). Для довоенной Германии месячная средняя 1913 г. составляла 15.843 тыс. метр. тонн угля, 1.397 тыс. метр. тонн чугуна и 1.429 тыс. метр. тонн стали. Цифры за 1924 и 1925 гг. по данным журнала. „Stahl und Eisen".

[8] Добыча 12 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Нидерландов, Франции, Саарской Области, Германии, Польши Чехо-Словакии, Брит. Индии, Южной Африки и СССР.

[9a] Продукция 10 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Люксембурга, Польши, Франции, Германии, Швеции, Канады и СССР.

[9b] по 11 странам: Соед. Штаты, Англия, Франция, Бельгия, Люксембург, Италия, Швеция, Германия, Польша, СССР и Канада.

[10] Приближенные цифры, исчисленные нами на основании данных Statistique générale de la France.

[11] По 14 странам: Соединенным Штатам, Англии, Ирландии, Английским колониям, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Дании, Германии, Данцигу и Японии и проч. странам.

[12] К концу года.

[13] Индексы на конец месяца, кроме Германии, для которой дана мес. средняя.

[14] 1922 и 1923 г.г. в золотом исчислении по курсу доллара.

[15] Индексы на конец квартала (Соед. Штаты, 1913 г.=100) или месяца (Англия, июль 1914 г.=100).

[16] Квартальный индекс; 1 января—30 июня 1914 г.=100. Полный индекс г. Парижа.

[17] Месячная средняя; 1913/14 г.=100.

[18] На конец месяца; 1913 г.=100.

[19] Старый индекс; новый расширенный индекс, публикуемый с февраля 1925 г., составляет: в феврале—136, марте—136, апреле—137, мае—135,5, июне—138, июле—143, августе—145, сентябре—145.

[20] Только по Европейской границе; в милл. руб. по ценам 1913 г.

[21] Все виды денег, включая звонкую монету.

[22] Только бумажные деньги: банкноты (Франция), банкноты и казначейские билеты (Англия).

[23] Паритет=100.

[23a] Индекс Wirtschaft u Statistik, взвешенный по доле участия отдельных стран и частей света в мировой торговле в 1913 г.

[24] В послевоенных границах, без ж. д. Эльзас-Лотарингии, в границах сети современных Reichseisenbhanen.

[24a] Неполные цифры вследствие оккупации Рура.

[25] По всем портам, кроме Ленинграда и портов Тихого Океана.

[26] Кроме портов Тихого Океана.

[27] Кроме Владивостока.

[28] Кроме Ленинграда и Владивостока.

[29] Исчислено по 28 странам: Соединенным Штатам, Великобритании, Ирландии, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Норвегии, Германии, Данцигу, Болгарии, Греции, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве, Чили, Японии, Сиаму, Британской Индии, Палестине, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканскому Союзу, Египту и СССР.

[30] Без судооборота Греции, Чили и Палестины.

[31] Данные Bureau of Labor Statistics, перечисленные по основанию июнь 1914 г.=100.

[32] % безработных среди застрахованных рабочих.

[33] % полных безработных среди членов профсоюзов.

[34] Число безработных, получающих пособие от государства.

[35] Исчислено по индексу стоимости жизни г. Нью-Йорка.

[36] Исчислено по индексам о номинальной плате проф. Боули (8 производств).

[37] До сентября 1924 г. исчислено по индексу стоимости жизни за период реализации платы (с 7 числа отчетного месяца по 7-е число следующего месяца), а за последующие сроки—по индексу соответствующего месяца.

[38] Средняя за апрель, июль, октябрь, ноябрь и декабрь.

[39] По старому индексу стоимости жизни; по новому индексу (см. выше примечание 19-е), получаются следующие показатели уровня реальной платы: для необученных рабочих: февраль—90,0, март—91,85, апрель—93,7, май—96,4. июнь—96,1, июль 94,1, август—94,4; сентябрь—95,2; для обученных рабоч.: февраль—83,4, март—85,2, апрель—87,0, май—89,7, июнь—89,4 июль—88,6, август—89,2: сентябрь—90,1.

[40] Данные Ц. Б. Статистики Труда.

[41] Эмиссия 9 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Дании и Германии.

[42] Декабрь 1921 г.=100.

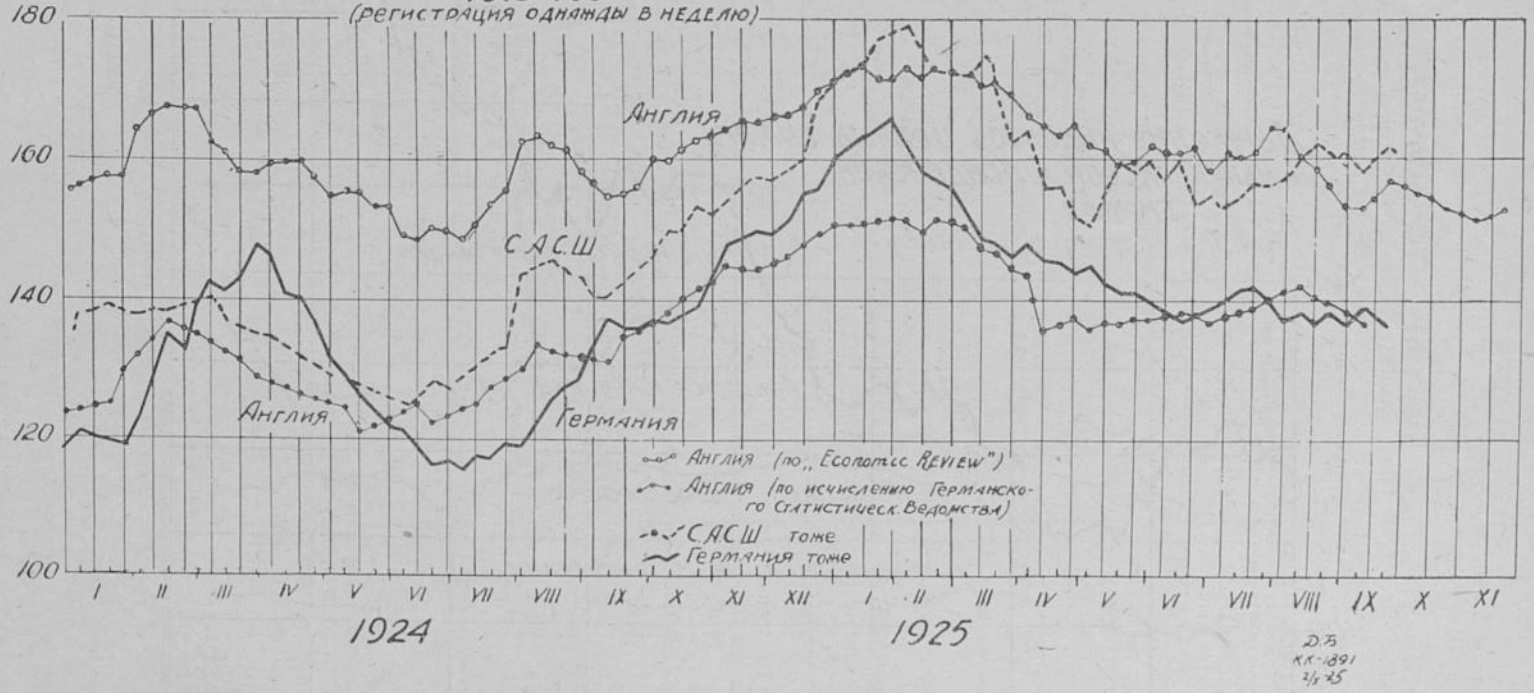
[43] Средняя за 1904—1913 г.г.=100.

По „Wirtschaft und Statistik" и „the Economic Review."

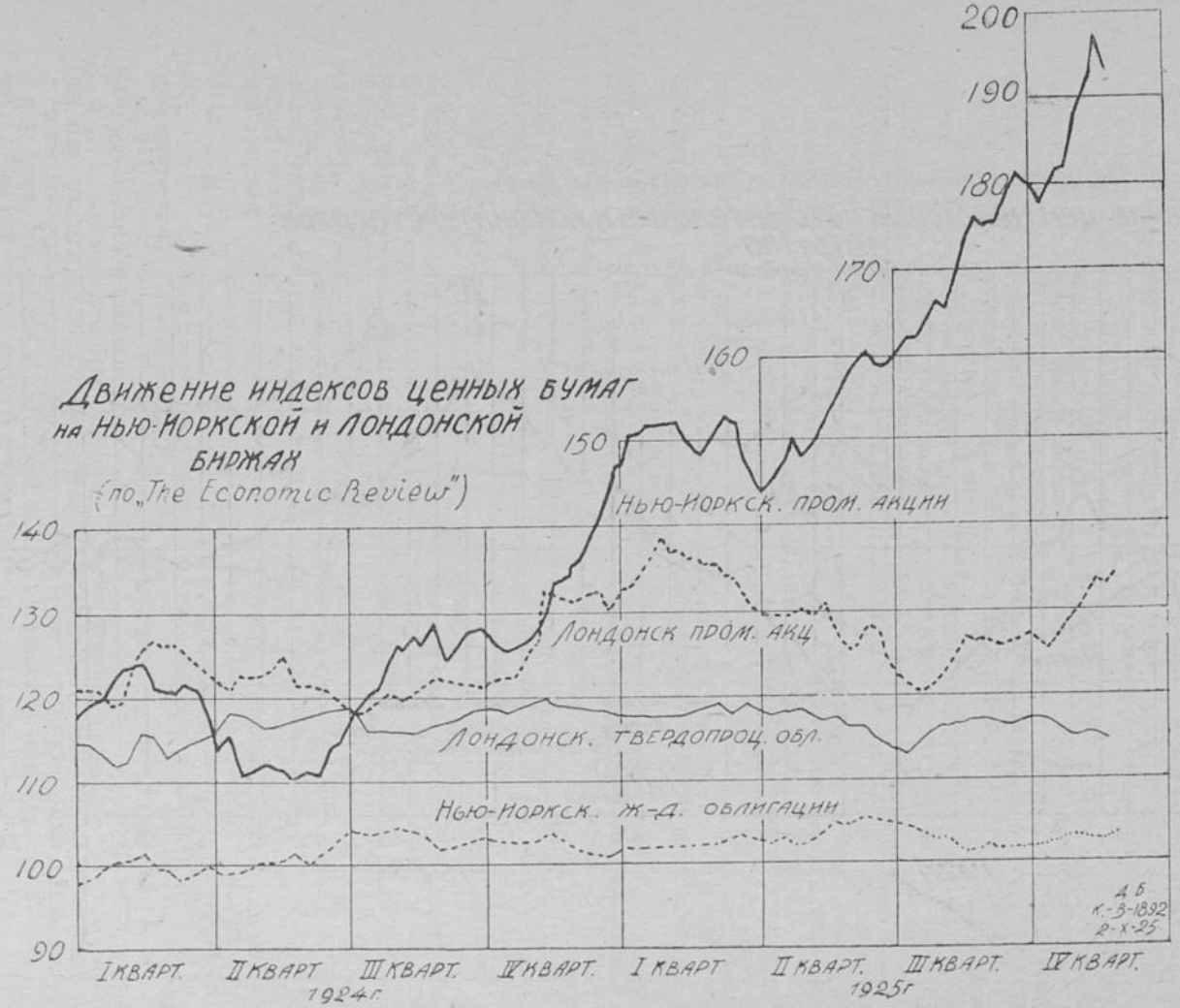
Движение цен некоторых чувствительных к конъюнктуре товаров

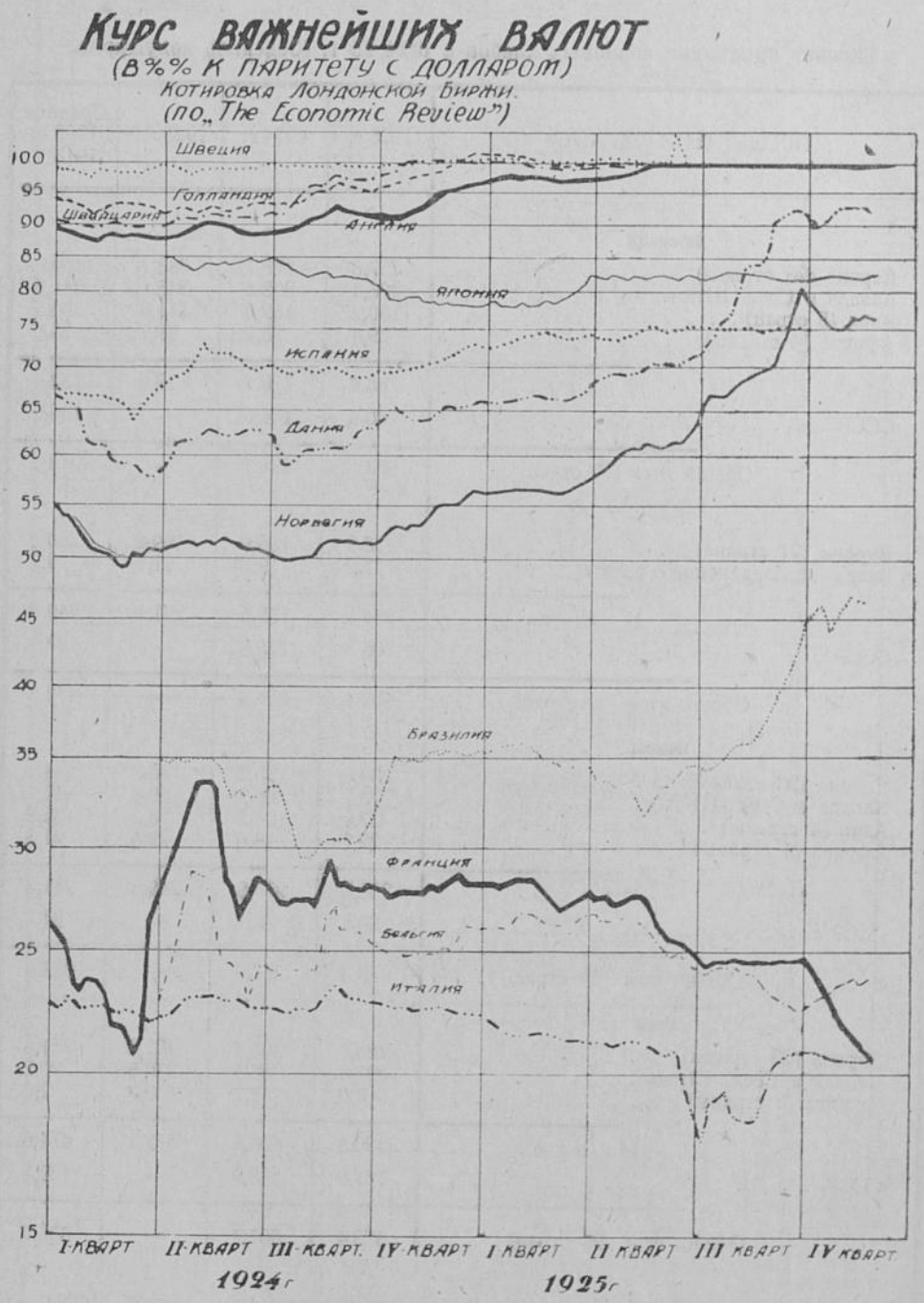
1913=100

(регистрация однажды в неделю)



D.B.
KK-1891
7/5-25


Движение индексов ценных бумаг
на Нью-Йоркской и Лондонской биржах
(по „The Economic Review")
Нью-Йоркск. пром. акции
Лондонск пром. акц
Лондонск. твердопроц. обл.
Нью-Йоркск. ж-д. облигации
200
190
180
170
160
150
140
130
120
110
100
90
I кварт.
II кварт.
III кварт.
IV кварт.
1924г.
I кварт.
II кварт.
III кварт.
IV кварт.
1925г.
А Б
К-3-1892
2-X-25


Курс важнейших валют
(в % к паритету с долларом)
Котировка Лондонской Биржи.
(по „The Economic Review")
Швеция
Голландия
Швейцария
Англия
Япония
Испания
Дания
Норвегия
Бразилия
Франция
Бельгия
Италия
100
95
90
85
80
75
70
65
60
55
50
45
40
35
30
25
20
15
I-квартI-квартII-квартIII-квартIV-квартI-квартII-квартIII-квартIV-кварт
1924 г
1925 г

Отдел I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Таблица № 1

Мировая продукция зерновых хлебов в 1924/25 г. (Северное полушарие)

ПРОДУКТЫ И СТРАНЫ	1925 г.	1924 г.	1923 г. [1]	Средняя 1909—1913 г.
Пшеница				
Европа (23 страны)	357,6	279,7	333,1	360,6
Канада и Соед. Штаты	296,4	308,8	346,1	241,5
Азия (5 стран)	100,2	109,0	111,6	104,5
Африка (4 страны)	29,4	23,2	29,1	25,6
Итого	783,6	720,7	819,9	732,2
СССР	180,0	104,0	—	186,0
Общий итог (35 стран)	963,6	824,7	—	918,2
Рожь				
Европа (21 страна)	226.9	155,9	199,2	239,8
Канада и Соединенные Штаты	17,2	19,6	21.9	9,7
Итого	244,1	175,5	221,1	249,5
СССР	208,3	175,8	—	187,0
Общий итог (24 страны)	452,4	351,3	—	436,5
Ячмень				
Европа (23 страны)	130,6	115,2	135,2	144,4
Канада и Соед. Штаты	73,7	60,2	59,8	50,1
Азия (4 страны)	27,1	24,9	23,3	25,5
Африка (4 страны)	22,2	18,6	22,5	21,3
Итого	253,6	218,9	240,8	241,3
СССР	59,8	38,1	—	84,6
Общий итог (34 страны)	313,4	257,0	—	325,9
Овес				
Европа (22 страны)	224,7	205,7	232,3	251,8
Канада и Соед. Штаты	292,8	286,4	276,5	220,2
Африка (3 страны)	3,0	1,7	3,3	2,6
Итого	520,5	493,8	512,1	474,6
СССР	101,9	73,9	—	130,1
Общий итог (28 стран)	622,4	567,7	—	604,7

Источник: Bulletin de Statistique Agricole et Commerciale. Rome, 1925 г.

[1] Сведения по СССР исчислены Римским институтом по данным Ц. С. У. За 1923 г. полных сведений не имеется.

Таблица № 2

Посевные площади и сборы льна 18 стран

№№ по порядку	СТРАНЫ	Посевы в тысячах гектаров					Сборы в тысячах квинталов									
		Средние за 1909—1913 г.	Средние за 1918—1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	Средние за 1909—1913 г.		Средние за 1918—1922 г.		1923 г.		1924 г.		1925 г.*	
							Семя	Волокно	Семя	Волокно	Семя	Волокно	Семя	Волокно	Семя	Волокно
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Аргентина	1,620	1.680	2.127	2.559	2.431	7.904	—	11.395	—	14.881	—	11.452	—	—	—
2	Брит. Индия	1.545	1.150	1.369	1.507	1.495	5.047	—	3.810	—	5.416	—	4.704	—	5.497	—
3	С. Штаты	1.008	598	834	1.331	1.252	4.955	—	2.530	—	4.427	—	7.664	—	5.899	—
4	СССР **	1.538	807 [3]	874	1.159	—	5.993	6.271	2.472	879	2.800	1.200	4.197	—	—	—
5	Канада	419	379	255	517	457	3.058	—	1.455	—	1.814	—	2.463	—	2.401	—
6	Польша	—	102	104	106	108	—	—	507	516	594	408	569	437	—	—
7	Литва [1]	—	55	52	62	81	—	—	215	206	268	302	338	326	487	422
8	Латвия	—	34 [2]	56	61	78	—	—	136	135	163	192	249	262	301	345
9	Урагвай	51,2	29	43	59	51	242	—	185	—	299	—	392	—	—	—
10	Эстония	—	21	31	31	45	—	—	77	72	88	98	117	107	160	—
11	Чехо-Словакия	—	23 [3]	21	22	25	—	—	78	129	92	129	90	123	125	152
12	Бельгия [1]	19,8	26	19	22	23	—	235	128	288	105	271	118	161	—	—
13	Марокко франц.	—	23	14	18	22	—	—	146	—	66	—	113	—	122	—
14	Италия **	17,1	20	20	21	20	84	29	113	126	102	24	107	21	100	24
15	Франция ** [2]	24,9	22	15	20	20	135	184	109	155	73	105	90	154	—	—
16	Сев. Ирландия	—	27	17	17	15	—	—	—	89	—	66	—	59	—	—
17	Япония	4,9	30	16	15	—	25	23	130	94	55	26	54	38	—	—
18	Юго-Славия	—	14 [3]	13	13	13	—	7	—	78	—	87	—	85	—	—

* Предварительные данные.
** Довоенные цифры не вполне сравнимы с последующими вследствие территориальных изменений.
[1] Лен и пенька.
[2] Неполные данные.
[3] Средние за 1920—1922 г.
Источники: 1) Annuaire Internationale de Statistique Agricole Rome, 2) Bulletin de Statistique Agricole et Commerciale, Rome.

Посевные площади и сборы хлопка по 16-ти странам

№№ по порядку	СТРАНЫ	Посевы в тысячах гектаров					Сборы в тысячах квинталов				
		Средние за 1909/10—1913/14 гг.	Средние за 1918/19—1922/23 гг.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.[7]	Средние за 1909/10—1913/14 гг.	Средние за 1918/19—1922/23 гг.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.[7]
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Соединенные Штаты	13.820,8	13.692,4	15.026,1	16.738,0	18.797,0	28.258,2	23,664,5	21.984,5	29.547,7	32.000,0
2	Британская Индия	9.102,1	8 579,5	9.343,3	10.708,2	6.557,4[6]	7.770,2	8.322,9	9.207,9	10,991,5	—
3	Египет	705,4	656,1	667,1	751,0	808,4	3.149,8	2.470,7	2.625,6	3.189,9	3.335,6
4	Бразилия	203,9[1]	427,2	795,5	636,7	—	611,9[1]	986,6	1.560,8	1.312,0	—
5	СССР	—	113,7[3]	225,1	497,1	654,3	—	113,4[3]	409,5	982,8	1.850,0
6	Мексика	99,3[2]	98,0[4]	113,0	210,2	—	437,0[2]	352,9[5]	304,3	646,1	—
7	Уганда	23,3	84,5	169,4	236,5	—	44,1	97,7	204,1	—	—
8	Корея	59,2	143,0	153,3	170,6	192,4	56.9	192,2	240,7	262,6	296,6
9	Аргентина	2,1	17,8	62,7	104,5	—	6,4[2]	43,7	149,1	145,9	—
10	Судан	19,0[2]	27,7	41,0	—	—	26,9	45,0	88,1	—	—
11	Австралия	0,15	1,0	16,3	20,2	—	0,16	1,4	19,1	31,3	—
12	Парагвай	—	1,6	11,0	11,0	—	—	4,6	35,3	26,5	—
13	Ниасса	12,4[2]	9,7	8,5	—	—	10,9[2]	6,0	5,0	—	—
14	Италия	—	3,5	3,5	3,5	3,5	—	11,3	10,8	9,8	—
15	Болгария *	0,8	2,0	2,7	2,1	2,3	1,8	3,3	3,9	6,4	5,6
16	Кипр	4,2	3,5	2,4	4,2	—	4,3	3,7	3,6	5,5	—

* Довоенные цифры не вполне сравнимы с последующими вследствие территориальных изменений в результате войны.

[1] 1915/16 г.

[2] Средн. за 4 года.

[3] Средн. за 1920/21—1922/23 г.

[4] 1922/23 г.

[5] Средн. за 1921/22—1922/23 г.

[6] Неполные данные, в 1924/25 г. соответствующая площадь составляла 5.144,7.

[7] Данные предварительные.

Источники. Annuaire International de Statistique agricole; Rome 1923. Bulletin de Statistique agricole et commerciale Rome 1925.

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица № 4

Мировая продукция золота
по отдельным странам
(в унциях по 31,10 грамм.)

СТРАНЫ	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Южно-Африканск. Союз.	8.798.700	8.158.455	8.128.722	7.009.858	9.149.073	9.597.634
Соединенные Штаты . .	4.299.800	2.476.166	2.422.006	2.363.075	2.502.632	2.511.243
Канада	803.000	765.007	926.329	1.263.364	1.233.341	1.516.360
Мексика	829.800	735.078	684.634	748.291	776.808	794.401
Австралия	2.225.700	971.403	767.571	767.614	724.396	699.910
Родезия	690.500	553.067	586.908	655.296	649.082	629.000
Британск. Индия	589.100	499.068	432.723	438.015	422.307	433.750
СССР	1.282.300	57.225	43.177	146.700	250.673	350.000
Колумбия	143.800	280.575	290.250	275.737	275.738	—
Япония	174.800	248.181	237.106	241.993	255.460	250.000
Брит. Западн. Африка .	384.900	230.948	203.606	213.395	200.565	200.500
Новая Зеландия	343.600	124.375	135.720	144.117	155.000	133.000
Бразилия	109.100	125.775	134.482	146.668	144.675	—
Перу	23.800	62.757	77.385	81.436	120.372	—
Корея	173.300	76.000	130.893	127.892	121.433	122.000
Китай	177.000	125.000	100.000	100.000	100.000	100.000
Нидерландск. Индия . .	163.900	90.920	94.168	104.295	110.885	100.000
Бельгийское Конго . . .	44.300	96.804	65.715	68.351	91.306	91.300
Чили	8.500	43.538	45.139	79.828	64.307	—
Гвиана французская . .	—	43.538	48.375	47.772	44.624	—
Эквадор	19.700	36.281	36.259	42.456	42.000	—
Румыния	—	—	41.409	42.984	48.225	42.290
Британ. Малайск. Госуд.	65.400	29.025	24.188	29.025	29.025	29.000
Формоза	39.400	13.500	28.455	21.958	21.958	22.000
Венецуэла	21.500	18.839	30.253	17.361	17.361	—
Франция	102.900	900	8.906	16.493	16.943	—
Мадагаскар	60.800	16.686	14.660	18.582	16.139	16.000
Гвиана Нидерландская .	—	12.506	11.285	11.992	12.731	—
Гвиана Британская . . .	—	9.675	12.828	10.876	6.173	—
Чехо-Словакия	—	8.761	11.413	8.294	4.822	—
Австрия	105.400	—	161	546	739	—

Источник: Zeitschrift für Geopolitik, 1925, Heft 9.

Отдел II

Таблица № 5

Мировая продукция золота по частям света

(в унциях по 31,1 гр.)

СТРАНЫ / ГОДЫ	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Европа	1.515.800	76.034	113.297	224.761	331.531	410.000
Северная Америка	5.932.500	3.976.351	4.032.969	4.374.730	4.512.781	4.820.004
Центральная Америка	131,700	145.125	120.937	120.937	96.750	100.000
Южная Америка	563.700	638.584	690.513	719.500	733.142	750.000
Азия	1.407.500	1.111.060	1.078.170	1.084.102	1.077.847	1.076.750
Африка	10.024.800	9.082.865	9.044.595	8.009.069	10.155.025	10.584.434
Австралия и Океания	2.569.300	1.095.778	903.291	911.731	879.396	832.910
Мировая продукция	22.145.300	16.128.698	15.983.772	15.444.830	17.786.472	18.574.098
„ „ в килогр.	688.797	501.509,1	497.095,3	480.334,2	553.159,2	577.654,4
„ „ в мил. долл.	457,8	336,9	330,2	319,6	365,2	383,9

Источник: Zeitschrift für Geopolitik, 1925, Heft 9.

Отдел II

Таблица № 6

Мировая продукция серебра

по отдельным странам

(В унциях по 31,1 гр.)

СТРАНЫ	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Мексика	55.486.400	66 516.354	64.465.347	81.076.899	90.810.855	91.437.944
Соединенные Штаты	66.801.500	55.361.573	53.052.441	56.240.048	66.163.338	64.221.655
Канада	31.524.700	13.330.357	13.543.198	18.626 439	18.601.744	20.243.846
Перу	9.617.100	9.196.282	9.853.910	13 169.765	18.654.362	18.800.000
Австралия	16.081.900	1.710.854	4.908.680	11.108.734	13.291 210	10.422.000
Боливия и Чили	3.932.600	4.828.086	5.000.000	8.082.700	8.550.317	9.000.000
Индия	125.200	2.906.397	3.587.587	4.244.304	4 863.066	5.800.000
Германия (включ. Верхн. Силезию)	6.182.400	3.305.020	3.387.420	3.615.525	3.667.447	—
Япония	4.700.400	4.889.540	4.185.504	3.886.301	3.554.750	3.534.943
Испания и Португалия	4.237.200	2.956.546	2.679.349	2.778.210	2 842.060	—
Нидерландская Индия	460.000	1.027.956	1.021.994	1.109.657	1.408.973	1.500.000
Южно-Африканский Союз	952.900	892.593	830.329	1.115.676	1.373.930	1.399.526
Чехо-Словакия	—	680.069	703.056	875.187	900.200	—
Новая Зеландия	—	454.000	454.000	376.000	514.655	578.090
Италия	423.900	297.452	219.392	215.405	306.582	—
Норвегия	300.600	323.172	202.115	205.760	297.934	—
Франция	1.005.300	321.500	392.873	347.220	213.025	—
СССР	—	50.000	40.000	150.000	192.900	—
Родезия	121.500	164.865	161.383	179.399	161.492	166.675
Алжир	—	150.000	—	—	—	—
Китай	—	50.000	40.000	100.000	100.000	100.000
Эквадор	—	35.000	75.000	75.000	75.000	75.000
Румыния	—	—	94.450	62.821	64 300	—
Корея	15.000	1 200	2.958	10.835	39.281	40.000
Великобритания	128.000	76.344	12.229	29.885	34.625	33.700
Аргентина	35.300	30.000	25.000	25.000	30.000	30.000
Бразилия	28.400	30.000	33.000	25.700	26.613	30.000
Сербия	28.800	15.000	15.946	26,813	24.526	—
Швеция	33.300	22.569	13.342	9.645	15.046	—
Австрия	2.104.100	13.985	15.000	8.583	14.178	—
Конго бельгийск.	1.500	10.674	5.819	6.559	8.745	9.000
Турция	1.509.100	100.000	100.000	8.073	8.037	—
Колумбия	587.700	480.000	500.000	3.150	3.150	3.000

Источник: Zeitschrift für Geopolitik, 1925, Heft 9.

Таблица № 7

Мировая продукция серебра по частям света

(в унциях по 31,1)

ГОДЫ / СТРАНЫ	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Европа	16.757.100	8.382.592	8.070.072	8.517.214	8.780.896	10.000.000
Северная Америка . . .	153.812.600	135.208.284	131.060.986	155.943.386	175.575.937	175.903.445
Центральная Америка .	2.135.000	2.700.000	2.000.000	2.500.000	3.000.000	3.500.000
Южная Америка	14.274.800	14.611.368	15.500.610	21.398.185	27.354.642	27.952.000
Азия	5.358.400	8.900.272	8.868.005	9.374.987	9.989.507	10.999.943
Африка	1.075.900	1.233.248	1.010.893	1.314.996	1.545.167	1.580.301
Австралия и Океания . .	17.057.500	2.164.854	5.362.680	11.484.734	13.805.805	11.000.000
Мировая продукция . .	210.472.000	173.200.618	171.873.246	210.533.502	240.052.014	240.935.689
„ в килогр. . .	6.546 000	5.386.539	5.345.257	6.547.591	7.465.617	7.493.099

Источник: Zeitschrift für Geopolitik, 1925, Heft 9.

Отдел III. ТОВАРООБМЕН

Движение индексов оптовых цен в золотом исчислении по 16 странам

ДАТА	Соединен. Штаты	Англия	Франция	Бельгия	Италия	Голландия	Швейцария	Испания	Швеция	Норвегия	Дания	Германия	Австрия	Чехо-Словакия	Польша	СССР
1913 г.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1921 „ ср. месячн.	144,5	152	132	—	131,5	125,5	171	—	—	—	—	91,0	—	—	—	—
максимум	155	169	135	—	137	161	185	—	—	—	—	94,3	—	—	—	—
минимум	140	143	129	—	127	142	158	—	—	—	—	87,7	—	—	—	—
1922 „ мес. средняя	149	144	138	145	138	154	166	—	—	—	—	82,0	—	149	80,3	125
максимум	156	147	150	153	151	159	174	—	—	—	—	93	—	169	88	207
минимум	138	141	125	134	129	146	160	—	—	—	—	67	—	128	74	80
1923 „ мес. средняя	154	149	134	136,5	137	148	169	—	—	—	—	95,1	—	144	97	119
максимум	159	154	164	163	151	161	179	—	—	—	—	139,1	—	151	101	148
минимум	151	145	123	123	126	139	162	—	—	—	—	65,0	—	138	89	74
1924 „ мес. средняя	150	151	133	137	132	148	164,8	125,5	160	140	142,0	122,5	137	145	110	169
максимум	157	163	143	155	143	162	171	132	168	156	154	131	145	151	118	171
минимум	145	144	119	121	126	141	159	118	155	130	130	115	128	140	101	152
1924 „ январь	151	145	119	124	129	144	165	118	159	131	134	117	131	143	111	152
февраль	152	148	119	121	129	148	162	119	159	130	134	116	133	145	112	170
март	150	146	141	139	128	144	164	119	159	135	140	121	133	145	111	171
апрель	148	147	151	155	133	143	165	130	158	137	142	124	136	146	109	181
май	147	146	125	131	132	143	163	128	158	136	138	123	136	147	104	171
июнь	145	144	128	134	127	141	159	125	156	133	130	116	128	142	101	170
июль	147	147	126	135	126	142	161	126	155	136	140	115	134	140	102	173
август	150	154	134	142	131	147	165	126	158	141	140	120	141	144	109	176
сентябрь	149	153	133	138	132	152	166	126	161	142	152	127	136	144	112	167
октябрь	152	157	135	138	136	156	167	129	165	147	148	131	141	146	116	164
ноябрь	153	160	139	143	139	159	170	128	167	152	152	129	145	148	117	166
декабрь	157	163	143	146	143	162	171	132	168	156	154	131	145	151	118	171
1925 „ январь	160	168	144	150	142	161	171	140	170	159	156	138	148	152	120	178,0
февраль	161	166	138	143	141	159	170	141	170	160	152	137	148	150	121	183,3
март	161	163	140	145	139	154	166	142	169	159	151	134	144	148	122	194,5
апрель	155	161	139	141	140	150	163	141	164	161	150	131	140	147	119	196,6
май	155	159	135	137	139	151	162	144	162	163	151	132	139	145	118	191,4
июнь	157	158	130	131	136	153	162	—	161	164	156	—	143	147	—	188,0

[1] Вычислено по данным 4-х месяцев (март, июнь, сентябрь, декабрь). [2] По данным 5-ти месяцев (август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь). [3] По данным 7-ми первых месяцев.

Источник: Wirtschaft und Statistik 1923-1925 гг.

Таблица № 9

Мировое движение индексов оптовых цен по 27 странам

ДАТЫ	1. Соед. Штаты		2. Англия		3. Франция	4. Бельгия	5. Италия	6. Голландия
	Индекс Bradstreet'a [1]	Индекс Bureau of. Lab. Statist[2]	Индекс Economist'a	Индекс Board of Trade [3]	Индекс Statistique générale	Индекс Min. de l'Ind. et de la Prev. publ. [4]	Индекс проф. Bacchi	Индекс Bureau central de St. [5]
	1	2	3	4	5	6	7	8
Основание=100	1913	1913	1913	1913	1913	Апр. 1914	1913	1913
Месячная средняя 1919 г.	204	206	235	—	356	—	364	304
Максимум „	—	—	274	—	—	—	457	—
Минимум „	—	—	230	—	—	—	338	—
Месячная средняя 1920 г.	197	226	283	307	509	—	631	292
Максимум „	227	—	310	—	—	—	670	296
Минимум „	137	—	220	—	—	—	602	233
Месячная средняя 1921 г.	122	147	181	197	345	366	577	182
Максимум „	134	170	209	246	407	374	642	213
Минимум „	115	140	162	168	325	347	509	165
Месячная средняя 1922 г.	134	149	160	159	327	367	562	160
Максимум „	150	156	133	164	362	408	601	165
Минимум „	124	138	156	154	306	344	523	152
Месячная средняя 1923 г.	145	154	162	159	419	497	575	151
Максимум „	151	159	170	163	459	545	588	157
Минимум „	139	150	155	154	387	434	563	142
Январь 1924 г.	143	151	173	165	495	580	571	156
Февраль „	140	152	173	167	544	642	573	158
Март „	137	150	172	165	499	625	579	155
Апрель „	136	148	172	165	450	555	579	154
Май „	134	147	168	164	459	557	571	153
Июнь „	133	145	168	163	465	565	566	151
Июль „	137	147	173	163	481	566	567	151
Август „	139	150	172	165	477	547	572	151
Сентябрь „	141	149	176	167	486	550	580	158
Октябрь „	145	152	180	170	497	555	602	161
Ноябрь „	147	153	179	170	504	569	621	161
Декабрь „	151	157	180	170	508	566	640	160
Январь 1925 г.	151	162	177	171	515	559	657	160
Февраль „	150	163	177	169	516	551	660	158
Март „	149	161	174	166	514	546	659	158
Апрель „	145	156	169	162	513	538	658	158
Май „	148	155	166	159	521	537	660	158
Июнь „	150	157	161	158	543	552	683	158
Июль „	155	160	165	157	558	559	707	158
Август „	153	160	165	157	559	567	731	158
Сентябрь „	154	160	160	—	556	—	721	—

ДАТЫ	7. Швейцария	8. Испания	9. Швеция	10. Норвегия	11. Дания	12. Германия	13. Австрия	14. Венгрия	15. Чехо-Словакия	16. Польша
	Индекс Neue Zürisches Zeitung [1]	Индекс Direct General de Estadistica	Индекс Commerc-Collegium [2]	Индекс „Economisk Revue“ [2]	Индекс Finans tidende [1]	Индекс Statistisch Reichsamt [2, 5]	Индекс Statistische Nachrichten [6]	Индекс Office central de Statistique [5]	Официальный индекс [1]	Индекс Office central de Statistique [2, 5]
	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Основание=100	VII-1914	1913	1913	31/XII-13 30/VI-14	VII-13 VI-14	1913	1 сем. 1914	1913	VII-1914	1-1914
Месячная средняя 1919 г.	—	204	—	322	294	97	—	—	—	—
Максимум „	—	—	—	—	—	134	—	—	—	—
Минимум „	—	—	—	—	—	72	—	—	—	—
Месячная средняя 1920 г.	—	221	359	382	382	106	—	—	—	—
Максимум „	—	—	—	425	—	148	—	—	—	—
Минимум „	—	—	—	333	—	71	—	—	—	—
Месячная средняя 1921 г.	190	190	218	298	250	83	—	—	—	—
Максимум „	230	219	272	344	341	95	—	—	—	—
Минимум „	176	183	188	269	186	54	—	—	—	—
Месячная средняя 1922 г.	168	176	173	233	179	82	—	—	1.334	—
Максимум „	175	180	181	260	182	93	—	—	—	—
Минимум „	162	172	163	220	176	67	—	—	—	—
Месячная средняя 1923 г.	180	172	163	232	201	95	1.789	—	997	—
Максимум „	183	176	168	244	210	139	—	—	—	—
Минимум „	173	170	160	220	181	65	—	—	—	—
Январь 1924 г.	183	178	161	250	223	117	1.875	—	1.029	—
Февраль „	180	180	162	262	227	116	1.916	—	1.036	—
Март „	181	180	162	266	228	121	1.912	—	1.022	110
Апрель „	180	184	161	267	225	124	1.946	125	1.015	109
Май „	178	179	160	263	219	122	1.946	119	981	104
Июнь „	173	179	158	264	220	116	1.828	133	965	101
Июль „	171	182	157	271	233	115	1.913	145	986	102
Август „	170	182	160	274	231	120	2.014	145	982	109
Сентябрь „	169	184	163	275	234	127	1.937	142	999	112
Октябрь „	169	186	167	276	231	131	2.009	149	1.013	116
Ноябрь „	170	181	167	277	232	128	2.077	154	1.024	117
Декабрь „	171	198	168	278	234	131	2.075	160	1.045	118
Январь 1925 г.	171	191	169	279	234	138	2.118	159	1.048	119
Февраль „	170	192	169	281	230	137	2.108	152	1.034	121
Март „	166	193	168	276	220	134	2.055	145	1.020	122
Апрель „	162	190	163	267	216	131	2.006	144	1.006	119
Май „	162	191	162	260	216	132	1.985	141	998	118
Июнь „	161	187	161	258	206	134	2.036	141	1.009	119
Июль „	160	—	161	254	189	135	1.968	136	992	120
Август „	159	—	159	245	168	132	1.882	—	—	—
Сентябрь „	—	—	—	—	—	—	1.834	—	—	—

ДАТЫ	17. Финляндия — Central Bureau of Statist. (1)	18. Болгария — Director General of Statistics [2] (2)	19. Канада — Dominion Bureau of Statist. (3)	20. Перу — Direction General de Estadistica (4)	21. Австралия — Commonwealth Bureau of Census and Statistics (5)	22. Новая Зеландия — Census & Statistics office (6)	23. Япония — Bank of Japan [2] (7)	24. Китай — Офиц. индекс Шанхая [2] (8)	25. Британская Индия — Индекс Labour Office Bombay (9)	25. Южн. Африк. Союз — Office of Census and Statist. (10)	26. Египет — Département de Statistique (11)
Основание (=100)	1913	1913	1913	1913	1913	1913	1913	1913	VII-1914	1913	1-1913 VII-1914
Месячные средние 1919 г.	—	—	209	220	189	178	236	—	222	165	226
Максимум „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Минимум „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Месячная средняя 1920 г.	1.183	1.940	243	238	228	212	259	152	216	223	299
Максимум „	—	—	—	—	247	—	—	—	—	—	—
Минимум „	—	—	—	—	206	—	—	—	—	—	—
Месячная средняя 1921 г.	1.263	2.006	172	205	175	201	200	150	199	161	180
Максимум „	1.364	2.437	202	—	205	216	219	—	—	—	—
Минимум „	1.182	1·680	154	—	153	189	190	—	—	—	—
Месячная средняя 1922 г.	1.219	2.473	150	190	162	178	196	146	187	129	146
Максимум „	1.263	2.695	152	—	170	186	206	152	—	—	167
Минимум „	1.140	2.172	145	—	153	173	183	140	—	—	144
Месячная средняя 1923 г.	1.095	2.525	153	189	179	175	199	156	181	127	131
Максимум „	1.134	2.828	157	—	189	177	212	159	188	—	141
Минимум „	1.070	2.263	151	—	169	174	184	153	176	—	120
Январь 1924 г.	1.071	2.711	157	—	183	175	211	156	188	131	133
Февраль „	1.078	2.658	157	—	180	180	208	160	188	—	135
Март „	1 094	2.612	154	—	175	180	206	158	181	—	136
Апрель „	1.095	2.798	151	—	174	178	207	154	184	126	133
Май „	1.090	2.551	151	—	173	179	205	154	181	—	135
Июнь „	1.088	2.811	152	—	171	180	199	152	185	—	131
Июль „	1.085	2.737	154	192	170	180	195	152	184	125	132
Август „	1.111	2.853	157	193	169	181	200	149	184	—	143
Сентябрь „	1.117	2.848	154	190	170	181	206	149	181	—	147
Октябрь „	1.114	2.988	157	192	171	180	213	153	181	133	155
Ноябрь „	1.120	3.132	158	191	171	181	214	155	176	—	158
Декабрь „	1.139	3.181	161	185	173	181	213	157	176	—	156
Январь 1925 г.	1.140	2.275	165	199	171	178	213	160	173	130	157
Февраль „	1.137	3.309	165	194	170	175	210	159	173	—	161
Март „	1.131	—	162	206	168	176	204	160	171	—	155
Апрель „	1.133	—	156	206	166	175	201	—	165	—	154
Май „	1.122	—	159	200	167	174	199	—	164	—	151
Июнь „	1.129	—	159	200	170	—	—	—	160	—	150
Июль „	—	—	158	198	170	—	—	—	—	—	151
Август „	—	—	159	199	—	—	—	—	—	—	—
Сентябрь „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

[1] Индексы, опубликованные на начало месяца, перенесены к концу предыдущего месяца.
[2] Средние за месяц.
[3] Конец месяца.
[4] 2-ая половина месяца.
[5] В золоте.
[6] Середина месяца.
* В тысячах.

Источники:

1. Bulletin mensuel de l'Office permanent La Haye.
2. Monthly Labor Review. Washington.
3. Bulletin mensuel de statistique, Société des Nations. Genève.
4. Wirtschaft und Statistik 1925.

Отдел III.

Мировое движение индексов стоимости жизни

Таблица № 10

СТРАНЫ / СРОКИ	Соедин. Штаты	Англия	Франция	Бельгия	Италия	Голландия	Швейцария	Испания	Швеция	Норвегия	Дания	Германия	Австрия	Венгрия	Польша	Финляндия	Латвия	Чехо-Словакия
	Индекс Bureau of Labor Statistics	Индекс Ministry of Labor Gasette [a]	Официальный индекс города Парижа	Официальный индекс розн. цен (прост. ср.) 59 гор.	Официальный индекс города Милана	Индекс города Амстердама	Официальный для квалиф. рабоч.	Официальный индекс города Мадрида	Официальный индекс для 40 городов	Официальный индекс для 30 городов.	Офиц. индекс для 100 гор.	Офиц. индекс для 72 городов (в золоте)	Офиц. индекс г. Вены (инд. паритетной комиссии)	Индекс Евг. Дальноки Ковача	Официальный индекс города Варшавы	Официальный индекс 21 города	Официальный индекс города Риги (в зол.)	Официальный индекс розн. цен
Основание=100	1913 г.	Июль 1914 г.	1 половина 1914 г.	Апрель 1914 г.	1 половина 1914 г.	1911—1913 г.	1914 г.	1914 г.[r]	Июль 1914 года	Июль 1914 года	Июль 1914 года	1913—1914=100	Июль 1914 г.=1	1913—1914 г.	Январь 1914 г. [s]	1 половина 1914 г.	1914 г.	1914 г.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1919 г.																		
Сред. месячн. .	183,7 [1]	216	238 [4]	—	280 [5]	194	—	—	261	279	214	—	—	2.435 [7]	—	—	—	—
Максимум . .	—	225	—	—	—	205	—	—	267	301	—	—	—	—	—	—	—	—
Минимум . . .	—	205	—	—	—	184	—	—	257	258	—	—	—	—	—	—	—	—
1920 г.																		
Сред. месячн. .	205,4 [1]	250	342	455	442	221	—	190	269	311	256	77	—	4.696 [7]	—	—	—	—
Максимум . .	—	276	370	477	534	223	—	—	281	335	—	116	—	—	—	—	—	—
Минимум . . .	—	230	295	396	374	214	—	—	259	288	—	36	—	—	—	—	—	—
1921 г.																		
Сред. месячн. .	183,1 [2]	223	309	399	541	202	—	190	241	298	238	63	—	3.761	286	1.171	—	1.423
Максимум . . .	—	251	338	450	578	210	—	198	271	335	—	79	—	—	487	1.279	—	1.628
Минимум . . .	—	192	295	379	494	190	—	181	216	275	—	28	—	—	141	1.085	—	1 303
1922 г.																		
Сред. месячн. .	168,7	182	296	374	501	182	—	181	195	253	203	42	4.615	15.679	955	1.139	—	1.289
Максимум . .	174,3	188	302	387	523	193	—	190	216	275	—	55	11.306	—	2.310	1.176	—	1.475
Минимум . . .	166,3	178	289	365	488	175	—	177	183	238	—	26	669	—	469	1.107	—	962
1923 г.																		
Сред. месячн. .	170,7	174	334	428	494	174	163	177	177	235	204	59	10.727	221.068	165.179	1.147	89	918
Максимум . .	169,5	177	345	470	505	178	168	182	183	238	—	126	11.513	502.292	1.196.566	1.193	103	941
Минимум . . .	173,2	169	324	383	462	172	157	170	174	230	—	26	9.454	29.248	3.527	1.096	77	892
1924 г.																		
Сред. месячн. .	171,2	175	369	500,7	527	177	168	184	174	249	215	114	12.627	1.441.248	134,0 [9]	1.170	108	914
Январь	—	179	—	480	510	—	169	178	—	—	209	110	11.740	597.420	120,5	1.155	103	917
Февраль . . .	—	178	365	495	517	—	168	190	—	—	—	104	11.940	1.008 182	127,4	1·143	104	917
Март	170,4	173	—	510	521	179	168	180	173	244	—	107	11.996	1,332.613	126,3	1.141	105	908
Апрель	—	171	—	498	522	—	166	195	—	—	—	112	11.973	1·339.457	126,5	1.121	106	907
Май	—	169	366	485	518	—	166	180	—	—	—	115	12.209	1.527.072	125,6	1.121	106	916
Июнь	169,1	170	—	492	518	173	168	186	171	245	—	112	12.442	1.595.350	123,7	1.147	108	923
Июль	—	171	—	493	512	—	169	182	—	—	214	116	12.391	1 635.590	127,2	1.154	108	909
Август	—	172	367	498	512	—	166	180	—	—	—	114	13.142	1.627.300	134,7	1.198	108	897
Сентябрь . . .	170,6	176	—	503	516	176	166	189	174	258	—	116	13.162	1.635.784	141,1	1.199	108	908
Октябрь . . .	—	180	—	513	546	—	169	185	—	—	—	122	13.307	1.639.420	150,0	1.219	111	916
Ноябрь	—	181	377	520	563	—	170	175	—	—	—	123	13.574	1.680.960	151,6	1.222	114	922
Декабрь . . .	172,5	180	—	521	573	181	170	190	178	266	—	123	13.650	1.675.830	153,1	1.217	112	928
1925 г.																		
Январь	—	179	—	521	580	—	170	188	—	—	221	124	13.762	1.669.100	150,0	1.199	108	931
Февраль . . .	—	179	386	517	592	—	170	190	—	—	—	125 [8]	13.895	1.658.600	150,8	1.191	108	929
Март	—	175	—	511	602	179	168	—	177	271	—	126	13.660	1.622.700	151,3	1.210	112	923
Апрель	—	173	—	506	600	—	167	—	—	—	—	127	13.432	1.610.050	149,3	1.201	108	—
Май	—	172	390	502	591	—	169	—	—	—	—	126	—	1.681.060	147,2	1.176	112	—
Июнь	173,5	173	—	505	596	179	169	—	176	259	—	128	—	1.664.400	148,4	1.191	111	—
Июль	—	173	—	509	598	—	167	—	—	—	219	134	—	—	151,6	1.218	114	—
Август	—	174	401	517	610	—	167	—	—	—	—	—	—	—	151,4	1.266	109	—
Сентябрь . . .	—	176	—	525	—	—	—	—	175	248	—	—	—	—	—	—	—	—
Октябрь . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение таблицы № 10

СТРАНЫ / СРОКИ	Болгария	Греция	Канада	Австралия	Южно-Африк. Союз	Египет	Брит. Индия	СССР	Примечания
	Официальный индекс для 12 городов	Официальный индекс г. Афин	Официальный индекс 60 городов	Официальный индекс 30 городов	Официальный индекс 9 городов	Официальный индекс г. Каира	Официальный индекс г. Бомбея	Официальный индекс Госплана	
Основание = 100	1914 г.	Июль 1914 г.	1913 г.	1914 г.	1914 г.	Янв. 1913, июль 1914 г.	Июль 1614 г.	1913 г.	
	19	20	21	22	23	24	25	26	
1919 г.									
Сред. месячн.	1.234	—	155 [5]	133	145	201	175	—	
Максимум . .	—	—	—	—	—	—	—	—	
Минимум . .	—	—	—	—	—	—	—	—	
1920 г.									
Сред. месячн.	1.858	—	190 [5]	158	179	237	189	—	
Максимум . .	—	—	—	—	—	—	—	—	
Минимум . .	—	—	—	—	—	—	—	—	
1921 г.									
Сред. месячн.	1.910	—	155 [5]	150	162	189	173	—	
Максимум . .	—	—	—	—	—	—	185	—	
Минимум . .	—	—	—	—	—	—	160	—	
1922 г.									
Сред. месячн.	2.643	—	147 [5]	141	135	167	164	—	
Максимум . .	—	—	—	—	—	—	173	—	
Минимум . .	—	—	—	—	—	—	160	—	
1923 г.									
Сред. месячн.	2.464	1.207	149	151	131	162	154	149	
Максимум . .	—	1.348	151	—	—	170	156	—	
Минимум . .	—	1.032	145	—	—	158	151	—	
1924 г.									
Сред. месячн.	2.812	1.331	146	—	133	161	156	201	
Январь . . .	—	1.325	149	—	133	159	158	199	
Февраль . . .	—	1.314	148	—	134	158	156	206	
Март	—	1.359	145	150	134	156	153	208	
Апрель . . .	2.479 [10]	1.343	143	—	134	157	150	212	
Май	2.447	1.285	143	—	134	157	150	202	
Июнь . . .	2.639	1.228	143	149	133	157	153	207	
Июль	2.565	1.278	145	—	132	158	156	214	
Август . . .	2.644	1.271	146	—	132	164	160	202	
Сентябрь . .	2.697	1.332	146	148	132	163	160	192	
Октябрь . . .	2.785	1.369	147	—	133	168	160	195	
Ноябрь . . .	2.945	1.429	147	—	134	170	161	198	
Декабрь . . .	3.010	1.437	149	—	133	167	160	198	
1925 г.									
Январь . . .	3.083	1.417	149	—	133	165	157	199	
Февраль . . .	3.186	1.420	150	—	133	171	157	204	
Март	3.127	1.449	147	—	133	166	159	214	
Апрель . . .	3.074	1.419	146	—	134	164	158	219	
Май	3.027	1.408	146	—	134	162	156	214	
Июнь	3.171	1.448	146	—	134	161	154	211	
Июль	—	1.472	146	—	133	163	157	194	
Август . . .	—	1.484	149	—	—	—	152	187	
Сентябрь . .	—	1.503	—	—	—	—	151	192	
Октябрь . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	

[1] Средняя за три даты.
[2] Средняя за четыре месяца.
[3] Индекс, публикуемый на 1-е число каждого месяца, нами отнесен к предыдущему месяцу.
[4] 1-й квартал.
[5] За июль.
[6] С февр. 1925 г. исчислен более полный индекс (см. примечан. № 19 к сводной таблице стр. 372).
[7] За декабрь.
[8] 1921, 1922 и 1923 г. по основанию январь 1914=1
[9] В злотах.
[10] Месячные без одежды.

Источники: Bulletin Mensuel de l'Office permanent, Institut International de Statistique, La Haye; Revue International du Travail, Genève; Bulletin Mensuel de Statistique, Société des Nations, Genève; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1924/25; The Ministry of Labor Gazette и друг.

Отдел III

Таблица № 11

Индексы оптовых цен Federal Reserve Board U. S. A. по 5-ти странам

(исчислено по единообразному методу)

ДАТЫ	В бумажной валюте					Переведен. в золото по курсу дол.				
	С. Штаты	Англия	Франция	Канада	Япония	С. Штаты	Англия	Франция	Канада	Япония
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Месячные средние										
1919 г.	211	241	—	207	235	211	219	—	198	241
1920 г.	239	310	512	250	240	239	233	187	223	242
1921 г.	149	198	344	167	181	149	156	138	150	175
1922 г.	158	165	319	149	182	158	150	136	147	175
1923 г.	165	170	394	150	188	165	159	124	147	183
1924 г.	159	176	446	147	200	159	160	121	145	166
1924 г.										
Январь	163	178	445	146	205	163	156	108	142	185
Февраль	163	180	469	148	200	163	160	107	144	182
Март	160	180	483	147	200	160	158	117	143	172
Апрель	158	181	428	143	201	158	162	137	140	165
Май	156	177	428	143	200	156	158	128	141	161
Июнь	154	174	442	145	189	154	155	120	142	156
Июль	156	174	440	147	191	156	156	117	146	158
Август	158	173	442	149	196	158	160	125	149	163
Сентябрь	156	172	436	146	198	156	158	120	145	161
Октябрь	159	175	442	148	206	159	161	120	148	161
Ноябрь	160	176	449	148	210	160	167	123	148	162
Декабрь	165	177	451	149	209	165	171	126	149	161
1925 г.										
Январь	168	178	456	156	208	168	175	127	156	160
Февраль	167	178	457	158	204	167	175	125	157	168
Март	168	175	463	153	197	168	171	124	153	162
Апрель	163	171	460	148	191	163	168	124	148	160
Май	162	166	467	149	189	162	166	125	149	159
Июнь	163	164	483	147	195	163	164	119	147	161
Июль	165	163	490	148	195	165	163	119	148	161
Август	164	161	491 [1]	150	197	164	161	119	150	162

[1] Предварительные данные.

Источник: Federal Reserve Bulletin, Washington.

Отдел IV. ТРАНСПОРТ

Таблица № 12

Индексы фрахтовых ставок в портах Англии и Соединенных Штатов в 1920-1925 гг.

ДАТЫ	Английские порты[1]							Порты С.-А. С. Ш.
	Европейские моря	Северная Америка	Южная Америка	Индия	Д. Восток и Тихий Океан	Австралия	В среднем	Средний индекс ставок чартера[2]
1913 г.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1920 г.								
Декабрь	244,39	245,09	197,86	241,59	244,27	271,47	240,79	272
1921 г.								
Декабрь	145,47	145,08	132,70	135,88	120,34	130,17	134,66	160
1922 г.								
Декабрь	124,59	119,51	104,72	115,35	115,93	124,59	117,39	114
1923 г.								
Декабрь	121,81	117,36	97,34	116,99	106,55	112,76	111,81	108
1924 г.								
Январь	118,78	121,58	104,02	117,49	118,80	122,51	117,11	
Февраль	125,52	129,33	117,82	121,63	121,12	127,38	123,78	111
Март	130,61	130,53	118,28	124,26	115,18	115,54	122,09	
Апрель	128,76	129,35	115,38	119,82	109,72	103,02	117,22	
Май	122,66	131,50	112,68	120,11	106,02	96,06	114,27	
Июнь	116,84	118,31	104,74	121,81	100,81	92,92	108,62	110
Июль	112,39	107,76	98,82	113,02	97,71	95,36	103,75	
Август	109,47	113,27	97,22	111,93	96,53	100,23	104,43	
Сентябрь	107,15	122,86	99,86	117,54	104,10	112,77	110,50	102
Октябрь	107,97	126,53	102,10	119,10	115,41	122,51	115,55	
Ноябрь	104,53	121,43	97,52	113,37	112,41	126,69	112,76	
Декабрь	106,73	114,23	96,82	112,67	110,15	125,99	111,21	102
1925 г.								
Январь	104,75	119,02	97,58	116,50	112,83	135,04	114,49	
Февраль	104,44	129,58	95,68	114,73	110,74	139,21	115,96	
Март	105,73	115,67	89,49	116,99	100,89	118,33	106,63	103
Апрель	103,77	117,95	89,66	109,09	97,63	108,59	104,24	
Май	99,85	110,40	89,95	102,01	89,59	98,84	98,23	
Июнь	99,29	92,65	87,74	99,28	85,56	87,71	91,74	95
Июль	107,24	99,00	91,93	99,87	80,44	91,88	94,90	
Август	97,45	100,33	89,80	105,60	84,46	98,84	95,87	
Сентябрь	93,81	103,68	88,42	106,67	86,75	109,98	98,19	

[1] Перечислено по данным „The Economist", London, 1925.

[2] Для 6-ти видов массовых грузов по 12-ти мировым океанским маршрутам,— данные U. S. Departament of Commerce—„Survey of Current Business", Washington, 1925.

Отдел V. ТРУД

Производительность труда в угольной промышленности по пяти странам за 1913—1922 гг.

Даты	Валовая продукция на одного рабочего в смену в метрических тоннах					В %/% к продукции Соедин. Штатов				
	Соедин. Штаты	Великобритан.	Пруссия[1]	Франция	Бельгия	Соедин. Штаты	Великобритан.	Пруссия	Франция	Бельгия
1913 г.	2,90	0,93	0,90	0,70	0,53	100	32,0	31,0	24,1	18,3
1914 г.	2,95	0,92	0,83	0,92	0,49	100	31,2	28,1	31,2	16,6
1915 г.	3,14	0,97	0,93	—	0,47	100	30,9	29,6	—	15,0
1916 г.	3,16	0,92	0,93	—	0,47	100	29,1	29,4	—	14,9
1917 г.	3,10	0,91	0,89	—	0,45	100	29,4	28,7	—	14,5
1918 г.	3,13	0,83	0,85	—	0,44	100	26,6	37,2	—	14,1
1919 г.	3,09	0,82	0,57	0,51	0,44	100	26,5	18,4	16,5	14,2
1920 г.	3,31	0,82	0,56	0,47	0,46	100	24,8	16,9	14,2	13,9
1921 г.	3,23	0,81	—	—	0,45	100	25,1	—	—	13,9
1922 г.	3,56	0,85	—	—	0,45	100	3,8	—	—	12,6

[1] Цифры для Пруссии не включают бурого угля.

Источник: Monthly Labor Review 1924 г. Washington.

Таблица № 14

Международное сравнение реальной заработной платы на 1 июля 1925 г.

(Крупнейшие города в °/°/₀ к Лондонской норме)

ГОРОДА	Индексы, вычисленные по норме пищевого потребления						Средн. международн. индекс (учитывая только прод. питан.	Средн. междунар. инд (с учет. прод питан. и кварт. платы)
	Бельгии и Франции	Центральн. Европе	Великобритании	Южной Европе	Скандинавск. странах	Заокеанск. странах		
Амстердам	84	86	78	83	88	84	84	84
Берлин	58	74	58	59	69	63	64	63
Брюссель	56	56	53	53	58	54	55	59
Копенгаген	84	105	87	87	108	94	94	97
Лиссабон	34	34	31	32	26	33	32	—
Лодзь	52	59	48	54	61	58	55	61
Лондон	100	100	100	100	100	100	100	100
Мадрид	56	59	47	53	54	52	54	—
Милан	45	49	43	47	49	46	47	50
Осло	75	82	75	77	91	80	80	82
Оттава	157	167	162	154	173	174	165	148
Филадельфия	177	172	182	178	195	192	183	183
Прага	47	51	46	47	51	48	48	52
Рим	45	46	43	47	46	46	46	49
Стокгольм	69	74	72	71	88	79	76	74
Сидней	138	135	146	142	130	146	140	140
Вена	37	48	40	39	48	44	43	47
Варшава	46	55	41	47	55	51	49	51
Таллин (Ревель)	33	41	34	34	40	38	37	38

Примечание. Данные относятся к тарифным ставкам недельной платы взрослого рабочего за 48 часовую неделю. Реальная плата исчислена по розничным ценам продуктов питания, взвешенным по стандартному бюджетному набору не только той страны, где находится данный город, но и всех других стран, города которых входят в таблицу, и наконец, по международному стандарту пищевого рабочего бюджета. Низкий уровень цифр для Лиссабона, Рима и Милана объясняется отчасти отличием состава их пищевого бюджета от обычного для большинства остальных стран: последний (положенный в основу для сравнения) не учитывает в достаточной мере размеров потребления растительных продуктов в этих странах.

Источник: „Revue Internationale du Travial". Octobre 1925. Genève

Отдел V *Таблица № 15*

Безработица в Англии в 1913—1925 гг.

(%% безработных среди членов тред-юнионов)

ДАТА	Угольная промышленность	Машино- и кораблестроение	Строительная промышленность	Деревообрабатыв. промышленность	Кожевенная	Обувная	Хлопчато бумажн.	Шерстяная	В среднем
1913 г.	0,4	3,2	3,9	2,5	5,0	—	1,7	3,4	2,1
1919 г.	0,1	3,5	1,6	1,8	1,5	0,6	3,8	2,1	2,4
1920 г.	0,1	3,2	4,6	1,1	4,2	2,7	2,1	3,1	2,5
1921 г.	10,9	21,7	4,6	8,4	12,4	7,5	8,7	10,4	14,7
1922 г.	10,8	28,7	6,9	8,8	6,9	4,6	6,4	1,8	15,5
1923 г.	2,8	22,5	6,5	5,4	9,0	5,3	8,6	2,5	11,7
1924 г.									
Январь	0,9	17,1	4,1	4,5	9,5	4,2	7,0	2,0	8,9
Февраль	0,7	16,6	4,1	4,1	9,0	4,2	6,8	1,3	8,6
Март	0,9	15,9	4,1	3,8	7,9	4,7	6,8	1,4	7,8
Апрель	0,9	15,6	3,6	3,2	7,7	5,3	6,0	1,0	7,5
Май	2,2	14,2	3,3	3,0	7,5	3,6	6,4	1,7	7,0
Июнь	2,2	14,2	3,1	3,1	6,9	3,1	6,6	3,0	7,2
Июль	4,9	12,9	—	4,0	7,2	3,3	6,5	3,6	7,4
Август	5,7	13,6	—	4,5	6,9	3,7	6,8	3,2	7,9
Сентябрь	11,3	13,8	—	4,8	7,3	4,0	6,4	2,7	8,6
Октябрь	11,3	14,4	—	4,5	7,0	3,8	6,2	3,2	8,7
Ноябрь	11,4	13,9	—	4,0	6,6	4,4	6,0	1,5	8,6
Декабрь	—	14,4	—	3,9	7,2	—	—	—	—
1925 г.									
Январь	13,7	13,7	—	3,5	7,9	4,9	4,6	2,5	9,0
Февраль	16,5	13,7	—	4,0	8,4	4,3	4,5	3,4	9,4
Март	14,7	13,7	—	3,6	8,8	3,6	4,7	4,5	9,0
Апрель	19,0	13,0	—	3,7	10,6	4,3	4,9	5,9	9,4
Май	21,9	13,7	—	3,6	11,5	4,2	5,2	6,3	10,1
Июнь	35,1	14,6	—	3,6	12,6	4,6	5,5	6,3	12,3
Июль	24,4	15,2	—	4,2	13,6	5,5	5,9	—	11,2
Август	26,2	15,1	—	4,8	13,4	5,5	5,7	6,3	11,4
Сентябрь	27,0	15,0	—	5,3	12,9	5,4	5,2	—	11,4
Октябрь	25,5	5,3	—	5,2	12,3	5,0	5,1	—	11,3

Источники: Enquête sur la production и Ministry of Labour Gazette.

Отдел VI ДЕНЕЖНЫЙ И КАПИТАЛЬНЫЙ РЫНОК

Таблица № 16

Эмиссия ценных бумаг в Соединенных Штатах [1]

Годы и месяцы	Акционерная		Прочая внутренняя [2]	Госуд. и муниципальная внешняя [3]	Итого	В том числе		Внешняя эмиссия в % % к общему итогу
	Внутрен.	Внешняя				Внутрен.	Внешняя	
	В тысячах долларов							
Месячные средние								
1919 г.	226.087	2.218	83.460	45.418	357.183	309.547	47.636	13,3
1920 г.	232.340	14.851	56.932	30.046	334.169	289.272	44.897	13,4
1921 г.	189.137	10.105	110.874	40.200	350.316	300.011	50.305	14,4
1922 г.	245.769	10.337	123.928	57.037	437.071	369.697	67.374	15,4
1923 г.	264.925	4.478	121.302	25.107	415.812	386.227	29.585	7,1
1924 г.	293.298	26.583	129.183	78.193	527.257	422.481	104.776	19,9
1924 г.								
Январь	298.699	6.000	163.274	74.856	542.829	461.973	80.856	14,5
Февраль	246.588	19.000	99.464	173.115	538.167	346.052	192.115	35,7
Март	264.433	1.680	102.531	681	369.325	366.964	2.361	0,6
Апрель	274.706	1.000	137.589	80.835	494.129	412.294	81.835	16,6
Май	495.803	150	123.145	12.350	631.448	618.948	12.500	2,0
Июнь	312.575	3.500	286.052	17.405	619.532	598.627	20.905	3,4
Июль	204.802	74.375	131.024	23.939	434.140	335.826	98.314	22,6
Август	249.849	38.000	109.220	58.065	455.134	359.069	96.065	21,1
Сентябрь	280.226	32.200	95.128	132.698	540.252	375.354	164.898	30.5
Октябрь	382.447	36.000	101.023	214.195	733.665	483.470	250.195	34,1
Ноябрь	232.493	10.875	78.241	105.610	427.219	310.734	116.485	27,3
Декабрь	304.174	68.996	91.898	92.100	557.168	396.072	161.096	28,9
1925 г.								
Январь	458.597	50.000	164.519	15.000	688.116	623.116	65.000	9,4
Февраль	422.353	81.200	87.772	73.308	664.633	510.125	154.508	23,2
Март	318.206	34.400	124.764	28.000	505.370	442.970	62.400	12,3
Апрель	445.705	36.870	106.263	18.290	607.128	551.968	55.160	9,1
Май	284.872	11.000	225.526	9.443	530.841	510.398	20.443	3,9
Июнь	355.469	23.800	142.293	152.320	673.882	497.762	176.120	26,1
Июль	379.809	43.250	150.606	144.500	718.165	530.415	187.750	26,1
Август	214.862	26.125	79.896	78.825	399.708	294.758	104.950	26,3
Сентябрь	—	—	—	—	—	—	—	—

[1] Включая конверсионные эмиссии.
[2] Муниципальные, военный и сельско-хозяйственные займы.
[3] Включая выпуски колониальных владений С. Штатов.

Источник: Commerciale and Financial Chronicle № 4.

Отдел VI

Таблица № 17

Эмиссия ценных бумаг в Англии

(В тыс. фунт. стерл.)

Д А Т Ы	Правительствен. и Муниципальн.	Торгово-промышленная	В С Е Г О.	В том числе			Всего внешней эмиссии	Доля колониальной эмиссии во внешней
				Внутрен.	Колониальн.	Иностран.		
1913 г.	85.281	162.956	248.236	50.709	99.569	97.958	197.527	50,4
1919 г.	845.349	183.468	1.028.817	977.250	26.469	26.098	51.567	49,4
1920 г.	183.626	297.624	481.250	413.565	43.543	24.142	67.685	65,3
1921 г.	300.137	92.663	392.800	279.831	91.803	21.166	112.969	81,3
1922 г.	459.428	125.723	585.151	438.575	79 158	67.418	146 576	54,0
1923 г.	183.170	103.107	286.277	156.449	80.675	49.153	129.828	62,1
1924 г.	130.395	112.133	242.528	107.118	63.963	71.447	135.410	47,2
1924 г.								
Январь	2.940	4.055	6.995	3.347	2.970	678	3.548	83,7
Февраль	24.613	8.574	33.189	6.437	4.717	22.035	26.752	17,6
Март	5.330	15.378	20.708	12.458	544	7.706	13.250	41,1
Апрель	4.480	2.112	6.592	4.755	1.807	30	1.837	98,4
Май	24.638	15.447	40.085	16.859	18.931	4.295	23.226	81,5
Июнь	6.333	12.816	19.149	13.135	3.105	2.909	6.014	51,6
Июль	7.848	15.997	23.758	13.564	1.137	8.954	10.191	12,1
Август	—	2.156	2.156	784	22	1.350	1.372	16,0
Сентябрь	1.326	3.768	5.094	2.430	1.121	1.543	2.664	42,1
Октябрь	26 295	8.677	34.972	8.350	14.923	11 699	26.622	56,1
Ноябрь	11.942	10.180	22.122	12.655	6 896	2.571	9.467	72,8
Декабрь	14.648	13.063	27.712	12.344	7.690	7.678	15.368	50,0
1925 г.								
Январь	35.207	13.985	49.192	45.525	1.645	2.022	3.667	44,9
Февраль	18.744	16 987	35.731	27.498	2.663	5.570	8.233	32,3
Март	4.862	18.516	23.378	16.892	5 116	1.370	6.486	78,9
Апрель	13.797	7.469	21.266	17.876	1.795	1.595	3.390	52,9
Май	35.898	13.860	49.758	29.877	19.386	495	19.881	97,5
Июнь	885	27.012	27.897	25.768	1.846	283	2.129	86,7
Июль	8.497	10.079	18.576	7.357	10.474	745	11.219	93,4
Август	100	2.550	2.650	1.219	1.351	80	1.431	94,4
Сентябрь	31.760	1.904	33 664	32.904	327	433	760	43,0
Октябрь	7.926	18.436	26.362	16.720	3.450	6.192	9.642	—

Источник: Statist, 1925, London.

Отдел VII. ОБОБЩАЮЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Таблица № 18

Годовые показатели экономического развития Австрии после войны

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г. [1]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
I. Сельское хозяйство	А. Главные хлеба и технические культуры							
	1. Посевные площади (в тыс. гектаров)							
	а) Пшеница	198 [2]	150	150	153	186	192	195
	б) Рожь	419 [2]	290	289	307	337	373	375
	в) Ячмень	136 [2]	94	97	108	127	135	138
	г) Овес	344 [2]	245	254	269	285	324	309
	д) Сахарная свекла	16 [2]	5	7	8	11	13	19
	2. Сборы (в тыс. квинталов)							
	а) Пшеница	2.707 [2]	1.392	1.479	1.777	2.020	2.419	2.311
	б) Рожь	5.679 [2]	2.295	2.565	3.343	3.452	4.023	4.112
	в) Ячмень	945 [2]	832	947	1.114	749	910	1.369
	г) Овес	4.054 [2]	1.971	2.324	2.758	2.659	3.754	3.316
	д) Сахарная свекла	3.248 [2]	752	1.304	938	1.728	2.418	4.331
	Б. Численность скота (в тыс. голов)							
	а) Лошади	318 [3]	243	253	—	—	282	—
	б) Крупный рогатый скот	2.353 [3]	1.719	2.320	—	—	2.163	—
	в) Овцы	307 [3]	—	454	—	—	597	—
	г) Свиньи	1.930 [3]	1.107	1.326	—	—	1.473	—
II. Промышленность	А. Добывающая промышленность (в тыс. метр. тонн)							
	1. Добыча угля:							
	а) каменного угля	87,6	—	133,2	138,0	165,6	158,4	172,8
	б) бурого	2.460	—	2.412	2.484	3.108	2.664	2.772
	Б. Металлургическая промышленность (в тыс. метрич. тонн).							
	а) Продукция чугуна	607	62	100	224	323	344	267
	б) „ стали	—	—	198	294	580 [3a]	508 [3a]	398
III. Товарообмен	А. Движение цен							
	1. Индексы оптовых цен (средние за год)	100 [4]	—	—	—	802.350	1.788.317	1.954.050
	2. Индексы стоимости жизни [5]	100 [5]	2.500	5.100	9.970	263.700	1.090.300	1.239.100
	Б. Внешняя торговля (в милл. зол. крон).							
	а) Привоз	—	—	1.701,6	1.699,2	1.591,2	1.849,2	2.238,0
	б) Вывоз	—	—	932,4	904,8	1.046,4	1.030,8	1.226,4
IV. Денежное обращение	А. Денежное обращение (на конец года).							
	1. Общая сумма денег в обращении (в милл. бум. крон)	—	—	30.646	174,115	4.080.177	7.125.755	8.387.767
	2. Запас золота в Австр. Национ. Банке (в милл. зол. крон.)	—	—	0,053	0,081	0,046	6,5	7,7
	Г. Обороты расчетных палат (в милл. бум. крон)	745	—	—	—	369.591	1.202.405	1.617.643
	В. Индексы курса кроны на Нью-Йоркской Бирже в %% к паритету с долларом.							
	Паритет { 1 крона=20,26 центов / 1 долл.=4,935 крон }	100	—	2,3	0,8	0,049	0,0069	0,0069
V. Труд	А. Безработица.							
	1. Число застрахованных безработных (месячные средние)	—	—	32.287	11.285	46.917	110.379	95.305

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г. [1]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
	Б. Реальная заработная плата [9] (месячные средние).							
	1. Индексы реальной заработной платы квалифиц. рабочих . .	100 [10]	—	—	—	85,3 [11]	90,27	102,7
	2. Индексы реальной заработной платы неквалифиц. рабочих . .	100 [10]	—	—	—	107,5 [12]	117,96	128,4
	В. Трудовые конфликты (стачки и локауты).							
	1. Число конфликтов	167	151	335	460	420	320	380
	2. Число участников (в тыс.) . .	29	64	185	222	228	155	266
	3. Число потерянных человекодней (в тыс.)	—	221	1.020	1.903	1.835	1.614	2.250
VI. Денежный и капитальный рынок	А. Учетный процент.							
	Официальная учетная ставка Австрийского Национального Банка	5,95	5	5	5,92	7,67	9	11,6
	Б. Эмиссия ценных бумаг (в милл. бум. крон)	—	—	—	8.604	50.724	218.472	323.904
	В. Курс акций.							
	1. Общий индекс курсов акций (за исключением горнопромышленных)—месячные средние. Основание: 1-я полов. 1914=1 .	—	—	—	—	212	997	1.030
VIII. Народонаселение	А. Численность населения (к началу каждого года, в тыс.) . .	—	—	6.425	6.460	6.500	6.530	6.560
	Б. Движение населения.							
	1. Естественное движение [13]:							
	а) браки на 1.000 жителей . .	—	12,3	13,4	12,71	11,70	8,7	—
	б) рождаемость на 1.000 ж. . .	—	18,0	22,4	23,12	23,90	22,3	—
	в) смертность на 1.000 жит. . .	—	20,3	19,0	17,06	17,39	15,3	—
	г) превышение рождаемости + и смертности —	—	— 2,3	+ 3,4	+ 6,06	+ 6,51	+ 7,0	—
	2. Эмиграция	—	—	5.009	5.176	10.576	15.497	2.650

[1] В границах современной Австрийской республики без Бургенланда.
[2] 1909-1913 гг.—средняя за пятилетие.
[3] 1910 г.
[3a] Включая выплавку из лома.
[4] За январь—июнь 1914 г.=100.
[5] Июль каждого года.
[6] Январь 1914 г.=100.
[7] Декабрь.
[8] Июль 1914 г.=100.
[9] По 5-ти производствам в Вене: металлообрабатывающей, деревообделочной, химической и полиграфической промышленности.
[10] Декабрь 1914 г.=100.
[11] Средняя из 4-х месяцев. По 4-м производствам металлообрабатывающей, деревообделочной, строительной и полиграфической.
[12] Средняя из 4-х месяцев. По 3-м производствам: металлообрабатывающей, деревообделочной и строительной.
[13] Данные за 1920, 1922 и 1923 гг. включают Бургенланд; данные за 1919 и 1921 г.г. без Бургенланда.

Источники: Statistiches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1924/25.
Bulletin Mensuel de Statistique de la Société des Nations, Genève.
Annuaire Internationale de Statistique Agricole, Rome.
Bulletin de Statistique Agricole et Commerciale, Rome.
Statesman's Jear—Book.

Показатели экономического развития Польши после войны

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г.[1]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
I. Сельское хозяйство[2]	А. Главные хлеба и технические культуры							
	1. Посевные площади (в тысячах гектаров)							
	а) Пшеница	1.352,7[3]	430,4	724,6	846,8	1.041,6	1.017,4	1.072,9
	б) Рожь	5.087,2[3]	2.648,3	2.928,2	3.588,0	4.542,5	4.644,8	4.417,1
	в) Ячмень	1.265.4[3]	532,1	786,6	991,7	1.143,1	1.199,5	1.218,4
	г) Овес	2.749,0[3]	987,8	1.666,7	1.923,7	2.379,2	2.515,1	2.585,0
	д) Картофель	—	—	—	—	—	—	—
	е) Лен	80,4[3]	32,7	41,0	70,9	101,8	103,5	106.0
	ж) Сахарн. свекла	167,8[3]	65,9	70,9	79,6	109,3	136,2	163,4
	2. Сборы (в тысячах квинталов)							
	а) Пшеница	17.044,2[3]	4.287,6	6.189,1	10.181,2	11.533,4	13.535,7	8.844,5
	б) Рожь	57.485,1[3]	26.174,5	18.710,5	42.562,0	50.135,3	59.623,9	36.548,2
	в) Ячмень	15.185,4[3]	6.064,5	8.397,0	12.237,2	12.967,5	16.555,1	12.081,2
	г) Овес	28.314,4[3]	11.072,3	18.733,3	21.814,2	25.056,2	35.224,0	24.119,6
	д) Картофель	—	—	—	—	—	—	—
	е) Лен-семя	—	141,1	161,7	327,0	506,7	593,9	569,1
	„ -волокно	—	—	236,9	420,1	516,1	408,3	436,5
	ж) Сахарн. свекла	—	12.411,7	13.848,2	11.287,9	26.714,3	25.746,2	32.108,0
	Б. Численность скота							
	а) Лошади	3.495,7	—	—	3.262,6	—	—	—
	б) Крупн. рог. скот	8.663,7	—	—	7.967,1	—	—	—
	в) Овцы	4.472,6	—	—	2.192,1	—	—	—
	г) Свиньи	5.486,6	—	—	5.184,7	—	—	—
II. Промышленность	Продукция (в тыс. метрич. тонн)							
	а) Каменный уголь	40 697	25.161	31.049	29.818	34.795	36.098	31.723
	б) Чугун	1.032	336	432	444	480	516	336
	в) Сталь	1.608	648	888	840	996	1.128	660
	г) Нефть	1.114	835	765	705	713	737	771
III. Товарообмен	А. Движение цен Месячн. средн.							
	1. Инд. оптов. цен	100[4]	—	—	—	72,8	85,9	109,8
	2. „ стоимости жизни	100[5]	—	—	28.622	95.495	16.517,900	134,0[6]
	Б. Внешняя торговля							
	1. Количество в тыс. тонн:							
	а) Ввоз	—	—	3.528	4.848	4.128	3.192	2.412
	б) Вывоз	—	—	624	2.028	9.108	17.652	157.344
	2. Ценность в мил. злотых:							
	а) Ввоз	—	—	—	—	844,5	1.118,4	1.479,6
	б) Вывоз	—	—	—	—	653,9	1.197,7	1.263,7
	в) Торгов. баланс (% вывоза к ввозу)	—	—	—	—	77,4	107,1	85,4
IV. Денежное обращение и кредит	А. Денежное обращение							
	1. Общая сумма банкнот в обращении—к концу года (золотая ценность денежной массы в миллион. злотых по курсу доллара)	—	—	432	396	234	127	553
	2. Золотой запас Польской Судной Кассы (впоследствии Польского банка)—к концу года (в мил. золотых)	—	9	15	31	51	68	103
	Б. Курс польской валюты на Нью-Йоркской Бирже[7]							
	(Индексы в %% к паритету—месячн. сред.)	—	—	2,3	0,3	0,008	0,000579	99,9[8]
	В. Движение вкладов в сберегательных кассах							
	(Золотая ценность в мил. злотых по курсу доллара)	—	—	9,1	6,4	1,6	1,1	6,9
V. Труд	1. Число полных безработных в тысячах (средняя месячная)	—	—	—	107	124	80	127
	2. Реальная заработная плата Индексы (1914 г.=100)	—	—	—	103,46	93,58	83,22	—

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г. [1]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
VI. Денежный и капитальный рынок	1. Официальная ставка учетного процента (месячная средняя) .	—	—	6	6,33	7	16,98	11,41
	2. Эмиссия ценных бумаг (в мил. злотых по курсу доллара)—средние за год	—	—	51,1	49,5	2,6	1,4	3,0
VII. Народонаселение	А. Численность населения (В тысячах)—к концу года . . .	—	27.500	27.300	27.400	28.000	28.480	28.750
	Б. Движение населения							
	1. Естественное движение:							
	а) Браки на 1000 жит.	—	—	—	—	9,1	—	—
	б) Рождаемость на 1000 жит. .	—	—	—	—	34,3	—	—
	в) Смертность „ „ „ .	—	—	—	—	17,8	—	—
	г) Превышение рождаемости .	—	—	—	—	16,5	—	—
	Эмиграция (континентальная и заокеанская)	—	—	100.967	99.463	68.243	127.421	48.647

[1] Территория в современных границах (388.328 квадр. километров)

[2] Данные не вполне сравнимы между собой, вследствие территориальных изменений за рассматриваемый период.

[3] 1909—1913 гг.—средняя за пятилетие.

[4] В золотом исчислении. Основание—январь 1914 г.=100

[5] Январь 1914=100

[6] В золотом исчислении

[7] 1920—1923 гг.—польская марка; 1924 г.—злотый
Паритеты: 1 доллар=4.198 польских марок; 1 польская марка=23,82 цента; 1 доллар=5,1826 злотых; 1 злотый=19,30 цент.

[8] За 8 месяцев: май—декабрь.

Источники: Annuaire International de Statistique Agricole. Rome. 1922. 1923.
Bulletin de Statistique Agricole et Commerciale, Rome, 1922, 1923 et 1925;
Bulletin Statistique de la Société des Nations, Genève, 1925;
Revue Internationale du Travail, Genève, 1925.
Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, Berlin 1924/25.
Zeitschrift für Geopolitik, Berlin, 1925 № 10.

Замеченные опечатки

в статьях, напечатанных в № 10 „План. Хоз.“

Напечатано:	*Следует читать:*
На стр. 215—в 6-м тезисе статьи С. А. Фалькнера напечатано:	
„в) последовательная смена процессов восстановления и дальнейшего роста факторами деградации и деформации“.	„в) последовательная смена периодов подъема и упадка, вызываемая срывом процессов восстановления и дальнейшего роста факторов деградации и деформации“.
На стр. 216—стр. 1-я сверху напечатано:	
„сокращением“	скрещением
На стр. 165—стр. 4-я сверху:	
1,4 милд. квт. до 2,9 милд.	1,4 милл. квт. до 2,9 милл.
Стр. 165—стр. 1-я снизу:	
400 милд.	40,0 милд.
Стр. 166—1-я стр. сверху:	
16,5 милл. квч.	16,5 милд. квч.

Замеченные опечатки

В № 8 Бюллетеня Мирового Хозяйства

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
360	—	6 сверху	СССР [4,2]	СССР [4]
361	17	6 снизу	899	899,5
362	2	1 сверху	139 [13]	139 [19]
365	15	8 сверху	3,44	3,21
365	16	8 сверху	3,21	3,95
365	17	15 снизу	9.900	9.000
381	—	1 сверху	СССР [5]	СССР [3]
388	11	4 сверху	37,4	34,4
388	11	5 сверху	34,4	37,4
400	—	6 снизу	численность скота	численность скота [4]
401	6	5 снизу	40,01	41,01
400	—	1 сверху	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство [34]

Ленинградский Гублит № 5626. Тираж 7.100. Зак. № 135. Ответ. ред. Н. А. Ковалевский.

Военная Типография Гл. Упр. Р.-К. К. А. (Пл. Урицкого, 10).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВТОРГФЛОТА

I. МИРОВОЙ ТОРГОВЫЙ ФЛОТ И ФРАХТОВАЯ ПОЛИТИКА. Одной из предпосылок, определяющих степень культурности и материального благосостояния той или другой страны, служит обычно положение транспорта: плох транспорт—плохи культура и материальные рессурсы страны, и наоборот. И если СССР обеспечен наполовину железнодорожной сетью и ему предстоит, в связи с новым промышленным районированием, оживить железнодорожными линиями, ветками и подъездными путями еще огромные пространства полного бездорожья, особенно наших окраин с их примитивными первобытными способами передвижения, то в области товаро-пассажирского мореплавания, т.-е. в отношении пароходного строительства, задачи, стоящие перед Союзом, еще более значительны, ибо в этой части наше хозяйство находится на очень низкой ступени обеспеченности.

Чтобы совершать операции по внешнему и внутреннему импорту и экспорту, СССР принужден прибегать, за ветхостью и малочисленностью своего тоннажа, к фрахтованию иностранного тоннажа, по существу своему являющемуся ничем иным, как одним из видов нашего импорта, т. к. за услуги иностранного тоннажа мы расчитываемся как за любую другую импортную операцию. Фрахтование иностранного тоннажа является для нас тяжелой необходимостью до тех пор, пока СССР не будет обладать своим тоннажем в таком количестве, которое обеспечило бы предъявляемые к нему требования экспорта и импорта. Вся суть фрахтовой политики и заключается в данный момент в том, что иностранные арматоры пользуются слабостью нашего торгового флота для своих выгод и диктуют нам цены фрахта, на уровень которых Совторгфлот влиять не в состоянии, т. к. инициатива в этом деле не в его руках. Если от 92% до 98% нашего морского экспорта и импорта мы вынуждены совершать на иностранных судах, то отсюда становится понятным наше ничтожное влияние на условия фрахтового рынка.

Для того, чтобы получить полную картину современного „кабального" положения Совторгфлота в отношении фрахта, необходимо проследить и проанализировать данные послевоенной мировой конъюнктуры фрахтовых рынков и выявить те необычайно тяжелые условия, при которых приходится работать нашему слабому флоту.

Тоннаж мирового торгового флота со времени войны 1914 г. выражается в следующем количестве тонн. В 1914 г.—45.403,876 тонн, 1919 г.—47.897,407 тн., 1920 г.—53.904,688 тн, 1921 г.—58.846,325 тн, 1922 г.—61.342,952 тн., 1923 г. — 62.335,373 тн., 1924 г. — 61.514,140 тн.

Из этих цифр мы видим, что тоннаж против довоенного времени увеличился на 35%, при чем Америка увеличила свой флот в 6 раз, Япония, Франция и Италия свой флот удвоили. Германия после войны осталась без флота, в данное же время приближается к довоенной норме. И вот, перед могучим мировым торговым флотом стоит Совторгфлот со своими 137.000 тоннами, годными для плавания, выступает на мировом фрахтовом рынке и участвует в мировом товарообороте с тоннажем, упавшим по сравнению с довоенным на 70%.

Вызывался ли такой громадный рост мирового тоннажа требованиями экономической жизни и оборотами мирового товарообмена? Конечно, нет, т. к. последний упал благодаря экономическим потрясениям. Стимулом же роста флота, не вызываемого спросом товарооборота на него, является капиталистическая конкуренция, которая не могла не вызвать небывалой депрессии фрахтового рынка и мирового кризиса торгового мореходства, в результате чего мы имеем естественное падение морских фрахтов до пределов ниже себестоимости морских перевозок. Эта фрахтовая депрессия прежде всего отразилась на работе технически менее совершенного, конструктивно устаревшего флота. Неспособные выдерживать борьбу суда за эти годы либо выведены из строя, либо поставлены на прикол. К концу 1924 г. сломанного тоннажа числилось 1.174,000 тн., а судов, поставленных на прикол 20—25% общего мирового тоннажа.

II. СОСТОЯНИЕ И РАБОТА СОВТОРГФЛОТА. Прежде всего нужно обратить внимание на то, что почти все суда новой постройки с годными, мало изношенными механизмами были уведены в заграничные воды в период гражданской войны. Остался лишь флот устарелый, изношенный, малоэкономный в эксплоатации, в том числе до 84% старше 20 лет; кроме того, имеются „ветераны", работающие свыше 30 и даже 40 лет.

В довоенное время русский торговый флот состоял из 500 транспортных судов с валовой вместимостью в круглых цифрах в 600.000 рег. тонн брутто. В 1925 г. национализированный торговый флот СССР состоял из 113 транспортных судов в 175.400 рег. тонн брутто, годных же для заграничного плавания — 51 судно с грузоподъемностью в 137.000 тонн.

Таким образом, имеющийся в настоящее время тоннаж СССР составляет по числу судов 21%, а по тоннажу 25% довоенного. В 1913 г. на судах под русским флагом было перевезено 8.036.179 метр. тонн, а в 1924 году было перевезено указанным выше количеством судов различных грузов экспортных, импортных, междупортовых, заграничных, в большом и малом каботаже 1.239.301 метр. тонн, пассажиров перевезено 817.661 чел.

За 8 мес. янв.—авг. 1924 г. было перевезено 809.390 тонн раз. грузов и 525.380 пассажиров, в 1925 г. за это же время 872.201 тн. грузов и 655.233 пассажиров, т.-е. грузов более на 62.811 тонн, пассажиров на 129.853 чел.

Сопоставляя цифровые данные 1924 г., получим процентное отношение 1924 г. к 1913 г. по экспорту 22,2% и по импорту 9,4%, процент же участия нашего флота, т.-е. судов Совторгфлота без участия зафрахтованных иностранных, выразится:

по экспорту: в 1913 г.—8,3%, 1924 г.—7,8%,
по импорту: в 1913 г.—15,1%, 1924 г.—26,9%.

При таком состоянии количественном и качественном Совторгфлот работает при напряжении всех своих сил. Обращаясь к фрахтовой политике, мы должны указать, что к нему применяется система конкуренции фрахта и никаких льгот, кроме преимущественного права на перевозку грузов при условии разных фрахтов, не предоставляется.

Если иметь в виду, что фрахтовые ставки, несмотря на некоторое оживление на фрахтовом рынке, остаются без изменения, если на август и сентябрь были зафрахтованы суда из Черного моря на континент на базисе 11/0 и 11/6 шиллингов за тонну, т.-е. фрахты были явно убыточны даже для иностранных судов, с их превосходным техническим оборудованием, то нетрудно оценить, как эти фрахты должны отражаться на коммерческих выгодах Совторгфлота, вынужденного не только придерживаться конкурентных цен, но и стремиться к их снижению во избежание увеличения накладных расходов при осуществлении экспортной и импортной кампании СССР.

Изношенность и устарелость механизмов торговых судов Совторфлота, вызывающие перерасход топлива и смазочных материалов не менее, чем на 12%, и строгое проведение существующих в СССР Законов о Труде, еще ухудшают условия коммерческой работы Совторгфлота. Принимая во внимание эти условия, мы могли бы ожидать прогрессивного уеличения убыточности работы нашего флота и сокращения его участия в товарообороте. Но фактически этого не случилось: за время своей работы Совторгфлот развивает сферу своих операций, устанавливает новые линии и сообщения и не теряет своих завоеванных экспортных и импортных позиций, что служит превосходным доказательством, каким мощным орудием в общей экономике может быть Советский Торговый Флот, если он будет обновлен и доведен до необходимых размеров. Особенно важна будет его роль в тот период, когда существующая депрессия на мировом фрахтовом рынке сменится периодом укрепления и роста фрахтовых цен и когда иностранный капитал, в лице объединенных арматоров, пожелает использовать свое положение, чтобы, пользуясь благоприятной фрахтовой конъюнктурой, извлечь возможно больше выгод и, таким образом, возместить все убытки и потери, понесенные в депрессионном периоде.

III. СУДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА СТО И НЕОТЛОЖНЫЕ НУЖДЫ СОВТОРГФЛОТА. Объективная оценка вышеприведенных фактов, иллюстрирующих положение Совторгфлота на арене морской торговли, заставила Правительство СССР обратить серьезное внимание на означенное положение и на вытекающие из него тяжелые для государства последствия. Первым шагом Правительства по пути восстановления торгового флота СССР была программа морского торгового судостроения, утвержденная окончательно СТО в августе с. г.

На первый 1925/26 г. судостроительная программа намечает постройку 31 судна сверх находящихся в настоящее время в постройке на заводах Судотреста в Ленинграде четырех лесовозов, уже спущенных на воду и находящихся в стадии окончательной достройки, двух рефрижераторных товаро-пассажирских теплоходов и двух наливных теплоходов и на Николаевском заводе—одного наливного теплохода.

На постройку 31 судна предусмотрен отпуск в 20 миллионов рублей, считая в том числе 9.750 тысяч рублей на переходящие с 1924-1926 г. заказы. Кроме того, предусматривается постройка в этом году 4-х нефтеналивных судов заграницей за счет Нефтесиндиката и 4-х судов для Д. Востока также заграницей, с отпуском на тот-же год на постройку последних не менее 500 тыс. рублей.

По ориентировочной программе судостроенич, утвержденной СТО, намечается постройка в ближайшее трехлетие 99 судов, сверх уже строющихся. Ориентировочный план финансирования предусматривает отпуск средств на это трехлетие в размере 84.451.000 рублей, в том числе 9.750.000 р. на переходящие с 1924/25 г. заказы и, кроме того, заграничное судостроение на ориентировочную сумму в 41.120.000 рублей.

На ближайшее 5-ти-летие ориентировочная программа предусматривает постройку 207 судов (сверх находящихся в постройке в настоящее время) на общую сумму 291.500.000 р. с переходящими с 1924/25 г. заказами.

Остановимся теперь на основных этапах выполнения программы и сопутствующих этому выполнению обстоятельствах.

1. В настоящее время находятся в постройке:

4 лесовоза по 3.100 тонн, всего	12.400 тонн.
2 рефрижераторных товаро-пассажирских теплохода грузоп. по 2.600 т., всего .	5.200 „
ИТОГО	17.600 тонн.

Эти суда в лучшем случае будут готовы осенью 1926 года.

2. Убыль тоннажа уже к началу 1926 г. предвидится:

5 судов, уже разрешенных СТО к продаже грузоп.	12.000 тонн.
26 судов, выходящих из строя по ветхости, грузоп.	17.500 „
ИТОГО	29.500 тонн.

3. По новой программе (пятилетней) в 1925/26 г. предполагается закладка следующих типов судов, со сроком готовности в 1927 г., а вернее в 1928 году.

1. 3 рефрижераторных теплохода грузоп. по 2.600 тонн.	7.800 тонн.
2. 2 почтово-пассажирск. т/х для Крымск. Кавк. лин. по 1.000 тонн.	2.000 „
3. 2 тов. пасс. т/х для Крымск. Азовской линии по 500 тонн	1.000 „
4. 5 лесов. грузопод. по 3.100 тонн . . .	15.500 „
5. 4 рейд. шхуны т/х грузоп. по 1.000 т. .	4.000 „
6. 2 наливн. т/х для Черного и Азовск. морей по 2.000 тонн.	4.000 „
ИТОГО 18 судов .	34.000 тонн.

4. Таким образом, в лучшем случае, в 1926 году наш тоннаж пополнится на 17.600 тонн, что не компенсирует убыли в тоннаже (29.500 тонн). В 1927 году, несомненно, убыль будет продолжаться, ввиду ветхости судов, между тем как нового пополнения тоннажа можно, в лучшем случае, ожидать не ранее конца 1927 года, а вернее в 1928 году на 34.000 тонн.

5. Если учесть, что в 1928 году и в дальнейшие годы действующий тоннаж, благодаря своей дряхлости, ежегодно будет продолжать убывать, то пополнение Торгфлота новыми судами лишь удержит наш тоннаж на нынешнем уровне.

Одновременно с этим, экспорт и импорт растут, предъявляя все настойчивее свои требования к Совторгфлоту, которые за невозможностью удовлетворения своим тоннажем, он принужден передать заграничному тоннажу. И если мы ныне участвуем в экспортно-импортных перевозках в размере всего лишь 2%, то таковое же участие в ближайшие два года, при несомненном увеличении экспорта и несомненном уменьшении тоннажа, будет сведено, если не к нулю, то к размерам микроскопическим. Как отразится это на фрахтах—говорить не приходится.

Во избежание этой тяжелой перспективы придется прибегнуть к экстренному пополнению тоннажа предоставлением заказа на постройку судов заграничным верфям, на условиях долгосрочного, от пяти до десяти лет, кредита. Наша судостроительная программа не может удовлетворить требования экспорта и импорта лишь на 25%, поэтому заграничный заказ ни в коем случае не должен повлиять в сторону ее уменьшения. Выгоды для СССР заграничного заказа очевидны уже по тому одному, что 1) заграничный заказ даст необходимое количество судов в течение 9—10 месяцев со дня заказа, что очень важно, ввиду катастрофического положения с нашим действующим тоннажем и 2) стоимость судов, при наличии 10-летнего кредита, будет погашена в процессе работы этих судов.

Если мы желаем сохранить свои экспортные и импортные позиции, с таким трудом занятые Совторгфлотом на внешних морях, если думаем и впредь защищать принцип монополии внешней торговли, то необходимо думать не только о заграничной постройке, но и о немедленной покупке некоторого количества судов заграницей, т. к. в противном случае, несмотря на судостроительную программу, Совторгфлот попадет в ближайшее время под влияние иностранных арматоров, а это большой удар для монополии внешней торговли.

Современное состояние Совторгфлота и перспективы его деятельности в дальнейшем определяются в данное время тремя факторами: 1) судостроением на заводах СССР, начатом вполне успешно, но не могущем удовлетворить даже минимальные текущие потребности в тоннаже, 2) постройкой судов на заграничных верфях в количестве, необходимом для работы Совторгфлота в ближайшее время и для удовлетворения растущих экспорта и импорта и 3) покупкой судов заграницей для работы Совторгфлота в данное время, когда действующий тоннаж не в состоянии справиться с предъявляемыми ему требованиями экспорта и импорта, что влечет за собой угрозу иностранной кабалы в деле морского торгового транспорта. В зависимости от разрешения этих проблем находятся и перспективы Совторгфлота на будущее.

К. Славнин

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ТРУДОВЫЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

Государственные Трудовые Сберегательные Кассы рассчитаны на представление трудящимся места для выгодного и надежного места по хранению свободных денежных средств и сбережений.

Разветвленная сеть сберегательных касс проникает во все уголки Советского Союза и насчитывает (по сведениям на 1-ое ноября) 9.877 единиц, распределяющихся по типам и Союзным Республикам следующим образом:

НАЗВАНИЕ ТИПА	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	УзбССР	ТуркССР	Всего
1. Главных	1	1	1	1	1	1	6
2. Самостоятельных	10	4	—	3	—	—	17
3. Центр. при финорганах . .	503	47	10	44	16	7	627
4. „ „ фил. Госбанка .	290	71	10	11	10	3	395
5. „ „ элев. „	78	5	—	—	—	—	83
6. „ Правл. ж. д.	20	4	—	1	—	1	26
7. Город. отделений	43	6	—	—	1	—	50
8. Почтово-телеграфных . . .	4.798	1.003	238	208	34	20	6.301
9. Железнодорожных	179	228	2	1	—	2	412
10. Посреднических:							
При предпр. и учреж. . .	1.275	280	7	14	7	2	1.585
Волиспол. и сельсов. . . .	184	—	—	—	—	—	184
Передвижн. почтах	96	9	—	—	—	—	105
Ссыпн. пункт. Хлебопродукта и Госбанка . . .	74	—	—	—	—	—	74
Избах-читальн. и школах	12	—	—	—	—	—	12
	7.563	1.658	268	283	69	36	9.877

В 1924/25 г. оборот вкладов в сберкассах Союза достиг 272 милл. руб., а сумма остатка вкладов за этот же период времени увеличилась в три раза, т.-е. с 11 милл. руб. на 1/X-24 г. дошла до 33 милл. на 1/X-25 г.

Следует также отметить, что число счетов превышает 800.000, что говорит о растущей популяризации сбер. дела среди рабочих, крестьян и служащих, т.-е. основных кадров клиентов Гострудсберкасс.

Для удобства трудящихся, сберегательный аппарат производит, помимо основных вкладных операций, денежные переводы, аккредитивные и ссудные под облигации Госзаймов, причем производство всех операций обставлено максимальной простотой и удобством.

Ответственность правительства за целость и сохранность вкладов при полном соблюдении не только тайны вкладов, но и фамилии вкладчиков дополняют в общем основные льготы, предоставляемые Гострудсберкассами населению.

Важность развития сбер. дела и привлечение в русло Госкредита денежных средств, распыленных среди населения, особенно во время сжатой конъюнктуры, переживаемой нами из-за нехватки на деревенских рынках промышленных товаров, привлекли к Гострудсберкассам внимание советской общественности, что служит залогом успешного развития деятельности Гострудсберкасс в ближайшее время.

МОСКОВСКОЕ
ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ВЗАИМНОГО КРЕДИТА
МОСКВА, Ильинка, 3, помещ. 138—139.
Телефон 2-22-72.
Для телеграмм: МОСКВА—ВОСТОКОБАНК.
Все дозволенные уставом **банковские операции.**
Инкассо, аккредитивы, переводы **во все города.**
Прием товаров на комиссию и хранение.
Исполнение поручений **по покупке и продаже товаров.**
Собственные склады товаров в Москве и на Нижегородской Ярмарке.
Агентство на Нижегородской Ярмарке.
Председатель Правления *Нариман-Хан Меваян.*
Члены Правления: *Л. М. Шмерлинг, А. И. Катык, В. Г. Тамбовцев, А. Э. Эльнатанов.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФАБРИКА
МЕТРИЧЕСКИХ
ВЕСОВ и ГИРЬ
б. т/д „Арндт, Дмитриев, инж. Ершов"
(арендаторы К. Э. Арндт и В. И. Дмитриев).
ИЗГОТОВЛЯЕТ: ВЕСЫ, СТОЛ „Беранже", АПТЕКАРСКИЕ с рогов. чашк. и другие РАЗНОВЕСЫ ГРАММОВЫЕ.
КАЧЕСТВО И ЦЕНЫ ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.
ПРЕЙСКУРАНТЫ БЕСПЛАТНО.
МОСКВА, Б. Дорогомиловская, 28.
Телефон 2-44-38.

КРАМАТОРСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
Машиностроительный и Металлургический
ЗАВОДЫ.
ПРАВЛЕНИЕ: Краматорская, Донской губ.
КОНТОРЫ: Москва, Варварка, Ст. Варваринская гостиница, 7/14, комн. 5.
Харьков, пер. Мечникова, 3.

ЗАВОДЫ ВЫРАБАТЫВАЮТ:

Металлургический: ЧУГУН передельный и литейный всех сортов, специальные сорта гематита и фосфористого. ЖЕЛЕЗО: сортовое и фасонное, балки и швеллера, проволока черная катанная. БОЛВАНКИ мартеновской стали литые и отжатые.

Машиностроительный: ДЛЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ: полное оборудование доменных мартеновских и прокатных заводов, постройка всех типов тяжелых машин-орудий для металлургического производства, как-то: прокатные станы и подъемные сооружения. ДЛЯ РУДНИКОВ: полное оборудование шахт, как-то: постройка копров, зданий, эстакад, механическое оборудование шахт, включая шахтные подъемные машины с паровыми электрическими проводами до самых больших мощностей, металлические откатки, подъемные клети, направляющие шкивы, сортировки, мойки и т. п. ДЛЯ ПОРТОВЫХ И СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ВЕРФЕЙ: всевозможные краны. ВСЯКОГО РОДА МАШИНЫ: паровые всех систем, компрессора, краны мостовые, козловые, поворотные и эллинговые. Паровые, пневматические и фрикционные молота и т. п.

ЦЕНЫ ПО ЗАПРОСАМ.

АКЦИОНЕРНОЕ О-ВО

ТОРГОВЛИ ХЛЕБНЫМИ И ДР. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПРОДУКТАМИ

„ХЛЕБОПРОДУКТ“

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ—33.000.000 рублей.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Большая Дмитровка, 32.

О-во ведет операции по заготовке, переработке и продаже хлебных, а также прочих сельско-хозяйственных продуктов (сырьевых, скоропортящихся) на всей территории СССР и за границей.

О-во вступает в договорные отношения с трестами и государственными учреждениями, общественными и кооперативными организациями, а также с торгово-промышленными предприятиями на поставку необходимых им продуктов и переработку зерна на мельницах.

МОСКВОТОП

Никольская, д. № 8
Телефон — 11-93

Имеет полный ассортимент всех нужных для строительства лесных материалов:

1) Бревна
2) Пиломатериалы
3) Пиломатериалы специальных ассортиментов
4) Твердые породы для технических целей (дуб, бук, явор, ясень, клен, самшит и русский бакаут)

Продажа совершается как с Московских складов, так и с погрузкой со станции отправления непосредственно в адрес покупателя.

ВСНХ ГОСТРЕСТ РЕЗИН. ПРОМЫШЛ.

С. С. С. Р.
МОСКВА

B. C. H. X.—C. C. C. P.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРЕСТ РЕЗИНОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ „РЕЗИНОТРЕСТ“

Правление: **МОСКВА**, Маросейка, 12. Тел. **2-50-17.**

ГАЛОШИ
АВТОПОКРЫШКИ и КАМЕРЫ
Всевозможные технические изделия из мягкой и твердой резины

Собственные торговые филиалы во всех крупных городах С. С. С. Р.

Телеграфный адрес: „РЕЗИНОТРЕСТ“.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ТОРФЯНОЙ ТРЕСТ „ГОСТОРФ“.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Никольская, 10.

Тел.: 2-04-05, 2-08-19, 3-07-03, 5-38-15, 4-41-26.

ТРЕСТ ПРОИЗВОДИТ:

1) Добычу торфа и продажу его (машино-формовочным и гидравлическим способом).
2) Сдачу в аренду торфоразработок.
3) Первоначальное оборудование торфоболот для эксплоатации.
4) Инструктирование и надзор за проведением торфодобычи.
5) Устройство топок системы профессора Макарьева.
6) Анализы торфа и торфяной топки.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДМОСКОВНЫЙ КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ ТРЕСТ

„МОСКВУГОЛЬ“

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Верхние Торговые Ряды, пом. 252—258.
Телефоны: 5-60-37, 5-68-41, 1-62-67, 5-68-39.
Для телеграмм: Москва—**МОСКВУГОЛЬ.**
Тульская контора: г. Тула, ул. Володарского (б. Демидовская), дом № 41. Тел. 2-84.
Для телеграмм: Тула—Москвуголь.

ПОДМОСКОВНЫЙ КУРНОЙ УГОЛЬ и БОГХЕД собственных рудников, различных марок.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ собственной добычи и производства—камень известковый, бутовый; известь; глина огнеупорная; кирпичи огнеупорные и изделия из огнеупорной глины.

ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ „МОСКВУГЛЯ“ принимает на себя:

1) консультацию по вопросам экономического сжигания Подмосковного угля в топках котельных и домового отопления;
2) составление проектов и смет, а также руководство и надзор по установке специальных топок для подмосковного угля.

Все справки можно получить по письменному запросу и телефону.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 г.

НА ЖУРНАЛ

СОВЕТСКОЕ ПРИМОРЬЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК, ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИМОРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПЛАНОВОЙ КОМИССИЕЙ.

ЖУРНАЛ освещает вопросы краеведения, хозяйственного и советского строительства.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На год (с пересылк. и доставкой)	8 р. — к.
На 6 мес. „ „ „	4 „ 50 „
На 3 мес. „ „ „	2 „ 50 „
Цена отдельного номера . . .	1 „ — „
За границу: на год	12 „ — „
на 6 мес.	7 „ — „

Для просвещенцев и сельских работников, при подписке на 1 г. подписная плата **понижается до 6 р. в год.** Допускается для этой категории подписчиков **рассрочка платежа:** при подписке — 2 руб., в апреле—2 руб. и в августе 2—руб.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Владивосток, Ленинская, 47, здание Губисполкома; телеф. № 3. Прием подписки и объявлений производится в конт. редакц.—Ленинская, 47,

а также

во всех отделениях и во всех магазинах Акц. О-ва **„Книжное Дело“**, во всех почтово-телеграфных конторах Дальнего Востока, а в СССР—в отделениях конторы объявлений **„Двигатель“.**
В Москве, Мясницкая, 24, можно получать журнал в магазине **„Экономист“.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА УССР

Начат прием подписки на 1926 хоз. год.

на ежемесячный журнал

„Экономический Бюллетень“

Конъюнктурного Бюро Госплана УССР

В журнале будут помещаться статьи, посвященные общей динамике и конъюнктуре народного хозяйства Украины.

В частности будет освещаться в статьях и обзорах:

а) промышленность,
б) сельское хозяйство,
в) торговля (внутренняя, внешняя, цены, индексы),
г) труд,
д) финансы,
е) кредит и денежное обращение.

В журнале будут помещаться статьи по вопросам методологии изучения динамики народного хозяйства и таблицы основных показателей народного хозяйства.

Кроме того, будут даваться обзоры и статистические данные по конъюнктуре мирового рынка.

Каждый номер журнала будет снабжаться большим количеством графиков

Подписная плата на год 9 руб.
„ „ „ ½ г. 4 „ 90 коп.
Цена отдельного номера 75 копеек.

С подпиской просят обращаться в Центральное Украинское отделение Издательства Госплана СССР:
ХАРЬКОВ, Пушкинская ул., № 41, и все его Представительства.

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ОТВЕТСТВЕННОГО ТРУДА

(утвержден. на основ. декрета СНК от 25 ноября 1921 г. НАРКОМЮСТОМ 15 декабря 1921 г. во всероссийском масштабе.

Организованное из бывших биржевых артелей: фон-Мекковской, Перловской, Торгово-Промышленной, Соединенной, Объединенной, Московско-Нижегородской, Посольской, Ляминской, Теплорядской, Казанской, Мазуринской и др.

ПРАВЛЕНИЕ: г. Москва, Мясницкий пр., д. 4. Телеф.: 1-96-50 и 1-95-81.

Отделения Т-ва: Воронеж, Самара, Саратов, Харьков.

Уполномоченные:

Брянск, Вологда, Вятка, Грозный, Свердловск, Екатеринослав, Елец, Калуга, Кострома, Киев, Казань, Ленинград, Рязань, Тула, Тамбов, Ульяновск, Ярославль, Томск, Уфа, Омск и других городах.

Транспортный Отдел:

Москва, Ильинка, Теплые ряды, Новгородск. линия, пом. 62. Телеф. 5-98-71.

Текущие счета: в Правлении Госбанка № 6406, в Госбанке № 121, в Росс. Комм. Банке: № 520 и 226, в Всекобанке Мясницк. агент. № 345, в Моск. Уч. О-ве Вз. Кред. № 585, в Средне-Азиат. Ком. Банке № 88 и в Моск. Стр. Пром. О-ве Взаимн. Кред. № 1.

Т-во обслуживает до 500 государственных, кооперативных и коммунальных учреждений, в том числе 17 жел. дор. сети СССР и ряд крупнейших трестов. Численный состав Т-ва до 5000 членов—ответственных работников по кассовым, складским и товарным операциям и несению сторожевой охраны.
Т-во несет материальную ответственность по службе своих членов, которая обеспечивается 100 р. членскими взносами и 10 кратной ответственностью каждого члена против членского взноса.

Подписывайтесь на 1926 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Под редакцией: **Л. Б. Каменева, Г. М. Кржижановского И. Т. Смилги, С. Г. Струмилина, Н. А. Ковалевского и А. С. Мендельсона.**

Журнал ставит своей задачей в обстановке борьбы планового социалистического начала со стихией рынка твердой рукой проводить классовую пролетарскую линию, намечаемую руководящими органами партии, освещая вопросы экономики и экономической политики с точки зрения ленинизма.

Журнал предназначается не только для квалифицированных экономистов, но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях нашего хозяйственного фронта.

В журнале имеются следующие отделы:

1. **ЭКОНОМИКА и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.**—Руководящие статьи по основным вопросам экономической политики, теории и практики планового хозяйства, экономические исследования и проч.

2. **ЭКОНОМИКА и ТЕХНИКА.**—Энергетика. Наши реконструктивные достижения. Новейшие достижения техники как иностранной, так и союзной и проч.

3. **ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ.**—Статьи и обзоры по вопросам мировой экономики.

4. **ПО РАЙОНАМ.** Статьи по вопросам экономического развития районов. Районирование.

5. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.**—Систематические обзоры вновь выходящей экономической литературы.

6. **СТАТИСТИКА.**—Статистические исследования. Статистический бюллетень народного хозяйства СССР, под редакцией С. Г. Струмилина. Статистический бюллетень народного хозяйства, под редакцией С. А. Фалькнера.

Журнал выходит ежемесячно книгами в 25—30 печ. листов.

Подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ на 1926 г.:

На 12 мес. без переплета . . . **18** руб.
„ 6 „ „ „ . . . **10** „
Цена отдельного номера без переплета — **2** руб.
На 12 мес. в переплете . . . **22** руб.
„ 6 „ „ „ . . . **12** „
Цена отдельного номера в переплете — **2 р. 50 к.**

Для заграницы подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ и на приложения повышается на 50%.

В 1926 году
к журналу „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
будут даны следующие ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. **Народное Хозяйство СССР в 1924/25 г.,** под редакцией Г. М. Кржижановского, И. Т. Смилги, С. Г. Струмилина, В. Г. Громана и Н. А. Ковалевского. Цена 6 руб.

2. **Мировое Хозяйство в 1925 г.** Обзор под редакцией А. С. Мендельсона и С. А. Фалькнера. Том до 25 печатн. листов. Цена 4 руб.

3. **Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г.** Том в 25—30 печ. листов. Цена 5 р. 50 к.

4. Альбом: **Народное Хозяйство СССР в цифрах, диаграммах и картограммах,** под ред. В. Г. Громана, Н. А. Ковалевского и С. Г. Струмилина. Цена 10 руб.

5. Альбом: **Мировое Хозяйство в цифрах и диаграммах,** под ред. А. С. Мендельсона и С. А. Фалькнера. Цена 10 руб.

6. **Ежегодник Экономической Прессы СССР,** в 2-х томах, общим разм. 70 печ. листов, под ред. А. М. Михайлова и Я. Г. Раевского. Цена 8 руб.

7. **Библиотека по электрификации,** под общей редакцией Г. М. Кржижановского и А. А. Горева, общим размером 40 печатных листов. Цена 4 р. 50 к.

БИБЛИОТЕКА СОСТАВЛЕНА ИЗ СЛЕДУЮЩИХ КНИГ:

а) **И. Александров.**—Гидро-электрические станции.
б) **А. Горев.**—Силы природы и труд человека.
в) **А. С. Кукель.**—Электрификация деревни.
г) **М. Поливанов.**—Паровые электростанции.
д) **И. Сканави.**—Транспорт электрической энергии.
е) **И. Танер-Тенебаум.**—Рационализация электрической энергии.
ж) **А. Ферсман.**—Запасы и источники энергии.

8. **Экономическая карта СССР по районам Госплана.** Ц. 1 р. 50 к.

В розничной продаже цена перечисленных изданий на 40% выше.

Читатели, подписавшиеся на три приложения, получают экономическую карту СССР по районам Госплана бесплатно.

Читатели, подписавшиеся на „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ со всеми приложениями получают скидку в 10%.

Цена журнала „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

без переплета со всеми приложениями со скидкой 10% — **59** руб.
в переплете „ „ „ „ „ 10% — **63** „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в издательстве Госплана СССР: МОСКВА, Воздвиженка, 5. Тел. 2-30-85 до 89, доб. 63, а также во всех провинциальн. отделениях Издательства и у Уполномоч., снабжен специальн. удостоверениями.

За выполнение заказов на наши периодические издания, принятые агентами других издательств, а также посредническими конторами издательство ответственности не несет.

С 1-го ЯНВАРЯ

начинает выходить два раза в месяц

„Обзор союзной и иностранной экономической прессы"

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Дм. Бухарцева и А. М. Михайлова.

Обзор выходит вместо издаваемого раньше двухнедельника „Русской Экономической Прессы" и преследует те же цели.

В Обзор включаются обзоры всей нашей прессы как центральной, так и местной по важнейшим проблемам. Обзор иностранной прессы охватывает общие вопросы мирового хозяйства, хозяйства отдельных стран, а также и то, что пишут заграницей о нашем хозяйстве.

В Обзоре используются все центральные органы и местные, а также важнейшие европейские и американские газеты и журналы по указанным выше вопросам.

Каждый номер состоит из 6 печатных листов.

Годовая подписка—12 р. На полгода—7 р.

Цена отдельного номера 75 коп.